№ по инвентарю 9238
БИБЛІОТЕКА ПЕТРОВСКАГО УЧИЛИЩА
СПБ. Купеческаго Общества.
Отдѣлъ

Проверено

54
59

51ee

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10000824146

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

LUX LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK219.6
.D39
D4
t. 1

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10000824146

-3409-

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 2 1 1988			
JAN 1 9 1990			
OCT 0 7 1994			

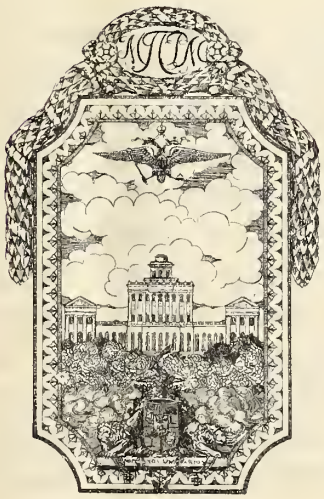
Form No. 513

DK219.6
.D39
D4
+.1
92
Д29
9238.

Баронъ А. И. Дельвигъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Moi vospominanija
35793



Детская Библиотека
им. 17 партсъезда
Куйбышевского района
Петрад. Фонтанка 62

ИЗДАНІЕ
Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго
МУЗЕЕВЪ.

Тип. Скоропечатня А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

19 мая 1886 года, сенаторъ, инженеръ-генералъ баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ на имя Василія Андреевича Дашкова, директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ:

«Милостивый Государь

«Василій Андреевичъ!

«Прилагая пять томовъ «Моихъ воспоминаній», имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство принять ихъ на храненіе въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ съ тѣмъ, чтобы они были вскрыты въ 1910 году. При семъ имѣю честь заявить, что исключительное право на печатаніе «Моихъ воспоминаній» я предоставляю этому Музею, равно какъ и всю могущую получиться выгоду отъ ихъ продажи, о чемъ значится въ моемъ нотаріальномъ духовномъ завѣщаніи, совершенномъ 5-го мая сего года у Петербургскаго нотаріуса Рёриха.

«Въ этомъ же завѣщаніи назначена мною выдача безвозвратно тысячи рублей для воспособленія Музею по печатанію означенныхъ воспоминаній.

«Прошу принять, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности.

«Баронъ *Андрей Дельвигъ*».

896988

Полученный пакетъ съ «Моими воспоминаніями» былъ переданъ въ Отдѣленіе рукописей, гдѣ и хранится подъ № 3018.

Въ январѣ 1887 года баронъ А. И. Дельвигъ скончался, и 24 февраля того же 1887 года духовное завѣщаніе его было утверждено С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ. 20 марта 1887 года Прокуроръ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда препроводилъ директору Музея выписку изъ утвержденнаго духовнаго завѣщанія, по которому Музею предоставлялись: 1) исключительное право на печатаніе составленныхъ барономъ Дельвигомъ «Моихъ воспоминаній», имѣющихъ храниться въ Музеѣ; 2) право на всю могущую получаться выгоду отъ ихъ продажи, и 3) одна тысяча рублей безвозвратно на воспособленіе Музею по печатанію «Моихъ воспоминаній».

Во исполненіе воли умершаго, душеприказчикъ его Я. И. Утинъ 27 апрѣля 1887 года препроводилъ Музею одну тысячу рублей на воспособленіе по печатанію составленныхъ барономъ Дельвигомъ «Моихъ воспоминаній».

18 января 1911 года запечатанный пакетъ съ «Моими воспоминаніями» былъ вскрытъ въ Отдѣленіи рукописей, въ присутствіи его сіятельства, г. директора Музеевъ, князя В. Д. Голицына, и тогда же приступлено было къ выполненію воли барона А. И. Дельвига по печатанію его воспоминаній.

Въ настоящее время, подъ моимъ наблюденіемъ, напечатанъ первый томъ воспоминаній барона А. И. Дельвига и подготовляются къ печатанію слѣдующіе томы.

21 августа 1912 г.

Хранитель *Г. Георгіевскій*.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ТОМЪ I.

1813—1842.

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/moivospominaniia01delv

ГЛАВА I.

1813—1826 г.

Родъ бароновъ Дельвиговъ. Родъ князей Волконскихъ. Смерть отца моего. Мать моя въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Поѣздки въ деревню. Семейство Викулиныхъ. Задонскій монастырь. Мой старшій братъ Александръ. Первоначальное образованіе. Дядя мой баронъ А. А. Дельвигъ и его семейство въ Тулѣ. Поступленіе моего старшаго брата въ Костромской Кадетскій Корпусъ и сестры къ княгинѣ А. И. Урусовой въ Ярославлѣ, а потомъ къ С. П. Боборыкиной въ Нижнемъ Новгородѣ. Сосѣдъ нашъ и родственникъ Ѳ. А. Лопухинъ. Д. Н. Лопухина и ея учебныя заведенія. Поступленіе мое въ учебное заведеніе Д. Н. Лопухиной. Отъѣздъ Д. Н. Лопухиной съ семействомъ въ ея Кіевское имѣніе. Пребываніе мое въ заведеніи Д. Н. Лопухиной. Переводъ кадетскаго корпуса изъ Костромы въ Москву. Переѣздъ дяди моего князя Дмитрія Волконскаго въ Москву. Жизнь матери моей и ея братьевъ въ Москвѣ. Семейство Зуевыхъ. Подача просьбы объ опредѣленіи меня въ Институтъ путей сообщенія. Кончина Императора Александра I. Выходъ мой изъ заведенія Д. Н. Лопухиной. Жизнь въ подмосковной деревнѣ. Коронація Императора Николая I. Дядя мой князь Дмитрій, флигель-адъютантъ Микулинъ и Московская полиція. Мнѣніе дяди моего князя Дмитрія объ А. А. Дельвигѣ. Отъѣздъ въ С.-Петербургъ.

Родился я 13 марта 1813 г. въ с. Студенецъ, въ двухъ верстахъ отъ большого села Патріарши, въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи; названъ я Андреемъ въ честь отца моей матери.

Предокъ отца моего, родомъ изъ Вестфаліи, въ XV столѣтіи присоединился къ тѣмъ рыцарямъ, которые въ XIII и XIV столѣтіяхъ завоевали Прибалтійское прибрежье, населенное литвинами, эстами и латышами,— частію язычниками, а частію уже принявшими православіе. Мечомъ обратили они все населеніе въ католиковъ, а впослѣдствіи, перейдя сами въ лютеранство, обманомъ обратили все туземное населеніе въ лютеранъ. Часть этого прибрежья, принадлежащая Россіи, составляетъ нынѣ Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губерніи. О предкахъ моихъ со стороны отца я очень мало знаю, такъ какъ меня никогда не занимала моя родословная; скажу однако же о нихъ нѣсколько словъ.

При покореніи первыхъ двухъ провинцій Петромъ Великимъ, многіе изъ нашей фамиліи были на государственной службѣ въ Швеціи, которой эти провинціи тогда принадлежали; одинъ изъ Дельвиговъ былъ полковникомъ и принималъ какое-то участіе при заключеніи Ништадтскаго мира, конечно, со стороны Швеціи.

Фамилія наша принадлежала къ матрикулированному дворянству Лифляндской губерніи въ Ригѣ; кажется, въ Домкирхѣ теперь еще красуется нашъ гербъ между прочими гербами потомковъ рыцарей ордена Меченосцевъ, но я его не видалъ.

Фамилія наша въ старину была богата. Моему предку въ прошедшемъ столѣтіи принадлежали имѣнія: Гросъ-Пунчернъ, Клейнъ-Пунчернъ и еще какія-то; но одинъ изъ предковъ, подъ именемъ Дельвигъ Пригожій (der hubsche), былъ большой мотъ и ничего не оставилъ своему сыну. Оставшіяся у него имѣнія онъ принужденъ былъ для уплаты значительныхъ долговъ на 50 лѣтъ передать мужу дочери своей (кажется, графинѣ Штакельбергъ). Срокъ этотъ истекъ въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, но въ семьѣ нашей не осталось никакихъ документовъ объ означенной сдѣлкѣ, и имѣнія намъ возвращены не были. Объ этой сдѣлкѣ я узналъ, когда мнѣ было лѣтъ 14 отъ роду, отъ двоюроднаго брата моего барона Антона Антоновича Дельвига. Отецъ мой никогда не говорилъ моей матери объ этомъ дѣлѣ, вѣроятно, потому, что, при отсутствіи документовъ на вышеупомянутую сдѣлку, считалъ его потеряннымъ.

Не имѣя никакого состоянія, отецъ мой баронъ Иванъ Антоновичъ поступилъ очень рано въ военную службу, въ 1807 г. въ войну противъ французовъ былъ сильно раненъ, такъ что принужденъ былъ оставить военную службу въ чинѣ маіора.

У него былъ одинъ братъ баронъ Антонъ Антоновичъ, двѣ родныя сестры и одна сестра по матери отъ перваго ея брака. Одна изъ родныхъ сестеръ Христина была замужемъ за Паткулемъ, другая Катерина за Куцевичемъ, а послѣдняя за Гурбандтомъ. Дядя мой былъ гораздо старѣе отца, состоялъ въ 1807 г. въ должности Московскаго плацъ-маіора, которую онъ занималъ до 1816 г. Онъ былъ женатъ на Красильниковой, которая приходилась двоюродной сестрой моей бабки, а слѣдовательно теткою моей матери. Здѣсь встрѣтилъ ее мой отецъ. Онъ былъ очень красивый и ловкій мужчина и умѣлъ понравиться моей матери, которая отличалась красотой и многими необыкновенными достоинствами; состояніе же ея было весьма ограниченное. Она полюбила страстно моего отца, что будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, но уже ясно изъ того, что она рѣшилась выйти замужъ за человѣка безъ всякаго состоянія, за лютеранина, съ которымъ сверхъ того состояла въ свойствѣ, что было не совсѣмъ правильно по тогдашнимъ понятіямъ. При твердости характера моей матери и ея религіозныхъ убѣжденіяхъ эта рѣшимость еще болѣе имѣетъ значенія.

Мать моя, урожденная княжна Волконская, принадлежала къ потомству Рюрика, Св. Князя Владиміра Равноапостольнаго и замученнаго въ ордѣ Св. Михаила Черниговскаго. Отецъ ея, князь Андрей Александровичъ (умеръ въ 1813 г.), былъ сынъ князя Александра Григорьевича и внукъ князя Григорія Ивановича, бывшаго при Петрѣ Великомъ бояриномъ, а впослѣдствіи генераломъ отъ кавалеріи, начальникомъ всѣхъ драгунскихъ полковъ и оберъ-комендантомъ Москвы,

Тулы и Ярославля. Онъ получилъ за свою службу нѣсколько имѣній отъ Петра Великаго и, между прочимъ, вышеупомянутый Студенецъ, въ которомъ я родился. За скорое сформированіе девяти драгунскихъ полковъ и приведеніе ихъ подъ Азовъ Петръ Великій пожаловалъ ему богатую кружку, которая хранится у меня. Въ семействѣ покойнаго моего двоюроднаго брата Николая Александровича Замятнина хранится цѣлая книга писемъ временщика князя А. Д. Меньшикова къ князю Г. И. Волконскому. Въ этой же книгѣ имѣются и два письма Петра Великаго къ нему же. Изъ писемъ Меньшикова можно видѣть, какія многосложныя порученія возлагались на князя Волконскаго и какъ съ постепеннымъ возвышеніемъ временщика измѣнялся тонъ его писемъ, бывшій вначалѣ самымъ почтительнымъ, а при концѣ сдѣлавшійся повелительнымъ. Довольно значительное имѣніе князя Григорія Ивановича дѣлилось между его потомками и на долю внука его, а моего дѣда, досталось около тысячи душъ крестьянъ въ Московской, Воронежской, Орловской и Пензенской губерніяхъ, изъ коихъ выдѣлена моей матери, при ея замужествѣ, законная часть, 14-я доля, 70 душъ въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. У нея было три брата: Александръ, Николай и Дмитрій и четыре сестры: Татьяна, Надежда, Прасковья и Настасья. Послѣдняя умерла въ началѣ 20 годовъ, вскорѣ по выходѣ изъ Московскаго Екатерининскаго Института, а князь Николай, служившій въ конной артиллеріи, умеръ во время Турецкой войны 1828—1829 годовъ.

Весьма ограниченное состояніе моихъ родителей побудило ихъ, вскорѣ послѣ свадьбы, ѣхать въ Петербургъ, для пріисканія отцу моему мѣста въ государственной службѣ. Графъ Аракчеевъ, къ которому обратился мой отецъ съ означенною просьбою, отказалъ ему, основывая свой отказъ на томъ, что отецъ мой, какъ человѣкъ молодой и молодцоватый, былъ бы полезенъ для службы, но что полученная имъ рана не только не даетъ права на полученіе мѣста, но служитъ къ этому препятствіемъ, хотя рана вовсе не была такого свойства, чтобы отецъ не могъ исполнять всякаго рода службу, кромѣ фронтовой.

Въ это время учредилось Главное управленіе путей сообщенія и первымъ Главнымъ директоромъ былъ назначенъ принцъ Георгій Ольденбургскій, мужъ великой княгини Екатерины Павловны. Онъ принялъ отца моего къ себѣ на службу и впослѣдствіи назначилъ смотрителемъ судоходства въ Моршанскѣ.

Въ этой должности мой отецъ оставался недолго, вышелъ въ отставку надворнымъ совѣтникомъ и умеръ въ началѣ 1815 г. въ имѣніи тетки моей Прасковьи Андреевны, состоявшей тогда подъ опекою старшаго своего брата Александра,—с. Шараповѣ Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, а похороненъ въ Москвѣ на старомъ лютеранскомъ кладбищѣ [1]). Матери моей было тогда 26 лѣтъ отъ роду. Она осталась вдовою съ че-

[1]) С. Шарапово въ текущемъ 1871 г. продано моею теткою.

тырьмя малолѣтними дѣтьми: Александромъ 5 лѣтъ, Александрою 3 лѣтъ, мною 2-хъ лѣтъ и Николаемъ 5-ти мѣсяцевъ, почти безъ всякаго состоянія, такъ какъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ родители мои должны были войти въ нѣкоторые долги. Брата моего Николая, по смерти отца, въ воспоминаніе о немъ, прозвали Иваномъ и онъ слылъ все время дѣтства Ваничкою, такъ что многіе и не знали его настоящаго имени. По производствѣ его въ офицеры, онъ всѣмъ, кромѣ матери, выказывалъ неудовольствіе, когда его назовутъ не Николаемъ, а Иваномъ, такъ что съ этого времени почти всѣ начали называть его Николаемъ. По истеченіи нѣкотораго времени имя Ивана было совсѣмъ забыто.

При твердости характера и значительномъ умѣ мать моя поняла, что не можетъ продолжать жить въ свѣтѣ, а должна посвятить всю свою жизнь на воспитаніе дѣтей и устроиться такъ, чтобы проживать сколь возможно менѣе. Вслѣдствіе этого она рѣшилась нанять небольшую келію въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ и не снимать траура. Она слишкомъ любила моего отца и будучи еще молода и очень хороша собою, конечно, принятымъ ею рѣшеніемъ избѣгла предложеній о вторичномъ замужествѣ, котораго для нея, конечно, желали родные и близкіе.

Я ничего не помню о жизни нашей въ Никитскомъ монастырѣ. Помню только, что, въ бытность Императорской фамиліи въ Москвѣ, мать со всѣми четырьмя дѣтьми подала на дворцовомъ крыльцѣ Императору Александру I прошеніе о помѣщеніи старшаго моего брата Александра въ Царскосельскій Лицей, откуда только что вышелъ двоюродный братъ мой. При подачѣ прошенія мы всѣ стояли на колѣняхъ и были обласканы Императоромъ. Однако же брата въ Лицей не опредѣлили, а назначили кандидатомъ въ Костромской кадетскій корпусъ.

Послѣ этого мы поѣхали въ нашу Пензенскую деревню. О пребываніи въ ней также ничего не помню, кромѣ того, что братъ Александръ былъ въ то время весьма опасно боленъ и что онъ спасенъ отъ смерти уѣзднымъ докторомъ.

Отдѣленные матери моей при ея замужествѣ крестьяне были поселены въ деревнѣ, которой большая часть, по смерти моего дѣда, досталась брату ея князю Дмитрію. Ему она продала и свою часть и жила впослѣдствіи процентами съ полученнаго ею капитала, менѣе 30 р. ассигнаціями. При всей бережливости и умѣньѣ жить, конечно, этихъ процентовъ было весьма недостаточно, и потому мать со всѣми нами, по приглашенію ея брата Николая, переѣхала жить въ доставшееся ему по наслѣдству послѣ дѣда село Студенецъ, въ которомъ я родился. Часть же зимнихъ мѣсяцевъ мы проводили въ Москвѣ, гдѣ останавливались у кого-либо изъ родныхъ, а именно: у брата моей матери Александра, вышедшаго изъ гусаровъ въ отставку маіоромъ еще въ 1811 г., у сенатора Волчкова и у Моисеевой, жившей въ домѣ Рахманова. Въ ту зиму, въ которую мы останавливались у дяди Александра, была его свадьба, которая показалась мнѣ тогда очень пышною. Онъ женился на Екатеринѣ Григорьевнѣ Ломоносовой, которой

мать была урожденная Волчкова. Княгиня послѣ замужества скончалась черезъ годъ. У сенатора Волчкова помню длинные накрытые столы, къ которымъ ежедневно приходили обѣдать и мало знакомыя Волчкову лица. Рахмановъ велъ большую карточную игру и жилъ открыто. Его братъ былъ женатъ на Красильниковой, родной сестрѣ жены дяди моего барона Дельвига и Александры Матвѣевны Моисеевой, которая жила въ это время въ одномъ домѣ съ Рахмановымъ. Она была бездѣтною вдовою и, получивъ послѣ смерти мужа хорошее состояніе, воспитывала вторую дочь сестры своей баронессы Дельвигъ, Варвару. По смерти игрока Рахманова осталось огромное состояніе тремъ племянникамъ, дѣтямъ его брата, женатаго на Красильниковой. Самая большая часть досталась младшему племяннику Михаилу Ѳеодоровичу, извѣстному гастроному. Онъ, по приказанію дяди, оставилъ службу немедля по производствѣ его въ инженеръ-прапорщики, не кончивъ курса въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ еще долженъ былъ бы учиться въ двухъ высшихъ классахъ, прапорщичьемъ и подпоручичьемъ. Онъ металъ банкъ и вообще велъ картежную игру за своего дядю.

Въ деревнѣ мы вели жизнь очень тихую. Помню, что часто гостили въ с. Боркахъ, Задонскаго же уѣзда, у откупщика Алексѣя Ѳеодоровича Викулина, бывшаго въ молодости простымъ цѣловальникомъ и нажившаго очень большое состояніе. Онъ постоянно считалъ себя обязаннымъ нашему семейству. Въ люди онъ вышелъ съ помощью родного дѣда моей матери Филиппа Ивановича Ярцева, бывшаго долго Воронежскимъ вице-губернаторомъ въ чинѣ генералъ-маіора. Отъ перваго брака Викулинъ имѣлъ двухъ сыновей, Семена и Андрея, и нѣсколькихъ дочерей.

Онъ вступилъ во второй бракъ съ внучатною сестрою моего дѣда княжною Кугушевою, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Владиміра, Сергѣя и Ивана, и нѣсколькихъ дочерей. При вступленіи во второй бракъ А. Ѳ. Викулинъ не былъ еще дворяниномъ. Подобная женитьба показалась бы необыкновенною и въ наше время, а тѣмъ болѣе считалась такою въ прошедшемъ столѣтіи. Старшій сынъ его Семенъ, также пользуясь покровительствомъ моихъ родныхъ, рано былъ зачисленъ въ службу и въ 20 лѣтъ состоялъ оберъ-интендантомъ въ подполковничьемъ чинѣ, что и дало возможность его отцу купить на имя С. А. Викулина село Хмелинецъ, нынѣ принадлежащее сыну послѣдняго Семену Семеновичу. Въ началѣ XIX столѣтія А. Ѳ. Викулинъ, получивъ Владимірскій крестъ, сдѣлался, по тогдашнимъ узаконеніямъ, дворяниномъ и купилъ с. Борки съ другими деревнями.

Крестьяне въ этихъ имѣніяхъ не хотѣли повиноваться своему новому владѣльцу по причинѣ его низкаго происхожденія. Дошло до бунта, какъ тогда принято было называть всякое ничтожное непослушаніе со стороны крѣпостныхъ людей, и усмиренія его войсками. Чтобы избѣгнуть подобной бѣды на будущее время, все значительное населенное имѣніе А. Ѳ. Викулина было имъ переписано на имя моего дѣда князя А. А. Волконскаго,

безъ всякой гарантіи со стороны послѣдняго въ томъ, что имѣніе это принадлежитъ Викулину, съ представленіемъ, конечно, самому Викулину всѣхъ доходовъ съ имѣнія. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда можно было надѣяться, что крестьяне покорятся ихъ дѣйствительному владѣльцу, имѣніе снова было передано А. Ѳ. Викулину и это незадолго до смерти моего дѣда.

Изъ деревенской моей жизни мнѣ очень памятны только: свадьба моей родной тетки княжны Прасковьи, вышедшей замужъ за Александра Гавріиловича Замятнина, сына Гаврилы Александровича и жены его Маріи Григорьевны, урожденной княжны Кугушевой, родной сестры жены А. Ѳ. Викулина, и частыя посѣщенія Задонскаго монастыря, куда для богомолья неоднократно ходили мы съ матерью пѣшкомъ. А. Г. Замятнинъ служилъ въ Переяславскомъ Конно-Егерскомъ полку, стоявшемъ въ Ельцѣ. Мать моя всегда говѣла въ Задонскомъ монастырѣ, во время говѣнья мы останавливались въ монастырской гостиницѣ; въ другое же время останавливались въ Задонскѣ въ домѣ Викулина, или въ небольшомъ домикѣ Авдотьи Ѳеодоровны Румянцевой, дочери провинціальнаго секретаря, прибывшаго на службу въ Задонскъ при самомъ открытіи Воронежской губерніи и Задонскаго уѣзда. Въ монастырѣ особенно уважаемы были чудотворная икона Божіей Матери и могила Святителя Тихона. Передъ первою моя мать служила часто молебны, а на могилѣ Тихона—панихиды. Тѣло его лежало въ особенной пристройкѣ къ храму, куда оно перенесено въ 1810 г. изъ могилы, въ которой было погребено по кончинѣ Святителя. Мать моя была свидѣтельницею этого перенесенія и неоднократно говорила, что сама удостовѣрилась, что тѣло не подверглось тлѣнію. Это было въ то время, когда еще никто не могъ предвидѣть, что оно, по оффиціальномъ осмотрѣ, будетъ найдено нетлѣннымъ. Мать моя была также свидѣтельницей перенесенія мощей Тихона изъ упомянутой пристройки къ храму въ Соборный храмъ на то мѣсто, гдѣ, по причисленію нашею церковью святителя Тихона къ лику святыхъ, они положены въ богатую раку подъ изящнымъ серебрянымъ балдахиномъ.

Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія многіе еще помнили святителя, котораго очень уважали, въ томъ числѣ былъ Семенъ Алексѣевичъ Викулинъ, мужъ моей родной сестры, у котораго сохранился портретъ Святителя, рисованный съ натуры. Онъ вовсе не похожъ на изображеніе Святителя, висѣвшее надъ его мощами и поступившее въ продажу въ нѣсколькихъ десяткахъ и даже сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Впрочемъ теперешній архимандритъ Задонскаго монастыря Дмитрій бралъ упомянутый портретъ Святителя у сестры моей, у которой онъ находился послѣ ея мужа, и снялъ съ него копію для гравированія. Стеченіе богомольцевъ въ Задонскѣ въ 20-хъ годахъ было постоянно значительное. Много говорили тогда о разныхъ чудесахъ и въ особенности о чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ, притекавшихъ съ вѣрою ко гробу Святителя. Изъ лицъ, бывшихъ тогда въ монастырѣ, памятны мнѣ: Григорій-затворникъ, котораго жизнь

описана въ напечатанной брошюрѣ,—онъ очень любилъ мать мою, меня, моихъ братьевъ и сестру; архимандритъ Самуилъ и іеродіаконъ Филаретъ. Торжественные обряды православной церкви, конечно, производили сильное впечатлѣніе на дѣтскія натуры, и мнѣ очень нравилось служеніе послѣдняго, тогда молодого и красиваго мужчины, котораго впослѣдствіи я видѣлъ уже старымъ іеромонахомъ. Еще замѣчателенъ былъ въ монастырѣ іеромонахъ Ириней, который служилъ панихиды при гробѣ Святителя какимъ-то свойственнымъ ему одному напѣвомъ, поминая имя Тихона и другія имена, о которыхъ ему предъ началомъ панихиды подавались записки молящимися. Впослѣдствіи братъ мой Николай, служа въ конно-артиллерійской батареѣ, стоявшей въ Задонскѣ, очень вѣрно передавалъ этотъ напѣвъ и много этимъ смѣшилъ насъ.

Въ одно изъ нашихъ хожденій изъ Студенца въ Задонскъ (разстояніе 25 верстъ) съ нами произошло слѣдующее. Въ то время еще было много лѣса на этомъ протяженіи. Мать моя очень рано начала терять зрѣніе и шла съ повязанными платкомъ глазами. Старшій братъ мой и я бѣжали впереди, и когда мы потеряли изъ виду мать съ сестрою и младшимъ братомъ и другихъ лицъ, шедшихъ съ нею, братъ Александръ предложилъ мнѣ взойти въ лѣсокъ, изъ котораго ко времени прихода матери, какъ онъ мнѣ говорилъ, мы успѣемъ вернуться. Въ лѣсу была поляна, на которой паслось стадо. Быки, коровы и собаки не должны были бы намъ, живущимъ лѣтомъ въ деревнѣ, показаться чѣмъ-либо новымъ или страшнымъ, но, не знаю почему, испуганное наше воображеніе приняло быковъ и коровъ за дикихъ свирѣпыхъ животныхъ, видѣнныхъ нами на картинкахъ, а собакъ за волковъ. Когда собаки насъ увидали и побѣжали къ намъ, братъ Александръ сказалъ мнѣ, что волки ѣдятъ людей только когда голодны, и потому чтобы я ложился на землю, а что онъ ляжетъ на меня, они его съѣдятъ и будутъ сыты, а я буду спасенъ. Такъ мы и сдѣлали. Собаки, подбѣжавъ къ намъ, обнюхали насъ и ушли, изъ чего братъ заключилъ, что они не были голодны. Я разсказываю это происшествіе для того, чтобы обратить вниманіе на благородныя чувства моего брата, которыя нисколько не измѣнились въ продолженіе всей его кратковременной жизни, о чемъ будетъ неоднократно упомянуто далѣе въ моихъ воспоминаніяхъ. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, гдѣ обнюхивали насъ собаки, мы встрѣтили цыганку, которая разспрашивала насъ, чьи мы дѣти и куда идемъ. Братъ отвѣчалъ, что мы такіе-то, потеряли мать и идемъ въ Задонскъ къ Викулинымъ. Цыганка взялась насъ проводить. Вскорѣ встрѣтилась намъ какая-то крестьянка и удивясь, что два хорошо одѣтыхъ барченка идутъ съ цыганкой, подошла къ намъ съ тѣми же вопросами и, вслѣдствіе отвѣта брата, сказала намъ, что цыганка ведетъ насъ вовсе не въ Задонскъ, а въ цыганскій таборъ, и совѣтовала идти съ нею. Завязался сильный споръ между крестьянкою и цыганкою. Братъ разсудилъ, что лучше вѣрить русской бабѣ, чѣмъ цыганкѣ, и мы пошли за первою. Въ это время цыгане крали маленькихъ дѣтей, ломали имъ руки и

ноги и вообще уродовали, чтобы нося ихъ на своихъ рукахъ вызывать состраданіе и получать болѣе обильную милостыню. Вотъ какая участь могла бы ожидать меня, если бы братъ не предпочелъ послушаться крестьянку. По его возрасту, они его вѣрно гдѣ-нибудь бы бросили, а я могъ бы имъ очень пригодиться для вышеупомянутой цѣли. Мы пришли съ крестьянкою въ Задонскъ, въ которомъ Викулиныхъ въ это время не было, и насъ отвели въ домъ А. Ѳ. Румянцевой. Тамъ уже знали о нашей пропажѣ: мать хватилась насъ вскорѣ послѣ того, какъ мы своротили съ дороги въ лѣсокъ, и когда сопровождавшіе ее не нашли насъ, она послала въ городъ и въ ближайшія деревни нанять подводы и людей для отысканія насъ, объявивъ, что не выйдетъ изъ лѣса, пока насъ не найдутъ. Немедля, по приходѣ нашемъ въ домъ Румянцевой, послали объ этомъ объявить матери, и она, расплаканная и встревоженная, вскорѣ пріѣхала. Конечно, насъ побранили, и мы ожидали, привыкнувъ къ строгости матери, сильнаго наказанія, но оно ограничилось обѣщаніемъ, что для пристыженія насъ о нашемъ поступкѣ напечатаютъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», выходившихъ тогда два раза въ недѣлю, и мы съ братомъ каждую почту ждали того номера, въ которомъ будетъ о насъ напечатано, пересматривали каждый номеръ и только по прошествіи долгаго времени рѣшили, что вѣрно насъ совсѣмъ простили и потому ничего не печатали.

Мать сама начала учить насъ очень рано: брата Александра, когда ему было 3 года отъ роду, а меня вмѣстѣ съ сестрою, когда мнѣ было 4 года. Учили насъ цѣлый день и требовали очень строго, чтобы мы были внимательны и знали задаваемые намъ уроки. Вообще вели насъ, и въ особенности старшаго брата и сестру, чрезвычайно строго: никакая вина, даже ошибка не проходила безъ наставленія и взысканія, доходило и до тѣлесныхъ наказаній. Странно, что я никогда не подвергался послѣднимъ; только разъ были приготовлены уже розги, не помню за какую вину, но тетка княжна Татьяна, моя крестная мать, меня избавила отъ наказанія, что при самостоятельности моей матери было не легко. Эта тетка постоянно жила въ Студенцѣ у брата своего князя Николая, какъ равно и двѣ младшія сестры ея, находившіяся подъ руководствомъ моей матери. Тетки не только не баловали насъ, но еще своими требованіями, жалобами матери и доносами ухудшали наше положеніе, за исключеніемъ тетки Прасковьи, которая если иногда и вредила намъ, то по причинѣ необыкновенно вспыльчиваго характера. Старшая же тетка, Татьяна, была очень холодна и требовательна, а вторая, Надежда, нападала на насъ исподтишка, а въ особенности на меня, потому что ей вообразилось почему-то, что я очень хитрый мальчикъ.

Ученіе наше было начато такъ рано и шло такъ успѣшно, что я даже не помню себя незнающимъ ариѳметики. Помню только, какъ братъ Александръ показывалъ мнѣ, шестилѣтнему мальчику, тройное правило и нахожденіе наибольшаго общаго дѣлителя. Мы много знали наизусть: стиховъ, басенъ и почти всего «Дмитрія Донского» Озерова. Насъ весьма

часто заставляли говорить стихи передъ родными и знакомыми, изъ которыхъ многіе насъ экзаменовали и постоянно удивлялись нашимъ знаніямъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ командиръ конно-артиллерійской батареи, стоявшей въ Задонскѣ, часто бывавшій у Викулиныхъ и у насъ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ (впослѣдствіи бывшій военнымъ министромъ). Онъ командовалъ батареей въ чинѣ капитана и въ то время произведенъ былъ въ полковники. Перемѣна его эполетъ меня очень занимала: я любилъ играть жгутами его полковничьихъ эполетъ. Впослѣдствіи онъ долго не встрѣчался съ нами, но и сорокъ лѣтъ спустя, встрѣтивъ брата или меня, сейчасъ же вспоминалъ о тетенькѣ Пашѣ, о тетенькѣ Надѣ, какъ мы ихъ тогда называли.

Въ началѣ 1820-го года мать моя поѣхала въ Кострому, оставивъ младшаго брата моего въ Студенцѣ на попеченіи тетки Татьяны, а меня завезла въ Тулу къ моей бабушкѣ (grande tante) Александрѣ Матвѣевнѣ Моисеевой, жившей въ нижнемъ этажѣ дома, который занимала сестра ея Любовь съ ея мужемъ, роднымъ моимъ дядей, Антономъ Антоновичемъ Дельвигомъ. У А. М. Моисеевой, довольно богатой вдовы, воспитывалась вторая дочь дяди Дельвига, Варвара, которую она страшно баловала и которая, несмотря на это баловство, впослѣдствіи была примѣрною женщиною во всѣхъ отношеніяхъ. Она была старше меня однимъ годомъ. Мы, какъ дѣти, часто ссорились, и я въ глазахъ Александры Матвѣевны былъ постоянно виноватъ. Но я нашелъ себѣ защиту въ теткѣ моей Любови, которая, напротивъ, постоянно обвиняла свою дочь въ нашихъ ссорахъ съ нею. Это возбуждало частыя несогласія между сестрами. Уступала всегда моя тетка, по необыкновенной своей кротости; отъ этого мнѣ было не легче.

Дядя мой былъ добрѣйшій человѣкъ, очень кроткій. Его всѣ любили, въ особенности были къ нему расположены дамы за его веселость и добродушіе. Такой отзывъ о немъ я постоянно слышалъ въ Москвѣ, гдѣ его многіе знали, такъ какъ онъ прослужилъ въ ней двадцать лѣтъ. Помню, что послѣ производства меня въ офицеры, когда я, въ 1831 г., пріѣхалъ въ Москву, нѣсколько дамъ, уже въ то время старыхъ, говорили мнѣ, что я очень похожъ на моего дядю, но только далеко не такъ красивъ собою. Онъ по своей кротости не мѣшался въ распри сестеръ. Изъ жизни моей въ Тулѣ, кромѣ этихъ распрей, помню только, что дядя мой иногда ѣздилъ послѣ обѣда осматривать караулы съ цѣлью найти какіе-либо безпорядки, и когда находилъ ихъ, то, возвратясь домой, разсказывалъ о томъ, что караулъ не такъ выбѣжалъ, какъ слѣдовало, что барабанщикъ пробилъ дробь неправильно и о взысканіяхъ, имъ наложенныхъ. Конечно, провинившимся барабанщику и нижнимъ чинамъ отсыпалось извѣстное количество палочныхъ ударовъ. Какъ понять въ такомъ кроткомъ и хорошемъ человѣкѣ, какимъ былъ дядя, ту легкость, съ которою онъ приказывалъ бить палками солдатъ? Это объясняется только тѣмъ, что не только тогда, во время учрежденія военныхъ поселеній, но и гораздо позже, наказаніе нижнихъ чиновъ палками было для многихъ не только вещью

очень обыкновенною, но даже и удовольствіемъ. Послѣднему трудно вѣрить, но, къ сожалѣнію, это было такъ. Страшно вспомнить объ этомъ времени.

Мать моя отдала старшаго брата въ Костромской кадетскій корпусъ. Она тамъ познакомилась съ богатымъ купеческимъ семействомъ Солодовниковыхъ, которые пригласили ее жить въ ихъ домѣ, гдѣ она оставалась нѣсколько мѣсяцевъ, часто посѣщая женъ лицъ, начальствовавшихъ въ корпусѣ.

Директоромъ корпуса былъ генералъ-маіоръ Ушаковъ, жена котораго была въ это время очень молодая женщина и, несмотря на кучу дѣтей, была очень красива собой. Впослѣдствіи она была извѣстна всей Москвѣ, сохранивъ до старости замѣчательную моложавость и красоту. Также извѣстны были всей Москвѣ и ея дочери.

Проѣздомъ въ Кострому, мать моя оставила дочь свою въ Ярославлѣ у князя Василія Алексѣевича Урусова, который былъ въ первомъ бракѣ женатъ на родной теткѣ моей матери, Аннѣ Филипповнѣ Ярцевой, давно умершей. Служа въ Воронежѣ, онъ женился во второй разъ на бѣдной дворянкѣ Аннѣ Ивановнѣ Семичевой. Она въ особенности понравилась ему, страстному охотнику драматическаго искусства, въ трагическихъ роляхъ, которыя она разыгрывала на домашнихъ спектакляхъ.

Князъ В. А. Урусовъ имѣлъ отъ перваго брака двухъ дочерей: Наталью и Анну, бывшихъ замужемъ первая за Коптевымъ, а вторая за Моисеенковымъ-Великимъ; а отъ второго брака нѣсколько сыновей и двухъ дочерей Софью и Вѣру. Первая была однимъ годомъ старше моей сестры, которую оставили у кн. Урусова для воспитанія вмѣстѣ съ его дочерьми. Сестра оставалась у нихъ четыре года. Въ 1824 г. мать ее взяла для балотированія въ Московскій Екатерининскій Институтъ, но баллотировка была для нея неудачна: несмотря на живое участіе завѣдывавшаго этимъ институтомъ почетнаго опекуна Саблина, хорошаго знакомаго матери, сестрѣ не удалось попасть въ институтъ въ число пансіонерокъ, плата за которыхъ производится изъ особыхъ суммъ. Мать отвезла ее тогда въ Нижній Новгородъ, къ своему другу и дальней родственницѣ Софьѣ Петровнѣ Боборыкиной, женщинѣ весьма умной. Ея мужъ Василій Дмитріевичъ, въ это время Нижегородскій уѣздный предводитель дворянства, былъ довольно богатъ. У нихъ было много дѣтей и, между прочими, двѣ дочери, съ которыми и должна была воспитываться моя сестра, но она осталась у Боборыкиныхъ только одинъ годъ. Извѣстный теперь романистъ Боборыкинъ внукъ Василія Дмитріевича.

Самые близкіе наши родные въ Задонскомъ уѣздѣ были три сына брата моего дѣда, князя Льва Александровича Волконскаго, и сынъ его сестры Ѳеодоръ Ардаліоновичъ Лопухинъ. Князь Л. А. Волконскій, женатый на своей крѣпостной женщинѣ, не далъ сыновьямъ никакого воспитанія. Они слыли въ уѣздѣ за очень дурныхъ людей, чуть не за разбойниковъ, и мать моя, ея братья и сестры не только съ ними никогда не видались, но по-

стоянно избѣгали встрѣчи съ ними. На долю бабки моей Лопухиной досталась небольшая часть Студенца, которую наслѣдовалъ упомянутый сынъ ея Лопухинъ. Его усадьба была въ разстояніи менѣе версты отъ нашей. Онъ былъ большой чудакъ, ходилъ всегда въ полушубкѣ, и мы рѣдко видѣлись. Онъ былъ старъ, женатъ на дѣвицѣ Воронецъ, очень недурной собою. Она его оставила, и я не помню ея въ деревнѣ. Они имѣли дочерей, которыя были хороши собой. Впослѣдствіи и мать и дочери сошли съ ума.

Лопухинъ имѣлъ въ Москвѣ богатую родственницу вдову Дарью Николаевну Лопухину, которой досталась часть огромнаго имѣнія князя Потемкина. Д. Н. Лопухина имѣла двухъ сыновей: Петра и Андріана Ѳеодоровичей, женившихся впослѣдствіи на двухъ родныхъ сестрахъ красавицахъ, дочеряхъ генерала барона Удома, и двухъ дочерей: Екатерину, вышедшую впослѣдствіи замужъ за генералъ-маіора Скордули, и Прасковью, умершую въ дѣвицахъ. Сначала Лопухина приняла нѣсколькихъ воспитанниковъ и воспитанницъ изъ бѣдныхъ дворянъ для обученія вмѣстѣ съ ея дѣтьми. Но впослѣдствіи число этихъ воспитанниковъ и воспитанницъ увеличилось первыхъ до 12-ти, а вторыхъ до 20-ти. Они были на полномъ ея иждивеніи, такъ что образовалось два учебныхъ заведенія: мужское и женское. Курсъ мужскаго заведенія равнялся бывшему тогда гимназическому курсу, но новые иностранные языки, французскій и нѣмецкій, были и практически и теоретически лучше изучаемы: воспитанники говорили довольно свободно на обоихъ языкахъ. Окончившіе курсъ въ этомъ заведеніи легко выдерживали экзаменъ въ студенты Московскаго университета, гдѣ они продолжали пользоваться денежнымъ пособіемъ отъ Д. Н. Лопухиной, а нѣкоторые получали эти пособія, состоя и на службѣ. Понятно, что мать моя желала опредѣлить меня въ это заведеніе и хлопотала объ этомъ черезъ общаго ея и Д. Н. Лопухиной родственника, но послѣдняя рѣшительно отказала, ссылаясь на то, что она не хочетъ увеличивать комплекта мужскаго заведенія, что она принимаетъ только самыхъ бѣдныхъ дѣтей, и что я имѣю, по ея мнѣнію, богатыхъ дядей и вообще богатыхъ родственниковъ, которые могли бы меня воспитывать. Наконецъ, она согласилась посмотрѣть на меня, но не хотѣла принимать моей матери. Въ февралѣ 1821 г. мать моя привезла меня въ ея домъ, насъ приняла старшая ея дочь и меня скоро позвали къ Дарьѣ Николаевнѣ. Домъ ея, близъ Солянки, въ Лопухинскомъ пер. (по крайней мѣрѣ такъ онъ назывался тогда), впослѣдствіи принадлежавшій Кокореву, а теперь Морозову, довольно большой, но мнѣ ребенку, привыкшему видѣть небольшіе дома, онъ показался громаднымъ. Изъ анфилады комнатъ, обращенныхъ въ большой садъ, открывается прекрасный видъ на Кремль, и такъ какъ въ обоихъ концахъ этой анфилады стояли большія зеркала, то мнѣ казалось, что комнатамъ нѣтъ конца.

Д. Н. Лопухина провела меня по всей анфиладѣ. Выраженное мною удивленіе при видѣ такого дома было ей пріятно. По этой причинѣ или по

какой другой я ей понравился, и она выслала сказать своей дочери, что принимаетъ меня въ свое учебное заведеніе, но не желаетъ видѣться съ моей матерью. Нѣсколько дней спустя, мать моя привезла меня для поступленія въ это заведеніе, въ которое я былъ отведенъ старшею дочерью Д. Н. Лопухиной, такъ какъ она сама никакъ не хотѣла видѣться съ моею матерью, вскорѣ уѣхавшею въ Студенецъ. Директоромъ заведенія былъ Юлій Петровичъ Ульрихсъ, бывшій тогда инспекторомъ классовъ въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ и лекторомъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи профессоромъ всеобщей исторіи. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, сколько я могу помнить, не дальній, но занимавшійся ревностно принятою на себя обязанностью. Онъ очень любилъ меня. Для преподаванія наукъ и языковъ были приглашены лучшіе учителя гимназіи, лекторы и даже адъюнктъ-профессоры Московскаго университета. Учителемъ Закона Божія былъ законоучитель Екатерининскаго Института протоіерей Василій Ивановичъ Богдановъ, бывшій впослѣдствіи долго протоіереемъ церкви Св. Никиты на Старой Басманной. Онъ былъ человѣкъ ученый, любилъ наряжаться и постоянно носилъ поясъ и нарукавники, вышитые его многочисленными воспитанницами.

Впослѣдствіи мѣсто законоучителя въ нашемъ заведеніи занялъ священникъ нашей приходской церкви во имя Св. Владиміра, далеко неученый. Церковь эта стоитъ на пригоркѣ противъ Ивановскаго монастыря. Разграбленная въ 1812 г., она вновь устроена Д. Н. Лопухиной, которая положила и особое содержаніе причту. Приходъ церкви состоялъ всего изъ трехъ домовъ: Лопухиной, доктора Шнейдера лютеранина и какого-то армянина, такъ что церковь эту она считала какъ бы своею домашнею, хотя церковь была довольно отдалена отъ ея дома. Взяли къ намъ приходскаго священника въ законоучители, вѣроятно, для улучшенія его содержанія, такъ какъ, по отъѣздѣ Лопухиной въ Кіевскую деревню, церковь оставалась почти безъ прихода.

Насъ водили въ эту церковь и въ лютеранскую церковь Св. Павла черезъ воскресенье, такъ какъ между нами были лютеране, а дежурный надзиратель былъ одинъ. Пасторъ послѣдней церкви Герингъ училъ въ нашемъ заведеніи Закону Божію. Меня всегда поражали въ его проповѣдяхъ разныя выраженія и жесты, которые мнѣ казались вовсе неумѣстными въ церкви. Классы наши ежедневно начинались чтеніемъ Евангелія на славянскомъ языкѣ. Воспитанники, какъ православные, такъ и лютеране, читали его поочереди.

Танцовать училъ Іогель, впослѣдствіи замѣненный очень искуснымъ и красивымъ французомъ Флаге.

При вступленіи моемъ въ заведеніе мнѣ было почти 8 лѣтъ. Я оказался всѣхъ моложе и посаженъ въ низшій классъ. Я такъ хорошо приготовленъ былъ дома, что ученіе въ этомъ классѣ было для меня весьма легко, такъ что я, даже лѣнясь, былъ первымъ ученикомъ и любимъ всѣми учи-

телями. Легкость, съ которою я могъ быть первымъ въ этомъ заведеніи, еще болѣе развила во мнѣ природную всѣмъ Дельвигамъ лѣнь.

Мужское заведеніе помѣщалось въ половинѣ нижняго этажа большого дома, ближайшаго къ воротамъ въ Лопухинскій переулокъ, а женское въ особомъ флигелѣ, также ближайшемъ къ означеннымъ воротамъ. Для непосредственнаго надсмотра за воспитанниками были приставлены два надзирателя: французъ и нѣмецъ, дежурившіе черезъ день. Старшіе воспитанники были поручены первому, младшіе второму. Я былъ въ числѣ послѣднихъ. Добрый нѣмецъ Арнольдъ, очень недальній, полюбилъ меня.

Воспитанникамъ позволялось говорить по-русски только по воскресеньямъ; въ остальные дни говорили одинъ день по-французски, а другой по-нѣмецки. За нарушеніе этого правила вручали билетъ, и тотъ, кто его имѣлъ къ обѣду или къ ужину, ѣлъ только одно блюдо. Кормили хорошо. Конечно, воспитанникъ, имѣвшій означенный билетъ, всѣми силами старался передать его другому, въ особенности передъ наступленіемъ обѣда и ужина, что было часто причиною ссоръ. Я не учился дома языкамъ, но выучился имъ вскорѣ по поступленіи въ заведеніе. Учителя постоянно удостовѣрялись въ знаніи воспитанниками уроковъ и дѣлали отмѣтки: «превосходно, отлично хорошо, весьма хорошо, очень хорошо, хорошо, изрядно, посредственно, дурно, очень дурно». Такія же отмѣтки дѣлали ежедневно надзиратели о нашемъ поведеніи. По субботамъ Ю. П. Ульрихсъ внимательно, въ нашемъ присутствіи, разсматривалъ эти отмѣтки, хвалилъ получившихъ хорошія, внушалъ лучше учиться получившимъ посредственныя, а получившихъ дурныя бранилъ и подвергалъ разнымъ взысканіямъ, даже иногда сѣкъ розгами. Но и въ этомъ заведеніи, въ которомъ я пробылъ пять лѣтъ, я избѣгнулъ тѣлеснаго наказанія.

Товарищи мои были дѣйствительно дѣти весьма бѣдныхъ родителей. Никто изъ нихъ впослѣдствіи не занималъ на государственной службѣ, на которой они всѣ состояли по выпускѣ изъ университета, даже сколько-нибудь виднаго мѣста. Я укажу только на четырехъ изъ нихъ: двухъ сыновей директора Ульрихса, Ѳеодора и Карла, Андрея Щепина и сына умершаго генералъ-лейтенанта Аполлона Бостремъ.

Первые двое не жили въ заведеніи, а ходили только въ него учиться. Старшій братъ, по выходѣ изъ Московскаго университета, долго служилъ въ почтовомъ Департаментѣ, былъ въ оном по 1863 г. предсѣдателемъ Комитета, цензуровавшаго иностранныя періодическія изданія, а теперь состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника Предсѣдателемъ С.-Петербургской Евангелической Лютеранской Консисторіи и членомъ отъ Правительства въ Управленіи училищъ Евангелической Лютеранской церкви Св. Павла.

Щепинъ былъ экспедиторомъ въ Канцеляріи Государственнаго Совѣта и вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; онъ также былъ старѣе меня.

Карлъ Ульрихсъ и Бостремъ, почти однихъ лѣтъ со мною, были моими товарищами во все время, проведенное въ означенномъ заведеніи.

Въ женскомъ заведеніи воспитывались дочери также бѣдныхъ родителей и, несмотря на хорошее образованіе, ни одна изъ нихъ впослѣдствіи ничѣмъ не была замѣчательна. Помню изъ нихъ Волкову, очень хорошенькую собой, Рѣшетинскую и Жилинскую. Въ то время жила еще въ женскомъ заведеніи уже кончившая въ немъ курсъ, но не знавшая ни своихъ родителей и никого изъ родственниковъ, баронесса Надежда Іустиновна Дельвигъ. Мать моя очень старалась разузнать, къ какой отрасли нашей фамиліи она принадлежала, но розысканія ея были тщетны. Впослѣдствіи она жила въ домѣ сенатора Малиновскаго и вышла замужъ за дальняго его родственника и однофамильца, весьма бѣднаго чиновника, нынѣ уже умершаго. Она жива еще и теперь; имѣла нѣсколько дѣтей, всегда жила и теперь живетъ очень бѣдно.

Въ первые мѣсяцы моего пребыванія въ заведеніи до отъѣзда Д. Н. Лопухиной съ семействомъ въ ея Кіевское имѣніе, я былъ подъ особымъ покровительствомъ ея старшей дочери, которую она, впрочемъ, не любила. Это была одна изъ многихъ странностей этой женщины, дѣлавшей много благодѣяній и воспитаніемъ бѣдныхъ дѣтей и ежемѣсячною раздачею значительныхъ суммъ бѣднымъ семействамъ. Д. Н. Лопухина меня одного изъ всего заведенія иногда призывала къ своему столу. Помню, что въ іюлѣ 1821 г. я былъ призванъ къ обѣденному столу, къ которому приглашены были митрополитъ Серафимъ, переведенный въ это время въ С.-Петербургъ, и назначенный на его мѣсто Московскій Архіепископъ Филаретъ. Въ другой разъ къ обѣду былъ приглашенъ Аврамій Сергѣевичъ Норовъ, бывшій впослѣдствіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Его благородная наружность и деревянная нога (потерялъ ногу при Бородинѣ) очень меня поразили. Послѣ обѣда были призваны и другіе воспитанники. Норовъ сдѣлалъ намъ бѣглый экзаменъ и очень былъ доволенъ вообще и въ особенности моими отвѣтами.

Въ началѣ августа, послѣ молебна о благополучномъ путешествіи въ присутствіи Д. Н. Лопухиной, ея семейства, всѣхъ воспитанниковъ и воспитанницъ ея заведеній, ея управляющихъ, многочисленной прислуги, которой вообще при домѣ было, сколько помнится, до 200 человѣкъ, и многихъ знакомыхъ, она съ семействомъ уѣхала въ имѣніе свое Шполу, Кіевской губерніи. Отъѣздъ ея мотивировали желаніемъ сократить расходы, ближе наблюдать за этимъ значительнымъ имѣніемъ, а главное быть ближе къ богатому своему дядѣ Высоцкому, въ надеждѣ получить отъ него наслѣдство.

Я очень мало знаю объ ея пребываніи въ Шполѣ; знаю только, что младшая ея дочь Прасковья вскорѣ по пріѣздѣ въ Шполу умерла, что оба сына ея съ нею вскорѣ поссорились; дядя ея Высоцкій принялъ ихъ сторону и послѣ смерти предоставилъ свое имѣніе не ей, а ея сыновьямъ, которыхъ она хотѣла лишить наслѣдства, предоставивъ большую часть своего имѣнія дочери Екатеринѣ, вышедшей послѣ ея смерти замужъ за генералъ-маіора Скордули. Братья завели съ нею процессъ. Она

съ своей стороны заявила о незаконномъ ихъ бракѣ на двухъ родныхъ сестрахъ баронессахъ Удомъ, несмотря на то, что извѣстный Кіевскій Митрополитъ Евгеній не только не преслѣдовалъ Лопухиныхъ за эти браки, но и ее уговаривалъ не начинать дѣла, которое очень долго длилось, стоило Лопухинымъ много денегъ и принесло имъ много нравственныхъ потрясеній. Кончилось тѣмъ, что генералъ Удомъ отказался отъ той изъ дочерей, которая вышла позже замужъ, утверждая, что его настоящая дочь вскорѣ по рожденіи умерла, но чтобы не огорчить его жены, бывшей очень слабою послѣ родовъ, она была подмѣнена другою дѣвочкою, въ чемъ и представилъ свидѣтелей. Въ числѣ послѣднихъ былъ благороднѣйшій и честнѣйшій Сталь, бывшій въ то время Московскимъ Комендантомъ, который подтвердилъ показаніе Удома, сколько помнится, подъ присягою.

Въ бытность мою на службѣ въ Москвѣ молодымъ офицеромъ, П. Ѳ. Лопухинъ пріѣзжалъ въ Москву съ женою. Я бывалъ у нихъ, и нельзя было насмотрѣться на жену его, истинную красавицу. Она вскорѣ умерла, а потомъ умеръ и мужъ ея. Ихъ дочь впослѣдствіи вышла замужъ за Николая Васильевича Исакова, впослѣдствіи генералъ-адъютанта и начальника Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

35793

Въ 50-хъ годахъ, когда я жилъ въ Москвѣ, А. Ѳ. Лопухинъ съ женою и дѣтьми и Е. Ѳ. Скордули съ мужемъ жили также въ Москвѣ и уже помирились. Въ Москвѣ Скордули умеръ, а А. Ѳ. Лопухинъ и его жена, имѣя нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ старшіе сыновья были на службѣ, а старшая дочь взрослая дѣвица, разошлись и говорили другъ про друга такія вещи, что я не хочу и передавать ихъ, не зная насколько было въ нихъ правды, и тѣмъ болѣе, что я пишу не ихъ, а свою біографію. Общественное мнѣніе, впрочемъ, обвиняло А. Ѳ. Лопухина въ страшномъ преступленіи. Всего страннѣе то, что послѣ многихъ лѣтъ разлуки и постоянно скверныхъ разсказовъ мужа о женѣ, а жены о мужѣ, они сошлись.

Перехожу къ описанію моего пребыванія въ заведеніи Д. Н. Лопухиной. По отъѣздѣ ея мужское заведеніе было переведено въ бель-этажъ, въ половину, выходящую во дворъ, и большая зала сдѣлалась нашею рекреаціонною залою. Вообще помѣщеніе наше значительно улучшилось. Мы играли ежедневно въ большомъ саду, который расположенъ на крутомъ уклонѣ горы, такъ что зимою мы устраивали въ немъ отъ терасы дома до забора ледяную гору, по которой катались на салазкахъ. Въ этомъ заборѣ были большія полукруглыя отверстія съ желѣзными рѣшетками, обтянутыми проволокою. Въ этихъ отверстіяхъ мы покупали у разнсчиковъ разныя сладости, мороженое, сбитень и т. п. и часто въ долгъ. Изъ этихъ же отверстій мы смотрѣли на проѣзжающихъ. Бывшій Оберъ-Полиціймейстеръ генералъ-маіоръ Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, очень тогда извѣстный по переустройству Московской полиціи и въ особенности по устроенію пожарной команды, жилъ въ Мясницкомъ частномъ домѣ, вблизи дома Лопухиной. Онъ по нѣскольку разъ проѣзжалъ мимо насъ съ двумя и даже тремя скакавшими за нимъ казаками. Это всегда насъ

Куйбышевского района
Ленинград Фонтанка 62

очень занимало. Изъ этихъ же отверстій мы видѣли, какъ большою процессіею провезли изъ деревни извѣстнаго графа Дмитріева-Мамонова въ Москву, гдѣ его лечили какъ сумашедшаго, капая на бритую голову холодною водою. Причина заарестованія Дмитріева-Мамонова осталась до сего времени для меня неразгаданною.

Фруктовый садъ меньшаго размѣра, находившійся близъ женскаго заведенія, былъ предоставленъ для прогулки воспитанницъ.

Оба заведенія, мужское и женское, были поручены непосредственному надзору Ю. П. Ульрихса, который исполнялъ свою обязанность съ постоянною ревностію.

Хозяйственная часть по всему дому была поручена Кенике, главному надзирателю Московскаго Воспитательнаго дома, бывшему, кажется, впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ. Мы его видали очень рѣдко. Нашъ надзиратель или гувернеръ Арнольдъ оставался въ заведеніи очень долго, надзиратели же изъ французовъ мѣнялись. Изъ послѣднихъ былъ замѣчателенъ Перонъ по вліянію своему на Ю. П. Ульрихса, по строгости къ воспитанникамъ и по разнымъ продѣлкамъ, изъ которыхъ приведу слѣдующія.

Между воспитанниками многіе хорошо рисовали. Въ этомъ искусствѣ я былъ, кажется, ниже всѣхъ. Хорошіе рисунки воспитанниковъ обдѣлывались въ рамки и висѣли на стѣнкахъ классныхъ комнатъ. Одинъ изъ такихъ рисунковъ, поясной портретъ французскаго короля Людовика XVIII, висѣлъ на видномъ мѣстѣ въ залѣ высшаго класса. Перонъ, проходя мимо этого портрета, всегда въ присутствіи воспитанниковъ бранилъ короля выраженіями неудобными для повторенія на письмѣ и многимъ изъ насъ тогда непонятными. Разъ по прочтеніи поутру главы изъ Евангелія, онъ началъ ругать короля и пустилъ чѣмъ-то въ висѣвшій портретъ, такъ что разбилъ стекло въ его рамкѣ.

По вліянію Перона на Ю. П. Ульрихса, нѣмецъ гувернеръ Арнольдъ такъ его боялся, что не смѣлъ отвѣчать на постоянную брань Перона (опасаясь, конечно, потерять мѣсто), хотя Арнольдъ былъ самъ очень вспыльчивъ и имѣлъ своего рода благородство. Перонъ разными средствами застращалъ всѣхъ воспитанниковъ. Приведу въ примѣръ одно изъ этихъ средствъ. Онъ всѣхъ воспитанниковъ поодиночкѣ спрашивалъ, не преданы-ли они извѣстному пороку. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, и въ томъ числѣ я, даже не понимали о чемъ онъ спрашивалъ. Сознавшимся онъ, конечно, пригрозилъ сильнымъ наказаніемъ и даже исключеніемъ изъ заведенія. Непонимавшимъ же его вопросовъ онъ объявлялъ, что видитъ по глазамъ, что они преступники, и грозилъ тѣмъ же. Зная его вліяніе на Ю. П. Ульрихса, и тѣ и другіе ему покорялись, исполняя всѣ его требованія и вынося всякую брань и несправедливыя взысканія, между прочимъ, битье линейкою по тѣлу, часто по рукѣ и кончикамъ пальцевъ и долгое стоянье на колѣняхъ, иногда на сухомъ горохѣ. Онъ имѣлъ постоянныя ссоры внѣ заведенія и иногда вызывалъ нѣкоторыхъ своихъ зна-

комыхъ въ заведеніе и тутъ при воспитанникахъ ругалъ ихъ и даже билъ, а потомъ выгонялъ. Однажды позвалъ онъ какого-то француза, своего знакомаго, въ нашу рекреаціонную залу; послѣ нѣсколькихъ словъ онъ накормилъ этого француза оплеухами, повалилъ его на землю, топталъ ногами, таскалъ за волосы по всей залѣ. Мы всѣ стояли, какъ ошеломленные.

Французъ жаловался полиціи и вечеромъ къ намъ пришелъ приставъ Мясницкой части. Къ этому времени прибылъ Ю. П. Ульрихсъ, вѣроятно, вызванный Пероном, такъ какъ Ульрихсъ по вечерамъ бывалъ у насъ очень рѣдко; съ нимъ пріѣхалъ и Кенике. Частный приставъ разсыпался въ вѣжливостяхъ передъ Кенике и Ульрихсомъ. Они вчетверомъ пошли въ особую комнату, и я не знаю, что тамъ происходило и чѣмъ кончилось это дѣло. Воспитанниковъ ни о чемъ не спрашивали, и Перонъ оставался у насъ надзирателемъ еще долгое время послѣ этого побоища. Снисхожденіе Ю. П. Ульрихса къ Перону тѣмъ болѣе необъяснимо, что это происходило послѣ того, какъ Перонъ, ходившій часто къ одной изъ гувернантокъ женскаго заведенія, соблазнилъ одну изъ старшихъ воспитанницъ, очень красивую и лучше другихъ учившуюся. По открытіи ея беременности, ее отвезли въ Шполу къ Д. Н. Лопухиной, а Перонъ отдѣлался тѣмъ, что далъ Ульрихсу обѣщаніе на ней жениться, которое исполнилъ, но спустя лишь нѣсколько лѣтъ, когда, потерявъ мѣсто, онъ поѣхалъ въ Шполу, потому что радъ былъ какъ-нибудь себя устроить. Оставаясь все еще нашимъ надзирателемъ, онъ успѣлъ соблазнить еще одну изъ воспитанницъ, заставляя другую воспитанницу сторожить во время его любовныхъ свиданій.

Только послѣ этого Перонъ былъ прогнанъ и замѣненъ другимъ надзирателемъ французомъ, а женское заведеніе переведено въ Шполу, гдѣ число воспитанницъ было еще увеличено.

По отъѣздѣ женскаго заведенія насъ перевели во флигель, который прежде былъ занятъ этимъ заведеніемъ, но для нашего гулянья попрежнему былъ предоставленъ большой садъ.

Отпускъ изъ заведенія воспитанницъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ вовсе не допускался, а воспитанниковъ былъ допускаемъ только къ родителямъ и въ исключительныхъ случаяхъ къ другимъ лицамъ вполнѣ извѣстнымъ Ю. П. Ульрихсу. Ночевать внѣ заведенія не дозволялось. Мать моя уѣхала вскорѣ по вступленіи моемъ въ заведеніе, близкихъ родныхъ въ Москвѣ не было, и потому я находился безотлучно въ заведеніи. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ насъ водили гулять въ городѣ на берегъ р. Яузы или въ ближайшія окрестности: въ Сокольники, на Воробьевы горы, въ Петровское, въ Бутырки, Останкино, Кунцево и т. д.

Въ 1823 году узналъ я о переводѣ изъ Костромы въ Москву кадетскаго корпуса, въ которомъ былъ старшій братъ мой. Я узналъ, что кадетъ водятъ гулять въ Анненскую рощу, находящуюся передъ зданіемъ

корпуса, и уговорилъ моихъ товарищей упросить дежурнаго надзирателя вести насъ также въ эту рощу, въ надеждѣ увидѣть брата, котораго не видалъ болѣе трехъ лѣтъ. Увидѣвшись, мы бросились обниматься, но вскорѣ раздался грубый голосъ дежурнаго сфицера, который приказалъ брату вернуться къ своимъ товарищамъ и не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій и просьбъ. Это грубое обращеніе офицера съ кадетомъ произвело на меня, привыкшаго къ лучшему обращенію, такъ какъ Перонъ былъ не всегда дерзокъ, самое грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что братъ мой, тогда только 13-лѣтній мальчикъ, былъ уже первымъ ученикомъ. Тогда же я не взлюбилъ военныхъ заведеній и не желалъ поступить въ нихъ. Впрочемъ, впослѣдствіи братъ, оставаясь за малолѣтствомъ и малымъ ростомъ въ корпусѣ еще нѣсколько лѣтъ и все первымъ ученикомъ, поставилъ себя въ другое положеніе. Ближайшіе начальники, а за ними и ротные офицеры, говорили ему «вы» вмѣсто вообще употребительнаго «ты». Братъ позволялъ себѣ разныя вольности, одѣвался въ корпусѣ не по общей формѣ, читалъ книги, что вообще запрещалось, былъ съ младшими офицерами за панибрата, вставалъ позже другихъ кадетъ и не ходилъ съ ними во фронтѣ. Когда одинъ изъ ротныхъ офицеровъ вздумалъ ему сдѣлать замѣчаніе за позднее вставаніе и хотѣлъ поставить его во фронтъ, братъ оттолкнулъ его отъ себя и былъ немедленно окруженъ кадетами, которые не допустили офицера до брата. Офицеръ жаловался начальству, но поступокъ брата не имѣлъ для него никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ 1823 году дядя мой князь Дмитрій продалъ свое Пензенское имѣніе и, желая жить въ Москвѣ, купилъ въ ней домъ на Остоженкѣ въ Штатномъ переулкѣ. Кромѣ большаго дома были два флигеля, людская изба и довольно большое пустое мѣсто. Дядя поселился въ одномъ изъ флигелей, а домъ и другой флигель отдавалъ въ наймы. Строеніе онъ передѣлалъ по своему вкусу, издержалъ на это много денегъ безъ всякаго толка. Къ флигелю, въ которомъ жилъ самъ, пристроилъ стеклянную галлерею, въ которой зимою было такъ холодно, что она на зиму запиралась и холодила весь домъ. Пустое мѣсто онъ засадилъ фруктовыми деревьями, которые при возведеніи провіантскихъ магазиновъ, построенныхъ рядомъ съ садомъ, совершенно пропали.

Съ переѣздомъ дяди въ Москву, онъ въ нѣкоторыя воскресенья бралъ меня къ себѣ, а такъ какъ онъ часто отлучался изъ дома, ведя постоянную карточную игру, то посылалъ меня къ другимъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ. Всего чаще бывалъ я у пріятельницы моей матери, графини Елизаветы Васильевны Санти, которой домъ былъ въ Кривомъ переулкѣ на Мясницкой, принадлежавшій впослѣдствіи г-жѣ Корассъ и Дикенлейну. Она меня иногда посылала къ другу моей матери княгинѣ Кольцовой-Масальской, которой домъ былъ напротивъ дома графини Санти, а переднимъ фасадомъ выходилъ на Мясницкую.

Отпущенные изъ заведенія Д. Н. Лопухиной воспитанники должны

были возвращаться въ заведеніе не позже 9-ти часовъ вечера, и за исполненіемъ этого строго наблюдалось. Родственники, у которыхъ я бывалъ по праздникамъ, конечно, покорялись этому постановленію. Домъ графини Санти былъ недалеко отъ заведенія, и она всегда давала свою карету, но такъ какъ требовалось, чтобы воспитанники пріѣзжали съ проводникомъ, то въ проводники ко мнѣ всегда навязывалась Наталья Семеновна Паладьева, старая и весьма бѣдная женщина, давнишняя знакомая моей матери. Она, вмѣсто того чтобы отвозить меня въ заведеніе, пользовалась каретой, чтобы объѣздить нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ, оставляя меня при этихъ посѣщеніяхъ скучать, а иногда и мерзнуть въ каретѣ. Эти разъѣзды были причиною моего опаздыванія въ заведеніе и влекли за собою взысканія, а потому я, во избѣжаніе ихъ, не разъ просилъ г-жу Паладьеву доставлять меня въ заведеніе прямо отъ графини Санти. Но она меня не слушалась, а бранила мальчишкою, который ссмѣливался ее учить, тогда какъ она повелѣвала и большими людьми и, между прочими, моимъ дядею барономъ А. А. Дельвигомъ. Я упоминаю объ этомъ, такъ какъ означенныя опаздыванія были единственными моими проступками, за которые я подвергался взысканію, а также для того, чтобы выказать необыкновенно задорный характеръ этой женщины. Обыкновенно подобныя бѣдныя старушки ниже воды, тише травы передъ знатными дамами; она же никогда никому не спускала, а потому жаловаться на нее графинѣ Санти, женщинѣ характера кроткаго, было бы не только безполезно, но даже вредно для меня. Паладьеву я видалъ у матери моей и въ другихъ домахъ, и вездѣ она была одинакова. Между прочимъ я видалъ ее у родной сестры графини Санти, вдовы Настасьи Васильевны Мерлиной, тещи недавно умершаго, почти ста лѣтъ отъ роду, сенатора Ѳеодора Петровича Лубяновскаго, женщины твердаго характера, строптивой и рѣзкой въ обращеніи, извѣстной тѣмъ, что, въ бытность ея мужа полковымъ командиромъ, полкомъ дѣйствительно заправлялъ не мужъ ея, а она. Передъ нею преклонялись всѣ пріѣзжавшіе навѣстить ее, кромѣ Паладьевой, которая, когда нечего было ѣсть, проводила у нея цѣлые дни, а когда не на что нанять комнаты для жилья, проводила у нея и ночи. Помню, что въ началѣ 30-хъ годовъ, заходя къ Н. В. Мерлиной, я заставалъ ее за раскладываніемъ грандъ-пасьянса, а на противъ ея сидѣвшую Паладьеву, и садился такъ, что съ одной стороны была Мерлина, а съ другой Паладьева. Онѣ поочереди обращались ко мнѣ, чтобы потихоньку бранить другъ друга, точно какъ à parte въ театрѣ, а чтобы обратить мое вниманіе на то, что онѣ намѣрены говорить со мною, толкали меня ногою подъ столомъ, а Паладьева даже тихонько щипала.

Послѣ покупки дядею моимъ Дмитріемъ Волконскимъ дома въ Москвѣ, мать моя пріѣзжала каждую зиму въ Москву, и я по зимамъ праздничные дни проводилъ вмѣстѣ съ нею и обоими братьями.

Деревянный флигель, въ которомъ жилъ мой дядя, имѣлъ антресоли. При входѣ съ лѣстницы въ антресоль направо былъ коридоръ и двѣ ком-

наты, одна о двухъ окнахъ, а другая объ одномъ окнѣ, а налѣво съ лѣстницы въ антресолѣ была комната о двухъ окнахъ съ переднею. Въ той половинѣ антресолей, которая была вправо отъ лѣстницы, помѣщалась мать съ младшимъ братомъ до поступленія его въ Московскій кадетскій корпусъ. Въ коридорѣ жила ея служанка. Первая комната о двухъ окнахъ служила гостиною, а вторая—спальнею. Человѣкъ, служившій матери, жилъ въ общей избѣ. Комнату съ передней въ другой половинѣ антресолей занималъ старшій мой братъ, когда былъ отпускаемъ изъ корпуса, и когда эта комната не была занята кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ: тетки мои часто въ ней останавливались. Всѣ эти комнаты были малы, стѣны въ нихъ обѣлены по штукатуркѣ, а мебель въ нихъ самая простая. Бѣдно жила мать моя, потому что процентовъ съ ея весьма ничтожнаго капитала было мало для сколько-нибудь лучшей жизни, несмотря на то, что она жила въ домѣ своихъ братьевъ и лѣтомъ и зимою. Она берегла каждую копѣйку, чтобы имѣть возможность поддержать сыновей хотя въ первое время ихъ службы, а дочери дать что-нибудь въ приданое.

Мать моя была женщина религіозная, сострадательная къ несчастнымъ, щедрая по силѣ своихъ средствъ къ бѣднымъ. Она соблюдала всѣ посты во всей строгости, указанной православною церковью. Были дни, въ которые она даже ничего не ѣла. Церковныя службы посѣщала она весьма часто. Въ праздники явленій Божіей Матери и памяти Святыхъ любила бывать на службѣ въ тѣхъ церквахъ, которыя посвящены тѣмъ явленіямъ и тѣмъ святымъ. Она часто служила молебны и постоянно раздавала нищимъ милостыню. При всѣхъ службахъ ставила свѣчи къ иконамъ, а въ обѣдни вынимала части изъ просвиръ.

Когда мы были отпускаемы изъ заведеній, она всегда брала насъ съ собою. По бѣдности матери, конечно, большая часть этихъ богомолій совершалась пѣшкомъ.

По отдаленности Московскаго кадетскаго корпуса и заведенія Лопухиной отъ Остоженки, посылка за братомъ и мною по праздникамъ и наше обратное доставленіе ей были очень накладны. Обыкновенно посылала она пѣшкомъ за нами единственнаго ея слугу Дороѳея, который, смотря по состоянію погоды, приводилъ насъ пѣшкомъ или привозилъ на извозчикѣ. Экипажи состояли изъ дрогъ безъ рессоръ, на которыя садились бокомъ къ кучеру, и что-бы ноги не обрызгивались грязью, на нихъ накладывались кожаные фартуки. Только въ 1825 г. къ пріѣзду принца Оранскаго, мужа великой княгини Анны Павловны, бывшаго впослѣдствіи Королемъ Нидерландскимъ, было приказано придѣлать къ дрогамъ спинки и съ обѣихъ сторонъ крылья, что и образовало такъ называемыя дрожки-колиберъ.

При необыкновенно добрыхъ качествахъ моей матери, среда, въ которой она была воспитана и жила, не могла не имѣть на нее вліянія. Это выказывалось излишними требованіями отъ крѣпостной прислуги и взысканіями съ нея. Но и въ этомъ отношеніи видно было ея доброе сердце въ

томъ, что она по возможности цѣнила услуги, оказанныя крѣпостными ея людьми. Такъ въ ея услуженіи была дѣвушка Авдотья Никитина, которая въ то же время была нянькою всѣхъ четырехъ ея дѣтей. Нельзя понять теперь, какъ она могла успѣвать дѣлать все, что лежало на ея обязанности, и я помню, что къ ней мать моя всегда относилась хорошо. Она вышла замужъ за единственнаго слугу матери моей Дороѳея Сергѣева. У нихъ рожались дѣти каждый годъ, и потому въ зимнія поѣздки матери моей въ Москву Авдотья оставалась въ Студенцѣ, и для прислуги мать моя брала съ собою одну изъ крѣпостныхъ ея дѣвушекъ. Дороѳея Сергѣева мать моя также баловала и даже прощала такіе его проступки, которые при ея религіозности и высокой нравственности она должна была считать весьма важными. Дороѳей былъ очень силенъ, и я помню, какъ бывало при частыхъ нашихъ переѣздахъ онъ съ явною опасностію жизни удерживалъ, при спускѣ по крутымъ горамъ, лошадей нашего экипажа, а на необыкновенно дурныхъ дорогахъ поддерживалъ нашъ экипажъ, весьма грузный, такъ какъ въ немъ сидѣли мать со всѣми дѣтьми и служанкою. Въ Москвѣ Дороѳей былъ разсылаемъ пѣшкомъ съ записками къ роднымъ и знакомымъ и для мелкихъ покупокъ. Теперь непонятно, какъ много могъ онъ ходить. Получалъ же онъ всего жалованья въ годъ 20 р. асс. и на это онъ долженъ былъ сшить себѣ сапоги. Когда по просьбѣ моего старшаго брата ему прибавили 5 руб. къ годовому жалованью, онъ былъ вполнѣ доволенъ. Повторяю, что среда, въ которой жила мать моя, не могла не имѣть на нее вліянія, а теперь страшно вспомнить, какъ мой дядя, князь Дмитрій, весьма вспыльчиваго характера, колотилъ своихъ людей, въ особенности камердинера своего Спиридона. Отъ золотухи еще въ ребяческіе его годы у дяди согнулась лѣвая нога, и онъ всегда ходилъ на костылѣ, большею частію изъ чернаго дерева. Этимъ костылемъ часто бивалъ онъ своихъ людей. Это не мѣшало ему быть религіознымъ и набожнымъ. Дядя кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, но его образованіе было весьма не завидное: иностранныхъ языковъ онъ не зналъ.

Другой дядя князь Александръ, хотя не кончившій курса въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, былъ гораздо умнѣе и образованнѣе, легко читалъ французскія книги. Онъ также былъ вспыльчивъ до невѣроятности и больно колотилъ своихъ людей. Вообще онъ былъ добрѣе младшаго брата. Оба пользовались въ отношеніи крѣпостныхъ дѣвокъ тогдашними слишкомъ мало ограниченными правами владѣльцевъ людей. Дядя князь Николай, говорятъ, былъ гораздо лучшихъ свойствъ во всѣхъ отношеніяхъ, но я его мало зналъ.

Дядя князь Александръ въ описываемое мною время жилъ болѣе въ подмосковной деревнѣ. Онъ продалъ наслѣдственное свое подмосковное имѣніе с. Якишно, Подольскаго уѣзда, Дмитрію Никитичу Бегичеву, умершему впослѣдствіи сенаторомъ въ Москвѣ, и жилъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ с. Ишенки и с. Гришенки.

Онъ рѣдко пріѣзжалъ въ Москву; останавливался у брата своего Дмит-

рія. Они оба были членами Англійскаго клуба, гдѣ играли въ карты; играли и дома, и у знакомыхъ. Въ этомъ проходила наибольшая часть времени. Изъ игравшихъ съ ними помню знаменитаго тогда доктора, профессора Мудрова, который ихъ лечилъ. Онъ писалъ рецепты на полу-листѣ бумаги. Рецепты часто были такъ сложны, что для написанія ихъ недостаточно было одной страницы, рецептъ продолжался на ея оборотѣ.

Говорили тогда, сколько могу припомнить, что старшій дядя игралъ довольно счастливо, а младшій—напротивъ, такъ что онъ вскорѣ проигралъ деньги, вырученныя продажею Пензенскаго имѣнія.

Въ нашей семьѣ уваженіе къ старшимъ было сильно развито. Младшіе братья и сестры обращались съ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ дядѣ Александру и къ моей матери, которая, по смерти своей матери, воспитывала тетокъ Надежду, Прасковью и Настасью. Они говорили старшему брату и сестрѣ «вы». Мать моя, которая была очень дружна съ старшимъ братомъ, говорила ему также «вы». Уваженіе къ матери увеличивалось еще чувствомъ удивленія къ ея превосходнымъ качествамъ.

Насъ воспитывали въ томъ же духѣ. Отъ насъ требовали полнаго уваженія къ роднымъ и вообще къ старшимъ. Царь былъ для насъ вполнѣ священнымъ лицомъ. Малѣйшаго сужденія о религіозныхъ предметахъ, о Царской Фамиліи, о старшихъ отнюдь не допускалось. Россію представляли намъ первою державою; вѣру нашу религіею высшею всѣхъ прочихъ; русскій народъ—наилучшимъ народомъ. Въ нашей исторіи все прошедшее было торжественно; одна наша земля производила святыхъ; у насъ героевъ всякаго рода было множество; цари были благодѣтели. Петръ Великій—герой преобразователь; Ломоносовъ—герой ученый; Суворовъ—герой полководецъ.

Эти идеи были присущи и при воспитаніи предшествовавшаго намъ поколѣнія, но послѣ нашихъ политическихъ и военныхъ подвиговъ 1812—13—14 годовъ, конечно, онѣ приняли еще большее развитіе, чему много способствовала и издаваемая въ то время «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, которую мы прилежно читали, зная въ то же время наизусть многое изъ Державина, Петрова, Дмитріева, Капниста и другихъ и повторяя съ первымъ «Россія, бранная Царица, какихъ въ тебѣ героевъ нѣтъ» и проч. тому подобное.

Когда мы проводили праздники дома, мать наша за нами слѣдила строго и не только не упускала взыскать за каждый проступокъ, но и за каждое слово неумѣстно, по ея мнѣнію, сказанное нами, а неумѣстнымъ считалось всякое сужденіе о начальствѣ, о старшихъ или о фактѣ изъ Русской исторіи, когда оно было несогласно съ мнѣніемъ, принятымъ тогда большею частію общества. Несмотря на такую строгость, мы ее очень любили, охотно проводили у нея праздники и съ горестію ожидали приближенія времени, когда надо было возвращаться въ заведеніе, въ особенности горевали братья Александръ и Николай, поступившій въ Московскій кадетскій корпусъ въ 1824 или 1825 году, такъ какъ въ корпусѣ съ кадетами обращались

тогда очень дурно. Предъ уходомъ братьевъ, они должны были надѣвать весьма толстыя кожаныя крачи, которыя застегивались съ боку ногъ на мѣдныхъ пуговицахъ. Это одѣяніе требовало много времени и было очень затруднительно. Вообще солдатская форма, которую носили и кадеты, была очень неудобна и служила только къ затрудненію при движеніи.

Въ случаѣ дурной погоды, а также по безденежью, мать иногда просила дядю Дмитрія дать свой экипажъ, чтобы насъ отвезти. Случалссь, что онъ отказывалъ, и когда бывали въ Москвѣ другіе ея братья, то они предлагали свои экипажи. Отказы дяди Дмитрія возбуждали неудовольствіе матери и насъ смущали, такъ какъ мы видѣли въ этомъ его неуваженіе и не любовь къ матери, которая только и проявлялась въ этихъ случаяхъ, такъ какъ я уже упоминалъ объ его постоянной почтительности къ своей старшей сестрѣ.

Въ то время братья мои и я осуждали за это дядю Дмитрія и хвалили другихъ дядей, но мы при этомъ не принимали въ соображеніе, что при большомъ разстояніи отъ Остоженки до кадетскаго корпуса иногда и невозможно было давать лошадей послѣ утреннихъ большихъ разъѣздовъ дяди, который мало сидѣлъ дома, между тѣмъ какъ другіе дяди большею частью имѣли наемныхъ лошадей и, конечно, не берегли ихъ. У матери моей въ Москвѣ было много родственниковъ и знакомыхъ. Близкихъ не было, но тогда и къ дальнимъ родственникамъ, въ особенности въ нашемъ семействѣ, были ближе, чѣмъ теперь къ близкимъ.

Изъ родственниковъ князей Волконскихъ, къ которымъ возили насъ по праздникамъ на поклонъ, помню только старыхъ князей: Николая Алексѣевича, очень добраго, котораго домъ былъ на Садовой, и Дмитрія Михайловича, суроваго старика, котораго домъ былъ на Самотекѣ. Ближайшій нашъ родной изъ Волконскихъ завѣдывалъ въ то время дворцовыми садами, но его мы видали рѣдко.

Изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ наиболѣе посѣщали мы Зуевыхъ, дальнихъ нашихъ родственниковъ. Авдотья Осиповна Зуева, вдова бывшаго Псковскаго губернатора, очень старая женщина, нанимала домъ на Остоженкѣ въ переулкѣ, смежномъ съ Штатнымъ. При ней находились старыя двѣ дочери, Екатерина, вдова Бѣлухо-Кохановская, и Марья дѣвица и сынъ—старый холостякъ, отставной морякъ; они жили довольно бѣдно. Другой сынъ, также очень старый, отставной полковникъ Сергѣй съ женою Варварою Ивановною и двумя малолѣтними дѣтьми Леонидомъ и Маріею жили въ одномъ съ нами переулкѣ въ собственномъ домѣ.

Семейство Зуевыхъ могло бы служить хорошимъ типомъ для романиста.

А. О. Зуева, о молодости которой, какъ я узналъ впослѣдствіи, имѣлись не очень благопріятныя преданія, была чрезвычайно строга къ обѣимъ своимъ уже старымъ дочерямъ и къ сыновьямъ. Все передъ ней ходило по стрункѣ и съ чрезвычайнымъ къ ней уваженіемъ. Въ старости она пользовалась имъ и отъ постороннихъ, въ томъ числѣ отъ моей матери, кото-

рая называла ее тетушкою. Пятидесятилѣтнія ея дочери не имѣли права никуда отлучаться безъ ея позволенія; она неохотно ихъ отпускала изъ дома и не иначе, какъ съ дамами ей хорошо извѣстными, напримѣръ, съ моей матерью, которую она очень любила и уважала.

Во время праздниковъ коронаціи Императора Николая мать моя старалась доставить имъ нѣкоторое развлеченіе и каждый разъ съ трудомъ выпрашивала у А. О. Зуевой отпустить ея дочерей на бывшіе народные праздники. Когда мать моя просила отпустить ихъ на какой-то большой парадъ или ученье, бывшее въ Хамовникахъ, то А. О. Зуева нашла не только то, что онѣ слишкомъ часто пользуются развлеченіями по милости моей матери, но что и не совсѣмъ прилично ѣхать смотрѣть на маршировку множества мужчинъ, а младшей ея дочери дѣвицѣ было тогда за 50 лѣтъ.

Акуратность и точность во всѣхъ дѣйствіяхъ, даже самыхъ ничтожныхъ, въ семействѣ Зуевыхъ были необыкновенныя. Но болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, онѣ были развиты въ С. Х. Зуевѣ.

Въ домѣ его было все чисто и прибрано къ мѣсту, ничто не мѣнялось. Выходилъ онъ изъ своего кабинета и въ него возвращался въ опредѣленные часы; одѣтъ былъ постоянно въ военномъ сюртукѣ съ Владимірскимъ крестомъ и Анненскимъ съ алмазами на шеѣ. Платье это—сюртукъ и брюки—онъ сшилъ въ 1814 г. въ Парижѣ и сохранилъ его до своей смерти безъ пятенъ, хотя онъ прожилъ послѣ того около четверти вѣка. Для сохраненія своего платья онъ, садясь въ кресла, стряхивалъ съ него пыль платкомъ и обдувалъ его со всѣхъ сторонъ, фалды сюртука подбиралъ на колѣна, никогда не прикасался спиною къ спинкѣ мебели и рукавами къ ручкамъ мебели или къ столу. Все это было въ немъ такъ натурально, что не обращало ничьего особеннаго вниманія и поражало только меня рѣзваго, неакуратнаго мальчика, отличавшагося всегда скорымъ истираніемъ и пачканіемъ моего платья. С. Х. Зуевъ не выдержалъ однако своего характера при воспитаніи дѣтей, которыхъ онъ и жена его Варвара Ивановна баловали безъ толку, и изъ нихъ ничего путнаго не вышло. Сынъ Леонидъ пьянствовалъ, оставилъ рано службу и женился на дворовой дѣвушкѣ; онъ уже умеръ.

Дочь Марья была недурна собою, вышла за своего родственника Веселицкаго, бывшаго впослѣдствіи начальникомъ военной дивизіи, имѣла сына *) и вскорѣ разошлась съ мужемъ.

В. И. Зуева имѣла нѣкоторое состояніе, но оно весьма уменьшилось, несмотря на скупость ея мужа. Имѣніе это они разстроили слѣдующимъ образомъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ отцу С. Х. Зуева землю на одномъ изъ острововъ Чудскаго озера, съ населенными на ней крестьянами. Крестьяне платили самый незначительный оброкъ, которымъ довольствовались его сыновья и вдова съ дочерьми. Между тѣмъ на означенной землѣ поселились вольные люди въ виду выгодъ, которыя можно

*) Извѣстнаго въ 1876 г. дѣятеля въ Черногоріи.

было получить отъ обильной рыбной ловли. Сыновья Зуева, состоя на службѣ, были разсѣяны по всей Россіи, а вдова и дочери не понимали значенія этой ловли и невыгодъ отъ новыхъ поселенцевъ. Послѣдніе же подали въ 1817 г. просьбу Императору Александру объ образованіи изъ ихъ поселенія посада, что и было утверждено безъ справокъ о томъ, что они поселились на чужой землѣ. По утвержденіи же посада, новые поселенцы, считая себя хозяевами, начали стѣснять крестьянъ, принадлежащихъ Зуевымъ, такъ что послѣдніе не могли платить незначительнаго на нихъ наложеннаго оброка.

Тогда только Зуевы начали доказывать свои права и требовать отъ казны вознагражденія за убытки. С. Х. Зуевъ, одинъ изъ всѣхъ братьевъ, имѣлъ состояніе и потому принялъ на себя хлопоты, послужившія къ его разоренію и не приведшія ни къ какому результату.

Въ 1830 г., когда я прапорщикомъ слушалъ курсъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, онъ пріѣзжалъ для упомянутаго дѣла съ женою своею въ Петербургъ, гдѣ остановился въ небольшой комнатѣ и за обѣдъ для себя и жены платилъ въ мѣсяцъ 25 р. асс.; тѣмъ не менѣе веденіе этого дѣла послужило къ разоренію С. Х. Зуева. Послѣ смерти его веденіе дѣла принялъ на себя его родной племянникъ Петръ Павловичъ Зуевъ, генералъ-маіоръ инженеровъ путей сообщенія и бывшій долго начальникомъ Николаевской желѣзной дороги, но дѣло до сего времени не окончено. Оно доходило до Сената и до Государственнаго Совѣта. Говорятъ, что будто бы непомѣрныя требованія П. П. Зуева, при исчисленіи вознагражденія за убытки, повели къ тому, что дѣло перешло снова на обсужденіе низшихъ инстанцій.

Въ одно изъ нашихъ посѣщеній А. О. Зуевой, осенью 1825 г., дочери ея писали письма въ Петербургъ къ своему родному племяннику Александру Павловичу Зуеву, бывшему тогда капитаномъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Въ то время почта ходила изъ Москвы въ Петербургъ только три раза въ недѣлю, и такъ какъ слѣдующій день былъ не почтовый, то мать моя спросила писавшихъ письма, зачѣмъ онѣ торопятся. Онѣ объяснили, что письма посылаются не по почтѣ, а черезъ полковника Варенцова, пріѣхавшаго въ Москву съ Главноуправляющимъ путями сообщенія, герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ, который выѣзжалъ въ Петербургъ на другой день.

Мать моя упрекала ихъ, что онѣ ей прежде не сказали о пріѣздѣ герцога въ Москву, такъ какъ она располагала меня отдать въ инженеры путей сообщенія, но онѣ ей объяснили, что ничего отъ нея объ этомъ не слыхали. Мать немедля рѣшилась лично подать герцогу прошеніе объ опредѣленіи меня въ Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и узнавъ, что онъ остановился въ домѣ Дмитрія Дмитріевича Шепелева, на Швивой горкѣ *), сейчасъ поѣхала къ своей пріятельницѣ Аннѣ Ива-

*) Огромный домъ этотъ былъ выстроенъ тестемъ Шепелева, Иваномъ Родіоновичемъ Баташевымъ, весьма богатымъ заводчикомъ. Въ бытность французовъ въ 1812 г.

новнѣ Шепелевой, племянницѣ владѣльца дома. А. И. Шепелева жила въ домѣ сестры своей Марьи Ивановны Сухово-Кобылиной, въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ; третья ихъ сестра Софья Ивановна была за дальнимъ родственникомъ моей матери, бывшимъ тогда въ отставкѣ генералъ-маіоромъ Николаемъ Ивановичемъ Жуковымъ. Мать моя съ А. И. Шепелевой условились, что послѣдняя пришлетъ свою карету за моею матерью, которая, взявъ меня изъ заведенія, поѣдетъ къ ней, а потомъ съ нею вмѣстѣ къ герцогу, гдѣ и постараются представиться чрезъ Варенцова, къ которому было письмо отъ Зуевыхъ.

Крайне дальнія разстоянія отъ Харитонія въ Огородникахъ до Остоженки, съ заѣздомъ на обратномъ пути за мной на Солянку, были причиною того, что мы опоздали и встрѣтили герцога на Яузкомъ бульварѣ, скачущаго въ дорожной коляскѣ, запряженной шестью лошадьми. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ Варенцовъ. Мы повернули за ними въ погоню и когда съ ними поравнялись, мать моя хотѣла остановить нашу карету, но А. И. Шепелева приказала скакать далѣе, чтобы имѣть время для выхода моей матери и моего изъ кареты. Проскакавъ еще нѣсколько, мать моя вышла изъ кареты, и вскорѣ съ нами поравнялась коляска герцога, который, видя выходящую даму, приказалъ остановиться. Герцогъ принялъ бумагу, поданную матерью, и когда Варенцовъ передалъ ему по-французски словесную просьбу матери, онъ попросилъ ее сѣсть обратно въ карету, а мнѣ приказалъ сѣсть въ его коляску, напротивъ его. Когда я влѣзъ и сѣлъ, онъ спросилъ меня, говорю-ли я по-французски и по-нѣмецки, и продолжалъ меня разспрашивать то на томъ, то на другомъ языкѣ о томъ, чего желаетъ мать моя, сколько мнѣ лѣтъ и какъ далеки мои познанія въ математикѣ. Моими отвѣтами и произношеніемъ на обоихъ языкахъ онъ остался доволенъ; находилъ, что я по моимъ лѣтамъ не могу еще вступить въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, куда, по существовавшему тогда положенію, не принимали моложе 16 лѣтъ, удивлялся, что я такъ много уже знаю изъ математики, и поручилъ мнѣ сказать моей матери, что онъ прикажетъ инженеръ-полковнику Янишу, бывшему тогда управляющимъ III (Московскимъ) Округомъ путей сообщенія, меня проэкзаменовать. Затѣмъ герцогъ со мною простился; я, видимо, произвелъ хорошее впечатлѣніе.

Слѣдующія причины служили поводомъ для моей матери взять меня изъ заведенія Лопухиной и отдать въ Институтъ путей сообщенія:

1-я. Говорили вообще, что Д. Н. Лопухина не желаетъ болѣе продолжать жертвовать деньги на содержаніе мужскаго заведенія, что она вскорѣ воспитанниковъ или возвратитъ роднымъ, или помѣститъ для окончанія гимназическаго курса въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ. Дѣйствительно,

---

въ немъ жилъ Мюратъ, но и онъ пострадалъ отъ пожара. Баташевъ послѣ того отдѣлалъ его великолѣпно, употребивъ на это нѣсколько сотъ тысячъ руб. асс. Въ 1826 г. во время коронаціи Императора Николая I въ немъ стоялъ герцогъ Девонширскій, посолъ Великобританіи.

воспитанники ея заведенія въ 1826 г. были помѣщены на ея счетъ въ частный пансіонъ Вейденгаммера.

2-я. Я былъ первымъ воспитанникомъ заведенія по ученію, за исключеніемъ рисованія. Мои товарищи должны были поступить въ 1826 г. въ университетъ, а я по малолѣтству долженъ былъ бы оставаться въ заведеніи повторять зады.

3-я. Мнѣ крѣпко не нравились кадетскіе корпуса, но, конечно, на это бы не посмотрѣли, еслибъ я не вышелъ уже изъ лѣтъ для поступленія въ эти корпуса и если бы вслѣдствіе воспоминанія матери о томъ, что отецъ нѣсколько времени служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, не явилось у нея желаніе, чтобы одинъ изъ ея сыновей служилъ въ томъ же вѣдомствѣ. Это желаніе было подкрѣплено еще тѣмъ, что инженеры путей сообщенія, служившіе въ то время въ Москвѣ, не только играли въ обществѣ самую видную роль, но въ молодыхъ лѣтахъ были штабъ-офицерами и кавалерами двухъ орденовъ Владиміра и Анны, а на чины и ордена тогда обращалось большое вниманіе. Дѣйствительно, въ то время, по недостатку высшихъ чиновъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, младшихъ подвигали быстро, и воспитанники перваго, бывшаго въ 1811 г., выпуска изъ Института были уже полковниками. Конечно, мать моя не понимала, что когда высшіе чины въ корпусѣ пополнятся, то движеніе по службѣ должно пріостановиться, какъ дѣйствительно и случилось.

Вскорѣ получено было извѣщеніе, что, по распоряженію герцога Виртембергскаго, я долженъ явиться въ назначенный вечеръ къ Управляющему III Округомъ путей сообщенія, Николаю Ивановичу Янишу, для экзамена, который будетъ произведенъ въ его присутствіи корпуса инженеровъ путей сообщенія полковникомъ Николаемъ Богдановичемъ Гермесомъ.

По нашемъ пріѣздѣ, Янишъ, добрѣйшій человѣкъ, и его жена приняли мать мою и меня чрезвычайно ласково и объявили, что вмѣсто Гермеса меня будетъ экзаменовать Строительнаго отряда путей сообщенія капитанъ Павелъ Васильевичъ Максимовъ. Онъ, хотя и не былъ воспитанникомъ Института путей сообщенія, но, конечно, зналъ болѣе Гермеса и былъ болѣе пригоденъ для производства экзамена, который я выдержалъ хорошо.

По донесенію Яниша какъ объ этомъ, такъ и о томъ, что мать моя не имѣетъ средствъ для дальнѣйшаго моего образованія, герцогъ Виртембергскій, имѣя въ виду, что я по лѣтамъ не могу поступить въ Институтъ, назначилъ меня въ 1827 г. въ Строительное училище путей сообщенія.

Въ титулѣ указа объ опредѣленіи меня въ Строительное училище значилось: «по повелѣнію Его Величества Государя Императора Константина Павловича», и это даетъ мнѣ поводъ разсказать о впечатлѣніи, произведенномъ смертію Императора Александра I.

По полученіи извѣстія о его кончинѣ, совершенно неожиданной, намъ въ заведеніи Лопухиной казалось все мрачнымъ и страшнымъ. Не помню,

было-ли это слѣдствіемъ того, что мы были поражены смертію человѣка, котораго считали всемогущимъ и благодѣтелемъ нашего отечества, или того настроенія, которое было общее всему Московскому обществу, ожидавшему какихъ-то невзгодъ отъ перемѣны царствующаго лица. Вскорѣ это тревожное состояніе оправдалось полученнымъ извѣстіемъ о 14-мъ декабря, о тайныхъ обществахъ, о смутахъ въ разныхъ краяхъ Россіи и арестѣ нѣсколькихъ лицъ въ Москвѣ и во всей Россіи. Я съ другими воспитанниками видѣлъ, какъ полиція взяла одного изъ членовъ тайнаго общества изъ дома Глѣбова. Дворъ этого дома находился противъ окошекъ того флигеля, который занимало наше заведеніе.

Объ этомъ времени у меня осталось самое грустное воспоминаніе. Не только никто не старался въ своихъ сужденіяхъ оправдать по возможности дѣятелей тайныхъ обществъ, но всѣ ихъ осуждали и кара правительственная, конечно, не превосходила той кары, которая на нихъ налагалась мнѣніемъ общества, по крайней мѣрѣ того общества, которое мнѣ было тогда доступно, чему явнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что извѣстія о наказаніяхъ, къ которымъ были приговорены члены бывшихъ тайныхъ обществъ и которые были неоднократно перечитаны, не вызывали состраданія.

Приведеніе къ присягѣ сначала Константину Павловичу, а черезъ нѣсколько дней Николаю Павловичу, было принято всѣми, а тѣмъ болѣе нами, мальчиками, безъ всякаго удивленія. Оставленіе Имперіи по секретному завѣщанію младшему брату помимо старшаго всѣмъ мнѣ извѣстнымъ лицамъ казалось дѣломъ правильнымъ.

Передъ провозомъ тѣла Императора черезъ Москву носились слухи, что будутъ разныя смуты, грабительства и нападенія на гробъ для доказательства, что Александръ умеръ не своею смертію. Жители Москвы очень опасались этого и правительство принимало предупредительныя мѣры. Но все обошлось тихо. Я видѣлъ церемонію провоза тѣла и ходилъ ему поклониться.

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ тѣло Императора, былъ Елпидифоръ Антоновичъ Зуровъ (умеръ въ декабрѣ 1871 г.). Онъ прежде служилъ въ Ельцѣ въ Переславскомъ Конноегерскомъ полку вмѣстѣ съ дядей моимъ. А. Г. Замятнинъ былъ знакомъ съ дядей княземъ Дмитріемъ, который чрезъ него познакомился съ бывшимъ вагенмейстеромъ при Императорѣ и также сопровождавшимъ его тѣло, полковникомъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ Соломкою (нынѣ генералъ-лейтенантъ и генералъ вагенмейстеръ), давно по болѣзни не сходящій съ постели). Манифестъ новаго Государя о порядкѣ престолонаслѣдія былъ читанъ въ обществѣ моихъ родныхъ со слезами умиленія. Они говорили, что онъ написанъ самимъ Государемъ, не считая возможнымъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ его, могъ рѣшиться упоминать о предположеніяхъ смерти Государя, его сына и брата.

Въ концѣ 1825 г. мать моя, узнавъ о тяжкой болѣзни своего друга С. П. Боборыкиной, ѣздила за нею въ Нижній Новгородъ, откуда пере-

везла ее въ топленой каретѣ въ Москву. Вмѣстѣ съ ними пріѣхали мужъ Боборыкиной и ихъ дѣти, а сестру мою мать взяла къ себѣ. Боборыкина вскорѣ умерла.

Въ началѣ 1826 г. мать моя взяла меня изъ заведенія Д. Н. Лопухиной, и для сестры и для меня пригласили учителей. По ея бѣдному состоянію плата имъ за уроки была выше ея средствъ.

Закону Божію училъ насъ священникъ Московскаго коммерческаго училища Соловьевъ, отецъ извѣстнаго профессора и историка. Учиться танцовать меня и сестру возили къ Гвоздевымъ, у которыхъ было много дѣтей. У нихъ же вмѣстѣ съ нами учились сынъ и дочь князя А. С. Меньшикова, изъ которыхъ ничего путнаго не вышло. Сынъ теперь генералъ-адъютантомъ, а дочь была за Вадковскимъ. Они пріѣзжали съ матерью. Отецъ ихъ былъ посланъ тогда въ Персію и привезъ войну, также какъ изъ посольства въ Константинополь въ 1853 г.

Изъ учителей заведенія Лопухиной были приглашены для обученія математики адъюнктъ-профессоръ Московскаго университета Кацауровъ и для рисованія Сухаревъ. Я уже пять лѣтъ учился у послѣдняго, но не оказалъ почти никакихъ успѣховъ, и это продолженіе ученія было для меня безполезно. Насколько я имѣлъ дарованія для изученія наукъ, настолько же или еще болѣе не имѣлъ способностей къ рисованію, черченію и вообще всему, для чего требовалось участіе рукъ. Мать моя для развитія во мнѣ способности къ ручной работѣ купила карточку, цвѣтной бумаги, клею, ножей и т. п., но сколько я ни пробовалъ рѣзать и клеить, все было неудачно.

При выходѣ изъ заведенія Лопухиной, я полагалъ необходимымъ подарить что-нибудь своимъ прежнимъ товарищамъ. Мать моя согласилась дать на это небольшую сумму. Я уже покупалъ разныя вещи и между прочимъ очень хорошенькія тросточки съ стальными молоточками на верхнемъ кончикѣ, какъ было вся покупка пріостановилась. Тетка моя княжна Татьяна за годъ передъ этимъ была въ Москвѣ и сшила мнѣ хорошій сюртукъ для ношенія его по праздникамъ вмѣсто курточки, въ которой меня отпускали изъ заведенія. Во время поѣздки матери въ Нижній Новгородъ я взялъ сюртукъ въ заведеніе и тамъ его подарилъ кому-то изъ воспитанниковъ на память обо мнѣ, а взамѣнъ получилъ какую-то бездѣлицу. Этотъ невыгодный обмѣнъ, но всего болѣе мое самовольство, очень разсердили мать мою, которая меня сильно бранила и грозила высѣчь. Не понимаю, какимъ образомъ и на этотъ разъ я избѣгнулъ сѣченья. Вслѣдствіе умилительной моей просьбы мать меня простила, все было забыто и пошло попрежнему.

Въ это время мать моя, чтобы пріучить къ хозяйству мою сестру и чтобы имѣть свой уголъ, купила небольшое имѣніе с. Чегодаево въ 45-ти верстахъ отъ Москвы, въ Подольскомъ уѣздѣ. Оставленіе моею матерью с. Студенецъ было очень чувствительно для крестьянъ не только этого села, но и всѣхъ окрестныхъ деревень. Она подавала имъ добрые совѣты,

лечила ихъ домашними средствами, такъ хорошо дѣйствующими на простыя ихъ натуры, и сберегала ихъ деньги, которыя они ей отдавали на храненіе, какъ въ самыя вѣрныя руки. Сколькихъ она черезъ это оберегла отъ пьянства, сколькимъ сохранила ихъ состояніе, въ особенности въ 1819 г. при перемѣнѣ формы государственныхъ ассигнацій. Извѣстно, что большое число крестьянъ пропускаютъ сроки для обмѣна старыхъ ассигнацій на новыя и черезъ это теряютъ весь нажитый тяжкими трудами капиталъ. Конечно, ассигнаціи тѣхъ крестьянъ, которые ихъ отдавали на храненіе моей матери, были обмѣнены своевременно, а прочимъ сосѣднимъ крестьянамъ было постоянно внушаемо, чтобы они не пропускали срока ихъ обмѣна.

Въ началѣ весны 1826 г. мы переѣхали въ купленное матерью моею с. Чегодаево, гдѣ нашли очень ветхій домикъ съ небольшимъ запущеннымъ садомъ, расположеннымъ на высокомъ берегу р. Мечь, которая дѣлаетъ при усадьбѣ двѣ извилины почти подъ прямыми углами, такъ что рѣку видно съ трехъ сторонъ, и вообще видъ изъ дома и сада былъ очень красивый. Видно было нѣсколько селъ, а всего ближе черезъ рѣку виднѣлось с. Сальково, къ которому мы были прихожанами. Въ части с. Чегодаева, купленной матерью, было 20 душъ крестьянъ и 240 десятинъ земли въ чрезполосномъ владѣніи. Пропорція земли весьма значительная для Московской губерніи. У двухъ же помѣщиковъ, которымъ принадлежала остальная часть Чегодаева, было гораздо болѣе крестьянъ съ 5-ю или 6-ю десятинами на душу, такъ что они, благодаря чрезполосности, пользовались постоянно нашею землею.

Съ того времени, какъ мать взяла сестру отъ Боборыкиныхъ, она сдѣлалась къ ней еще строже прежняго. Эта строгость продолжалась и въ деревнѣ, тогда какъ мнѣ была дана нѣкоторая свобода бѣгать по саду, полямъ и т. п. Я часто ходилъ смотрѣть на полевыя работы, видѣлъ обсѣмененіе полей овсомъ на другой день послѣ Николы, косьбу послѣ Петра и Павла, молотьбу послѣ Казанской и т. д.; купался въ рѣкѣ и ловилъ раковъ въ присутствіи и съ помощью Дороѳея Сергѣева, сдѣлавшагося, сверхъ другихъ должностей, моимъ дядькою. Мы бывали часто въ с. Сальковѣ, въ церкви, на базарѣ и у священника, у котораго 1-го августа я ѣлъ прекрасные огурцы съ медомъ. Мы ѣзжали иногда и къ близкимъ сосѣдямъ, но я мало помню объ этихъ выѣздахъ нашихъ. Изъ дальнихъ сосѣдей помню семейство Николая Ивановича Васильчикова въ Лопаснѣ и въ особенности Александра Васильевича Васильчикова въ с. Васильевскомъ. Съ послѣднимъ я еще не разъ встрѣчусь въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

Передъ коронаціей Императора Николая I мы поѣхали къ дядѣ князю Александру въ с. Ишенки и съ нимъ въ с. Рожествено, принадлежавшее Николаю Ивановичу Жукову. Въ его прекрасномъ домѣ, окруженномъ садами, мы провели нѣсколько дней. Въ это время черезъ с. Рожествено проходилъ въ Москву Кіевскій гренадерскій полкъ, которымъ передъ этимъ командовалъ Н. И. Жуковъ, а настоящимъ его командиромъ былъ

полковникъ Фроловъ (впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи), замѣчательный тѣмъ, что всѣ были увѣрены, что онъ послужилъ Грибоѣдову типомъ Скалозуба въ его превосходной комедіи «Горе отъ ума». Въ какомъ порядкѣ были погончики, петлички у всѣхъ чиновъ полка, и какъ новый командиръ хотѣлъ выказаться передъ прежнимъ—и говорить нечего. Меня мало занимали разговоры моихъ однолѣтковъ, я всегда старался слушать разговоры старшихъ. Разговоры Жукова съ Фроловымъ представляли для меня новость, и я всегда былъ недалеко отъ нихъ, за что неоднократно бранилъ меня дядя князь Александръ, замѣчая, что не слѣдуетъ соваться туда, гдѣ старшіе; онъ говорилъ мнѣ: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ».

Лѣтнее пребываніе въ 1826 г. въ деревнѣ оставило во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Особливо любилъ я гулять въ рощахъ. Въ 1821 г. я оставилъ деревню и мало помню мое житье въ ней. Послѣ 1826 г. постоянно находясь на государственной службѣ, я никогда не пользовался цѣлое лѣто деревенской жизнью.

Въ началѣ августа мы пріѣхали въ Москву. Мать моя жила въ это время въ двухъ комнатахъ антресолей флигеля дяди моего Дмитрія. Въ другихъ комнатахъ антресолей жили мои дяди: Николай, бывшій тогда въ отставкѣ, и Александръ. На время коронаціи нанимали большой домъ моего дяди А. Д. Соломка, а флигель близъ сада полковникъ Холанскій, бывшій, кажется, въ то время женихомъ. Его дочь вдова Шалашникова теперь живетъ въ Петербургѣ и знакома съ моею женою.

Я видѣлъ торжественный въѣздъ передъ коронаціей Государя въ Москву и въ день коронаціи смотрѣлъ съ мѣстъ, устроенныхъ между Ивановскою колокольнею и Архангельскимъ соборомъ, на выходъ Государя съ Краснаго крыльца и на шествіе его съ Императрицею подъ балдахиномъ въ порфирѣ и коронѣ, въ сопровожденіи цесаревича Константина Павловича, изъ Успенскаго въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и обратно на Красное крыльцо. Видѣлъ народное гулянье на Дѣвичьемъ полѣ изъ ложи одной изъ галлерей, построенныхъ для зрителей, обѣдъ, дававшійся военнымъ чинамъ въ огромномъ Московскомъ экзерциргаузѣ, и фейерверкъ передъ кадетскимъ корпусомъ.

Мнѣ не съ кѣмъ было быть въ Кремлѣ въ день коронаціи. Двое дядей, бывшіе въ отставкѣ съ мундиромъ, были назначены въ шествіе, третій былъ хромъ. Я досталъ два билета на мѣста, съ которыхъ можно было видѣть шествіе, и предложилъ одинъ изъ нихъ адъюнктъ-профессору Кацаурову, у котораго и ночевалъ съ 21 на 22-е августа, и въ этотъ день рано утромъ отправился съ нимъ въ Кремль, но полиція не въ одни изъ кремлевскихъ воротъ насъ не пропускала, несмотря на наши билеты, пока мы не добрались до послѣднихъ воротъ Спасскихъ, и потомъ едва могли пройти отъ воротъ до устроенныхъ мѣстъ чрезъ площадь, буквально усѣянную народомъ.

Фейерверкъ, необыкновенно великолѣпный, былъ сожженъ передъ кадетскимъ корпусомъ, на балконѣ котораго помѣщалась Императорская

фамилія. Понятно, что выборъ этой мѣстности былъ сдѣланъ Государемъ съ тою цѣлью, чтобы и кадеты могли видѣть хотя одинъ изъ праздниковъ коронаціи. Уходя послѣ фейерверка, Государь замѣтилъ, что почти всѣ кадеты стояли въ коридорахъ и комнатахъ, такъ что изъ нихъ видѣли фейерверкъ только стоявшіе въ караулѣ при балконѣ, въ томъ числѣ старшій братъ мой, а всѣ окна зданія, обращенныя къ фейерверку, были отданы публикѣ. Государь выразилъ свое неудовольствіе директору корпуса Ушакову.

На обѣдѣ въ экзерциргаузѣ были только военныя лица, а изъ непринадлежащихъ къ военному званію, вѣроятно, былъ одинъ я. Вотъ какъ это случилось. На время коронаціи по домамъ столицы былъ учрежденъ военный постой. Въ домъ моего дяди князя Дмитрія было помѣщено восемь музыкантовъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Они меня очень любили и пригласили съ собою на хоры экзерциргауза, на которыхъ они должны были играть во время обѣда. При входѣ въ экзерциргаузъ полиція затруднялась меня впустить, но музыканты увѣрили, что я пѣвчій, и меня пропустили, хотя и не полагалось пѣнія во время обѣда.

По случаю постоя этихъ музыкантовъ въ домѣ дяди Дмитрія произошло очень памятное мнѣ столкновеніе между командиромъ 1-го баталіона Преображенскаго полка флигель-адъютантомъ Микулинымъ и моимъ дядею. Нижніе чины были размѣщены постоемъ въ домахъ частныхъ владѣльцевъ, которые, по собственному желанію, кормили своихъ постояльцевъ, о чемъ однако же не было ни общаго предварительнаго приговора, ни общаго согласія. Дядя же мой не намѣренъ былъ кормить поставленныхъ въ его домъ музыкантовъ, такъ что они ничего не получали на ѣду ни отъ начальства, ни отъ домохозяина. Конечно, это не могло долго продолжаться. Вскорѣ по приходѣ въ Москву Преображенскаго баталіона полковникъ Микулинъ въ сопровожденіи баталіоннаго адъютанта графа Зубова, вбѣжавъ въ комнату дяди, гдѣ съ нимъ сидѣли дядя Николай и я, громко и въ рѣзкихъ выраженіяхъ требовалъ, чтобы дядя, подобно всѣмъ другимъ владѣльцамъ, кормилъ своихъ постояльцевъ. Онъ говорилъ, что о поступкѣ дяди, доказывающемъ будто бы недостатокъ вѣрноподданническихъ чувствъ, будетъ доведено до свѣдѣнія Государя и что дядя подвергнется за это и невѣсть какимъ бѣдамъ. Дядя при входѣ Микулина и Зубова всталъ, на крикъ же Микулина отвѣчалъ также крикомъ и рѣзко, что обязанности, возлагаемой на него Микулинымъ, онъ не признаетъ и что безъ особеннаго законнаго распоряженія городскаго управленія, а не по одному требованію частнаго пристава или квартальныхъ надзирателей, желающихъ угодить Микулину, дядя кормить нижнихъ чиновъ не будетъ. Въ этомъ спорѣ, долго продолжавшемся, Микулинъ часто повторялъ имя Государя, говоря, что Преображенскій полкъ—первый полкъ Его Величества, что въ первомъ баталіонѣ рота Его Величества, что онъ самъ флигель-адъютантъ Его Величества, но ничего не помогло. Явно было, что его требованія были несправедливы. Съ другой стороны дядя часто

напоминалъ, что онъ говоритъ съ княземъ Волконскимъ. Свидѣтели этой сцены: дядя Николай, я и графъ Зубовъ, все время молчали, но было видно на лицѣ послѣдняго, какъ ему противно было поведеніе Микулина,

Дядя Дмитрій былъ большой чудакъ, а потому иногда очень скупъ. иногда щедръ. Онъ постоянно любилъ сопротивляться даже законнымъ распоряженіямъ полиціи и выставлять свое княжеское достоинство. Конечно, и полиція не помогла Микулину принудить дядю кормить поставленныхъ у него въ домѣ музыкантовъ, но они были довольны своимъ житьемъ, и я полагаю, что дядя другимъ путемъ, безъ вѣдома Микулина, ихъ вознаградилъ.

Во время моего дѣтства полиція играла въ Москвѣ большую роль, не говоря уже объ оберъ-полиціймейстерѣ Шульгинѣ 1-мъ, который былъ всѣмъ извѣстенъ и въ 1825 г. замѣненъ Шульгинымъ 2-мъ, бывшимъ впослѣдствіи С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Кто не зналъ полиціймейстеровъ полковниковъ Ровинскаго и Обрѣзкова? Про перваго ходила бездна анекдотовъ, разскажу нѣкоторые. Говорили, что онъ требовалъ, чтобы пожарныя команды выѣзжали изъ дворовъ, въ которыхъ онѣ помѣщаются, за четверть часа до пожара; что при разъѣздахъ изъ театровъ онъ пробирался черезъ публику, толкая всѣхъ своими плечами и приговаривая: «по должности»; что на гуляньяхъ полицейскому жандарму, который, не добившись установки чьего-нибудь экипажа въ рядъ, предоставлялъ ему ѣхать произвольно, говаривалъ: «жандармъ, ты не безпристрастенъ»; что съ воцареніемъ Николая Павловича онъ, заявляя, что гордился при покойномъ Императорѣ Александрѣ именемъ своимъ Александра Павловича, просилъ его переименовать въ Николая Павловича; что, такъ какъ онъ при разъѣздахъ изъ театровъ и собраній безпрестанно кричалъ кучеру стоявшей у подъѣзда кареты «пошелъ», нѣсколько молодыхъ людей, отворивъ въ каретѣ, стоявшей у подъѣзда, обѣ двери, садились въ нее и, выйдя изъ другой двери, опять приходили садиться со стороны подъѣзда; послѣ каждаго, вошедшаго въ карету, Ровинскій кричалъ «пошелъ», не понимая обмана и говоря, что въ карету насѣло уже слишкомъ много людей и т. д.

Съ полиціею у моего дяди выходили постоянныя непріятности, о которыхъ дядя любилъ разсказывать на свой ладъ и въ клубѣ, и въ гостяхъ, и у себя дома. Непріятности выходили отъ неисполненія въ точности разныхъ законныхъ, а подчасъ и незаконныхъ требованій полиціи по дому дяди, а болѣе всего отъ неисполненія законныхъ требованій полиціи на гуляньяхъ: на масленицѣ по набережной р. Москвы до перевода этого гулянья, кажется, въ 1825 г. подъ Новинское, въ Святую недѣлю подъ Новинскимъ, 1-го мая въ Сокольникахъ и т. д.

Эти гулянья были тогда до того наполнены экипажами, запряженными въ четыре лошади, что послѣдніе занимали протяженіе въ нѣсколько десятковъ верстъ, и понятно, что нельзя было при этомъ допустить экипажамъ объѣзжать ряды или въѣзжать въ нихъ на мѣстахъ,

не указанныхъ полиціею. Дядя мой на каждомъ гуляньѣ не соблюдалъ полицейскихъ порядковъ. Остановленный жандармскимъ солдатомъ, или офицеромъ, онъ кричалъ, шумѣлъ, говорилъ о своемъ княжескомъ достоинствѣ и надсѣдалъ полиціи до того, что она оставляла его дѣлать безпорядки. Но когда на этотъ шумъ наѣзжалъ Ровинскій, то они долго не уступали другъ другу и большею частію Ровинскій одерживалъ верхъ, потому что приказывалъ бить кучера и форейтора, пока они его не послушаются. Это, конечно, даромъ Ровинскому не проходило; дядя бранилъ его во всѣхъ обществахъ. Дядя бралъ меня часто съ собою на гулянья, и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ этихъ перебранокъ.

На большихъ балахъ, которые давались во время коронаціи, конечно, я не былъ, но бывалъ на небольшихъ балахъ и, между прочимъ, помню, что былъ съ матерью и сестрою на многолюдномъ вечерѣ у Михаила Ѳеодоровича Сухотина, довольно богатаго человѣка, имѣвшаго свой домъ на Якиманкѣ, второй этажъ котораго деревянный и въ то время внутри еще не оштукатуренный. Танцовали же именно во второмъ этажѣ. Освѣщеніе масляными лампами было также небогатое. Вообще 45 лѣтъ тому назадъ довольно богатые дома не пользовались тѣми удобствами, которыя теперь сдѣлались необходимостію для людей ограниченнаго состоянія, не говоря уже о томъ, что многіе предметы тогда были вовсе неизвѣстны, какъ-то: стеариновыя свѣчи, керосиновыя лампы и т. п. Большая часть общества въ то время, несмотря на относительную дешевизну, жила расчетливѣе: въ довольно богатыхъ домахъ не было изящной мебели, изысканныхъ кушаньевъ, дорогихъ винъ, гаванскихъ сигаръ и т. п. Роскошь въ семействахъ ограниченнаго состоянія сильно развилась въ царствованіе Императора Николая, несмотря на то, что всѣ предметы первой потребности значительно вздорожали.

Въ самомъ началѣ 1826 г. дядя Дмитрій ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ провелъ нѣсколько времени. Вернулся онъ въ Москву еще во время моего ученія въ заведеніи Лопухиной, куда по возвращеніи изъ Петербурга пріѣхалъ со мною повидаться. Онъ разсказывалъ моимъ гувернерамъ при мнѣ о своемъ путешествіи, о Петербургѣ и о томъ, что меня скоро возьмутъ изъ заведенія, а осенью пошлютъ въ Петербургъ не къ двоюродному моему брату Антону Антоновичу Дельвигу, а къ полковнику Филиппу Алексѣевичу Викторову, начальнику придворнаго экипажнаго заведенія. Онъ объяснялъ, что это онъ устроилъ въ мою пользу по слѣдующему поводу.

По его мнѣнію всѣ поэты современники должны быть люди безнравственные. Онъ не признавалъ въ нихъ и таланта, такъ какъ они писали не по образцу знаменитыхъ его любимцевъ Державина, Хераскова, Петрова и др. Безнравственность Антона Антоновича Дельвига, въ то время только что женившагося, онъ доказывалъ тѣмъ, что, во время его пребыванія въ Петербургѣ, Дельвигъ не навѣстилъ его ни разу, что, по его мнѣнію, Дельвигъ обязанъ былъ сдѣлать по степени родства. Онъ считалъ Дельвига своимъ племянникомъ, потому что сестра его, а моя мать была

вдовою дяди Дельвига. Тутъ родства не было. Если уже считать родство дяди Дмитрія съ А. А. Дельвигомъ, то было проще вспомнить, что ихъ матери были двоюродныя сестры, а слѣдовательно они внучатные братья, но этого родства дядя Дмитрій не хотѣлъ вспоминать, чтобы не потерять правъ дяди надъ Дельвигомъ. Оказалось впослѣдствіи, что Дельвигъ и не зналъ о пріѣздѣ дяди въ Петербургъ, а то, конечно, не ожидая его визита, былъ бы у него. Послѣдній не допускалъ возможности, чтобы въ Петербургѣ могли не знать объ его пріѣздѣ. Онъ привыкъ къ тому, что въ провинціальныхъ городахъ въ то время немедля узнавалось о пріѣздѣ каждаго. Дядя Дмитрій очень любилъ заводить новыя знакомства. Онъ отыскалъ въ Петербургѣ мужа покойной моей тетки, Егора Михайловича Гурбандта, о которомъ я до того времени никогда даже не слыхивалъ отъ матери, столько любившей всѣхъ родныхъ ея мужа и своихъ, но не упоминавшей о Гурбандтѣ, вѣроятно, по непріятнымъ воспоминаніямъ, которыя онъ оставилъ ей послѣ ея посѣщенія Петербурга съ покойнымъ моимъ отцомъ. Дядя Дмитрій былъ увѣренъ, что Е. М. Гурбандтъ сообщилъ Дельвигу объ его пріѣздѣ, но они въ то время рѣдко видѣлись и именно не видѣлись во все время пребыванія дяди въ Петербургѣ.

Въ заключеніе дядя разсказывалъ, что Дельвигъ не живетъ дома, уходитъ въ лѣса, скрывается тамъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, поетъ разныя неприличныя вещи и самъ еще объ этомъ пишетъ. Конечно, все это дядѣ померещилось и частью выводилось имъ изъ слѣдующихъ стиховъ Дельвига, впослѣдствіи послужившихъ эпилогомъ къ первому изданію его сочиненій:

Такъ пѣвалъ безъ принужденья,
Какъ на *вѣткѣ* соловей,
Я живыя впечатлѣнья
Первой юности моей.
Счастливъ другомъ, милой дѣвы
Все искалъ душею я
И любви моей напѣвы
Долго кликали тебя.

Изъ этого разсказа читатель можетъ получить понятіе о степени развитія моего дяди Дмитрія. Все это дядя толковалъ по-русски моимъ гувернерамъ французу и нѣмцу, слушавшимъ со вниманіемъ monsieur le Princ'a и Herr'a Fürst'a, но мало понимавшимъ по-русски. Впрочемъ, они вообще мало поняли бы этотъ разсказъ, имѣя самое ограниченное понятіе о всякой литературѣ и о нашихъ родственныхъ отношеніяхъ; они вообще были мало развиты.

На помѣщеніе меня въ Петербургѣ у Викторова, до вступленія въ строительное училище, указалъ А. Д. Соломка, а такъ какъ онъ жилъ во время коронаціи на одномъ съ нами дворѣ, то окончательно успѣлъ убѣдить мою мать, чтобы меня послали къ Викторову.

Мать моя не могла сама меня везти въ Петербургъ по недостатку денежныхъ средствъ. Въ октябрѣ проѣзжала изъ Воронежа черезъ Москву

въ Петербургъ, другъ моей матери, Анна Ивановна Шеле, которая слѣдовала къ своему мужу, Петру Романовичу, бывшему въ это время начальникомъ Юрбургскаго таможеннаго округа. Ее провожалъ родной ея братъ Дмитрій Ивановичъ Тулиновъ, страстно любившій сестру. Съ ними и отправили меня. Мы ѣхали въ дилижансѣ первоначальнаго заведенія, тогда еще единственнаго для перевозки путешествовавшихъ между двумя столицами. Внутренность кареты занимали А. И. Шеле съ братомъ и служанкой, а меня посадили съ камердинеромъ послѣдняго, очень хорошимъ человѣкомъ, на заднее наружное мѣсто.

За исключеніемъ не совсѣмъ удобнаго мѣста, которое впрочемъ мнѣ тогда таковымъ показалось, Д. Н. Тулиновъ и А. И. Шеле меня очень баловали, къ чему я не былъ пріученъ. Они были люди богатые и потому въ продолженіе всей дороги требовали вездѣ наилучшихъ кушаній и потчевали меня разными сластями. Къ подобнымъ кушаньямъ я также не имѣлъ случая привыкнуть, а сластей, какъ я уже выше замѣтилъ, мать мнѣ совсѣмъ не давала. И такъ въ разлукѣ съ матерью, сестрою и братьями я на первое время былъ, по возможности, утѣшенъ. При подъѣздѣ къ Валдайской станціи нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, изъ коихъ были нѣкоторыя недурны собой, окружили насъ съ предложеніемъ купить баранокъ и кренделей, которые показались мнѣ тогда очень вкусными.

Въ то время шоссе между Москвою и Петербургомъ было устроено въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Часть дороги была песчаная, а часть мощеная крупнымъ камнемъ, наибольшее же протяженіе состояло изъ жердевой настилки, которая, въ виду предполагавшагося шоссированія дороги, плохо исправлялась, такъ что жерди въ разжиженномъ осенними дождями грунтѣ плясали какъ клавикордныя клавиши, а нѣкоторыя изъ нихъ, поломанныя и плохо соединенныя съ сосѣдними, выскакивали изъ своихъ мѣстъ и поднимались стоймя, забрызгивая меня и экипажъ грязью. Ѣзда по шоссе была превосходна, по пескамъ медленна, а по жердевой настилкѣ тряска и даже не безопасна. Мы по дорогѣ ночевали и ѣхали до Петербурга почти пять сутокъ.

ГЛАВА II.

1826—1832 г.

Пріѣздъ въ Петербургъ. Ф. А. Викторовъ и его семейство. Баронъ А. А. Дельвигъ. Баронесса С. М. Дельвигъ. Литературные вечера у А. А. Дельвига. Отношенія К. Ѳ. Рылѣева къ Дельвигу въ 1824 и 1825 гг. 14-е декабря 1825 г. Альманахъ «Сѣверные Цвѣты». Учрежденіе Главнаго управленія путей сообщенія. Учрежденіе Института инженеровъ путей сообщенія. Учрежденіе Военно-Строительнаго училища путей сообщенія. Учрежденіе кондукторской школы путей сообщенія. Поступленіе въ Военно-Строительное училище въ 1827 г. Баронъ Александръ Дельвигъ въ Дворянскомъ полку. Е. М. Гурбандтъ и его семейство. Трехмѣсячное пребываніе у А. А. Дельвига по болѣзни въ 1827 г. Мѣсячное пребываніе у А. А. Дельвига по болѣзни въ 1828 г. Пребываніе въ Военно-Строительномъ училищѣ 1828 г. 1829 г. Поступленіе въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія. Присоединеніе Военно-Строительнаго училища къ Институту инженеровъ путей сообщенія. Общество, посѣщавшее А. А. Дельвига въ 1829—1830 гг. Публичный экзаменъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ 1830 г. и производство въ прапорщики. «Литературная Газета», издаваемая А. А. Дельвигомъ. Сцена графа Бенкендорфа съ А. А. Дельвигомъ и запрещеніе «Литературной Газеты». Выходъ А. И. Дельвига въ Польшу. Болѣзнь и смерть А. А. Дельвига. Впечатлѣнія, произведенныя смертію Дельвига. Пропажа значительной суммы денегъ послѣ смерти Дельвига. Сожженіе переписки А. А. Дельвига. Мои посѣщенія вдовы Дельвига. Жизнь моя въ 1830 г. по выпускѣ изъ Института инженеровъ путей сообщенія. Жизнь съ братомъ Александромъ въ 1830 г. въ Павловскихъ казармахъ. Обученіе въ прапорщичьемъ классѣ Института инженеровъ путей сообщенія. Пріѣздъ въ Москву въ 1831 г. Практическія служебныя занятія. П. Ф. Четвериковъ. Вырѣзка носовыхъ полиповъ. Пріѣздъ С. М. Дельвигъ въ Москву. Свадьба С. М. Дельвигъ и С. А. Баратынскаго. Смерть Александра Дельвига. Жизнь въ Петербургѣ въ 1831—1832 гг. Обученіе въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ 1831—1832 гг. Назначеніе на дѣйствительную службу.

Мы пріѣхали въ Петербургъ на разсвѣтѣ въ послѣдней половинѣ октября 1826 г., такъ что меня при въѣздѣ не могла поразить красота Петербургскихъ улицъ. Я удивлялся только ихъ ширинѣ. Остановились мы въ угольныхъ комнатахъ бель-этажа гостинницы Лондонъ, которая помѣщалась тогда на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Меня изумило великолѣпіе Зимняго дворца, Главнаго штаба и длина зданія стараго Адмиралтейства, которые всѣ были видны изъ нашихъ оконъ. А. И. Шеле съ братомъ Д. И. Тулиновымъ должна была немедля ѣхать далѣе въ Юрбургъ къ своему мужу, и потому меня на другой же день отвезли къ Ф. А. Викторову, жившему на Захарьевской улицѣ въ нижнемъ

этажѣ казеннаго дома, противъ придворнаго экипажнаго заведенія, котораго онъ былъ начальникомъ.

Ф. А. Викторовъ былъ старый полковникъ, израненный: онъ потерялъ на войнѣ ногу, ходилъ на двухъ костыляхъ очень скоро, выдвигая костыли впередъ и потомъ, опираясь на нихъ, переносился такъ быстро, что за нимъ трудно было поспѣть. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, но вспыльчивъ. Онъ имѣлъ непріятности со своимъ начальникомъ, оберъ-шталмейстеромъ Беклемишевымъ, которыя продолжались до выхода его дочери замужъ за Александра Петровича Мельникова (нынѣ тайный совѣтникъ и членъ придворной конюшенной части). Объ отношеніяхъ Беклемишева къ Мельниковымъ я знаю слѣдующее. Беклемишевъ выдалъ свою любовницу замужъ за какого-то дворянина Мельникова, чтобы своимъ сыновьямъ отъ этой любовницы дать дворянскія права. Эта любовница видѣла мужа своего Мельникова только при вѣнчаніи въ церкви. Мельниковъ былъ въ это время вдовцомъ и отъ перваго брака имѣлъ сына Александра, женившагося на дочери Викторова. Беклемишевъ же отъ вышеозначенной любовницы имѣлъ двухъ сыновей: Павла Петровича Мельникова, бывшаго министромъ путей сообщенія, а нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, въ чинѣ инженеръ-генерала, и Алексѣя Петровича, бывшаго генералъ-интендантомъ дѣйствующей арміи, а впослѣдствіи комендантомъ въ Варшавѣ и наконецъ членомъ Совѣта Министерства путей сообщенія, а нынѣ состоящаго въ отставкѣ полнымъ генераломъ.

Жена Ф. А. Викторова была также очень добрая женщина, простая, безъ всякаго образованія. Ее звали Констанціею; кажется, она была полька изъ нашихъ западныхъ губерній.

Викторовы, мужъ и жена, умерли въ одинъ день. У нихъ было въ 1826 г. много дѣтей, начиная съ 14-ти лѣтняго возраста до грудного ребенка. Меня посадили учиться съ двумя старшими, дочерью Надеждою 14 лѣтъ (вышедшею впослѣдствіи замужъ за Александра Петровича Мельникова) и съ сыномъ Александромъ 13 лѣтъ, слѣдовательно моимъ ровесникомъ.

Оба они, братъ и сестра, были вялы, несимпатичны мнѣ, и я нисколько съ ними не сошелся. Они имѣли мало способностей къ ученію и гораздо менѣе меня знали, а потому учителя отзывались обо мнѣ съ особою похвалою, а о нихъ нехорошо, что не могло быть пріятнымъ ихъ родителямъ; однако же Ф. А. Викторовъ мнѣ это высказывалъ только косвенными намеками и то весьма рѣдко.

При ихъ дочери Надеждѣ была гувернантка, женщина не очень красивая, лѣтъ 30-ти, которая учила меня игрѣ на фортепіано, но я не имѣлъ къ музыкѣ способности: руки мои плохо ходили по клавишамъ, и слуха музыкальнаго не было. Для уроковъ музыки были назначены часы немедля послѣ обѣда. Моя учительница, поучивъ меня нѣсколько минутъ и убѣдившись, что Викторовы, отецъ и мать, всегда отдыхавшіе послѣ обѣда, уснули, а дѣти ихъ сидятъ въ классной для приготовленія уроковъ, уговаривала меня ложиться. Передъ пробужденіемъ Викторовыхъ мы

опять садились за фортепіано. Такъ продолжалось до поступленія моего въ Военно-Строительное училище въ мартѣ 1827 г.

Изъ училища я хаживалъ иногда къ Викторовымъ, но этой гувернантки уже у нихъ болѣе не было, они никогда о ней не говорили, и я о ней не спрашивалъ и болѣе ее не видалъ.

Викторовы жили очень скромно. У нихъ почти никто не бывалъ, кромѣ старыхъ сослуживцевъ Викторова. Столъ у нихъ былъ не хорошъ, такъ что я многое ѣлъ неохотно, что замѣчалъ Викторовъ, говоря мнѣ, что не можетъ меня кормить, какъ я привыкъ, деликатесами. Но онъ въ этомъ ошибался. По бѣдности моей матери я привыкъ къ очень простой и умѣренной пищѣ, но мнѣ у Викторовыхъ не нравилась провизія, а въ особенности способъ приготовленія кушаній.

Изъ этого очерка жизни моей у Викторовыхъ, конечно, не трудно угадать, что мнѣ у нихъ было не весело. Я только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе оставить ихъ домъ, или по крайней мѣрѣ какъ можно чаще отлучаться. Послѣднее представлялось возможнымъ, такъ какъ я воскресенья и праздники, а иногда и будни, проводилъ у двоюроднаго брата моего барона А. А. Дельвига.

Въ домѣ Дельвига открылся для меня новый міръ, о которомъ я не думалъ и не гадалъ, и я къ этому міру привязался всею душою.

Въ первую же субботу я былъ отпущенъ изъ дома Викторовыхъ къ Дельвигу. Это было 30-е октября, день его свадьбы, бывшей за годъ передъ тѣмъ. Тогда я видѣлъ у Дельвига многихъ его знакомыхъ, пріѣхавшихъ вечеромъ его поздравить. Помню, что между ними былъ поэтъ Петръ Александровичъ Плетневъ со своею первою женою, бывшій впослѣдствіи ректоромъ С.-Петербургскаго университета, товарищи Дельвига по Лицею: Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, одного съ нимъ выпуска, т.-е. перваго, и князь Эристовъ, второго лицейскаго выпуска; Сергѣй Львовичъ Пушкинъ съ женою Надеждою Осиповною, родители поэта Пушкина, и младшій братъ послѣдняго Левъ Сергѣевичъ.

Дельвигъ принялъ меня совершенно по-родственному, такъ же какъ и жена его, и я съ перваго дня былъ у нихъ совершенно какъ въ своемъ семействѣ. Дельвигъ былъ очень добрый человѣкъ, весьма мягкаго характера, чрезвычайно обходительный со всѣми.

Во время моего пріѣзда въ Петербургъ ему было 28 лѣтъ отъ роду. Большая часть его стихотвореній была уже написана, и онъ по нѣкоторымъ изъ его пѣсенъ и романсовъ считался лучшимъ въ этомъ родѣ стихотворцемъ. Музыка ко всѣмъ его пѣснямъ и романсамъ была написана лучшими тогдашними композиторами. Пѣсня:

Соловей, мой соловей,
Голосистый соловей,
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночку пропоешь, и т. д.

была распѣваема вездѣ не только русскими, но и знаменитою пріѣзжею пѣвицею Зонтагъ, а впослѣдствіи и другими пріѣзжавшими къ намъ знаменитостями. При необыкновенной лѣни, какъ физической, такъ и умственной, у Дельвига было много поэтическаго такта, такъ что друзья его, Пушкинъ и Баратынскій, многія изъ своихъ стихотвореній до напечатанія читали ему или посылали къ нему для оцѣнки и большею частью принимали во вниманіе сдѣланныя имъ замѣчанія. Молодые петербургскіе писатели, какъ-то баронъ Розенъ, Подолинскій, Щастный и другіе, въ подражаніе первостепеннымъ поэтамъ, также прссили его замѣчаній на ихъ произведенія.

Даже Крыловъ и Жуковскій высоко ставили оцѣнку Дельвигомъ произведеній изящной словесности. Если бы всѣ критическія статьи, писанныя Дельвигомъ для издававшейся имъ въ 1830 г. «Литературной Газеты», были за его подписью, то легко было бы понять причины вышесказаннаго мною уваженія къ мнѣніямъ Дельвига. Эти статьи, помѣщавшіяся въ газетѣ безъ подписи, не вошли въ полное собраніе сочиненій Дельвига, изданное Смирдинымъ, равно какъ и многія его стихотворенія, а теперь трудно критическія статьи Дельвига отличить отъ помѣщавшихся въ той же газетѣ такихъ же статей Пушкина и Вяземскаго. Но не всѣ принимали замѣчанія Дельвига съ удовольствіемъ, такъ что послѣ очень близкихъ отношеній баронъ Розенъ и Подолинскій совсѣмъ разошлись съ Дельвигомъ, собственно вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ замѣчаній на поэму Розена «Рожденіе Іоанна Грознаго» и на поэму Подолинскаго «Нищій», несмотря на то, что эти замѣчанія были высказаны весьма мягко и вслѣдствіе ихъ собственнаго желанія.

Впрочемъ впослѣдствіи Дельвигъ и печатно, безъ подписи, строго раскритиковалъ «Нищаго» въ издававшейся имъ «Литературной Газетѣ».

Стихотворенія Дельвига составляютъ весьма небольшой томъ; весьма многія въ немъ не помѣщены, а нѣкоторыя, вѣроятно, утратились. Онъ былъ однимъ изъ слагателей лицейскихъ пѣсенъ, которыхъ множество было сочинено воспитанниками перваго лицейскаго выпуска.

Эти пѣсни, въ которыхъ часто мало складу, были очень любимы лицеистами и охотно ими пѣлись. Воспитанники перваго лицейскаго выпуска собирались каждый годъ 19-го октября праздновать день учрежденія Лицея и тогда они пѣвали много пѣсенъ, написанныхъ въ Лицеѣ. На этомъ праздникѣ пока еще было много живыхъ воспитанниксвъ перваго выпуска. Они никого изъ постороннихъ не допускали, даже лицейскихъ воспитанниковъ слѣдующихъ выпусковъ. Очень жаль, что я тогда не собралъ лицейскихъ пѣсенъ. Приведу только нѣкоторые отрывки одной изъ этихъ пѣсенъ, сложенной передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея по тому случаю, что лицеисты, окончивъ курсъ, не знали, что съ ними будетъ далѣе. При учрежденіи Лицея не было опредѣлено, какъ это дѣлалось позже при учрежденіи другихъ учебныхъ заведеній, какимъ чиномъ и куда будутъ выпущены воспитанники. Узнавъ, что приказано со-

ставить имъ списокъ сообразно успѣхамъ въ наукахъ, они составили слѣдующую пѣсню:

Этотъ списокъ сущи бредни,
Кто тамъ первый, кто послѣдній,
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли.

Пусть о насъ заводятъ споры
Съ Энгельгардтомъ профессоры,
Тѣжъ нули, тѣжъ нули,
Ай люли, люли, люли.

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вальховскій будетъ первый,
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли.

Дельвигъ мыслитъ на досугѣ,
Можно спать и въ Кременчугѣ,
Всѣ нули, и пр.

Съ сердцемъ пламеннымъ во взорѣ,
Данзасъ почтальонъ въ Ижорѣ,
Всѣ нули, и пр.

Другихъ куплетовъ не помню. Приведенные же мною объясняются слѣдующимъ образомъ: Энгельгардтъ былъ въ то время директоромъ Лицея; Вальховскій (бывшій впослѣдствіи начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса) и князь Горчаковъ (нынѣ Государственный Канцлеръ) учились одинаково хорошо, но Вальховскій лучше Горчакова занимался военными науками и потому «покровительствомъ Минервы» былъ поставленъ первымъ.

Отецъ Дельвига былъ въ 1817 г. командиромъ бригады, стоявшей въ Кременчугѣ, а Дельвигъ былъ очень лѣнивъ и любилъ много спать, и потому ему было можно спать и въ Кременчугѣ.

Данзасъ, извѣстный впослѣдствіи тѣмъ, что былъ секундантомъ Пушкина, учился очень дурно и лицеисты рѣшили, что онъ ничѣмъ инымъ быть не можетъ, какъ «почтальономъ въ Ижорѣ», почтовой станціи въ 10-ти верстахъ отъ Царскаго Села, гдѣ находился Лицей.

Нѣкоторыя изъ лицейскихъ пѣсенъ состояли просто изъ разныхъ рѣченій, которыя чаще всего повторяли лицейскіе надзиратели (гувернеры) и учителя. Такъ переданы слова, часто повторявшіяся Левашевымъ (впослѣдствіи графомъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта), тогда полковникомъ лейбъ-гусарскаго полка, наблюдавшимъ за верховою ѣздою лицеистовъ.

Bonjour, Messieurs, потише,
Поводьемъ не играй,
Ужъ я тебя потѣшу!
A quand l'equitation?

Требованія нѣмца-гувернера, чтобы лицеистъ Матюшкинъ по утрамъ вставалъ съ постели въ назначенный часъ, переданы слѣдующимъ образомъ:

Вставайте, херъ Матюшкинъ,
А я вамъ и скажу.
Ну, къ черту! Какъ вамъ можно
Мнѣ это и сказать.

Пѣсня эта была очень длинная.

Матюшкинъ имѣлъ страсть къ морю, и потому вышелъ на службу во флотъ, гдѣ пробылъ два года до производства въ мичманы, участвовалъ въ четырехлѣтнемъ полярномъ путешествіи барона Врангеля и другихъ морскихъ путешествіяхъ; теперь онъ адмираломъ и сенаторомъ.

Въ составленіи лицейскихъ пѣсенъ, конечно, участвовали многіе изъ воспитанниковъ перваго выпуска. Поэтами въ Лицеѣ считались: Пушкинъ, Дельвигъ, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, бывшій впослѣдствіи политическій преступникъ 1825 г., Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій и Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ. Послѣдній, по выходѣ изъ Лицея, совсѣмъ оставилъ литературное поприще, но въ Лицеѣ считался хорошимъ баснописцемъ. Въ послѣдніе годы пребыванія въ Лицеѣ, конечно, Пушкинъ высоко сталъ надъ всѣми товарищами по своимъ поэтическимъ произведеніямъ, но въ первые годы онъ не очень смѣло пускался въ поэзію. Великая заслуга Дельвига, что онъ понялъ всю силу генія своего молодого товарища и, подружившись съ нимъ съ самаго вступленія въ Лицей, постоянно ободрялъ его. Это было, конечно, и причиною того, что дружба ихъ никогда не измѣнялась до самой смерти Дельвига. Утвердительно можно сказать, что Пушкинъ никого не любилъ болѣе Дельвига. Этому могли бы служить явнымъ доказательствомъ безчисленныя его письма къ Дельвигу, къ прискорбію уничтоженныя немедля послѣ смерти Дельвига, по причинамъ, которыя разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Дельвигъ далеко не въ совершенствѣ зналъ французскій и нѣмецкій языки: на первомъ говорилъ дурно, а на послѣднемъ вовсе не говорилъ. Но онъ былъ хорошо знакомъ съ литературами этихъ языковъ и еще въ Лицеѣ побуждалъ Пушкина заниматься нѣмецкой литературой, но въ этомъ не успѣлъ, такъ какъ Пушкинъ предпочиталъ французскую.

Въ составившемся кружкѣ лицеистовъ нѣкоторые изъ нихъ обязаны были по очереди разсказать цѣлую повѣсть или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдующій разсказчикъ ее продолжалъ и т. д. Дельвигъ первенствовалъ въ этой игрѣ воображенія. Интриги, завязка и развязка въ его разсказахъ были всегда готовы. Пушкинъ далеко не имѣлъ этой способности.

Дельвигъ началъ рано печатать свои стихотворенія. Въ журналахъ, издававшихся А. А. Измайловымъ въ 1814 и 1815 гг., помѣщено 15 піесъ Дельвига. Первое напечатанное его стихотвореніе въ іюнѣ 1814 г. въ «Вѣстникѣ Европы»: «На взятіе Парижа», было за подписью «Русскій», вполнѣ

соотвѣтствовавшею глубоко вкорененнымъ патріотическимъ чувствамъ Дельвига, не оставлявшимъ его до самой смерти. Дельвигъ былъ истинный поэтъ въ душѣ, но мало производившій. Способность его придумывать содержаніе поэмъ давала поводъ ожидать отъ него много не осуществившагося. Жуковскій и Пушкинъ восхищались его разсказами о замышляемыхъ имъ поэмахъ. Пушкинъ негодовалъ на публику, встрѣтившую съ невниманіемъ первыя произведенія Дельвига.

Дружбу Пушкина къ Дельвигу и цѣну, которую онъ придавалъ таланту послѣдняго, можно прослѣдить въ посланіяхъ его къ Дельвигу. Изъ нихъ же можно видѣть, насколько Дельвигъ былъ лѣнивъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ: его необыкновенная лѣнь прославлена стихами его знаменитаго друга.

Вотъ что писалъ Пушкинъ еще въ Лицеѣ въ 1814 г., 15-ти лѣтъ отъ роду, въ стихотвореніи подъ заглавіемъ: «Пирующіе друзья».

Дай руку, Дельвигъ... Что ты спишь,
Проснись, лѣнивецъ сонный;
Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни! здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита,
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій волокита!

Дельвигъ по своему добродушію никогда не ссорился со своими товарищами и былъ очень любимъ ими всѣми. По мечтательности и разсказамъ Дельвига, они признали его поэтомъ еще въ самой первой юности. Пушкинъ любилъ говорить съ нимъ о литературѣ, всегда сознавалъ, что онъ много обязанъ поощреніямъ Дельвига, къ которому питалъ рѣдкую дружбу. Всегда строгій къ себѣ, онъ ставилъ Дельвига выше дѣйствительнаго его достоинства. Укажу на нѣкоторыя другія посланія Пушкина къ Дельвигу; одно изъ нихъ начинается стихами:

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою.

Другое, когда 16 лѣтній Пушкинъ собирается умирать:

Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру,
Тебѣ дарю и пѣснь и лиру,
Да будутъ музы надъ тобой и проч.

Дельвигъ не только горячо любилъ Пушкина, но восторгался имъ и первый предсказалъ 15-лѣтнему поэту его славу, что видно изъ стиховъ:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

За симъ новое посланіе Пушкина къ Дельвигу, начинающееся стихомъ:

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пустынныхъ! и проч.

Приведу слѣдующіе стихи изъ посланія Пушкина къ Дельвигу, писаннаго въ 1815 г.:

Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажетъ бѣлый свѣтъ)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
«Смотрите—вотъ поэтъ!»
Спасибо за посланье,
Но что мнѣ пользы въ немъ? и пр.

Въ 1817 г. Пушкинъ начинаетъ свое посланіе къ Дельвигу слѣдующими стихами:

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью,
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.

Дельвигъ, конечно, имѣлъ большое вліяніе только на начальные опыты Пушкина въ поэзіи, но мы еще обязаны ему тѣмъ, что онъ направилъ къ поэзіи Баратынскаго и былъ первымъ его руководителемъ. Баратынскій также написалъ нѣсколько посланій къ Дельвигу. Приведу первую строфу изъ второго посланія, писаннаго въ 1819 г.

Гдѣ ты, безпечный другъ, гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
Товарищъ радостей минувшихъ,
Товарищъ ясныхъ дней, недавно надо мной
Мечтой веселою мелькнувшихъ.

Выпускъ изъ Лицея былъ въ іюнѣ 1817 г. Дельвигъ былъ по успѣхамъ третьимъ съ конца, а Пушкинъ четвертымъ. Торжественный актъ въ присутствіи Императора Александра I заключился длинною прощальною пѣснью воспитанниковъ, сочиненною Дельвигомъ. Привожу послѣднюю строфу этой пѣсни:

Шесть лѣтъ промчались какъ мечтанье
Въ объятьяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны.
Простимся братья! рука въ руку!
Обнимемся послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку
Быть можетъ породнила насъ!

Въ теченіе двадцати лѣтъ эта пѣсня пѣлась при слѣдующихъ выпускахъ изъ Лицея.

Въ частной жизни Дельвигъ былъ лѣнивъ и безпеченъ до крайности. Въ изданныхъ и въ неизданныхъ стихотвореніяхъ онъ обличаетъ свою лѣнь, которою, казалось, онъ даже гордился. Въ посланіяхъ къ нему то-

гдашнихъ поэтовъ всегда упонималось объ этой лѣни. Приведу первую строфу изъ посланія къ нему Плетнева въ 1825 г.

Дельвигъ, какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить,
Подъ наслѣдственною сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить.

Въ стихотвореніи 19-го октября 1825 г. Пушкинъ обращается къ Дельвигу со слѣдующими стихами:

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермескихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О, Дельвигъ мой, твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.
Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали,
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ.
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Конечно, въ этомъ мастерскомъ обращеніи къ Дельвигу видно дружеское пристрастіе, но нельзя же было Пушкину такъ относиться къ Дельвигу, если бы онъ не признавалъ въ немъ таланта, достойнаго уваженія. Множество эпиграммъ и юмористическихъ статей, написанныхъ на Дельвига Булгаринымъ, А. Измайловымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сомовымъ и другими, впрочемъ довольно вздорныхъ, осмѣиваютъ его главный недостатокъ: лѣнь. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ его представляютъ подъ именемъ «Лѣнтяева».

Впослѣдствіи Пушкинъ высоко цѣнилъ гекзаметры Дельвига и въ 1829 г., посылая ему въ подарокъ бронзоваго сфинкса, приложилъ четверостишіе подъ заглавіемъ «Загадка»:

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя, хитрый Эдипъ, разрѣши.

Когда Пушкинъ въ своихъ стихотвореніяхъ подъ заглавіемъ «19-е октября» обращается къ нѣкоторымъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей, то въ ихъ числѣ непремѣнно упоминаетъ о Дельвигѣ въ самыхъ дружескихъ, задушевныхъ выраженіяхъ.

Многіе изъ воспитанниковъ перваго выпуска умерли вскорѣ по выходѣ изъ Лицея. Только нѣкоторые прожили до глубокой старости: теперь (1872 г.) осталось ихъ пятеро въ живыхъ, а именно: вышеупомянутые

князь Горчаковъ, Матюшкинъ и кромѣ нихъ баронъ Корфъ, которому при увольненіи его 1 января 1872 г. отъ должности Предсѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта пожаловано графское достоинство; Милановскій и Комовскій, оба въ отставкѣ, первый живетъ въ Харьковскомъ своемъ имѣніи, а послѣдній въ С.-Петербургѣ.

Дельвигъ жилъ нѣсколько времени съ извѣстнымъ поэтомъ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ въ Семеновскомъ полку, гдѣ они и вмѣстѣ и порознь писали много стиховъ, не попавшихъ въ печать. Тамъ сочинена пародія на стихотвореніе Рылѣева:

Такъ въ Семеновскомъ полку
Жили они дружно...

Къ этому же времени принадлежитъ и пародія на «Славься, славься», съ припѣвомъ:

Славьтесь цензорской указкой,
Таски вамъ не миновать.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Дельвига, извѣстныхъ тогда въ рукописи, были приписываемы другимъ поэтамъ. Мнѣ помнится, что къ этому числу принадлежитъ пѣсня «Давыдъ», которую часто пѣвали; изъ нея приведу слѣдующіе стихи:

Любилъ плясать король Давыдъ,
А что же Соломонъ?
Онъ о прыжкахъ не говоритъ,
Вино все хвалитъ онъ,
Великій Соломонъ!

и переводъ изъ Беранже съ припѣвомъ:

Je veux, mes enfants, que le diable m'emporte,
Чортъ побери меня, ей-Богу.

Этотъ переводъ тогда всѣхъ очень занималъ.

Несмотря на свою лѣнь и кажущуюся апатію, Дельвигъ въ обществѣ былъ любезенъ. Его разсказы были всегда полны ума, какого-то особеннаго добродушія, и онъ нравился дамамъ. Были минуты, въ которыя онъ очень легко подражалъ стихамъ другихъ поэтовъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ молодые поэты очень ухаживали за С. Д. Пономаревой, сестрой одного изъ воспитанниковъ учрежденнаго при Лицеѣ пансіона. У нея собиралось общество литераторовъ. Одинъ день у нея бывали литераторы одного кружка, а другой день другого. Впрочемъ, случалось литераторамъ разныхъ кружковъ встрѣчаться у ней, но встрѣчи эти никогда не были поводомъ къ неудовольствіямъ. Изъ одного кружка она видимо предпочитала Измайлова, изъ другого Дельвига, на поэтическое дарованіе котораго имѣла большое вліяніе. Онъ ей написалъ нѣсколько посланій и другихъ стихотвореній. Къ большому горю всѣхъ ея знакомыхъ, С. Д. Пономарева скончалась въ маѣ 1824 г. Когда Жуковскій написалъ «Замокъ Смальгольмъ», всѣ прельщались этимъ стихотвореніемъ и,

между прочими, Пономарева, которая разъ сказала Дельвигу, что онъ не въ состояніи написать ничего подобнаго. Дельвигъ, конечно, въ шутку отвѣчалъ, что, напротивъ, ничего нѣтъ легче, и, ходя по комнатѣ съ книгою, въ которой былъ напечатанъ «Замокъ Смальгольмъ», онъ его пародировалъ очень удачно. Впослѣдствіи появилось много пародій на это стихотвореніе. Приведу только нѣсколько стиховъ изъ пародіи, составленной Дельвигомъ:

До разсвѣта поднявшись, извощика взялъ
Александръ Ефимовичъ съ Песковъ
И безъ отдыха гналъ чрезъ Пески, чрезъ каналъ,
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бирюковъ.

Въ старомъ фракѣ былъ онъ, былъ тотъ фракъ запыленъ,
Какой цвѣтомъ нельзя распознать;
Оттопыренъ карманъ, въ немъ торчитъ какъ чурбанъ
Двадцатифунтовая тетрадь.

Вотъ къ полудню домой возвращался онъ
Въ трехэтажный Моденова домъ,
Его конь опѣненъ, его Ванька хмѣленъ
И согласно хмѣленъ съ сѣдокомъ.

Бирюкова онъ дома въ тотъ день не засталъ и проч.

Далѣе:

Подойди, мой Борька, мой трагикъ плохой,
И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но право скотина лихой
И скотство понутру мнѣ твое.

Для объясненія этихъ стиховъ скажу, что упомянутый въ нихъ Александръ Ефимовичъ былъ Измайловъ, извѣстный тогда баснописецъ и издатель журнала «Благонамѣренный», о которомъ Пушкинъ въ Онѣгинѣ сказалъ, что онъ не можетъ себѣ представить русскую даму съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ. Измайловъ любилъ выпить, и потому онъ въ пародіи представленъ возвращающимся домой пьянымъ, изъ этого дѣлается заключеніе, что «не въ литературномъ бою, а въ питейномъ дому, былъ онъ больно квартальнымъ побитъ».

На одномъ изъ вечеровъ Дельвига, онъ прочиталъ эту пародію Жуковскому, который ее не зналъ прежде. Она понравилась Жуковскому и очень его забавляла.

Борька въ послѣднемъ приведенномъ куплетѣ пародіи на Смальгольмскій Замокъ, это Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, который и теперь (1872 г.) еще живъ. Въ свое время онъ писалъ всякаго рода стихи очень плохо, заслужилъ слѣдующую эпиграмму отъ Дельвига:

У Ѳеодорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедіи тупы,
Трагедіи глупы,

Эпиграммы сладки
И, какъ онъ, всѣмъ гадки.

На эту эпиграмму Ѳедоровъ отвѣчалъ:

У Дельвига Антонки
Скверны стишонки.

Изъ приведенныхъ стиховъ я, можетъ быть, нѣкоторые перековеркалъ, и не трудно: прошло болѣе 40 лѣтъ, что я оставилъ общество литераторовъ и былъ дѣятельно занятъ совсѣмъ на другомъ поприщѣ.

Послѣдніе два приведенныхъ стиха:

Ты скотина, но право скотина лихой
И скотство понутру мнѣ твое,

были написаны въ видѣ эпиграфа на сборникѣ статей подъ заглавіемъ «Хамелеонистика», которыя являлись въ журналѣ «Славянинъ», издававшемся извѣстнымъ тогда литераторомъ и публицистомъ, авторомъ «Сумашедшаго дома», Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ.

Эти статьи Дельвигъ приказывалъ вырывать и сшивать вмѣстѣ. Остальныя статьи «Славянина» не читались, а выбрасывались. Разъ Воейковъ, найдя въ кабинетѣ Дельвига раскрытою связку статей «Хамелеонистики», вообразилъ, что это номеръ его «Славянина», чему очень обрадовался, но впослѣдствіи замѣтилъ свою ошибку, прочитавъ эпиграфъ на оберткѣ брошюры. Воейковъ, знаменитый своимъ «Сумашедшимъ домомъ», вообще пользовался дурною репутаціею, но кружокъ лучшихъ тогдашнихъ литераторовъ держалъ его при себѣ на привязи, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ цѣпную собаку, выпустить на противную литературную партію.

Жена Дельвига Софья Михайловна была дочь Михаила Александровича Салтыкова, извѣстнаго въ своей молодости красавца, и жены его Елизаветы Францовны, урожденной Ришаръ, также красавицы. Салтыковъ воспитывался при графѣ Ангальтѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ поручикомъ въ 1787 г. и былъ въ 1794 г. уже подполковникомъ. Это быстрое повышеніе объясняется тѣмъ, что онъ находился въ 1789 и 1790 гг. при князѣ Потемкинѣ.

Въ 1790-хъ годахъ по разсказамъ, за достовѣрность которыхъ не могу ручаться, онъ былъ вызванъ ко двору Императрицы Екатерины II, но по нежеланію пользоваться благосклонностію вышелъ въ отставку, жилъ до 1801 г. въ своей Смоленской деревнѣ, гдѣ обогатилъ свой природный умъ обширными познаніями, а въ означенномъ году пожалованъ былъ Императоромъ Александромъ I въ дѣйствительные камергеры, званіе, дававшее 4-й классъ въ государственной службѣ, съ причисленіемъ къ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 г. онъ назначенъ былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа; въ этой должности пробылъ недолго, и такъ какъ ему не удалось попасть въ дипломаты, чего онъ очень желалъ

то оставался безъ должности до 1827 г., когда былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, а впослѣдствіи и почетнымъ опекуномъ.

Салтыковъ былъ весьма гордъ и съ молоду неуживчиваго характера. Онъ умеръ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1852 г. Внукъ его Александръ Михайловичъ Салтыковъ теперь (1872 г.) флигель-адъютантъ и дѣлопроизводитель Военно-походной Его Величества Канцеляріи.

С. М. Дельвигъ ко времени моего пріѣзда въ Петербургъ только что минуло 20 лѣтъ. Она была очень добрая женщина, очень миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая, такъ что часто дѣлала такія сцены своему мужу, что ихъ можно было выносить только при его хладнокровіи. Она много оживляла сбщество, у нихъ собиравшееся.

Дельвиги въ то время не имѣли дѣтей и вскорѣ полюбили меня, какъ сына. Жена Дельвига, какъ умная и дѣятельная женщина, занялась моимъ воспитаніемъ, насколько это было возможно въ короткіе часы, которые я проводилъ у нихъ.

Дельвигъ очень оскорбился тѣмъ, что мать моя прислала меня не къ нему, а къ постороннему человѣку; писалъ къ ней о томъ, что нельзя ли это измѣнить, но въ виду того, что до поступленія моего въ Строительное училище оставалось всего 4 мѣсяца, эта мысль была оставлена, и я продолжалъ жить у Викторовыхъ, а бывалъ у Дельвиговъ только по воскресеньямъ и праздникамъ. У нихъ были назначены для пріема вечера въ среду и воскресенье. Я никакъ не могъ въ воскресенье оторваться отъ ихъ общества и возвращался къ Викторовымъ только въ понедѣльникъ рано утромъ. Эти вечера были чисто литературные. На нихъ изъ литераторовъ всего чаще бывали А. С. Пушкинъ, Плетневъ, князь Одоевскій, писавшій тогда повѣсти въ родѣ Гофмана, Щастный, Подолинскій, баронъ Розенъ и Илличевскій. Жена Плетнева, урожденная Раевская, и жена Одоевскаго, урожденная Ланская, также иногда бывали у Дельвиговъ. На этихъ вечерахъ говорили по-русски, а не по-французски, какъ это было тогда принято въ обществѣ. Обработка нашего языка много обязана этимъ литературнымъ собраніямъ. Сужденія о произведеніяхъ русской и иногда иностранной литературы и о писателяхъ меня очень занимали. Впрочемъ на этихъ вечерахъ часто играли на фортепіано. Жена Дельвига, которая долго продолжала учиться музыкѣ, хотя уже была хорошею музыкантшею, и нѣкоторые изъ гостей занимались серьезною музыкою. Пѣсни же и романсы пѣвались непремѣнно каждый вечеръ. Въ этомъ участвовалъ и самъ Дельвигъ, а особенно отличались М. Л. Яковлевъ и князь Эристовъ. Сверхъ того они оба умѣли дѣлать разныя штуки, фокусы, были чревовѣщателями и каждый разъ показывали что-нибудь новенькое. Въ этихъ изобрѣтеніяхъ особенно отличался Эристовъ, который, впрочемъ, бывалъ не такъ часто, какъ Яковлевъ; послѣдній почти каждый день обѣдалъ у Дельвиговъ и проводилъ вечера. Онъ называлъ себя даже приказчикомъ Владимірской волости, такъ какъ Дельвиги жили на Владимір-

ской улицѣ и, дѣйствительно, по совершенному неумѣнію Дельвига распоряжаться хозяйствомъ и прислугою, Яковлевъ часто входилъ въ его домашнія дѣла, за что очень не любимъ былъ людьми Дельвига, которые называли его дьячкомъ.

Одинъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей Дельвига въ зиму 1826—1827 г. былъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ поэта. Онъ былъ очень остроуменъ, писалъ хорошіе стихи и не будь онъ братомъ такой знаменитости, конечно, его стихи обратили бы въ то время на себя общее вниманіе. Лицо его бѣлое и волосы бѣлокурые, завитые отъ природы. Его наружность представляла негра, окрашеннаго бѣлою краскою. Онъ былъ постоянно въ дурныхъ отношеніяхъ къ своимъ родителямъ, за что Дельвигъ часто его журилъ, говоря, что отецъ его хотя и пустой, но добрый человѣкъ, мать же и добрая и умная женщина. На возраженіе Льва Пушкина, что «мать его не рыба, не мясо», Дельвигъ однажды, разгорячившись, что съ нимъ случалось очень рѣдко и къ нему нисколько не шло, отвѣчалъ: «Нѣтъ, она рыба». Конечно, споръ послѣ этихъ словъ кончился общимъ смѣхомъ. Левъ Пушкинъ велъ не только разсѣянную, но и дурную жизнь, при чемъ издерживалъ болѣе, чѣмъ позволяли средства. Онъ любилъ много ѣсть и пить вина, вслѣдствіе чего Дельвигъ одно изъ стихотвореній, написанныхъ имъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ, началъ слѣдующею строфою:

Нашъ пріятель, Пушкинъ Левъ,
Не лишенъ разсудка,
И съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ и безъ словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка (bis).

За этою строфою слѣдовала строфа о поэтѣ Ѳеодорѣ Николаевичѣ Глинкѣ, извѣстномъ тогда перелагателѣ въ стихи псалмовъ Царя Давида.

Затѣмъ слѣдовали строфы о другихъ лицахъ и, между прочими, о Соколовѣ, непремѣнномъ секретарѣ бывшей Россійской Академіи.

Льву Пушкину было болѣе 20 лѣтъ и по ограниченности ссстоянія необходимо было служить внѣ Петербурга, а потому онъ опредѣлился юнкеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, которымъ командовалъ пріятель его брата, Николай Николаевичъ Раевскій, и уѣхалъ въ февралѣ 1827 г. на Кавказъ. Онъ уже въ дорожномъ платьѣ заѣзжалъ прсститься съ Дельвигомъ и его женою, при чемъ было много выпито шампанскаго, и я въ первый разъ отъ роду также выпилъ много для юноши, которому не было еще 14-ти лѣтъ.

Въ зиму же 1826—1827 г. пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ молодой литераторъ Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ, человѣкъ съ большими дарованіями, отлично образованный и весьма красивый собою. Онъ былъ у Дельвига, какъ въ своей семьѣ. Его очень любили, ласкали и уважали. Онъ, конечно, по молодости, очень увлекался молодыми и умными

дамами, за что подсмѣивались надъ нимъ прямо ему въ лицо, но заочно не могли нахвалиться этимъ молодымъ человѣкомъ. Я его также очень любилъ. По поступленіи моемъ въ Военно-Строительное училище путей сообщенія на первой недѣлѣ Великаго поста въ 1827 г., Дельвигъ мнѣ прислалъ горестное извѣстіе о неожиданной смерти Веневитинова, умершаго 15-го марта на 22 году отъ рожденія. Въ первое воскресенье, когда я былъ отпущенъ изъ училища, я нашелъ Дельвига и его жену въ большомъ горѣ. Братъ Веневитинова, Алексѣй Владиміровичъ, умеръ 14-го января 1872 г. въ званіи сенатора и Оберъ-Шенка.

На литературныхъ вечерахъ Дельвига никогда не говорили о политикѣ, потому что большая часть общества была занята литературою, а частью и потому, что катастрофа 14 декабря была еще очень памятна. Размножившіеся же вновь учрежденные жандармы и шпіоны III отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, въ числѣ которыхъ были и литераторы, не давали о ней забывать. Вообще Дельвигъ избѣгалъ разговоровъ объ этой катастрофѣ. Разскажу теперь же все, что я о ней отъ него слышалъ.

Съ Рылѣевымъ, въ которомъ онъ признавалъ мало поэтическаго таланта, онъ послѣднее время нѣсколько разошелся, частію потому, что, бывъ женихомъ, ему некогда было посѣщать Рылѣева, а также и по слѣдующему обстоятельству. Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ, собравъ произведенія разныхъ писателей въ прозѣ и стихахъ, помѣщали ихъ въ альманахъ подъ названіемъ: «Полярная Звѣзда». Издателемъ же этихъ первыхъ альманаховъ въ Россіи, въ 1823 и 1824 гг., былъ извѣстный тогда книгопродавецъ Иванъ Васильевичъ Сленинъ, который за право изданія платилъ Бестужеву и Рылѣеву опредѣленную сумму. Послѣдніе задумали издать «Полярную Звѣзду» на 1825 г. безъ участія Слёнина, который, не желая лишиться получаемыхъ имъ доходовъ съ издаваемаго альманаха и имѣя въ виду хорошее знакомство Дельвига съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ и дружескія его отношенія съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и другими писателями, посовѣтовалъ ему издавать такой же альманахъ. Дельвигъ немедля сообщилъ эту мысль Рылѣеву, который ничего не имѣлъ противъ нея, но когда вышелъ альманахъ «Сѣверные Цвѣты» на 1825 г. и когда онъ имѣлъ значительный успѣхъ, Рылѣевъ, по словамъ Дельвига, былъ видимо недоволенъ тѣмъ, что многія произведенія лучшихъ поэтовъ украсили эту книгу, черезъ что, конечно, много потеряла «Полярная Звѣзда»*). Въ 1825 г. Рылѣевъ, А. Бестужевъ и Дельвигъ рѣдко

---

*) Доказательствомъ неудовольствія издателей «Полярной Звѣзды» на Дельвига за то, что онъ предпринялъ изданіе «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», служитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ Рылѣеву 11 ноября 1824 г. отъ жившаго на его квартирѣ Сомова, въ которомъ послѣдній, описывая наводненіе Петербурга 7 ноября 1824 г., говоритъ, что между прочими послѣдствіями наводненія и «Сѣверные Цвѣты» подмокли и въ луковицахъ и, вѣроятно, не скоро расцвѣтутъ. Александръ (Бестужевъ)

видались и это обстоятельство, можетъ быть, спасло Дельвига отъ участи, постигшей членовъ тайныхъ обществъ. Дельвигъ, по своей лѣни, не могъ быть дѣйствительнымъ членомъ никакого общества, а по его политическимъ понятіямъ, насколько я могъ ихъ узнать, не поступилъ бы въ тайныя общества. Рылѣевъ, при частыхъ свиданіяхъ, могъ бы ему сказать объ ихъ существованіи и, конечно, Дельвигъ не донесъ бы о нихъ правительству и могъ бы подвергнуться той же участи, какой подверглись тогда многіе, знавшіе только о существованіи тайныхъ обществъ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу, какъ Дельвигъ, пять лѣтъ спустя, потерпѣлъ нетолько безъ вины, но и безъ всякой причины.

Считаю не лишнимъ прибавить, какъ Булгаринъ, болѣе близкій къ кружку Рылѣева, чѣмъ къ кружку Дельвига, въ издаваемыхъ имъ «Литературныхъ Листкахъ» объявлялъ объ изданіи «Полярной Звѣзды» на 1825 г. и о замедленіи въ ея выходѣ:

««Сѣверные Цвѣты», изданіе книгопродавца Слёнина, вступило въ непосредственное соперничество съ «Полярною Звѣздою», издатели которой, предоставляя этому альманаху благопріятное время выхода въ свѣтъ, желаютъ ему еще благопріятнѣйшаго успѣха. Понятно, что издатели «Полярной Звѣзды» не могли имѣть желанія предоставить «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» благопріятнаго времени выхода въ свѣтъ, а по другимъ причинамъ опоздали выпускомъ своего альманаха, который появился только въ апрѣлѣ 1825 г., четыре мѣсяца послѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на этотъ годъ.»

Дельвигъ послѣ женитьбы жилъ на Большой Милліонной улицѣ въ домѣ Эбелинга. 14-го декабря, узнавъ, что большія толпы народа и войска собираются на Дворцовой площади, онъ пошелъ посмотрѣть на то, что дѣлалось; прошелъ мимо войскъ и передъ возмутившимся батальономъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка и видѣлъ только одного офицера этого полка князя Щепина-Ростовскаго; болѣе никого не было. Многіе изъ участвовавшихъ въ мятежѣ были въ кондитерской, бывшей тогда на углу площади и Вознесенской улицы, гдѣ теперь кафе-ресторанъ. Онъ въ нее не входилъ. Новый Императоръ Николай Павловичъ находился близъ Дворца, верхомъ, съ большою свитою. Слова Государя, которыя Дельвигу удалось разслышать, дали ему понять важность происходившаго и онъ поспѣшилъ домой, чтобы успокоить жену. Вскорѣ по его возвращеніи домой началась пальба, а когда она окончилась, онъ, чтобы узнать подробности, пошелъ къ жившему въ одной съ нимъ улицѣ молодому поэту князю Одоевскому, но не засталъ его: онъ былъ уже арестованъ.

Впослѣдствіи отъ Ореста Михайловича Сомова, жившаго вмѣстѣ съ Александромъ Бестужевымъ, адъютантомъ бывшаго Главноуправляющаго путями сообщенія герцога Александра Виртембергскаго, въ домѣ

говорилъ, что они, вѣроятно, были прежде очень сухи, а теперь слишкомъ водяны (Сочиненія и переписка Рылѣева, изд. 1872 г., стр. 341), Сомовъ ошибся: «Сѣверные Цвѣты» вышли въ концѣ декабря 1824 года,

Россійско-Американской компаніи, я слышалъ, что въ тотъ же день 14-го декабря полиція забрала бумаги Рылѣева, бывшаго директоромъ означенной компаніи и жившаго въ томъ же домѣ. Вскорѣ послѣ того пришелъ къ Сомову извѣстный тогда поэтъ, издававшій «Мнемозину», Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, лицеистъ перваго выпуска. Онъ казался потеряннымъ и хотѣлъ спрятаться въ квартирѣ Сомова, который съ трудомъ уговорилъ его уйти, заявивъ, что полиція уже забрала бумаги Рылѣева и очень легко можетъ быть, что вскорѣ явятся за бумагами Бестужева и тутъ же арестуютъ Кюхельбекера. Извѣстно, что послѣдній, сумѣвъ, несмотря на свою неловкость и неуклюжесть, долго скрываться отъ розысковъ полиціи, былъ пойманъ уже въ Варшавѣ, и что хотя онъ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на срокъ, но весь срокъ просидѣлъ въ крѣпости, изъ которой только по его окончаніи былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь, гдѣ женился. Я зналъ сестеръ и мать Кюхельбекера; послѣдняя была, сколько я помню, кормилицею великаго князя Михаила Павловича, который постоянно помогалъ всему семейству.

Сомовъ отгадалъ, что скоро придутъ за бумагами Бестужева: явился дежурный штабъ-офицеръ корпуса путей сообщенія полковникъ Варенцовъ съ полиціею. Онъ очень учтиво просилъ Сомова отдѣлить бумаги Бестужева и взялъ ихъ съ собою, но вскорѣ снова пришла полиція и арестовала самого Сомова. Онъ былъ въ числѣ прочихъ политическихъ преступниковъ представленъ Государю, который спросилъ его: «гдѣ онъ служитъ», и на отвѣтъ: «въ Россійско-Американской компаніи», сказалъ: «Хороша собралась у васъ тамъ компанія. Впрочемъ, вы взяты по подозрѣнію и только что удостовѣрятся въ противномъ, вы будете отпущены.» Тѣмъ не менѣе Сомова посадили въ сырую и темную комнатку Алексѣевскаго равелина и только черезъ три недѣли выпустили. У него на квартирѣ жилъ въ его отсутствіе полицейскій чиновникъ, которому было поручено сохраненіе имущества. Сомовъ, воротясь домой, не нашелъ у себя ни одной цѣнной вещи. Конечно, ихъ было немного и цѣнности небольшой, но все было похищено, даже бронзовые часы и чернильница. Еще слышалъ я, что извѣстный тогда писатель, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, послѣ окончанія суда надъ политическими преступниками, чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, выдалъ двухъ сыновей родной своей сестры, но доносъ не понравился Императору Николаю Павловичу, и молодые люди отдѣлались тѣмъ, что были посланы на службу въ отдаленные города.

Упомянувъ объ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», я намѣренъ сказать подробнѣе объ его дальнѣйшей участи. Онъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ 1825 г., выходилъ съ 1826 по 1831 г. включительно. Въ немъ постоянно помѣщались произведенія лучшихъ тогдашнихъ писателей, въ особенности въ поэтическомъ отдѣлѣ, а именно: Пушкина, Жуковскаго, Гнѣдича, Батюшкова, Плетнева, Подолинскаго, барона Розена, Щастнаго и другихъ. Изъ большого числа стихотвореній Пушкина помѣщены были отрывки

изъ неизданныхъ еще главъ «Евгенія Онѣгина», весь «Нулинъ», котораго Пушкинъ до его напечатанія прочиталъ самъ въ рукописи женѣ Дельвига въ моемъ присутствіи, болѣе при этомъ никого не было. Пушкинъ не любилъ читать своихъ новыхъ произведеній при родномъ моемъ братѣ Александрѣ, такъ какъ послѣдній, имѣя необыкновенную память, услыхавъ одинъ только разъ хорошее стихотвореніе, даже довольно длинное, могъ его передать почти буквально.

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г. были помѣщены переведенные Жуковскимъ 600 стиховъ изъ Иліады. Въ это время переводъ всей Иліады Гнѣдича не былъ еще напечатанъ. Дельвигъ обыкновенно посылалъ по экземпляру вновь вышедшихъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» въ подарокъ нѣкоторымъ писателямъ и въ томъ числѣ Гнѣдичу. Послѣдній, получивъ въ самый день новаго 1829 г. «Сѣверные Цвѣты», въ которыхъ былъ помѣщенъ отрывокъ Иліады, переведенный Жуковскимъ, возвратилъ его Дельвигу при запискѣ, въ которой рѣзко выразилъ свое неудовольствіе на Жуковскаго и на Дельвига и, сколько помню, писалъ въ ней, что не хочетъ даже видѣться съ ними до того времени, пока не будетъ напечатанъ его переводъ. Гнѣдичъ такъ поторопился этою запискою, что Дельвигъ получилъ ее въ день Новаго года, не вставая еще съ постели. До этой размолвки Гнѣдичъ бывалъ часто у Дельвига. Онъ читалъ превосходно стихи, но какъ-то слишкомъ театрально. Я помню его декламирующимъ: «На все смотрю я мрачнымъ окомъ», а такъ какъ онъ былъ кривъ, то это производило на меня особое впечатлѣніе.

О непріятностяхъ между Гнѣдичемъ и Дельвигомъ остались слѣды въ печати. По выходѣ Иліады Гнѣдича къ 1830 г. «Литературная Газета» объявила объ этомъ съ должною похвалою. Какой-то журналъ назвалъ это объявленіе воззваніемъ, обнаруживающимъ духъ партіи, такъ какъ и Гнѣдичъ въ предисловіи къ своему переводу Иліады похвалилъ гекзаметры Дельвига. Вслѣдствіе этого заявленія Пушкинъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ», что объявленіе объ Иліадѣ написано было имъ въ отсутствіе Дельвига, что отношенія Дельвига къ Гнѣдичу *не суть дружескія*, но что это не можетъ вредить ихъ взаимному уваженію, что Гнѣдичъ, по благородству своихъ чувствъ, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта Дельвига. Вышеприписанное же обвиненіе журналиста Пушкинъ находилъ не только несправедливымъ, но и не благопристойнымъ.

Послѣ смерти Дельвига мать его съ дѣтьми осталась въ очень бѣдномъ положеніи. Пушкинъ вызвался продолжать изданіе «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» въ ихъ пользу, о чемъ и было заявлено. «Сѣверные Цвѣты» были изданы только одинъ разъ на 1832 г. и сколько очистилось отъ ихъ изданія, я никогда не могъ узнать. Безъ сомнѣнія, не было недостатка въ желаніи помочь семьѣ Дельвига, но причину неисполненія обѣщанія пойметъ всякій, кто зналъ малую послѣдовательность Пушкина во многомъ изъ того, что онъ предпринималъ внѣ его геніальнаго творчества. Въ 1834 г., когда Пуш-

кинъ пріѣхалъ на время въ Москву, онъ встрѣтилъ меня въ партерѣ Малаго театра, гдѣ давался тогда французскій спектакль, и дружески меня обнялъ, что произвело сильное впечатлѣніе на всю публику, бывшую въ театрѣ, съ жадностію наблюдавшую за каждымъ движеніемъ Пушкина. Изъ театра мы вмѣстѣ поѣхали ужинать въ гостинницу Коппа, гдѣ теперь помѣщается гостинница «Дрезденъ». Пушкинъ въ разговорахъ со мною скорбѣлъ о томъ, что не исполнилъ обѣщанія, даннаго матери Дельвига, увѣрялъ при томъ, что у него много уже собрано для альманаха на слѣдующій новый годъ, что онъ его издастъ въ пользу матери Дельвига, о чемъ просилъ ей написать, но ничего изъ обѣщаннаго Пушкинымъ исполнено не было.

Въ подражаніе «Полярной Звѣздѣ» и «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» тогда же появилось много другихъ альманаховъ. Отсутствіе въ большей части изъ альманаховъ стихотвореній нашихъ тогдашнихъ поэтовъ первой величины было причиною малаго ихъ успѣха. Только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ-то въ «Денницѣ», изданной Максимовичемъ, и въ «Царскомъ Селѣ», изданномъ барономъ Розеномъ и Каншинымъ, съ приложеніемъ въ 1830 г. портрета А. А. Дельвига, помѣщались стихотворенія лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ: Пушкина, Баратынскаго, Вяземскаго, Языкова, Дельвига и проч. Но они не достигали богатства и разнообразія «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». «Невскій Альманахъ» появился однимъ изъ первыхъ. Издатель его Аладьинъ очень упрашивалъ Пушкина поддержать второй годъ его изданія присылкою стиховъ. Пушкинъ послалъ ему эпиграмму на «Невскій Альманахъ», а онъ, вѣроятно, не понялъ этого, и не только ее напечаталъ, но даже далъ ей мѣсто, сколько помню, передъ заглавнымъ листомъ, по его мнѣнію, наиболѣе почетное. Вотъ эти стихи: Н. Н.

(При посылкѣ Невскаго альманаха).
Примите Невскій Альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ,
Вы въ немъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова *).
Княжевичъ, дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете лишь меня:
Мои стишки скользнули въ Лету.
Что слава міра?.. дымъ и прахъ,
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

Дельвигъ же, напротивъ, такъ много получалъ стихотвореній лучшихъ писателей, что въ 1829 г. передъ Свѣтлой недѣлей издалъ еще особый альманахъ, подъ названіемъ «Подснѣжникъ», въ которомъ была напечатана повѣсть моего родного брата Александра, подъ заглавіемъ «Маскарадъ».

А. А. Дельвигъ, помѣщая эту повѣсть, не зналъ, что она—произведеніе моего родного брата, и дурно отзывался о ней при авторѣ, хотя при

*) По другому списку: Василья Пушкина, Маркова.

тогдашней бѣдности литературы нашей, за исключеніемъ произведеній писателей первой величины, нельзя было ее считать очень нехорошею, чему служитъ доказательствомъ и то, что она попала въ «Подснѣжникъ». Замѣчанія Дельвига не понравились моему родному брату и они вслѣдствіе этого долго не видѣлись. Такія распри между ними случались довольно часто по необыкновенной вспыльчивости моего родного брата и по охотѣ А. А. Дельвига дразнить его. Этотъ случай дѣланія замѣчаній на литературныя произведенія по незнанію, что авторъ налицо, напоминаетъ мнѣ другой слѣдующій случай:

Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1829 г. была помѣщена повѣсть подъ заглавіемъ: «Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ», подписанная псевдонимомъ: «Титъ Космократовъ», сочиненная В. Титовымъ (нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта). Вскорѣ по выходѣ означенной книжки гуляли по Невскому проспекту Жуковскій и Дельвигъ; имъ встрѣтился Титовъ. Дельвигъ рекомендовалъ его, какъ молодого литератора, Жуковскому, который, вслѣдъ за этой рекомендаціей, не подозрѣвая, что вышеупомянутая повѣсть сочинена Титовымъ, сказалъ Дельвигу: «охота тебѣ, любезный Дельвигъ, помѣщать въ альманахъ такія длинныя и бездарныя повѣсти какого-то псевдонима». Это тѣмъ болѣе было неловко, что Жуковскій отличался особымъ добродушіемъ и ко всѣмъ благоволилъ.

Выше уже сказано, что на первой недѣлѣ Великаго поста 1827 г. я поступилъ въ Военностроительное училище путей сообщенія. Для поясненія того, что это было за училище и съ какое цѣлью было оно учреждено, слѣдуетъ вкратцѣ разсказать исторію вѣдомства, тогда носившаго названіе «Главнаго управленія путей сообщенія».

Это управленіе было учреждено, какъ отдѣльное вѣдомство, въ 1809 г. изъ бывшаго Департамента Водяныхъ Коммуникацій, входившаго въ составъ Министерства Коммерціи.

Въ это управленіе сданы были всѣ водяные пути и нѣкоторые изъ главныхъ сухопутныхъ трактовъ. Европейская Россія была раздѣлена на десять округовъ путей сообщенія. Начальники этихъ округовъ и всѣ служащіе въ нихъ техники были назначены частію изъ лицъ, служившихъ въ бывшемъ Департаментѣ Водяныхъ Коммуникацій, частію изъ служившихъ въ другихъ вѣдомствахъ. Между тѣми и другими было очень мало людей, приготовленныхъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, но, несмотря на это, лица, назначенныя на должности, требующія техническихъ познаній, а также и непосредственно начальствующіе надъ ними, получили званіе инженеровъ путей сообщенія. Эти инженеры образовали корпусъ инженеровъ, поставленный на военную ногу; всѣ переведенные изъ гражданскихъ чиновъ были переименованы въ соотвѣтствующіе военные чины. Этому преобразованію даютъ разныя объясненія. Одни объясняли это просто тѣмъ, что при утвержденіи Государемъ рисунка мундировъ назначены были эполеты, которые тогда исключительно принадлежали

военному званію. На эполетахъ даже допущено было нововведеніе: звѣздочки для обозначенія чиновъ, чего тогда не было ни въ арміи, ни во флотѣ. Другіе объясняютъ образованіе корпуса путей сообщенія на военную ногу тѣмъ, что по недостатку офицеровъ Генеральнаго штаба и вообще офицеровъ извѣстнаго образованія, инженеры путей сообщенія могли быть употребляемы вмѣсто офицеровъ Генеральнаго штаба. Дѣйствительно, въ 1812 г..воспитанники перваго выпуска изъ Института путей сообщенія были употребляемы за офицеровъ Генеральнаго штаба.

Первое объясненіе имѣетъ за себя то вѣроятіе, что корпусъ инженеровъ путей сообщенія формировался по образцу французскаго corps des ingénieurs des ponts et chaussies, не образованнаго на военную ногу, и что всѣмъ инженерамъ путей сообщенія, за исключеніемъ генераловъ, дали при военной формѣ не военные чины, а званіе старшихъ инженеровъ 1-го и 2-го классовъ, младшихъ 1-го, 2-го и 3-го классовъ и воспитанниковъ 1-го и 2-го классовъ, но такъ какъ первымъ тремъ классамъ дали штабъ-офицерскіе эполеты, а послѣднимъ четыремъ классамъ оберъ-офицерскіе, то мало-по-малу старшихъ инженеровъ 1-го класса начали называть полковниками, 2-го класса подполковниками, младшихъ инженеровъ 1-го класса маіорами, 2-го капитанами, 3-го поручиками, а воспитанниковъ 1-го и 2-го классовъ подпоручиками и прапорщиками. По прошествіи лѣтъ десяти съ учрежденія инженеровъ путей сообщенія прежнія названія были совершенно забыты и замѣнились не только въ обществѣ, но и официально военными чинами.

Учрежденіе инженеровъ путей сообщенія, на подобіе ingénieurs des ponts et chaussies во Франціи, было давно задумано Императоромъ Александромъ I, чему служитъ доказательствомъ то, что онъ, при свиданіи въ Тильзитѣ съ императоромъ Наполеономъ I, прссилъ его прислать въ Россію четырехъ лучшихъ инженеровъ, кончившихъ курсъ въ политехнической школѣ и потомъ въ школѣ мостовъ и дорогъ въ Парижѣ. Вслѣдствіе этой просьбы въ 1809 г. присланы были Базенъ, Фабръ, Потье и Дестремъ, дѣйствительно лучшіе изъ послѣдне-выпущенныхъ этими шкслами учениковъ. Первые двое были приняты на службу младшими инженерами 1-го класса, а послѣдніе младшими же инженерами 2-го класса.

Фабръ, во время учрежденія военныхъ поселеній, былъ прикомандированъ къ штабу этихъ поселеній, остальные трое продолжали службу въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія. Изъ нихъ Базенъ и Потье впослѣдствіи были генералъ-лейтенантами и директорами, одинъ послѣ другого, Института инженеровъ путей сообщенія, а Дестремъ былъ инженеръ-генераломъ и директоромъ Департамента проектовъ и смѣтъ Главнаго управленія путей сообщенія. Всѣ трое были и членами Совѣта этого управленія.

Польза, ими принесенная, не подлежитъ сомнѣнію. Они оставили послѣ себя разные ученые труды, въ особенности по чистой математикѣ. Дестремъ и въ особенности Базенъ отличались замѣчательнымъ краснорѣчіемъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Россію они посланы были въ разныя мѣстности для ближайшаго ея изученія. При нашествіи же въ 1812 г. Наполеона на Россію ихъ удалили изъ Петербурга въ Ярославль, гдѣ они были очень хорошо приняты губернаторомъ, но послѣ вторженія Наполеона во внутреннія губерніи сочтено было нужнымъ ихъ отправить въ Иркутскъ, куда они были отвезены безъ предувѣдомленія, такъ что они не знали, куда ихъ везутъ. Въ Иркутскѣ они занимались преподаваніемъ математическихъ наукъ и французскаго языка, а Базенъ, и въ особенности Дестремъ, изученіемъ русскаго языка, на которомъ впослѣдствіи говорили хорошо съ небольшимъ акцентомъ. Дестремъ и писалъ по-русски превосходно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Парижа вспомнили о нихъ и приказали вернуть въ Петербургъ, но на пути ихъ возвращенія получено было приказаніе снова везти ихъ въ Иркутскъ. Это приказаніе послѣдовало вслѣдствіе бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, слухъ о которомъ до нихъ не дошелъ и потому, не зная, чему приписать ихъ возвращеніе въ Сибирь, они пришли въ страшное отчаяніе. По отсылкѣ Наполеона на островъ Св. Елены, они возвратились на службу въ Петербургъ. Условленное содержаніе они получали во время ссылки вполнѣ и, конечно, ничего не потеряли въ производствѣ ихъ въ слѣдующіе чины.

Совершенный недостатокъ въ инженерахъ путей сообщенія, при образованіи Главнаго управленія, былъ причиною того, что въ число ихъ были приняты не только разныя лица изъ другихъ вѣдомствъ, но и иностранцы, которыхъ, по случаю эмиграціи изъ Франціи во время революціи, было много въ Россіи. Изъ нихъ нѣкоторые, но не многіе, были дѣйствительно полезны, какъ-то Рекуръ, первый преподаватель курса псстроенія по составленному имъ руководству въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Чтобы дать понятіе, какъ легко было тогда при протекціи попасть въ высшіе чины новаго корпуса инженеровъ путей сообщенія, приведу два примѣра: Сеновера, жившаго въ Россіи, который, какъ я слышалъ, былъ ничего болѣе, какъ табачный торговецъ, приняли прямо генералъ-маіоромъ и сверхъ того назначили директоромъ Института инженеровъ путей сообщенія. Воспитанники этого заведенія любили разсказывать, что два француза эмигранта, не имѣвшіе ни куска хлѣба, ни пристанища, узнавъ, что въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія есть вакансіи инспектора классовъ и щвейцара, бросили жребій, кому изъ нихъ занять ту и другую должность. Мѣсто инспектора классовъ досталось Резимону, который былъ принятъ прямо младшимъ инженеромъ 1-го класса (маіоромъ), а другой поступилъ въ швейцары. Я ихъ обоихъ засталъ въ Институтѣ. Первый былъ ревностный служака и хорошій педагогъ, только отличался клерикальнымъ направленіемъ. Говорили, что онъ былъ аббатомъ во Франціи, а по пріѣздѣ въ Рсссію былъ гувернеромъ въ какомъ-то богатомъ семействѣ. Поступившій же въ щвейцары Института зналъ всѣ европейскіе языки настолько, что могъ говорить по нѣскольку словъ со всѣми лицами дипломатическаго корпуса, который почти въ полномъ составѣ ежегодно посѣ-

щалъ публичный экзаменъ воспитанниковъ первыхъ трехъ классовъ Института.

Такой крайній недостатокъ въ инженерахъ путей сообщенія побудилъ правительство въ одно время съ образованіемъ Главнаго управленія путей сообщенія учредить Институтъ инженеровъ путей сообщенія, воспитанники котораго, по окончаніи курса, должны были поступать на службу въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія.

Въ Институтѣ назначено было преимущественно преподавать высшія математическія науки въ такомъ объемѣ, какъ ихъ не преподавали еще въ Россіи, и военныя науки. Профессора были большею частію французы, а потому, за исключеніемъ Закона Божія и русской словесности, преподаваніе наукъ шло на французскомъ языкѣ. Заведеніе было открытое. Для него былъ купленъ домъ, близъ Обухова моста, съ большимъ садомъ, нынѣшній домъ Министра. Часть этого дома была занята главнымъ начальникомъ Института генералъ-лейтенантомъ Бетанкуромъ, происхожденіемъ испанца, изъ значительной аристократической фамиліи, служившимъ прежде во Франціи и впослѣдствіи бывшимъ съ 1818 по 1823 г. главнымъ директоромъ путей сообщенія въ Россіи. Воспитанники были раздѣлены на 4 класса, называвшіеся бригадами. Первые два носили оберъ-сфицерскія серебряныя эполеты; воспитанники перваго класса съ одною шитою золотомъ звѣздочкою на полѣ эполетъ (подпоручики), а 2-го класса съ чистымъ полемъ безъ звѣздочекъ (прапорщики), треугольныя шляпы съ черными султанами и ботфорты со шпорами. Воспитанники низшихъ двухъ классовъ носили также сфицерскую форму, но безъ эполетъ и не имѣли шпоръ на ботфортахъ.

Всѣ поступающіе на военную службу должны были начать ее съ нижнихъ чиновъ, юнкерами или кадетами въ кадетскихъ корпусахъ и при этомъ носить солдатскую форму; слѣдовательно для инженеровъ путей сообщенія было сдѣлано исключеніе.

Желаніе учиться у лучшихъ иностранныхъ профессоровъ на языкѣ съ дѣтства хорошо изученномъ въ аристократическихъ и другихъ богатыхъ русскихъ семействахъ, а можетъ быть частію и желаніе прямо одѣть офицерскій мундиръ, побудило многія изъ этихъ семействъ отдать своихъ сыновей во вновь образованный Институтъ. Назову двухъ братьевъ барономъ, впослѣдствіи графовъ Строгановыхъ (Сергѣя и Александра Григорьевичей), двухъ братьевъ бароновъ Мейендорфъ, Шабельскаго. Но всѣ они, увидѣвъ, что въ вѣдомствѣ путей сообщенія нельзя сдѣлать карьеры, вскорѣ перешли въ другія вѣдомства.

Это напоминаетъ мнѣ рѣчь, произнесенную бывшимъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями, генералъ-адъютантомъ Константиномъ Владиміровичемъ Чевкинымъ 23 ноября 1859 г. за торжественнымъ обѣдомъ, даннымъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея. Въ ней Чевкинъ, между прочимъ, сказалъ, что по случаю этого дня первый воспитанникъ

перваго выпуска Института, Андрей Даниловичъ Готманъ, произведенъ въ инженеръ-генералы. Къ этому Чевкинъ прибавилъ, что это производство должно показать всѣмъ молодымъ инженерамъ и учащимся въ Институтѣ, до чего можно достигнуть, хорошо учась, усердно служа и высокою честностью, которая была признана за Готманомъ. При всемъ своемъ умѣ Чевкинъ не понялъ, что онъ оскорблялъ этимъ инженеровъ путей сообщенія, такъ какъ около него сидѣли воспитанники того же Института, только перешедшіе изъ вѣдомства путей сообщенія и давно бывшіе полными генералами и дѣйствительными статскими совѣтниками, для чего имъ не нужно было ни особенно хорошо учиться, ни служить съ тѣмъ усердіемъ, съ какимъ служилъ Готманъ, а нѣкоторымъ можетъ быть и не отличаться безукоризненною честностью.

Въ Россіи всегда была отличаема военная служба. Послѣ войны 1812—1815 гг. военные еще болѣе возгордились и потому первый порывъ аристократическихъ и богатыхъ родителей къ опредѣленію ихъ сыновей въ Институтъ скоро остылъ, тѣмъ болѣе, что въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія дозволялось поступать и сыновьямъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій.

Въ началѣ 20-хъ годовъ офицерская форма воспитанниковъ Института замѣнена кадетскою. Онъ преобразованъ въ закрытое заведеніе, при чемъ переведенъ во вновь отстроенный домъ на Обуховскомъ проспектѣ, гдѣ помѣщается и теперь, а домъ, въ которомъ онъ помѣщался прежде, отданъ весь подъ помѣщеніе главноуправляющаго путями сообщенія герцога Александра Виртембергскаго.

Институтъ путей сообщенія ежегодно выпускалъ немного инженеровъ на службу, и такъ какъ воспитанникамъ его давались превратныя понятія объ ихъ дальнѣйшей карьерѣ, недостатокъ, впрочемъ, общій со всѣми другими тогдашними учебными заведеніями, то выходили они большею частью бѣлоручками. Вскорѣ почувствовалась необходимость дать имъ помощниковъ, наподобіе кондукторовъ во Франціи, и для образованія этихъ второстепенныхъ дѣятелей по техническимъ работамъ вѣдомства путей сообщенія было образовано особое училище.

Страсть ко всему военному высказалась и въ этомъ случаѣ. Заведеніе, которое должно было готовить мирныхъ дѣятелей, назвали Военностроительнымъ училищемъ путей сообщенія и дали его воспитанникамъ кадетскую форму, при чемъ учили маршировать и тесачнымъ пріемамъ, каковое обученіе было введено и въ Институтѣ путей сообщенія, когда воспитанникамъ его дали кадетскую форму.

Воспитанники, кончившіе курсъ въ Военностроительномъ училищѣ, должны были поступать въ строительный отрядъ, образованный на военную ногу, со всѣми штабъ-офицерскими и оберъ-офицерскими чинами; имъ присвоенъ былъ и мундиръ, почти одинаковый съ инженерами путей сообщенія. Разница состояла въ томъ, что бархатные воротникъ и обшлага съ серебряными петлицами, присвоенные мундиру инженеровъ путей сооб-

щенія, были суконные, безъ петлицъ, у офицеровъ строительнаго отряда, и въ томъ, что послѣдніе не имѣли шпоръ.

Но для пополненія строительнаго отряда офицерами не ожидали выпуска воспитанниковъ изъ строительнаго училища, а перевели въ него гражданскихъ чиновниковъ, прежде производившихъ работы за недостаткомъ инженеровъ, переименовавъ ихъ въ соотвѣтствующіе военные чины, а также и многихъ офицеровъ изъ другого рода службы, преимущественно изъ артиллеріи и саперовъ, такъ что многіе офицеры новаго строительнаго отряда были старѣе чинами инженеровъ путей сообщенія. А такъ какъ іерархія чиновъ соблюдалась весьма строго, то офицеры строительнаго отряда, старшіе чинами, не могли быть помощниками у инженеровъ, состоявшихъ въ низшихъ чинахъ. Такимъ образомъ, первоначальная цѣль учрежденія строительнаго отряда не была достигнута. Многіе начальники предпочитали давать работы опытнымъ людямъ, а не вновь выпущеннымъ изъ института генераламъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ практическая часть была въ сильномъ пренебреженіи. За симъ молодые генералы часто назначались подъ начальство офицеровъ строительнаго отряда.

Въ первомъ выпускѣ изъ Военностроительнаго училища въ 1822 г., когда вновь произведенные прапорщики представлялись главному директору путей сообщенія генералу Бетанкуру, онъ обратилъ вниманіе на находившагося между ними небольшого роста, красиваго 15-тилѣтняго юношу Мельникова, бывшаго впослѣдствіи Министромъ путей сообщенія, и замѣтивъ, что онъ хорошо говоритъ по-французски, сказалъ, что ему должно еще продолжать ученіе и сообразно степени познаній, пріобрѣтенныхъ Мельниковымъ въ Военностроительномъ училищѣ, прикомандировалъ его для продолженія курса ученія къ 3-й бригадѣ Института инженеровъ путей сообщенія, т.-е. къ высшему классу воспитанниковъ. Вмѣстѣ съ Мельниковымъ были прикомандированы и нѣсколько другихъ вновь произведенныхъ прапорщиковъ строительнаго отряда. Впослѣдствіи при каждомъ выпускѣ изъ Военностроительнаго училища вновь произведенные прапорщики, отличившіеся лучшими способностями, а частью по протекціи, были прикомандированы къ 3-й бригадѣ Института инженеровъ путей сообщенія. Они, по выдержаніи наравнѣ съ воспитанниками этой бригады экзамена, переводились прапорщиками же въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія и поступали для продолженія ученія во вторую бригаду Института. Этимъ способомъ значительно убавлялось число выпускаемыхъ изъ училища въ строительный отрядъ. Производство въ слѣдующіе чины было въ послѣднемъ весьма туго, и потому многіе, по окончаніи 6-тилѣтняго обязательнаго срока службы въ отрядѣ, искали себѣ другой родъ службы.

Между тѣмъ чувствовалась необходимость въ хорошихъ чертежникахъ и въ непосредственныхъ надзирателяхъ за работами, для образованія которыхъ была учреждена кондукторская школа путей сообщенія. Въ нее помѣщались дѣти нижнихъ чиновъ разныхъ командъ, бывшихъ при производствѣ сооруженій вѣдомства путей сообщенія, при надсмотрѣ за ихъ

содержаніемъ и при рѣчной полиціи. Воспитанники этой школы выходили кондукторами съ правами и мундиромъ унтеръ-офицера. Многіе изъ нихъ, какъ хорошіе чертежники и какъ люди довольно развитые, были полезны на службѣ, но большею частью они не могли выдержать грубаго съ ними обхожденія инженеровъ, а въ особенности офицеровъ строительнаго отряда, которыхъ образованіе бывало гораздо ниже ими полученнаго, спивались съ круга и умирали преждевременно отъ чахотки. При кондукторской школѣ были довольно хорошія мастерскія, гдѣ воспитанники образовывались и практически, такъ что въ этомъ отношеніи они знали болѣе инженеровъ, получившихъ высшее математическое образованіе въ Институтѣ. Обученіе же кондукторовъ ограничивалось въ математикѣ ариѳметикою, алгеброю до уравненія высшихъ степеней, геометріею общею и начертательною.

Кондукторская школа была уничтожена по причинѣ, которая, казалась бы, не могла имѣть на нее никакого вліянія, а именно: по случаю бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ. Для постройки имъ дворца было выбрано мѣсто, на которомъ стоялъ домъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, а подъ эту школу предполагалось перестроить домъ, занимаемый бывшимъ тогда главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями, графомъ Карломъ Ѳеодоровичемъ Толемъ. Графъ Толь, чтобы сохранить свое помѣщеніе, а главное прекрасный садъ при немъ, котораго часть при перестройкѣ полагали уничтожить, пожертвовалъ кондукторскою школою. Она была уничтожена и въ занимаемый ею домъ была переведена школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Въ Военностроительномъ училищѣ преподавались: элементарная математика въ большемъ объемѣ, чѣмъ въ гимназіяхъ, и лучше начертательная и аналитическая геометрія; архитектура; строительное искусство по части путей сообщенія; рисованіе, черченіе, въ маломъ объемѣ механика и физика и другіе гимназическіе предметы въ меньшемъ еще объемѣ, чѣмъ въ гимназіяхъ; исторіи совсѣмъ не преподавалось, такъ что воспитанникъ этого училища Мельниковъ, поступившій въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, въ первыхъ трехъ бригадахъ котораго также не учили исторіи, совсѣмъ ей не учился; это не помѣшало ему быть впослѣдствіи Министромъ путей сообщенія.

Воспитанники строительнаго училища, числомъ 120, составляли одну роту и раздѣлены были въ учебномъ отношеніи на четыре класса. По моимъ познаніямъ я могъ бы поступить во 2-ой классъ, но я вовсе не умѣлъ чертить, рисовалъ дурно и не имѣлъ понятія объ архитектурѣ, преподаваніе которой начиналось въ 3-мъ классѣ, и потому я посаженъ былъ въ этотъ классъ. Ученье въ немъ было мнѣ очень легко, и черезъ это я сдѣлался еще лѣнивѣе. Въ рисованіи же и черченіи я и въ училищѣ не сдѣлалъ успѣховъ, не имѣя къ нимъ никакихъ способностей.

Директоромъ училища былъ во время моего поступленія инженеръ-полковникъ Шефлеръ, переведенный изъ генеральнаго штаба, называвшагося тогда Свитою Его Величества по квартирмейстерской части. Онъ умеръ въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности помощника директора Института путей сообщенія. Командиромъ роты былъ строительнаго отряда маіоръ Шуленіусъ, переведенный изъ арміи. Онъ былъ впослѣдствіи ротнымъ командиромъ и потомъ казначеемъ въ Институтѣ путей сообщенія; умеръ генералъ-маіоромъ въ отставкѣ. Оба, кромѣ русскихъ орденовъ, имѣли прусскій орденъ пурлемеритъ, тогда довольно обыкновенный въ русской арміи. Должность инспектора классовъ исправлялъ ротный офицеръ училища, строительнаго отряда подпоручикъ Краузенекеръ, бывшій воспитанникъ строительнаго училища. Онъ былъ впослѣдствіи ротнымъ командиромъ, а потомъ библіотекаремъ въ Институтѣ путей сообщенія; умеръ на службѣ въ штабъ-офицерскомъ чинѣ. Черезъ нѣсколько времени по моемъ поступленіи инспекторомъ классовъ былъ назначенъ инженеръ-подполковникъ Эмме, а Краузенекеръ къ нему помощникомъ.

Шефлеръ былъ человѣкъ добрый, но очень вспыльчивый, небольшого ума; сверхъ директорской должности онъ преподавалъ военныя науки въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія; впослѣдствіи это преподаваніе было поручено маіору корпуса инженеровъ путей сообщенія Петру Александровичу Языкову.

Шуленіусъ былъ также добръ и также очень вспыльчивъ; онъ былъ сильно раненъ и по этой причинѣ еще болѣе раздражителенъ. Онъ, несмотря на свое ничтожное образованіе, умѣлъ вести себя съ воспитанниками лучше Шефлера; ко мнѣ былъ снисходителенъ. Такъ какъ Шуленіусъ часто бранилъ воспитанниковъ, то его называли собакою и въ классахъ на черныхъ доскахъ рисовали собакъ съ его лицомъ и двумя крестами на шеѣ, которые онъ обыкновенно носилъ. Эти карикатуры Шуленіусу не разъ пришлось видѣть.

Краузенекеръ, человѣкъ недурной, имѣлъ образованіе настолько, насколько можно было его получить въ Военностроительномъ училищѣ, въ которомъ сверхъ того и учился посредственно. Онъ въ молодыхъ лѣтахъ и въ маломъ чинѣ занималъ довольно важное мѣсто по протекціи Шефлера, на дочери котораго впослѣдствіи женился. Онъ меня не долюбливалъ, вѣроятно, за то, что я, при нѣмецкой фамиліи, былъ совершенно русскимъ, а не нѣмцемъ.

Воспитанники, какъ въ Институтѣ, такъ и въ училищѣ, раздѣлены были на двѣ партіи, враждебныя между собою: русскихъ и нѣмцевъ, но въ училищѣ послѣдняя партія не была преобладающею.

Кромѣ Краузенекера, были еще ротные офицеры, не получившіе никакого образованія и весьма ограниченные во всѣхъ отношеніяхъ. Они и Краузенекеръ поочередно дежурили.

Эмме былъ человѣкъ образованный, но какъ-то по-своему: сверхъ инспекторской должности онъ читалъ въ училищѣ курсъ построенія.

Курсъ его былъ наполненъ такими подробностями, что онъ успѣвалъ прочитывать только небольшую часть курса. Онъ объяснялъ, что изысканія для ссставленія проекта сооруженія самаго маловажнаго трєбуютъ нѣсколько лѣтъ изученія, что выборъ мѣста для забивки кольевъ при нивелировкѣ требуетъ также строгаго изученія, и о забивкѣ кола и протягиваніи измѣрительной цѣпи читалъ длинныя лекціи. Какъ теперь все это далеко отъ нынѣшняго спссоба постройки, по которому цѣлыя сотни верстъ желѣзныхъ дорогъ, съ значительными великолѣпными мостами, огромными ста́нціонными и другими важными сооруженіями, возникаютъ въ два года, а иногда и менѣе. Про Эмме говорили, что онъ написалъ только часть курса построенія, но что объемъ написаннаго такъ великъ, что, при перевозкѣ его черезъ мостъ на Фонтанкѣ, мостъ провалился. Эмме замѣчателенъ былъ своею неопрятностью: мундиръ его былъ изношенъ донельзя, что давало воспитанникамъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ нимъ. Онъ ко мнѣ былъ очень расположенъ.

Въ училищѣ была церковь, въ которую по праздникамъ водили всспитанниковъ изъ Института инженеровъ путей сообщенія. Между всспитанниками Института и училища была постоянная вражда. При поступленіи моемъ въ училище всспитанники Института нссили уже кадєтскую форму, но когда они имѣли еще форму сфицерскую, то каждый разъ послѣ посѣщенія училищной церкви они оставляли много перьевъ изъ султановъ, которые тогда нссили на треугольныхъ шляпахъ. Поэтому воспитанники училища прозвали ихъ рябчиками; псслѣдніе же называли первыхъ фукелами, потому что въ первое время воспитанники училища постоянно сидѣли взаперти: ихъ никогда не отпускали изъ училища.

При поступленіи же моемъ отпуски по праздникамъ были допускаемы, но отнюдь не дозволялссь ночевать внѣ училища; то же правило соблюдалсь и въ Институтѣ съ того времени, какъ онъ былъ преобразованъ въ закрытое учебное заведеніе.

При церкви училища былъ священникъ Иванъ Антоновичъ Гавриловъ, который преподавалъ въ училищѣ Законъ Божій. Онъ былъ человѣкъ неученый, но весьма умный, видный ссбою и умѣлъ хорошо себя держать съ начальствомъ и съ всспитанниками. При полученіи извѣстія о неожиданной кончинѣ Императора Александра I онъ сказалъ краткую рѣчь, которая тогда очень понравилась. Онъ сдѣлался черезъ нее извѣстнымъ и получилъ тогда же орденъ Св. Анны 3-й степени, хотя еще не имѣлъ многихъ наградъ, которыя даются священникамъ до пожалованія ихъ орденами. По устройствѣ церкви въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, онъ былъ переведенъ въ эту церковь, откуда, сбидясь тѣмъ, что директоръ Института генералъ Базенъ сдѣлалъ ему какое-то легкое замѣчаніе, перешелъ въ приходскую церковь на Пески. Но это мѣсто было не по немъ; онъ вскорѣ поступилъ въ церковь технологическаго института, откуда былъ взятъ въ придворную церковь королевы Нидерландской Анны Павловны, гдѣ также остался недолго и былъ переведенъ въ церковь Зимняго дворца; онъ умеръ

саккеларіемъ этой церкви. Онъ былъ очень ко мнѣ расположенъ, и я одинъ пользовался правомъ стоять въ алтарѣ во время обѣдни и всенощной; въ продолженіе послѣдней службы онъ много говорилъ со мною.

Въ училищѣ кормили воспитанниковъ плохо. Домъ, имъ занимаемый, гдѣ теперь архитекторское училище Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на Царскосельскомъ проспектѣ, былъ запущенъ. Государь его никогда не посѣщалъ. Главноуправляющій путями сообщенія также, во все время моего нахожденія въ училищѣ, въ немъ не былъ ни разу и, конечно, вообще мало объ немъ заботился.

Главную роль въ училищѣ игралъ Шуленіусъ, который часто прибѣгалъ къ разнымъ наказаніямъ и въ присутствіи своемъ приказывалъ сѣчь воспитанниковъ, которыхъ находилъ въ чемъ-нибудь виновными, самъ или по приказанію Шефлера, а также по жалобамъ Краузенекера. Разъ только Шуленіусъ пригрозилъ мнѣ сѣченіемъ, но умилостивился, при чемъ сказалъ, что онъ служилъ въ прусскую кампанію 1807 г. вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и въ память его ограничивается только словеснымъ внушеніемъ. Такимъ образомъ и въ этомъ училищѣ, въ которомъ часто сѣкли, избѣжалъ я этого наказанія.

Но кромѣ сѣченія, карцера, въ которомъ и я сидѣлъ одинъ разъ, оставленія безъ обѣда или ужина, неотпуска изъ училища въ праздничные дни, всѣ вышесканные начальники позволяли себѣ бить воспитанниковъ даже по лицу. Назначаемые изъ воспитанниковъ фельдфебель роты и унтеръ-офицеры также били воспитанниковъ. Но эти побои какъ-то доставались не всѣмъ, дѣлалось какое-то различіе между воспитанниками. Иныхъ никогда не били, и я былъ въ числѣ не подвергавшихся побоямъ.

Воспитанники училища были всѣ изъ бѣдныхъ семействъ. Я упомяну только о трехъ моихъ товарищахъ по училищу: Ѳеодорѣ Ѳеодоровичѣ Масальскомъ, Фердинандѣ Ивановичѣ Таубе и Александрѣ Ивановичѣ Баландинѣ.

Первые двое были въ училищѣ при моемъ поступленіи; оба были уже унтеръ-сфицерами и изъ нихъ Таубе моимъ отдѣльнымъ унтеръ-сфицеромъ.

Масальскій, впослѣдствіи доказавшій право на княжескій титулъ, состоитъ теперь (1872 г.) завѣдывающимъ техническо-инспекторскимъ комитетомъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній въ чинѣ инженеръ-генералъ-маіора. Масальскій человѣкъ весьма дѣятельный. Несмотря на это, полковничій и генералъ-маіорскій чины, а равно данныя ему въ послѣднее время награды и повышенія по должностямъ на службѣ, онъ получилъ по моему постоянному объ этомъ ходатайству.

Таубе, который былъ лѣтъ на десять старѣе меня, такъ что его называли въ училищѣ дѣдушкою, былъ также хорошій человѣкъ, но чрезвычайно мягокъ и низкопоклоненъ съ старшими. Его упрекали, что онъ нажилъ состояніе при долгомъ управленіи Царскосельскою желѣзною дорогою, но это совершенно несправедливо. Дѣйствительно, онъ ничего не имѣлъ

при выходѣ изъ училища, но окончивъ впослѣдствіи курсъ въ Институтѣ и оставаясь при немъ репетиторомъ, онъ завелъ довольно многочисленный пансіонъ для молодыхъ людей, поступающихъ въ Институтъ, и отъ этого пансіона, при крайней нѣмецкой бережливости и расчетливости, нажилъ капиталъ, на который построилъ домъ у Аларчина моста. О немъ, какъ управляющемъ Царскосельскою желѣзною дорогою, ходило много анекдотовъ, говорили, что онъ имѣлъ визитныя карточки съ надписью: «Directeur du chemin de fer d. S. Petersbourg à Tzarskoyé Selo et de retour», что онъ докладывалъ Императору Николаю о томъ, что поѣздъ готовъ словами: «Ту э пре» (все готово), и когда разъ, по совѣту товарищей, вздумалъ сказать правильно: «Тутъ э пре», то Государь, шутя надъ нимъ, приказалъ не измѣнять прежняго его способа выраженія. Я бы могъ написать нѣсколько страницъ о подобныхъ странностяхъ Таубе. Дѣйствительно, онъ во многомъ былъ смѣшонъ, но доброта его, честность, усердіе къ службѣ, благоволительность ко всѣмъ и примѣрная семейная жизнь значительно превышаютъ его смѣшную сторону. По оставленіи имъ мѣста управляющаго Царскосельскою желѣзною дорогою, онъ получалъ самое ничтожное содержаніе, а исправлялъ значительныя и многотрудныя порученія по желѣзнымъ дорогамъ всегда съ большимъ усердіемъ. Въ декабрѣ 1868 г. онъ назначенъ былъ правительственнымъ членомъ совѣта Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и только одинъ годъ пользовался въ этой должности хорошимъ содержаніемъ. Онъ умеръ скоропостижно въ мартѣ 1870 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Третій изъ названныхъ мною товарищей по училищу, Баландинъ, былъ старѣе меня и имѣлъ большое вліяніе на мое развитіе. Онъ поступилъ въ училище въ одно время со мною, кончивъ уже гимназическій курсъ и вообще весьма даровитый. Немедля по поступленіи онъ обратилъ на меня вниманіе. Онъ писалъ хорошіе стихи и, вообще любя очень литературу и въ то время особенно занимаясь русскою литературою, онъ видѣлъ возможность отъ меня узнавать о томъ, что происходило тогда въ русскомъ литературномъ мірѣ и получать разныя книги, которыхъ, по крайней бѣдности, не могъ покупать.

Мнѣ часто дарили книги у Дельвига, и я ихъ немедля приносилъ Баландину. Но случалось, что иныхъ книгъ я не получалъ, а Баландинъ ихъ хотѣлъ имѣть, то я ихъ бралъ со столовъ Дельвига или его жены, не спрося на это ихъ дозволенія, и когда, въ слѣдующій праздникъ, по приходѣ къ нимъ, они мнѣ говорили о необычайной пропажѣ книгъ, я не сознавался въ похищеніи. Не могу понять, какъ, при внушенныхъ мнѣ правилахъ моею матерью, я могъ впасть въ подобный поступокъ. Мнѣ отвратительно вспомнить о немъ. Баландинъ теперь въ отставкѣ инженеръ-генералъ-маіоромъ; я не разъ еще встрѣчусь съ нимъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ».

По выходѣ изъ училища прапорщикомъ строительнаго отряда Масальскій былъ прикомандированъ въ 1828 г. къ 3-й бригадѣ Института

инженеровъ путей сообщенія, а въ 1829 г. былъ переведенъ во 2-ю бригаду и въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Баландинъ же и Таубе, вышедшіе прапорщиками изъ училища въ 1829 г., сами приготовились такъ, что не поступая, какъ всѣ другіе воспитанники, кончившіе курсъ въ строительномъ училищѣ, въ 3-ю бригаду, выдержали въ томъ же году экзаменъ прямо во 2-ю бригаду, при чемъ и были переведены въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія.

Сверхъ корпуса инженеровъ и строительнаго отряда, въ вѣдомствѣ путей сообщенія были учреждены особыя команды изъ нижнихъ чиновъ при каждомъ изъ округовъ и при шоссе между двумя столицами. Команды при шоссе образовали одну военно-рабочую бригаду въ двухбатальонномъ составѣ. Офицеры въ этой бригадѣ и начальствовавшіе командами при округахъ назывались военно-рабочими офицерами путей сообщенія, которые переводились изъ арміи. Воспитанники Военностроительнаго училища, дурно учившіеся, поступали офицерами въ означенную бригаду, равно какъ и тѣ изъ воспитанниковъ Института, которые по своимъ способностямъ не только не годились быть инженерами, но даже и поступить въ строительный отрядъ.

Въ то время кадеты только петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ производились прямо въ офицеры; кадеты же другихъ корпусовъ передъ производствомъ въ офицеры должны были провести нѣсколько мѣсяцевъ въ бывшемъ тогда дворянскомъ полку.

Въ началѣ 1827 г. въ числѣ прочихъ кадетъ Московскаго кадетскаго корпуса былъ привезенъ въ этотъ полкъ старшій братъ мой Александръ.

Лѣто 1827 г. А. А. Дельвигъ съ женою провели въ Ревелѣ, и потому я въ это время проводилъ праздничные дни у брата Александра, или вмѣстѣ съ нимъ у мужа нашей умершей тетки, Егора Михайловича Гурбандта.

Тогда еще не было построено того огромнаго зданія, въ которомъ помѣщается 2-я петербургская военная гимназія, но на этомъ мѣстѣ было раскинуто нѣсколько небольшихъ, неопрятно содержимыхъ деревянныхъ домовъ, въ которыхъ помѣщались воспитанники дворянскаго полка, взятые изъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ, часто неучившіеся грамотѣ и мало чему научавшіеся въ полку, и кадеты Московскаго и разныхъ губернскихъ кадетскихъ корпусовъ, прикомандированные для обученія фронтовой службѣ къ дворянскому полку предъ производствомъ ихъ въ офицеры.

Присмотръ за всѣми этими взрсслыми воспитанниками былъ очень дурной. Помню, какъ мнѣ, 14-ти лѣтнему мальчику, было отвратительно видѣть пьянство большей части этихъ господъ и какую-то вообще распущенность. Простая водка и самая плохая закуска не сходили со столовъ. Я бывалъ въ полку у брата очень рѣдко.

Дядя Гурбандтъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, былъ штабъ-лекаремъ въ Главномъ Штабѣ. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, давно практиковалъ и считался хорошимъ опытнымъ врачемъ. Онъ никогда не

прописывалъ рецепта, чтобы не снять съ него копіи, и каждый вечеръ сшивалъ въ одну тетрадь прописанные имъ въ тотъ день рецепты съ описаніемъ причинъ, побудившихъ его дать то или другое лекарство, и какое оно имѣло послѣдствіе для больного.

При такомъ точномъ исполненіи обязанностей по своей профессіи онъ былъ нерасчетливъ въ жизни и, несмотря на старость, весьма падокъ къ женскому полу. Вмѣстѣ съ нимъ жили: двѣ его племянницы, пожилыя дѣвицы, старуха, какъ говорили, бывшая его любовница, Дарья Ѳаддѣевна Брилова, которая заправляла всѣмъ домомъ, и ея племянница, Елена Михайловна, дѣвица лѣтъ 16, недурная собой.

Они жили въ Измайловскомъ полку въ маленькомъ деревянномъ домѣ, который былъ купленъ для Гурбандта богачемъ Яковлевымъ въ благодарность за исцѣленіе его 16-ти лѣтней дочери отъ чахотки, что почиталось чудомъ искусства.

Вскорѣ старый Гурбандтъ, вздумавъ жениться на своей молодой и чрезвычайно богатой паціенткѣ, сдѣлалъ предложеніе. Ему отказали и вмѣстѣ съ тѣмъ выслали изъ занимаемаго имъ дома, который не былъ еще переписанъ на его имя, и такимъ образомъ дурно заплатили за леченіе дочери, на которое Гурбандтъ посвящалъ наибольшую часть своего времени. Вслѣдствіе этого онъ съ живущими у него перебрался въ другой домъ, нанятый имъ также въ Измайловскомъ полку.

Сынъ Гурбандта, Ѳеодоръ Егоровичъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, жилъ въ казармахъ этого полка, но обѣдалъ почти каждый день у отца. Я и братъ Александръ также у него часто обѣдали. Намъ всегда всѣ были очень рады, и такъ какъ братъ долженъ былъ выйти въ одинъ изъ двухъ бывшихъ тогда полковъ молодой гвардіи, лейбъ-гренадерскій или Павловскій, то и было устроено такъ, что онъ былъ произведенъ въ послѣдній изъ этихъ полковъ и помѣщенъ въ роту, которой командовалъ Ѳ. Е. Гурбандтъ.

Къ обѣду часто приходили сыновья Д. Ѳ. Бриловой, Николай и Андрей Игнатьевичи, воспитанные Е. М. Гурбандтомъ. Первый былъ докторомъ, женился на какой-то распутной женщинѣ и чрезъ это былъ довольно богатъ. Второй служилъ въ Военномъ Министерствѣ, былъ большой шутникъ, очень забавный; его присутствіе развеселяло всѣхъ.

Лѣтомъ 1827 г. я началъ чувствовать въ обѣихъ ноздряхъ твердые наросты, постоянно увеличивающіеся.

Къ сентябрю эти полипы уже поравнялись съ нижнею частію ноздрей.

Въ это время вернулся изъ Ревеля А. А. Дельвигъ съ женою и для производства операціи и моего леченія у него на дому онъ испросилъ увольненія меня изъ училища на нѣсколько недѣль. Операцію дѣлалъ мнѣ лейбъ-хирургъ Николай Ѳедоровичъ Арендтъ, который вырвалъ нѣсколько полиповъ изъ обѣихъ ноздрей съ значительною болью и сильнымъ истеченіемъ крови. Находя нужнымъ лечить меня послѣ операціи, А. А. Дельвигъ оставилъ меня у себя, и я прожилъ у него три мѣсяца. Первое время,

дѣйствительно, меня чѣмъ-то лечили, а потомъ просто безъ надобности держали, и я, конечно, не хлопоталъ о возвращеніи въ училище. Долгимъ своимъ отсутствіемъ изъ училища я немного терялъ въ ученіи, потому что предметы преподававшіеся въ 3-мъ классѣ Военностроительнаго училища, за исключеніемъ началъ архитектуры, были мнѣ извѣстны, а въ рисованіи и черченіи, по моей неспособности, я все равно нисколько бы не успѣлъ. Только это трехмѣсячное ничегонедѣланіе еще болѣе развило во мнѣ распущенность и лѣнь, хотя съ другой стороны общество, собиравшееся у Дельвига, не могло не произвесть на меня полезнаго вліянія.

Въ это время нѣсколько разъ обѣдалъ у Дельвига инженеръ путей сообщенія, полковникъ Карелинъ, завѣдывавшій художественными заведеніями Главнаго управленія путей сообщенія. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій, весьма образованный, пріятный въ обществѣ и извѣстный своимъ обжорствомъ, такъ что онъ всегда увѣдомлялъ заранѣе Дельвига о томъ, что придетъ обѣдать, и тогда заказывали обѣдъ на 12 человѣкъ, хотя насъ обѣдало всего четверо или пятеро. Онъ бралъ каждаго кушанья по стольку же, какъ и другіе, но когда блюда обнесутъ вокругъ стола, то ихъ ставили передъ Карелинымъ, и онъ поканчивалъ все, что на нихъ оставалось.

Пушкинъ послѣ дозволенія, даннаго ему въ маѣ 1827 г., бывать въ обѣихъ столицахъ, пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ лѣтомъ 1827 г., но за отсутствіемъ Дельвига, я его тогда не видалъ. Я его увидѣлъ въ первый разъ въ октябрѣ, когда онъ снова пріѣхалъ изъ своего уединенія, с. Михайловскаго.

17-го октября праздновали день моихъ именинъ. Пушкинъ привезъ съ собой, подаренный его пріятелемъ Вульфомъ, черепъ отъ скелета одного изъ моихъ предковъ, погребенныхъ въ Ригѣ, похищеннаго поэтомъ Языковымъ, въ то время Дерптскимъ студентомъ, и вмѣстѣ съ нимъ превосходное стихотвореніе свое: «Черепъ», посвященное А. А. Дельвигу и начинающееся строфою:

Прими сей черепъ, Дельвигъ; онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву;
Тебѣ повѣдую, баронъ,
Его готическую славу;

и оканчивающееся строфою:

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ; онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти
Да запивай уху да кашу!
Пѣвцу Корсара подражай

И Скандинавовъ рой воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или какъ Гамлетъ Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай;
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

Пили за мое здоровье за обѣдомъ изъ этого черепа, въ которомъ Вульфъ, подарившій его Пушкину, держалъ табакъ. Черепъ этотъ долженъ и теперь находиться у вдовы Дельвига, но едва ли онъ, по совѣту Пушкина, обдѣланъ «въ благопристойную оправу».

Извѣстно, что всѣ стихотворенія свои Пушкинъ доставлялъ Дельвигу, отъ котораго они были отсылаемы къ шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, а имъ представлялись на Высочайшее усмотрѣніе. Само собою разумѣется, что старались пссылать къ Бенкендорфу по нѣсколько стихотвореній за-разъ, чтобы не часто утруждать Августѣйшаго цензора. Стихотворенія, назначенныя къ напечатанію въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г., были въ октябрѣ уже пресмотрѣны Императоромъ, и находили неудобнымъ посылать къ нему на просмотръ одно стихотвореніе «Черепъ», которое однако же непремѣнно хотѣли напечатать въ ближайшемъ выпускѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Тогда Пушкинъ рѣшилъ подписать подъ стихотвореніемъ «Черепъ» букву «Я», сказавъ: «Никто не усумнится, что Я—Я». Но между тѣмъ многіе усомнились и приписывали это стихотвореніе поэтому Языкову. Государь впослѣдствіи узналъ, что «Черепъ» написанъ Пушкинымъ, и заявилъ неудовольствіе, что Пушкинъ печатаетъ безъ его цензуры. Между тѣмъ, по нежеланію обезпокоивать часто Государя просмотромъ мелкихъ стихотвореній, Пушкинъ многія изъ своихъ стихотвореній печаталъ съ подписью П. или Ал. П.

Пушкинъ въ дружескомъ обществѣ былъ очень пріятенъ и ко мнѣ съ самаго перваго знакомства очень привѣтливъ. Дельвигъ со всѣми товарищами по лицею былъ одинаковъ въ обращеніи, но Пушкинъ обращался съ ними разно. Съ Дельвигомъ онъ былъ вполнѣ друженъ и слушался, когда Дельвигъ его удерживалъ отъ излишней картежной игры и отъ слишкомъ частаго посѣщенія знати, къ чему Пушкинъ былъ очень склоненъ. Съ нѣкоторыми же изъ своихъ товарищей лицеистовъ, въ которыхъ Пушкинъ не видѣлъ ничего замѣчательнаго и въ томъ числѣ съ М. Л. Яковлевымъ, обходился нѣсколько надменно, за что ему часто доставалось отъ Дельвига. Тогда Пушкинъ видимо на нѣсколько времени измѣнялъ свой тонъ и съ этими товарищами.

Нѣсколько позже пріѣхалъ въ Петербургъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій, уже извѣстный тогда своими ѣдкими эпиграмами и острыми словами. Онъ былъ незаконнорожденный сынъ Александра Николаевича Сойманова. Въ 1827 г. онъ ѣхалъ путешествовать за границу. Сколько мнѣ помнится, онъ тогда не былъ еще такъ близокъ съ Пушкинымъ и дру-

гими современными поэтами, но былъ очень нахаленъ и потому, такъ сказать, навязывался на дружбу извѣстныхъ тогда людей. Нахальство его не понравилось женѣ Дельвига и потому, дабы избѣгнуть частыхъ его посѣщеній, она его не принимала въ отсутствіи мужа. Но это не помогло: онъ входилъ въ кабинетъ Дельвига, ложился на диванъ, который служилъ мнѣ кроватью, и читалъ до обѣда, а когда Дельвигъ возвращался домой, то онъ входилъ вмѣстѣ съ нимъ и оставался обѣдать.

Читая лежа на диванѣ, Соболевскій часто засыпалъ. Разъ онъ заснулъ, читая пѣсни Беранжера. Книга выпала изъ его рукъ и была объѣдена большою собакою Дельвига. По этому случаю за обѣдомъ была сочинена пѣсня съ припѣвомъ:

Собака съѣла Беранжера,
А Беранжеръ собаку съѣлъ;

т.-е. Беранжеръ большой мастеръ писать пѣсни, онъ на этомъ, какъ выражаются въ простонародьи, собаку съѣлъ.

Соболевскій меня называлъ «Барончикомъ» и продолжалъ такъ меня называть даже и въ то время, когда мнѣ было 55 лѣтъ отъ роду. Онъ сумѣлъ разбогатѣть и, покончивъ свои дѣла, переѣхалъ жить въ Москву съ значительнымъ капиталомъ. Въ то время какъ я служилъ въ Москвѣ съ 1852 г. по 1861 г., онъ началъ было ѣздить ко мнѣ, но тонъ его не понравился женѣ моей, и мы впослѣдствіи видались только въ англійскомъ клубѣ.

Въ 1827 г., не помню по какому случаю, былъ у Дельвиговъ ужинъ, тогда какъ обыкновенно у нихъ не ужинали. За ужиномъ былъ Соболевскій, который шутками своими оживлялъ все общество. Онъ меня въ этотъ день поилъ много, и я въ первый разъ отъ роду былъ немного пьянъ. За ужиномъ была Анна Петровна Кернъ, которая сама напечатала воспоминанія объ ея знакомствѣ съ Пушкинымъ, написавшимъ къ ней въ 1825 г. стихотвореніе, начинающееся стихами:

Я помню чудное мгновенье;
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

А. П. Кернъ, дочь Петра Макарьевича Полторацкаго, была отдана 15-ти лѣтъ отъ роду замужъ за стараго генералъ-лейтенанта Керна, человѣка не очень умнаго. Она съ нимъ жила недолго, имѣла отъ него дочь, которая въ 1827 г. была уже въ Смольномъ монастырѣ. Разойдясь съ мужемъ, А. П. Кернъ жила нѣсколько времени у Прасковьи Александровны Осиповой, по первому мужу Вульфъ, въ с. Тригорскомъ, по сосѣдству съ с. Михайловскимъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ время своего изгнанія.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ старуха П. А. Осипова съ своими дочерьми посѣщала Дельвиговъ, шутя сознавалась, что влюблена въ Дельвига, и меня очень любила, такъ что въ шутку увѣряла, что она измѣнила Дельвигу и меня полюбила также страстно. Дельвигъ увѣ-

рялъ, что ему счастье только на старухъ и что мнѣ предстоитъ, вѣроятно, такая же участь.

Пушкинъ написалъ нѣсколько посланій къ П. А. Осиповой и къ ея дочерямъ. Вотъ первая строфа посланія къ первой, написаннаго въ 1825 г.:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о мирной сторонѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Вотъ начало посланія къ одной изъ дочерей П. А. Осиповой, написаннаго въ 1828 г.:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И я вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Въ 1827 г. А. П. Кернъ была уже менѣе хороша собою, и Соболевскій, говоря за упомянутымъ ужиномъ, что на Кернъ трудно пріискать риѳму, ничего не могъ придумать лучшаго, какъ сказать:

У мадамъ Керны
Ноги скверны.

Жена Дельвига, несмотря на значительный умъ, легко увлекалась, и однимъ изъ этихъ увлеченій была ея дружба съ А. П. Кернъ, которая наняла небольшую квартиру въ одномъ домѣ съ Дельвигами и цѣлые дни проводила у нихъ, а въ 1829 г. переѣхала къ нимъ и на нанятую ими дачу. Мнѣ почему-то казалось, что она съ непонятною цѣлію хочетъ поссорить Дельвига съ его женою, и потому я не былъ къ ней расположенъ. Она замѣчала это и меня не долюбливала. Между тѣмъ она свела интригу съ братомъ моимъ Александромъ. Вскорѣ они за что-то поссорились. Въ 1829 г., когда А. П. Кернъ была уже въ ссорѣ съ братомъ Александромъ, она вдругъ перемѣнилась ко мнѣ. Это, конечно, нравилось мнѣ, тогда 16-ти лѣтнему юношѣ, но ея ласки имѣли цѣлію черезъ меня примириться съ братомъ, что однако же не удалось. Возбужденныя во мнѣ ея ласками надежды также не имѣли послѣдствій. Съ дачи А. П. Кернъ переѣхала на квартиру, ею нанятую далеко отъ Дельвиговъ, и они болѣе не видѣлись. Я продолжалъ у нея бывать, но очень рѣдко; впрочемъ произведенный въ 1830 г. въ прапорщики, былъ у нея у первой въ офицерскомъ мундирѣ.

Впослѣдствіи я у нея бывалъ въ 1831 и 1832 гг., когда она была въ дружбѣ съ Флоранскимъ, о которомъ говорили, что онъ незаконнорожденный сынъ Баратынскаго, одного изъ дядей поэта.

Въ ея старости я ее встрѣчалъ въ 60-хъ гг. въ Петербургѣ у Николая Николаевича Тютчева и въ послѣдній разъ въ декабрѣ 1868 г. въ Кіевѣ, гдѣ она жила со вторымъ мужемъ, уволеннымъ отъ службы учителемъ

гимназіи, Виноградскимъ, въ большой бѣдности. Теперь (1872 г.) они живутъ въ Лубнахъ.

Въ эту же зиму началъ ѣздить къ Дельвигамъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ. Живя до 14-го декабря 1825 г. въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ и на одной квартирѣ съ Александромъ Бестужевымъ, онъ былъ знакомъ съ Дельвигомъ и прежде. Но ихъ разлучила въ 1825 г. небольшая размолвка Дельвига съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ по вышеупомянутому мною случаю.

Выпущенный въ началѣ 1826 г. изъ крѣпости и лишившись мѣста секретаря Россійско-американской компаніи, жалованьемъ котораго онъ жилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почти всего своего движимаго имущества, Сомовъ не зналъ, что ему предпринять, тѣмъ болѣе, что считалъ обязанностію поддерживать любовницу Александра Бестужева, на которой лѣтъ черезъ пять женился.

Сомовъ никогда не служилъ на государственной службѣ и не имѣлъ чина, за что въ знаменитомъ стихотвореніи Воейкова «Сумашедшемъ домѣ» названъ безмундирнымъ. Тогда было чрезвычайною рѣдкостію, чтобы образованный дворянинъ не служилъ. Послѣ содержанія въ Петропавловской крѣпости, конечно, онъ и не нашелъ бы нигдѣ казенной службы. Во всякомъ случаѣ, не имѣя чина, жалованье на этой службѣ онъ могъ бы получать самое ничтожное. Онъ уже былъ извѣстенъ, подъ псевдонимомъ «Порфирія Байскаго», многими повѣстями, написанными хорошимъ слогомъ и съ нѣкоторымъ талантомъ (напримѣръ, повѣсть подъ заглавіемъ «Гайдамаки»), а потому рѣшился заниматься исключительно литературою. Сочиненіемъ повѣстей, конечно, не могъ онъ содержать себя и единственнымъ путемъ въ то время для пріобрѣтенія денегъ въ литературѣ было поступленіе на службу къ Николаю Ивановичу Гречу и Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину, издававшимъ газету «Сѣверную Пчелу» и два журнала: «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ». Послѣдніе два впослѣдствіи слились въ одинъ журналъ.

Въ этихъ журналѣ и газетѣ помѣщались разныя нападки на Пушкина и поэтовъ, его послѣдователей, и между прочимъ въ первомъ была помѣщена длинная прескучная повѣсть подъ заглавіемъ: «Мортиринъ и баронъ Шнапсъ фонъ-Габенихтсъ»; подъ этими именами подразумѣвались Пушкинъ и баронъ Дельвигъ. Гречъ и Булгаринъ приняли Сомова въ сотрудники, какъ человѣка имъ весьма полезнаго, но зная, до какой степени онъ находился въ нуждѣ, обходились съ нимъ весьма дурно и даже обсчитывали. Наконецъ, терпѣніе Сомова лопнуло и онъ, оставивъ лагерь Греча и Булгарина, обратился къ Дельвигу, отъ котораго при малой его литературной дѣятельности, конечно, не могъ предвидѣть полученія большаго содержанія, но былъ увѣренъ въ лучшемъ съ нимъ обращеніи.

Булгаринъ былъ тогда всѣми признанъ за шпіона, агента III Отдѣленія Собственной канцеляріи. Гречъ часто говаривалъ, что Булгаринъ

ему необходимъ по общей ихъ литературной дѣятельности, и увѣрялъ, что къ несчастію, связавшись съ такимъ подлымъ человѣкомъ (что будто бы его весьма тяготитъ), онъ не можетъ съ нимъ разстаться. Но этимъ увѣреніямъ придавали мало вѣры, и всѣ считали Греча также агентомъ III Отдѣленія, но въ нѣсколько высшей сферѣ, чѣмъ Булгарина.

Сомовъ, въ лагерѣ Греча и Булгарина, а прежде въ лагерѣ Измайлова, писалъ эпиграмы и статьи противъ Дельвига, и потому появленіе его въ обществѣ Дельвига было очень непріятно встрѣчено этимъ обществомъ. Наружность Сомова была также не въ его пользу. Вообще постоянно чего-то опасающійся, съ красными, точно заплаканными глазами, онъ не внушалъ довѣрія. Онъ не понравился и женѣ Дельвига. Пушкинъ выговаривалъ Дельвигу, что тотъ приблизилъ къ себѣ такого неблагонадежнаго и мало способнаго человѣка. Плетневъ и всѣ молодые литераторы были того же мнѣнія.

Между тѣмъ всѣ ошибались на счетъ Сомова. Онъ былъ самый добродушный человѣкъ, всею душою предавшійся Дельвигу и всему его кружку и весьма для него полезный въ изданіи альманаха «Сѣверные Цвѣты» и впослѣдствіи «Литературной Газеты». Дельвигъ не могъ бы самъ издавать «Сѣверные Цвѣты», что прежде исполнялось книгопродавцемъ Сленинымъ, а тѣмъ менѣе «Литературную Газету». Вскорѣ однако же всѣ перемѣнили мнѣніе о Сомовѣ. Онъ сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ Дельвига или за обѣдомъ, или по вечерамъ. Жена Дельвига и все его общество очень полюбили Сомова. Только Пушкинъ продолжалъ обращаться съ нимъ съ нѣкоторою надменностію.

Несмотря на свое крайнее добродушіе Сомовъ, въ критическихъ разборахъ разныхъ литераторовъ, умѣлъ иногда относиться къ нимъ довольно язвительно и даже писалъ эпиграмы, изъ которыхъ привожу двѣ, написанныя на извѣстнаго тогда издателя «Дамскаго Журнала» и «Московскихъ Вѣдомостей» князя Шаликова:

Не классикъ ты и не романтикъ,
Но что же ты въ своихъ стихахъ?
На козьихъ ножкахъ старый франтикъ,
Съ указкой дѣтскою въ рукахъ.

Дрожащій подъ ферулой школьникъ,
Тебя-ль возьму себѣ въ примѣръ.
Ты говоришь, что я раскольникъ,
Я говорю, ты старовѣръ.

Живя у Дельвига, я довольно часто бывалъ съ нимъ и его женою у поэта слѣпца И. И. Козлова, талантъ котораго тогда высоко цѣнили. Разъ Дельвигъ поѣхалъ къ нему на извощичьихъ дрожкахъ. Сломалась ось. Дельвигъ расшибъ себѣ руку и, по причинѣ тучности, долго не могъ оправиться. Немедля, по возвращеніи Дельвига домой, онъ меня послалъ къ Козлову сказать о случившемся съ нимъ. На слѣпыхъ глазахъ Козлова показа-

лись слезы, и онъ сильно горевалъ тѣмъ болѣе, какъ онъ выразился, что это случилось въ то время, какъ Дельвигъ ѣхалъ къ нему.

Наконецъ, рѣшились меня отпустить въ Военностроительное училище, гдѣ въ началѣ 1828 г. я перешелъ во 2-ой классъ. По праздникамъ я продолжалъ бывать у Дельвиговъ, у Гурбандта и у брата Александра. Такъ какъ къ 9-ти час. вечера надо было возвращаться въ училище, а общество Дельвига по воскресеньямъ собиралось только къ 8 часамъ, то я всегда уходилъ съ большою грустью.

Въ февралѣ 1828 г. Дельвигъ получилъ порученіе отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отправиться въ Харьковъ, откуда онъ, возвращаясь въ Петербургъ, заѣзжалъ въ Чернскую деревню къ своей матери. Въ его отсутствіе я по праздникамъ бывалъ у Гурбандта и у брата Александра, а иногда и у другихъ знакомыхъ, между прочимъ у товарищей по заведенію Д. Н. Лопухиной, служившихъ въ Петербургѣ: Матвѣева и Щепина, получившихъ пособіе отъ Лопухиной и жившихъ вмѣстѣ, Прейса и Ульрихса. Изъ нихъ Матвѣевъ вскорѣ застрѣлился по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Разъ, выходя отъ Ульрихса вечеромъ, чтобы прямо спуститься по ступенямъ крыльца, повернулъ направо. На крыльцѣ не было перилъ, и я упалъ съ крыльца на площадку, которая вела въ подвальный этажъ. На мнѣ былъ киверъ, которымъ я ударился въ гранитъ, такъ что гербъ на киверѣ изогнулся. Онъ спасъ мою голову отъ сильнаго удара, который могъ стоить мнѣ жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я переломилъ кость на лѣвой рукѣ. Съ трудомъ поднялся я изъ подвальнаго этажа въ квартиру Ульрихса. Онъ отвезъ меня къ Гурбандту, у котораго въ тотъ же вечеръ выправили вывихъ руки и обвязали сломанную кость лубками, а на другой день отправили въ училище, гдѣ меня помѣстили въ лазаретъ, въ которомъ я оставался очень долго.

По излеченіи сломанной кости въ рукѣ оказалось, что носовые полипы снова выросли. Дельвиги для операціи взяли меня снова къ себѣ, но въ этотъ разъ я оставался у нихъ не болѣе мѣсяца. Операцію дѣлалъ тотъ же Арендтъ и тѣмъ же способомъ. Впослѣдствіи въ 1829 и 1830 гг. полипы снова выросли и еще скорѣе прежняго. Арендтъ мнѣ въ эти годы дѣлалъ нѣсколько разъ операціи у себя на дому по праздникамъ, такъ что я для операціи не отлучался изъ Института инженеровъ путей сообщенія, въ который я былъ переведенъ въ 1829 г.

Въ тотъ мѣсяцъ, который я провелъ въ 1828 г. у Дельвиговъ, я очень часто у нихъ видѣлъ польскаго поэта Мицкевича. Всѣ были отъ него въ восхищеніи. Кромѣ огромнаго поэтическаго таланта, онъ прекрасный разсказчикъ. Раза по три въ недѣлю онъ цѣлые вечера импровизировалъ разныя большею частію фантастическія повѣсти въ родѣ нѣмецкаго писателя Гофмана. Въ это время у жены Дельвига часто болѣли зубы. Кромѣ обыкновенныхъ зубныхъ лекарей, которыхъ лекарства не помогали, призывали разныхъ заговорщицъ и заговорщиковъ и между прочимъ кистера

какой-то церкви, который какою-то челюстью дотрагивался до больного зуба и заставлялъ паціентку повторять за собою; «солнце, мѣсяцъ, звѣзды», далѣе не помню. Онъ всѣ слова произносилъ, не зная русскаго языка, до того неправильно, что не было возможности удержаться отъ смѣха. Мицкевичъ увѣрилъ Дельвиговъ, что есть какой-то полякъ, живущій въ Петербургѣ, который имѣетъ способность уничтожать зубную боль. Послали меня за нимъ. Онъ жилъ на Большой Милліонной, и я засталъ его за игрою въ карты. Но онъ, узнавъ отъ меня о причинѣ моего пріѣзда, сейчасъ бросилъ игру, переодѣлся и съ перстнемъ на пальцѣ направился со мною на извозчикѣ и всю дорогу, расфранченный и надушенный чрезъ мѣру, съ большимъ брилліантомъ, выговаривалъ мнѣ, что я, при значительномъ холодѣ, такъ легко одѣтъ. Я былъ въ фуражкѣ и въ суконной шинели не только не на ватѣ, но и безъ подкладки. Тогда кадеты не имѣли болѣе теплой одежды. Съ появленіемъ поляка, высокаго и полнаго мужчины, утишилась зубная боль у жены Дельвига, что сейчасъ же приписали дѣйствію перстня и магической силѣ того, кто его имѣлъ на пальцѣ.

Полякъ остался пить чай. Онъ говорилъ очень дурно по-русски. Въ это время скончалась Императрица Марія Ѳеодоровна, и онъ говорилъ, что онъ видѣлъ великолѣпный возъ (такъ онъ называлъ колесницу), приготовленный для перевозки ея тѣла изъ дворца въ Петропавловскій соборъ. Дельвиги, Мицкевичъ и я съ трудомъ удерживались отъ смѣха и, когда не могли болѣе удержаться, уходили хохотать въ другую комнату. Мицкевичъ смѣялся болѣе всѣхъ.

Ночью снова болѣли зубы у жены Дельвига, и онъ послалъ за настоящимъ зубнымъ лекаремъ. Вдругъ въ 4-мъ часу ночи послышался запахъ духовъ. Явился расфранченный и сильно надушенный полякъ. Слуга Дельвига, слышавъ наканунѣ, что этотъ полякъ зубной лекарь, вмѣсто того, чтобы привезти настоящаго лекаря, привезъ его. Дельвигъ, вставъ съ постели, извинялся, что слуга перепуталъ, такъ какъ посылали будто-бы для меня за докторомъ, боясь чтобы у меня не было горячки, а что зубы жены Дельвига, по милости поляка, совсѣмъ перестали болѣть. Полякъ сказалъ, что онъ предвидѣлъ мою болѣзнь и выговаривалъ мнѣ за то, что я былъ слишкомъ легко одѣтъ.

Я въ это время лежалъ на диванѣ въ гостиной и хотѣлъ было идти помочь Дельвигу извиниться передъ полякомъ, не зная, что Дельвигъ увѣряетъ его въ томъ, что я заболѣлъ горячкою. Хорошо, что я полѣнился встать, а то ввелъ бы Дельвига въ большое затрудненіе. Мицкевичъ, которому въ тотъ же день разсказали объ этомъ ночномъ визитѣ поляка, очень много смѣялся.

Страннымъ покажется, что Дельвиги, столь развитые, прибѣгали не къ помощи ученыхъ зубныхъ лекарей, а къ разнымъ шарлатанамъ заговорщикамъ, но это объясняется тѣмъ, что въ это время было еще болѣе суевѣрія, чѣмъ теперь, а въ особенности тѣмъ, что Дельвигъ былъ постоянно суевѣренъ. Не говоря о 13-ти персонахъ за столомъ, о подачѣ соли,

о встрѣчѣ съ священникомъ на улицѣ и тому подобныхъ общеизвѣстныхъ суевѣріяхъ, у него было множество своихъ примѣтъ. При встрѣчахъ съ священниками онъ не пропускалъ случая, чтобы не плюнуть имъ вслѣдъ. Протоіерей Павскій, бывшій законоучителемъ въ Лицеѣ, а въ это время законоучителемъ Наслѣдника былъ очень любимъ и уважаемъ Дельвигомъ. Когда они встрѣчались, то Павскій говаривалъ Дельвигу: «плюнь, отплюйся же, Антонъ, а пcслѣ поговоримъ».

Мать А. А. Дельвига осталась пcслѣ смерти мужа въ бѣдности. У нея было три сына и четыре дочери, всѣ остались на ея рукахъ, кромѣ старшаго сына и дочери Маріи, бывшей замужемъ за бѣднымъ Витебскимъ помѣщикомъ Родзевичемъ. Пушкинъ написалъ ей, еще будучи въ Лицеѣ, стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Къ Машѣ», начинающееся строфою:

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты риѳмы набросать
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

Другое стихотвореніе, написанное къ ней также въ Лицеѣ, въ 1815 г. и озаглавленное «Баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ Дельвигъ», начинается слѣдующими стихами:

Вамъ восемъ лѣтъ, а мнѣ семнадцать было,
И я считалъ когда-то восемъ лѣтъ;
Они прошли. Въ судьбѣ своей унылой,
Богъ знаетъ, какъ я нынѣ сталъ поэтъ.

Чтобы облегчить положеніе матери и дать образованіе своимъ братьямъ, которые слишкомъ двадцатью годами были его моложе, Дельвигъ привезъ ихъ въ Петербургъ. Братья эти Александръ и Иванъ Антоновичи жили у него и учились на его счетъ. Старшій выказывалъ много способности въ ученіи и хорошій характеръ; младшій ни въ томъ, ни въ другомъ не походилъ на брата. Во всякомъ случаѣ присутствіе этихъ дѣтей еще болѣе оживило домъ Дельвига.

Проведя около мѣсяца у Дельвиговъ, я возвратился въ училище, гдѣ готовились къ участію въ похоронахъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Рота училища должна была быть на похоронахъ вмѣстѣ съ ротою Института, командиромъ которой былъ только что назначенъ полковникъ Лермантовъ изъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Роту училища передъ похоронною церемоніею водили въ рекреаціонную залу Института, чтобы вмѣстѣ съ институтскою ротою учиться маршировать и тесачнымъ пріемамъ. Лермантовъ былъ чиномъ старше Шуленіуса, а потому командовалъ обѣими ротами. Сначала говорили, что всѣ учебныя заведенія будутъ поставлены во время церемоніи во дворцѣ, но передъ самыми похоронами приказано было всѣмъ войскамъ и учебнымъ заведеніямъ, не имѣющимъ музыки и ружей, стать на Троицкомъ мосту, такъ какъ очень опасались, чтобы шумъ музыки и ружейныхъ пріемовъ не перепугали лошадей, везшихъ колесницу съ гробомъ Императрицы.

Насъ привели на мѣсто очень рано и мы, въ ожиданіи проѣзда колесницы, стояли безъ шинелей и сильно мерзли, несмотря на то, что имѣли на себѣ по двѣ рубашки и по двое носковъ и выпили нѣсколько бутылокъ вина.

Несмотря на долгое время, проведенное мною въ лазаретѣ для леченія руки и въ отпуску у Дельвиговъ для вырѣзанія полиповъ, я въ началѣ 1829 г. перешелъ въ 1-й классъ училища. Между тѣмъ мать моя, узнавъ разницу и въ ученіи и въ карьерѣ между воспитанниками Военностроительнаго училища и Института инженеровъ путей сообщенія, начала хлопотать о переводѣ меня изъ училища въ Институтъ, каковымъ переводамъ было уже нѣсколько примѣровъ. Переводъ состоялся слѣдующимъ путемъ. Герцогъ Александръ Виртембергскій, бывшій въ это время Главноуправляющимъ путями сообщенія, занималъ передъ этимъ постъ Генералъ-Губернатора Сѣверо-западныхъ губерній и жилъ въ Витебскѣ. Въ то время комендантомъ въ Витебскѣ былъ полковникъ Паткуль, мужъ моей родной тетки Христины Антоновны, къ которой очень благоволила дочь герцога, принцесса Марія, бывшая впослѣдствіи замужемъ за владѣтельнымъ герцогомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ. Принцесса жила во второмъ этажѣ дома, занимаемаго Министромъ. Ее просила моя тетка письмомъ, которое я вручилъ Ея Высочеству лично. Я былъ благосклонно принятъ. Она упросила отца перевести меня въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія, куда лѣтомъ 1829 г. я и былъ переведенъ съ тремя другими воспитанниками училища.

А. А. Дельвигъ и въ особенности братъ Александръ обращали неоднократно вниманіе на то, что на отпускныхъ изъ училища билетахъ меня писали просто Дельвигомъ безъ титула, и требовали, чтобы я, поступая въ Институтъ, записался въ немъ съ принадлежащимъ мнѣ баронскимъ титуломъ. Въ день поступленія моего въ Институтъ дежурнымъ ротнымъ офицеромъ былъ подпоручикъ Мецъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ и директоръ Александровскаго кадетскаго корпуса въ Царскомъ Селѣ, уже умершій). Мы всѣ четверо явились прямо къ нему. Онъ спросилъ наши фамиліи и, по сдѣланному мною отвѣту, записалъ меня барономъ Дельвигомъ.

Въ числѣ четверыхъ, перешедшихъ въ Институтъ, были изъ 1-го класса училища я и Сивковъ (Алексѣй Дмитріевичъ, бывшій впослѣдствіи членомъ кабинета Его Величества и тайнымъ совѣтникомъ, нынѣ находящійся въ отставкѣ; онъ черезъ женитьбу пріобрѣлъ огромное состояніе), а другіе двое были изъ низшихъ классовъ.

Мецъ, зная, что въ 1-мъ классѣ строительнаго училища преподавались собственно спеціальныя науки по строительной части, такъ что воспитанники этого класса, какъ поступившіе только въ него, такъ и окончившіе въ немъ курсъ, имѣютъ достаточныя познанія для поступленія въ 3-ю бригаду (такъ назывался въ Институтѣ высшій классъ воспитанниковъ портупей-прапорщиковъ), посадилъ меня и Сивкова въ этотъ классъ. Когда

пришелъ ротный командиръ полковникъ Лермантовъ (Владиміръ Николаевичъ, впослѣдствіи генералъ-маіоръ, теперь (1872) въ отставкѣ) и увидалъ насъ сидящими въ 3-й бригадѣ, грозно спросилъ, кто смѣлъ посадить насъ въ эту бригаду безъ экзамена, и прогналъ насъ въ 4-ю бригаду (2-й классъ воспитанниковъ), при чемъ съ насмѣшкою и упрекомъ сказалъ мнѣ: «Знайте, г. баронъ, что здѣсь нѣтъ князей, графовъ и бароновъ, а всѣ равны и вашего титула здѣсь употреблять не будутъ».

Инспекторъ классовъ, полковникъ Резимонъ, прислалъ къ намъ экзаменаторовъ, у которыхъ мы выдержали экзаменъ, требующійся для поступленія въ 3-ю бригаду, куда и были переведены Резимономъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ директоръ Института генералъ-маіоръ Базенъ и когда Лермантовъ ему представлялъ вновь поступившихъ въ Институтъ, на вопросъ Базена о томъ, какъ онъ насъ находитъ, отвѣчалъ про Сивкова, что онъ, кажется, добрый малый, про меня же ничего не сказалъ, а только пожалъ плечами, какъ-то непріятно улыбаясь. Базенъ ему сказалъ на это: ‹Savez-vous, colonel, que les bons enfants ne valent pas le diable».

Лермантовъ былъ человѣкъ желчный до нельзя и злой, обходился съ воспитанниками Института хотя учтиво, но дурно, и потому только не былъ грубъ, что никакой грубости не потерпѣли бы не только воспитанники, но и директоръ Института. Воспитанники ненавидѣли Лермантова, называли его «лимонная рожа». Онъ со злости постоянно рвалъ свои бакенбарды. Наказанія въ Институтѣ были очень рѣдки. Не только всякое наказаніе, но и сдѣланный воспитаннику словесный выговоръ, записывались въ особую книгу и въ дневной рапортъ, подаваемый директору. Наказаніе ограничивалось сажаніемъ подъ арестъ (въ карцеръ) на 24 часа (болѣе продолжительный арестъ зависѣлъ отъ директора) и не увольненіемъ въ праздничные дни въ отпускъ. О какомъ бы то ни было тѣлесномъ наказаніи, или о битіи по щекамъ и по тѣлу, какъ въ Военностроительномъ училищѣ, не было и помину. Директоръ Института и всѣ начальствующія лица говорили воспитанникамъ «вы», и это невольно ведетъ за собою большую учтивость въ обращеніи.

Понятно, что съ переходомъ въ Институтъ я ожилъ, сравнивая обращеніе въ немъ съ таковымъ въ Военностроительномъ училищѣ. Не понимаю, чѣмъ я съ самаго моего поступленія въ Институтъ могъ не понравиться Лермантову. Казалось бы, можно было ожидать противнаго: я былъ довольно красивый, ловкій мальчикъ, съ хорошими способностями. Лермантовъ былъ тогда женатъ на Вишневской (впослѣдствіи, овдовѣвъ, онъ женился на Дубенской, дочери отставленнаго директора бывшаго департамента государственныхъ имуществъ въ Министерствѣ финансовъ, разбогатѣвшаго на службѣ), дочери хорошей пріятельницы моей матери. Самъ онъ былъ знакомъ съ А. А. Дельвигомъ. Въ Военностроительномъ училищѣ маршировкою и тесачными пріемами гораздо болѣе занимались, чѣмъ въ Институтѣ, такъ какъ въ училищѣ цѣлый лѣтній мѣсяцъ употребляли на это, и воспитанники стояли въ караулѣ по ночамъ, при-

нимая главнаго и прочихъ рундовъ, о чемъ въ Институтѣ не имѣли понятія. Слѣдовательно, и по части маршировки и тесачныхъ пріемовъ, на которую Лермантовъ обращалъ особенное вниманіе, я былъ лучше многихъ. Но ничто не помогло мнѣ. Лермантовъ насмѣшливо и непріятно обращался со всѣми воспитанниками, которымъ онъ часто говорилъ, что имъ «надобно въ ротные командиры не гвардейскаго полковника, а гарнизоннаго капитана», и въ особенности былъ рѣзокъ со мною. Онъ мнѣ не давалъ покоя и на каждомъ шагу останавливалъ меня: то я не такъ хожу, то не такъ сижу, то не порядочно одѣтъ, то дурно держу ножикъ и вилку. Все это были придирки. Я, конечно, былъ благовоспитаннѣе многихъ моихъ товарищей, но, несмотря на это, Лермантовъ безпрерывно дѣлалъ мнѣ замѣчанія въ продолженіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Институтѣ. Зная, что мнѣ остается пробыть подъ начальствомъ Лермантова менѣе года, я рѣшился все вытерпѣть, что мнѣ стоило большихъ усилій.

Въ первое воскресенье послѣ моего поступленія въ Институтъ, А. А. Дельвигъ, жившій тогда на дачѣ близъ Крестовскаго перевоза, прислалъ за мною человѣка на извозчикѣ, какъ это онъ дѣлалъ въ бытность мою въ училищѣ, не зная, что воспитанникамъ Института воспрещено ѣздить. Лермантовъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что за мною прислали дрожки, что ѣздить не дозволяется, а что если мои баронскія ножки могутъ пропутешествовать къ Крестовскому перевозу и въ тотъ же день обратно, такъ какъ отпуски на ночь не дозволялись, то я могу надѣть киверъ и тесакъ и отправиться, но предварительно долженъ остричь свои баронскіе волосики. Надо было слышать, какъ все это говорилось, чтобы понять, въ какое отчаяніе можно было прійти молодому юношѣ отъ этихъ словъ. Волосы у меня были короче, чѣмъ у большей части воспитанниковъ, но я немедля остригся подъ гребенку. По возвращеніи къ 9-ти часамъ вечера въ Институтъ, Лермантовъ послѣ того, что я ему сказалъ, по принятому въ Институтѣ обычаю: «Г. полковникъ, честь имѣю явиться, изъ отпуска прибылъ благополучно»; приказалъ мнѣ снять киверъ, что надобно было исполнить по пріемамъ. Впослѣдствіи онъ каждый разъ, по приходѣ моемъ изъ отпуска, заставлялъ меня снимать киверъ съ цѣлію удостовѣриться, не принесъ ли я чего-либо изъ дому, что было строго запрещено; но эта попытка поймать меня была постоянно не успѣшна. Лермантовъ никакъ не могъ уличить меня въ какой-либо винѣ. Разъ только, въ концѣ августа, онъ встрѣтилъ меня на Троицкомъ мосту въ коляскѣ съ Дельвигомъ, за что я былъ лишенъ отпуска въ слѣдующее воскресенье.

По снятіи въ началѣ 20-хъ годовъ офицерскихъ мундировъ съ воспитанниковъ Института, имъ всѣмъ оставили на кадетскихъ тесакахъ серебряные темляки, которые они передъ этимъ носили на офицерскихъ шпагахъ. Впослѣдствіи серебряные темляки начали давать только воспитанникамъ высшаго класса, и то не всѣмъ, а большой ихъ части, въ томъ числѣ непремѣнно фельдфебелю и старшимъ и младшимъ унтеръ-офицерамъ.

Въ декабрѣ 1829 г. передъ вечернею зарею, когда всѣ воспитанники были выстроены, Лермантовъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что серебряные темляки раздавались до сего времени въ слишкомъ большомъ числѣ и такимъ воспитанникамъ, которые того не заслуживали: многіе изъ воспитанниковъ съ серебряными темляками не выдержали экзамена и остались на второй годъ, а что по его настоянію Его Королевское Высочество герцогъ Александръ Виртембергскій будетъ впредь награждать серебряными темляками только дѣйствительно отличныхъ по ученію и поведенію, и что награждены въ этомъ году 6 воспитанниковъ изъ сорока, бывшихъ въ 3-й бригадѣ, изъ которыхъ небольшое число получили впрочемъ темляки еще въ предыдущемъ году. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вызвалъ передъ фронтъ этихъ шесть воспитанниковъ. Между ними были Сивковъ и я. Я никакъ не ожидалъ получить эту награду; не говоря уже о постоянно непріятномъ обращеніи со мною Лермантова, надо было ожидать, что будутъ награждены всѣ унтеръ-офицеры. Сивковъ былъ унтеръ-офицеромъ въ строительномъ училищѣ. При поступленіи нашемъ въ Институтъ всѣ унтеръ-офицерскія мѣста были заняты, но вскорѣ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ выбылъ и Сивковъ поступилъ на его мѣсто. Слѣдовательно Сивковъ могъ надѣяться на полученіе награды. Но Лермантовъ наградилъ фельдфебеля и только четверыхъ унтеръ-офицеровъ и сверхъ того меня, не чиновнаго воспитанника. Раздавая темляки, онъ сказалъ мнѣ: «Вы, конечно, этого не ожидали». Я въ первый разъ рѣшился отвѣчать ему: «Если вы удостоили представить меня, то вѣрно я заслужилъ».

Нѣсколько дней послѣ награжденія меня серебрянымъ темлякомъ пришелъ въ Институтъ Пассекъ Діомидъ Васильевичъ (убитый въ чинѣ генералъ-маіора на Кавказѣ въ экспедиціи 1845 г.). Онъ въ 1829 г. кончилъ съ особымъ отличіемъ курсъ въ Московскомъ университетѣ съ званіемъ кандидата физико-математическихъ наукъ и желалъ поступить воспитанникомъ въ Институтъ. Опасаясь, что на пріемномъ экзаменѣ ему могутъ дать вопросы, которые въ университетскомъ курсѣ не были изучаемы, онъ хотѣлъ объ этомъ навести справку. Не имѣя никого знакомыхъ въ Институтѣ и увидѣвъ въ спискѣ мою фамилію, тогда извѣстную всѣмъ любителямъ поэзіи, и зная, что я москвичъ, онъ во время класса рисованія просилъ вызвать меня въ пріемную комнату. Когда я, по его желанію, объяснялъ о требованіяхъ вступительнаго въ 3-ю бригаду экзамена, пришелъ Лермантовъ и, сдѣлавъ мнѣ замѣчаніе, что я не долженъ былъ въ классное время отлучаться изъ классной комнаты, приказалъ идти на мое мѣсто. Придя въ классъ, онъ замѣтилъ мнѣ, что теперь, отличенный отъ другихъ, я долженъ въ особенности исполнять всѣ постановленія и служить примѣромъ другимъ воспитанникамъ; спрашивалъ, съ кѣмъ я говорилъ и выказалъ явное неудовольствіе, что такой взрослый господинъ и уже чиновникъ хочетъ поступить въ Институтъ, при чемъ выразилъ надежду, что онъ раздумаетъ. Лермантовъ назвалъ Пассека чиновникомъ

потому, что послѣдній былъ одѣтъ въ университетскій мундиръ съ краснымъ воротникомъ и золотыми петлицами при шпагѣ.

Конечно, полученная мною неожиданно для всѣхъ награда породила завистниковъ и въ особенности между поляками. Одинъ изъ нихъ Хилевскій, немедля по уходѣ Лермантова, сказалъ громко при мнѣ: «вотъ гдѣ же справедливость; Дельвигъ всего четыре мѣсяца въ Институтѣ, подвергался постоянно замѣчаніямъ Лермантова, а получилъ серебряный темлякъ; я же все исполнялъ по волѣ начальника, не подвергался никогда замѣчаніямъ, а темляка не получилъ. Дельвигъ и теперь, несмотря на полученную имъ награду, поступаетъ противъ постановленій, и это ему обходится безнаказанно».

Дѣйствительно, несмотря на вышеприведенный мною отвѣтъ Лермантову и на незаконную мою отлучку изъ класса, Лермантовъ совершенно перемѣнился въ отношеніи ко мнѣ, пересталъ придираться, былъ со мною чрезмѣрно учтивъ и даже извинялъ мнѣ, когда случалось по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ нѣсколько опаздывать возвращеніемъ въ Институтъ къ вечерней зарѣ.

Пассекъ вскорѣ поступилъ въ 3-ю бригаду, что было очень непріятно Лермантову, тѣмъ болѣе, что въ одно время съ нимъ поступилъ еще старѣе его лѣтами съ отличіемъ окончившій курсъ въ Виленскомъ университетѣ кандидатъ физико-математическихъ наукъ Ястржембскій Николай Феликсовичъ, нынѣ (1872 г.) полковникъ въ отставкѣ. Лермантовъ терпѣть не могъ обоихъ вновь поступившихъ и въ особенности Пассека, котораго не называлъ иначе, какъ иронически г. штабсъ-капитаномъ. Кандидаты имѣли право на 10-й классъ въ гражданской службѣ, соотвѣтствующій въ военной службѣ чину штабсъ-капитана. Лермантовъ постоянно придирался къ Пассеку. Осматривая воспитанниковъ передъ отпускомъ изъ Института въ праздничные дни, онъ часто находилъ, что Пассекъ дурно одѣтъ, и приказывалъ ему снять амуницію и оставаться въ Институтѣ.

Общество, собиравшееся у А. А. Дельвига по воскресеньямъ, съ наступленіемъ мнѣ 16 лѣтъ, сдѣлалось мнѣ еще интереснѣе, и потому я съ трудомъ отъ него отрывался, и чрезъ то нѣсколько опаздывалъ. Пассекъ также опаздывалъ, но все же приходилъ нѣсколько ранѣе меня, и ему объявлялось, что онъ въ наказаніе въ слѣдующій праздникъ не будетъ отпущенъ. Когда же я приходилъ позже его, то мнѣ Лермантовъ только дѣлалъ замѣчаніе, что ему тѣмъ непріятнѣе мое опаздываніе, что, не взыскивая съ меня, онъ не можетъ взыскать и съ Пассека. Но случалось такъ, что въ слѣдующій праздникъ Пассекъ, ссвобожденный ради меня отъ наложеннаго на него наказанія, былъ во время осмотра передъ отпускомъ оставляемъ по придиркѣ къ какой-нибудь неисправности въ одеждѣ. Это очень бѣсило Пассека, отъ природы очень вспыльчиваго; но онъ, въ виду скораго производства въ сфицеры, отмалчивался, что ему стоило большихъ усилій.

Я уже говорилъ выше, что Военностроительное училище не достигало цѣли ему предназначенной, а потому рѣшено было его уничтожить, а уве-

личить вдвое число воспитанниковъ Института, который съ этою цѣлію былъ преобразованъ. Число воспитанниковъ назначено было 240, которые составили двѣ роты. Первою ротою назначена бывшая рота Института, а второю ротою бывшая рота Военностроительнаго училища. Воспитанники были раздѣлены по ученію на четыре класса, изъ коихъ только первый сохранилъ названіе портупей-прапорщичьяго, а прочіе названы кадетскими. Репейки на киверахъ подъ помпонами были прежде у всѣхъ воспитанниковъ унтеръ-офицерскіе; они сохранены только до 1-го класса, а прочіе получили репейки рядовыхъ. Обѣимъ ротамъ были даны ружья и приказано было водить воспитанниковъ на разводы и на смотры въ Высочайшемъ присутствіи. Инспекторъ классовъ Института былъ переименованъ въ помощники директора по учебной части и къ штату Института былъ прибавленъ помощникъ директора по хозяйственной и строевой частямъ.

Послѣднимъ былъ назначенъ бывшій директоръ Военностроительнаго училища генералъ-маіоръ Шефлеръ.

Воспитанники Военностроительнаго училища, вслѣдствіе этого распоряженія, были переведены въ зданіе Института 1-го января 1830 г.

Шефлеръ въ новой должности вздумалъ продолжать порядки училища. При немъ остался прежній экономъ Института отставной полковникъ Пфеферъ. Онъ ходилъ въ мундирѣ безъ эполетъ и въ треугольной шляпѣ съ султаномъ, изъ котораго высыпались перья, и потому воспитанники громко называли его «рябчикъ». Пфеферъ началъ кормить хуже, хотя по новому штату Института сумма на пищу воспитанникамъ не была убавлена и было еще легче хорошо кормить 240 человѣкъ, чѣмъ 120. Хорошіе повара, бывшіе въ Институтѣ, отпущены и замѣнены солдатами-поварами, бывшими въ училищѣ. Они разъ сварили супъ изъ гороху, котораго нельзя было взять въ ротъ: никто не ѣлъ его, несмотря на увѣщанія и требованія Лермантова и Шефлера. Воспитанники, выйдя изъ-иза стола, кричали: «пусть рябчикъ самъ ѣстъ этотъ горохъ». Базенъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ въ Институтъ. Онъ, выстроивъ воспитанниковъ 1-й роты, сдѣлалъ имъ выговоръ и обратилъ наше вниманіе на то, что онъ привыкъ въ насъ видѣть людей развитыхъ, что онъ надѣется, что мы, постигая какъ важно всякое непослушаніе съ нашей стороны, будемъ вести себя безукоризненно, и прибавилъ съ особеннымъ французскимъ акцентомъ: «напрасно вы не кушаете горохъ; очень хорошее кушанье горохъ, и я ѣмъ горохъ, и Его Королевское Высочество кушаетъ горохъ, и всѣ кушаютъ горохъ». Базенъ приказалъ намъ давать нѣсколько дней сряду горохъ. Мы его не ѣли, но, изъ уваженія и любви къ Базену, болѣе не шумѣли, и тѣмъ дѣло это кончилось.

Обученье ружейнымъ пріемамъ шло въ Институтѣ очень успѣшно. Воспитанники, за исключеніемъ Пассека и князя Максутова (младшаго брата), въ три недѣли изучили эти пріемы, такъ что могли быть выведены на смотръ. Эти же двое воспитанниковъ оказались неспособными: Максутовъ по ма-

лому росту, а Пассекъ по какому-то неуклюжеству, за что Лермантовъ ему дѣлалъ постоянные выговоры, говоря, что онъ никогда не будетъ военнымъ, а какъ нарочно Пассекъ, одинъ изъ всѣхъ насъ, вышелъ отличнымъ военнымъ, что онъ доказалъ на Кавказѣ. Воспитанники, товарищи Пассека, лучше угадали его будущность. Несмотря на то, что онъ готовился строить мосты и каналы, они за исполинскій видъ и грозныя рѣчи прозвали его въ шутку «Побѣдителемъ Кавказа», чему не удалось однако же исполниться за преждевременною его погибелью въ экспедиціи 1845 г.

Воспитанники Института участвовали въ первый разъ въ разводѣ 28 января въ день празднованія рожденія великаго князя Михаила Павловича. Императоръ Николай желалъ сдѣлать ему этотъ подарокъ. Великій князь, пріѣхавшій на разводъ по обыкновенію ранѣе Государя, сейчасъ же замѣтилъ «новобранцевъ». Подойдя къ нимъ, назвалъ ихъ семинаристами, осматривалъ ихъ одежду и заставлялъ дѣлать разные ружейные пріемы. Тѣмъ и другимъ остался очень доволенъ. Дѣйствительно, одѣвали воспитанниковъ въ Институтѣ лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Великій князь говорилъ, что онъ полагалъ, что эти «семинаристы» знаютъ только по-латыни, а этого языка вовсе не преподавали въ Институтѣ, удивлялся, кто бы могъ ихъ такъ хорошо образовать во фронтовомъ отношеніи, и потомъ сказалъ, что такъ какъ Лермантовъ его ученикъ по гвардіи, которою командовалъ великій князь, то онъ приписываетъ частію себѣ хорошее фронтовое образованіе воспитанниковъ Института. Увидѣвъ Базена, онъ похвалилъ ему воспитанниковъ и сказалъ, что назвалъ ихъ «семинаристами» потому, что дядю своего герцога Александра Виртембергскаго называетъ le Grand Pontife, а слѣдовательно учащіеся въ его вѣдомствѣ «семинаристы». На это мы сдѣлали тогда замѣчаніе, что Базенъ значитъ долженъ быть названъ кардиналомъ.

Фронтовые офицеры при исполненіи служебныхъ обязанностей и при встрѣчѣ съ начальствомъ должны были имѣть треугольныя шляпы поперекъ головы, что тогда называлось «по формѣ». Адъютанты же и всѣ не фронтовые офицеры, и въ томъ числѣ инженеры путей сообщенія, должны были постоянно носить шляпы вдоль головы, что называлось тогда «съ поля». Базенъ до этого развода, конечно, носилъ всегда шляпу «съ поля», но въ началѣ развода великій князь прислалъ ему сказать, чтобы онъ ее надѣлъ «по формѣ». У Базена голова была продолговатая шляпа, вслѣдствіе этого, не держалась на головѣ. Ему пришлось въ первый разъ отъ роду маршировать на флангѣ воспитанниковъ Института, поддерживая безпрерывно падавшую съ его головы шляпу.

Это не помѣшало Базену въ весьма краснорѣчивой рѣчи, сказанной имъ при торжественномъ публичномъ экзаменѣ 7-го мая 1830 г., выразить, съ какимъ удовольствіемъ принято было введеніе ружей въ Институтѣ, какъ весьма хорошая гимнастика и какъ занятіе, могущее быть полезнымъ для моихъ воспитанниковъ, такъ какъ, судя попрежнему, многіе изъ нихъ впослѣдствіи посвятятъ себя военной службѣ. Всего же болѣе Базенъ въ

рѣчи своей придавалъ цѣну этому нововведенію, потому что оно дало возможность воспитанникамъ Института вмѣстѣ съ прочими воспитанниками военно-учебныхъ заведеній каждую недѣлю лицезрѣть ихъ Государя, о которомъ, какъ онъ выразился, съ большею справедливостію можно сказать, что «въ его владѣніяхъ солнце никогда не заходитъ».

Императоръ Николай и великій князь Михаилъ Павловичъ очень не любили инженеровъ путей сообщенія, а вслѣдствіе этого и заведеніе, служившее ихъ разсадникомъ. Эта нелюбовь основывалась на томъ мнѣніи, что изъ Института выходятъ ученые, слѣдовательно вольнодумцы. Была еще и другая причина ихъ нерасположенія къ Институту. Въ 1819 г. было учреждено главное инженерное училище и главнымъ начальникомъ его былъ назначенъ главный инспекторъ по инженерной части, великій князь Николай Павловичъ, по вступленіи котораго на престолъ это званіе перешло къ великому князю Михаилу Павловичу. При всемъ видимомъ ихъ нерасположеніи къ ученымъ, имъ было однако же очень досадно, что главное инженерное училище, по преподаванію въ немъ наукъ, стояло постоянно ниже Института. Сверхъ того, въ то время Институтъ былъ единственное заведеніе, образованное вполнѣ на военную ногу и не подчиненное великому князю Михаилу Павловичу.

При преобразованіи Института въ 1830 г. постановлено было, что одинъ высшій классъ воспитанниковъ сохраняетъ названіе портупей-прапорщичьяго, остальные же три класса названы кадетскими. Но въ новомъ положеніи Института не было сказано, чтобы въ немъ дозволялись тѣлесныя наказанія. Шефлеръ, принимая въ соображеніе, что кадетъ во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ сѣкутъ розгами и, привыкнувъ къ этой операціи въ Военностроительномъ училищѣ, въ февралѣ 1830 г. высѣкъ, не знаю за какую вину, четырехъ кадетъ 2 роты изъ числа воспитанниковъ, поступившихъ въ Институтъ изъ Военностроительнаго училища. Въ это время всѣ портупей-прапорщики были изъ числа воспитанниковъ прежняго Института, такъ какъ всѣ воспитанники училища, которые могли бы поступить въ портупей-прапорщичій классъ, были до присоединенія къ Институту училища выпущены на службу прапорщиками въ строительный отрядъ.

Небывалое, даже немыслимое въ Институтѣ тѣлесное наказаніе, когда о немъ узнали въ 1-й ротѣ, взволновало всѣхъ воспитанниковъ и ожесточило ихъ противъ Шефлера. Рѣшено было выказать ему неудовольствіе и добиться, чтобы впредь подобное наказаніе, уже осрамившее Институтъ, не могло повториться. До 1-го января 1830 г., при входѣ начальниковъ, воспитанники имъ кланялись, а съ этого времени, со введеніемъ ружей, установлено было отвѣчать начальникамъ, когда они поздороваются, словами: «здравія желаемъ», съ прибавленіемъ тѣмъ, которые состоятъ въ генеральскихъ чинахъ, словъ: «ваше превосходительство». Это исполнялось безпрекословно, но когда Шефлеръ, послѣ совершенной имъ экзекуціи, вошелъ въ 1-ый классъ и поздоровался, то ему никто не отвѣчалъ.

Онъ повторилъ еще два раза: «здравствуйте, господа», и всѣ молчали. Тогда Шефлеръ разразился бранью, увѣряя, что заставитъ съ нимъ здороваться. Это случилось около половины двѣнадцатаго часа дня, когда обыкновенно разносили по классамъ булки; каждый воспитанникъ для завтрака получалъ по одной булкѣ. Шефлеръ приказалъ во избѣжаніе того, что иной воспитанникъ можетъ взять, вмѣсто одной, двѣ булки, всѣмъ выстроиться во фронтъ и тогда раздать булки воспитанникамъ. По выстроеніи 1-ой роты во фронтъ въ коридорѣ между классами начали въ присутствіи Шефлера и эконома Пфефера раздавать изъ корзины булки, но никто ихъ не бралъ. Это еще болѣе взбѣсило Шефлера. Онъ совалъ булки въ руки воспитанникамъ, а они бросали ихъ снова въ корзинку, отговариваясь тѣмъ, что не хотятъ ѣсть. Шефлеръ заставлялъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ откусывать булки, что они, по его приказанію, дѣлали, но немедля выплевывали откусанное. Шефлеръ кричалъ, шумѣлъ, бранился, но ничто не помогло, и онъ долженъ былъ удалиться съ Пфеферомъ и булками, не добившись, чтобы хотя одинъ воспитанникъ взялъ булку. Лермантовъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, не приходилъ до обѣда, сказавшись больнымъ, а послѣ обѣда пришелъ въ сюртукѣ, будто вслѣдствіе болѣзни (онъ всегда приходилъ въ Институтъ въ мундирѣ). Когда, по заведенному порядку, старшій дежурный унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему съ дневнымъ рапортомъ, онъ его не допустилъ до себя, объявивъ, что послѣ случившагося онъ болѣе не ротный командиръ, при чемъ прочиталъ выстроенной во фронтъ ротѣ приличное наставленіе. Вскорѣ пріѣхалъ Базенъ, сказавшій намъ, до какой степени неприличенъ нашъ поступокъ въ отношеніи къ заслуженному генералу Шефлеру; что же касается до того, что мы не хотѣли брать булокъ, то своимъ французскимъ акцентомъ сказалъ: «они не хотятъ булокъ, то не давать имъ булокъ». Затѣмъ онъ началъ лично производить слѣдствіе о томъ, кто подалъ первую мысль не отвѣчать на здорованье Шефлера и почему именно не отвѣчали. На дѣлаемые Базеномъ вопросы большая часть воспитанниковъ отвѣчали, что они при приходѣ Шефлера не были въ классѣ, одни вышли для умыванья, другіе для наклейки бумаги на чертежныя доски, третьи для другихъ надобностей; нѣкоторые же отвѣчали, что, будучи сильно заняты изучаемыми ими предметами, не замѣтили, какъ Шефлеръ вошелъ, а только слышали его ругательства. Я былъ одинъ изъ числа наименѣе рослыхъ и потому во фронтѣ стоялъ изъ послѣднихъ. Когда Базенъ спросилъ меня: «Вы не отвѣчали генералу Шефлеру, когда онъ здоровался», я прямо сказалъ: «не отвѣчалъ». На вопросъ, почему я не отвѣчалъ Шефлеру, я откровенно сказалъ, что былъ пораженъ, узнавъ о наказаніи Шефлеромъ воспитанниковъ Института и вслѣдствіе этого не былъ расположенъ съ нимъ здороваться. На вопросъ, не было ли предварительно условлено, чтобы не отвѣчать Шефлеру, я, такъ же какъ и всѣ прочіе воспитанники, заявилъ, что предварительнаго условія не было и слѣдовательно нечего и отыскивать зачинщиковъ. Этимъ откровеннымъ отвѣтомъ я за-

служилъ общую любовь и уваженіе товарищей, которые сорокъ лѣтъ спустя, когда хотѣли похвалить мои добрыя качества, говорили, что я былъ всегда таковъ и въ доказательство указывали на вышеприведенный мой отвѣтъ Базену.

По Петербургу въ тотъ же день разнесся слухъ о бунтѣ въ Институтѣ путей сообщенія, который дошелъ и до Государя. Онъ присылалъ къ герцогу Виртембергскому спросить о случившемся, и герцогъ, узнавъ о результатѣ разспросовъ Базена, приказалъ непремѣнно найти зачинщиковъ. Употребляли разные способы, чтобы ихъ назвали, но тщетно. Тогда объявили, что весь выпускъ оставятъ на цѣлый годъ безъ производства въ офицеры и сверхъ того выберутъ нѣсколькихъ воспитанниковъ, которыхъ подозрѣваютъ наиболѣе виновными, и разжалуютъ ихъ въ рядовые, а если зачинщики будутъ указаны, то обѣщали ихъ подвергнуть по возможности легкому наказанію. Лермантовъ явно намекалъ, что между имѣющими быть разжалованными въ рядовые будетъ Пассекъ, такъ какъ онъ неоднократно замѣчалъ, что Пассекъ любитъ перорировать и имѣетъ вліяніе на воспитанниковъ. Послѣ этого нѣкоторые изъ воспитанниковъ, и въ томъ числѣ Пассекъ, только что поступившій въ Институтъ и не сжившійся еще съ новыми товарищами, а имѣвшій болѣе всѣхъ причины опасаться подвергнуться сильному наказанію, не выдержали и начали уговаривать нѣкоторыхъ воспитанниковъ, чтобы они приняли вину на себя. Нашлись три жертвы: Страковскій, Хилевскій и князь Максутовъ (старшій братъ). Сначала грозили имъ исключеніемъ изъ Института, но Базенъ уговорилъ герцога ограничиться карцеромъ на продолжительное время, и когда герцогъ хотѣлъ ихъ оставить на годъ въ томъ же классѣ, то Базенъ его убѣдилъ не усиливать наказанія. Впрочемъ при этомъ Базенъ могъ руководиться и другими соображеніями. Понятно было, что Институтъ, въ ряду другихъ военно-учебныхъ заведеній, былъ аномаліей, что требовалось, при вооруженіи его воспитанниковъ ружьями и при измѣненіи возраста пріема воспитанниковъ съ 16-лѣтняго на 13-лѣтній, хотя нѣсколько согласить порядки Института съ порядками другихъ подобныхъ заведеній. Духъ стараго Института обыкновенно сохранялся между старыми воспитанниками, остающимися на второй годъ въ 1-мъ классѣ. А потому рѣшено было въ этотъ годъ весь первый классъ произвести въ инженеръ прапорщики. Одинъ изъ воспитанниковъ, Бирнбаумъ, такъ дурно учился, что его выпустить въ инженеры было невозможно, и его произвели въ прапорщики бывшей военно-рабочей бригады путей сообщенія. Сами воспитанники 1-го класса, изъ которыхъ были избраны фельдфебель и всѣ унтеръ-офицеры 1-ой роты, по обычной недружбѣ между 1-мъ и 2-мъ классами, много помогли начальству въ перемѣнѣ его обращенія. То, что проходило безъ замѣчанія для воспитанниковъ 1-го класса, ставилось фельдфебелями и унтеръ-офицерами, которые были изъ воспитанниковъ этого класса, въ вину воспитанникамъ 2-го класса, и когда эти послѣдніе перешли въ 1-ый классъ, въ которомъ не

оставалось ни одного изъ прежнихъ воспитанниковъ, то новое отношеніе къ нимъ начальства не было для нихъ совершенною новостью.

Изъ пострадавшихъ по означенному дѣлу двое были польскаго происхожденія. Хорошо, что оно случилось въ началѣ, а не въ концѣ 1830 г., когда началось возмущеніе въ Царствѣ Польскомъ, а то это дѣло могло бы разыграться очень дурно для пожертвовавшихъ собою.

Впрочемъ, надо прибавить, что по окончаніи слѣдствія по означенному дѣлу Базенъ въ присутствіи Шефлера и всего 1-го класса сказалъ, что во все время его завѣдыванія Институтомъ онъ никогда не имѣлъ подобнаго неудовольствія, тѣмъ болѣе ему горькаго, что оно причинено его ближайшимъ товарищемъ, и что хотя Шефлеръ и объяснялъ, что напрасно 1-ый классъ возмутился понесеннымъ наказаніемъ кадетъ, такъ какъ въ немъ все портупей-прапорщики, которые ни въ какомъ случаѣ не могли подвергнуться такому наказанію, но онъ, Базенъ, рѣшительно считалъ тѣлесное наказаніе и для кадетъ Института неприличнымъ. Такимъ образомъ, цѣль наша была достигнута, и сколько мнѣ помнится, до произведеннаго въ 1843 г. знаменитаго сѣченія по распоряженію графа Клейнмихеля, о которомъ разскажу ниже, таковаго въ Институтѣ не бывало.

Я не буду описывать другихъ менѣе важныхъ безпорядковъ и шалостей обычныхъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Скажу только, что воспитанники особенно не любили репетитора начертательной геометріи и приложеній къ оной, инженеръ-капитана Боровскаго (умершаго въ чинѣ полковника), который съ 1829 г. началъ преподавать вмѣсто профессора начертательной геометріи подполковника Савостьянова (умершаго въ чинѣ генералъ-маіора). Классы, въ которыхъ преподавались лекціи, были устроены такъ, что воспитанники сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ, расположенныхъ амфитеатромъ. Передъ этими мѣстами стояли каѳедры и черная доска. Во время одной изъ репетицій Боровскаго, котораго звали «губастикомъ», нѣсколько воспитанниковъ, спрятавшись за означенныя мѣста, кричали «губастикъ». Боровской, обругавъ воспитанниковъ свиньями, сказалъ, что если они покажутся, то онъ съ ними раздѣлается. Ругательство это обидѣло всѣхъ воспитанниковъ 1-го класса, и тогда они вышли требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Онъ не хотѣлъ и побѣжалъ жаловаться инспектору классовъ Резимону, но тутъ многіе его пощелкали и бѣжали за нимъ до кабинета Резимона, въ которомъ послѣднимъ были остановлены крикомъ: «malheureux, que faites-vous? Vous serez contructeurs; c'est fini, je ne veux rien entendre». Чтобы понять эту весьма часто повторяемую Резимономъ фразу, надо сказать, что за дурное ученіе и поведеніе выпускали воспитанниковъ въ строительный отрядъ, и Резимонъ считалъ, что такъ какъ этимъ портилась карьера молодого человѣка, то выше этого наказанія и не существуетъ. Впрочемъ, многіе изъ воспитанниковъ, и въ томъ числѣ я, несмотря на любовь пошкольничать, не только не участвовали въ побіеніи Боровскаго, но и останавливали другихъ. Намъ не нравилось нападеніе нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ

людей на одного человѣка. Дѣло это не имѣло особыхъ послѣдствій: ворвавшихся за Боровскимъ въ кабинетъ Резимона онъ посадилъ въ карцеръ, другіе разбѣжались.

Вообще Резимонъ болѣе шумѣлъ и привязывался, чѣмъ наказывалъ. Одно только было очень скучно: это частое осматриваніе ящиковъ въ классныхъ столахъ (у каждаго воспитанника былъ свой столъ) съ тѣмъ, чтобы найти въ нихъ или съѣстное, или не классную книгу. Имѣть съѣстное или не классную книгу было строжайше запрещено.

Съ 1829 г. аналитическую геометрію, дифференціальныя и интегральныя исчисленія началъ читать въ Институтѣ, вмѣсто профессора этой части математики инженеръ-подполковника Ламе, инженеръ-поручикъ Янушевскій, нынѣ (1872 г.) дѣйствительный статскій совѣтникъ и заслуженный профессоръ Института. Онъ читалъ очень хорошо. Всѣ почти науки преподавались тогда на французскомъ языкѣ. О Ламе я буду говорить ниже.

Законъ Божій преподавалъ тотъ же священникъ Гавриловъ, который преподавалъ въ строительномъ училищѣ. Изъ сорока воспитанниковъ 1-го класса православныхъ было не болѣе 10 и въ томъ числѣ я и Мольнеръ. Католикамъ и лютеранамъ Законъ Божій преподавали ихъ патеръ и пасторъ. Рисовать училъ дальній мой родственникъ, маіоръ Зуевъ, о которомъ я говорилъ въ 1-ой главѣ этихъ воспоминаній.

Изученіе аналитической геометріи и высшихъ математическихъ исчисленій было мнѣ легко. Достаточно мнѣ было выслушать лекцію, чтобы запомнить ее. Я даже отгадывалъ способы, которые необходимы для преобразованія формулъ съ цѣлью получить извѣстные результаты. Я постоянно на репетиціяхъ изъ этихъ наукъ получалъ 10 балловъ, т.-е. высшіе баллы, выставляемые преподавателями на репетиціяхъ. До поступленія въ Институтъ Ястржембскаго и Пассека въ этихъ наукахъ я не только былъ первымъ, но стоялъ гораздо выше всѣхъ моихъ товарищей. Память у меня была хороша, но тутъ дѣйствовала не одна память, а способность соображать. Эта легкость изученія главнаго предмета еще болѣе облѣнила меня, и я почти не повторялъ уроковъ изъ тѣхъ предметовъ, гдѣ требовалась одна память. Не мудрено, что я плохо зналъ эти предметы и получалъ изъ нихъ средственные баллы, тогда какъ при нѣкоторомъ прилежаніи могъ бы получать отличные. Профессоръ гидрографіи Россійской Имперіи инженеръ-маіоръ Трофимовичъ (умершій въ чинѣ генералъ-маіора), которая также преподавалась на французскомъ языкѣ, замѣтивъ, что я хорошо говорю по-французски, объявилъ мнѣ, что я долженъ готовиться отвѣчать изъ гидрографіи на публичномъ экзаменѣ. Я въ своемъ мѣстѣ разскажу, какъ можно было впередъ опредѣлить, кто изъ какого предмета будетъ отвѣчать на этомъ экзаменѣ. Для приготовленія къ публичному экзамену я долженъ былъ бы выдолбить наизусть всю гидрографію, къ чему у меня не было никакой охоты. Частію по этому, а частію обиженный тѣмъ, что буду на публичномъ экзаменѣ отвѣчать

изъ гидрографіи, а не изъ главнаго предмета, изученіе котораго такъ легко мнѣ доставалось, я отвѣчалъ Трофимовичу, что я далеко не изъ лучшихъ воспитанниковъ по познаніямъ въ гидрографіи, а чтобы совсѣмъ его отвлечь отъ мысли заставлять меня отвѣчать изъ гидрографіи на публичномъ экзаменѣ, я совсѣмъ перестану изучать ее. Трофимовичъ погрозилъ мнѣ тѣмъ, что онъ лично доложитъ герцогу Виртембергскому о моемъ нерадѣніи, что онъ настоитъ, чтобы я за это нерадѣніе оставленъ былъ на другой годъ въ классѣ, и что никакіе успѣхи въ математикѣ мнѣ не помогутъ. Онъ былъ въ милости у герцога и могъ бы мнѣ повредить. Но я продолжалъ лѣниться попрежнему и лѣнь моя не имѣла дурныхъ послѣдствій.

Трофимовичъ въ своихъ лекціяхъ гидрографіи, указывая на то, что ежегодно строющіяся суда, приходя въ Петербургъ, не возвращаются, а здѣсь распиливаются на дрова, пророчилъ, что черезъ 10 лѣтъ, т.-е. къ 1840 г., край, въ которомъ суда строятся, обезлѣсятъ, и Петербургъ останется безъ дровъ. Я и тогда этому не вѣрилъ. Нечего говорить, что пророчество Трофимовича не сбылось. Скажу даже болѣе: въ то время, когда всѣ потребности жизни вздорожали въ Петербургѣ вдвое и даже втрое, одни дрова мало возвышались въ цѣнѣ до 1870 г. и самое возвышеніе происходило не отъ безлѣсья около Петербурга, а отъ значительнаго вздорожанія рабочихъ рукъ и сухопутной перевозки изъ рощъ къ рѣкамъ. Самое вздорожаніе дровъ въ 1870 г. было слѣдствіемъ стачки дровяныхъ продавцовъ. Это не значитъ, чтобы я не находилъ надобности изыскивать способъ для замѣны дровъ другимъ топливомъ. Лѣсъ надо беречь по многимъ причинамъ, но я хотѣлъ только показать, что опасеніе того, что нашъ сѣверный край можно скоро обезлѣсить, не только было напрасно сорокъ лѣтъ тому назадъ, но и теперь еще напрасно.

Начертательная геометрія мнѣ не далась. Я съ трудомъ понималъ сложные чертежи разныхъ задачъ этой науки. По лѣности моей мало къ ней прилежалъ и на репетиціяхъ этой геометріи получалъ средственные баллы. При переводныхъ экзаменахъ назначались профессора начертательной геометріи экзаменовать изъ чистой математики вмѣстѣ съ репетиторомъ оной, а профессора чистой математики изъ начертательной геометріи съ репетиторомъ этой науки. Севастьяновъ, экзаменуя меня изъ аналитической геометріи, диффѳренціальныхъ и интегральныхъ исчисленій, удивлялся моимъ хорошимъ отвѣтамъ, и на вопросъ его, отчего я не такъ же хорошо учился начертательной геометріи, я, вмѣсто того чтобы откровенно сознаться въ меньшей способности къ означенному предмету, не могъ не сошкольничать и отвѣчалъ, что считалъ начертательную геометрію не довольно важнымъ предметомъ и потому ее не изучалъ. Севастьяновъ мнѣ сказалъ на это, что за подобный отвѣтъ онъ мнѣ не поставитъ высшихъ экзаменныхъ балловъ по чистой математикѣ, т.-е. 10, а только 9, 99. Конечно, это было мнѣ все равно. Для составленія списковъ воспитанникамъ при переводахъ ихъ въ высшіе классы, по мѣрѣ ихъ

успѣха въ наукахъ, брались въ соображеніе по каждому преподаваемому предмету: средній баллъ изъ балловъ, получаемыхъ на репетиціяхъ въ продолженіе всего годичнаго курса, баллъ, полученный на экзаменѣ передъ новымъ годомъ, называвшемся третнымъ, и баллъ переходнаго экзамена. Годовой баллъ помножался на три, выпуска на два и къ нимъ присоединялся баллъ третного экзамена. Полученная сумма дѣлилась на шесть и такимъ образомъ опредѣлялся окончательный баллъ каждаго воспитанника по каждому предмету. Для вывода же суммы балловъ каждаго воспитанника по всѣмъ предметамъ означенный баллъ, полученный по главнымъ предметамъ, помножался на три, по менѣе важнымъ на 2, а по самымъ незначительнымъ оставался безъ перемноженія. Къ этому присоединялись баллы изъ поведенія. Каждый воспитанникъ при поступленіи въ Институтъ получалъ 30 балловъ, по поведенію и за каждую вину вычитались у него одинъ или нѣсколько балловъ, или какая-нибудь часть балла. У кого было вычтено болѣе 10 балловъ, тотъ не переводился въ высшій классъ. Сумма балловъ по всѣмъ наукамъ съ приложеніемъ балловъ за поведеніе, оставшихся за сдѣланными вычетами, опредѣляла мѣсто воспитанника при его переводѣ въ высшій классъ. Всѣ эти вычисленія выписывались въ таблицѣ, которая постоянно висѣла въ классѣ въ рамѣ за стекломъ. Конечно, баллъ по аналитической геометріи, дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіямъ помножался на 3, а такъ какъ я на выпускномъ экзаменѣ получилъ не 10, а 9,99 балловъ, то средній мой баллъ изъ этихъ предметовъ получился также не 10, а 9,99, что, помноженное на 3, дало 29, 97 и это число было обозначено противъ моего имени въ упомянутой таблицѣ. Резимону было очень досадно, что я не имѣлъ полныхъ балловъ, и онъ мнѣ все толковалъ, что разъ въ моихъ баллахъ замѣшались 9,99, то онъ никакъ уже не могъ довести средняго числа до 10. Все же мои баллы по чистой математикѣ превышали баллы прочихъ воспитанниковъ и даже баллы Ястржембскаго и Пассека, которые хотя знали означенную часть математики лучше меня, но на репетиціяхъ не всегда отвѣчали на 10 балловъ, такъ какъ они поступили въ Институтъ въ декабрѣ 1829 г., а курсъ начался въ августѣ. Несмотря на эти отличные баллы изъ математики, я не стоялъ въ числѣ самыхъ первыхъ воспитанниковъ по причинѣ средственныхъ балловъ изъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Казалось, что первымъ ученикомъ долженъ былъ бы стать Ястржембскій или Пассекъ какъ по ихъ способностямъ, такъ и по пріобрѣтеннымъ ими уже въ университетахъ познаніямъ, но первымъ сталъ по производствѣ въ прапорщики Сивковъ, человѣкъ съ небольшими способностями, но весьма прилежный, что мы называли долбилою. Поступивъ съ нимъ вмѣстѣ въ Институтъ, я постоянно повторялъ ему уроки изъ чистой математики, но онъ мало что понималъ, а все задалбливалъ наизусть. Впрочемъ въ дальнѣйшихъ двухъ классахъ Сивковъ не могъ болѣе сохранить перваго мѣста. Первымъ былъ постоянно Ястржембскій, а вторымъ Пассекъ. Рисовать и чертить я не умѣлъ попрежнему, но баллы по этимъ пред-

метамъ я получалъ хорошіе: мои чертежи и рисунки изготовлялись моими товарищами внѣ классовъ. Мнѣ было очень трудно скрывать это отъ профессора рисованія маіора Зуева, который обыкновенно во время своего класса садился возлѣ меня на винтовой табуретъ, вертясь на этомъ табуретѣ, и большую часть класснаго времени говорилъ со мною. Но Зуевъ ничего не замѣчалъ и вотъ какъ я это устроилъ. Мнѣ назначено было нарисовать красками антаблеманъ Коринѳскаго ордена въ большомъ масштабѣ. Товарищи мнѣ изготовили нѣкоторую часть этого рисунка. Нарисованное я заклеивалъ бумагою и потомъ отклеивалъ постепенно. Въ то же время, которое сидѣлъ подлѣ меня Зуевъ, я водилъ по сдѣланному уже рисунку кистью, обмоченною въ водѣ. При концѣ курса едва не выдалъ меня одинъ изъ товарищей. У него не былъ готовъ рисунокъ, а извѣстно было, что онъ отлично рисовалъ. Зуевъ ему дозволилъ, чтобы въ окончаніи рисунка ему помогли товарищи, и указывалъ на меня, какъ на скоро работающаго. Воспитанникъ съ трудомъ удержался отъ смѣха. Время, назначенное для черченія эпюръ изъ начертательной геометріи, было для меня самое непріятное. Иногда у меня никакихъ эпюръ не было. Между тѣмъ Севастьяновъ и Резимонъ часто ходили осматривать эпюры, и потому передъ тѣмъ, какъ имъ приблизиться ко мнѣ, я исчезалъ до того времени, пока опасность, т.-е. осмотръ этихъ господъ, минуетъ.

Резимонъ постоянно слѣдилъ за нашими успѣхами въ наукахъ. Базенъ ограничивался тѣмъ, что, пріѣзжая ежедневно, вскорѣ послѣ институтскаго обѣда, обращался къ нѣсколькимъ воспитанникамъ съ слѣдующею фразою: «Здоровы? сколько балловъ?» и получалъ обыкновенно въ отвѣтъ: «Слава Богу, ваше превосходительство, 10 балловъ». «10 балловъ! очень хорошо, но изъ чего?» Тѣ, которые ихъ не получили изъ математики, т.-е. наибольшая часть, иногда отвѣчали: «Изъ священной исторіи, ваше превосходительство». «И изъ священной исторіи хорошо 10 балловъ, а изъ математики сколько?» «6 балловъ, ваше превосходительство». «Плохо, плохо». Тѣмъ оканчивался обыкновенно разговоръ. Кромѣ начальствующихъ лицъ, о которыхъ упомянуто мною выше, было еще нѣсколько ротныхъ офицеровъ, дежурившихъ каждый въ своей ротѣ поочередно. Изъ нихъ былъ замѣчателенъ, и по нравственнымъ качествамъ, и по познаніямъ, Мецъ. Всѣ прочіе офицеры были ниже всякой посредственности, и нельзя было не удивляться, какъ такой порядочный человѣкъ, какъ Мецъ, могъ попасть въ ихъ число. Въ это время Мецъ занимался переводомъ какихъ-то математическихъ книгъ. Я въ послѣдній разъ видѣлъ Меца, когда онъ былъ директоромъ Царскосельскаго Александровскаго Кадетскаго корпуса. Онъ меня пригласилъ обѣдать у него на нанимаемой имъ весьма тѣсной и просто меблированной дачѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Царскаго Села. За столомъ сѣло многочисленное его семейство и подали щи съ говядиною и пирогомъ; болѣе онъ ничего не могъ имѣть по бѣдности, въ которой оставилъ свою вдову и дѣтей.

Изъ товарищей моихъ, кромѣ уже вышепоименованныхъ, назову

Глухова, нынѣ (1872 г.) генералъ-маіора въ горныхъ инженерахъ, двухъ братьевъ бароновъ Роппъ, Клушина, нынѣ сенатора, барона Фиркса, извѣстнаго теперь писателя, подъ псевдонимомъ Шедоферотти, Гофмейстера, Никифораки и барона Медема. Съ Роппомъ младшимъ, Клушинымъ и Фирксомъ я еще неоднократно вст ѣчусь въ моихъ воспоминаніяхъ. Глуховъ имѣлъ хорошія способности, учился прилежно и велъ себя примѣрно. Онъ былъ очень хорошъ собою, но въ 1831 г. началась у него падучая болѣзнь; онъ упалъ на улицѣ и расшибся. Это обстоятельство и самая болѣзнь очень испортили его красивую наружность. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ физики въ Институтѣ, которою очень усердно занимался, и участвовалъ съ инженерами Собко и Сулимою въ изданіи карманной книжки формулъ и таблицъ по механикѣ и физикѣ.

Баронъ Роппъ, старшій братъ, былъ впослѣдствіи управляющимъ конторою великаго князя Николая Николаевича..

Баронъ Медемъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія. Онъ по производствѣ въ офицеры занимался волокитствомъ и вскорѣ вышелъ въ отставку, женившись на какой-то помѣщицѣ внутреннихъ губерній. Я его давно потерялъ изъ виду; въ 1872 г. встрѣчалъ въ Петербургѣ.

Съ Гофмейстеромъ (нынѣ генералъ-маіоръ и начальникъ VII Округа путей сообщенія) и съ Никифораки (нынѣ инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и вице-директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ) я довольно сблизился въ Институтѣ. Никифораки при посредственныхъ способностяхъ перешелъ изъ 4-ой бригады въ 3-ю первымъ, но въ высшихъ классахъ не могъ быть даже изъ первыхъ и становился ниже меня. Онъ и Гофмейстеръ обыкновенно въ спискѣ по успѣхамъ въ наукахъ слѣдовали за мною, несмотря на то, что они занимались очень прилежно, а я почти ничего не дѣлалъ въ надеждѣ на мою хорошую память и способность къ математическимъ выкладкамъ.

Про Клушина и барона Фиркса теперь скажу, что рѣдкій день проходилъ, чтобы они не ссорились и не подрались, и въ этой дракѣ постоянно одерживалъ верхъ Фирксъ, который былъ гораздо сильнѣе Клушина. Послѣдняго готова была выручить русская партія воспитанниковъ, но она до того была малочисленна, хотя къ ней присоединялись и поляки, что не смѣла защищать Клушина изъ опасенія, что Фиркса будетъ защищать многочисленная нѣмецкая партія воспитанниковъ.

Почти все лѣто 1829 г. до поступленія моего въ Институтъ я провелъ на дачѣ у Дельвиговъ, которую они нанимали близъ Крестовскаго перевоза, въ переулкѣ, противъ дачи, бывшей Кожина. Въ строительномъ училищѣ уже знали о моемъ переводѣ въ Институтъ, что облегчило мой отпускъ изъ училища. Это лѣто провели у Дельвиговъ очень весело; у нихъ постоянно бывало много посѣтителей.

Вскорѣ по поступленіи моемъ въ Институтъ въ тотъ день, когда я былъ у Дельвиговъ, подъѣхалъ къ дачѣ директоръ Института Базенъ съ Эльканомъ. Дача была низенькая, всѣ гости были въ комнатѣ, окна

на улицу были отворены; нѣкоторые изъ гостей пѣли съ акомпанементомъ фортепіано. Подъѣхавшіе въ коляскѣ не могли не видѣть хозяевъ, а между тѣмъ Дельвигъ выслалъ имъ сказать, что его нѣтъ дома. Базенъ потребовалъ меня къ себѣ и ожидалъ меня въ саду дачи Кожина, бывшей напротивъ дачи Дельвига. Я, надѣвъ киверъ и тесакъ, къ нему представился. Базенъ мнѣ сказалъ, гуляя со мной по саду, что онъ видѣлъ въ окно Дельвига и жену его и что онъ очень понимаетъ причину, по которой его не приняли, именно, что онъ пріѣхалъ съ Элькановъ. Но Дельвигъ, равно какъ и многіе другіе, вполнѣ ошибается насчетъ Элькана, считая его даже шпіономъ, тогда какъ онъ человѣкъ очень умный и весьма пріятный въ обществѣ. Легко понять, до какой степени было непріятно мое положеніе. Базенъ въ это время, сверхъ должности директора Института, былъ предсѣдателемъ комиссіи строеній въ Петербургѣ, а Эльканъ, кажется, былъ его секретаремъ. Послѣ этого визита знакомство Базена съ Дельвигомъ прекратилось.

Эльканъ былъ крещёный жидъ, служилъ впослѣдствіи чиновникомъ въ Министерствѣ путей сообщенія, большой нахалъ и, по общему мнѣнію, долго былъ агентомъ III Отдѣленія, т.-е. шпіономъ. Онъ описанъ въ повѣсти, помѣщенной въ какомъ-то періодическомъ изданіи, подъ заглавіемъ: «Л. Канъ». Эльканъ жилъ очень долго, мало измѣнился въ старости, а потому его звали вѣчнымъ жидомъ. Онъ недавно умеръ. Въ 60-хъ годахъ я его встрѣтилъ у Министра путей сообщенія Мельникова, съ которымъ онъ былъ на пріятельской ногѣ. Къ Свѣтлой недѣлѣ 1863 г. онъ получилъ какой-то крестъ на шею, несмотря на то, что никогда ничего не дѣлалъ, а только считался на службѣ и получалъ жалованье. Въ одинъ изъ вечеровъ означенной Свѣтлой недѣли, когда у Мельникова было много гостей, онъ за чайнымъ столомъ обратился къ Элькану съ вопросомъ, благодарилъ ли онъ за полученную имъ награду одну изъ племянницъ Мельникова, дочь его брата, женатаго на Викторовой, такъ какъ, прибавилъ Мельниковъ, изъ начальствующихъ лицъ въ министерствѣ никто не видитъ Элькана, и его могла представить къ наградѣ только племянница Мельникова.

Въ зиму 1829—1830 г. прежнее же общество посѣщало Дельвиговъ. Я забылъ упомянуть о близкихъ родныхъ жены Дельвига, впрочемъ бывавшихъ у нея довольно рѣдко, а именно: о сестрахъ графа Петра Андреевича Клейнмихеля и о бывшей съ нимъ въ разводѣ женѣ его Варварѣ Александровнѣ, урожденной Кокошкиной, сестрѣ бывшаго Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, а потомъ Малороссійскаго генералъ-губернатора, о теткѣ вдовѣ Ришаръ и дочери ея Александрѣ Осиповнѣ, бывшей тогда замужемъ за лейбъ-гусарскимъ полковникомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Родство всѣхъ этихъ лицъ объясняется очень просто. Мать Клейнмихелей, Анна Францовна, и мать С. М. Дельвигъ, Елисавета Францовна, были родныя сестры Ришара, мужа упомянутой вдовы Ришаръ и отца Мусиной-Пушкиной. П. А. Клейнмихель передъ свадьбой увезъ

Кокошкину, но вскорѣ они разъѣхались, чему приводили въ публикѣ разныя причины, а кажется, довольно было одной: всѣмъ извѣстнаго, въ высшей степени безобразнаго характера Клейнмихеля. Родные Клейнмихеля послѣ развода не видались болѣе съ Варварой Александровной, одна С. М. Дельвигъ осталась съ нею въ пріязни. Варвара Александровна очень ласкала меня. Каждый разъ, когда приходила къ Дельвигамъ, приносила мнѣ конфекты. Формальные разводы были тогда очень затруднительны. Клейнмихель согласился выставить себя неспособнымъ, или вообще виновнымъ, и немедля послѣ развода жена его вышла замужъ за Булдакова, который былъ впослѣдствіи Симбирскимъ губернаторомъ.

Изъ новыхъ лицъ, которыхъ я видѣлъ въ эту зиму, всѣхъ замѣчательнѣе были Михаилъ Даниловичъ Деларю и Сергѣй Абрамовичъ Баратынскій.

М. Д. Деларю вышелъ изъ Царскосельскаго Лицея въ 1829 г. и, наравнѣ со всѣми лицеистами, былъ преданъ Дельвигу и даже болѣе другихъ, какъ поэтъ, котораго первыя стихотворенія напоминали музу Дельвига, и какъ юноша, который лицомъ былъ похожъ на послѣдняго. Онъ очень часто бывалъ у Дельвига и меня очень любилъ.

С. А. Баратынскій, младшій братъ поэта и друга Дельвига, слушалъ курсъ медицины въ Москвѣ во время послѣдняго черезъ нее проѣзда Дельвиговъ. Весьма красивый, очень умный, съ пылкими глазами, этотъ молодой человѣкъ полюбился Дельвигамъ, и мужу, и женѣ. Онъ пріѣхалъ съ ними повидаться и дѣйствительно, во время пребыванія въ Петербургѣ, цѣлые дни проводилъ у нихъ, не бывая ни у кого изъ своихъ родныхъ и даже скрывая отъ нихъ о своемъ пріѣздѣ.

Въ началѣ весны я выдержалъ переходный экзаменъ во 2-ой классъ, т.-е. пріобрѣлъ право на производство въ инженеръ-прапорщики, но нѣкоторые воспитанники первыхъ трехъ классовъ, въ томъ числѣ и я, должны были еще подвергнуться публичному экзамену. Этотъ экзаменъ былъ учрежденъ съ явною цѣлью бросить пыль въ глаза публикѣ, а въ особенности дипломатическому корпусу, собиравшемуся на экзаменъ въ полномъ составѣ. Экзаменомъ этимъ хотѣли показать иностранцамъ: «на, посмотри, какія у насъ есть учебныя заведенія и какимъ премудростямъ въ нихъ учатъ». Понятно, что представленіе на этотъ экзаменъ всѣхъ учащихся и допущеніе отвѣчать являющимся на экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ годового учебнаго курса по произволу экзаменующихъ не могло соотвѣтствовать предназначенной для экзамена цѣли. Между тѣмъ старались, по возможности, показать, что экзаменъ производится правильно. Съ этой цѣлью большую часть воспитанниковъ 1-го и 2-го классовъ, т.-е. подпоручиковъ и прапорщиковъ, отсылали: кончившихъ курсъ—на службу, не кончившихъ—на практику къ работамъ внутри Россіи, а воспитанниковъ 3-го класса, портупей-прапорщиковъ, отпускали къ ихъ роднымъ. Оставляли же подпоручиковъ и прапорщиковъ въ Петербургѣ, а портупей-прапорщиковъ въ Институтѣ, только отличнѣйшихъ, знаю-

щихъ хорошо французскій языкъ, и противъ каждаго предмета, изъ котораго предполагалось экзаменовать, писали двѣ или три фамиліи остававшихся воспитанниковъ. Списокъ этотъ подавали герцогу Виртембергскому, всегда присутствовавшему на публичныхъ экзаменахъ. Онъ, вызвавъ одного изъ помѣщенныхъ въ спискѣ воспитанниковъ, предлагалъ одному изъ ученыхъ почетныхъ гостей дать вызванному вопросъ изъ той науки, противъ которой стояло его имя, по печатной программѣ пройденныхъ въ Институтѣ курсовъ, раздаваемой всѣмъ посѣтителямъ. Вопросъ изъ математическихъ наукъ обыкновенно предлагалось задавать одному изъ членовъ петербургской Академіи наукъ, а изъ военныхъ наукъ генералу Жомини, или кому-либо изъ другихъ ученыхъ военныхъ генераловъ. Послѣ экзамена былъ предлагаемъ завтракъ для посѣтителей.

Въ 1830 г. публичный экзаменъ былъ 7-го мая. Только что я кончилъ его и слѣдовательно былъ вполнѣ увѣренъ, что мѣсяца черезъ два надѣну эполеты, какъ получилъ радостное извѣстіе, что у Дельвиговъ родилась дочь. Они были женаты уже 4½ года и не имѣли дѣтей, а потому понятна ихъ радость. Я поспѣшилъ ихъ поздравить и потомъ пошелъ къ старшему брату моему Александру, жившему въ казармахъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, объявить ему о двухъ радостяхъ. Братъ, передъ этимъ за что-то поссорившійся съ А. А. Дельвигомъ и долго не бывавшій у него, сейчасъ пошелъ къ нимъ. А. А. Дельвигъ и братъ обнялись и все прошедшее было забыто. По вспыльчивому характеру брата Александра ссоры между ними происходили довольно часто, тѣмъ болѣе, что А. А. Дельвигъ, всегда отмѣнно хладнокровный, любилъ выводить брата изъ терпѣнія, съ цѣлью отучить его отъ излишней вспыльчивости. Зная доброе сердце и благородство брата Александра, А. А. Дельвигъ былъ увѣренъ, что никогда не дойдетъ между ними до совершенной размолвки и считалъ, что если кто можетъ исправить брата, то онъ одинъ, потому что братъ всякаго другого за малѣйшую шутку, которая показалась бы ему оскорбительною, непремѣнно вызвалъ бы на дуэль.

Представленіе о производствѣ воспитанниковъ Института подписано было Государемъ въ Варшавѣ 19-го іюня. Приказъ о производствѣ объявленъ намъ директоромъ 26 іюня. Всѣ вновь произведенные въ прапорщики сшили уже къ тому времени офицерскіе мундиры и въ тотъ же день нарядились въ нихъ. Извѣстно, что въ жизни едва ли есть болѣе пріятная минута, какъ та, въ которую оставляешь закрытое учебное заведеніе и въ то же время надѣваешь офицерскій мундиръ. Эполеты и шпоры доставляли тогда особое удовольствіе, а потому не буду описывать тогдашней моей радости. Производство впослѣдствіи въ высшіе чины и полученіе разныхъ наградъ далеко не доставляли того же удовольствія.

Пушкинъ, получившій въ началѣ сентября 1826 г. дозволеніе пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ, немедля выѣхалъ изъ Михайловскаго въ Москву, гдѣ, среди забавъ и торжественныхъ пріемовъ, прочелъ въ первый разъ свою трагедію «Борисъ Годуновъ» и очень хлопоталъ объ изда-

ніи новаго журнала. Къ «Московскому Телеграфу», издававшемуся И. А. Полевымъ, онъ не имѣлъ сочувствія, а альманахи считалъ пустыми сборниками безъ направленія. О необходимости изданія новаго журнала Пушкинъ думалъ еще въ Михайловскомъ. Слѣдствіемъ этого было появленіе съ 1827 г. журнала: «Московскій Вѣстникъ», подъ редакціею М. П. Погодина. Много усилій и увѣщаній употребилъ Пушкинъ на поддержаніе этого журнала.

Пушкинъ однако же недолго оставался доволенъ критическими статьями «Московскаго Вѣстника». Редакторъ его М. П. Погодинъ, молодой литераторъ и профессоръ исторіи въ Московскомъ университетѣ, отличался тогда, какъ и теперь (1872 г.), своеобразною рѣзкостію выраженій. Ему ничего не стоило наполнять десятки страницъ пошлою бранью, не идущею къ дѣлу. Не того хотѣлось Пушкину. Несмотря на довольно большое число издававшихся тогда журналовъ и помѣщавшихся въ нѣкоторыхъ изъ альманаховъ обозрѣній нашей словесности за минувшій годъ, у насъ не было критики, которая могла бы установить общественное мнѣніе въ литературѣ и въ которой не было бы грубыхъ личностей.

Сверхъ того русской литературой въ Петербургѣ завладѣли Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ, издававшіе журналы «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» и газету «Сѣверную Пчелу». Они оба употребляли всякаго рода средства, чтобы не допускать новыхъ періодическихъ изданій и держать литературу въ своихъ рукахъ.

Въ концѣ 1829 г. мысль о новомъ органѣ созрѣла и ее раздѣляли Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій, Баратынскій, Плетневъ, Катенинъ, Дельвигъ, Розенъ и многіе другіе. Такъ появилась мысль объ изданіи съ 1830 г. «Литературной Газеты». Весьма трудно было найти редактора для этого органа. Пушкинъ былъ постоянно въ разъѣздахъ, Жуковскій занятъ воспитаніемъ Наслѣдника Престола, Плетневъ обученіемъ русской словесности Наслѣдника и въ разныхъ заведеніяхъ, князь Вяземскій и Баратынскій жили въ Москвѣ, Катенинъ въ деревнѣ. Хотя Дельвигъ, по своей лѣни, менѣе всего годился въ журналисты, но пришлось остановиться на немъ, съ придачею ему въ сотрудники Сомова. Всѣ означенные литераторы любили Дельвига и уважали его вкусъ и добросовѣстность въ сужденіяхъ о произведеніяхъ литературы. Вмѣстѣ съ этимъ надѣялись, что этотъ новый органъ послужитъ отпоромъ съ каждымъ днемъ увеличивающейся безсовѣстности Греча и Булгарина. Не трудно было однако же предвидѣть, что «Литературная Газета» не будетъ имѣть успѣха. Хотя въ ней обѣщались участвовать самые даровитые поэты и нѣсколько даровитыхъ прозаиковъ, но было очевидно, что ихъ произведеній будетъ недостаточно для газеты, которая должна была выходить черезъ каждые пять дней листомъ большого формата, напечатаннымъ довольно мелкимъ шрифтомъ. Печатаніе вообще, а періодическаго изданія въ особенности, еще болѣе затруднялось тогдашними цензурными правилами, по которымъ не пропускались многія слова, между прочими: республика, мятежники, о чемъ не сообщалось журналистамъ, а только цензорамъ. Номера «Литературной

Газеты» цензировались въ корректурѣ наканунѣ ихъ выхода. Означенныя слова и многія другія вычеркивались цензоромъ. Надо было замѣнить статью, въ которой онѣ заключались, другою, но некогда уже было, въ ночь передъ выходомъ номера, набирать новую статью. Оставалось одно средство: замѣнить вычеркнутыя слова другими, и такимъ образомъ слово «республика» замѣнялось словомъ «общество», а слово «мятежникъ» замѣнялось словомъ «злодѣй». Случалось, по болѣзни Дельвига, мнѣ заниматься корректурою, и помнится, что на мою долю выпали эти замѣщенія, такъ что мнѣ пришлось произвести въ дѣльной статьѣ галиматью. Не легко было добыть дозволеніе на изданіе новаго періодическаго журнала, но оно было получено чрезъ ходатайство Жуковскаго, и 1-го января 1830 г. вышелъ первый номеръ «Литературной Газеты», въ которомъ первой статьей былъ отрывокъ изъ романа «Магнетизеръ» Погорѣльскаго (псевдонимъ Перовскаго), автора романа «Монастырка», а второю отрывокъ изъ VIII гл. «Онѣгина», начинающійся стихомъ:

Прекрасны вы, брега Тавриды.

Дельвигъ подвергался безпрерывнымъ сатирическимъ выходкамъ тогдашнихъ журналистовъ.

Впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи стоялъ Булгаринъ, съ которымъ послѣ 1825 г. прерваны были всякія сношенія. Благородныя чувства Дельвига ложились тяжелыми камнями на подобнаго человѣка. Явившійся въ 1829 г. романъ Булгарина «Иванъ Выжигинъ», который былъ расхваленъ другомъ автора Гречемъ, не могъ нравиться Дельвигу, и Булгаринъ очень опасался, что Дельвигъ раскроетъ недостатки романа публикѣ, которая плѣнилась произведеніемъ новаго рода въ русской литературѣ. Гречъ хотя и увѣрялъ, что Булгаринъ его ссоритъ съ порядочными людьми, но подчинялся вліянію послѣдняго. А. Е. Измайловъ и Бестужевъ-Рюминъ, всегда грязные и большею частію пьяные, не могли выносить аристократическую фигуру Дельвига, который, хотя и любилъ покутить съ близкими, но держалъ себя чинно. Измайловъ не любилъ поэтовъ новоромантической, какъ тогда выражались, школы и называлъ ихъ *литературными баловниками*, а Дельвига *баловнемъ-поэтомъ*, и въ особенности сердился на послѣдняго за пародію на «Замокъ Смакгольмъ». Безпрестанныя, задорныя и недоброжелательныя выходки въ издаваемомъ Измайловымъ журналѣ «Благонамѣренный» и въ другихъ журналахъ не вызвали со стороны Дельвига ни одного печатнаго возраженія. Онъ какъ будто боялся загрязнить себя отвѣтомъ на нихъ, и это равнодушіе было весьма больно противникамъ. На всѣ эти выходки Дельвигъ отвѣчалъ только одинъ разъ посланіемъ къ Измайлову, котораго и талантъ и добродушіе цѣнилъ, но и этого посланія не напечаталъ. Вотъ оно:

Мой по Каменамъ старшій братъ,
Твоимъ я баснямъ цѣну знаю;
Люблю тебя, но виноватъ,
Въ тебѣ не все я одобряю.

Къ чему за нѣсколько стиховъ,
За плодъ невиннаго веселья,
Ты стаю вооружилъ пѣвцовъ,
Бранящихъ все въ чаду похмѣлья?
Твои кулачные бойцы
Меня не вызовутъ на драку.
Они, не спорю, молодцы;
Я въ каждомъ вижу забіяку;
Во всѣхъ ихъ взоръ мой узнаетъ
Литературныхъ Карбонаровъ.
Но, другъ мой, я не Донъ-Кихотъ,
Не посрамлю моихъ ударовъ.

Бестужевъ-Рюминъ безпрестанно печатно ругалъ Дельвига и въ издававшейся имъ въ 1829 г. «Сѣверной Звѣздѣ» дошелъ до нелѣпости, увѣряя, что половина стиховъ послѣдняго принадлежитъ Пушкину, а другая—Баратынскому.

Съ появленіемъ «Литературной Газеты», въ одномъ изъ первыхъ номеровъ которой было сказано, что она «у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ», брань журналистовъ противъ Дельвига усилилась. Они въ этомъ заявленіи увидѣли какое-то аристократическое стремленіе участниковъ газеты и разразились бранью, но уже не на одного Дельвига, но и на Пушкина.

Я не буду приводить выписокъ изъ тогда написаннаго противъ друзей-поэтовъ, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ очень хорошо разработанъ въ замѣчательной монографіи «Дельвигъ», составленной В. Гаевскимъ и помѣщенной въ «Современникѣ» 1853 г. и 1854 г. Я ограничусь только дополненіемъ къ этой монографіи того, что въ ней упущено по незнанію автора, или не помѣщено по причинамъ цензурнымъ, и что необходимо для связи въ моемъ разсказѣ.

Пушкина приводила въ негодованіе народившаяся въ 20-хъ годахъ особаго рода французская литература, состоявшая изъ записокъ и воспоминаній самыхъ безнравственныхъ и грязныхъ личностей. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Литературной Газеты» онъ упоминаетъ о скоромъ появленіи «Записокъ парижскаго палача Сампсона», которыхъ онъ ожидаетъ съ отвращеніемъ и спрашиваетъ между прочимъ: «На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ Сампсонъ свои мысли?».

Но эта статья о запискахъ Сампсона, написанная Пушкинымъ въ Петербургѣ и напечатанная въ отсутствіе Дельвига въ Москву, была только подготовленіемъ къ другой, присланной Пушкинымъ изъ Москвы къ Дельвигу съ тѣмъ, чтобы послѣдній ее напечаталъ въ томъ номерѣ, который долженъ былъ выйти въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 6-го апрѣля, въ видѣ краснаго яичка для Булгарина. Эта статья, мастерски написанная, говоритъ о появленіи книги «Записки шпіона Видока». Приведу ее почти всю съ показа-

ніемъ сходства между Видокомъ и Булгаринымъ; это сходство я припишу отъ себя въ скобкахъ. Вотъ эта статья.

«Въ одномъ изъ №№ «Литературной Газеты» упоминалось о запискахъ парижскаго палача: нравственныя сочиненія Видока (Булгаринъ только что напечаталъ нравственно-сатирическій романъ), полицейскаго сыщика (Булгаринъ былъ шпіономъ), суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

«Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища (Булгаринъ, послѣ службы въ польскомъ легіонѣ французской арміи, былъ присланъ въ Петербургъ подъ надзоръ полиціи), живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ (Булгаринъ былъ женатъ на публичной женщинѣ), отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго (Булгаринъ обвинялся въ воровствѣ у офицеровъ того легіона, въ которомъ служилъ), и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка. «Видокъ» въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ, un bon français (Булгаринъ, полякъ по происхожденію, всячески выставляетъ себя русскимъ патріотомъ), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое-нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ (Булгаринъ дѣйствительно служилъ и въ русской военной службѣ), и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона (Булгаринъ, служа во французской арміи, получилъ почетнаго легіона, а въ русской—анненскую саблю; онъ часто носилъ и легіонъ и маленькую саблю въ петлицѣ), возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ, officiers à la demi—solde. Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей (Булгаринъ въ это время безпрестанно хвастался дружбою Грибоѣдова), находившихся въ сношеніи съ нимъ. Кто молодъ не бывалъ? А Видокъ, человѣкъ услужливый, дѣловой. Онъ съ удивительною важностію толкуетъ о хорошемъ обществѣ (Булгаринъ точно также), какъ будто входъ въ оное можетъ быть ему дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ (Булгаринъ точно также), отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету; сужденія Видока о Казимірѣ де ла Винѣ, о Б. Конатанѣ (Булгарина о Пушкинѣ, Карамзинѣ) должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

«Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (Булгаринъ точно также); слогъ г-на Видока! Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ *враговъ* доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ и толкуетъ, не на шутку, о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній (Булгаринъ во всемъ этомъ поступалъ точно также). Раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи,

все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями священными для человѣческаго рода».

Книжная лавка Сленина, который, въ противоположность большей части книгопродавцевъ, заботился не только о своихъ выгодахъ, но и о пользѣ литературы, помѣщалась тогда на Невскомъ проспектѣ, близъ Казанскаго моста, во второмъ этажѣ дома Кожевникова. Журналисты и литераторы очень часто посѣщали ее. Дельвигъ, когда былъ здоровъ, и я, когда жилъ у него, бывали въ лавкѣ у Сленина каждый день и иногда у него завтракали. Но мы никогда не сходились въ ней съ Гречемъ и Булгаринымъ: часы посѣщенія были разные. На третій день по появленіи выше прописанной статьи Пушкина мы зашли къ Сленину, который намъ разсказалъ, что наканунѣ у него былъ Булгаринъ, взбѣшенный этою статьею, божась, крестясь и кланяясь низко передъ висѣвшею въ лавкѣ иконою, хотя онъ былъ католикъ, что между Видокомъ и имъ ничего нѣтъ общаго. Потомъ спрашивалъ: «Неужели въ этой статьѣ хотѣли представить меня?» и прибавлялъ: «нѣтъ, я въ кофейняхъ не бываю».

Статья эта надѣлала много шуму, но только литераторамъ былъ понятенъ намекъ въ ней на Булгарина. Чтобы сдѣлать его понятнымъ и публикѣ, были написаны разныя эпиграмы и стихотворенія, въ которыхъ имя Видока ставили рядомъ съ Фигляринымъ, подъ которымъ Булгаринъ былъ довольно извѣстенъ всей читающей публикѣ.

Съ этою цѣлію была написана Пушкинымъ, ходившая въ рукописи въ Москвѣ и Петербургѣ, эпиграмма, начинавшаяся стихами:

Не то бѣда, что ты полякъ;
Костюшка ляхъ, Мицкевичъ ляхъ,

и кончавшаяся стихомъ:

Но то бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

Булгаринъ, опасаясь, чтобы эта эпиграма не появилась въ печати и чтобы чрезъ это не объяснились намеки на него въ статьѣ Пушкина о запискахъ шпіона Видока, напечаталъ ее въ издававшемся имъ и Гречемъ журналѣ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» и послѣдній стихъ измѣнилъ слѣдующимъ образомъ:

«Но то бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ»,

черезъ что потерялась вся соль и цѣль эпиграмы и она дѣлалась пасквилемъ.

Булгаринъ при этомъ замѣчалъ, что поэтъ, котораго прославляютъ великимъ, распускаетъ въ публикѣ сочиняемые имъ пасквили.

Пушкинъ былъ очень разсерженъ этимъ поступкомъ Греча и Булгарина, говорилъ, что непремѣнно подастъ на нихъ жалобу за напечатаніе, безъ его согласія, написаннаго имъ стихотворенія, и на сдѣланное ими въ немъ измѣненіе. Пушкинъ былъ увѣренъ, что ихъ подвергнутъ взысканію и, между прочимъ, по какому-то неизвѣстному мнѣ закону, внесенію въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 руб. ассигн. за каждый стихъ, а такъ какъ они

одинъ стихъ ошибкою раздѣлили на два, то за эту ошибку съ нихъ взыщутъ еще лишнихъ 10 р., что особенно его забавляло. Чѣмъ это дѣло кончилось, я не знаю.

Въ это время Пушкинъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ нападковъ на его аристократическое направленіе, написалъ знаменитое стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Моя родословная», въ которомъ первыя шесть строфъ посвящены роду Пушкиныхъ, а послѣднія три строфы роду Ганнибала, отъ котораго происходила мать Пушкина.

Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ мѣщанинъ.
Что-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной:
Онъ на Мѣщанской дворянинъ.

Послѣдній стихъ намекаетъ на то, что жена Булгарина была взята изъ тѣхъ непотребныхъ домовъ, которыми изобилуетъ Мѣщанская улица.

Въ 1830 г. было написано много эпиграмъ на Булгарина разными стихотворцами; большею частію ихъ приписываютъ Пушкину. Слѣдующая эпиграмма, ходившая въ рукописи и приписывавшаяся ему, принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія князю Вяземскому:

Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный,
Въ немъ истинныхъ Сарматовъ кровь,
Смотрите, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь.
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ за орломъ французскимъ,
И въ битвахъ жизни былъ не радъ.
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей,
Уже не воинъ, ужъ писатель,
Ужъ русскій къ сраму нашихъ дней.
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ,
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя,
А русскихъ братствомъ запятналъ.

Для объясненія этой эпиграмы скажу, что данное въ эпиграмѣ Булгарину названіе «разстриги, самозванца» намекаетъ на романъ Булгарина «Дмитрій Самозванецъ». Въ 1829 г. начали выходить «Сочиненія Булгарина» въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, встрѣченныя нѣмецкими литераторами по ихъ достоинству. Издатели «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» старались всѣми способами скрыть сужденія нѣмцевъ объ этихъ сочиненіяхъ, но они появлялись въ переводѣ на страницахъ «Литературной Газеты» съ упрекомъ издателямъ вышеозначенныхъ журналовъ за ихъ неполный переводъ нѣмецкихъ сужденій. Такъ въ концѣ апрѣля въ «Литературной Газетѣ» помѣщенъ переводъ изъ «Галяевской литературной газеты» сужденія о сочиненіяхъ Булгарина. Выписываемъ изъ него только нѣсколько строкъ: «Извѣстіе автора о самомъ себѣ вовсе не занимательно, по крайней мѣрѣ для иностран-

ныхъ читателей, кромѣ того, что обнаруживаетъ благодарность автора къ образователямъ его ума. Мы узнаемъ только, что авторъ воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ; послѣ вступилъ въ военную службу; участвовалъ въ походѣ 1806—1807 г. противъ Наполеона, бывъ тогда уланскимъ корнетомъ, и въ финляндскомъ походѣ 1809 г. подъ начальствомъ Барклая де-Толли; далѣе *по необыкновенному случаю* (*неизвѣстно по какому?*) принужденъ былъ оставить военную службу (*неизвѣстно въ какомъ положеніи*) и приняться за перо; при чемъ извѣстный литераторъ Гречъ помогалъ ему въ русскомъ языкѣ, отъ котораго онъ отвыкъ, учась (?) иностраннымъ языкамъ во время своего продолжительнаго пребыванія за границею, и наконецъ, соединилъ съ журналомъ Греча свой прежній «Сѣверный Архивъ».

Впослѣдствіи Булгаринъ самъ писалъ и печаталъ, что онъ перешелъ послѣ 1809 г. во французскую военную службу, конечно, безъ разрѣшенія русскаго правительства и получилъ орденъ почетнаго легіона.

Вотъ еще эпиграма, приписываемая также Пушкину и напечатанная въ «Литературной Газетѣ», а принадлежащая, кажется, Сомову:

Весь свѣтъ увѣрить хочешь,
Что съ Чацкимъ былъ ты всѣхъ дружнѣй,
Ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй,
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

Большую часть эпиграмъ я пишу на память, а потому, можетъ быть, въ нихъ есть и невѣрности. Хотя я помню еще много эпиграмъ на Булгарина, написанныхъ въ это время, но не буду приводить ихъ здѣсь. Ограничусь только строфами изъ «Сумашедшаго дома» Воейкова, въ это же время написанными на Греча и на Булгарина.

Книгопродавецъ Смирдинъ, переводя свой магазинъ въ новое помѣщеніе, пригласилъ къ обѣду на новоселье до 120 человѣкъ. Между ними были Крыловъ, Жуковскій, Плетневъ, Сомовъ, Воейковъ, Гречъ, Булгаринъ. Дельвига въ это время уже не было въ живыхъ. Въ концѣ обѣда, когда порядкомъ выпили, нѣкоторые изъ гостей потребовали, чтобы Воейковъ прочиталъ строфы, написанныя имъ въ послѣднее время въ дополненіе къ весьма знаменитому тогда его стихотворенію: «Сумашедшій домъ». Воейковъ сидѣвшій противъ Греча и Булгарина, долго отказывался, но, наконецъ, согласился и прочелъ слѣдующее:

Тутъ кто? Гречъ, нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лохмотьевъ сшитъ,
Онъ цыганъ въ литературѣ,
А въ торговлѣ книжный жидъ.
Вспоминая о прошедшемъ,
Все дивлюся я тому,
Да зачѣмъ онъ въ сумашедшемъ,
Не въ смирительномъ дому?

Тутъ кто? Гречева собака
Увязалась какъ-то съ нимъ,
То Булгаринъ забіяка,
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ.
Но на чемъ же онъ помѣшанъ?
Совѣсть умъ убила въ немъ;
Все боится быть повѣшенъ
Или высѣченъ кнутомъ.

На этомъ Воейковъ остановился. Когда говорили ему, что есть еще нѣсколько стиховъ о Булгаринѣ, онъ увѣрялъ противное, но, наконецъ, согласился исполнить общее требованіе и прочелъ слѣдующіе стихи:

Сабля въ петлѣ, а французскій
Крестъ зачѣмъ же онъ забылъ?
Вѣдь его онъ кровью русской
И предательствомъ купилъ.

Какъ нарочно въ этотъ день Булгаринъ въ петлицѣ фрака имѣлъ анненскую саблю, а французскаго креста на немъ не было.

Послѣдніе стихи, прочтенные Воейковымъ, были про Полевого:

Онъ благороденъ, какъ Булгаринъ,
Онъ безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Эта сцена разнеслась по городу и дошла до Императора, который былъ ею недоволенъ, что, какъ говорили, и выразилъ Жуковскому.

Еще въ 1829 г. во многихъ журналахъ стихотворенія Пушкина подвергались брани, а въ нѣкоторыхъ задѣвали и личность автора, но въ 1830 г., съ появленіемъ «Литературной Газеты», брань сдѣлалась еще ожесточеннѣе. Конечно, вмѣстѣ съ Пушкинымъ такому же ожесточенному преслѣдованію журналистовъ подвергались Дельвигъ, Баратынскій и нѣкоторые изъ сотрудниковъ «Литературной Газеты». Писались цѣлыя статьи о Ряпушкинѣ, Африканѣ, Желтодомовѣ, Ѳомѣ Пищалинѣ, Мартиринѣ, баронѣ фонъ Габенихъ, Лѣнтяевѣ; подъ этими именами подразумѣвались Пушкинъ и Дельвигъ.

Но ничто такъ не возбудило общаго нападенія на Дельвига, какъ одно выраженіе, употребленное Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ въ его обозрѣніи русской словесности за 1829 г., помѣщенномъ въ альманахѣ «Денница на 1830 г.». Выписываемъ изъ этого обозрѣнія нѣсколько строкъ.

«Муза Дельвига была въ Греціи; она воспиталась подъ теплымъ небомъ Аттики; она наслушалась тамъ простыхъ и полныхъ, естественныхъ, свѣтлыхъ и правильныхъ звуковъ музы греческой, но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, если бы поэтъ не покрылъ ее нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія».

Кирѣевскому было тогда 23 года отъ роду; онъ былъ энтузіастъ, получившій большое образованіе; онъ тогда же началъ издавать журналъ «Европеецъ», который вполнѣ слѣдовалъ направленію идей европейскаго Запада и

былъ запрещенъ на второй книжкѣ. Кирѣевскій, оставаясь до смерти энтузіастомъ и благороднѣйшею личностію, сдѣлался впослѣдствіи отъявленнымъ славянсфиломъ, всегда высокоуважаемымъ и такъ называвшимися западниками.

Выраженіе Кирѣевскаго «душегрѣйкою новѣйшаго унынія», о которомъ говоритъ Пушкинъ, что это «выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи»,—подало поводъ къ насмѣшкамъ во многихъ журналахъ. Я не буду приводить ихъ; скажу только, что критическіе разборы въ «Литературной Газетѣ» романовъ Булгарина «Ивана Выжигина» и «Дмитрія Самозванца» и появившейся тогда «Исторіи русскаго народа» Полевого подлили еще болѣе масла въ ожесточенную борьбу этихъ двухъ журналистовъ, а за ними и другихъ.

Дельвигъ, при объявленіи въ октябрѣ 1830 г. объ изданіи «Литературной Газеты» въ слѣдующемъ 1831 г., ограничился слѣдующимъ отвѣтомъ непріязненнымъ ему журналистамъ:

«Нѣсколько журналистовъ, которымъ «Литературная Газета» кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей рѣшительный по ихъ мѣннію ударъ; они хотятъ въ концѣ года обрушить на нее страшную громаду брани, доведенной ими до nec plus ultra неприличія и грубости и тѣмъ отбить у нея подписчиковъ. Издатель «Литературной Газеты», привыкшій хладнокровнымъ презрѣніемъ отвѣчать на ихъ отчаянныя выходки, надѣется спокойно выдержать и сей въ тайнѣ приготовляющійся бурный натискъ. Онъ не будетъ отбраниваться даже и тогда, когда сверхъ всякаго чаянія демонъ корыстолюбія имъ овладѣваетъ, ибо вышеупомянутые журналисты безъ всякаго постороняяго участія вредятъ себѣ, ежедневно хвастая передъ читателями положительнымъ своимъ невѣжествомъ и ничуть не любезными душевными качествами».

Лѣто 1830 г. Дельвиги жили на берегу Невы, у самаго Крестовскаго перевоза. У нихъ было постоянно много посѣтителей. Французская іюльская революція тогда всѣхъ занимала, а такъ какъ о ней ничего не печатали, то единственнымъ средствомъ узнать что-либо было посѣщеніе знати. Пушкинъ большой охотникъ до этихъ посѣщеній, но постоянно отъ нихъ удерживаемый Дельвигомъ, котораго онъ во многомъ слушался, получилъ по вышеозначенной причинѣ дозволеніе посѣщать знать хотя ежедневно и привозить вѣсти о ходѣ дѣлъ въ Парижѣ. Нечего и говорить, что Пушкинъ пользовался этимъ дозволеніемъ и былъ постоянно веселъ, какъ говорятъ, въ своей тарелкѣ. Посѣтивши тѣ дома, гдѣ могли знать о ходѣ означенныхъ дѣлъ, онъ почти каждый день бывалъ у Дельвиговъ, у которыхъ проводилъ по нѣскольку часовъ. Пушкинъ былъ въ это время уже женихомъ. Общество Дельвига было оживлено въ это лѣто пріѣздомъ Льва Пушкина,—офицера Нижегородскаго Драгунскаго полка,—проводившаго почти все время у Дельвиговъ. Я въ началѣ мая окончилъ экзаменъ, а въ концѣ іюня надѣлъ офицерскій мундиръ и такимъ образомъ могъ жить у Дельвиговъ. Братъ Але-

ксандръ, по окончаніи лагернаго времени, также бывалъ у нихъ каждый день.

Время проводили тогда очень весело. Слушали великолѣпную роговую музыку Дмитрія Львовича Нарышкина, игравшую на рѣкѣ противъ самой дачи, занимаемой Дельвигами. Такая музыка могла существовать только при крѣпостномъ правѣ; съ его уничтоженіемъ, она сдѣлалась, по моему мнѣнію, невозможною, а потому такой уже болѣе въ Россіи не услышатъ. Но нельзя не сказать, что хоръ роговой музыки Нарышкина, состоявшій изъ очень большого числа музыкантовъ, былъ доведенъ до совершенства.

Чтеніе, музыка и разсказы Дельвига, а когда не бывало посторонихъ—и Пушкина, занимали насъ днемъ. Вечеромъ, на зарѣ закидывали неводъ, а позже ходили гулять по Крестовскому острову. Прогулки эти были тихія и покойныя. Разъ только вздумалось Пушкину, Дельвигу, Яковлеву и нѣсколькимъ другимъ ихъ сверстникамъ по лѣтамъ показать младшему поколѣнію, т.-е. мнѣ 17-лѣтнему и брату моему Александру 20-лѣтнему, какъ они вели себя въ наши годы и до какой степени молодежь сдѣлалась вялою сравнительно съ прежней.

Была уже темная августовская ночь. Мы всѣ зашли въ трактиръ на Крестовскомъ островѣ; съ нами была и жена Дельвига. На террасѣ трактира сидѣлъ какой-то господинъ совершенно одинокимъ. Вдругъ Дельвигу вздумалось, что это сидитъ шпіонъ и что его надо прогнать. Когда на это требованіе не поддались ни братъ, ни я, Дельвигъ самъ пошелъ заглядывать на тихо сидѣвшаго господина то съ правой, то съ лѣвой стороны, возвращался къ намъ съ остротами насчетъ того же господина и снова отправлялся къ нему. Братъ и я всячески упрашивали Дельвига перестать этотъ маневръ. Что ежели этотъ господинъ дастъ пощечину? Но наши благоразумные уговоры ни къ чему не повели. Дельвигъ довелъ сидѣвшаго на террасѣ господина своимъ приставаньемъ до того, что послѣдній ушелъ. Если бы Дельвигъ послушался насъ, то, конечно, Пушкинъ или кто-либо другой изъ бывшихъ съ нами ихъ сверстниковъ по возрасту замѣнилъ бы его. Тѣмъ страннѣе покажется эта сцена, что она происходила въ присутствіи жены Дельвига, которую надо было беречь, тѣмъ болѣе, что она кормила своею грудью трехмѣсячную дочь. Прогнавъ неизвѣстнаго господина съ террасы трактира, мы пошли гурьбою, а съ нами и жена Дельвига, по дорожкамъ Крестовскаго острова, и нѣкоторые изъ гурьбы приставали разными способами къ проходящимъ мужчинамъ, а когда братъ Александръ и я старались ихъ остановить, Пушкинъ и Дельвигъ намъ разсказывали о прогулкахъ, которыя они по выпускѣ изъ Лицея совершали по петербургскимъ улицамъ и объ ихъ разныхъ при этомъ проказахъ, и глумились надъ нами, юношами, не только ни къ кому не придирающимися, но даже останавливающими другихъ, которые 10-ю и болѣе годами насъ старѣе. Я очень боялся за брата Александра, чтобы онъ не разсердился на пристававшихъ къ прохожимъ, а

въ особенности на глумившихся надъ нами Пушкина и Дельвига, и, по своей вспыльчивости, не поссорился бы съ кѣмъ-либо, но все обошлось благополучно.

Прочитавъ описаніе этой прогулки, можно подумать, что Пушкинъ, Дельвигъ и всѣ другіе съ ними гулявшіе мужчины, за исключеніемъ брата Александра и меня, были пьяны, но я рѣшительно удостовѣряю, что этого не было, а просто захотѣлось имъ встряхнуть старинкою и показать ее намъ, молодому поколѣнію, какъ бы въ укоръ нашему болѣе серьезному и обдуманному поведенію. Я упомянулъ объ этой прогулкѣ собственно для того, чтобы дать понятіе о перемѣнѣ, обнаружившейся въ молодыхъ людяхъ въ истекшія 10 лѣтъ.

Я выше говорилъ объ аристократическомъ направленіи, въ которомъ журналисты упрекали Пушкина и Дельвига. Въ іюнѣ 1830 г. имъ до того это надоѣло, что они рѣшили отвѣчать двумя замѣтками, помѣщенными въ смѣси «Литературной Газеты». Шутя, въ моемъ присутствіи, они составили слѣдующія замѣтки, конечно, нисколько не ожидая тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которымъ онѣ были первою причиною. Въ виду этихъ послѣдствій, которыя я разскажу ниже, привожу здѣсь вполнѣ обѣ замѣтки.

Первая замѣтка:

«Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ не благосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то «les aristocrates à la lanterne». Замѣчательно, что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ, въ Россіи, государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскіе, легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія не способенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности, но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

«Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ,
«Убійца!» онъ вскричалъ; за что погибнулъ я?
— «Ты свѣтишь»—отвѣчаетъ.

«Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграму, помѣщенную въ 32-мъ № «Лит. Газ.»

Привожу также и эту эпиграму Баратынскаго:

«Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знаки?»
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.—
«Ага, нѣтъ дѣйствій безъ причинъ.
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?»—Потому
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права,
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ.—«Вотъ что».

Вторая замѣтка, напечатанная въ началѣ августа, была слѣдующаго содержанія:

«Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежавшихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, «Сѣверная Пчела» помнитъ, кто упрекалъ поминутно Полевого тѣмъ, что онъ купецъ *), кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальною нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ **). При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если бы же званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Не дворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки насчетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграмы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: «*аристократовъ къ фонарю*», и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «*повѣсимъ ихъ, повѣсимъ*». Avis aux lecteurs.

Вскорѣ по напечатаніи послѣдней замѣтки, которая, казалось, была равно какъ и первая вполнѣ согласна съ тогдашнимъ направленіемъ нашего правительства, Дельвигъ былъ потребованъ въ III-е Отдѣленіе Собственной канцеляріи Государя. Требованія въ это отдѣленіе были, конечно, непріятны въ высшей степени каждому. Для Дельвига же эта непріятность увеличивалась необходимостью встать рано и немедля выѣхать

*) Конечно, Гречъ и Булгаринъ.
**) Конечно, Пушкинъ и Дельвигъ.

изъ дома, что при его лѣни было ему невыносимо. Въ III-мъ Отдѣленіи бывшій Шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ далъ строгій выговоръ Дельвигу за означенныя замѣтки и предупреждалъ, что онъ впередъ за все, что ему не понравится въ «Литературной Газетѣ» въ цензурномъ отношеніи, будетъ строго взыскивать и, между прочимъ, долго добивался, откуда Дельвигъ знаетъ пѣсню: «les aristocrates a la lanterne». Конечно, Бенкендорфъ не читалъ замѣтокъ, за которыя выговаривалъ Дельвигу, а вызвалъ послѣдняго по доносу Булгарина, бывшаго тогда шпіономъ III-го Отдѣленія и обязаннаго по этой должности доносить преимущественно на литераторовъ. Въ этомъ же случаѣ Булгаринъ не только исполнялъ свои служебныя обязанности, но и увлекался чувствомъ ненависти къ Дельвигу и желаніемъ уничтожить его газету.

Вообще III-е Отдѣленіе канцеляріи Государя было въ то время очень придирчиво къ печати, но эта придирчивость еще болѣе усилилась со времени послѣдней французской революціи.

Впослѣдствіи еще раза два Бенкендорфъ призывалъ къ себѣ Дельвига и выговаривалъ ему за статьи «Литературной Газеты», не имѣвшія ничего противоцензурнаго, чего не допустилъ бы ни самъ Дельвигъ, потому что это было совершенно противно его понятіямъ, ни цензора газеты Щегловъ и Семеновъ, изъ которыхъ первый цензировалъ «Литературную Газету» съ ея начала до половины августа и снова послѣ нижеописанной катастрофы съ «Литературной Газетой», а послѣдній съ половины августа до этой катастрофы, которая состояла въ слѣдующемъ.

Въ настоящее время послѣднія страницы газетъ легко пополняются объявленіями, печатаніе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ статей дохода издателей. Въ то же время, когда оставалось пустое мѣсто въ концѣ газеты, встрѣчалось затрудненіе, чѣмъ его наполнить. Такъ случилось и съ номеромъ «Литературной Газеты», вышедшимъ въ концѣ октября 1830 г. Ко времени печатанія этого номера Дельвигъ получилъ письмо изъ Парижа, въ которомъ сообщалось четверостишіе, напечатанное въ концѣ газеты слѣдующимъ образомъ:

«Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагается воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля:

«France, dis--moi leurs noms. Je n'en vois paraître
Sur ce funèbre monument;
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus livre avant de les connaître».

Казалось, что въ этомъ четверостишіи нѣтъ ничего противоцензурнаго; но вышло совсѣмъ напротивъ. Правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы ничего касающагося послѣдней французской революціи не появлялось въ журналахъ, но не дало объ этомъ знать журналистамъ, а только однимъ цензорамъ. Въ ноябрѣ Бенкендорфъ снова потребовалъ къ себѣ Дельвига, который введенъ былъ къ нему въ кабинетъ въ при-

сутствіи жандармовъ. Бенкендорфъ самымъ грубымъ образомъ обратился къ Дельвигу съ вопросомъ: «Что ты опять печатаешь недозволенное?»

Выраженіе *ты* вмѣсто общеупотребительнаго *вы* не могло съ самаго начала этой сцены не подѣйствовать весьма непріятно на Дельвига. Послѣдній отвѣчалъ, что о сдѣланномъ распоряженіи не печатать ничего относящагося до послѣдней французской революціи онъ не зналъ, и что въ напечатанномъ четверостишіи, за которое онъ подвергся гнѣву, нѣтъ ничего недозволительнаго для печати. Бенкендорфъ объяснилъ, что онъ газеты, издаваемой Дельвигомъ, не читаетъ, и когда послѣдній, въ доказательство своихъ словъ, вынувъ изъ кармана номеръ газеты, хотѣлъ прочесть четверостишіе, Бенкендорфъ его до этого не допустилъ, сказавъ, что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что онъ троихъ друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземскаго уже упрячетъ если не теперь, то вскорѣ, въ Сибирь. Тогда Дельвигъ спросилъ, въ чемъ же онъ и двое другихъ названныхъ Бенкендорфомъ могли провиниться до такой степени, что должны вскорѣ подвергнуться ссылкѣ, и кто можетъ дѣлать такіе ложные доносы. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Дельвигъ собираетъ у себя молодыхъ людей, при чемъ происходятъ разговоры, которые возстановляютъ ихъ противъ правительства, и что на Дельвига донесъ человѣкъ, хорошо ему знакомый. Когда Дельвигъ возразилъ, что собирающееся у него общество говоритъ только о литературѣ, что большая часть бывающихъ у него посѣтителей или старѣе его, или однихъ съ нимъ лѣтъ, такъ какъ ему всего 32 года отъ роду, и что онъ между знакомыми своими не находитъ никого, кто бы могъ рѣшиться на ложные доносы, Бенкендорфъ сказалъ, что доноситъ Булгаринъ и если онъ знакомъ съ Бенкендорфомъ, то можетъ и подавно быть знакомъ съ Дельвигомъ. На возраженіе послѣдняго, что Булгаринъ у него никогда не бываетъ, а потому онъ его не считаетъ своимъ знакомымъ и полагаетъ, что Бенкендорфъ считаетъ Булгарина своимъ агентомъ, а не знакомымъ, Бенкендорфъ раскричался, выгналъ Дельвига словами: «вонъ, вонъ, я упрячу тебя съ твоими друзьями въ Сибирь».

Дельвигъ пріѣхалъ домой смущенный, разогорченный и оскорбленный. Подобная сцена произвела бы такое дѣйствіе на каждаго, но она еще сильнѣе дѣйствовала на Дельвига, по впечатлительности его натуры и потому, что онъ былъ преданъ душею не только Россіи, но Государю и его правительству, никогда не вдаваясь въ обсужденія дурныхъ распоряженій послѣдняго и замѣчая тѣмъ, кто при немъ вдавался, весьма рѣдко, въ подобныя осужденія, что трудно осуждать, не имѣя возможности знать всѣхъ подробностей дѣлаемыхъ распоряженій; а если и дѣлаются ошибки, то это въ натурѣ человѣка, и что гдѣ, кто и когда ихъ не дѣлалъ.

Немедленнымъ послѣдствіемъ этой сцены было запрещеніе продолжать изданіе «Литературной Газеты» и отставка цензора Семенова, который извинялся въ сдѣланномъ имъ пропускѣ четверостишія тѣмъ, что хорошо зная о направленіи Дельвига, который никогда

не подведетъ цензора подъ отвѣтственность, не обратилъ вниманія на то, что четверостишіе относилось къ послѣдней французской революціи, а не къ революціи прошедшаго столѣтія, о которой не упоминалось въ сдѣланномъ правительствомъ распоряженіи. Извиненіе нѣсколько странное въ виду того, что въ предшествовавшихъ четверостишію строкахъ «Литературной Газеты» именно были упомянуты дни 2, 7, 28 и 29 іюля.

Какъ объяснить грубое обращеніе Бенкендорфа съ Дельвигомъ и постоянное преслѣдованіе его и его друзей? Казалось бы, что при вниманіи, которое Бенкендорфъ обращалъ на нихъ, онъ долженъ былъ знать о пламенной любви Дельвига ко всему русскому, о баснословной въ наше время вѣрноподданнической его преданности Государю и о вышеописанномъ образѣ мыслей Дельвига относительно распоряженій правительства. Самое направленіе «Литерарурной Газеты» вполнѣ соотвѣтствовало изложенному нами образу мыслей Дельвига, а что онъ былъ человѣкъ прямой, честный, благородный, не умѣвшій ни притворяться, ни льстить, должно было также быть извѣстно Бенкендорфу. Помѣщенныя въ «Литературной Газетѣ» въ томъ же октябрѣ два стихотворенія показывали и образъ мыслей Дельвига, и направленіе его газеты.

Когда въ первый разъ посѣтила Москву холера, уносившая ежедневно большое число жертвъ и наведшая страхъ почти на всѣхъ, Государь немедля отправился въ Москву для ободренія народа и наблюденія за принятыми мѣрами къ пользованію заболѣвающихъ и ея скорѣйшему прекращенію. Дельвигъ восхищался этимъ безстрашіемъ Государя и очень радъ былъ, когда получилъ означенныя два стихотворенія, которыя поспѣшилъ напечатать. Привожу оба эти стихотворенія, первое подъ заглавіемъ «*Утѣшитель*», а второе «*Царь-Отецъ*».

УТѢШИТЕЛЬ.

Москва уныла; смерти страхъ
Престольный градъ опустошаетъ.
Но кто въ нее, взывая прахъ,
Навстрѣчу ужаса влетаетъ?
Петровъ потомокъ, Царь, какъ Онъ
Безстрашный духомъ, скорбный сердцемъ
Летитъ, услыша русскихъ стонъ,
Вѣнчаться душъ ихъ самодержцемъ.

Москва.

ЦАРЬ-ОТЕЦЪ.

Раздался-ль громъ войны въ предгоріи Балкана,
Кого встрѣчаемъ мы средь Русскихъ знаменъ стана?
Подъ Шумлой—въ заревѣ огней,
Подъ Варной, посреди морей?
Не изъ дворцовъ Невы роскошной
Предводитъ Кесарь-Полунощный
Своихъ воинственныхъ сыновъ;

Онъ грудью всталъ противъ враговъ.
Развился-ль язвы бичъ надъ древнею Москвою,
Кого встрѣчаетъ тамъ съ надеждою святою
Народъ признательный, и въ умиленьи зритъ?
Се Царь-Отецъ къ нему отрадою спѣшитъ.

С.-Петербургъ 16-го октября.

Даже послѣ сцены Бэнкендорфа съ Дельвигомъ нисколько не измѣнились чувства послѣдняго къ Россіи и образъ мыслей его о русскомъ правительствѣ; приведу этому доказательства.

26-го ноября 1830 г. братъ мой Александръ, бывшій въ это время батальоннымъ адъютантомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, долженъ быть идти на разводъ, куда очень звалъ и меня. Тогда вовсе не было страннымъ видѣть офицера корпуса инженеровъ путей сообщенія на разводахъ, и я уже не разъ бывалъ на нихъ, но въ этотъ разъ не пошелъ, о чемъ впослѣдствіи сожалѣлъ. Въ этотъ день Императоръ Николай, тогда цвѣтущій здоровьемъ и красотою, послѣ развода пригласилъ всѣхъ бывшихъ на разводѣ генераловъ и офицеровъ окружить его. Государь былъ верхомъ. Какъ только генералы и офицеры окружили его, онъ имъ сказалъ, что получилъ донесеніе отъ Цесаревича Константина Павловича № 2, такъ какъ донесеніе № 1 пропало (можно вообразить себѣ удивленіе офицеровъ при такомъ торжественномъ обращеніи къ нимъ Государя и о возможности пропажи донесенія Цесаревича къ Государю), что Цесаревичъ доноситъ о возмущеніи въ Варшавѣ, которую заставили его покинуть, и выразилъ увѣренность, что русскія войска, и въ томъ числѣ и гвардейскій корпусъ, если понадобится его послать для укрощенія мятежа, покажутъ извѣстную всему міру ихъ доблесть и преданность отечеству и Государю.

Генералы и офицеры при общихъ громогласныхъ крикахъ «ура» бросились цѣловать руки Государя и его лошадь. Сцена была самая торжественная.

Въ этотъ же день братъ разсказывалъ эту сцену за обѣдомъ у Дельвига, который, заявивъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ свое непріязненное чувство къ врагамъ Россіи и мятежникамъ противъ ея Государя, настаивалъ на томъ, что всякій русскій долженъ стать въ ряды войска и что онъ готовъ идти юнкеромъ въ любой полкъ, который пошлютъ противъ мятежниковъ.

Это было сказано безъ всякаго притворства, несмотря на счастіе Дельвига въ семейной жизни, увеличившееся рожденіемъ за полгода дочери, которая уже тогда была очень на него похожа и которую онъ страстно любилъ. Но глядя на его толстую фигуру и зная его постоянное и въ это время увеличившееся нездоровье, сидѣвшіе за обѣдомъ самые близкіе люди къ Дельвигу не могли не улыбнуться, услышавъ его предположеніе, на которомъ онъ сильно настаивалъ. Не надо думать, что это предположеніе Дельвига было слѣдствіемъ отчаянія, въ которое могла его по-

ставить сцена съ Бенкендорфомъ. Нѣтъ, онъ постоянно отдѣлялъ отечество и Государя отъ исполнителей, не всегда удачныхъ.

Трагедія Пушкина «Борисъ Годуновъ» вышла къ 1-му января 1831 г., и Дельвигъ началъ писать ея разборъ, не оконченный за его смертью. Въ первой статьѣ этого разбора, помѣщенной въ 1-мъ № «Литературной Газеты» на 1831 г., Дельвигъ, говоря о великихъ поэтахъ, которыхъ участь была провести всю жизнь на черствомъ хлѣбѣ и на водѣ, присовокупляетъ:

«Благодаря Бога, Пушкинъ не ровенъ съ сими свѣтилами горькою участью. Просвѣщенный Монархъ, котораго недавнее царствованіе ознаменовано уже столькими необыкновенными событіями, кои могли бы прославить цѣлое пятидесятилѣтіе, несмотря на разнообразныя царственныя заботы, находитъ мгновенія обратить живительное вниманіе свое на произведенія нашего поэта. Счастливо время, въ которое таланты не низкою лестію, а достоинствомъ не искательнымъ пріобрѣтаютъ высокое покровительство, и въ которое правда такъ богата истинною поэзіей».

Знавъ хорошо Дельвига, смѣю увѣрить, что это написано было имъ не для того, чтобы исправить то положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ запрещеніемъ ему издавать газету; нѣтъ, онъ на это не былъ способенъ. Это было продиктовано ему глубокимъ чувствомъ преданности къ своему Государю, чего можетъ быть уже никто не пойметъ въ наше время, а тѣмъ болѣе тогда, когда эти записки сдѣлаются общимъ достояніемъ, и подобныхъ-то людей преслѣдовали наши правительственные дѣятели.

Сцена между Бенкендорфомъ и Дельвигомъ сдѣлалась вскорѣ извѣстна всему городу. Изъ людей, близкихъ Дельвигу и имѣвшихъ нѣкоторое значеніе при Дворѣ, были Министръ юстиціи Дашковъ, у котораго Дельвигъ въ это время состоялъ на службѣ, товарищъ Министра внутреннихъ дѣлъ Блудовъ и Жуковскій.

Дашкова не было въ Петербургѣ, слѣдовательно онъ не могъ принять участія въ защитѣ Дельвига. На Жуковскаго, какъ на литератора, хотя и воспитателя Наслѣдника, не всегда смотрѣли дружелюбно. Оставался одинъ Блудовъ, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Дельвигу отговаривать его отъ подачи жалобы Государю на Бенкендорфа, говоря, что можно жаловаться Государю на всѣхъ, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа, что подобная жалоба поведетъ Дельвига только къ большимъ непріятностямъ, а онъ, имѣя жену и дочь, обязанъ стараться ихъ избѣгать. Блудовъ при этомъ бралъ на себя объяснить все Бенкендорфу и довести его до того, что онъ пріѣдетъ извиниться передъ Дельвигомъ и что дозволено будетъ продолжать изданіе «Литературной Газеты». Дельвигъ, въ душѣ увѣренный въ справедливости Государя, съ трудомъ согласился не подавать жалобы.

Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ къ Дельвигу, служившій при III Отдѣленіи канцеляріи Государя, чиновникъ 4-го класса Боголюбовъ (боюсь, не измѣнила ли мнѣ память, не ошибаюсь ли я въ фамиліи этого чинов-

ника) и приказалъ доложить, что онъ съ порученіемъ отъ Бенкендорфа. Означенный чиновникъ имѣлъ репутацію класть въ свой карманъ дорогія вещи, попадавшіяся ему подъ руку въ домахъ, которые онъ посѣщалъ. Дельвигъ вслѣдствіе этого сказалъ мнѣ, чтобы я убралъ со стола дорогія вещи, но таковыхъ, кромѣ часовъ и цѣпочки, не было, и я ушелъ съ ними изъ кабинета Дельвига, такъ какъ его разговоръ съ чиновникомъ долженъ былъ происходить безъ свидѣтелей.

По отъѣздѣ чиновника Дельвигъ сказалъ мнѣ, что Бенкендорфъ прислалъ заявить, что самъ по нездоровью не можетъ пріѣхать, а прислалъ извиниться въ томъ, что разгорячился при послѣднемъ свиданіи съ Дельвигомъ и что изданіе «Литературной Газеты» будетъ разрѣшено, но только подъ редакціей Сомова, а не Дельвига, такъ какъ уже состоялось Высочайшее повелѣніе о запрещеніи изданія подъ его редакціею.

Пушкинъ былъ тогда въ Москвѣ и долго ничего положительнаго не зналъ о происходившемъ, удивляясь только долгому замедленію въ выходѣ «Литературной Газеты».

Гречъ въ это время разсказывалъ, что Дельвигъ напрасно такъ огорчается поступкомъ Бенкендорфа, что все-таки время сдѣлало свое и Бенкендорфъ могъ обойтись съ Дельвигомъ хуже, приводя въ примѣръ обращеніе съ нимъ, Гречемъ, графа Аракчеева по поводу статьи, помѣщенной нѣкогда въ издаваемомъ имъ «Сынѣ Отечества» о конституціи, хотя онъ не преминулъ въ этой статьѣ упомянуть, насколько всякая конституція была бы вредна для такого государства, какъ Россія. Аракчеевъ позвалъ къ себѣ Греча, пригласилъ его сѣсть и когда онъ не садился, то схватилъ его за оба плеча и, насильно посадивъ, спросилъ его: что такое онъ напечаталъ о конституціи, и, не выслушавъ отвѣта Греча, сказалъ ему: «Вѣдь ты, Николай Ивановичъ, учился у ученыхъ нѣмцевъ, а я у пономаря», и, ударивъ Греча по носу книжкою, въ которой была помѣщена статья о конституціи, прибавилъ: «А онъ училъ меня, что конституція кнутъ; такъ, по нашему конституція—кнутъ, ученый Николай Ивановичъ».

Извиненіе Бенкендорфа нисколько не подѣйствовало на Дельвига къ лучшему. Онъ, всегда хворый и постоянно принимающій лекарства, заболѣлъ сильнѣе прежняго, такъ что пользовавшій его докторъ запретилъ ему выходить изъ дома. Нравственное состояніе Дельвига было самое грустное. Онъ впалъ въ апатію, не хотѣлъ никого видѣть, кромѣ самыхъ близкихъ, и принималъ постороннихъ лицъ весьма рѣдко.

Въ это время ежедневно у него обѣдали М. Л. Яковлевъ, Сомовъ, братъ Александръ и я, иногда князь Эристовъ, Плетневъ, Щастный и нѣкоторые другіе близкіе. Сомовъ, братъ Александръ и я оставались до ночи. Прежде никогда не играли въ карты въ домѣ Дельвига, теперь же каждый вечеръ послѣдніе трое и Дельвигъ садились играть въ бостонъ, за которымъ ставили все ремизы и игра не оканчивалась. Къ концу года ремизы дошли до очень значительной цифры, а въ послѣдній день этого года братъ

Александръ ушелъ въ польскій походъ. Такъ эта игра осталась безъ разсчета: двое изъ участвовавшихъ въ ней, Дельвигъ и братъ Александръ, умерли въ продолженіи слѣдующаго года, а Сомовъ вскорѣ послѣдовалъ за ними. Брата Александра провожалъ я пѣшкомъ до краснаго кабачка, гдѣ мы съ нимъ распрощались. Братъ былъ и нравственно и физически вполнѣ живымъ человѣкомъ. Мнѣ и въ голову не приходило, что это былъ послѣдній поцѣлуй на вѣчную разлуку.

Братъ Александръ передъ этимъ походомъ печаталъ «Ундину», свой переводъ подъ псевдонимомъ Влидге. Мнѣ оставалось просмотрѣть послѣдній корректурный листокъ. Переплетъ первыхъ экземпляровъ этой книги, вышедшей въ половинѣ января 1831 г., былъ траурный по случаю кончины Дельвига.

Здоровье Дельвига въ ноябрѣ и декабрѣ 1830 г. плохо поправлялось. Онъ не выходилъ изъ дома. Только 5-го января 1831 г. я съ нимъ былъ у Сленина и въ бывшемъ магазинѣ казенной бумажной фабрики, нынѣ Полякова, гдѣ Дельвигъ имѣлъ счета. На этихъ прогулкахъ онъ простудился и 11-го января почувствовалъ себя нехорошо. Однако утромъ еще пѣлъ съ акомпанементомъ на фортепіано, и послѣдняя пропѣтая имъ пѣсня была его сочиненія, начинающаяся слѣдующею строфою:

Дѣдушка, дѣвицы
Разъ мнѣ говорили,
Нѣтъ-ли небылицы
Иль старинной были?

Когда въ этотъ день Дельвигу сдѣлалось хуже, послали за его докторомъ Саломономъ, а я поѣхалъ за лейбъ-медикомъ Арендтомъ. Доктора эти пріѣхали вечеромъ, нашли Дельвига въ гнилой горячкѣ и подающимъ мало надежды къ выздоровленію.

Слушая въ это время курсъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, я долженъ былъ ежедневно тамъ бывать отъ 8 час. утра до 2-хъ пополудни и отъ 5 до половины 8-го вечеромъ, такъ что я могъ оставаться при больномъ Дельвигѣ только между 3-мя и 5-ю час. дня и по вечерамъ.

14-го января, придя по обыкновенію въ 8 часовъ вечера къ Дельвигу, я узналъ, что онъ за минуту передъ тѣмъ скончался. Не буду описывать того, до какой степени былъ я пораженъ этою смертію, явленіемъ для меня тогда новымъ, нисколько не ожиданнымъ,—равно страшной скорбью его жены и всѣхъ знавшихъ его близко.

17-го января въ день именинъ Дельвига были его похороны. Встрѣчавшіеся, узнавъ кого хоронятъ, очень сожалѣли о потерѣ сочинителя пѣсенъ, которыя были тогда очень распространены въ публикѣ. Тѣло Дельвига похоронено на Волковскомъ кладбищѣ. На преждевременной его могилѣ былъ въ ту же весну поставленъ его вдовою памятникъ.

Боясь, что смерть Дельвига убьетъ его мать и желая ее хотя нѣсколько къ этому подготовить, просили Булгарина, чтобы онъ въ первомъ выхо-

дящемъ номерѣ, издаваемой имъ «Сѣверной Пчелы», не извѣщалъ о смерти Дельвига, но Булгаринъ не исполнилъ этой просьбы.

Такимъ образомъ мать Дельвига узнала о его смерти изъ «Сѣверной Пчелы». Она надѣялась, что въ этомъ извѣщеніи говорилось не объ ея сынѣ, основываясь на томъ, что въ извѣщеніи Дельвигъ былъ названъ надворнымъ совѣтникомъ, а его семейство не знало о производствѣ его въ этотъ чинъ. Она полагала, что умеръ кто-либо другой, хотя въ извѣщеніи Дельвигъ былъ названъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ. Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, и потому извѣстіе о смерти Дельвига могло быть получено въ деревнѣ Чернскаго уѣзда Тульской губерніи, гдѣ жила его мать, гораздо позже 17-го января, дня его именинъ. Въ этотъ день въ церкви ошибкою поминали не за здравіе, а за упокой души барона Антона, что сильно встревожило мать и сестеръ Дельвига, отъ которыхъ я это слышалъ. Я не упомянулъ бы объ этой легко объясняемой ошибкѣ, если бы въ жизни Дельвига не происходило постоянно многаго кажущагося чуднымъ. Дельвигъ весьма болѣзненный, со дня рожденія, вовсе не говорилъ до четвертаго года. Онъ заговорилъ въ Чудовомъ монастырѣ, приложившись къ мощамъ Алексія Митрополита. Съ тѣхъ поръ воображеніе Дельвига сильно развивалось насчетъ умственныхъ способностей, развивавшихся весьма медленно. Онъ сдѣлался разсказчикомъ и пяти лѣтъ отъ роду разсказывалъ очень ясно о какомъ-то чудесномъ видѣніи. Это и послѣ повторялось. Пушкинъ, объясняя, что въ Лицеѣ память у Дельвига была тупа, понятія лѣнивы, но замѣтна была живость воображенія, присовокупляетъ:

— Однажды вздумалось ему (Дельвигу) разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 г., выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Директоръ Лицея Малиновскій скончался въ началѣ 1814 г., слѣдовательно Дельвигъ разсказывалъ о походѣ 1807 г., когда ему было не болѣе 15 лѣтъ. Если на кружокъ его товарищей лицеистовъ сильно подѣй-

ствовалъ этотъ разсказъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ дней они, а впослѣдствіи директоръ Лицея, заставляли его повторять этотъ разсказъ, не подававшій никому сомнѣнія въ его истинѣ, то можно утвердительно сказать, что воображеніе разсказчика было сильно развито, такъ какъ не только онъ, но и отецъ его не участвовалъ въ походѣ 1807 г., и Дельвигъ могъ слышать нѣсколько разсказовъ объ этомъ походѣ отъ участвовавшаго въ немъ моего отца. Отецъ Дельвига былъ въ это время Московскимъ плацъ-маіоромъ.

Въ бытность въ 1828 г. въ Петербургѣ Мицкевича, онъ часто бывалъ у Дельвига по вечерамъ и часто импровизировалъ разные разсказы. Дельвигъ также иногда, по просьбѣ Мицкевича, разсказывалъ о разныхъ видѣніяхъ своихъ и изображалъ разныя приключенія весьма живо и плавно.

Н. В. Левашевъ съ семействомъ пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ 1830 г. и поселился въ домѣ близъ Владимірской церкви, нынѣ (1872 г.) принадлежащемъ Каншину. Дельвигъ былъ очень друженъ съ этимъ семействомъ и, живя очень близко, почти каждый день съ нимъ видался. Дельвигъ и Н. В. Левашевъ условились въ томъ, что кто первый изъ нихъ умретъ, тотъ обязанъ явиться къ оставшемуся въ живыхъ съ тѣмъ, что если послѣдній испугается, то немедля удалиться. Левашевъ совершенно забылъ объ этомъ условіи, какъ спустя немного времени послѣ смерти Дельвига, вечеромъ, читая книгу, увидѣлъ приближающагося къ нему Дельвига. Левашевъ такъ испугался, что немедля побѣжалъ сказать о своемъ видѣніи, конечно, исчезнувшемъ, женѣ своей, которая напомнила ему о сдѣланномъ между ними условіи.

Я это нѣсколько разъ слышалъ отъ Левашева и отъ жены его, на дочери которыхъ я впослѣдствіи женился, при чемъ замѣчу, что Левашевъ не только не былъ человѣкомъ впечатлительнымъ, но по его образу мыслей и характеру подобное видѣніе могло ему пригрезиться менѣе, чѣмъ всякому другому. Да не подумаетъ читатель, что я легко вѣрю во все чудесное. Я только полагалъ, что не должно умалчивать о вышеупомянутыхъ разсказахъ.

Литераторы, близкіе къ Дельвигу, выразили печатно свою скорбь о его потерѣ.

Въ № 4 «Литературной Газеты» 16 января 1831 г., который начинался статьею «Женщины» съ подписью Н. Гоголь, въ первый разъ появившеюся въ печати, были помѣщены «Некрологъ Дельвига», написанный Плетневымъ, и «Къ гробу барона Дельвига» В. Туманскаго. Выписываемъ нѣсколько строкъ изъ некролога.

«Умъ Дельвига отъ природы былъ болѣе глубокъ, чѣмъ остеръ. Полнота и ясность литературныхъ свѣдѣній Дельвига были залогами успѣховъ его на новомъ (журнальномъ) поприщѣ. Разсматривая новыя книги, онъ уже изложилъ нѣсколько главнѣйшихъ своихъ мыслей о разныхъ отрасляхъ словесности».

Далѣе въ томъ же некрологѣ:

«Отъ одного присутствія Дельвига одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ, то обнималъ предметъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаній».

Въ той же газетѣ были напечатаны стихотворенія: «На смерть Дельвига» Гнѣдича, «Полетъ души» М. Деларю; его же «Къ могилѣ Дельвига», «Б. С. М. Д—гъ» (Баронессѣ Софьѣ Михайловнѣ Дельвигъ) и «Къ Лизанькѣ Дельвигъ» (дочери покойнаго) и барона Розена «Баронессѣ Елисаветѣ Антоновнѣ Дельвигъ» и «Тѣни друга».

Пушкинъ былъ пораженъ смертью Дельвига. Онъ находился тогда въ Москвѣ. Не могу не выписать здѣсь отрывка изъ его письма къ Плетневу отъ 21 января 1831 г.

«Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову (тестю Дельвига) объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно. Тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Баратынскій боленъ отъ огорченія».

Глубокая горесть видна во всѣхъ письмахъ Пушкина, въ которыхъ онъ упоминаетъ о потерѣ Дельвига. Такъ 31-го того же января онъ, между прочимъ, пишетъ Плетневу:

«Я узналъ его (Дельвига) въ Лицеѣ; былъ свидѣтелемъ перваго, не замѣченнаго развитія его поэтической души, и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина, Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ. Жизнь его богата не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами».

Извѣщая 21-го февраля Плетнева о своей женитьбѣ, Пушкинъ, между прочимъ, пишетъ:

«Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія».

Десять мѣсяцевъ послѣ смерти Дельвига Пушкинъ заканчиваетъ свое 19-е октября 1831 г. строфою:

И мнится, очередь за мною...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и честныхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

Скорбное воспоминаніе о Дельвигѣ вездѣ преслѣдуетъ Пушкина. Такъ, въ мастерской ваятеля, описанной въ стихотвореніи «Художнику», онъ обращается къ Дельвигу:

Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ,
Какъ бы онъ обнялъ тебя! Какъ бы гордился тобою!

Упомяну еще о помѣщенныхъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г., изданныхъ Пушкинымъ, стихотвореніяхъ Баратынскаго и Языкова, относящихся къ этой же потерѣ

Первое изъ стихотвореній Языкова начинается слѣдующею строфою:

А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Тамъ, гдѣ картинно обгибая
Брега, одѣтые въ гранитъ,
Нева, какъ небо, голубая,
Широководная шумитъ,
Жилъ-былъ поэтъ. Въ соблазны міра
Не увлеклась душа его;
Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира
Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была страстямъ земнымъ,
Звуча наитіемъ святымъ.

Другое стихотвореніе Языкова, озаглавленное «Пѣсня», начинается слѣдующею стрсфою:

Онъ былъ поэтъ; безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой,
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями,
Онъ красоту боготворилъ душой,
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

«Литературная Газета» послѣ Дельвига просуществовала всего полгода.

Не задолго до смерти Дельвига пріѣхалъ въ Петербургъ братъ его жены, Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ. Онъ служилъ въ гусарскомъ полку, стоявшемъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ женился на дочери помѣщика Россіенскаго уѣзда и вышелъ въ отставку. Отецъ его былъ очень недоволенъ этою свадьбою, полагая по своимъ аристократическимъ понятіямъ, что сынъ его, очень красивый молодой человѣкъ, могъ бы сдѣлать лучшую партію. М. А. Салтыковъ, по этимъ же понятіямъ, не очень былъ доволенъ и замужествомъ дочери за Дельвига, который не имѣлъ никакого состоянія и не могъ сдѣлать служебной карьеры. Онъ строгъ былъ въ этомъ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, а не къ себѣ, такъ какъ онъ, какъ уже было выше сказано, былъ женатъ на француженкѣ Ришаръ, конечно, не изъ аристократической фамиліи.

М. М. Салтыковъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, найдя Дельвига больнымъ, очень былъ этимъ недоволенъ, объясняя, что онъ пріѣхалъ покутить съ Дельвигомъ и что это не удастся. Онъ очень рѣдко бывалъ у Дельвига и всегда на короткое время.

Въ ночь послѣ смерти Дельвига М. М. Салтыковъ, М. Л. Яковлевъ и я спали въ одной комнатѣ на полу. Классы инженеровъ путей сообщенія начинались въ 8 часовъ утра, а потому я къ этому времени былъ уже въ Институтѣ, гдѣ, объяснивъ инспектору классовъ Резимону о понесенной мною потерѣ, получилъ позволеніе не приходить въ Институтъ до похоронъ Дельвига.

Я очень скоро вернулся въ квартиру, занимаемую Дельвигами, и только что вошелъ въ нее, какъ былъ пораженъ извѣстіемъ, переданнымъ мнѣ Салтыковымъ и Яковлевымъ, что не достаетъ денегъ, по ихъ разсчету, болѣе 60 тысячъ рублей ассигн. Они основывались на томъ, что Дельвигъ получилъ въ приданое за женою 100 тысячъ руб. ассигн., что его тесть сверхъ того прислалъ при рожденіи дочери Дельвига, ей въ подарокъ, какъ обыкновенно выражаются, на зубокъ, 5 тыс. руб. ассигн., а что нашлось заемныхъ писемъ на разныхъ лицъ всего до 40 тыс. руб. и немного наличными.

Это извѣстіе не только огорчило меня, но и удивило въ томъ отношеніи, что какъ могли успѣть въ какихъ нибудь два часа узнать объ этой потерѣ, зачѣмъ было такъ скоро разбирать бюро покойнаго, въ которомъ хранились разныя бумаги, вмѣсто того, чтобы его опечатать, какъ это водится обыкновенно. Салтыковъ и Яковлевъ не нашли нужнымъ дождаться моего возвращенія изъ Института для осмотра со мною бумагъ, вѣроятно потому, что считали меня за мальчика и знали, что у Дельвига не было никакой собственности. Однако же я былъ офицеръ, и потому было бы приличнѣе осмотрѣть бюро Дельвига при мнѣ. По роду жизни Дельвига деньги эти не могли быть имъ прожиты, тѣмъ болѣе, что по удостовѣренію Петра Степановича Молчанова, бывшаго статсъ-секретаремъ при Императорѣ Александрѣ I и въ это время слѣпого старца, Дельвигъ за два мѣсяца передъ смертію получилъ отъ него значительную сумму, которую Молчановъ былъ долженъ Дельвигу и которую послѣдній положилъ въ Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, какъ тогда называли сохранную казну. Билеты этой казны на предъявителя, или какъ было принято называть на неизвѣстнаго, видѣли у Дельвига не задолго до его смерти; ни одного такого билета въ бюро найдено не было.

Трудно предположить, чтобы билеты сохранной казны были потеряны Дельвигомъ, такъ какъ онъ, по полученіи долга отъ Молчанова, почти не выходилъ изъ дома. Наконецъ, если бы онъ ихъ обронилъ, то при всей своей безпечности, конечно, сталъ бы ихъ отыскивать.

Остается одно предположеніе, что билеты были украдены изъ бюро, которое не всегда бывало заперто. Но Дельвигъ послѣдніе дни свои лежалъ въ кабинетѣ, гдѣ стояло бюро, и около больного всегда было такъ много лицъ, что едва-ли кто либо рѣшился бы разбирать въ бюро бумаги и вынуть нѣкоторыя изъ нихъ. Весьма трудно дѣлать въ подобныхъ случаяхъ какія бы то ни

было предположенія, но я приведу тѣ, которыя тогда приходили въ голову нѣкоторымъ лицамъ. Первое подозрѣніе пало на камердинера Дельвига, но онъ былъ неграмотный, и потому не могъ различить билетовъ сохранной казны на предъявителя отъ частныхъ заемныхъ писемъ, а послѣднія были цѣлы. Конечно, нельзя было знать всѣ ли онѣ были на лицо, но почему то тогда же рѣшили, что не достаетъ собственно билетовъ сохранной казны на предъявителя и что если дѣйствительно они украдены, то человѣкомъ грамотнымъ, а потому неграмотнаго камердинера Дельвига оставили въ покоѣ, и даже о пропажѣ не было заявлено полиціи, что также не въ порядкѣ вещей.

Салтыковъ, родной братъ владѣлицы этихъ денегъ, и Яковлевъ, другъ Дельвига, были внѣ подозрѣнія не только по родству и дружбѣ, но и какъ люди вообще признаваемые за честныхъ. Они однако же не ушли отъ нареканія нѣкоторыхъ лицъ, увѣрявшихъ, что билеты унесены Яковлевымъ съ тѣмъ, чтобы вдову Дельвига, на которой, какъ вскорѣ оказалось, онъ полагалъ жениться, поставить въ такое положеніе, чтобы она не могла отказать ему. Салтыковъ могъ не знать о такомъ поступкѣ Яковлева, а если зналъ, то допустилъ его потому, что также желалъ, какъ это вскорѣ объяснилось, чтобы сестра его вышла вскорѣ замужъ за Яковлева. Но все это весьма невѣроятно. М. М. Салтыковъ жилъ впослѣдствіи въ Москвѣ, гдѣ въ пятидесятыхъ годахъ мы бывали другъ у друга. Мало знакомый съ Московскимъ обществомъ, онъ всегда однако же слылъ за добраго и благороднаго человѣка.

Въ самый день открытія пропажи денегъ Яковлевъ ѣздилъ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ вдова Дельвига желала похоронить мужа, но хотя могила стоила по узаконенной таксѣ только 800 руб. ассигн., всѣ другіе расходы на отпѣваніе и проч. доходили до 10.000 р., а потому объяснили вдовѣ Дельвига, что эта издержка превышаетъ ея средства, столь уменьшенныя оказавшеюся пропажею, и тогда рѣшили похоронить Дельвига на Волковомъ кладбищѣ.

Жена Дельвига не имѣла никогда никакого понятія о своихъ денежныхъ дѣлахъ и потому не могла ничего разъяснить. Говорили, что Дельвигъ записывалъ билеты въ календарь, но такой записки не нашли. Предсѣдателемъ Опекунскаго Совѣта былъ въ то время Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ, другъ отца С. М. Дельвигъ. Онъ приказалъ отыскать, не была ли внесена Дельвигомъ или кѣмъ либо въ послѣдніе два мѣсяца передъ смертію Дельвига на его имя, или на предъявителя, сумма приблизительно равная той, которую считали пропавшею, но все было тщетно, и эта значительная сумма пропала безъ слѣда.

М. А. Салтыковъ, очень скупой, въ сильныхъ выраженіяхъ обвинялъ покойнаго Дельвига въ томъ, что онъ истратилъ эти деньги, а если не истратилъ, то все же не умѣлъ сберечь.

Пропажа билетовъ подала поводъ разсмотрѣть всѣ бумаги Дельвига, которыхъ у него накопилось весьма много, такъ какъ онъ не рвалъ и не бросалъ большую часть получаемыхъ имъ писемъ. Время было тогда трудное,

очень опасались, что жандармы заберутъ бумаги Дельвига и во множествѣ сохранившихся писемъ найдутъ такія вещи, которыя могутъ скомпрометировать писавшихъ. Читать эти письма считали неприличнымъ. Къ тому же читать было некогда, боялись каждую минуту прихода жандармовъ. Поэтому брали письма и другія бумаги цѣлыми пачками и, удостовѣрясь, что въ нихъ нѣтъ денежныхъ документовъ, бросали ихъ въ большія корзины, и десятки этихъ корзинъ побросали въ печь.

Г. Гаевскій въ своей монографіи: «Дельвигъ», говоритъ: «по смерти Дельвига въ 1831 г. оба поэта (Пушкинъ, Баратынскій), разбирая бумаги покойнаго и не желая, чтобы переписка ихъ перешла въ недостойныя руки, уничтожили (говорятъ) свои письма, и такимъ образомъ русская литература лишилась, можетъ быть, образцовыхъ и во всякомъ случаѣ весьма замѣчательныхъ произведеній». Къ этому Гаевскій присовокупляетъ: «это свѣдѣніе, весьма впрочемъ сомнительное, сообщено чрезъ посредство барона А. И. Дельвига (т.-е. меня) вдовою поэта».

Не знаю, почему Гаевскій усомнился въ уничтоженіи означенныхъ писемъ, которое производилось въ моемъ присутствіи. Онъ только неправильно указалъ на то, что будто бы письма Дельвига были уничтожены Пушкинымъ и Баратынскимъ, чего я ему никогда не могъ сообщить. Они были уничтожены Яковлевымъ, Щастнымъ и нѣкоторыми другими лицами въ моемъ присутствіи, чѣмъ они занимались безпрерывно въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ, и это дѣлано было безъ согласія Пушкина и Баратынскаго, бывшихъ въ это время въ Москвѣ.

Вскорѣ послѣ смерти Дельвига вдова его переѣхала съ Владимірской улицы въ домъ, находящійся рядомъ съ Владимірскою церковью въ Кузнечномъ переулкѣ, нынѣ (1872 г.) принадлежащій Каншину. Она наняла небольшую квартирку на дворѣ. Фасъ на улицу былъ занятъ хорошими ея знакомыми Левашевыми. С. М. Дельвигъ полагала въ началѣ лѣта уѣхать въ Москву къ отцу, а потомъ въ деревню къ свекрови, и тогда распорядиться дальнѣйшею своею жизнью. Она часто сравнивала свое положеніе съ положеніемъ моей матери, такъ какъ отецъ мой умеръ почти въ тѣхъ же лѣтахъ, какъ и А. А. Дельвигъ, и такъ какъ мать моя осталась вдовою тѣхъ же лѣтъ, какъ и она, но при средствахъ еще меньшихъ и съ четырьмя дѣтьми. Мать моя всецѣло посвятила себя воспитанію своихъ дѣтей. С. М. Дельвигъ также хотѣла посвятить всю свою остальную жизнь своей дочери, которой при смерти ея отца было всего 8 мѣсяцевъ.

По недостатку средствъ она не могла болѣе платить въ пансіонъ за малолѣтнихъ братьевъ покойнаго ея мужа, которые остались жить у нея. Обученіе ихъ я принялъ на себя, для чего каждый день, по окончаніи въ 2 часа пополудни лекцій въ Институтѣ, въ которомъ я слушалъ тогда курсъ, приходилъ къ С. М. Дельвигъ, занимался съ ними полтора часа и, пообѣдавъ, возвращался въ Институтъ, гдѣ были лекціи по вечерамъ, кромѣ субботы, отъ 5 до 7½ ч. Принявъ на себя обученіе моихъ двоюродныхъ братьевъ, я долженъ былъ покинуть преподаваніе математиче-

скихъ наукъ, которымъ я занимался для увеличенія моихъ денежныхъ средствъ, такъ какъ я не могъ жить получаемымъ содержаніемъ, всего 710 р. асс. въ годъ, и незначительнымъ пособіемъ, получаемымъ отъ моей матери.

Всѣ знакомые Дельвига продолжали посѣщать его вдову. Всѣхъ чаще бывали Плетневъ и Деларю. Сомовъ же и Яковлевъ бывали почти каждый день. Я обѣдалъ у нея каждый день и проводилъ вечера, а подъ воскресенья и праздники, когда мнѣ не надо было рано утромъ спѣшить въ Институтъ, оставался ночевать.

Дядя Е. М. Гурбандтъ бывалъ попрежнему рѣдко. Онъ былъ очень обиженъ тѣмъ, что въ послѣдніе три дня опасной болѣзни Дельвига ему, близкому родственнику и доктору, не дали о ней знать. На другой день смерти Дельвига онъ убѣждалъ вдову послѣдняго, чтобы она не горевала, такъ какъ хотя его и жалко, но все же онъ былъ «вертопрашникъ», такъ какъ всѣ Дельвиги, по его мнѣнію, были «вертопрашники». Плохо говоря по русски, онъ такимъ образомъ искажалъ слово «вертопрахъ». Это наименованіе вполнѣ было бы справедливо примѣчить къ нему, а вовсе не ко всѣмъ Дельвигамъ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти Дельвига, какъ вдова его получила отъ Яковлева письмо, въ которомъ онъ дѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ. Она была и огорчена и оскорблена этимъ письмомъ по весьма понятнымъ причинамъ. Яковлевъ въ домѣ Дельвига всегда считался какимъ то низшимъ существомъ, и если къ нему были расположены въ обществѣ Дельвига, то только потому, что онъ былъ товарищемъ послѣдняго по Лицею и забавнымъ подчасъ шутникомъ. Письмо Яковлева было очень длинное. Послѣ объясненія въ страстной любви и предложенія, онъ на нѣсколькихъ страницахъ сообщалъ о своихъ денежныхъ средствахъ и описывалъ планъ будущаго житья, если С. М. Дельвигъ согласится на его предложеніе, при чемъ не упустилъ сказать, что при таковомъ согласіи является и то удобство, что до ихъ свадьбы у него можетъ оставаться принадлежащая С. М. Дельвигъ мебель, которая, при переѣздѣ ея на небольшую квартиру, не могла въ ней помѣститься и была на время перевезена къ Яковлеву, жившему въ домѣ II отдѣленія Собственной канцеляріи Государя, находившемся тогда на Литейной, въ казенномъ домѣ, принадлежащемъ нынѣ (1872 г.) Пелю.

М. М. Салтыковъ въ то время прислалъ изъ деревни письмо къ сестрѣ своей, въ которомъ убѣждалъ ее согласиться на предложеніе Яковлева.

С. М. Дельвигъ, воспитанная въ пансіонѣ, сохранила, при своемъ большомъ умѣ и образованіи, многія понятія женскихъ институтовъ и пансіоновъ и вовсе не понимала условій практической жизни. Она не могла имъ научиться, проведя все время своего замужества въ мужскомъ обществѣ, очень рѣдко посѣщая или принимая у себя дамъ. Конечно, и послѣ смерти Дельвига она видѣла то же общество, т.-е. почти одчихъ мужчинъ. У нея не было въ Петербургѣ ни одной женщины, подруги или по крайней мѣрѣ на

столько ей близкой, чтобы она могла съ нею посовѣтоваться въ затруднительныхъ случаяхъ.

Она, не зная что дѣлать съ полученнымъ ею письмомъ, не хотѣла объ этомъ совѣтоваться съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ мужчинъ. Пришлось ей совѣтоваться съ однимъ мною, 17-лѣтнимъ юношею, столь же мало знакомымъ, какъ и она, съ условіями общественной жизни. Она мнѣ сказала, что намѣрена написать Яковлеву отказъ, при чемъ, принимая во вниманіе отношенія его къ ея покойному мужу, смягчить выраженія этого отказа. Я находилъ, что подобныя письма слѣдуетъ оставлять безъ отвѣта, а С. М. Дельвигъ, по своимъ пансіонскимъ понятіямъ, полагала, что не отвѣчать на письма неучтиво, но послѣдовала моему совѣту. Яковлевъ пересталъ ходить къ ней и черезъ недѣлю, не получая отвѣта, снова прислалъ письмо, въ которомъ, повторяя изложенное въ первомъ письмѣ о своей любви, присовокупляетъ, что, понимая и раздѣляя вполнѣ ея горе, онъ готовъ ожидать сколько ей будетъ угодно того времени, когда она его осчастливитъ своимъ согласіемъ, и просилъ только, чтобы она ему отвѣтила и подала ему хотя нѣкоторую надежду. Письмо это, также огорчившее С. М. Дельвигъ, осталось, какъ и первое, безъ отвѣта.

Каждый день, по приходѣ изъ Института, предъ занятіями съ двоюродными моими братьями, я варилъ маленькой дочери Дельвига на канфоркѣ кашку. Эта любовь моя къ дочери С. М. Дельвигъ, мои ежедневныя посѣщенія и ея одиночество связали насъ еще большею дружбою, и понятно, что въ 17-лѣтнемъ юношѣ эта дружба вскорѣ замѣнилась другимъ чувствомъ. Я не хотѣлъ разыгрывать роли Яковлева и скрывалъ это чувство ото всѣхъ, но разъ, варя кашку племянницѣ при С. М. Дельвигъ, вѣроятно, проговорился, самъ того не замѣчая. С. М. Дельвигъ мнѣ очень сурово замѣтила мой поступокъ и показала видъ, что желаетъ, чтобы я ее оставилъ.

Придя домой, я былъ въ отчаяніи. Никакъ не могъ припомнить, что изъ сказаннаго мною могло такъ сильно ей не понравиться. Въ то же время мнѣ показалось, что всегдашній мой другъ А. И. Баландинъ сдѣлался ко мнѣ холоднѣе. Мнѣ необходимо было съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ подѣлиться моими чувствами, и я написалъ длинное письмо къ Баландину, въ которомъ говорю, что я нахожусь въ самомъ несчастномъ положеніи, потерявъ Дельвига, разойдясь съ его вдовою и видя холодность Баландина ко мнѣ, при чемъ умолялъ его возвратить мнѣ прежнюю дружбу и тѣмъ поддержать меня. Это письмо было преисполнено самымъ глубокихъ чувствъ, очень удачно выраженныхъ. Впослѣдствіи я уже не писалъ болѣе такихъ поэтическихъ посланій, частію потому, что по роду моихъ занятій я отсталъ отъ поэтическаго направленія и что съ лѣтами вообще чувства притуплялись. Баландинъ увѣрилъ меня, что и не думалъ измѣняться въ отношеніи ко мнѣ.

Непріятныя отношенія мои къ С. М. Дельвигъ также очень скоро измѣнились. Я вскорѣ началъ снова къ ней ходить ежедневно и проводить у нея время попрежнему. 7-го мая, въ день рожденія моей племянницы, я ве-

черомъ уѣхалъ въ Москву, куда вскорѣ собиралась ѣхать С. М. Дельвигъ съ дочерью. Слѣдовательно мы разстались не надолго.

Теперь перехожу къ описанію моего рода жизни внѣ семьи Дельвига и моего ученія въ Институтѣ въ 1830 г. и 1831 г.

Въ Петергофѣ 1-го іюля, по случаю празднованія дня рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны, была великолѣпная иллюминація и общій ужинъ во дворцѣ. На этомъ гуляньѣ всѣ должны были быть въ полной парадной формѣ. Къ этому дню у меня еще не была сшита офицерская шинель. Я гулялъ все время въ одномъ мундирѣ, перевязанный серебрянымъ шарфомъ. Опоздавъ на пароходъ, я принужденъ былъ итти подъ дождемъ почти черезъ весь Петергофъ пѣшкомъ, пока нашелъ извозчика до Петербурга. Ѣхали мы тихо, а дождь не переставалъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ промоченный насквозь до рубашки. Серебряныя петлицы на мундирѣ были совсѣмъ попорчены. Треугольную пуховую шляпу пришлось бросить. Для человѣка съ малыми денежными средствами это была не послѣдняя бѣда. Всегда довольно неряшливый въ одеждѣ, я вдругъ очутился въ старомъ мундирѣ, тогда какъ у всѣхъ товарищей все было ново съ иголочки, что во мнѣ развило еще бо̀льшую неряшливость. Не такъ скоро я собрался со средствами, чтобы сшить себѣ новый мундиръ. Треугольную шляпу мнѣ подарилъ Левъ Пушкинъ, который въ это время уѣзжалъ на Кавказъ. Шляпа была фабрики Циммермана лучшаго сорта и стоила тогда новая 60 руб. асс. По незначительномъ ея исправленіи она сдѣлалась какъ бы новою; я не могъ бы имѣть такой франтовской шляпы на свои средства.

Первое время по производствѣ въ офицеры я жилъ на дачѣ у Дельвига близъ Крестовскаго перевоза. Извозчиковъ нанимать было не на что, а пѣшкомъ ходить ежедневно было очень трудно, въ особенности при тогдашней моей болѣзни. Въ августѣ начался курсъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, и братъ Александръ вернулся изъ лагеря. Тогда я переѣхалъ къ нему, въ казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, въ которыхъ онъ имѣлъ квартиру, состоявшую изъ одной большой комнаты о двухъ окнахъ. Въ ней были перегородки до потолка, которыя образовали небольшой корридоръ, небольшую спальную комнату, гдѣ стояли двѣ кровати со столикомъ и шкапомъ, и чистую комнату съ окнами, въ которой было всего два стула. Мы все собирались купить мебель, но не имѣли средствъ. Братъ, чувствуя недостатокъ образованія, полученнаго имъ въ кадетскомъ корпусѣ, много занимался. Для его занятій столъ изъ спальни переносился въ свѣтлую комнату, а мнѣ, вмѣсто стола, служилъ одинъ изъ подоконниковъ. Прислуживалъ намъ обоимъ казенный деньщикъ брата. Ходили мы почти каждый день обѣдать сначала къ Гурбандту, а по возвращеніи съ дачи Дельвиговъ—къ нимъ. Тогда было много дней, въ которые не позволялось носить сюртуковъ, а всѣ должны были быть въ мундирахъ, и потому мы проводили въ мундирахъ цѣлые дни. Когда мы проходили по Царицынскому лугу, братъ часто замѣчалъ, кому можетъ придти въ голову, что два молодыхъ офицера, въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, не имѣя ни копѣйки въ

карманѣ, каждый день идутъ искать обѣда за нѣсколько верстъ. Братъ былъ большой щеголь; платье сидѣло на немъ отлично и всегда было какъ новое, притомъ онъ вполнѣ зналъ фронтовую службу.

По своимъ благороднымъ чувствамъ и вспыльчивому характеру братъ Александръ не могъ никому изъ офицеровъ своего полка простить поступка, который, по его понятіямъ, не соотвѣтствовалъ офицерскому достоинству. Въ случаѣ ссоры между офицерами полка онъ всегда бралъ сторону праваго, такъ что былъ разъ избранъ въ секунданты дуэли, не смотря на то, что онъ передъ тѣмъ не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ противниковъ. О дуэли узнало начальство, она не состоялась, и братъ отдѣлался тѣмъ, что просидѣлъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ,—при тогдашней строгости взысканіе очень легкое. Вслѣдствіе частаго вмѣшательства брата въ распри между офицерами, онъ, конечно, не удержался бы въ гвардіи, если бы не особое къ нему расположеніе великаго князя Михаила Павловича, командовавшаго тогда гвардіею. Братъ по грамотности и по другимъ достоинствамъ, вскорѣ по производствѣ въ прапорщики, былъ назначенъ батальоннымъ адъютантомъ и черезъ это часто видалъ великаго князя, который не могъ его не замѣтить, а доходившіе до великаго князя проступки брата соотвѣтствовали рыцарскимъ чувствамъ Его Высочества. Командиромъ полка былъ въ это время генералъ-маіоръ Арбузовъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и генералъ отъ инфантеріи, командовавшій всею гвардейскою пѣхотою, который, напротивъ, не очень долюбливалъ брата, называя его ученымъ. Между тѣмъ онъ часто повторялъ, что какъ бы онъ ни разбранилъ офицера, хотя бы дуракомъ, все же съ нимъ еще помирится, а кого назоветъ ученымъ, съ тѣмъ никогда. Мы не имѣли ни карманныхъ, ни стѣнныхъ часовъ въ нашей квартирѣ. Между тѣмъ я долженъ былъ каждый день въ 8 час. утра быть въ Институтѣ и за опаздыванье офицеровъ оставляли подъ арестомъ отъ 2 до 5 час. пополудни, т.-е. отбирали шпаги и черезъ это лишали обѣда. Чтобы не подвергаться взысканію, я всегда вставалъ рано, сейчасъ же одѣвался и шелъ въ Институтъ. Иногда это бывало такъ рано, что идешь мимо гостиннаго, апраксина и щукина дворовъ, когда еще собаки, стерегущія лавки, бѣгаютъ передъ ними на цѣпяхъ, а фонари еще не потушены, несмотря на то, что ихъ тушили гораздо ранѣе, чѣмъ теперь. Въ эти дни я являлся въ Институтъ такъ рано, что приходилось будить сторожей.

31 декабря 1830 г. братъ Александръ ушелъ въ польскій походъ. Изъ казармъ я переѣхалъ въ Кузнецкій переулокъ въ домъ Сивкова, рядомъ съ старообрядческою церковію Св. Николая. Тогда на дворѣ этого дома былъ довольно большой деревянный флигель, въ которомъ жилъ самъ домовладѣлецъ, мой товарищъ по Институту, и деревянный сарай; надъ нимъ была устроена очень простая комната, въ которую вела наружная крутая лѣстница. Эту комнату я нанялъ, разсчитывая, что въ ней буду только спать, проводя цѣлые дни въ Институтѣ, или у Дельвига, жившаго на Владимірской по близости. Черезъ двѣ недѣли его не стало, но квартира, нанятая его вдовою, была еще ближе къ моей квартирѣ.

Кромѣ Дельвиговъ и Гурбандта я бывалъ часто у Плетнева, у котораго литературные вечера при жизни Дельвига были по субботамъ, а послѣ его смерти по воскресеньямъ и средамъ. По этимъ днямъ литературные вечера Плетнева постоянно продолжались въ теченіе 25 лѣтъ до отъѣзда его по болѣзни за границу. На эти вечера, впрочемъ, являлось менѣе литераторовъ, чѣмъ къ Дельвигу. Бывалъ я, конечно, и у нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ, но такъ какъ эти знакомства не представляютъ ничего интереснаго, то нечего о нихъ и говорить. Упомяну только о вечерахъ у моего товарища инженеръ-прапорщика Якова Ивановича Пятова, бывшаго впослѣдствіи долго секретаремъ Нижегородскаго дворянства. Онъ былъ сынъ потомственнаго почетнаго гражданина и нижегородскаго городскаго головы, считавшагося очень умнымъ и богатымъ человѣкомъ. Я его не зналъ, а потому объ умѣ его не сужу, а о богатствѣ могу сказать, что оно было воображаемое, судя по наслѣдству оставленному имъ двумъ его сыновьямъ. Изъ всѣхъ моихъ товарищей одинъ Пятовъ получалъ изъ дома достаточное, особливо по тому времени, содержаніе въ 6000 р. асс. въ годъ. При его акуратности онъ могъ жить очень хорошо. Онъ нанималъ чистую, хорошо отдѣланную квартиру у Семеновскаго моста. Товарищи считали его неспособнымъ къ наукамъ и вообще тупымъ, но собирались у него по вечерамъ, на которыхъ всегда бывалъ ужинъ, а передъ тѣмъ игра въ карты и разговоры, относившіеся къ Институту, въ которомъ мы учились.

Во 2-ой бригадѣ Института, какъ тогда называли классъ, въ которомъ обучались инженеръ-прапорщики,—главные предметы преподаванія были: аналитическая механика, приложенія къ начертательной геометріи, физика; химія, архитектура и военныя науки. Первую преподавалъ профессоръ инженеръ-полковникъ Ламе; приложенія къ начертательной геометріи—профессоръ инженеръ-полковникъ Севастьяновъ; физику—инженеръ-маіоръ Скальскій; химію—академикъ Гессъ; архитектуру—профессоръ Жако, а военныя науки вмѣсто профессора генералъ-маіора Шефлера его репетиторъ, инженеръ-маіоръ Языковъ. Всѣ они уже померли.

Профессора института, полковники Ламе и Клапейронъ, были горными инженерами во Франціи и отличными воспитанниками Парижской политехнической школы. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ они были выписаны для преподаванія высшихъ наукъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія и приняты въ русскую службу маіорами корпуса инженеровъ путей сообщенія, оставаясь французскими подданными. Клапейронъ читалъ въ 1-ой бригадѣ, какъ назывался тогда классъ инженеръ-подпоручиковъ, курсъ построенія и прикладную механику.

Ламе былъ человѣкъ положительный, глубоко ученый, пріятной наружности и изящныхъ формъ; читалъ лекціи краснорѣчиво и твердо зналъ, что читалъ. Онъ женился въ Россіи на воспитанницѣ княгини Голицыной, извѣстной подъ названіемъ «Princesse nocturne».

Клапейронъ былъ, напротивъ, человѣкъ взбалмошный, наружностію и формами французской rotierier, не всегда твердо зналъ читаемыя имъ лекціи и

часто затруднялся въ математическихъ выкладкахъ, но отъ природы способнѣе Ламе, который много выигрывалъ старательнымъ изученіемъ преподаваемыхъ имъ предметовъ.

Ламе и Клапейронъ въ Россіи были дружны между собою, они написали вмѣстѣ много научныхъ статей; между прочимъ укажу на данное ими въ 1823 г. графическое опредѣленіе точекъ перелома въ сводѣ; они вообще принесли весьма большую пользу Институту инженеровъ путей сообщенія.

Послѣ іюльской революціи ихъ обоихъ предваряли, чтобы они свои мнѣнія объ этой революціи держали про себя. Это имъ было подтверждено и послѣ Варшавскаго мятежа. Ламе повиновался, но Клапейронъ пробалтывался. Вслѣдствіе этого въ декабрѣ герцогъ Александръ Виртембергскій, конечно, по приказанію Императора, объявилъ ему о томъ, что онъ командируется въ Вытегру, какъ профессоръ строительнаго искусства, съ тѣмъ, чтобы онъ познакомился съ нашими искусственными водяными путями и впослѣдствіи могъ дать совѣты для ихъ улучшенія.

Всѣ отговорки, служившія къ тому чтобы не ѣхать, были приведены Клапейрономъ, и не знаніе русскаго языка, и зимнее суровое время года, и нездоровье; ничего не помогло. Онъ былъ посланъ въ Вытегру, откуда возвратился только лѣтомъ слѣдующаго года. Въ это время король французовъ Луи-Филиппъ пожаловалъ Ламе и Клапейрону кавалерскіе знаки ордена почетнаго легіона, которые Императоръ Николай запретилъ имъ носить на ихъ военныхъ мундирахъ. Это распоряженіе было тѣмъ страннѣе, что ордена были ими получены за отличіе въ наукахъ и что въ то же время директору Института генералу Базену, получившему командорскіе знаки того же ордена, взамѣнъ имѣвшейся у него низшей степени, дозволено было надѣть эти знаки. Правда, что Базенъ и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшіе товарищи приняли уже въ то время присягу на русское подданство.

Ламе и Клапейронъ были до того обижены запрещеніемъ имъ носить свой орденъ, что осенью 1831 г. вышли въ отставку и уѣхали во Францію.

Они оба уже имѣли русскіе ордена Анны 2 ст. съ алмазами и Владиміра 4 ст. При отставкѣ одинъ Ламе получилъ орденъ Св. Станислава 2 ст. со звѣздою.

По возвращеніи въ Парижъ Ламе продолжалъ заниматься учеными трудами, издалъ замѣчательный курсъ физики и былъ вскорѣ избранъ въ члены французскаго института. Клапейронъ же пустился въ предпріятія по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, разбогатѣлъ и былъ также избранъ, но гораздо позже, въ члены французскаго института. Я бывалъ у нихъ въ Парижѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ламе очень старымъ, глухимъ, болѣзненнымъ и потерявшимъ память. Онъ нанималъ въ Латинскомъ кварталѣ Парижа очень небольшую квартиру въ 5-мъ, если не въ 6-мъ этажѣ. Меня онъ не узналъ и не могъ припомнить, но съ удовольствіемъ отзывался о времени, проведенномъ имъ въ Россіи, и относился къ ней съ благодарностію. Клапейрона же я видѣлъ въ собственномъ его большомъ домѣ близъ церкви Св. Магдалины. Онъ еще былъ свѣжимъ мужчиною и казался здоровымъ. Это

было въ 1860 г., когда нѣкоторые изъ французскихъ инженеровъ, приглашенные въ Россію Главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, уже успѣли выказать свою неразсчетливость, безтолковость и даже незнаніе въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ. Мнѣ извѣстно было, что учредители Главнаго общества въ началѣ имѣли намѣреніе пригласить Клапейрона въ главные директора предпринятыхъ ими желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и что это предположеніе не состоялось частію потому, что Клапейронъ не хотѣлъ круглый годъ жить въ Россіи, а частію потому, что Клапейронъ имѣлъ во Франціи званіе только старшаго инженера 1-го класса, а означенные учредители полагали, что если главный директоръ Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ имѣть званіе французскаго главнаго инспектора дорогъ и мостовъ, которое имѣлъ Колиньонъ, то это произведетъ въ Россіи болѣе эффекта. Въ этомъ они ошиблись: то и другое званія были извѣстны весьма малому числу русскихъ, и вообще публика была къ французскому званію главнаго директора желѣзныхъ дорогъ Главнаго общества вполнѣ равнодушна. Въ разговорѣ моемъ съ Клапейрономъ я заявилъ ему сожалѣніе, что онъ не принялъ означенной должности, такъ какъ она ему была бы сподручнѣе не только по большой его опытности въ дѣлѣ постройки дорогъ, но и по знакомству съ Россіею и съ ея инженерами, изъ которыхъ многіе съ удовольствіемъ вспоминаютъ, что они его ученики. Мы могли надѣяться, что онъ сдѣлалъ бы лучшій выборъ инженеровъ для постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Жена Клапейрона замѣтила, что она часто слышитъ отъ всѣхъ русскихъ такой отзывъ о французскихъ инженерахъ, строющихъ дороги въ Россіи. Клапейронъ, развалясь въ креслахъ и положивъ ноги въ каминъ такъ, что можно было опасаться, что они загорятся, извинялъ выборъ инженеровъ въ Россію тѣмъ, что хорошіе французскіе инженеры имѣютъ и дома довольно дѣла; сверхъ того, они же строятъ и эксплоатируютъ дороги въ Испаніи, Италіи и Австріи, земляхъ пограничныхъ съ Франціею, находящихся въ одинаковыхъ климатическихъ съ Франціею условіяхъ, а иногда и въ лучшихъ, при однородной цивилизаціи. Понятно, что французскіе инженеры охотнѣе идутъ въ эти страны, чѣмъ въ отдаленную Россію съ ея суровымъ климатомъ и отсталою своеобразною цивилизаціею. Въ такомъ положеніи дѣла надо было довольствоваться остаткомъ (le reste). Жена Клапейрона очень любезная дама, постоянно вмѣшивавшаяся въ разговоръ, замѣтила на это: «Cela doit être, d'après tout ce que j'entends dire, un beau reste». (Это долженъ быть по всему тому, что я слышу, прекрасный остатокъ). Клапейронъ спросилъ меня, между прочимъ, поѣхалъ ли бы я въ Китай, если бы меня пригласили строить желѣзныя дороги, и на мой отрицательный отвѣтъ сказалъ: «А вѣдь климатъ въ Китаѣ лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, да по общему здѣсь мнѣнію и китайская образованность ближе къ русской образованности, чѣмъ эта послѣдняя къ французской».

По отъѣздѣ Ламе изъ Россіи преподаваніе въ Институтѣ высшей математики было поручено академику Буняковскому, а аналитической механики—академику Остроградскому, такъ что въ этомъ отношеніи Институтъ

не былъ въ потерѣ. Насколько старались избирать лучшихъ профессоровъ для преподаванія въ Институтѣ математическихъ наукъ, настолько же мало обращали вниманія на познанія и способности преподавателей другихъ предметовъ, чему приведу слѣдующіе примѣры.

Во 2-ой бригадѣ (прапорщичьемъ классѣ) преподавалъ военнослужебную переписку оберъ-аудиторъ штаба корпуса путей сообщенія, чиновникъ 5-го класса Максимъ Максимовичъ Богомоловъ, произведенный изъ писарей, не получившій никакого образованія. Трудно себѣ представить, до какой степени безтолково и даже безграмотно былъ составленъ небольшой курсъ, по которому мы изучали военно-служебную переписку. Тотъ же Богомоловъ преподавалъ въ 3-ей бригадѣ (портупей-прапорщичьемъ классѣ) военные законы. Это преподаваніе состояло въ томъ, что воспитанники обязаны были выучить наизусть къ каждому его уроку три или четыре строки изъ военнаго артикула Петра Великаго, и часто въ этихъ строкахъ не было смысла, потому что для осмысленія ихъ надо было выучить часть слѣдующей строки, но воспитанники массою противились, чтобы задаваемъ былъ такой трудный урокъ, крича: «Максіомъ Максіомовичъ (не знаю, почему такъ коверкали его имя), вѣдь это слишкомъ трудно выучить, вѣдь вашъ предметъ труднѣе математики».

Старикъ былъ доволенъ тѣмъ, что его предметъ находили такимъ труднымъ, и соглашался задавать урокъ, не имѣвшій смысла. Онъ любилъ, чтобы до его прихода урокъ былъ написанъ на черной доскѣ, стоявшей передъ каѳедрой, видя въ этомъ желаніе воспитанниковъ заняться приготовленіемъ къ его уроку. Занятіе въ его классѣ состояло въ томъ, что онъ заставлялъ всѣхъ воспитанниковъ по очереди повторять заданный имъ урокъ. Тотъ, кто его не зналъ, могъ отвѣчать, читая урокъ, написанный на доскѣ. Воспитанники позволяли себѣ съ Богомоловымъ всякія школьничества. Одинъ изъ нихъ, родомъ итальянецъ, Пеццони, даже перепрыгивалъ черезъ его плечи, когда онъ сидѣлъ на каѳедрѣ; это называлось играть въ чехарду. Въ прапорщичьемъ классѣ также шалили въ классѣ Богомолова, но нѣсколько менѣе.

Когда профессоръ военныхъ наукъ въ офицерскихъ классахъ, генералъ-маіоръ Шефлеръ, былъ замѣненъ маіоромъ Языковымъ, то преподаваніе тактики въ 3 бригадѣ (портупей-прапорщичьемъ классѣ) поручено было капитану корпуса инженеровъ путей сообщенія Сумцову (впослѣдствіи генералъ-маіоръ въ отставкѣ), не имѣвшему никакого понятія объ этой наукѣ. Онъ въ преподаваніи тактики дѣлалъ видимыя ошибки, надъ которыми я явно подтрунивалъ, напр., онъ никакъ не могъ разставить по мѣстамъ офицеровъ въ батальонномъ ученьѣ; я ему подсказывалъ такъ, чтобы его спутать; онъ слѣдовалъ моему подсказыванію, и только послѣ нѣсколькихъ неправильностей замѣчалъ, что я нарочно его ввожу въ ошибки. Впослѣдствіи онъ никогда не могъ мнѣ простить этихъ шутокъ.

Резимонъ, поручая одному изъ учителей математики преподавать

всеобщую исторію, очень былъ недоволенъ его отказомъ, основанномъ на томъ, что этотъ преподаватель никогда самъ не учился исторіи. Резимонъ говаривалъ: «Всякій долженъ быть всегда готовъ къ преподаванію всѣхъ наукъ, за исключеніемъ математическихъ; прикажите мнѣ завтра преподавать китайскій языкъ, и я буду учить ему».

Ученіе мое въ прапорщичьемъ классѣ шло еще хуже, чѣмъ въ портупей-прапорщичьемъ. Большою помѣхою къ ученью было: желаніе бывать по возможности часто у Дельвиговъ, а по смерти Дельвига у вдовы его; уроки, даваемые мною изъ математики за деньги для поддержанія своего существованія, а по смерти Дельвига обученіе его двухъ братьевъ; дурное помѣщеніе въ Павловскихъ казармахъ и еще худшее, нанятое мною съ 1-го января. Принявъ въ соображеніе, что 17 лѣтній юноша вырвался на свободу, можно будетъ понять, что онъ, при означенной обстановкѣ, разъ уйдя изъ дома, въ него возвращался только для сна, вслѣдствіе чего слушанныя въ Институтѣ лекціи почти никогда не повторялись мною.

Изученіе аналитической механики было мнѣ легко. Мнѣ случалось иногда, послѣ лекціи Ламе, изъ школьничества занять его мѣсто, и передразнивая его, безъ всякаго пособія, повторять прочитанную имъ лекцію. Впрочемъ, постоянныя разъясненія этихъ лекцій адресовавшимся ко мнѣ моимъ малопонятливымъ товарищамъ были для меня наилучшимъ изученіемъ предмета. Вслѣдствіе этого я имѣлъ постоянно отличные баллы изъ аналитической механики. Также легко было бы мнѣ имѣть такіе же баллы изъ физики, такъ какъ большая часть ея курса была наполнена математическими исчисленіями, столь для меня легкими. Но я школьничествомъ испортилъ свои баллы изъ физики слѣдующимъ образомъ. Когда преподаватель физики Скальскій читалъ лекцію объ опредѣленіи уравненія той кривой, при которой падаетъ дождь, я по болѣзни не былъ на лекціи. На слѣдующей лекціи, когда Скальскій сказалъ, что онъ на послѣдней лекціи остановился на опредѣленіи этой кривой, я, слыша объ этомъ въ первый разъ, громко захохоталъ, сказавъ, что и дождю безъ опредѣляемыхъ уравненіями кривыхъ не дозволяютъ падать. Скальскій вызвалъ меня къ доскѣ и требовалъ отъ меня опредѣлить уравненіе упомянутой кривой. Я, не слыхавъ читанной имъ лекціи и самъ не пройдя ее по имѣвшейся литографированной тетради, не могъ ничего объяснить и получилъ отмѣтку балловъ 0. Каждый изъ балловъ, получаемыхъ на репетиціяхъ, дѣйствовалъ на годовой баллъ, а за симъ и на средній переходный, и потому этотъ послѣдній изъ физики былъ у меня посредственный. Прочими предметами, въ которыхъ требовалась одна память, я совсѣмъ пренебрегалъ, пробѣгалъ литографированные курсы этихъ предметовъ безъ вниманія и то не всегда, а потому мои средніе баллы по этимъ наукамъ были 6 или нѣсколько болѣе. Полные баллы, которые ставились по всѣмъ предметамъ преподавателями и экзаменаторами, равнялись 10. Кто имѣлъ въ среднемъ исчисленіи менѣе 6 балловъ, тотъ лишался права на переходъ въ высшій классъ. Изученіе разныхъ приложеній къ начертательной гео-

метріи требовало особой способности къ чертежамъ, которой у меня вовсе не было, а потому и здѣсь баллы мои были средственные. Совершенная неспособность къ рисованію и черченію заставляла меня дѣлать мои чертежи и рисунки чужими руками, но такъ какъ въ офицерскомъ классѣ товарищи мои, не оставаясь въ Институтѣ внѣклассное время, не могли мнѣ въ этомъ пособлять какъ въ портупей-прапорщичьемъ классѣ, то я нанималъ кадетъ Института для изготовленія мнѣ чертежей и рисунковъ. Переноска досокъ, на которыхъ они были наклеены, изъ офицерскаго класса въ кадетскіе и обратно, всегда производилась съ затрудненіями: я постоянно опасался, чтобы не замѣтили, что я загребаю жаръ чужими руками.

По этой причинѣ я иногда ко времени классовъ черченія и рисованія не получалъ моихъ досокъ изъ кадетскихъ классовъ и сидѣлъ въ классѣ безъ дѣла или уходилъ куда-нибудь, когда преподаватели или инспекторъ классовъ Резимонъ осматривали наши работы. Это, конечно, было замѣчено. Подозрѣвали, что я по лѣности не самъ черчу и рисую, а потому баллы за рисованіе и черченіе я получилъ также посредственные.

Изъ аналитической механики должны были на публичномъ экзаменѣ отвѣчать инженеръ-прапорщики Ястржембскій и Пассекъ. Затѣмъ изъ всѣхъ другихъ предметовъ мои баллы были до того посредственны, что я вполнѣ былъ увѣренъ, что на этотъ разъ избавлюсь отъ публичнаго экзамена. Дѣйствительно, я уже былъ назначенъ на практику къ изысканіямъ по устройству шоссе отъ Москвы до Бобруйска, производившимся подъ управленіемъ инженеръ-маіора Павла Филипповича Четверикова получилъ подорожную и прогонныя деньги до Москвы и уже откланялся Резимону, какъ вдругъ получилъ отъ него приказаніе явиться въ Институтъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что инженеръ-прапорщикъ Левъ Роппъ, которому предполагалось отвѣчать на публичномъ экзаменѣ изъ военныхъ наукъ, заболѣлъ, и что я долженъ его замѣнить. Я представлялъ Резимону, что по моимъ балламъ (6) изъ военныхъ наукъ онъ можетъ судить, какъ мало я ихъ знаю, что и этихъ балловъ я не заслуживалъ, а поставлены они изъ снисхожденія, чтобы изъ за второстепеннаго предмета не оставить меня на другой годъ въ томъ же классѣ, и что самъ Резимонъ не находилъ меня достойнымъ отвѣчать на публичномъ экзаменѣ, такъ какъ я получилъ уже командировку на практику въ Москву. Резимонъ ублажалъ меня, увѣряя, что я не былъ назначенъ на публичный экзаменъ изъ какого-нибудь опредѣленнаго предмета потому, что онъ держалъ меня въ резервѣ для всѣхъ предметовъ, что къ этому побуждали его мои способности и что остается нѣсколько дней до экзамена, въ которые я могу изучить подъ руководствомъ Языкова объ фортификаціи, преподававшіяся въ прапорщичьемъ классѣ. Нечего было дѣлать: увѣренный уже, что перейду въ подпоручичій классъ, я потерялъ эту увѣренность, потому что могъ быть отставленъ отъ производства въ случаѣ дурного отвѣта на публичномъ экзаменѣ.

Когда я пришелъ къ Языкову объявить ему приказаніе Резимона, онъ совсѣмъ упалъ духомъ. За два года передъ этимъ изъ тѣхъ же предметовъ на публичномъ экзаменѣ дурно отвѣчалъ Альбрандтъ, бывшій впослѣдствіи начальникомъ округа путей сообщенія въ Тифлисѣ. Альбрандтъ за это былъ переведенъ въ подпоручичій классъ тѣмъ же чиномъ, а репетиторъ военныхъ наукъ Языковъ посаженъ подъ арестъ, чего онъ, съ назначеніемъ меня къ публичному экзамену, опасался и на этотъ разъ. Языковъ и я сомнѣвались въ болѣзни Роппа и полагали, что онъ, какъ нѣмецъ, разсчелъ, что ничего не выиграетъ, если экзаменъ пройдетъ хорошо, а въ противномъ случаѣ много проиграетъ и потому нашелъ лучшимъ сказаться больнымъ. Можетъ быть, мы и ошибались. Роппъ, какъ увидятъ изъ дальнѣйшаго моего разсказа, былъ человѣкъ замѣчательной честности и вообще человѣкъ хорошій.

Какъ ни поверхностно было преподаваніе фортификацій въ Институтѣ, но приготовиться въ нѣсколько дней къ публичному экзамену, даже при хорошей памяти, было невозможно, а потому я рѣшился изучить подробно одинъ вопросъ: начертаніе общей профили долговременнаго укрѣпленія.

Когда на публичномъ экзаменѣ я былъ вызванъ къ доскѣ герцогомъ Виртембергскимъ, Его Высочество предложилъ знаменитому генералу Жомини дать мнѣ вопросъ изъ фортификацій. Жомини приказалъ мнѣ начертить и объясчить Кармонтеневу систему. Я въ эту минуту увидалъ, что Языковъ, сидѣвшій въ заднихъ рядахъ между посѣтителями, закрылъ лицо руками и упалъ на стулъ. Я уже смѣло отвѣчалъ, что для возможности объяснить Кармонтеневу систему надо знать начертаніе общей профили долговременнаго укрѣпленія, и вычертилъ ее съ надлежащими разясненіями, что потребовало довольно много времени, и потому когда, окончивъ этотъ вопросъ, хотѣлъ перейти къ объясненію Кармонтеневой системы, то мнѣ приказали ограничиться общимъ изложеніемъ этой системы, что я могъ исполнить хорошо и потому тутъ же получилъ особенную благодарность герцога, который на этомъ же экзаменѣ прогналъ отъ доски Пассека за то, что на заданный ему по французски вопросъ изъ аналитической механики, онъ началъ отвѣчать по русски. Пассеку особенно не счастливилось у герцога. Въ то время пѣхота не носила усовъ. Когда къ празднику Пасхи вышло Высочайшее повелѣніе о ношеніи усовъ пѣхотою, мы на третій день Пасхи являлись поздравлять герцога съ праздникомъ. Замѣтивъ, что Пассекъ отпустилъ усы, герцогъ выгналъ его изъ своей залы, заявивъ, что онъ не отдавалъ еще приказа по корпусу о ношеніи усовъ, а вслѣдъ за тѣмъ объявилъ въ приказѣ, что Высочайшее повелѣніе объ усахъ не распространяется на корпусъ путей сообщенія.

Только въ 1848 г. было разрѣшено носить усы офицерамъ этого корпуса по настоянію генерала Дестрема, который, увѣряя, что потеря зубовъ мѣшаетъ ему сбривать усы, просилъ или дозволить ихъ носить при мундирѣ инженеровъ путей сообщенія, или дать ему другой мундиръ, при которомъ ношеніе усовъ разрѣшено.

Герцогъ Виртембергскій въ 1831 г. былъ лѣтъ 60 отъ роду, очень высокій ростомъ и чрезвычайно полный, а огромная шишка на лбу еще болѣе его уродовала. Онъ былъ очень вспыльчивъ, не понималъ русскаго языка. Увѣряли, что онъ по русски знаетъ только два слова: «сто паликъ», которыя онъ назначалъ нижнимъ чинамъ, когда былъ ими недоволенъ. Всѣми дѣлами по вѣдомству путей сообщенія при немъ заправляли: адъютантъ его инженеръ-полковникъ Девятникъ, дежурный штабъ-офицеръ корпуса путей сообщенія инженеръ-полковникъ Варенцовъ и директоръ департамента путей сообщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Борейша. Первый имѣлъ общее вліяніе, второй—на личный составъ, а послѣдній, умершій недавно въ крайней бѣдности, на хозяйственную часть. У герцога каждый день дежурили, въ теперешней швейцарской дома Министра путей сообщенія, одинъ изъ его адъютантовъ, одинъ изъ инженеръ-прапорщиковъ, умѣвшихъ хорошо объясняться по французски, и врачъ. Обыкновенно всѣ распускались послѣ обѣда. Въ первое мое дежурство дежурнымъ адъютантомъ былъ графъ Комаровскій. Когда начали подавать кушанья за обѣдомъ, Комаровскій, только посмотрѣвъ на нихъ, ихъ отсылалъ. На второмъ блюдѣ я замѣтилъ ему, что если онъ не хочетъ ѣсть, то можетъ не ѣсть, а я очень хочу. Онъ отвѣчалъ, что онъ знакомъ съ подаваемыми кушаньями: они такъ дурны, что онъ не совѣтуетъ мнѣ ихъ даже отвѣдывать. Такимъ образомъ я вышелъ изъ-за стола голодный. Вообще столъ для дежурныхъ у герцога былъ всегда дуренъ, хотя онъ самъ ѣлъ много и, говорятъ, хорошо. Причиною этому былъ, конечно, безпорядокъ болѣе, чѣмъ скупость.

Кстати, теперь же разскажу мои дальнѣйшія сношенія съ генераломъ Жомини. Братъ моей жены Валерій Левашевъ женился на родной его внучкѣ, дочери его дочери, Зиновьевой. Левашевы въ 1858 г., когда я ѣхалъ за границу, просили меня заѣхать въ Парижъ къ ихъ престарѣлому дѣду. Я очень радъ былъ увидѣть еще разъ эту знаменитость. Я понравился генералу Жомини. Онъ меня нѣсколько разъ звалъ обѣдать запросто. Я нашелъ бодраго старика, только очень глухого. Онъ о многомъ говорилъ со мною, но въ особенности его занимала послѣдняя война Россіи съ Франціей. Онъ былъ швейцарецъ, очень не любилъ французовъ и, состоя на русской службѣ генералъ-адъютантомъ Государя, счелъ, несмотря на глубокую старость, своей обязанностью, въ началѣ войны 1853 г., пріѣхать въ Петербургъ и представить свой планъ кампаніи, въ которомъ онъ, по его словамъ, предсказывалъ высадку непріятеля въ Крымъ Ему сказано было, что его планъ будетъ разсмотрѣнъ и Государь его позоветъ. Проходили недѣли, его не звали. Онъ понялъ, что его планомъ кампаніи никто не занимается, просилъ аудіенціи, которую постоянно откладывали и, наконецъ, онъ, ссылаясь на свою старость и болѣзненное положеніе, не позволяющее ему далѣе оставаться въ петербургскомъ климатѣ, просилъ дозволенія уѣхать. Это дозволеніе ему было немедля дано, и онъ уѣхалъ въ Брюссель, откуда переѣхалъ въ Парижъ по заключеніи

мира. Послѣ 1858 г. въ каждый мой пріѣздъ въ Парижъ, до самой смерти Жомини, я постоянно бывалъ у него. Онъ видимо ослабѣвалъ. Но еще въ 1860 г. онъ мнѣ далъ довольно длинное открытое рекомендательное письмо къ Бельгійскому военному министру барону Шазелю, которое онъ все написалъ при мнѣ очень скоро, не зачеркнувъ ни одного слова и почеркомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему каллиграфу.

Вечеромъ 7-го мая 1831 г. я съ однимъ изъ моихъ товарищей выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву на перекладной,—такъ называлась простая телѣга, которую мѣняли вмѣстѣ съ лошадьми на каждой почтовой станціи, для чего приходилось перекладывать всѣ вещи ѣдущихъ. Шоссе между столицами на многихъ протяженіяхъ еще не было окончено; проѣздъ по этимъ протяженіямъ былъ весьма неудобный. Зато проѣздъ по отдѣланному шоссе былъ превосходенъ. Въ ночь съ 8-го на 9-е мая мы проѣзжали по шоссе, проведенному по Валдайскимъ горамъ. Тогда каждый почтовый перегонъ между станціями былъ около 30 верстъ, только въ Валдайскихъ горахъ перегоны были гораздо короче и даже былъ перегонъ въ 16 верстъ. Ямщики, на обязанности которыхъ лежала перевозка почтъ и пассажировъ за опредѣленныя прогонныя деньги, не имѣли права возить пассажировъ болѣе одной станціи, чтобы не отнимать работу у своихъ сосѣдей. Нашъ ямщикъ, пользуясь ночнымъ временемъ и тѣмъ, что я съ моимъ товарищемъ заснули, проскакалъ мимо трехъ почтовыхъ станцій, сдѣлавъ такимъ образомъ болѣе 90 верстъ безъ остановки и по 12 верстъ въ часъ. По тогдашней дешевизнѣ овса и сѣна, подобная ѣзда въ легкихъ экипажахъ и по шоссе была выгодна для ямщиковъ, несмотря на незначительность прогонныхъ денегъ, которыя и въ настоящее время (1872 г.), будучи нѣсколько повышены противъ прежняго, составляютъ только по 3 к. на версту и на лошадь.

За двѣ станціи передъ Тверью по страшнымъ пескамъ мы тащились шагомъ и встрѣтили двѣ также шагомъ ѣдущія коляски, запряженныя большимъ числомъ лошадей. На предыдущей станціи намъ сказали, что мы встрѣтимся съ фельдмаршаломъ графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ. Тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ. Въ Петербургѣ не было извѣстно, что Паскевичъ вызванъ съ Кавказа и что онъ скоро замѣнитъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею въ Царствѣ Польскомъ графа Дибича Забалканскаго, который умеръ въ концѣ того же мая.

Въ Москвѣ остановился я у дяди моего князя Александра Волконскаго. Онъ года за три женился на княжнѣ Софьѣ Урусовой, дочери князя Василія Алексѣевича Урусова, который въ первомъ бракѣ былъ женатъ на родной теткѣ моей матери, Аннѣ Филипповнѣ Ярцевой, а во второмъ на Аннѣ Ивановнѣ Семичевой. Сестра моя Александра воспитывалась въ домѣ Урусовыхъ въ Ярославлѣ четыре года.

Дядя мой князь Дмитрій Андреевичъ Волконскій ѣздилъ въ 1827 г. въ Ростовъ, чтобы провѣдать вдову незадолго умершаго двоюроднаго брата Николая Ивановича Колесова, а оттуда проѣхалъ въ Ярославль пови-

даться съ Урусовыми, гдѣ влюбился въ упомянутую старшую дочь Урусовыхъ отъ второго брака, Софью. Не знаю, дѣлалъ ли онъ предложеніе жениться на ней, но извѣстно, что онъ ей не нравился и что, возвратясь въ Москву, онъ разсказалъ своему старшему брату о видѣнной имъ красавицѣ. Вскорѣ послѣдній поѣхалъ въ Ростовъ также навѣстить вдову Колѣсову, а оттуда поѣхалъ въ Ярославль, гдѣ, влюбившись въ ту же дочь Урусовыхъ, сдѣлалъ ей предложеніе. Отецъ ея сначала не соглашался на этотъ бракъ въ виду разности лѣтъ жениха и невѣсты: первому было подъ 50, послѣдней было 20, а также изъ опасенія, что будто бы существуетъ родство между женихомъ и невѣстою, такъ какъ первая жена князя Урусова была родная тетка жениху. Но дядя Александръ умѣлъ понравиться, несмотря на лѣта свои, молодой Урусовой и вскорѣ они обвѣнчались. Я теперь въ первый разъ увидѣлъ мою тетку, которая дѣйствительно была красавица. Дядя нанималъ въ Москвѣ очень хорошій домъ, желая доставить всѣ удобства молодой женѣ, которую вообще баловалъ, она же не любила выѣздовъ и была домосѣдка. Дядя меня очень любилъ; жена его, бывъ дружна съ моею сестрою, съ которою вмѣстѣ воспитывалась, вскорѣ полюбила и меня. У дяди я нашелъ тетку мою Прасковью Андреевну Замятнину съ сыномъ Николаемъ, мальчикомъ лѣтъ десяти. Мужъ ея въ это время былъ въ польскомъ походѣ. Я много игралъ съ двоюроднымъ братомъ моимъ и разъ чуть было не уронилъ его изъ второго этажа въ пустоту винтовой лѣстницы. Едва успѣлъ удержать, страшно испугался того, что могъ изуродовать единственнаго сына моей тетки.

Мать моя не могла дождаться въ Москвѣ моего пріѣзда. Хозяйственныя заботы требовали ея присутствія въ подмосковной деревнѣ. Я также не могъ немедля ѣхать къ ней, обязанный представиться моему временному начальнику маіору Четверикову, управлявшему изысканіями по устройству шоссе отъ Москвы до Брестъ-Литовска, и испросить дозволеніе на кратковременную отлучку. Но представиться Четверикову было не такъ легко: его никогда нельзя было застать дома. Онъ игралъ по ночамъ въ карты, спалъ цѣлое утро и приказывалъ всѣмъ говорить, что его нѣтъ дома. На производившіяся подъ его управленіемъ изысканія были назначены вмѣстѣ со мною мои товарищи: Пятовъ, Май, баронъ Виттенгеймъ и другіе. Напрасныя посѣщенія Четверикова надоѣли намъ и нѣкоторые изъ насъ рѣшились записаться, что такіе-то были, чтобы представиться, остановились въ Москвѣ тамъ-то. Но мнѣ необходимо было видѣть Четверикова, чтобы испросить дозволеніе на отлучку въ деревню. Я пошелъ къ нему на другой день и по особому счастію засталъ его. Онъ мнѣ сдѣлалъ выговоръ за то, что я вмѣстѣ съ другими позволилъ себѣ представляться къ нему запискою, полагая нашею обязанностію до тѣхъ поръ пріѣзжать къ нему, пока не застали бы его дома, къ чему присовокупилъ, что если бы мы это сдѣлали съ другимъ начальникомъ, то дорого бы поплатились.

Получивъ дозволеніе ѣхать къ матери, я поспѣшилъ имъ всполь-

зоваться. Тетка моя Замятнина хотѣла присутствовать при радости моей матери. Рессорнаго экипажа у нея не было. Дорога между Москвою и Подольскомъ была не шоссирована и весьма неудобна. По этой то дорогѣ она поѣхала со мной въ простой телѣгѣ.

Во всей этой главѣ моихъ воспоминаній я ни слова не говорилъ о моей матери, но письменныя ея сношенія со мною не прерывались; она посылала мнѣ немного и денегъ. Письма, всегда написанныя съ большимъ умомъ и чувствомъ, большею частію заключали въ себѣ наставленія, которыми она полагала меня отвратить отъ лѣни, безпечности, издержекъ, несоотвѣтствующихъ нашему состоянію, и отъ другихъ пороковъ. Къ сожалѣнію, эти наставленія, какъ могъ замѣтить читатель, мало на меня дѣйствовали и, при всей моей любви къ матери, я какъ то неохотно распечатывалъ ея письма, впередъ увѣренный, что въ нихъ заключаются наставленія, которыхъ я не исполню. Во всякомъ случаѣ бо́льшею частію того, что во мнѣ есть хорошаго, я, конечно, обязанъ этимъ письмамъ.

Не буду говорить о радости матери и сестры, когда онѣ меня увидали въ ихъ маленькомъ домѣ Чегодаева. Сестрѣ, которую я оставилъ 14 лѣтнею дѣвочкою, было теперь 19 лѣтъ. Я нашелъ ее истинною красавицею, въ особенности бѣлизна лица и румянецъ на щекахъ были необыкновенно нѣжны.

Проведя нѣсколько дней въ Чегодаевѣ, я вернулся въ Москву на службу. Четвериковъ обѣщался дать мнѣ занятія въ самой Москвѣ, а для практическихъ занятій не посылать далеко. Вслѣдствіе этого, чтобы провести со мною 3 мѣсяца, назначенныхъ для моей практики, мать моя переѣхала въ Москву во флигель дома дяди моего князя Дмитрія Волконскаго, гдѣ и я поселился съ нею. Дядя въ это время былъ въ своемъ имѣніи, с. Студенецъ, которое онъ наслѣдовалъ вмѣстѣ съ дядею Александромъ отъ ихъ брата Николая, умершаго въ турецкую войну 1828 и 1829 г.

Практическія мои занятія по изысканіямъ для составленія проэкта шоссе состояли въ слѣдующемъ. Четвериковъ раздѣлилъ протяженіе, на которомъ должны были производиться подъ его управленіемъ изысканія, на нѣсколько участковъ, ввѣривъ ихъ старшимъ инженернымъ офицерамъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ въ помощь нѣсколькихъ младшихъ инженеровъ и въ томъ числѣ сфицеровъ, присланныхъ на практику. Изысканія на участкѣ отъ Москвы до Подольска поручены были инженеру-поручику Николаю Михайловичу Никитину, которому въ помощь приданы были присланные для практическихъ занятій инженеръ-прапорщики: Май, баронъ Виттенгеймъ и я. Пунктъ для начала изысканій предположено было избрать въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Серпуховской заставы, и потому упомянутые инженеры переѣхали въ д. Чертанова, въ 9-ти верстахъ отъ Москвы, гдѣ и поселились всѣ вмѣстѣ въ одной избѣ. Мы производили продольную нивеллировку по оси предполагаемаго шоссе. Наибо́льшее разстояніе между нивеллировочными отмѣтками рав-

нялось 49 саженямъ. Если по причинѣ волнистой мѣстности требовалось нивеллировочныя отмѣтки снять на меньшихъ разстояніяхъ, то они брались длиною въ 24½ с., 16 ⅔ саж. и т. д., т.-е. въ 49, раздѣленныя на 2, на 3 и т. д. При каждомъ пунктѣ продольной нивеллировки разбивалась поперечная профиль шоссе. Разность возвышенія нивеллировочныхъ отмѣтокъ опредѣлялась въ футахъ и въ десятичныхъ доляхъ фута. Разстоянія между отмѣтками были приняты 49, 49, 49, и т. д. саж., съ цѣлію облегчить вычисленіе по этой нивеллировкѣ кубическаго содержанія выемокъ и насыпей потребныхъ для устройства шоссе.

Пока мы жили еще въ Чертановѣ, къ намъ пріѣзжалъ Четвериковъ, чтобы осмотрѣть избранную нами первоначальную точку для изысканій и повѣрить наши пріемы при разбитіи профилей и самую нивеллировку. Во все время этихъ довольно продолжительныхъ изысканій Никитинъ почти ежедневно ссорился съ барономъ Виттенгеймомъ. Они не только ругались, но доходило и до драки между ними, что было непріятно Маю и мнѣ. Мы были очень довольны, когда окончились изысканія на означенномъ участкѣ. Поводомъ къ ихъ ссорамъ была большею частію ссора лягавой собаки Никитина съ пуделемъ Виттенгейма. У послѣдняго былъ въ услуженіи латышъ, который съ бариномъ и собакою спали вмѣстѣ. По уму и чистоплотности выше всѣхъ былъ пудель, за нимъ слѣдовалъ латышъ, а баронъ былъ послѣднимъ.

Въ половинѣ іюня я получилъ извѣстіе о производствѣ меня въ подпоручики. Виттенгеймъ и Май, не выдержавшіе экзамена, остались прапорщиками на другой годъ. Они оба недолго прослужили въ корпусѣ путей сообщенія: первый былъ впослѣдствіи камергеромъ какого-то небольшого нѣмецкаго двора, а Май учителемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Москвѣ. Въ 60-хъ годахъ онъ завелъ фотографію въ Петербургѣ, гдѣ я у него снимался неоднократно, но фотографія не пошла и Май уѣхалъ на югъ Россіи. Никитинъ, назначенный въ 1844 г. начальникомъ работъ по устройству шоссе отъ Малоярославца до Бобруйска, нажилъ при этомъ, какъ говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и, выйдя въ отставку полковникомъ, жилъ богатымъ человѣкомъ, но недолго. Все неправильно нажитое проигралъ онъ въ карты и еще ранѣе за какую-то драку былъ исключенъ изъ Московскаго Англійскаго клуба.

Между Москвою и Подольскомъ на бывшей почтовой дорогѣ находилось с. Бицы, принадлежавшее князьямъ Трубецкимъ. По приближеніи нашихъ изысканій къ этому селу, мы переѣхали въ него. Въ господскомъ домѣ жилъ тогда завѣдывавшій дѣлами князей Трубецкихъ Василій Дмитріевичъ Карнельевъ, у котораго я часто бывалъ и гулялъ по прекраснымъ садамъ, окружающимъ господскій домъ.

Карнельевъ былъ очень знакомъ съ Баратынскимъ и Дельвигомъ, когда они жили вмѣстѣ въ Петербургѣ, потомъ онъ надолго уѣхалъ управлять какими-то дѣлами въ Сибири и когда послѣ 1826 г. вернулся въ Москву, изъ которой иногда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то часто бывалъ

у Дельвига, и одно лѣто, во время отсутствія послѣдняго изъ Петербурга, жилъ въ его городской квартирѣ. Карнѣльевъ былъ человѣкъ не большого образованія и не свѣтскій, но Дельвигъ любилъ его, вѣроятно, за доброту, хотя часто надъ нимъ подшучивалъ. Упомяну объ одномъ изъ любимыхъ разсказовъ Дельвига про Карнѣльева. Послѣдній передъ своей женитьбой извѣщалъ Дельвига письмомъ изъ Москвы, что онъ женится на Надеждѣ Осиповнѣ, безъ обозначенія фамиліи невѣсты, и что онъ объ этомъ самъ извѣститъ Сергѣя Львовича (Пушкина, отца поэта). Жена Сергѣя Львовича была также Надежда Осиповна, и выходило по смыслу письма, что будто бы Карнельевъ женится на ней.

По окончательномъ переѣздѣ моемъ въ Москву я довольно часто бывалъ у Карнельева. Во время полевыхъ работъ на изысканіяхъ я оставался на нихъ первые четыре дня недѣли, а въ пятницу пріѣзжалъ въ Москву. Пока мы жили въ Чертановѣ, случалось въ нее ходить пѣшкомъ. Тогда по вторникамъ и пятницамъ вечеромъ бывали гулянья на Тверскомъ бульварѣ, и я каждую пятницу посѣщалъ ихъ съ сестрою, а когда кончились мои полевыя занятія, то и каждый вторникъ. На сестру мою многіе обращали вниманіе по ея красотѣ. Этому я обязанъ тѣмъ, что слыхалъ выраженія встрѣчавшихъ насъ: «славная парочка».

По окончаніи изысканій до Подольска, производившіе ихъ инженеры, за исключеніемъ меня, были посланы на полевыя работы на дальнѣйшіе участки по направленію къ Бобруйску. Меня же Четвериковъ оставилъ въ Москвѣ, такъ какъ мнѣ предстояла операція вынутія полиповъ изъ носа. Четвериковъ поручилъ мнѣ привести сдѣланную до Подольска нивеллировку къ одной плоскости, вычислить кубическія содержанія насыпей и выемокъ, потребныхъ согласно нивеллировкѣ на устройство шоссе по участку до Подольска, а по окончаніи этихъ занятій произвести тѣ же исчисленія и по тѣмъ же участкамъ изысканій, порученныхъ Четверикову, по которымъ были высланы ему данныя отъ инженеровъ, производившихъ на нихъ нивеллировку. Четвериковъ принялъ на себя ту же работу, и я долженъ былъ приходить къ нему, чтобы свѣрять мои и его исчисленія, сначала по приведеніи нивеллировокъ къ одной плоскости, а потомъ кубическихъ содержаній насыпей и выемокъ.

Назначено было мнѣ приходить ежедневно въ 10-мъ часу утра, что въ точности было мною исполняемо. Я заставалъ Четверикова спящимъ и обязанъ былъ дожидаться его пробужденія. Это бывало часу въ 1-мъ дня. Онъ мнѣ постоянно заявлялъ, что его вычисленія не готовы, такъ какъ онъ всѣ вечера и большую часть ночей просиживалъ за картами, и приказывалъ приходить на другой день. Когда мнѣ надоѣло приходить каждый день и ждать пробужденія Четверикова по нѣскольку часовъ, я просилъ его дозволить мнѣ не приходить, пока онъ не пришлетъ сказать, что его вычисленія готовы, но онъ на это не соглашался, увѣряя, что къ слѣдующему утру онъ приготовится. Это ежедневное безполезное посѣщеніе Четверикова было мнѣ тѣмъ непріятнѣе, что разстояніе между

Штатнымъ переулкомъ, гдѣ я жилъ, и Калашниковымъ, въ которомъ жилъ онъ, было довольно большое, а я, по неимѣнію средствъ для найма извозчика, долженъ былъ ходить пѣшкомъ.

Въ тѣ весьма рѣдкіе дни, когда Четвериковъ успѣвалъ подготовить вычисленія, онъ, заставивъ меня прождать болѣе двухъ часовъ его пробужденія, начиналъ сравнивать результаты нашихъ исчисленій, и когда замѣчалъ ошибку въ своихъ исчисленіяхъ по приведенію нивеллировочныхъ отмѣтокъ къ одной плоскости, мнѣ ее не заявлялъ, поправляя потихоньку эту ошибку въ дальнѣйшихъ вычисленіяхъ до тѣхъ поръ, пока не случится у меня ошибки. Тогда онъ прекращалъ занятія, приказывая мнѣ исправить всѣ дальнѣйшія исчисленія, какъ оказывающіяся невѣрными. Но такъ какъ у меня рѣдко случались ошибки, а у него они случались по нѣскольку одна за другою, что его запутывало въ исправленіи полученныхъ имъ результатовъ, то въ этомъ случаѣ онъ безъ всякой причины прекращалъ занятія до слѣдующаго дня. Снова начинались мои къ нему хожденія, оканчивавшіяся однимъ напраснымъ ожиданіемъ его пробужденія. Наконецъ, въ августѣ онъ понялъ, что въ Москвѣ не въ состояніи будетъ заняться дѣломъ, и предположилъ заняться со мною въ Подольскѣ съ тѣмъ, что до Подольска мы поѣдемъ верхомъ и онъ осмотритъ, правильно-ли мы разбили поперечныя профили для нивеллировки. Выѣхать изъ Москвы предполагалось вечеромъ, такъ какъ онъ не надѣялся на себя, чтобы не увлечься карточною игрою и затѣмъ поутру не быть въ состояніи по усталости выѣхать. Выѣздъ откладывался со дня на день. Наконецъ, былъ назначенъ вечеръ выѣзда и я, нанявъ крестьянскую лошадь и сѣдло, пріѣхалъ къ нему. Но онъ не могъ выѣхать въ назначенный часъ и сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ домой, а онъ вскорѣ за мной заѣдетъ. Въ ожиданіи его пріѣзда мать моя, сестра и я не спали, и онъ пріѣхалъ только въ 4 часа утра. Цѣлый день мы ѣхали верхомъ до Подольска. Четвериковъ подробно осмотрѣлъ выбранную нами для шоссе линію и забитые на поперечныхъ профиляхъ колья.

По пріѣздѣ вечеромъ въ Подольскъ мы сейчасъ же принялись за работу, но я, утомленный непривычною 16-тичасовою верховою ѣздою и предыдущею безсонною ночью, заснулъ часу въ 12-мъ ночи, сидя за работою. Четвериковъ позволилъ мнѣ лечь, а самъ работалъ всю ночь. Разбудивъ меня утромъ, удивлялся моему утомленію, сравнивая съ собою. Мы проработали весь день, и я опять утомился и легъ спать. Четвериковъ и вторую ночь работалъ и только на третій день вечеромъ отпустилъ меня, задавъ новую работу, въ Москву, а самъ отправился по дорогѣ въ Малый Ярославецъ осматривать изысканія, произведенныя посланными имъ инженерами на другихъ участкахъ.

На наемъ лошадей во время производства изысканій инженерамъ отпускались изъ казны деньги, но я ничего не получалъ, что мнѣ было очень тягостно при моихъ ничтожныхъ денежныхъ средствахъ. По возвращеніи Четверикова изъ его поѣздки, онъ мнѣ выдалъ по 3 р. асс. за дни,

проведенные на изысканіяхъ, и при этомъ безгласно вычелъ не помню сколько-то рублей для пополненія суммы, истраченной какимъ то инженеромъ на неправильно произведенныя имъ изысканія.

Четвериковъ считался честнымъ человѣкомъ и потому нельзя было предположить, чтобы онъ удержалъ означенныя деньги съ меня и съ моихъ товарищей въ свою пользу, но во всякомъ случаѣ этотъ поступокъ былъ и неправильный и деспотическій. Кстати скажу нѣсколько словъ о дальнѣйшей служебной карьерѣ Четверикова. Въ 1832 г. я былъ назначенъ на службу въ Москву къ другому начальнику, но продолжалъ бывать у Четверикова, который велъ жизнь попрежнему. Въ концѣ 1833 г. онъ отправился въ свою кіевскую деревню, такъ что, при назначеніи графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями, отправленъ былъ нарочный курьеръ для отысканія Четверикова. Когда послѣдняго нашли въ его деревнѣ, онъ донесъ графу Толю, что не можетъ приступить къ составленію смѣтъ на устройство шоссе по неполученію изъ земскихъ судовъ и городскихъ думъ справочныхъ цѣнъ на рабочихъ и матеріалы, и что онъ за этими цѣнами послалъ курьера, присланнаго къ нему графомъ Толемъ. Этотъ поступокъ, казалось, долженъ былъ повредить ему, но Четвериковъ, напротивъ того, попалъ въ милость къ графу Толю, хотя едва-ли были когда бы то ни было представлены имъ смѣты на устройство шоссе по вышеупомянутымъ изысканіямъ и денежные отчеты по суммамъ на нихъ израсходованнымъ. Мнѣ извѣстно, что въ 1856 г. послѣдніе не были еще вполнѣ представлены. Въ 1840 г. я видѣлся въ Москвѣ съ Четвериковымъ, который все еще былъ начальникомъ тѣхъ же изысканій. Впослѣдствіи Четвериковъ успѣлъ нравиться главноуправлявшимъ путями сообщенія графу Клейнмихелю и Чевкину и занималъ послѣдовательно должности начальника Округа Ковенскаго, Могилевскаго и Кіевскаго, и только въ 1862 г. назначенъ членомъ совѣта Министерства путей сообщенія. Благосклонность къ нему послѣднихъ двухъ главноуправляющихъ также мало объяснима, какъ и благосклонность графа Толя. Его видимо переводили изъ одного Округа въ другой для исправленія въ нихъ дѣлъ, но никто не умѣлъ ихъ такъ путать, даже и послѣ того, какъ онъ пересталъ вести большую игру. Проходили цѣлые мѣсяцы, въ которые Четвериковъ ничего не дѣлалъ. Ежедневные журналы общихъ присутствій правленій въ начальствуемыхъ имъ Округахъ составлялись и подписывались вдругъ за нѣсколько мѣсяцевъ. Распоряженіе хранившимися въ правленіяхъ казенными суммами и отчетность въ нихъ были безпорядочны. Когда же Четвериковъ принимался за работу, то замучивалъ всѣхъ подчиненныхъ, заставляя ихъ заниматься по ночамъ. Работалъ онъ не всегда у себя дома, а гдѣ случится. Разъ въ Могилевѣ, имѣя собственную квартиру, онъ болѣе мѣсяца прожилъ на квартирѣ, бывшаго въ отсутствіи, подрядчика Бенкендорфа, гдѣ и принималъ всѣхъ для занятій. Четвериковъ былъ очень мелоченъ, самъ повѣрялъ въ подробности всѣ смѣты, въ которыхъ не допускалъ ни ма-

лѣйшаго преувеличенія или ошибки. Изъ за ошибки въ смѣтахъ на одного рабочаго или на нѣсколько копѣекъ онъ приказывалъ передѣлывать смѣты заново. Но онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что при исполненіи по смѣтамъ издерживаемыя на работы суммы превосходили смѣтныя исчисленія на сотни тысячъ и даже на милліоны руб., хотя эти измѣненія издержекъ не были оправдываемы никакими документами. Въ бытность его начальникомъ Могилевскаго Округа за работы по Бобруйскому шоссе было выдано подрядчику нѣсколько милліоновъ руб. безъ оправдательныхъ документовъ. Въ 1851 и 1852 гг. я былъ въ числѣ командированныхъ для разбора дѣла, связаннаго съ этими дополнительными издержками и опишу это подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ бытность Четверикова начальникомъ Кіевскаго Округа, онъ также издержалъ сверхъ смѣты нѣсколько сотъ, помнится девятьсотъ тысячъ руб. по устройству Кіево-Брестскаго шоссе, даже не предваривъ объ этой передержкѣ главное начальство. Также много передержано имъ при устройствѣ спуска изъ Кіева къ Днѣпру и на регулированіе этой рѣки близъ Кіева. Всѣ эти издержки по Кіевскому Округу были приняты главноуправляющимъ Чевкинымъ на счетъ казны, несмотря на то, что Чевкинъ былъ очень бережливъ въ отношеніи казенныхъ суммъ.

По особенной довѣренности къ Четверикову, главноуправляющіе путями сообщенія возлагали на него особыя порученія. Многихъ онъ совсѣмъ не исполнялъ и часто по нѣскольку мѣсяцевъ не отвѣчалъ на даваемыя предписанія. Между прочимъ ему было поручено осмотрѣть разваливающуюся колокольню при церкви въ одномъ изъ городовъ его Округа. Объ этомъ порученіи заведено было въ бывшемъ искусственномъ департаментѣ путей сообщенія дѣло, заключавшее предписаніе графа Клейнмихеля Четверикову объ осмотрѣ означенной колокольни и подтвержденія о томъ же, изъ коихъ нѣкоторыя за подписью Клейнмихеля, а другія директора департамента, всего 84 повторенія. Никакого исполнительнаго донесенія отъ Четверикова получено не было. Клейнмихель, не получая какихъ либо свѣдѣній, требуемыхъ отъ правленій Округовъ, посылалъ за ними курьеровъ. По нѣскольку курьеровъ, посланныхъ изъ главнаго управленія, живало въ Могилевѣ по нѣскольку мѣсяцевъ, такъ что они, пріѣхавъ на колесахъ, покупали въ Могилевѣ сани, которыя по случаю схода зимняго пути, принуждены были сбывать. Всѣ эти продѣлки сходили съ рукъ Четверикову. На него сердились въ его отсутствіе, а по пріѣздѣ въ Петербургъ всѣ обходились хорошо. Его знали за честнаго человѣка, но довольно-ли было одного этого качества въ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Въ 1852 г. я встрѣтилъ Четверикова въ Петербургѣ, не видавъ его болѣе 10 лѣтъ. Онъ полагалъ, что я, будучи приближеннымъ лицомъ графа Клейнмихеля, выслуживаюсь, вредя другимъ. Узнавъ противное, онъ очень этому обрадовался и сошелся со мною. Странно, что онъ не зналъ этого прежде, тогда какъ я славился въ корпусѣ путей сообщенія тѣмъ,

что никогда не наводилъ Клейнмихеля на дурные поступки съ инженерами, а напротивъ, старался по возможности отвлечь его отъ подобныхъ поступковъ, и въ порученныхъ Клейнмихелемъ мнѣ дѣлахъ я, зная его строгость, всегда старался уменьшать въ его глазахъ вину инженеровъ.

Въ началѣ 1862 г., по назначеніи Четверикова членомъ совѣта Министерства путей сообщенія, онъ находилъ, что инженеры путей сообщенія живутъ въ Петербургѣ слишкомъ разрозненно. Мы согласились собираться въ назначенные дни недѣли по вечерамъ у него, у меня и у Мельникова, съ которымъ онъ, къ удивленію моему, не былъ знакомъ до этого времени и просилъ меня познакомить. Было нѣсколько подобныхъ вечеровъ, но они скоро прекратились. Въ совѣтѣ министерства Четвериковъ продолжалъ службу попрежнему, часто задерживалъ журналы совѣта и бралъ къ себѣ дѣла, которыхъ долго не возвращалъ. Между прочимъ, онъ остановилъ исполненіе по указу Сената, рѣшившему выдачу значительной суммы подрядчикамъ за сверхъ-смѣтныя работы по устройству Брестъ-Бобруйскаго шоссе. Онъ заставилъ бывшаго тогда министра Мельникова испросить Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ дѣла въ совѣтѣ министерства, не стѣсняясь указомъ Сената, взялъ дѣло къ себѣ для провѣрки требованія подрядчиковъ и занимался этимъ болѣе года. Четвериковъ умеръ на службѣ въ концѣ 60-хъ годовъ, находясь передъ тѣмъ по болѣзни долго въ отпуску. Пока онъ жилъ въ Петербургѣ, мы часто бывали другъ у друга и всегда находились въ хорошихъ отношеніяхъ.

По пріѣздѣ моемъ въ 1831 г. въ Москву, мои тетки П. А. Замятнина и Н. А. Волконская, желая уничтожить съ корнемъ болѣзнь мою, производившую полипы въ носу, обратились за совѣтомъ къ доктору Шнауберту, лечившему весьма болѣзненнаго Василія Матвѣевича Чайковскаго, двоюроднаго брата моей матери, жившаго у моей тетки Надежды Волконской. Шнаубертъ, осмотрѣвъ меня во всей подробности, нашелъ, что для полнаго излеченія я не долженъ ѣсть ничего кислаго, соленаго, копченаго, жирнаго, однимъ словомъ почти ничего не ѣсть. Я былъ бѣлый, розовый юноша, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, за исключеніемъ часто выростающихъ полиповъ въ носу. Конечно, я не послушался доктора Шнауберта, говоря въ шутку, что при его режимѣ пришлось бы умереть голодною смертію.

Лѣто 1831 г. я провелъ въ Москвѣ съ матерью и сестрою очень пріятно. По воскресеньямъ и праздникамъ я видалъ своего младшаго брата Николая, бывшаго въ это время кадетомъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ нимъ мать моя брала къ себѣ на праздники кадетъ того же корпуса, моихъ внучатныхъ братьевъ Ивана Николаевича Колесова, уже тогда очень способнаго мальчика, и Василія Петровича Колесова, вскорѣ по выпускѣ изъ корпуса убитаго на Кавказѣ.

Большой домъ дяди Волконскаго нанимала въ это время Пелагея Николаевна Всеволожская, сестра моего товарища Клушина, чрезвычайно живая, милая, хорошенькая и съ порядочнымъ состояніемъ. Она поми-

нутно выѣзжала изъ дома и возвращалась, и мы цѣлый день изъ нашихъ оконъ слышали: «Ѳома, подавай лошадей». Я часто ходилъ къ ней и мы бывало бѣгали вмѣстѣ по стульямъ и едва-ли не по столамъ. Впослѣдствіи мужъ ея совсѣмъ промотался и бѣжалъ за границу. Она долго жила въ Петербургѣ въ совершенной бѣдности. Теперь (1872 г.) она живетъ въ Петербургѣ въ домѣ своего брата сенатора Клушина.

Одинъ изъ флигелей дома дяди Волконскаго былъ занятъ семействомъ Пассекъ, у нихъ же поселился и мой товарищъ Діомидъ Пассекъ, съ которымъ мы въ Петербургѣ жили не мирно. Здѣсь мы помирились и я съ удовольствіемъ проводилъ время въ его семействѣ, котораго всѣ члены отличались большимъ умомъ.

Кромѣ прогулокъ съ сестрою, я съ нею и моею матерью ходилъ по церквамъ и бывалъ у многочисленныхъ знакомыхъ. Къ числу ихъ присоединилось семейство Н. В. Левашева и М. А. Салтыкова.

Семейство Левашевыхъ, проживъ цѣлый годъ въ Петербургѣ, вернулось въ Москву, гдѣ и помѣстилось въ собственномъ домѣ на Новой Басманной, окруженномъ старымъ садомъ, наполненнымъ цвѣтами. Мать моя не была знакома съ Левашевыми. Мать Н. В. Левашева была родная сестра Гавріила Александровича Замятнина, отца мужа моей тетки Прасковьи, такъ что послѣдняя по мужу была двоюродною сестрою Н. В. Левашеву. Она и мать моя познакомились съ Левашевыми по возвращеніи ихъ изъ Петербурга.

Левашевы были въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ операторомъ профессоромъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ Гильдебрандтомъ, человѣкомъ старымъ, но котораго рука была еще тверда. Въ одно изъ нашихъ посѣщеній Левашевыхъ, они зазвали къ себѣ Гильдебрандта. Онъ нашелъ въ моемъ носу нѣсколько полиповъ, изъ которыхъ менѣе значительные вывернулъ тогда же безъ боли, а ту же операцію надъ болѣе значительными полипами отложилъ до 12 іюля, когда онъ обѣщался пріѣхать къ моей матери.

За нѣсколько дней до этого числа мать моя съ моею молодою теткою княгинею С. В. Волконскою пошли пѣшкомъ верстъ за 40 отъ Москвы, молиться о благополучномъ исходѣ операціи. Сестра оставалась со мною. Гильдебрандтъ почти такъ же легко вывернулъ и большіе полипы.

Н. Ѳ. Арендтъ, дѣлавшій мнѣ неоднократно операціи, вырывалъ полипы, что было больно и страшно, производило сильное кровотеченіе и оставляло въ ноздряхъ корни полиповъ, которые вскорѣ снова выростали.

Ѳ. А. Гильдебрандтъ выворачивалъ инструментомъ полипы, что не производило ни боли, ни страха, ни кровотеченія, а главное уничтожило корни полиповъ, такъ что они болѣе не выростали, и 12-го іюля 1831 г. была совершена надъ моими полипами послѣдняя операція, такъ какъ они не возобновлялись.

Мать моя, возвратясь съ богомолья, была очень обрадована благополучнымъ исходомъ операціи, и такъ какъ 12 іюля празднуется явленіе

Богородицы, именуемой Троеручицею, то заказала этотъ образъ на финифти въ серебряномъ медальонѣ для ношенія на шеѣ, что я исполняю до сего времени.

Левашевы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда С. М. Дельвигъ изъ Петербурга, но она откладывала свой выѣздъ со дня на день. Еще съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ свою дочь съ внучкою М. А. Салтыковъ, у котораго я бывалъ довольно часто и который сердился на постоянное откладываніе пріѣзда дочери.

Наконецъ, С. М. Дельвигъ пріѣхала съ малолѣтнею дочерью и двумя братьями мужа въ концѣ іюля и остановилась у отца, который жилъ тогда въ небольшой квартирѣ на Маросейкѣ. Встрѣча съ отцомъ послѣ потери мужа, конечно, была грустная, но еще поразительнѣе была встрѣча съ моею матерью. Вся въ слезахъ, она сравнивала свое положеніе съ положеніемъ, въ которомъ осталась моя мать послѣ мужа, говорила, что посвятитъ всю свою жизнь дочери и, взявъ мою мать въ образецъ, послѣдуетъ ей во всемъ.

Въ этомъ она постоянно увѣряла и отца своего. Матери же моей прибавляла, что родныхъ ея мужа она будетъ любить такъ же, какъ любила при его жизни. Мать и сестра мои, зная сколько я ей обязанъ, конечно, обласкали ее и много съ ней горевали объ ея потерѣ.

Въ одно время съ С. М. Дельвигъ пріѣхалъ въ Москву Сергѣй Абрамовичъ Баратынскій, котораго я, по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, встрѣтилъ 8-го мая утромъ на станціи Померани, ѣдущаго въ дилижансѣ въ Петербургъ.

Баратынскій въ Москвѣ каждый день бывалъ у С. М. Дельвигъ и оставался у нея очень поздно. Эти посѣщенія крѣпко не нравились ея отцу, который это явно выказывалъ, и даже когда Баратынскій и я засидимся поздно вечеромъ, онъ просто насъ выпроваживалъ отъ себя разными намеками, изъ которыхъ легко было видѣть, что неудовольствіе его относилось не ко мнѣ, а къ Баратынскому. Послѣдній довольно безцеремонно обходился съ С. М. Дельвигъ въ отсутствіи ея отца, что меня не поражало, потому что я видѣлъ, что онъ и при жизни Дельвига былъ совершенно своимъ человѣкомъ, какъ съ нимъ, такъ и съ его женою. Меня поражало только то, что Баратынскій дозволялъ себѣ разныя остроумныя выходки насчетъ Салтыкова въ присутствіи его дочери и безпрерывно распѣвалъ пѣсню Беранже съ припѣвомъ:

Ah, Monsieur le Sénateur,
Votre tres-humble serviteur.

Когда поздно вечеромъ мы уходили вмѣстѣ отъ Салтыкова, случалось намъ заходить въ магазинъ Депре, гдѣ въ одной изъ заднихъ комнатъ выпивали бутылку хорошаго вина. Пить вино въ магазинѣ, конечно, не дозволялось по закону. Баратынскій пользовался этимъ правомъ, вѣроятно, по особому знакомству съ Депре, которое онъ сдѣлалъ во время

пятилѣтняго слушанія курса медицинскихъ наукъ въ Москвѣ. Депре тогда начиналъ свою торговлю и можетъ быть этимъ не совсѣмъ законнымъ способомъ привлекалъ къ себѣ покупщиковъ вина. Впрочемъ, продаваемое имъ вино постоянно одобрялось и въ настоящее время одобряется всѣми знатоками.

Пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ, С. М. Дельвигъ должна была ѣхать къ своей свекрови въ Чернскую деревню и тамъ окончательно устроиться насчетъ своей дальнѣйшей жизни. Мать моя, сестра и я намѣревались проститься съ ней въ имѣніи мсей тетки Надежды Волконской, Масловкѣ, находящейся на Тульской дорогѣ въ 55 верстахъ отъ Москвы. Наступилъ вечеръ дня, назначеннаго для пріѣзда С. М. Дельвигъ въ Масловку, и потому мы ее болѣе не сжидали, какъ вдругъ она пріѣхала съ дочерью и двумя братьями ея мужа совершенно голодными. Тетка была въ отчаяніи, что нечѣмъ ихъ накормить, потсму что обѣдъ, такъ какъ ихъ болѣе не ожидали, былъ съѣденъ. Вскорѣ однако же появились на столѣ болѣе десяти простыхъ, но вкусныхъ и свѣжихъ блюдъ. Таково было тогда гостепріимство и у бѣдныхъ помѣщиковъ.

При прощаніи со мною, и въ особенности съ моею матерью, С. М. Дельвигъ снова съ чувствомъ повторила обѣщаніе всю свою жизнь посвятить единственной дочери, взявъ въ образецъ себѣ мать мою.

По пріѣздѣ къ свсей свекрови, она осталась у нея въ деревнѣ болѣе мѣсяца и все время была очень ласкова къ свекрови и къ ея дочерямъ, такъ что всѣмъ казалось, что онѣ долго проживутъ вмѣстѣ. Вдругъ, какъ дошло до меня впослѣдствіи, явились признаки беременности С. М. Дельвигъ. Она поспѣшила уѣхать съ дочерью, оставивъ двухъ братьевъ мужа у ихъ матери, и вскорѣ написала послѣдней изъ Тулы, что она вышла замужъ за Баратынскаго, что она попрежнему будетъ любить свою свекровь и ея дѣтей и всѣхъ родныхъ ея перваго мужа и что она надѣется на полную отъ нихъ взаимность. Она писала о томъ же и ко мнѣ въ Петербургъ, куда я пріѣхалъ къ 1-му сентября, началу курса въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія.

Какъ объяснить все это поведеніе моей умной и доброй воспитательницы? Мнѣ было больно, что всѣ называли ее притворщицею; какая же цѣль была ей притворяться предъ нами? Но еще больнѣе было мнѣ то, что, зная ея вспыльчивость и также пылкій характеръ ея второго мужа, я предвидѣлъ для нея грустную жизнь, такъ какъ она была избалована необыкновеннымъ добродушіемъ и хладнокровіемъ ея перваго мужа. Женщина, у нея служившая и оставшаяся въ Петербургѣ, подтвердила мое мнѣніе. Она мнѣ разсказала, что Баратынскій былъ въ Петербургѣ у С. М. Дельвигъ въ первый разъ на другой день моего отъѣзда изъ Петербурга, что вскорѣ, какъ выражалась эта женщина, у нихъ дошло до ножей и что С. М. Дельвигъ очень сожалѣла о моемъ отъѣздѣ. Конечно, она сожалѣла, думая, что мои совѣты могли быть ей полезны для того, чтобы отдѣлаться отъ Баратынскаго, котораго стоило видѣть одинъ разъ, чтобы понять всю

пылкость страсти, къ какой онъ можетъ быть способенъ. Я объяснялъ себѣ ея поведеніе съ моею матерью, съ ея свекровью и всѣми нами слѣдующимъ образомъ. Она думала прожить въ имѣніи своей свекрови все время малолѣтства своей дочери и тѣмъ разрушить связь съ Баратынскимъ. Правильно-ли, неправильно-ли мое предположеніе, я, мало думая о немъ, поспѣшилъ отвѣтить С. М. Баратынской въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, что я желаю ей полнаго счастія въ ея новой жизни, что преданность моя и благодарность къ ней за все, чѣмъ я ей обязанъ, никогда не измѣнятся. Наша переписка была довольно частая и всегда самая пріятная.

Какъ было принято ея замужество въ моемъ семействѣ, я хорошенько не знаю, потому что былъ въ это время уже вдали отъ него, въ Петербургѣ, но когда пріѣхалъ снова въ Москву въ маѣ 1832 г., то замѣтилъ въ моемъ семействѣ нерасположеніе къ С. М. Баратынской и обвиненіе ея въ притворствѣ. Находили ея замужество чуть не преступленіемъ, и дядя мой Александръ Волконскій, увидавъ, что я надписываю къ ней конвертъ, просто согласно нашему уговору: «Софьѣ Михаиловнѣ Баратынской», замѣтилъ, что въ сношеніяхъ съ женщиной, потерявшей себя въ общественномъ мнѣніи, надо соблюдать всѣ принятыя формы приличія, и заставилъ меня перемѣнить конвертъ, надписавъ на немъ адресъ по обычной тогда формѣ «Ея Высокоблагородію Милостивой Государынѣ Софьѣ Михаиловнѣ Баратынской». Мать моя, никогда ни къ кому не относившаяся дурно, вовсе не говорила о С. М. Баратынской, изъ чего я могъ заключить и объ ея неудовольствіи. Отецъ Софьи Михайловны М. А. Салтыковъ былъ, въ особенности въ первое время, взбѣшенъ ея замужествомъ и даже при постороннихъ позволялъ себѣ говорить, что дочь проституировалась передъ простымъ лекаремъ. Такъ было поражено его чувство и отца и аристократа. Впослѣдствіи онъ поневолѣ простилъ ее. С. М. Баратынская относительно родныхъ ея перваго мужа вполнѣ сдержала свое обѣщаніе: она была въ постоянной перепискѣ со своею свекровью, которая умерла недавно, и съ сестрами своего перваго мужа. Дочь ея отъ перваго брака была горячо любима ею и сдѣлалась любимицею всего семейства Баратынскихъ и въ томъ числѣ своего брата и трехъ сестеръ, дѣтей отъ втораго брака ея матери.

Въ началѣ сентября я возвратился въ Петербургъ, гдѣ уже прекратилась холера, сильно въ немъ свирѣпствовавшая въ продолженіи всего лѣта 1831 г. Въ предыдущее лѣто, которое я провелъ въ Петербургѣ, она также сильна была въ Москвѣ. Такимъ образомъ я не былъ свидѣтелемъ тѣхъ страшныхъ пораженій, которыя она производила въ первое посѣщеніе Россіи.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти брата Александра. Вотъ что мнѣ о ней извѣстно. Гвардейскіе полки, за исключеніемъ егерскихъ, не были въ дѣлахъ въ продолженіи польской кампаніи. Въ гренадерскомъ и армейскихъ корпусахъ передъ штурмомъ

Варшавы смѣялись надъ тѣмъ, что гвардію водятъ только для парадовъ. Гвардейскіе офицеры вслѣдствіе этого просили объ употребленіи гвардейскихъ полковъ въ дѣло при штурмѣ Варшавы. Фельдмаршалъ Паскевичъ, получивъ это заявленіе офицеровъ черезъ командовавшаго гвардіей великаго князя Михаила Павловича, отказалъ, вѣроятно, вслѣдствіе инструкцій, полученныхъ имъ отъ Императора, но дозволилъ выбрать охотниковъ. Когда это распоряженіе было объявлено гвардіи, и всѣ чины оной вызвались быть охотниками, фельдмаршалъ приказалъ изъ каждой гвардейской бригады выбрать по одному штабъ офицеру и изъ каждаго полка по четыре оберъ-офицера и по сту нижнихъ чиновъ, которыхъ и употребить при штурмѣ Варшавы въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ. Изъ числа офицеровъ, между которыми долженъ былъ быть вынутъ жребій, были исключены не фронтовые офицеры и въ томъ числѣ батальонные адъютанты. Старшій братъ мой Александръ былъ батальонный адъютантъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, а потому не подлежалъ жребію. Онъ этимъ обидѣлся и, говоря, что батальонный адъютантъ такой же фронтовой офицеръ, какъ и всѣ другіе, требовалъ, чтобы и его имя было положено вмѣстѣ съ другими для вынутія жребія. Когда полковой командиръ, генералъ Арбузовъ, ему въ этомъ отказалъ, ссылаясь на предписаніе великаго князя, братъ просилъ представить Его Высочеству о томъ, что онъ считаетъ себя въ правѣ подвергнуться жребію наравнѣ съ другими офицерами. Великій князь сказалъ, что онъ въ этомъ узнаетъ Дельвига, соизволяетъ на его просьбу, но съ тѣмъ, чтобы онъ за толкованіе распоряженій начальства, по взятіи Варшавы, немедля отправился на гауптвахту. Имя брата было вложено въ урну вмѣстѣ съ другими, но жребій не палъ на него. Въ числѣ четырехъ офицеровъ, на которыхъ палъ жребій, были два родныхъ брата молодые прапорщики. Командиръ полка, знакомый съ ихъ семействомъ, пожалѣлъ пустить двухъ братьевъ въ охотники и приказалъ младшаго замѣнить другимъ офицеромъ, имя котораго вынется по жребію. При этомъ новомъ вынутіи жребія имя означеннаго офицера было вынуто вторично. Командиръ полка былъ недоволенъ, что имя этого офицера снова положили въ урну, и хотѣлъ, чтобы для замѣны его вынули еще одно имя. Это однако не понравилось офицерамъ, и тогда братъ заявилъ командиру полка, что онъ проситъ дозволенія замѣнить въ охотникахъ означеннаго офицера и затѣмъ болѣе жребія не вынимать. Это ему было разрѣшено. Нѣкоторые изъ гвардейскихъ офицеровъ попали въ охотники, ничего не зная о происходившихъ выборахъ. Товарищъ мой по Институту инженеровъ путей сообщенія Уньковскій, плохо учившійся, при объявленіи войны противъ польскихъ мятежниковъ поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ и во время кампаніи произведенъ былъ въ прапорщики въ этотъ полкъ. Уньковскій передъ штурмомъ Варшавы находился съ командою въ 15 верстахъ отъ этого города, когда ему принесли извѣстіе, что онъ въ числѣ охотниковъ, а ему не было ничего извѣстно о томъ, что всѣ чины гвардіи заявили

желаніе поступить въ охотники и что между ними брошенъ былъ жребій. Уньковскій былъ легко раненъ во время штурма и получилъ орденъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ.

Старшій братъ мой, идя впереди колоннъ, при спускѣ въ ровъ въ предмѣстіи Воля, былъ раненъ въ ногу ружейною пулею снизу вверхъ. По взятіи Варшавы онъ былъ отнесенъ въ больницу, гдѣ нашли, что пуля поднялась въ тѣлѣ такъ высоко, что необходимо отнять всю ногу. Сдѣлали операцію, но безполезно: братъ вскорѣ умеръ. Въ больницѣ его посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, который сказалъ ему нѣсколько очень любезныхъ словъ, и несмотря на страшныя мученія брата, получилъ отъ него отвѣтъ, очень понравившійся великому князю. Ихъ разговоръ былъ тогда же напечатанъ, но не помню гдѣ именно. Не помню, нѣтъ-ли этого отвѣта брата на доскѣ въ церкви бывшаго 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, гдѣ имя брата стоитъ между именами кадетъ корпуса, убитыхъ въ сраженіяхъ, или на образѣ, внесенномъ въ ту же церковь моею матерью въ воспоминаніе воспитанія моего брата въ этомъ корпусѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, жившій въ 1832 г. въ Москвѣ, часто бывалъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и любилъ вспоминать этотъ разговоръ, передавая его кадетамъ.

Царство Польское было присоединено къ Россіи еще въ 1815 г. и русскіе не позаботились имѣть кладбища для православныхъ. Католики не позволяли тѣла умершихъ православныхъ хоронить на своихъ кладбищахъ. Клочекъ земли для умершаго православнаго выпрашивался на лютеранскомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ и мой братъ. Съ тѣхъ поръ на Волѣ учреждено содержимое въ большомъ порядкѣ православнсе кладбище.

Такъ угасъ 21-го года отъ роду человѣкъ съ самыми благородными чувствами, съ необычайною памятью, большими способностями и страстнымъ желаніемъ учиться. Понятно, какъ сильно поразила мою мать смерть ея сына первенца, на котораго не она одна могла возлагать большія надежды.

Въ Петербургѣ въ 1831 и 1832 гг. я чаще всего посѣщалъ единственный родственный мнѣ домъ дяди Гурбандта. Бывалъ часто и у Баландина, вышедшаго въ 1831 г. на службу поручикомъ и остававшагося въ Петербургѣ репетиторомъ въ Институтѣ инженерсвъ путей сообщенія.

Изъ литературнаго знакомства я сохранилъ только дома Плетнева, Сомова и Деларю, а изъ лицеистовъ бывалъ у Яковлева и князя Эристова. У Сомова я читалъ все, что тогда появлялось новаго въ нашей литературѣ. У него же прочиталъ два новыя стихотворенія Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». Патріотическое чувство было во мнѣ до того восторженно и сердце такъ поражено смертію брата, что я, прочитавъ эти стихотворенія, съ перваго раза ихъ запомнилъ и не забылъ до сего времени.

На вечерахъ Плетнева я видалъ многихъ литераторовъ и въ томъ числѣ А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Пушкинъ и Плетневъ были очень внимательны къ Гоголю. Со стороны Плетнева это меня нисколько не удивляло, онъ вообще любилъ покровительствовать новымъ талантамъ, но со стороны Пушкина это было мнѣ вовсе непонятно. Пушкинъ всегда холодно и надменно обращался съ людьми мало ему знакомыми, не аристократическаго круга и съ талантами мало извѣстными. Гоголь же тогда не напечаталъ еще своего перваго творенія «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и казался мнѣ ничѣмъ болѣе, какъ учителемъ въ какомъ-то женскомъ заведеніи, плохо одѣтымъ и ничѣмъ на вечерахъ Плетнева не выказывавшимся. Я и не подозрѣвалъ тогда въ немъ великой его геніальности.

Пушкинъ бывалъ иногда у Плетнева и съ женою. Онъ не приглашалъ меня къ себѣ и я у него не бывалъ. Гоголь жилъ въ верхнемъ этажѣ дома Зайцева, тогда самаго высокаго въ Петербургѣ, близъ Кокушкина моста, а такъ какъ я жилъ въ домѣ Дружинина, вблизи того же моста, то мнѣ иногда случалось завозить его. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда уже была напечатана первая часть «Мертвыхъ душъ», я встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ у сапожника Таке, у котораго онъ очень хлопоталъ о томъ, чтобы сапоги ему были красиво сшиты, и въ тотъ же день въ англійскомъ клубѣ, гдѣ мы сидѣли на одномъ диванѣ. Не узналъ-ли онъ меня, или не хотѣлъ узнать, но мы не говорили другъ съ другомъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и во всѣ слѣдующія наши встрѣчи въ Москвѣ.

Пріѣхавъ въ 1831 г. въ Петербургъ, я нанялъ квартиру въ домѣ Колотушкина у Обухова моста, вмѣстѣ съ инженеръ-подпоручикомъ Лукинымъ, который произведенъ былъ въ прапорщики годомъ ранѣе меня, но оставался два года въ прапорщичьемъ классѣ. Въ одно время съ нами въ домѣ Колотушкина жила знаменитая танцовщица Истомина, прославленная стихами Пушкина. Почти ежедневно собирались у насъ играть въ карты. Я привезъ съ собою нѣсколько сотенныхъ ассигнацій, данныхъ мнѣ матерью на содержаніе въ Петербургѣ, а равно подаренныхъ дядею Александромъ Волконскимъ. По совѣту Лукина, я размѣнялъ эти ассигнаціи на серебро, такъ какъ при промѣнѣ выигрывались два процента. Мы оба постоянно проигрывали въ карты и брали безъ счета изъ моего запаса, такъ что въ одно прекрасное утро, или, лучше сказать, непріятный вечеръ оказалось, что мнѣ нечѣмъ заплатить моего проигрыша, тогда какъ я полагалъ, что у меня есть еще много денегъ. Мы съ Лукинымъ очутились въ такомъ положеніи, что намъ нечѣмъ было платить за квартиру, а потому я, по приглашенію моихъ товарищей, братьевъ князей Максутовыхъ, перешелъ жить въ ихъ квартиру въ томъ же домѣ Колотушкина.

Тогда еще не было выстроено большого полукруглаго дома на площади у Обухова моста и изъ окошекъ квартиры Максутовыхъ было видно зданіе Института инженеровъ путей сообщенія. Мы всѣ до того боялись инспектора классовъ Института Резимона, что страхъ этотъ не оставлялъ насъ и на собственныхъ квартирахъ. Въ Институтѣ запрещено было са-

диться на подоконники; когда кому-нибудь изъ насъ, или изъ нашихъ гостей—товарищей по Институту, случалось сѣсть на подоконникъ въ нашей квартирѣ и кто-нибудь скажетъ: «Резимонъ идетъ», всѣ бросались отъ оконъ опрометью.

У Максутовыхъ была также довольно часто карточная игра, которую я старался избѣгать, не имѣя вовсе денегъ. Сверхъ того, они часто ѣздили по танцовальнымъ вечерамъ, куда я вовсе не ѣздилъ, такъ что принужденъ былъ проводить много вечеровъ совершенно одинъ. По этимъ причинамъ я, по настоятельному приглашенію Лепехина, переѣхалъ жить съ нимъ въ домъ Дружинина, у Кокушкина моста.

Кромѣ карточной игры по вечерамъ на квартирахъ офицеровъ, слушавшихъ курсъ въ Институтѣ, въ самомъ Институтѣ они играли въ орлянку. Подпоручики и прапорщики получали жалованье по третямъ, первые въ годъ 600 р. асс., а вторые 510 р. асс. и сверхъ того, какъ тѣ, такъ и другіе получали квартирныя деньги по 200 р. асс. въ годъ. Послѣднія раздавались ежемѣсячно, въ мѣсяцъ приходилось по 16 р. 66 к. асс., что по настоящему курсу составило бы 4 р. 76 к. Я уже говорилъ, что ассигнаціи имѣли тогда лажу около 2 процентовъ, а потому казначей Института, полковникъ Трипольскій, находилъ выгоднымъ для себя выдавать квартирныя деньги не ассигнаціями, съ придачей мелкой монеты, а всѣ мелкою серебряною монетою. Игра въ орлянку въ офицерскихъ классахъ Института была постоянною, но она усиливалась немедля по полученіи квартирныхъ денегъ. Постоянно всѣхъ обыгрывалъ Ястржембскій, который впослѣдствіи сдѣлался сильнымъ карточнымъ игрокомъ и проигралъ большія суммы.

Лепехинъ былъ со мною вмѣстѣ въ 3-мъ и 2-мъ классахъ Военностроительнаго училища, но когда я перешелъ въ августѣ 1829 г. въ 3-ю бригаду Института инженеровъ путей сообщенія, онъ оставался въ 1-мъ классѣ училища. Переведенный вмѣстѣ со всѣми прочими воспитанниками училища въ январѣ 1830 г. въ Институтъ, онъ не могъ уже поступить въ 3-ю бригаду, такъ какъ въ ней пройдена уже была половина годового курса, а поступилъ въ 4 бригаду и потому въ 1831 г. былъ въ прапорщичьемъ классѣ. Я прожилъ съ нимъ до самаго окончанія моего курса въ Институтѣ. Лепехинъ не только былъ мнѣ преданъ, но уважалъ меня за прямоту мою и способности и вслѣдствіе этого очень заботился о моемъ спокойствіи. Онъ, по выпускѣ изъ Института, служилъ недолго, поселился въ деревнѣ и, когда пріѣзжалъ въ Москву, видался со мною. Я давно потерялъ его изъ виду.

Въ подпоручичьемъ классѣ Института предметы преподаванія были: курсъ построенія, прикладная механика, прикладная химія, минералогія, астрономія и стратегія. Сверхъ того, каждый подпоручикъ долженъ былъ составить по проекту сооруженія сухопутнаго и водяного сообщеній и гражданской архитектуры. Первыя двѣ науки преподавалъ профессоръ Клапейронъ, который прочиталъ только нѣсколько лекцій, такъ какъ

вскорѣ, по возвращеніи изъ Вытегры, онъ совсѣмъ оставилъ Россію. Его замѣнили профессоръ инженеръ-маіоръ Матвѣй Степановичъ Волковъ и инженеръ-поручикъ Станиславъ Валерьяновичъ Кербедзъ, только въ этомъ же 1831 г. кончившій въ Институтѣ, въ который онъ поступилъ по окончаніи курса въ Виленскомъ университетѣ. Минералогію читалъ инженеръ-поручикъ Владиміръ Петровичъ Соболевскій, впослѣдствіи директоръ Института путей сообщенія. Прикладную химію читалъ Гессъ, а стратегію Языковъ. Языковъ, несмотря на занимательность его предмета, имѣлъ даръ читать лекціи такъ, что въ пять минутъ усыплялъ всю аудиторію, чему, конечно, способствовало и то, что его лекціи были послѣобѣденныя между 6-ю и 7½ часами вечера. Астрономію читалъ Янушевскій, который преподавалъ высшія математическія исчисленія въ 3-й бригадѣ. За составленіемъ проэктовъ наблюдали Волковъ, Кербедзъ и Жако.

Ученіе мое въ классѣ подпоручиковъ шло нѣсколько лучше, чѣмъ въ прошедшемъ году. Неимѣніе общества, въ которомъ мнѣ хотѣлось бы такъ часто бывать, какъ у Дельвиговъ, и пользованіе свободою уже въ продолженіи года были причиною того, что я чаще сидѣлъ дома въ тѣ часы, которые не долженъ былъ проводить въ Институтѣ, и могъ повторять лекціи особенно съ того времени, какъ переѣхалъ жить съ Лепехинымъ, гдѣ и помѣщеніе мое было лучше, и не мѣшали товарищи своими разговорами и карточною игрою. Всѣ означенныя науки, за исключеніемъ строительнаго искусства, преподавались въ очень сжатомъ видѣ. При изученіи курса построенія и практической механики надо было запомнить много чертежей и имѣть способность къ высшимъ математическимъ исчисленіямъ, на которыхъ было основано ихъ преподаваніе. Графическую часть этихъ предметовъ я почти не зналъ, а математическую зналъ хорошо. Это и выказалось вполнѣ на выпускномъ экзаменѣ. Тогда для этого экзамена не назначалось, какъ теперь, экзаменныхъ комиссій, состоящихъ изъ большого числа членовъ, занятыхъ и другими обязанностями, отставшихъ отъ науки и вообще равнодушныхъ къ успѣхамъ слушающихъ курсъ въ Институтѣ. Тогда назначались для выпускного экзамена двѣ комиссіи, состоявшія изъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ ученыхъ генераловъ путей сообщенія. Предсѣдателями комиссій назначались обыкновенно генералъ-маіоры Потье и Дестремъ, которые постоянно присутствовали при экзаменѣ и могли сравнительно оцѣнить познанія каждаго. Одна половина подпоручиковъ должна была экзаменоваться у Потье, другая у Дестрема. Экзаменъ у Потье считался гораздо легче. Онъ не такъ слѣдилъ за отвѣтами экзаменующихся, какъ Дестремъ, и главное менѣе обращалъ вниманія на то, до какой степени понимаетъ экзаменующійся то, что онъ излагаетъ. Поэтому нѣкоторые изъ тѣхъ, кому приходилось экзаменоваться у Дестрема, сказывались больными, а когда онъ оканчивалъ экзаменовать значившихся въ его спискѣ, то спрашивалъ тѣхъ, которымъ было назначено экзаменоваться у Потье и которые не были

еще проэкзаменованы. Окончивъ экзаменъ половинному числу подпоручиковъ, Дестремъ болѣе не приходилъ на экзаменъ, и выздоровѣвшіе послѣ этого времени больные, или сказывавшіеся больными, экзаменовались у Потье. Я первоначально попалъ въ списокъ экзаменующихся у Потье, но такъ какъ мои познанія превосходили познанія многихъ другихъ, то я согласился попасть въ число экзаменующихся у Дестрема. Присутствовавшій на моемъ экзаменѣ профессоръ Волковъ, зная до какой степени я мало изучалъ разные чертежи, потребовалъ, чтобы я начертилъ разныя устройства шлюзныхъ воротъ. Я начертилъ общее ихъ расположеніе и вывелъ формулу сопротивленія разныхъ частей воротъ, для чего требовались очень длинныя и сложныя математическія выкладки. Дестремъ похвалилъ меня и сказалъ, что за этотъ отвѣтъ я заслуживалъ бы полныхъ балловъ, но что я отвѣчалъ не на вопросъ Волкова и требовалъ на него отвѣта. Я откровенно сознался, что ничего не знаю по этому предмету, прибавивъ, что когда придется проэктировать шлюзныя ворота, то у меня будутъ книги съ чертежами для моего руководства. Но это не помогло: Дестремъ поставилъ мнѣ О за вопросъ, на который я не отвѣчалъ, и 10 за мои математическія выкладки, а такъ какъ я при этихъ баллахъ могъ остаться на другой годъ въ подпоручичьемъ классѣ, то приписалъ противъ моей фамиліи: doit être avancé (долженъ быть произведенъ). При этомъ онъ сказалъ, что мы должны все знать, что намъ преподаютъ, что, конечно, инженеру лучше знать, чѣмъ не знать разныя устройства шлюзныхъ воротъ, но что это не крайне необходимо. Онъ всегда любилъ хвастаться своею необычайною силою и при этомъ случаѣ сказалъ, что, конечно, также полезно инженеру быть физически сильнымъ, но что это не необходимо. При этомъ онъ поднялъ большое тяжелое кресло, взявъ его за ножку одною рукою и приглашалъ Волкова, худощаваго, слабосильнаго, сдѣлать то же, что произвело общій смѣхъ. Означенное кресло становилось всегда при выпускныхъ экзаменахъ для чрезвычайно тучнаго герцога Виртембергскаго, который, впрочемъ, никогда на нихъ не бывалъ, довольствуясь присутствовать при публичныхъ экзаменахъ. Поставленный мнѣ 0 по одному изъ вопросовъ на выпускномъ экзаменѣ не лишилъ меня производства въ поручики, но имѣлъ вліяніе на то, что я въ спискѣ произведенныхъ сталъ не такъ высоко, какъ могъ надѣяться.

Всѣ другія науки въ то время въ подпоручичьемъ классѣ преподавались очень сокращенно. Курсъ астрономіи состоялъ большею частію изъ математическихъ выкладокъ, которыя было мнѣ такъ легко запомнить. Курсовъ прикладной химіи и минералогіи я совсѣмъ не изучалъ и имѣлъ изъ нихъ самые средственные баллы. Стратегія меня очень занимала и потому я зналъ ее хорошо въ томъ объемѣ, какъ ее преподавали. Проэкты по сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ составилъ начерно я самъ, но не разъ упомянутая неспособность моя къ рисованію и черченію заставила отдать эти проэкты перечертить другимъ. Архитектурный же проэктъ, мною представленный за свой, былъ и составленъ

не мною. Я уже говорилъ, какъ трудно мнѣ было скрыть этотъ обманъ отъ профессоровъ, наблюдавшихъ за нашими проэктами. Если это мнѣ удалось съ архитектурнымъ проэктомъ, то только потому, что профессоръ Жако не любилъ ходить въ нашъ классъ, гдѣ воспитанники, несмотря на то, что были подпоручиками, встрѣчали его разными школьничествами и всего чаще выкрикивали фамилію его любовницы.

Передъ выпускнымъ экзаменомъ кому-то пришла мысль поручить наилучшимъ изъ насъ повторить всѣ лекціи подпоручичьяго курса съ тѣмъ, что эти лекціи могутъ слушать всѣ подпоручики, и выбрали для повторенія Ястржембскаго, Пассека, Глухова, младшаго брата Роппа и меня. На мою долю достались астрономія, стратегія и та часть строительнаго искусства, въ которой преобладаютъ математическія выкладки.

Резимонъ былъ противъ преподаванія астрономіи. Онъ, говорятъ, находилъ, что эта наука учитъ не вѣровать въ Бога.

Когда онъ заставалъ меня преподающимъ астрономію моимъ товарищамъ, то обыкновенно спрашивалъ, гдѣ по моему мнѣнію центръ вселенной, и на мой отвѣтъ, что солнце центръ нашей планетной системы, указывалъ пальцемъ въ разныя стороны, говоря, что центръ вселенной во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ укажетъ пальцемъ. Резимонъ, впрочемъ, былъ человѣкъ образованный и остроумный. Онъ часто говорилъ, что Божій міръ созданъ такъ, что въ немъ перемежаются поколѣнія разумныхъ людей поколѣніями сумашедшихъ. Послѣдніе поднимаютъ бездну новыхъ вопросовъ, не разрѣшивъ однихъ, переходятъ къ другимъ и доводятъ все до хаоса. Тогда являются поколѣнія разумныхъ людей, которыя изъ означеннаго хаоса выбираютъ только положительно полезное и, отбрасывая все прочее, приводятъ хаосъ въ порядокъ, но новаго ничего не начинаютъ, а такъ какъ этотъ покой, это отсутствіе движенія было бы равносильно смерти и слѣдовательно невозможно ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ мірѣ, то являются вновь поколѣнія сумашедшихъ, и такимъ образомъ для возможности существованія міра поколѣнія одного рода смѣняются поколѣніями другого.

Въ 1832 г. учреждена была военная академія генеральнаго штаба. Намъ, кончившимъ курсъ въ Институтѣ, предлагали поступить въ эту академію, но никто не согласился, несмотря на преимущество службы въ генеральномъ штабѣ: такъ всѣмъ надоѣло двухлѣтнее слушаніе курсовъ въ Институтѣ въ офицерскихъ чинахъ. Впослѣдствіи, года черезъ четыре, только одинъ изъ моихъ товарищей Пассекъ поступилъ въ эту академію.

Въ началѣ мая 1832 г. я назначенъ былъ на дѣйствительную службу въ III (Московскій) округъ путей сообщенія. Я просился на работы по соединенію рѣкъ Москвы и Волги, но начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, генералъ-маіоръ Варенцовъ, предпочелъ означенное назначеніе потому, что оно меня не удаляло изъ Москвы, отъ которой деревня моей матери отстояла въ 45 верстахъ на югъ, а работы по соединенію означенныхъ рѣкъ производились слишкомъ въ 60 верстахъ на сѣверъ отъ Москвы. Работы

эти производились подъ управленіемъ инженеръ-подполковника Бугайскаго, который, равно какъ и подчиненные его, считались только по спискамъ III округа; вся же техническая, хозяйственная и распорядительная части по работамъ были независимы отъ управлявшаго округомъ, инженеръ-генералъ-маіора Яниша. Между инженерами, находившимися непосредственно въ округѣ, и тѣми, которые были при работахъ по соединенію рѣкъ Волги и Москвы, было какое-то соперничество. Послѣдніе называли себя гвардейцами, а состоявшихъ въ округѣ—армейцами. Янишъ настаивалъ, чтобы и къ нему былъ присланъ хорошо учившійся инженеръ, и Варенцовъ посылкою меня въ округъ желалъ удовлетворить его требованіе.

Въ Москву я ѣхалъ опять на перекладной съ однимъ изъ товарищей, чѣмъ мы сберегали прогонныя деньги. Въ это время производились работы по устройству шоссе около Вышняго Волочка. По желанію моего путевого товарища, мы заѣзжали къ нѣсколькимъ инженерамъ, ссстоявшимъ при устройствѣ шоссе. Эти инженеры проводили цѣлые дни въ развратѣ; пили съ утра прсстое вино штофами; обстановка ихъ жилищъ была бѣдная. Между прочими останавливались мы у Ребровскаго, человѣка съ замѣчательными спосебнсстями, знавшаго хорошо инсстранные языки, вообще очень образованнаго и краснорѣчиваго и имѣвшаго дсвольно хорошее собственное ссстояніе. Этотъ способнѣйшій человѣкъ былъ также пьянъ съ утра до вечера. Онъ былъ въ Институтѣ прежде меня и, несмотря на свои спосебнсти, учился и велъ себя такъ дурно, что переведенъ былъ на дѣйствительную службу въ чинѣ подпсручика въ строительный отрядъ путей сообщенія. Онъ вскорѣ вышелъ въ отставку.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КО II ГЛАВѢ.

Въ письмѣ изъ Рязани отъ 29 Августа 1879 г. къ А. В. Голсвнину *) Влад.Павл. Титовъ говоритъ слѣдующее о статьѣ Т.Космократова, помѣщенной въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1829 г. «Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ»:

«Въ строгомъ историческомъ смыслѣ это всвсе не продуктъ Космократова, а Александра Сергѣевича Пушкина, мастерски разсказавшаго всю эту чертовщину уединеннаго домика на Васильевскомъ островѣ, поздно вечеромъ, у Карамзиныхъ, къ тайному трепету всѣхъ дамъ и въ томъ числѣ обожаемой тогда самимъ Пушкинымъ и всѣми нами Екат. Никол., позже бывшей женою кн. Петра Ив. Мещерскаго. Апокалипсическое число *666*, игроки-черти метавшіе на карту сотнями душъ, съ рогами, зачесанные подъ *высокіе* парики—честь всѣхъ этихъ вымысловъ и главной нити разсказа принадлежитъ Пушкину. Сидѣвшій въ той же комнатѣ Космократовъ подслушалъ, воротясь домой не могъ заснуть почти всю ночь и нѣсколько времени спустя положилъ съ памяти на бумагу. Не желая однако быть ослушникомъ ветхозавѣтной заповѣди «не укради», пошелъ съ тетрадью къ Пушкину въ гостинницу Демутъ, убѣдилъ его прослушать отъ начала до конца, воспользовался многими, по нынѣ очень памятными его поправками, и потомъ, по настоятельному желанію Дельвига, отдалъ въ «Сѣверные Цвѣты».

---

*) Члену Государственнаго Совѣта, бывшему Министромъ Народнаго Просвѣщенія съ 1861 по 1866 г.

ГЛАВА III.

1832—1838 г.

Пріѣздъ въ Москву. Производство въ поручики и назначеніе производителемъ работъ Московскаго водопровода. Служебныя занятія въ 1832 г. и отчетность по работамъ вѣдомства путей сообщенія. П. В. Максимовъ. А. В. Васильчиковъ. Тейлсъ. Левашевы. Общество Левашевыхъ. Н. Н. Дмитріевъ. М. А. Салтыковъ. М. Ѳ. Орловъ. Н. Х. Кечеръ. Г. А. Замятнинъ. П. Я. Чаадаевъ. М. Н. Муравьевъ и другіе. Сватовство С. А. Викулина. Письма матери моей къ великому князю Михаилу Павловичу о производствѣ брата Николая въ Павловскій полкъ. Кончина В. А. Тейлсъ. Служебныя занятія въ 1833 г. Сестра моя невѣста С. А. Викулина. Поѣздка моя, матери и сестры въ Задонскъ. Препятствія къ совершенію брака сестры. Ея свадьба. Поѣздка С. А. Викулина и моя въ Орелъ по случаю производившагося слѣдствія объ его свадьбѣ. Поѣздка къ Баратынскимъ въ Тамбовскую губернію. Поѣздка съ матерью въ Чернскій уѣздъ и въ Калугу. Жизнь въ зиму 1833—1834 г. въ Москвѣ. Поѣздка С. А. Викулина въ Петербургъ. Служебныя занятія въ 1834 г. и изобрѣтенный мною способъ устройства ключевыхъ бассейновъ. Назначеніе графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Осмотръ графомъ Толемъ работъ вѣдомства путей сообщенія. Полученіе мною первой награды. Служебныя занятія въ зиму 1834—1835 г. Поѣздка въ Троицко-Сергіевскую Лавру. Знакомство съ А. С. Цуриковымъ. Свадьба Е. И. Нарышкиной и графа М. Д. Бутурлина. А. И. Нарышкинъ. Фиркъ. И. Н. Колесовъ. Служебныя занятія въ 1835 г. Учрежденіе комиссіи по перестройкѣ Тульскаго оружейнаго завода. Несостоявшаяся дуэль Цурикова съ Нарышкинымъ. Нарышкинъ женихъ сестры Цурикова. Поѣздка моя въ Орелъ по дѣлу о бракѣ сестры, а оттуда въ Задонскъ. Братъ мой Николай конно-артиллерійскій прапорщикъ въ Задонскѣ. Поѣздка въ имѣніе С. В. Цурикова на свадьбу Нарышкина. С. В. Цуриковъ. Жизнь въ Москвѣ въ 1836 г. Назначеніе меня къ работамъ Тульскаго оружейнаго завода въ распоряженіе Шуберскаго. Жизнь въ Тулѣ. Э. И. Шуберскій. Поѣздка въ Москву и жизнь въ ней въ зиму 1836—1837 г. Левъ Роппъ. Пріѣздъ С. М. Баратынской въ Москву. Князь Петръ Максутовъ. Пребываніе мое въ Петербургѣ въ 1837 г. Графъ Толь и генералы: Девятнинъ и Мясоѣдовъ. Пріѣздъ мой въ Тулу для объясненій съ Шуберскимъ. Освобожденіе меня отъ занятій по работамъ Тульскаго оружейнаго завода и новыя занятія по службѣ. Жизнь въ Тулѣ въ 1837 г. Поѣздка къ Викулинымъ на освященіе церкви. Поѣздка по рѣкѣ Упѣ въ Калугу, Чернскій и Крапивенскій уѣзды. Н. Д. Тейлсъ. Неправильныя служебныя дѣйствія моего помощника Глазера и его сплетни. Производство въ капитаны и поясненія Левашевымъ сплетенъ Глазера. Ханжество А. С. Цурикова. Мысль А. В. Абазы о построеніи желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ.

Въ Москвѣ остановился я у дяди князя Александра Волконскаго, который нанималъ каждую зиму довольно помѣстительный домъ. Въ то время у него гостила моя мать и сестра. Встрѣча съ матерью была самая горестная: время еще не успѣло утишить ея горе послѣ потери сына-первенца.

Это горе чувствовала она еще живѣе потому, что младшаго моего брата Николая за вину, которая ей не была извѣстна, съ зимы 1831—1832 г. перестали по воскресеньямъ и праздникамъ отпускать изъ кадетскаго корпуса, въ которомъ онъ тогда находился. Мать моя была у директора корпуса генерала Годейна, чтобы узнать о винѣ, за которую братъ былъ наказанъ и, если возможно, испросить ему прощеніе, но генералъ Годейнъ, ничего не объясняя, рѣзко сказалъ ей, что онъ разжалуетъ брата въ солдаты, отъ чего мать моя упала въ обморокъ, а онъ, оставивъ ее въ такомъ положеніи, удалился въ свои внутреннія комнаты. Вина брата состояла въ томъ, что онъ грубо отвѣчалъ кому-то изъ офицеровъ корпуса. Несмотря на то, что братъ передъ этимъ учился и велъ себя очень хорошо, такъ что былъ фельдфебелемъ одной изъ ротъ корпуса, его разжаловали изъ фельдфебелей, оставивъ унтеръ-офицеромъ, высѣкли, несмотря на его 17-лѣтній возрастъ, и лишили права на отпускъ изъ корпуса на цѣлый годъ. Первыя два наказанія были скрыты отъ моей матери.

По пріѣздѣ въ Москву я долженъ былъ объѣхать всѣхъ Волконскихъ и другихъ родныхъ и знакомыхъ моей матери, о которыхъ ничего достойнаго замѣчанія не осталось въ моей памяти. Упомяну только, что я засталъ въ Москвѣ Елисавету Ивановну Нарышкину съ сыномъ Алексѣемъ Ивановичемъ и дочерью Екатериною, вышедшею замужъ за графа М. Д. Бутурлина. Вскорѣ А. И. Нарышкинъ уѣхалъ на Кавказъ для поступленія юнкеромъ въ нижегородскій драгунскій полкъ. Мы съ нимъ въ Москвѣ очень сошлись, и въ этихъ воспоминаніяхъ А. И. Нарышкинъ займетъ, по дружбѣ ко мнѣ и моему семейству, значительное мѣсто.

Въ Москвѣ я получилъ извѣщеніе, что 9-го іюня 1832 г. я по успѣхамъ въ наукахъ произведенъ въ поручики. Во II главѣ этихъ воспоминаній я объяснилъ причину моего назначенія на дѣйствительную службу въ III (Московскій) Округъ путей сообщенія. Я представился къ начальнику этого округа генералъ-маіору Николаю Ивановичу Янишу, въ домѣ котораго я былъ экзаменованъ предъ поступленіемъ въ Военно-строительное училище.

Янишъ принялъ меня весьма хорошо, такъ же какъ и жена его Шарлота Яковлевна, урожденная Девитте. Онъ меня назначилъ 16-го іюня производителемъ работъ Московскаго водопровода, котораго директоромъ работъ былъ строительнаго отряда подполковникъ Павелъ Васильевичъ Максимовъ, экзаменовавшій меня передъ поступленіемъ моимъ въ Военно-строительное училище.

Московскій водопроводъ раздѣлялся тогда на двѣ части: а) старый кирпичный водопроводъ отъ с. Большихъ Мытищъ до мѣстности въ Москвѣ, называемой Трубой, и б) новый чугунный водопроводъ, отъ водоподъемнаго зданія, устроеннаго на старомъ водопроводѣ въ 2-хъ верстахъ отъ городской заставы (Троицкой), до пяти фонтановъ, устроенныхъ на Московскихъ площадяхъ. Старымъ водопроводомъ и ремонтными на немъ работами завѣдывалъ строительнаго отряда подпоручикъ Влади-

міръ Яковлевичъ Николя, которому въ виду хорошихъ его способностей полагалось въ это время поручить управленіе работами по устройству судоходства на р. Тезѣ во Владимірской губерніи, а я назначенъ былъ на его мѣсто. Николя, за хорошее производство послѣднихъ работъ, былъ переведенъ въ инженеры путей сообщенія и впослѣдствіи, выйдя полковникомъ въ отставку, завелъ пароходъ на Волгѣ. Это предпріятіе было неудачно, и онъ, совершенно раззорясь, поступилъ въ начальники дистанціи на Петербурго-Варшавскую желѣзную дорогу.

Полагаю умѣстнымъ здѣсь дать хотя краткое описаніе Московскаго водопровода, столь важнаго для обитателей столицы.

Русскія Императрицы въ прошедшемъ столѣтіи совершали свои пѣшеходныя путешествія изъ Москвы въ Троицкую Лавру для богомолья слѣдующимъ образомъ. Онѣ проходили нѣсколько верстъ отъ Троицкой заставы по дорогѣ къ Лаврѣ, за ними слѣдовали экипажи, въ которыхъ онѣ на ночь возвращались въ Москву. На другой день онѣ въ экипажахъ доѣзжали до того мѣста, съ котораго наканунѣ вернулись и, пройдя еще нѣсколько верстъ впередъ по направленію къ Лаврѣ, садились въ экипажи и въ нихъ доѣзжали до ближайшаго путевого дворца (на этой дорогѣ было устроено два такіе дворца). На третій день возвращались къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ сѣли въ экипажи и т. д.

Существуетъ преданіе, что во время путешествій Императрицы Екатерины II съ нею возили для питья хорошую воду, что въ одно изъ ея путешествій въ Троицкую Лавру позабыли взять воду и въ с. Большихъ Мытищахъ подали Императрицѣ воду изъ ключа, находящагося близъ этого села. Императрица похвалила свѣжесть, съ которою сохранили воду. Только спустя нѣсколько дней сознались, что воду подавали изъ Мытищинскаго ключа. Императрица тогда же изъявила желаніе, чтобы эта вода была проведена въ Москву. Работы по сооруженію водопровода начаты въ 1779 г. по проэкту и подъ наблюденіемъ инженеръ-генерала Баура и съ продолжительными неоднократными перерывами продолжались до 1805 г.

Въ это время водопроводъ составляли: 43 кирпичныхъ бассейна, устроенныхъ надъ ключами, отысканными близъ с. Большихъ Мытищъ; кирпичная галлерея, вышиною и шириною въ 3 фута, съ таковымъ же сводомъ—отъ означенныхъ бассейновъ до мѣстности въ Москвѣ, называемой Трубою, и пять колодцевъ въ Москвѣ, изъ коихъ вода получалась насосами. Кирпичная водопроводная галлерея пересѣкала въ двухъ мѣстахъ р. Яузу, а также нѣсколько другихъ рѣчекъ и овраговъ. При первомъ пересѣченіи Яузы былъ устроенъ сифонъ подъ одной изъ чугунныхъ трубъ съ двумя кирпичными колодцами при оконечностяхъ сифона; а на второмъ пересѣченіи близъ деревни Ростокино акведуктъ, длиною 167 саж., высот. 60 фут.; надъ другими рѣчками и оврагами были устроены также акведукты меньшихъ размѣровъ.

Общее начертаніе проэкта водопровода показываетъ въ генералѣ

Баурѣ человѣка съ большими способностями и познаніями. Но должно полагать, что невозможность находиться пстоянно при работахъ и скорая его кончина были причиною слѣдующихъ недостатковъ въ устройствѣ водопровода. Постройка ключевыхъ бассейновъ въ с. Большихъ Мытищахъ была недостаточно прочна. Водопроводная кирпичная галлерея, устроенная на деревянныхъ лежняхъ и частію на сваяхъ, должна была по сгніеніи деревянныхъ частей дать трещины и черезъ нихъ пропускать много мытищинской воды и вбирать въ себя воду ключей худшаго качества, которые встрѣчались на протяженіи галлереи.

По учрежденіи главнаго управленія путей сообщенія была образована особая дирекція Мытищинскаго водопровода, подвѣдомственная III (Московскому) Округу путей сообщенія, и директоромъ этого водопровода былъ назначенъ инженеръ-маіоръ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ) Янишъ. Изъ Мытищинскихъ ключей, доставлявшихъ въ сутки до 300 тысячъ ведеръ совершенно чистой воды по кирпичному водопроводу, устроенному въ прошедшемъ столѣтіи, въ 1830 г. доходило до села Алексѣевскаго, въ 2-хъ верстахъ отъ Москвы, около 200 тысячъ ведеръ воды, не измѣнявшей своей чистоты и вкуса. Далѣе въ Сокольничьей рощѣ и на дальнѣйшемъ протяженіи кирпичной галлереи въ чертѣ города, гдѣ она углублена подъ поверхностію земли отъ 6 до 9 саженъ, вскорѣ пслѣ ея устройства оказались поврежденія. Мытищинская вода терялась въ щеляхъ, образовавшихся въ стѣнахъ водопровода, а подземныя воды въ Сокольничьей рощѣ и внутри города втекали въ водопроводъ. На урочищѣ въ Москвѣ, называемомъ Трубою, протекало по водопроводу посредственнаго качества всего до 18 тысячъ ведеръ въ сутки.

Въ 1823 г. часть водопровода въ Сокольничьей рощѣ обрушилась на значительномъ протяженіи, и притокъ Мытищинской воды въ столицу совершенно прекратился, между тѣмъ количество воды, протекающей по кирпичному водопроводу на протяженіи ниже Сокольничьей рощи до урочища Труба, уменьшилось. Это служитъ доказательствомъ, что мытищинская вода по этому водопроводу не доходила до столицы. И такъ водопроводъ не достигалъ предположенной цѣли. Чтобы достигнуть ея, генералъ Янишъ въ 1828—1830 годахъ исправилъ по возможности галлерею отъ Мытищъ до начала Сокольничьей рощи, до которой по галлереѣ доходило чистой Мытищинской воды до 200 тыс. ведеръ въ сутки, а въ этомъ мѣстѣ *) устроилъ въ 1828 г. водоподъемное зданіе, въ которомъ помѣстилъ двѣ поперемѣнно дѣйствующія паровыя машины для подъема по чугунному водопроводу до 180 тыс. ведеръ воды въ сутки въ чугунный резервуаръ, устроенный въ Сухаревой башнѣ, и изъ этого резервуара чугунный водопроводъ до пяти городскихъ фонтановъ. Директоромъ этихъ

*) Болѣе подробныя описанія Московскихъ водопроводовъ помѣщены мною въ журналѣ Главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій за 1858 г. и въ журналѣ «Вѣстникъ промышленности». Въ послѣднемъ статья моя имѣетъ заглавіе: «Историческое обозрѣніе искусства проводить воду».

работъ былъ Максимовъ. Отличное ихъ исполненіе доказывается тѣмъ, что всѣ части новаго водопровода постоянно дѣйствовали вполнѣ удовлетворительно.

Несмотря на значительныя исправленія, сдѣланныя съ 1828 по 1830 г. въ водопроводѣ отъ с. Большихъ Мытищъ до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія, въ немъ постоянно образовывались новыя трещины, требовавшія перестроекъ поврежденныхъ частей галлереи, а также требовались ежегодныя исправленія 43 ключевыхъ бассейновъ, устроенныхъ близъ с. Большихъ Мытищъ. Наблюденіе за этими сооруженіями и исправленіе ихъ поврежденій и составляли мою обязанность, какъ производителя ремонтныхъ работъ по старому водопроводу. Подобныхъ работъ предвидѣлось въ 1832 г. въ 16-ти разныхъ мѣстахъ на сумму до 20 тыс. руб. асс. (около 5700 р. серебр.).

По назначеніи меня производителемъ работъ, я немедля переѣхалъ въ село Алексѣевское, гдѣ въ грязной крестьянской избѣ мнѣ отведена была весьма маленькая комнатка объ одномъ окнѣ. Въ другой комнатѣ жило въ страшной грязи многочисленное семейство крестьянина, хозяина избы. Ѣлъ я то же что и это семейство. Ремонтныя работы полагалось начать съ исправленія кирпичнаго свода водопроводной галлереи, треснувшаго по длинѣ около 10 саж. близъ с. Алексѣевскаго. Для этого 6 солдатъ изъ водопроводной команды отрыли землю, лежавшую надъ поврежденнымъ сводомъ, и разобрали его, а впослѣдствіи 2 каменьщика возобновили этотъ сводъ и тѣ же солдаты его засыпали землею. Моя обязанность была: а) наблюдать, чтобы эти рабочіе не лѣнились и каменьщики клали сводъ прочно изъ старыхъ кирпичей, полученныхъ отъ разборки свода, съ добавленіемъ новыхъ, б) вести рабочій журналъ, въ который вписывать ежедневно состояніе погоды, число работавшихъ каменьщиковъ и солдатъ и еженедѣльно описаніе употребленныхъ на работу матеріаловъ.

Вотъ чѣмъ ограничивался кругъ занятій инженера, изучившаго высшія математическія науки и которому въ Институтѣ безпрерывно говорили о высокой его будущности и блистательной карьерѣ, а я еще считался счастливцемъ, такъ какъ прямо изъ Института попалъ въ производители работъ, другіе инженеры нѣсколько лѣтъ дожидались подобнаго назначенія.

Всѣ прочія ремонтныя работы 1832 г. за исключеніемъ перестройки деревянной крыши ключевого бассейна № 3, длиною и шириною въ 7 саж., и деревянныхъ распорокъ, поддерживающихъ его кирпичныя стѣны, были того же рода; только протяженія поврежденій были въ иныхъ мѣстахъ длиннѣе, и перекладывался не только сводъ, но и поврежденныя почва и стѣны кирпичной галлереи, и перестраивался акведуктъ надъ однимъ небольшимъ оврагомъ.

На каждую изъ этихъ работъ предварительно была утверждена отдѣльная смѣта, а въ случаѣ надобности и чертежи.

Во время производства работъ велся по каждой работѣ отдѣльный

рабочій журналъ, книга же, въ которую записывались приходъ матеріаловъ по мѣрѣ поступленія и расходъ ихъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, была общая для всѣхъ работъ. При объѣздѣ инспекторовъ, ежегодно посылаемыхъ Главнымъ управленіемъ путей сообщенія для осмотра работъ, ими свидѣтельствовались эти книги. Въ 1832 г. инспекторомъ работъ въ III Округѣ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Потье, который, засвидѣтельствовавъ своею подписью всѣ мои рабочіе журналы, сдѣлалъ мнѣ выговоръ за то, что въ одномъ изъ рабочихъ журналовъ не было мною записано ежедневное состояніе погоды, тогда какъ всѣ 16 ремонтныхъ работъ 1832 г. производились на протяженіи 20 верстъ, на которомъ не было разницы въ состояніи погоды. При производствѣ работъ не дозволялось употреблять бо́льшаго количества рабочихъ и матеріаловъ противъ указаннаго въ смѣтахъ, развѣ только въ случаяхъ, которые не могли быть предвидѣны при составленіи смѣты. Эти случаи подробно записывались въ рабочіе журналы подъ рубрикою: «особыя происшествія». Послѣ каждой такой записи составлялась измѣнительная смѣта на работу, въ которой излагались измѣненные параграфы утвержденной смѣты и въ концѣ измѣнительной смѣты прилагался общій сводъ рабочимъ и матеріаламъ по утвержденной и измѣнительной смѣтамъ. Иногда этихъ такъ называемыхъ «особыхъ происшествій» было нѣсколько, и по каждому составлялась измѣнительная смѣта № 2, № 3 и такъ далѣе, и къ каждой прикладывался общій сводъ рабочимъ и матеріаламъ по утвержденной смѣтѣ, по прежнимъ измѣнительнымъ и послѣдней составленной смѣтамъ.

О каждомъ «особомъ происшествіи» доносилось по начальству, и оно должно было быть засвидѣтельствовано въ рабочемъ журналѣ начальствующими лицами. Эта сложная процедура была обязательна и при самыхъ незначительныхъ работахъ. Предвидѣть въ точности число рабочихъ и матеріаловъ, потребныхъ на ремонтъ сооруженія, скрытаго подъ землею, невозможно. Понятно, что для избѣжанія составленія измѣнительныхъ смѣтъ въ рабочіе журналы вносилось не то число рабочихъ, которое дѣйствительно находилось на работахъ, а сообразно тому, которое было положено по утвержденной смѣтѣ. То же дѣлалось и при еженедѣльномъ записываніи употребленныхъ матеріаловъ. Нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ не было возможности записывать иначе; напримѣръ, по смѣтѣ полагалась негашеная известь и не было средствъ измѣрить, сколько еженедѣльно выходило извести изъ творилъ, въ которыхъ она была погашена. Конечно, подобныя неправильности были возможны въ томъ случаѣ, когда подрядчикъ, принявшій на себя съ публичныхъ торговъ поставку рабочихъ и матеріаловъ по опредѣленнымъ цѣнамъ, не терялъ ничего отъ этихъ неправильностей; въ противномъ же случаѣ необходимо было прибѣгать къ составленію измѣнительныхъ смѣтъ. Сверхъ рабочихъ журналовъ выдавались подрядчикамъ или ихъ прикащикамъ при работахъ особыя книги для ежедневнаго записыванія числа поставленныхъ ими рабочихъ, которыя ежедневно должны были свидѣтель-

ствоваться производителемъ работъ. Книжки эти прилагались къ отчету и обыкновенно во время работъ не велись, а по ихъ окончаніи въ эти книжки переписывалось то количество рабочихъ, которое было записано въ рабочихъ журналахъ. Подрядчики или ихъ приказчики очень хорошо знали, что записка въ рабочихъ журналахъ числа ежедневныхъ рабочихъ и употребляемыхъ матеріаловъ не согласна съ дѣйствительностію, а соотвѣтствовала утвержденной смѣтѣ.

Такъ какъ въ бо̀льшей части случаевъ такая записка была имъ выгодна (смѣты составлялись по прежнему урочному положенію), то они за записку бо̀льшаго количества рабочихъ и матеріаловъ противъ дѣйствительно употребленнаго давали деньги тѣмъ производителямъ работъ, которые входили съ ними въ подобные разсчеты. Но многіе инженеры и слышать не хотѣли о секретныхъ разсчетахъ съ подрядчиками, и тѣ, которые желали вести дѣло чисто, сильно путались въ отчетности, такъ что въ концѣ концовъ принуждены были записывать рабочихъ и матеріалы въ книги, какъ изложено выше, съ тою только разницею, что они предоставляли всю выгоду подрядчикамъ, гнушаясь постоянно всякими съ ними счетами, но, конечно, черезъ это могли быть требовательнѣе насчетъ доброкачественности поставляемыхъ подрядчиками матеріаловъ и исполненія работъ. Такимъ образомъ эта пустая регламентація пріучала всѣхъ производителей работъ ежедневно обманывать правительство, а нѣкоторыхъ къ казнокрадству. Послѣдніе разсуждали, что нѣтъ причины, чтобы деньги, которыхъ казна во всякомъ случаѣ лишится, доставались однимъ подрядчикамъ, и потому дѣлились съ ними.

Сверхъ всѣхъ означенныхъ книгъ, производитель работъ выдавалъ подрядчикамъ ежемѣсячно квитанціи, которыя заключали въ себѣ итоги рабочихъ изъ рабочихъ журналовъ и выписки изъ статей прихода по матеріальной книгѣ. Противъ каждаго рода рабочихъ и матеріаловъ выставлялась частная цѣна, опредѣленная предварительными на нихъ торгами, и внизу итогъ. По этимъ квитанціямъ, по засвидѣтельствованіи ихъ директоромъ работъ, деньги выдавались изъ московскаго экономическаго комитета путей сообщенія, который завѣдывалъ хозяйственною частію по работамъ, независимо отъ управляющаго Округомъ путей сообщенія. Во время работъ велась еще книга, называвшаяся алфавитною матеріальною, въ которую записывались поступившіе на работу матеріалы по алфавиту, а именно подъ буквою А —алебастръ, подъ буквою Б—бревна и т. д., но случалось, что сосновыя бревна писались подъ буквою С, бутовый камень, то подъ буквой Б, то подъ буквой К. Вообще книга эта, цѣли которой я никогда не могъ понять, представляла своего рода курьезъ.

По окончаніи каждой работы составлялся такъ называемый технической отчетъ по работамъ и опись оной. Въ 1-ой графѣ отчета вписывался итогъ изъ утвержденной смѣты или итогъ изъ послѣдней измѣнительной смѣты; во 2-ой графѣ итогъ дѣйствительно употребленныхъ рабочихъ и матеріаловъ, и при малѣйшей разности въ этихъ итогахъ требовалось въ

особой графѣ указать на причины этой разности. Выше уже объяснено, что разности почти никогда не было. Опись состояла изъ выписки съ утвержденной смѣты, за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ смѣты, въ которыхъ значились предметы, не оставляющіе слѣдовъ. Въ случаѣ составленія при производствѣ работъ измѣнительныхъ смѣтъ, тѣ параграфы утвержденной смѣты, которые были измѣнены, вписывались въ опись изъ этихъ послѣднихъ смѣтъ. По этой описи работа свидѣтельствовалась директоромъ работъ и постороннимъ лицомъ. Затѣмъ техническій отчетъ съ описью, рабочими журналами, книжкою для записки рабочихъ подрядчикомъ, съ утвержденною и измѣнительными смѣтами и, въ случаѣ надобности, чертежами представлялся чрезъ управляющаго Округомъ въ комиссію для ревизіи отчетовъ, состоявшую при совѣтѣ Министерства путей сообщенія*), а матеріальныя книги въ Московскій экономическій комитетъ. Повторяю, вся эта сложная отчетность не только не вела къ сбереженію казеннаго интереса, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ была причиною того, что молодые инженеры пріучались къ казнокрадству.

Ремонтныя работы на старомъ Московскомъ водопроводѣ производились на протяженіи до 20-ти верстъ. Это давало мнѣ право получать въ рабочіе дни разъѣздныя деньги по справочной цѣнѣ на городскія дрожки въ одну лошадь, что доставляло мнѣ въ лѣтніе мѣсяцы, когда производились работы, ежемѣсячно до ста руб. асс. (28 р. 57 к.). Это мнѣ было большимъ подспорьемъ при скудномъ содержаніи (жалованья 600 р., столовыхъ 200 р. и квартирныхъ 200 р. асс., всего 1000 р. асс.) (285 р. 71 к. сер.). Черезъ годъ жалованье было увеличено на 90 р. и столовыя на 50 р., такъ что все содержаніе составляло 1140 р. асс. въ годъ (325 р. 71 к. сер.), и я могъ завести лошадь и бѣговыя дрожки, хотя этотъ экипажъ былъ весьма неудобенъ, особенно по мостовой въ городѣ, по которой я долженъ былъ проѣзжать очень большое разстояніе отъ Троицкой заставы до дома дяди моего князя Дмитрія Волконскаго, въ Штатномъ переулкѣ, близъ Остоженки. Овесъ и сѣно получалъ я изъ имѣнія моей матери, с. Чегодаева, а кучеръ былъ изъ крѣпостныхъ людей.

Изъ села Алексѣевскаго, въ которомъ я поселился въ началѣ лѣта, я каждый вторникъ и пятницу пріѣзжалъ въ городъ въ упомянутый домъ дяди Дмитрія, куда переѣхала мать моя съ сестрою, которая въ эти дни со мною ходила, такъ же какъ и въ 1831 г., гулять по Тверскому бульвару. Воскресенье я также проводилъ у матери и бывалъ въ кадетскомъ корпусѣ у брата, котораго не отпускали изъ корпуса.

Вскорѣ однако же мать моя съ сестрою уѣхали въ Кіевъ, въ испол-

*) Сверхъ того, по каждой работѣ составлялся техническій списокъ, въ который вписывалась первоначальная цѣнность сооруженія и послѣдовательныя суммы, употребляемыя на его ремонтъ въ каждомъ году, но такъ какъ водопроводъ составлялъ собственно одно сооруженіе, а техническіе списки велись по каждой отдѣльной ремонтной работѣ, произведенной на какой-либо части сооруженія, то эти списки представляли также своего рода курьезъ.

неніе обѣщанія, даннаго моею матерью при полученіи извѣстія о смерти моего старшаго брата, а я переѣхалъ изъ с. Алексѣевскаго въ с. Большія Мытищи, гдѣ была главная работа на старомъ водопроводѣ въ 1832 г., именно, перестройка ключевого бассейна № 3, стоившая до 60,000 р. асс. При ключевыхъ бассейнахъ близъ с. Большихъ Мытищъ былъ устроенъ казенный домикъ съ тремя комнатками для пріѣзжающаго начальства, въ которыхъ я и поселился. Въ Москву я ѣздилъ только въ воскресные и праздничные дни, чтобы видѣться съ младшимъ братомъ въ кадетскомъ корпусѣ. Въ Мытищи почти каждую недѣлю пріѣзжалъ директоръ работъ Максимовъ, который со мною объѣзжалъ всѣ ремонтныя работы обыкновенно въ дрожкахъ, запряженныхъ тройкою. Бывалъ также и управляющій округомъ Янишъ, который былъ такъ привязанъ къ водопроводу, что, проѣзжая въ свою подмосковную деревню, дѣлалъ большой крюкъ, чтобы побывать въ Мытищахъ. Оба эти начальника были постоянно довольны моимъ прилежаніемъ къ дѣлу и смѣтливостію. Максимовъ особенно полюбилъ меня, и я часто бывалъ у него въ Москвѣ. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ на Плющихѣ, въ приходѣ Неопалимой Купины; съ нимъ жила его мачеха, простая, но очень добрая женщина, и ея сынъ Алексѣй. У Максимова я постоянно видалъ Екатерину Петровну Волькенштейнъ, которая имѣла домъ рядомъ съ домомъ Максимова. Послѣдній часто ѣздилъ то одинъ, то съ нею въ ея деревню, находившуюся близъ Троицкой Лавры, и каждый разъ они заѣзжали ко мнѣ въ Мытищи. Екатерина Петровна вышла замужъ очень молодою за человѣка пожилыхъ лѣтъ, Ермолая Филипповича Волькенштейнъ, который послѣднее время служилъ въ Московской рабочей командѣ, состоявшей въ вѣдѣніи Московскаго военнаго генералъ-губернатора. Чиновники этой команды, хотя имѣли гражданскіе чины, носили мундиръ съ эполетами, одинаковый съ мундиромъ строительнаго отряда путей сообщенія, а потому Волькенштейна обыкновенно называли полковникомъ.

Онъ во время моего пріѣзда въ Москву жилъ уже въ Петербургѣ съ старшимъ сыномъ Александромъ, умершимъ въ чинѣ генералъ-маіора. При Е. П. Волкенштейнъ находились младшія дѣти, которыя были очень похожи на П. В. Максимова. Изъ нихъ сынъ Петръ впослѣдствіи служилъ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вышелъ въ отставку дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а теперь (1872 г.) состоитъ секретаремъ общества садоводства въ Петербургѣ. Е. П. Волкенштейнъ въ 1814 г. и слѣдующихъ годахъ часто видала мать мою и тетокъ у княгиня Касаткиной-Ростовской, очень богатой дамы. Она мнѣ говорила, что въ 1814 г., когда послѣ пожара Москвы мать моя съ мужемъ и дѣтьми останавливалась у княгини Касаткиной, Е. П. Волкенштейнъ меня, годового тогда ребенка, качала на рукахъ.

Княгиня Касаткина давно уже умерла, но я еще помню ея великолѣпныя палаты, въ которыхъ часто танцовали, и особенно помню, что въ ея залѣ я въ первый разъ видѣлъ лошадь, которая считала ногою и исполняла

разныя требованія своего проводника. Е. П. Волкенштейнъ меня также очень полюбила, такъ что я въ домѣ Максимовыхъ былъ какъ въ своемъ собственномъ.

Осенью 1832 г. Максимовъ объѣхалъ со мною старый Мытищинскій водопроводъ и назначилъ ремонтныя работы, которыя предполагалъ произвесть въ 1833 г.. Онъ поручилъ мнѣ составить на эти работы смѣты съ чертежами къ нѣкоторымъ изъ нихъ и, между прочимъ, чертежъ на перестройку пришедшаго въ совершенную ветхость ключевого бассейна № 1, называемаго святымъ и громовымъ. Онъ былъ устроенъ, какъ и всѣ прочіе бассейны, съ прямоугольными кирпичными стѣнами, выведенными нѣсколько выше поверхности окружающей земли и съ деревянною на этихъ стѣнахъ крышею. Предполагалось его совсѣмъ сломать, кирпичную стѣну устроить круглою и надъ нею кирпичный сводъ, который засыпать землею, а для входа въ бассейнъ, въ который бываетъ 1-го августа крестный ходъ изъ Мытищинской церкви, устроить каменную лѣстницу, которую покрыть небольшою часовнею. Но я не только не умѣлъ составить столь сложнаго чертежа, но не умѣлъ порядочно начертить гораздо простѣйшихъ проектовъ по перестройкѣ водопроводныхъ арокъ черезъ овраги и т. п., а начисто вовсе чертить не умѣлъ. Максимовъ, узнавъ объ этомъ, не выказалъ ни малѣйшаго неудовольствія, а составилъ за меня всѣ чертежи, что дѣлалъ и впослѣдствіи въ продолженіе всей моей службы подъ его начальствомъ.

По изготовленіи Максимовымъ чертежей на ремонтныя работы 1833 г., я подъ его руководствомъ составилъ по нимъ смѣты, что при способности моей къ вычисленіямъ было мнѣ очень легко. Максимовъ также легко считалъ, но и онъ и Янишъ удивлялись моей замѣчательной въ этомъ отношеніи способности и большой памяти.

По окончаніи работъ я переѣхалъ въ Москву къ матери, которая къ этому времени вернулась изъ Кіева, заѣхавъ на обратномъ пути въ Задонскъ для свиданія съ своею сестрою Татьяною, жившею въ этомъ городѣ, и съ братомъ Дмитріемъ, жившимъ въ 25 верстахъ отъ Задонска въ с. Студенцѣ, половина котораго ему досталась послѣ кончины брата его Николая. Вообще около Задонска у матери моей было много родныхъ и знакомыхъ, съ которыми она видѣлась это время и, между прочимъ, съ Викулиными, которые всѣ жили въ своихъ деревняхъ, находившихся недалеко отъ Задонска. Старшій братъ этихъ Викулиныхъ, рожденный отъ перваго брака А. Ф. Викулина, Семенъ Алексѣевичъ, былъ вдовъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ при немъ находился сынъ Петръ, полоумный отъ рожденія, и дочь Александра. С. А. Викулинъ, знавшій мою мать съ ея малолѣтства, всегда очень ее уважавшій и считавшій себя и свое семейство много обязаннымъ нашему семейству, просилъ въ это время у моей матери руки ея дочери. Въ надеждѣ на свое богатство и на то, что мать моя пожелаетъ успокоить свою старость, живя съ дочерью въ его богатомъ домѣ, онъ былъ увѣренъ въ согласіи моей матери, но ошибся.

Мать моя, принимая въ соображеніе, что ему было 57 лѣтъ, а сестрѣ моей 21 годъ, не соглашалась, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣти отъ перваго брака С. А. Викулина были старѣе моей сестры и, какъ мы увидимъ далѣе, не любили отца и вообще не отличались хорошимъ характеромъ.

По возвращеніи въ Москву, мать, сестра и я не могли помѣститься въ небольшомъ верхнемъ этажѣ флигеля при домѣ дяди моего Дмитрія, а потому наняли маленькій домъ близъ Собачьей площадки, въ которомъ я занялъ единственную комнату въ антресоли. Къ 30 октября, дню рожденія моего дяди Александра, я ѣздилъ къ нему въ с. Шленки, верстахъ въ 30-ти за Подольскомъ. До этого города и обратно въ Москву я ѣхалъ на своей лошадкѣ въ бѣговыхъ дрожкахъ. Возвращаясь въ ночь съ 31-го октября на 1-е ноября, я видѣлъ необыкновенно огромное число падающихъ звѣздъ и разныя огненныя явленія на небѣ, какихъ уже болѣе не видалъ во всю жизнь.

Сидѣвшій сзади меня бывшій мой дядька, а въ это время слуга Дороѳей, большой охотникъ философствовать, суевѣръ и трусъ, увѣрялъ, что эти явленія предсказываютъ что-то ужасное. Онъ поминутно оглядывался, опасаясь нападенія на насъ изъ-за валовъ, которые были насыпаны съ обѣихъ сторонъ дороги, еще не превращенной тогда въ шоссе, и сдѣлался особенно остороженъ въ 7 верстахъ отъ Москвы, увѣряя, что здѣсь многіе подвергались нападенію и что самая деревня, въ этомъ мѣстѣ расположенная близъ дороги, называвшаяся, кажется, Волконскою, получила въ народѣ названіе «Грабилино».

Въ началѣ Декабря мать моя съ сестрою поѣхали въ с. Васильевское Подольскаго уѣзда, къ Александру Васильевичу Васильчикову. У него было три дочери, изъ которыхъ старшая Анна была очень дружна съ моею сестрою. Вскорѣ пріѣхалъ и я въ с. Васильевское. Былъ первый часъ ночи и я, подъѣзжая къ помѣщичьему дому, видѣлъ его вполнѣ освѣщеннымъ. Меня ввели въ кабинетъ хозяина чрезъ освѣщенныя комнаты. Между тѣмъ онъ извинился передо мною, что я долженъ былъ пройти въ темнотѣ, такъ какъ у него въ обычаѣ тушить всѣ огни въ полночь, и онъ только что получилъ донесеніе о томъ, что всѣ огни потушены. Точно также въ извѣстные часы дня приходили къ нему съ докладомъ, что весь домъ осмотрѣнъ и вездѣ все въ порядкѣ, а равно и о числѣ градусовъ на дворѣ. Казалось, порядокъ примѣрный, но все это былъ пуфъ: никто дома не осматривалъ, огней не тушилъ и даже число градусовъ никто не повѣрялъ по термометру, а говорилось то, что на умъ приходило.

Такой же порядокъ былъ и въ управленіи имѣніемъ, надъ которымъ уже была назначена опека. А. В. Васильчиковъ и два его брата наслѣдовали имѣніе ихъ дяди Александра Семеновича Васильчикова, которое было ему пожаловано Екатериною. Онъ жилъ не роскошно, въ карты не игралъ и вообще не имѣлъ страстей, кромѣ одной страсти обмѣнивать имѣвшіяся у него вещи на другія, которыя онъ видѣлъ у кого-либо изъ его гостей. За бездѣльную вещицу онъ часто давалъ болѣе дорогую, при чемъ еще при-

плачивалъ деньгами, такъ что нѣкоторыя изъ имѣвшихся у него вещей, весьма малоцѣнныхъ, обошлись ему очень дорого. Этою страстью пользовались нѣкоторые изъ помѣщиковъ и въ особенности изъ посѣщавшихъ его въ деревнѣ уѣздныхъ чиновниковъ. Конечно, не она была причиною его раззоренія, а безпорядокъ въ веденіи дѣлъ и совершенное неумѣніе управлять имѣніемъ. Наибольшая часть доставшагося ему имѣнія была въ Тульской губерніи, а такъ какъ оно поступило въ опеку, то необходимо было отыскать помѣщика этой губерніи въ опекуны. На моей двоюродной сестрѣ баронессѣ Варварѣ Антоновнѣ Дельвигъ былъ женатъ помѣщикъ Крапивенскаго уѣзда Никита Дмитріевичъ Тейлсъ, котораго мать моя предложила Васильчикову въ опекуны его Тульскаго имѣнія. Васильчиковъ хотѣлъ съ нимъ познакомиться, и мы въ нѣсколькихъ экипажахъ отправились къ нему на собственныхъ лошадяхъ Васильчикова. Онъ ѣхалъ со мною въ большихъ открытыхъ саняхъ, запряженныхъ четвернею очень хорошихъ лошадей. Подобныя поѣздки теперь немыслимы. Мы встрѣчали по дорогѣ огромные обозы, которые иногда тянулись въ нѣсколько рядовъ. Это огромное движеніе къ Москвѣ меня сильно тогда поразило. Васильчиковъ не пропускалъ ни одного обоза, чтобы не спросить, откуда онъ идетъ, какому принадлежитъ помѣщику и что везетъ. Эти вопросы были дѣлаемы безъ всякой цѣли, и отвѣты если и выслушивались, то немедля забывались.

Тейлсы, мужъ и жена, были намъ очень рады. Онъ былъ хорошъ собою, жена же была истинная красавица. Несмотря на непомѣрное баловство родной тетки А. М. Моисеевой, у которой она воспитывалась, она была отличнаго характера, чрезвычайно добра и умна. Хотя она и вышла очень молодою замужъ (во время нашего посѣщенія ей было всего 21 годъ, а она имѣла уже трехъ дѣтей), она имѣла сильное вліяніе на мужа, который при ней казался порядочнымъ человѣкомъ.

Погостивши нѣсколько дней у Тейлсовъ, мы ѣздили въ Чернскій уѣздъ къ моей родной теткѣ, баронессѣ Л. М. Дельвигъ, жившей въ своемъ небольшомъ имѣніи с. Бѣлинѣ, съ тремя дочерьми, дѣвицами Анною, Глафирою и Любовью, и съ двумя сыновьями Александромъ и Иваномъ, которыхъ я училъ въ 1831 г. въ Петербургѣ. Неподалеку отъ с. Бѣлина жила родная сестра моей тетки, старая дѣвица Надежда Матвѣевна Красильникова, въ своемъ также небольшомъ имѣніи, с. Хитровѣ. Она была въ молодости хороша собою, очень бойка и, доживъ до старости, все еще наряжалась и очень занималась своею наружностью.

Баронесса Л. М. Дельвигъ и Н. М. Красильникова, которыя приходились двоюродными тетками моей матери, знали ее съ малолѣтства и всегда очень любили. Онѣ были намъ очень рады и въ особенности рады были видѣть меня: баронесса Л. М. Дельвигъ потому, что видѣла во мнѣ воспитанника умершаго почти за два года ея сына, барона А. А. Дельвига, и потому, что я съ малолѣтства былъ друженъ съ ея дочерью Глафирою, моею ровесницею, а Н. М. Красильникова—какъ своего крестнаго сына.

Въ началѣ текущаго столѣтія былъ обычай при крещеніи дѣтей имѣть нѣсколько воспріемниковъ и воспріемницъ. Такимъ образомъ воспріемниками моими были: родной мой дѣдъ, князь А. А. Волконскій, родной мой дядя князь Дмитрій и сосѣдъ по имѣнію Емельяновъ, а воспріемницами Т. Г. Викулина, Н. М. Красильникова и родная тетка моя княжна Татьяна Волконская.

Зимою 1832—1833 г. въ Москвѣ мать моя часто ходила, какъ и прежде, въ церковь, ѣзжала съ сестрою и со мною къ роднымъ и знакомымъ съ визитами, на обѣды и вечера, для чего иногда нанимала экипажъ, а иногда пользовалась экипажами дядей Александра и Дмитрія и другихъ родныхъ и знакомыхъ. Почти каждый вторникъ ѣздили мы на балы благороднаго собранія и, сверхъ того, нерѣдко бывали у родныхъ и знакомыхъ на балахъ и танцовальныхъ вечерахъ. Сестра, при ея хорошенькомъ лицѣ и прекрасной таліи, была вездѣ замѣтна. Она была всегда хорошо одѣта, что при весьма ничтожныхъ средствахъ моей матери было не легко. Конечно, все шилось и перешивалось дома: сестра была большая мастерица одѣться къ лицу. Кавалеровъ на балахъ и вечерахъ въ Москвѣ всегда было мало. Пріѣзжали на зиму нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, которые играли главную роль; вслѣдъ за ними отличались на балахъ офицеры корпуса путей сообщенія, а потому и я игралъ не послѣднюю роль. Но я на этихъ вечерахъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Болѣе шести лѣтъ прошло съ того времени, какъ я учился танцовать, и съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ баловъ въ Петербургѣ въ нѣмецкомъ клубѣ, куда заходилъ очень рѣдко, не видалъ даже танцующихъ. Къ дамскому обществу я вовсе не привыкъ, такъ какъ дамъ въ числѣ гостей у Дельвига почти не бывало. Я чувствовалъ себя неловкимъ въ танцахъ и вообще въ дамскомъ обществѣ. Сверхъ того, принимая въ соображеніе мою бѣдность, мое ограниченное содержаніе и невозможность сдѣлать даже ничтожную карьеру въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ производство было чрезвычайно медленно, я понималъ, что всѣмъ этимъ порхающимъ барышнямъ, а равно и ихъ маменькамъ, я долженъ былъ казаться весьма ничтожнымъ существомъ, что впрочемъ я отъ нѣкоторыхъ испыталъ, приглашая ихъ на танцы: онѣ видимо старались найти кавалеровъ болѣе богатыхъ, а можетъ-быть, по ихъ понятіямъ, и болѣе занимательныхъ.

Е. Г. Левашева была очень образованная и умная женщина. Несмотря на жестокую болѣзнь, заставлявшую ее каждый мѣсяцъ дней по десяти лежать въ постели, она всегда была ровнаго характера, умѣла занимать всѣхъ посѣщавшихъ ее и вести свою многочисленную прислугу въ порядкѣ, не употребляя ни крика, ни тѣлесныхъ наказаній, бывшихъ тогда въ общемъ употребленіи. Мужъ ея, Н. В. Левашевъ, былъ добрый человѣкъ, читалъ постоянно французскія газеты или игралъ въ шахматы, болѣе молчалъ, и жена его умѣла дѣлать такъ, что и онъ казался человѣкомъ образованнымъ. Они оба, а въ особенности Екатерина Гавриловна, меня очень любили.

У Левашевыхъ я бывалъ часто и видалъ у нихъ знаменитаго поэта Дмитріева, М. А. Салтыкова, М. Ѳ. Орлова, А. Н. Раевскаго (демона А. С. Пушкина), П. С. Полуденскаго, знаменитаго хирурга Гильдебрандта, докторовъ Лана, Н. Х. Кечера, поэтовъ Е. А. Баратынскаго и М. А. Дмитріева и многихъ другихъ. Во флигелѣ ихъ дома въ разное время долго жили Сергѣй Николаевичъ Муравьевъ, мало извѣстный младшій братъ очень извѣстныхъ декабристовъ Александра, Николая (Карскаго), графа Михаила и Андрея (незванаго, которому дали это прозвище въ противоположность его патрона Андрея Первозваннаго), М. А. Бакунинъ, извѣстный агитаторъ, Г. А. Замятинъ и П. Я. Чаадаевъ. Послѣдній остался въ этомъ домѣ послѣ продажи его и въ немъ умеръ въ 1856 г. Въ домѣ же Левашевыхъ постоянно останавливался съ своимъ семействомъ М. Н. Муравьевъ, бывшій тогда Курскимъ военнымъ губернаторомъ. Когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, жена его съ дѣтьми по нѣсколько мѣсяцевъ гостила у Левашевыхъ.

И. И. Дмитріевъ былъ очень чопорный старикъ. Онъ всегда пріѣзжалъ къ Левашевымъ во фракѣ со звѣздами. М. А. Салтыковъ, отецъ баронессы С. М. Дельвигъ, не менѣе чопорный старикъ, имѣлъ прекрасную наружность. Въ бытность мою въ Москвѣ я продолжалъ часто посѣщать его въ домѣ Левашевыхъ. Поссорившись съ Чаадаевымъ изъ-за какихъ-то пустяковъ, Салтыковъ пересталъ ѣздить къ Левашевымъ. М. Ѳ. Орловъ былъ человѣкъ очень образованный и добрый. Наружность его была весьма замѣчательная. Вслѣдствіе участія его въ тайномъ обществѣ, изъ котораго вышелъ задолго до 1825 г., онъ былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ деревню. Впослѣдствіи ему дозволено было жить въ Москвѣ. Натура его требовала дѣятельности, которую онъ, по тогдашнему состоянію нашего общества, не могъ употреблять на что-либо дѣльное. Это было причиною того, что онъ любилъ въ обществѣ высказывать свои знанія, а иногда и такія, которыхъ онъ не имѣлъ. Такъ, любилъ онъ цитировать стихи древнихъ поэтовъ, едва ли зная древніе языки, и даже пускался въ математическіе толки, тогда какъ онъ положительно не зналъ высшей математики. Приведу одинъ примѣръ того, какъ онъ любилъ выказывать свои знанія. Говоря о какихъ-то двухъ лицахъ, онъ выразился, что они во всемъ такъ противоположны, что не могутъ встрѣтиться, какъ ассимптоты гиперболы. По уходѣ Орлова и присутствовавшаго при означенномъ разговорѣ П. Я. Чаадаева, я замѣтилъ Е. Г. Левашевой, что Орловъ ошибается, говоря, что ассимптоты гиперболы не встрѣчаются, что онѣ напротивъ идутъ изъ одной точки, что незадолго передъ этимъ вышелъ какой-то романъ Бальзака, въ которомъ онъ разсказываетъ, что герой романа и дворъ Людовика XVIII не могли никогда сойтись, какъ двѣ ассимптоты гиперболы, но математику нельзя же изучать въ романахъ Бальзака. Левашева передала мое замѣчаніе Чаадаеву, который будучи увѣренъ въ познаніяхъ Орлова, заявилъ сожалѣніе о томъ, что въ Россіи плохо учатъ и что инженеръ, кончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, не знаетъ даже

такой простой вещи. Левашева разсказала мнѣ это послѣ того, какъ я женился на ея дочери, и я долженъ былъ въ доказательство справедливости моего замѣчанія, на чертежѣ, приложенномъ къ курсу аналитической геометріи, показать ей, что такое гипербола и ея ассимптоты. Впрочемъ, все же Орловъ, хотя и не зналъ математики, былъ человѣкъ образованный, а главное весьма добрый и привѣтливый.

Графъ Карлъ Ѳеодоровичъ Толь очень любилъ и уважалъ М. Ѳ. Орлова. Въ 1834 г. я слышалъ отъ него, что Россія въ 1825 г. потеряла въ лицѣ Орлова человѣка очень способнаго командовать во время войны.

А. Н. Раевскій былъ также человѣкъ образованный и, въ противоположность Орлову, женатому на его сестрѣ, мало высказывающійся. Впрочемъ, мнѣ случалось съ нимъ говорить по цѣлымъ часамъ съ глаза на глазъ... Онъ былъ женатъ на Киньяковой, которая была богата, давалъ балы, на которыхъ я и танцовалъ и игралъ въ карты, въ ландскне, кушъ по 10 р. асс. Эта игра далеко превышала мои денежныя средства, но какъ то она мнѣ удачно сходила съ рукъ. На одномъ изъ баловъ Раевскаго, во время танцевъ, получена была грустная вѣсть о кончинѣ А. С. Пушкина.

Докторъ Ланъ, лечившій Левашеву, имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Одинъ изъ сыновей его, Фредерикъ, былъ моимъ товарищемъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Дочери Лана были очень хороши собою; старшая вышла замужъ за И. Ѳ. Гильдебрандта, а младшая за моего товарища по Институту князя П. Н. Максутова и впослѣдствіи вторымъ бракомъ за генералъ-адъютанта Посьета. Онѣ, а равно Варвара Петровна Полуденская и сестра моя служили украшеніемъ танцовальныхъ вечеровъ, дававшихся Левашевыми въ зиму 1832—1833 г.

С. Н. Муравьеву и мнѣ очень нравилась В. П. Полуденская и мы вмѣстѣ ходили на гулянья, чтобы встрѣтить ее, но она вскорѣ была помолвлена за Ѳ. Н. Лугинина. Мы ее встрѣчали тогда подъ Новинскимъ подъ руку съ женихомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Лугинины разошлись. Н. Х. Кечеръ, котораго Герценъ очень живо и вѣрно описалъ, бывалъ каждый день у Левашевыхъ. Онъ имѣлъ чрезвычайно непріятную наружность и непріятныя манеры: не знаю, что могло въ немъ нравиться Левашевой. Кечеръ постоянно игралъ въ шахматы съ Н. В. Левашевымъ.

Кечеръ для меня и для многихъ другихъ служилъ загадкою въ томъ отношеніи, что онъ, участвуя въ началѣ 30 годовъ во всѣхъ происшествіяхъ, за которыя Герценъ и многіе другіе были наказаны административнымъ порядкомъ, не подвергался никакимъ преслѣдованіямъ. Въ 1836 г. онъ перевелъ съ французскаго языка надѣлавшее много шуму «философское письмо» Чаадаева, за которое послѣдній объявленъ сумашедшимъ, журналъ «Телескопъ», въ которомъ помѣщенъ этотъ переводъ, запрещенъ, редакторъ журнала и цензоръ пострадали,— одинъ переводчикъ остался безъ преслѣдованія, даже никто не спросилъ о томъ, кто переводилъ письмо Чаадаева и съ дозволенія ли послѣдняго этотъ переводъ напечатанъ. Эта загадка относительно Кечера осталась

неразгаданною для меня и до сего времени. Рукописное письмо Чаадаева по французски читали въ Москвѣ очень многіе, и никто имъ не оскорблялся; оскорбилъ же почти всѣхъ напечатанный переводъ этого письма. Нѣтъ сомнѣнія, что Чаадаевъ зналъ о переводѣ и о его печатаніи и этому не препятствовалъ, но не болѣе. Письмо было напечатано съ цѣлью увеличить число подписчиковъ на журналъ, т.-е. изъ за денежныхъ выгодъ, въ которыхъ Чаадаевъ не участвовалъ.

С. Н. Муравьевъ жилъ во флигелѣ дома Левашевыхъ, вслѣдствіе ихъ дружбы съ братомъ Муравьева Михаиломъ Николаевичемъ. Не знаю, почему у нихъ же во флигелѣ жилъ М. А. Бакунинъ, человѣкъ непріятный въ обращеніи и котораго многіе называли «косматая порода». Онъ носилъ очень длиные волосы, которые были весьма густы, вились отъ природы, рѣдко расчесывались. Во время его жительства у Левашевыхъ, онъ былъ преданъ изученію Гегеля. Г. А. Замятнинъ былъ роднымъ дядею Н. В. Левашева. Промотавъ самымъ глупымъ образомъ довольно большое состояніе, онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни и потому принужденъ былъ жить въ чужихъ домахъ. Сначала жилъ онъ въ домахъ родныхъ жены своей, Викулиныхъ, но необъяснимое желаніе своими сплетнями всѣхъ перессорить, возбуждать прислугу противъ господъ, которые ему давали пріютъ, толковать послѣдней Евангеліе по школѣ Вольтера, въ которой онъ былъ воспитанъ, побуждало всѣхъ разставаться съ нимъ. Не находя болѣе пріюта у Викулиныхъ, Замятнинъ просилъ такового у Левашевыхъ. Я передалъ Е. Г. Левашевой все, что зналъ о Замятнинѣ. Но она была увѣрена въ томъ, что Замятнину не удастся своими сплетнями поссорить ее не только съ мужемъ, но и ни съ кѣмъ изъ живущихъ въ ея домѣ, и что онъ не можетъ имѣть особаго вліянія на ея прислугу. Конечно, онъ не успѣлъ поссорить ее ни съ кѣмъ, но своими сплетнями дѣлалъ разныя непріятности ея дочерямъ, а въ особенности ихъ двумъ гувернанткамъ, которыя были примѣрными женщинами. Въ примѣръ сплетничества Г. А. Замятнина разскажу слѣдующую его продѣлку. Когда сынъ послѣдняго, назначенный жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Вятку, проѣзжалъ черезъ Москву, Е. Г. Левашева просила его отвезти ея письмо къ Герцену, если Замятнинъ не найдетъ этого неудобнымъ, такъ какъ Герценъ былъ сосланъ въ Вятку подъ надзоръ полиціи. Замятнинъ не находилъ въ этомъ никакого неудобства и взялъ письмо отъ Левашевой, которое позабылъ на столѣ у отца. Послѣдній вмѣсто того, чтобы отдать его сыну, полюбопытствовалъ узнать, о чемъ можетъ писать Левашева къ Герцену, и распечаталъ письмо. Вскорѣ изъ писемъ Герцена Левашева увидала, что онъ ея письма, переданнаго А. Г. Замятнину, не получилъ, чему она очень удивлялась и выражала свое удивленіе мнѣ и отцу его, который вслѣдствіе этого рѣшился запечатать письмо и отправить къ своему сыну, давно забывшему объ этомъ письмѣ за хлопотами по переѣзду и по вступленію въ новую, незнакомую ему должность. Послѣдній, не обративъ вниманія на то, что письмо явно было распечатано, отослалъ его къ Герцену, который при первой встрѣчѣ

съ Замятнинымъ очень рѣзко замѣтилъ, что Замятнинъ напрасно принялъ на себя подобное порученіе отъ Левашевой и что, имѣя средства читать чужія письма такъ, чтобы это не было замѣтно, Замятнину не было надобности дурнымъ припечатаніемъ письма выказывать такъ явно, что оно было читано. Замятнинъ ничего не отвѣчалъ и только по обыкновенію своему улыбался, что еще болѣе бѣсило Герцена. Въ 1858 году въ Лондонѣ Герценъ говорилъ мнѣ, что онъ постоянно былъ всѣми преслѣдуемъ въ Россіи, что и побудило его оставить ее, что не преслѣдовали его только бывшій Московскій Комендантъ Сталь и Вятскій жандармскій штабъ-офицеръ Замятнинъ и что послѣдній, несмотря на дерзкое съ нимъ поведеніе Герцена, много сдѣлалъ для улучшенія его положенія. Герценъ мнѣ разсказывалъ это, вовсе не зная, что Замятнинъ женатъ на моей родной теткѣ. Кромѣ хорошихъ отзывовъ о Герценѣ, въ установленные сроки представляемыхъ шефу жандармовъ, Замятнину удалось помочь Герцену слѣдующимъ образомъ.

Во время путешествія Наслѣдника (Императора Александра II) по Россіи, бывшій Вятскій губернаторъ Тюфяевъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ огромнаго количества крестьянъ для исправленія дорогъ и для торжественной встрѣчи во всѣхъ селеніяхъ Вятской губерніи, черезъ которыя Наслѣдникъ долженъ былъ проѣзжать. Пора была самая рабочая, и Замятнинъ просилъ губернатора отмѣнить сборъ народа для встрѣчи въ виду того, что полевыя работы не могутъ быть отложены. Тюфяевъ не принялъ совѣта Замятнина. Послѣдній объ этомъ донесъ своему начальству, и Тюфяевъ, на котораго по другимъ поводамъ поступило много жалобъ, былъ удаленъ отъ должности. Замятнину былъ порученъ пріемъ Наслѣдника, который оставался дня три въ Вяткѣ и долженъ былъ между прочимъ осмотрѣть приготовленную къ его пріѣзду выставку мѣстныхъ сельскихъ произведеній. Замятнинъ доложилъ Наслѣднику, что, состоя постоянно въ военной службѣ, онъ ничего не можетъ объяснить на выставкѣ, что могъ бы сдѣлать весьма образованный человѣкъ Герценъ, если на это Наслѣдникъ дастъ дозволеніе, такъ какъ Герценъ сосланъ въ Вятку подъ надзоръ полиціи. Наслѣдникъ согласился, и такимъ образомъ Герценъ провелъ нѣсколько часовъ съ Наслѣдникомъ, по просьбѣ котораго Государь приказалъ перевести Герцена во Владиміръ, съ опредѣленіемъ въ государственную службу.

Ксгда продѣлка съ письмомъ Левашевой къ Герцену сдѣлалась извѣстна, Левашева спрашивала Г. А. Замятнина, зачѣмъ онъ задержалъ ея письмо. Этотъ 70 лѣтній старикъ по обыкновенію своему вынималъ табакерку, билъ по ней пальцами и отвѣчалъ: «Да, задержалъ». На вопросъ— зачѣмъ онъ распечаталъ письмо, отвѣчалъ также: «Да, распечаталъ», и болѣе нельзя было ничего отъ него добиться. Наконецъ, въ домѣ Левашевыхъ безконечныя сплетни Г. А. Замятнина надоѣли, и онъ долженъ былъ оставить этотъ домъ и поселиться въ Москвѣ на небольшой квартирѣ. Онъ вскорѣ умеръ въ имѣніи Викулиныхъ.

П. Я. Чаадаевъ познакомился съ Левашевыми черезъ М. А. Салтыкова и М. Ѳ. Орлова, скоро очень сблизился съ ними и поселился въ одномъ изъ флигелей ихъ дома. Направленіе образованія Левашевой и Чаадаева было одинаково и очень понятно, что они вскорѣ подружились. Чаадаевъ каждый день нѣсколько часовъ проводилъ у Левашевыхъ и почти каждый день у нихъ обѣдалъ. Это сближеніе было необыкновеннымъ счастіемъ для Чаадаева въ особенности въ то время, когда онъ былъ объявленъ сумашедшимъ и когда ему запрещено было бывать у кого бы то ни было, но такъ какъ онъ жилъ на одномъ дворѣ съ Левашевыми, то каждый день у нихъ обѣдалъ и проводилъ у нихъ почти все время. Прекрасный садъ, которымъ былъ окруженъ домъ Левашевыхъ (впослѣдствіи Шульца на Новой Басманной), большихъ любителей и знатоковъ садоводства, доставлялъ Чаадаеву въ лѣтнее время удобство для прогулокъ.

Если бы у Чаадаева не было этихъ ресурсовъ во время его мнимаго сумашествія, онъ дѣйствительно могъ бы сойти съ ума. Въ послѣднее время такъ много было писано о немъ, что я вполнѣ согласный съ тѣми, которые признаютъ въ Чаадаевѣ высокій умъ и большое образованіе и которые справедливо оцѣниваютъ его вліяніе на наше тогдашнее общество, ограничусь только нѣсколькими о немъ разсказами, поясняющими, до чего доходили его странности.

Чаадаевъ имѣлъ весьма пріятное лицо, красивую наружность и вполнѣ аристократическія манеры. Достаточно было его видѣть одинъ разъ, чтобы уже никогда не забыть. Онъ, растративъ довольно значительное состояніе, полученное отъ родителей и отъ разныхъ родственниковъ, оправдывалъ это тѣмъ, что ожидалъ скорой смерти и потому будто-бы не берегъ состоянія. Я думаю, что онъ былъ просто неразсчетливъ, каковымъ остался и послѣ своего раззоренія.

Для поддержанія своего существованія онъ безпрерывно дѣлалъ долги, возможность уплатить которые была весьма сомнительна. Имѣя уже весьма малыя средства и живя во флигелѣ дома Левашевыхъ, нанятомъ имъ за 600 р. асс. (171 р. сер.) въ годъ, которыхъ Левашевы никогда не получали, онъ нанималъ помѣсячно весьма элегантный экипажъ, держалъ камердинера, которому дозволялось заниматься только чистою работою. Вся прочая работа по дому была поручена женщинѣ и другому человѣку, который не только чистилъ сапоги Чаадаева, но и его камердинера. Нечего и говорить, что Чаадаевъ былъ всегда одѣтъ безукоризненно. Перчатки онъ покупалъ дюжинами. Когда, надѣвъ первую перчатку купленной дюжины, онъ находилъ ее не вполнѣ элегантною для его рукъ, то бросалъ всю дюжину, которою завладѣвалъ его камердинеръ и продавалъ въ семьѣ Левашевыхъ. Это напоминаетъ мнѣ слѣдующій о Чаадаевѣ анекдотъ. Въ бытность лейбъ-гусарскимъ офицеромъ онъ зашелъ въ Петербургѣ въ магазинъ, чтобы купить какую-то бездѣлицу. Продавецъ не обращалъ на него вниманія, отвлеченный продажею довольно цѣнной

вазы. Чаадаевъ, чтобы обратить на себя вниманіе, разбилъ эту вазу и немедля заплатилъ за нее.

Въ домѣ Левашевыхъ Чаадаева, какъ новаго знакомаго и какъ человѣка дѣйствительно замѣчательнаго, принимали съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ немедля воспользовался этимъ, чтобы играть въ домѣ первостепенную роль, чѣмъ М. А. Салтыковъ былъ видимо недоволенъ. Чаадаевъ, поселясь во флигелѣ дома Левашевыхъ, бывалъ у нихъ чаще Салтыкова и завладѣлъ за обѣденнымъ столомъ, а также и въ кабинетѣ Левашевой, служившемъ постоянною гостиной, мѣстами, которыя занималъ до него Салтыковъ, бывшій годами двадцатью старше Чаадаева. Кончилось тѣмъ, что они поссорились и Салтыковъ пересталъ ѣздить къ Левашевымъ. Чаадаевъ до того привыкалъ къ мѣстамъ, которыя онъ выбиралъ для себя, что если пришедшіе прежде его занимали эти мѣста, то онъ явно выказывалъ неудовольствіе, былъ неразговорчивъ и скоро уходилъ. Это случалось съ нимъ не только въ домѣ Левашевыхъ, но и въ другихъ домахъ, и въ англійскомъ клубѣ, гдѣ онъ сидѣлъ обыкновенно на диванѣ въ маленькой каминной комнатѣ. Когда его мѣсто было занято другими или когда въ этой комнатѣ, въ которой обыкновенно не играли въ карты, ставили столъ для карточной игры, Чаадаевъ выказывалъ явное неудовольствіе и во время крымской войны называлъ лицъ, занимавшихъ его мѣсто или игравшихъ въ этой комнатѣ въ карты, баши-бузуками.

Въ англійскій клубъ Чаадаевъ пріѣзжалъ всегда въ опредѣленные часы. Къ обѣду по средамъ и субботамъ онъ пріѣзжалъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ. Въ другіе дни онъ пріѣзжалъ въ клубъ въ полночь, и многіе замѣчали, что онъ не входилъ въ комнаты клуба прежде перваго 12 часового удара.

Съ знакомыми Чаадаевъ былъ учтивъ, но вообще весьма сдержанъ; съ людьми малаго образованія, не фешенебельными и въ особенности съ тѣми, которые не пользовались хорошею репутаціею, онъ велъ себя гордо, за что не былъ любимъ нѣкоторою частію московскаго общества. Каждый понедѣльникъ по вечерамъ собиралось у него самое избранное мужское общество, несмотря на скромность помѣщенія, занимаемаго Чаадаевымъ и на его отдаленность отъ центра города. Впослѣдствіи это собраніе было также по понедѣльникамъ, но между первымъ и пятымъ часомъ пополудни. Всѣ лица чѣмъ-нибудь замѣчательныя, при проѣздѣ черезъ Москву, непремѣнно заѣзжали къ Чаадаеву. Онъ даже замѣчалъ, что тѣ изъ его прежнихъ товарищей, значительно повысившихся въ государственной службѣ, которые не заѣзжали къ нему, не получали въ слѣдующій годъ служебной награды. Онъ обращалъ постоянное вниманіе на это повышеніе своихъ товарищей, часто находя, что они по своему образованію и способностямъ ихъ не заслуживаютъ и говорилъ про дослужившихся до генеральскихъ чиновъ, когда они получали новыя награды: «а вѣдь я зналъ его просто капитаномъ», не обращая вниманія на то, что съ того времени прошли десятки лѣтъ.

Образъ мыслей Чаадаева былъ либеральный въ томъ смыслѣ, какъ либерализмъ понимали у насъ въ то время. Онъ, конечно, желалъ свободы и просвѣщенія, но это для избраннаго общества. Онъ не понималъ нуждъ народной массы и, кажется, мало о ней заботился.

Тогда существовали двѣ литературныя партіи, именно: западниковъ и славянофиловъ. Обѣ очень уважали Чаадаева, который, конечно, принадлежалъ къ первой партіи. Онъ былъ съ нею солидаренъ и въ отношеніи къ улучшенію народнаго быта, такъ какъ между этими партіями была между прочимъ и та разница, что славянофилы поставили себѣ главною задачею освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, а западники объ этомъ мало думали. Вообще Чаадаевъ былъ человѣкъ не практичный. При этомъ мнѣ припоминается частое его ко мнѣ обращеніе послѣ того, что я назначенъ былъ въ 1852 г. начальникомъ Московскихъ водопроводовъ. Онъ говаривалъ мнѣ:

— Вы знаете, какъ я васъ люблю и какъ я радъ, что вы живете въ Москвѣ, но право не могу понять вашего здѣсь назначенія; я съ ребячества жилъ въ Москвѣ и никогда не чувствовалъ недостатка въ хорошей водѣ; мнѣ всегда подавали стаканъ чистой воды, когда я этого требовалъ.

Эти слова вовсе не были съ его стороны натяжкою. Онъ дѣйствительно полагалъ, что если онъ всегда имѣлъ чистую воду въ Москвѣ, то и всѣ ее имѣли.

Чаадаевъ, гонимый правительствомъ, постоянно былъ его оппонентомъ и любилъ это выказывать. Совершенное незнаніе Россіи, потребностей народа и привычка къ оппозиціи довели его до того, что съ воцареніемъ Императора Александра II, когда начали ходить слухи объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что намѣренъ запереться дома, такъ что только изрѣдка будетъ видѣться со мною и съ самыми близкими ему людьми съ тѣмъ,чтобы заняться сочиненіемъ, въ которомъ онъ докажетъ необходимость сохраненія въ Россіи крѣпостного права. Къ чести Чаадаева, постигшая его въ началѣ 1856 г. смерть помѣшала ему написать это сочиненіе, если только онъ дѣйствительно намѣренъ былъ осуществить свои слова.

Чаадаевъ былъ убѣжденъ, что его знакомство съ А. С. Пушкинымъ съ того времени, когда послѣдній былъ еще въ Лицеѣ, имѣло сильное вліяніе на развитіе генія Пушкина, и потому всегда порицалъ тѣхъ, кто писалъ о Пушкинѣ, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ и въ особенности сильно за это нападалъ на П. И. Бартенева (впослѣдствіи издателя «Русскаго Архива»).

Чаадаевъ очень гордился своимъ происхожденіемъ. Часто въ московскомъ англійскомъ клубѣ желавшіе подразнить Чаадаева спрашивали его, какъ ему родня Михаилъ Ивановичъ Чеодаевъ, бывшій тогда генераломъ отъ инфантеріи и командиромъ 6 пѣхотнаго корпуса. Чаадаевъ

обыкновенно не отъѣчалъ на этотъ вопросъ, но ближайшимъ своимъ знакомымъ говорилъ:

— Видите, до какой степени эти господа невѣжественны; они не знаютъ, что я не Чеодаевъ, а Чаадаевъ, и не знаютъ той роли, какую Чаадаевы играли въ русской исторіи.

Генералъ Чеодаевъ не имѣлъ никакого образованія и разбогатѣлъ злоупотребленіями по службѣ, а потому Чаадаевъ не только не былъ знакомъ съ нимъ, но презиралъ его. Повторяю, Чаадаевъ былъ человѣкъ высокаго ума и съ большимъ образованіемъ и если я описалъ только однѣ его странности, то это собственно потому, что все, что можно было сказать о его умѣ, образованіи и вліяніи на тогдашнее общество, высказано во многихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ послѣднее время въ разныхъ журналахъ.

М. Н. Муравьевъ былъ женатъ на Шереметьевой, Пелагеѣ Васильевнѣ. Мать послѣдней, Надежда Николаевна Шереметьева, также часто бывавшая въ Москвѣ у Левашевыхъ, была съ ними дружна съ давняго времени. Она имѣла помѣстье въ Смоленской губерніи по сосѣдству съ имѣніемъ, въ которомъ жили Левашевы до 1828 г. Вторая ея дочь, Анастасія Васильевна была замужемъ за двоюроднымъ братомъ Е. Г. Левашевой, Иваномъ Дмитріевичемъ Якушкинымъ, сосланнымъ въ 1826 г. за участіе въ тайныхъ обществахъ на каторжную работу. Жена его, молодая и красивая женщина, жила въ Москвѣ съ двумя малолѣтними сыновьями.

Н. Н. Шереметьева была женщина умная, добрая, но странная. Она въ то время, когда дамы не ѣздили иначе, какъ въ каретахъ и коляскахъ, разъѣзжала по Москвѣ въ простыхъ дрожкахъ. Костюмъ ея былъ очень своеобразенъ. Она носила остриженные, хотя довольно длинные сѣдые волосы и имѣла всегда костыль въ рукахъ. М. Н. Муравьевъ до 1826 г. жилъ въ отставкѣ, въ деревнѣ своей жены и, по дружбѣ послѣдней съ Левашевою, часто гостилъ съ своимъ семействомъ въ деревнѣ у Левашевыхъ. Муравьевъ мнѣ неоднократно говорилъ, что онъ много обязанъ Левашевымъ тѣмъ, что когда упомянутое имѣніе жены его было описано за долги, онъ жилъ съ семействомъ у Левашевыхъ, которые для того, чтобы избавить имѣніе Муравьева отъ аукціонной продажи, заложили свое Смоленское имѣніе. Тогда они сами не имѣли ничего болѣе, такъ какъ отецъ Н. В. Левашева тогда еще ничего не отдѣлилъ сыну изъ своего значительнаго состоянія. Муравьевъ часто при мнѣ напоминалъ объ этомъ своимъ дѣтямъ и самъ помнилъ во всю свою жизнь.

Онъ никогда ни мнѣ, ни женѣ моей не отказывалъ въ нашихъ просьбахъ, которыя, конечно, бывали очень рѣдки. Онъ меня очень любилъ и высоко цѣнилъ, какъ хорошаго служаку, а потому постоянно желалъ, чтобы я служилъ подъ его начальствомъ и даже въ 1865 г., передъ самымъ увольненіемъ отъ должности генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края, котораго онъ нисколько не ожидалъ, будучи не въ ладахъ со своимъ помощникомъ генераломъ Потаповымъ, надѣялся уговорить меня

поступить на мѣсто послѣдняго. Я же, зная строптивый характеръ Муравьева и не желая оставлять моей инженерной карьеры, постоянно не соглашался поступить подъ начальство Муравьева и тѣмъ менѣе могъ бы согласиться замѣстить въ 1865 г. Потапова, такъ какъ, по моему характеру, я вовсе не былъ способенъ къ подобной должности въ краѣ, состоявшемъ на военномъ положеніи. Въ бытность Муравьева Гродненскимъ военнымъ губернаторомъ старшій сынъ Левашевыхъ, Василій, состоялъ при немъ на службѣ. По назначеніи Муравьева Курскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ часто ѣзжалъ въ Петербургъ и во время его тамъ пребыванія жена его съ дѣтьми жила въ Москвѣ у Левашевыхъ.

Въ одно изъ такихъ пребываній Муравьевой у Левашевыхъ получено было извѣстіе о томъ, что Государь, будучи доволенъ отчетомъ Муравьева по Курской губерніи, произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. За обѣдомъ всѣ поздравляли молодую генералъ-лейтенантшу. Вскорѣ Муравьевъ воротился въ Москву и, говоря со мною, замѣтилъ, что я будто бы какъ-то съ особеннымъ вниманіемъ смотрю на его эполеты, и это, вѣроятно, потому, что нахожу на нихъ двѣ, а не три звѣздочки—обозначающія чинъ генералъ-лейтенанта, и что это происходитъ оттого, что онъ дѣйствительно былъ произведенъ Государемъ, но не благоволившій къ нему военный министръ графъ Чернышевъ доложилъ Государю, что онъ по списку генералъ-маіоровъ стоитъ очень низко и что его производствомъ будутъ обижены многіе старшіе его весьма достойные, и затѣмъ производство Муравьева было отмѣнено.

Странно, что подобная исторія повторилась съ Муравьевымъ черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1842 г. Онъ въ это время состоялъ директоромъ департамента податей и сборовъ. По представленію министра финансовъ графа Канкрина, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ сенаторомъ и получилъ уже увѣдомленіе объ этомъ и поздравленіе отъ управлявшаго тогда военнымъ министерствомъ, за отъѣздомъ графа Чернышева на Кавказъ, графа Клейнмихеля. Но тотъ же Клейнмихель, не любившій Муравьева, доложилъ Государю насчетъ производства послѣдняго то же, что докладывалъ нѣсколько лѣтъ назадъ Чернышевъ, и Государь приказалъ отмѣнить производство Муравьева въ генералъ-лейтенанты, а произвести его въ соотвѣтствующій гражданскій чинъ тайнаго совѣтника.

Въ этомъ чинѣ Муравьевъ состоялъ по 1849 г. и переименованъ былъ въ этому году въ генералъ-лейтенанты по весьма странному случаю. Константиновскій межевой институтъ, бывшій прежде рядомъ съ заведеніемъ Д. Н. Лопухиной, былъ переведенъ въ весьма хорошій домъ на Старой Басманной. Задній дворъ этого дома былъ смеженъ съ садомъ дома Левашевыхъ, находившагося на Новой Басманной. Государь, по пріѣздѣ въ Москву, немедля посѣщалъ кадетскіе корпуса, куда проѣзжалъ черезъ Старую Басманную улицу. Проѣздомъ въ корпуса въ 1849 г. онъ замѣтилъ на парадномъ крыльцѣ межевого института швейцара стараго гвардейскаго унтеръ-

офицера съ разукрашенною медалями грудью. При обратномъ проѣздѣ Государь, увидавъ того же швейцара, вышелъ изъ коляски. Государь, назвавъ его по имени и спросивъ, что это за заведеніе и хорошее ли оно, вошелъ въ классы, гдѣ было все готово для принятія высокаго посѣтителя и были на лицо директоръ и инспекторъ института.

Государь былъ очень доволенъ заведеніемъ и нашелъ, что воспитанники не имѣютъ надлежащей выправки, не получая фронтоваго образованія, которое по его мнѣнію имъ необходимо, и спросилъ у директора и инспектора о томъ, гдѣ они прежде служили. Узнавъ отъ нихъ, что первый былъ на военной службѣ, а второй въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, онъ сказалъ, что они должны быть переименованы въ военные чины.

М. Н. Муравьевъ, бывшій въ то время главнымъ директоромъ межевого корпуса и находившійся въ Москвѣ, былъ позванъ къ Государю, который объявилъ ему, что онъ желаетъ, чтобы Константиновскій межевой институтъ былъ образованъ на военную ногу, причемъ переименовалъ Муравьева въ генералъ-лейтенанты. Вслѣдствіе этого повелѣнія межевой институтъ преобразованъ по образцу Института инженеровъ путей сообщенія, выпускаемые изъ межевого института воспитанники получали военные чины съ названіемъ межевыхъ инженеровъ и главному директору межевого корпуса предоставлено представлять находящихся на службѣ землемѣровъ, по его выбору, въ военные чины, соотвѣтствующіе ихъ гражданскимъ чинамъ. Такимъ образомъ М. Н. Муравьевъ добился чина генералъ-лейтенанта и образовалось новое вѣдомство съ военными чинами подъ названіемъ межевого корпуса, который въ 1867 г., вмѣстѣ съ корпусами инженеровъ путей сообщенія, горныхъ инженеровъ и лѣсничихъ, былъ снова преобразованъ въ гражданское вѣдомство.

Сверхъ вышепоименованныхъ мною лицъ, съ которыми я познакомился у Левашевыхъ, я часто у нихъ видалъ умную и образованную Анисью Ѳеодоровну Вельяминову-Зернову, вышедшую въ 1837 г. на 50 году отъ роду за Кологривова и пріѣзжавшую каждую зиму изъ Петербурга гостить нѣсколько мѣсяцевъ у Левашевыхъ, Екатерину Петровну Дубянскую, также женщину большого ума и весьма образованную. Она была лучшимъ другомъ Е. Г. Левашовой, что и доказывала своими ежегодными пріѣздами, которые безъ желѣзной дороги были далеко не такъ удобны, какъ теперь. Эта Дубянская была вдова одного изъ братьевъ Дубянскихъ, отъ которыхъ получилъ большое наслѣдство генералъ-адъютантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ.

Описавъ лица, съ которыми я познакомился у Левашевыхъ, перехожу къ описанію моихъ семейныхъ дѣлъ.

С. А. Викулинъ, жившій лѣто и зиму или въ своихъ помѣстьяхъ, или въ Воронежѣ, на зиму 1832—1833 г. переѣхалъ въ Москву и продолжалъ свататься за сестру мою. Когда мать моя передала мнѣ объ этомъ сватов-

ствѣ, я принялъ его за шутку. Сестра имѣла очень хорошихъ жениховъ, которымъ отказывала; вообще она мало и по моему мнѣнію слишкомъ мало обращала вниманія на мужчинъ, тѣмъ менѣе могъ я полагать, чтобъ она согласилась выйти замужъ за старика. Мать мнѣ сказала, что я ошибаюсь, что сестра не соглашается на этотъ бракъ только въ виду нежеланія нашей матери. Весною 1833 г., по отъѣздѣ С. А. Викулина въ свое имѣніе, мать мнѣ серьезно сказала, что сватовство продолжается, что она окончательно отказала, но что сестра, несмотря на ея убѣжденія, заявляетъ согласіе выйти замужъ за С. А. Викулина, и мать моя къ этому прибавила: «слѣдовательно, если С. А. еще разъ посватается, а дочери моей ужъ 22-ой годъ и она можетъ располагать собой, то мнѣ остается сказать тебѣ, чтобы ты, какъ старшій въ семьѣ, взялъ образъ и благословилъ сестру». Я отвѣчалъ матери, что я ея въ этомъ случаѣ не послушаюсь. Сестра такъ разсердилась на меня за мой отвѣтъ, что цѣлый день избѣгала меня, а вечеромъ не простилась со мною. Эта ссора такъ разстроила мою мать, что она цѣлую ночь не спала и на другой день насъ помирила.

Мое нежеланіе видѣть сестру замужемъ за С. А. Викулинымъ происходило отъ того, что я не ожидалъ для нея счастливой жизни съ мужемъ, 36 годами старше ея, имѣвшимъ шесть взрослыхъ дѣтей, которыя были всѣ старше сестры. Мнѣ казалось, что, видя бѣдное положеніе матери, сестра жертвовала собою для успокоенія ея старости и для поддержанія своихъ братьевъ, а я вовсе не хотѣлъ такой жертвы.

По возвращеніи гвардейскаго корпуса изъ польскаго похода, когда генералы и офицеры этого корпуса были въ 1832 г. на выходѣ у заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія, великій князь Михаилъ Павловичъ, обойдя ихъ ряды, перечислялъ офицеровъ, которыхъ потеряли въ послѣднюю войну и, подходя къ Павловскому полку, вспомнилъ о геройской кончинѣ моего старшаго брата и спросилъ, не знаетъ-ли кто изъ офицеровъ кого-либо изъ родныхъ покойнаго. Командиръ полка генералъ Арбузовъ сказалъ, что въ полку служитъ двоюродный братъ Дельвига, капитанъ Гурбандтъ, и что младшій родной братъ покойнаго служитъ въ инженерахъ путей сообщенія. Меня не было на выходѣ и потому великій князь разспросилъ у Гурбандта о нашей семьѣ и, узнавъ отъ него, что мать покойнаго Дельвига живетъ въ Москвѣ и, имѣя двухъ сыновей и дочь, находится въ бѣдности, поручилъ Арбузову написать къ моей матери о его крайнемъ сожалѣніи, что она потеряла такого достойнаго сына и что она въ своихъ нуждахъ можетъ прямо обращаться къ нему. Мать моя, по очень понятному чувству, конечно, не хотѣла воспользоваться предложеніемъ великаго князя.

Въ 1833 г. братъ мой Николай былъ посланъ, вмѣстѣ съ другими назначенными къ выпуску кадетами московскаго корпуса, въ Петербургъ, въ дворянскій полкъ. Имѣя въ виду, что изъ кадетскихъ корпусовъ выпускали въ гвардію только первыхъ двухъ фельдфебелей, а братъ Николай, по разжалованіи изъ фельдфебелей, стоялъ пятымъ по списку выпускныхъ

кадетъ и долженъ былъ быть произведенъ въ прапорщики въ артиллерію, сестра и я съ трудомъ уговорили мать мою воспользоваться дозволеніемъ великаго князя писать къ нему и просить о производствѣ брата въ прапорщики лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Письмо было написано превосходно, съ большимъ чувствомъ и тактомъ, какъ всегда умѣла писать мать моя. Черезъ нѣсколько времени она получила письмо отъ Я. И. Ростовцева, въ которомъ онъ, по приказанію великаго князя, весьма коротко увѣдомлялъ ее, что такъ какъ изъ кадетскихъ корпусовъ въ гвардію производятся только два старшихъ по списку, а братъ мой состоитъ пятымъ, то онъ будетъ произведенъ въ артиллерію. Понятно, что если бы братъ мой имѣлъ право на производство въ гвардію, то не о чемъ было бы и просить. Этотъ отвѣтъ сильно огорчилъ мою мать, считавшую каждое слово Государя или его брата священнымъ. Она упрекала сестру и меня за то, что мы своими настояніями принудили ее написать письмо къ великому князю, имѣвшее столь неудачный исходъ.

Въ одно время съ полученіемъ письма отъ Ростовцова сестра и я должны были объявить моей матери уже нѣсколько дней скрываемую отъ нея кончину двоюродной моей сестры В. А. Тейлсъ, у которой въ декабрѣ 1832 г. мы такъ пріятно провели нѣсколько дней. Мать моя была очень привязана къ своимъ роднымъ и въ особенности любила эту племянницу. Увидѣвъ изъ письма, извѣщавшаго насъ о ея смерти, что оно получено до Троицына дня, въ который я съ сестрою ѣздилъ въ дворцовый садъ, гдѣ въ этотъ день бывало въ то время большое гулянье, мать моя сильно выговаривала намъ, и въ особенности сестрѣ за то, что мы могли, по полученіи столь горестнаго извѣстія, предаваться удовольствіямъ. Вскорѣ мать моя съ сестрою уѣхали въ Воронежскую губернію въ с. Студенецъ, гдѣ жилъ тогда дядя мой князь Дмитрій Волконскій.

Занятія мои по службѣ въ 1833 г. были того же рода, какъ и въ предшествовавшемъ, главною работою на старомъ Московскомъ водопроводѣ была перестройка ключевого бассейна № 1, называемаго святымъ и громовымъ, по вышеизложенному мною проэкту. Надъ дверью часовенки, служащей входомъ въ бассейнъ, была вдѣлана мраморная плита, на которой написано: «на горахъ станутъ воды и гласу грома твоего убоятся». Внутри часовни прибита мѣдная доска, на которой вырѣзано, при комъ, по чьему проэкту и кѣмъ (т.-е. мною) произведена работа. Въ кирпичномъ куполѣ, покрывающемъ бассейнъ, оставлена ниша, въ которой поставленъ данный моею матерью образъ «Живоноснаго источника», съ лампадою.

Для наблюденія за этою и другими ремонтными работами, производившимися бо́льшею частію вблизи с. Большихъ Мытищъ, я все лѣто и начало осени прожилъ въ вышеупомянутомъ казенномъ домикѣ, устроенномъ при мытищинскихъ ключевыхъ бассейнахъ. Пока мать моя была въ Москвѣ, я пріѣзжалъ по пятницамъ, чтобы гулять съ сестрою по Тверскому бульвару, и оставался въ Москвѣ въ субботу и воскресенье. По отъ-

ѣздѣ же моей матери бывалъ въ Москвѣ только по воскресеньямъ и праздникамъ, въ которые посѣщалъ тѣхъ же знакомыхъ, какъ и въ 1832 году.

С. А. Викулинъ, пользуясь близостью его имѣнія отъ с. Студенца, въ которомъ гостила моя мать съ сестрою, неоднократно возобновлялъ свое предложеніе и наконецъ получилъ согласіе. Вскорѣ мать моя и сестра пріѣхали въ Москву для приготовленія приданаго. Я узналъ тогда нѣкоторыя подробности сватовства.

Мать моя крестила одного изъ сыновей С. А. Викулина, Семена, и будучи очень строгою исполнительницею церковныхъ правилъ, не давала своего согласія прежде удостовѣренія отъ людей твердо знающихъ эти правила, что ими не запрещены браки при подобномъ крестовомъ родствѣ. Въ это время ожидали въ Задонскъ Воронежскаго епископа Антонія, открывшаго за два года мощи Св. Митрофанія и по этой, вѣроятно, причинѣ почитавшагося также святымъ. На вопросъ моей матери о вышеупомянутомъ крестовномъ родствѣ, онъ отвѣчалъ, что и по самымъ строгимъ церковнымъ правиламъ никакого родства не признается между С. А. Викулинымъ и ея дочерью, и когда мать моя сказала ему, что она не желаетъ какого бы то ни было отступленія отъ означенныхъ правилъ, допускаемаго по разрѣшенію архіереевъ, то онъ подтвердилъ ей прежде сказанное, прибавивъ, что всякій священникъ можетъ вѣнчать подобные браки безъ всякаго разрѣшенія. Антоній пріѣзжалъ изъ Задонска въ имѣніе С. А. Викулина, въ с. Колодезское, и съ согласія моей матери, за обѣдомъ при многочисленномъ стеченіи гостей, поздравилъ жениха и невѣсту, благословляя ихъ на вступленіе въ бракъ и выражая по этому случаю всѣ лучшія пожеланія. С. А. Викулинъ, имѣя въ виду свои лѣта и то, что у него было шестеро дѣтей отъ перваго брака, предлагалъ немедля обезпечить свою невѣсту. Мать моя слышать объ этомъ не хотѣла. Это было неблагоразумно, какъ показали послѣдствія. Напротивъ того, мать моя желала, чтобы С. А. Викулинъ принялъ въ приданое маленькую ея подмосковную деревню Чегодаево (20 душъ и 240 десят. земли), такъ какъ, благодаря жизни въ этой деревнѣ, мать моя могла дать своей дочери надлежащее воспитаніе. Но Викулинъ не умѣлъ понимать этихъ тонкостей и въ одномъ изъ его писемъ, полученныхъ въ Москвѣ во время приготовленія приданаго, онъ рѣшительно отказывался отъ Чегодаева, увѣряя, что не хочетъ братьевъ своей жены лишить этого имѣнія. Допуская даже эту причину, онъ могъ бы сдѣлать угодное матери моей, вознаградивъ меня и брата тою небольшою суммою денегъ, что стоило Чегодаево. Этотъ неделикатный отказъ Викулина очень огорчилъ мать мою и она, получивъ вторичный отказъ на письмо свое, въ которомъ подтверждала желаніе, чтобы Чегодаево оставалось во владѣніи сестры, поспѣшила его продать.

Во время покупокъ приданаго я часто съ матерью и сестрою ѣзжалъ въ магазины и городъ (такъ называется въ Москвѣ гостинный дворъ) въ четверомѣстной каретѣ, въ которой возили съ собою столько разныхъ вещей, что онѣ рѣшительно окружали меня до ушей, такъ что я едва могъ

пошевелиться. Во второй половинѣ октября, такъ какъ было рѣшено между матерью моею и Викулинымъ, что свадьба будетъ въ Задонскѣ, мы выѣхали изъ Москвы также въ четверомѣстной каретѣ, въ которой было также наложено столько вещей, что я едва могъ пошевелиться. Я всю дорогу смѣшилъ мать мою и сестру, описывая, какъ я стиснутъ со всѣхъ сторонъ, и впослѣдствіи онѣ никогда не могли безъ смѣха слушать моего объ этомъ разсказа.

Въ Тулѣ насъ неожиданно встрѣтилъ женихъ. Онъ уже зналъ въ это время, что Воронежскій архіепископъ Антоній, первый объявившій о вступленіи его въ бракъ съ моею сестрою, измѣнилъ свое мнѣніе о правильности этого брака и даже розослалъ по всей своей епархіи запрещеніе вѣнчать ихъ. На Антонія имѣлъ сильное вліяніе какой-то помѣщикъ Павловъ, близкій родственникъ А. П. Ермолова и непріязненный С. А. Викулину. Вѣроятно на Павлова подѣйствовали дѣти перваго брака Викулина, но мы этого тогда не подозрѣвали. Не знаю, сказалъ ли Викулинъ въ Тулѣ объ этомъ запрещеніи Антонія моей матери, но я объ этомъ узналъ по пріѣздѣ въ Задонскъ. Если бы это было намъ извѣстно въ Тулѣ, то всего проще было бы обвѣнчать Викулина и сестру въ этомъ городѣ или воротиться для этого въ Москву. Но Викулинъ, вѣроятно, надѣялся еще убѣдить Антонія, и мы поѣхали далѣе. Въ Елецкомъ уѣздѣ мы заѣзжали въ с. Васильевское, принадлежавшее Григорію Васильевичу Арсеньеву, женатому на родной сестрѣ Викулина Наташѣ, съ которою мать моя давно была въ хорошихъ отношеніяхъ. Черезъ этотъ заѣздъ мы должны были повернуть на проселочную дорогу. Проѣзжая черезъ ветхій мостъ на р. Соснѣ, карета, въ которой сидѣла моя мать съ сестрою, провалилась и одно изъ колесъ кареты упало на верхъ сваи моста, чѣмъ и было остановлено дальнѣйшее паденіе. Состояніе дорогъ и мостовъ черезъ рѣки было вообще самое плачевное почти во всей Россіи.

Въ Задонскѣ духовенство, въ виду запрещенія своего епископа, отказалось отъ вѣнчанія. Былъ посланъ нарочный съ письмомъ къ Антонію отъ моей матери и отъ С. А. Викулина. Отвѣтъ былъ не только неблагопріятный, но Антоній въ грубыхъ выраженіяхъ запрещалъ вѣнчаніе. Тогда рѣшились обвѣнчаться въ принадлежащемъ С. А. Викулину с. Хмѣлинцѣ, въ 4 верстахъ отъ Колодезскаго, Елецкаго уѣзда, и слѣдовательно въ Орловской губерніи. Позванъ былъ священникъ этого села о. Василій, и Викулинъ въ моемъ присутствіи объявилъ ему, что полагаетъ вѣнчаться въ его церкви. Но Василій рѣшительно отказалъ и, несмотря на весьма долгія увѣщанія Викулина, настоялъ на своемъ отказѣ. Онъ былъ благочиннымъ окрестныхъ церквей, а потому нельзя было надѣяться, чтобы кто-либо изъ священниковъ ближайшихъ церквей рѣшился на вѣнчаніе. Между тѣмъ приближался Рождественскій постъ и вѣнчаніе прекращалось на цѣлыхъ два мѣсяца. Мать моя уже начала думать о возвращеніи въ Москву. Но зятья Викулина, отставной полковникъ Александръ Сергѣевичъ Львовъ, вдовецъ, бывшій женатымъ на его сестрѣ Софьѣ, и

Дмитрій Ивановичъ Лаухинъ, женатый на другой сестрѣ Елизаветѣ, по первому мужу Танѣевой, утверждали, что священники въ ихъ имѣніяхъ не посмѣютъ отказать въ вѣнчаніи. Слѣдовало бы С. А. Викулину для вѣнчанія пріѣхать въ Москву, а не невѣстѣ съ матерью пріѣзжать, согласно его желанію, въ Задонскъ, но ошибка была уже неисправима. Возвращаться въ Москву было во многихъ отношеніяхъ неудобно, а потому, пріѣхавшій на свадьбу сестры, дядя мой князь Александръ Волконскій, котораго мать моя очень уважала, находилъ нужнымъ испробовать предложенія Львова и Лаухина. Имѣніе Львова было въ Задонскомъ уѣздѣ и слѣд. въ Воронежской епархіи, гдѣ трудно было надѣяться, чтобы священникъ, послѣ запрещенія епископа, рѣшился на вѣнчаніе. Имѣніе же Лаухиной было въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской епархіи, и потому всѣ поѣхали въ это имѣніе. По пріѣздѣ нашемъ Лаухинъ объявилъ, что священникъ соглашается обвѣнчать на другой же день 10-го Ноября, съ тѣмъ, чтобы ему было дано 1000 р. асс. (285 р. 71 к. сер.), въ виду того, что онъ можетъ подлежать наказанію за вѣнчаніе лицъ не своего прихода и не сдѣлавъ установленныхъ церковными правилами оглашеній въ церкви о предстоящемъ вѣнчаніи. При этомъ онъ просилъ о выдачѣ ему 500 р. впередъ, которые немедля были ему отнесены дядею моимъ А. Г. Замятнинымъ, также пріѣхавшимъ на свадьбу сестры.

Вечеромъ въ этотъ же день и этотъ священникъ отказывается отъ вѣнчанія. Лаухинъ пошелъ вмѣстѣ со мною къ священнику, чтобы убѣдиться въ слышанномъ. Мы застали его лежащимъ на печи. Сначала онъ не хотѣлъ ничего отвѣчать, а впослѣдствіи сказалъ, что вѣнчать не будетъ, и послѣ неоднократныхъ требованій Лаухина возвратить полученные священникомъ 500 р. сказалъ, что возвратитъ ихъ только Замятнину, отъ котораго онъ ихъ получилъ. Мы не рѣшились пустить Замятнина одного за деньгами, а пошли съ нимъ: я, Лаухинъ и Н. Д. Тейлсъ, также пріѣхавшій на свадьбу сестры. Это было ночью. Мы не нашли священника въ его домѣ и съ трудомъ узнали, что онъ, послѣ ухода моего съ Лаухинымъ, пошелъ въ подвалъ, устроенный въ домѣ. Когда мы его стали вызывать изъ подвала, онъ сказалъ, что деньги въ подвалѣ и что онъ ихъ отдастъ Замятнину, но съ тѣмъ, чтобы послѣдній одинъ сошелъ къ нему. Мы не пустили Замятнина, а требовали, чтобы священникъ вышелъ изъ подвала, что онъ, наконецъ, исполнилъ и повторилъ требованіе, чтобы Замятнинъ спустился съ нимъ въ подвалъ, гдѣ онъ ему отдастъ оставленныя тамъ деньги. Мы на это не согласились и сказавъ, что въ подвалъ пойдемъ всѣ вмѣстѣ, требовали немедленнаго возвращенія 500 р. Послѣ долгихъ отговорокъ священникъ вынулъ деньги изъ кармана; его заставили пересчитать эту сумму, состоявшую изъ 25 рублевыхъ ассигнацій. Это было страшное наказаніе священнику, который видимо измѣнялся при счетѣ каждой бумажки и, отсчитавъ 400 р., обратился къ Лаухину съ слѣдующими словами: «Дмитрій Ивановичъ, пощадите; вѣдь вамъ извѣстна бѣдность моей семьи, оставьте мнѣ остальныя». Но ему приказано было считать до конца. При

послѣдней бумажкѣ онъ повторилъ тѣ же слова, но и ее ему не оставили. По окончаніи счета бумажекъ, которыя взялъ Замятнинъ, лицо священника совсѣмъ исказилось: такъ трудно было ему лишиться такой для него значительной суммы, бывшей у него уже въ карманѣ. 12-го ноября былъ послѣдній день, въ который церковь допускаетъ вѣнчаніе и то только въ утреннее время, а потому немедля, по отказѣ священника въ имѣніи Лаухиной, было послано въ разныя мѣста убѣждать священниковъ обвѣнчать Викулина съ сестрою въ означенный день, а мы всѣ оставались у Лаухина. Вечеромъ 11 ноября мы получили извѣщеніе отъ Ивана Ермолаева Музалькова, управляющаго имѣніемъ С. А. Викулина, что священникъ церкви въ предмѣстьи г. Ельца соглашается на вѣнчаніе, но что намъ надо пріѣхать какъ можно ранѣе. Мы въ ночь, по ужасной дорогѣ, отправились въ большомъ обществѣ въ Елецъ, гдѣ наконецъ обвѣнчали Викулина съ сестрою, у которой посаженнымъ отцомъ былъ дядя князь Александръ, а я шаферомъ.

Эти безпрестанныя странствованія по почти непроѣзжимъ дорогамъ и въ особенности нравственныя потрясенія сильно подѣйствовали не только на мать мою и на С. А. Викулина, но и на многихъ изъ насъ.

Изъ Ельца мы поѣхали къ С. А. Викулину, гдѣ во время обѣда игралъ довольно хорошій оркестръ изъ 40 крѣпостныхъ музыкантовъ. Шафера и въ числѣ ихъ я, по старинному обычаю, провозглашали за обѣдомъ тосты. Родство Викулина было многочисленно, знакомыхъ за обѣдомъ было тоже много. Списокъ тостовъ былъ обдуманъ заранѣе, но это не помогло: нѣсколько лицъ заявили неудовольствіе въ томъ, что за ихъ здоровье пили послѣ другихъ. Такъ А. С. Львовъ, всегда очень добродушный, сильно претендовалъ, что за здоровье его пили послѣ здоровья Д. И. Лаухина, и когда ему объясняли, что жена Лаухина старшая сестра его покойной женѣ, то онъ еще болѣе сердился, говоря, что уваженіе къ нему не должно вовсе зависѣть отъ того, кто была его жена. Послѣ обѣда продолжали пить много шампанскаго. Дядя мой А. Г. Замятнинъ, который никогда не пилъ вина, въ этотъ день много выпилъ и сильно бушевалъ. Когда ему перестали подносить шампанское, то онъ громко на это жаловался, говоря, что онъ выпилъ только 11 бокаловъ. Оказалось, что Замятнинъ и нѣкоторыя другія лица, обыкновенно чрезвычайно тихія, выпивъ вина, сдѣлались очень сварливы, и потому многіе между собою перессорились въ этотъ день. Дядя мой князь Александръ Волконскій по обыкновенію много пилъ и, какъ старый гусаръ, не только разбивалъ бокалы, изъ которыхъ пилъ шампанское, но иногда подталкивалъ цѣлые подносы, уставленные бокалами съ шампанскимъ и всѣ ихъ разбивалъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ нашлись ему подражатели. Впрочемъ, дядя Александръ, имѣвшій обыкновенно довольно суровый видъ, выпивъ вина, былъ чрезвычайно снисходительнымъ. Онъ сумѣлъ помирить всѣхъ ссорившихся и утишить всѣ столкновенія и претензіи.

Поздно ночью мать моя уѣхала изъ Колодезскаго въ Задонскъ и увезла

съ собою сестру. Онѣ воротились въ Колодезское только на другой день къ обѣду. Я никогда не могъ понять причины разлученія сестры съ ея мужемъ въ день ихъ свадьбы.

Вскорѣ родные и другіе гости Викулиныхъ разъѣхались; съ ними остались только мать моя и я. Впрочемъ и впослѣдствіи Викулины постоянно принимали гостей, которые, по деревенскому обычаю, у нихъ оставались и ночевать. Домъ въ Колодезскомъ хотя гораздо меньшей величины, чѣмъ въ имѣніи Викулина с. Хмѣлинцѣ, былъ однако очень помѣстителенъ. Въ срединѣ дома была очень высокая зала, освѣщенная сверху. Надъ комнатами, окружавшими эту залу, были съ одной стороны хоры, а съ остальныхъ трехъ сторонъ отдѣльныя комнаты, которыхъ двери выходили въ общій корридоръ. Въ этихъ многочисленныхъ комнатахъ помѣщались мать моя и я, а равно гости, для пріема которыхъ было все приготовлено. С. А. Викулинъ былъ скупъ, но жилъ такъ открыто, вѣроятно желая показать, что онъ имѣлъ весьма большое состояніе. Онъ даже въ разговорахъ дѣлалъ намеки на большія денежныя суммы, какихъ у него, какъ послѣ оказалось, никогда не бывало. Послѣ женитьбы своей онъ выказалъ свою скупость въ первый разъ слѣдующимъ образомъ. Мать моя знакома была въ Москвѣ съ одною очень почтенною, весьма бѣдною вдовою, которая, просватавъ свою дочь, не имѣла средствъ, чтобы сшить ей необходимое приданое, и адресовалась съ просьбою къ матери моей о помощи. Сестра моя очень любила невѣсту и просила мужа оказать ей пособіе. Онъ не вдругъ согласился и только по настоятельной просьбѣ сестры назначилъ такую бездѣлицу, что сестра вернулась отъ него въ слезахъ. Я очень любилъ сестру и ея слезы глубоко на меня тогда подѣйствовали. У сестры же для ея собственныхъ расходовъ не было ни гроша, и тогда же мужъ ея, вѣроятно въ предупрежденіе новыхъ подобныхъ ходатайствъ со стороны сестры, назначилъ на всѣ ея расходы въ годъ 1200 р. асс. (342 р. сер.). Нечего и говорить, до какой степени эта сумма была ничтожна и недостаточна. Сверхъ того, онъ назначилъ ей же 1400 р. асс. (400 р. сер.) для выдачи мнѣ и брату по 700 р. асс. (200 р. сер.) въ годъ каждому.

Между тѣмъ мы узнали, что одинъ изъ причетниковъ той церкви, въ которой вѣнчали сестру, не участвовавшій въ вѣнчаніи, подалъ на священника жалобу, въ которой доказывалъ неправильность этого вѣнчанія, такъ какъ не было предварительныхъ въ церкви оглашеній, предписываемыхъ церковными правилами, и что наряжено по этому предмету слѣдствіе, при которомъ стараются доказать крестовое родство между обвѣнчанными, съ цѣлью расторгнуть бракъ.

Именно вздумали доказывать, что не только мать моя была воспріемницею сына С. А. Викулина, Семена, но вмѣстѣ съ нею воспріемникомъ его былъ ея отецъ и слѣдовательно родной дѣдъ невѣсты, что была чистая выдумка. Тогда подозрѣвали въ этихъ проискахъ брата С. А. Викулина, Андрея, давно находившагося съ нимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, большого лгуна, довольно богатаго человѣка, но завидовавшаго тому, что

братъ богаче его, и вообще человѣка весьма нехорошаго. Но никто не подозрѣвалъ тогда того, что оказалось только черезъ восемь лѣтъ, и именно, что онъ дѣйствовалъ по наущенію дѣтей С. А. Викулина отъ перваго брака: всѣхъ трехъ дочерей и сына Семена. Чтобы разъяснить это дѣло Орловскому епископу, С. А. Викулинъ ѣздилъ со мною въ началѣ декабря въ Орелъ. Мы ѣхали въ большой кибиткѣ, окутанной со всѣхъ сторонъ войлоками; на насъ лежали медвѣжьи одѣяла и намъ, при довольно большой стужѣ, было тепло какъ въ комнатѣ. Викулинъ засыпалъ въ ту же минуту, когда трогались лошади, и просыпался только при остановкахъ. Мы ѣхали на сдаточныхъ; для перемѣны лошадей останавливались въ простыхъ крестьянскихъ избахъ.

По случаю поста нельзя было достать ничего съѣстнаго. Мы имѣли съ собою провизію. Викулинъ также постился, а потому спрашивалъ крестьянскихъ щей, каши, картофелю, и при расплатѣ, несмотря на то, что хозяева требовали весьма незначительной платы за взятое у нихъ (напр. двугривенный), онъ все еще выторговывалъ нѣсколько копѣекъ.

Въ Орлѣ мы видѣлись съ епископомъ Никодимомъ и другими властями, но съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ и уѣхали. Наряженное въ Ельцѣ слѣдствіе должно было продолжаться, и нашимъ пріѣздомъ мы не измѣнили неправильно даннаго ему направленія насчетъ отысканія родства между новобрачными. Мнѣ казалось, что причиною такого неудачнаго исхода нашей поѣздки были слишкомъ вялыя разъясненія Викулина по означенному предмету и его скупость. Явно было, что въ консисторіи желали получить взятку. Читатель, можетъ быть, обвинитъ меня въ томъ, что я хотѣлъ дѣйствовать незаконными путями, но пусть онъ приметъ въ соображеніе то, что въ описываемое мною время безъ взятокъ никакое дѣло въ консисторіяхъ не рѣшалось, и тѣмъ болѣе дѣло, въ которомъ замѣшанъ былъ богатый человѣкъ. Когда читатель прочтетъ далѣе всѣ послѣдствія этого дѣла, то согласится, что хотя и гнусно давать взятки, но, при извѣстномъ настроеніи общества, едва-ли не лучше было бы Викулину въ Орлѣ воспользоваться этимъ средствомъ для прекращенія начинавшагося дѣла.

По возвращеніи въ Колодезское, я ѣздилъ къ моей воспитательницѣ, С. М. Баратынской, жившей въ имѣніи своего мужа въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Ѣхалъ я на сдаточныхъ и, останавливаясь въ крестьянскихъ избахъ на время, въ которое мѣняли лошадей, видѣлъ грустный бытъ нашихъ крестьянъ въ одной изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній. Въ этомъ году крестьяне еще болѣе обнищали по случаю сильнаго неурожая и чрезвычайно возвысившейся цѣны на хлѣбъ. Въ деревнѣ Баратынскихъ жили, кромѣ С. М. Баратынской и ея мужа, мать послѣдняго, больная старушка, которую я, во все мое у нихъ пребываніе, не видалъ, и братья его: поэтъ Е. А. Баратынскій съ женою, урожденною Энгельгардтъ, и дѣтьми и Левъ Абрамовичъ Баратынскій, который былъ женатъ на своей крѣпостной, не показывавшейся въ семействѣ Баратынскихъ. Онъ былъ большой пьяница. Всѣ четверо братьевъ Баратынскихъ любили выпить

болѣе должнаго. Четвертый ихъ братъ Ираклій Абрамовичъ жилъ въ Петербургѣ. Онъ, по званію адъютанта генералъ-фельдмаршала графа Дибича, былъ присланъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о сраженіи при Остроленкѣ и, по смерти Дибича, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Я въ 1831 г. часто видалъ его у Дельвиговъ. С. М. Баратынская была чрезвычайно рада меня видѣть, она, и совершенно по праву, смотрѣла на меня, какъ на своего воспитанника. Ея ко мнѣ отношенія не вполнѣ понимались ея вторымъ мужемъ, который впрочемъ выказалъ также удовольствіе моему пріѣзду.

Жизнь въ деревнѣ у Баратынскихъ была устроена на англійскій манеръ, вѣроятно, въ подражаніе ихъ сосѣду Кривцову, большому англоману, человѣку очень умному, но взбалмошному до неистовства, такъ что въ бытность его губернаторомъ совѣтники губернскаго правленія рѣшились составить журналъ, которымъ его самовольно отставили отъ должности. Вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣйствительно былъ уволенъ отъ службы и жилъ въ своемъ Кирсановскомъ имѣніи, устроенномъ по англійскому образцу.

Утро въ деревнѣ Баратынскихъ посвящалось занятіямъ каждаго въ своемъ помѣщеніи; всѣ собирались къ часу пополудни вмѣстѣ завтракать; послѣ завтрака нѣкоторые оставались въ общей залѣ, другіе расходились до обѣда, который подавали въ семь часовъ вечера. Послѣ-обѣденное время до полуночи всѣ проводили вмѣстѣ въ разговорахъ и за карточной игрой. Послѣ полуночи С. А. Баратынскій приглашалъ въ свой кабинетъ меня въ халатѣ и мы втроемъ, онъ также въ халатѣ и жена его въ дезабилье, проводили часа полтора въ полутемнотѣ при пылающемъ каминѣ. Въ это время мы оставались какъ бы въ тѣсномъ семейномъ кругу, вспоминали прошедшее и пили хорошія вина. С. А. Баратынскій хотѣлъ этими приглашеніями показать мнѣ, что онъ вполнѣ понимаетъ мою, такъ сказать, сыновнюю любовь къ его женѣ, побудившую меня пріѣхать къ нимъ за нѣсколько сотъ верстъ. Но мнѣ казалось, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревниво наблюдаетъ за моимъ обращеніемъ съ его женою.

Во время послѣ-обѣденныхъ разговоровъ Баратынскіе, а также и часто бывавшій у нихъ Кривцовъ, удивлялись моимъ разнообразнымъ познаніямъ не только въ положительныхъ наукахъ, но и въ стратегіи, о которой я впрочемъ самъ имѣлъ самое поверхностное понятіе, и радовались, что образованіе нашего юношества приняло такое практическое направленіе и что оно уже выработало такую, по ихъ мнѣнію, замѣчательную личность, какъ моя и, конечно, многія другія.

Въ обратный путь я выѣхалъ за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова въ одно время съ Кривцовымъ, съ которымъ мы должны были разстаться въ Тамбовѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ Москву, а я въ Задонскъ. Снѣгъ въ это время былъ очень глубокій, а экипажъ Кривцова былъ на колесахъ. Я совѣтывалъ поставить его на полозья, но онъ увѣрялъ, что доѣдетъ до Москвы на колесахъ и бился со мною объ закладъ на 25 р. асс. Онъ столько натерпѣлся въ проѣздъ отъ деревни Баратынскихъ до Тамбова, что послѣдніе, провожая насъ, уговорили его поставить карету на

полозья, говоря, что самое меньшее, что онъ можетъ потерять при паденіи, это свою чрезвычайно искусно сдѣланную въ Англіи деревянную ногу, стоившую, кажется, 5000 р. асс. (1428 р. сер.), которая ему хорошо замѣняла ногу, потерянную имъ въ Бородинскомъ, помнится, сраженіи. Конечно, Кривцовъ заплатилъ мнѣ закладъ.

Въ началѣ января 1834 г. мать моя со мною выѣхала изъ Колодезскаго, считая весьма полезнымъ, чтобы дочь ея первое время своего замужества провела со своимъ мужемъ безъ матери и близкихъ родныхъ. Мы поѣхали на сдаточныхъ въ Чернскій уѣздъ, къ теткѣ баронессѣ Л. М. Дельвигъ, были и у сестры ея Н. М. Красильниковой. Въ это посѣщеніе мать моя, видя, что молодые мои двоюродные братья Александръ и Иванъ, изъ которыхъ первый растолстѣлъ до невѣроятности, ничего не дѣлаютъ, уговорила свою невѣстку, ихъ мать, женщину апатичную, помѣстить ихъ хотя бы въ дворянскій полкъ въ Петербургѣ.

Отъ баронессы Л. М. Дельвигъ мы поѣхали, взявъ съ собою ея дочь Глафиру, въ Калугу, гдѣ жили мои родныя тетки по отцу: Христина Антоновна Паткуль, вдова бывшаго Витебскаго коменданта, умершаго въ Калугѣ предсѣдателемъ уголовной палаты, и Екатерина Антоновна Куцевичъ съ больнымъ мужемъ, отставнымъ саперным подполковникомъ.

Я всегда защищалъ правила нашей церкви, которыми запрещается бракъ между близкими родственниками и свойственниками. Проѣздъ на долгихъ отъ с. Бѣлина, имѣнія баронессы Л. М. Дельвигъ, до Калуги былъ довольно продолжителенъ. Мы сидѣли втроемъ въ закрытой кибиткѣ; двоюродная моя сестра Глафира сидѣла между моею матерью и мною. Она не была хороша собою, но имѣетъ ли это особое значеніе для 20-ти лѣтняго юноши. Она была молода, мы любили другъ друга съ дѣтства и часто цѣловались. Если бы я не имѣлъ постоянно въ виду церковнаго запрещенія на вступленіе въ бракъ съ двоюродною сестрою, то это путешествіе могло бы имѣть нехорошія послѣдствія, и мнѣ кажется, что мать моя, при своей замѣчательной разсудительности, поступила неосторожно, взявъ съ собою въ Калугу племянницу свою Глафиру.

Мои тетки, Х. А. Паткуль и Е. А. Куцевичъ, были бѣдны, но, несмотря на ихъ бѣдность, маленькая квартира, въ которой онѣ жили, была чиста, кушанье было хорошо изготовлено, а въ особенности кофе, сливки и масло были превосходны.

Онѣ были очень добрыя женщины, а Х. А. Паткуль и очень умна. Мужъ Е. А. Куцевичъ былъ раненъ въ голову. Онъ всегда былъ въ раздражительномъ состояніи и требовалъ отъ жены постояннаго ухода, но къ Х. А. Паткуль относился съ большимъ уваженіемъ. Здороваясь, прощаясь и послѣ обѣда и кофе цѣловалъ ея руку, а между тѣмъ потихоньку всѣмъ на нее жаловался. Онъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ и не дозволялъ своей женѣ, которая должна была днемъ заниматься хозяйствомъ и работать для продажи, отлучаться отъ него ни на одну минуту. Тетка моя дѣлала это съ такимъ самоотверженіемъ, что не только всѣмъ постороннимъ казалось,

что подобная жизнь ей пріятна, но она такъ съ нею свыклась, что дѣйствительно все, что дѣлала для мужа, она не только считала священною обязанностью, но и удовольствіемъ.

Двоюродную сестру мою Глафиру мы оставили гостить у тетокъ въ Калугѣ, а я съ матерью возвратились въ Москву, гдѣ наняли небольшую квартиру въ одномъ изъ переулковъ, идущихъ отъ Остоженки къ р. Москвѣ.

Эту зиму провели мы, какъ и прошедшія, въ хожденіи по церквамъ, въ разъѣздахъ съ визитами и на обѣды къ роднымъ и знакомымъ и я, сверхъ того, ѣздилъ по баламъ и по танцовальнымъ вечерамъ.

Въ 1833 г. выпущены изъ Института путей сообщенія мои товарищи баронъ Фирксъ, впослѣдствіи извѣстный подъ псевдонимомъ Schedo — Ferroti (Шедо-ферроти), и два брата князья Максутовы. Они всѣ трое очень любили танцовать и въ Петербургѣ ѣздили на публичные танцовальные вечера и въ общества статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Тѣмъ съ большимъ рвеніемъ они пустились въ танцы въ Москвѣ, гдѣ, по недостатку кавалеровъ, было имъ радо самое лучшее общество, такъ что Фирксу не было болѣе надобности лгать, какъ онъ это дѣлалъ въ Петербургѣ, что онъ наканунѣ былъ на балу chez la princesse ou chez la comtesse (у княгини или графини). Такъ между прочимъ онъ, протанцовавъ цѣлую ночь въ петербургскомъ пансіонѣ г-жи Паль, увѣрялъ на другой день своихъ товарищей по Институту, что онъ былъ у графини Паленъ, пока бывшіе съ нимъ на вечерѣ у г-жи Паль князья Максутовы не изобличили его во лжи. И къ чему Фирксъ такъ заботился увѣрять, что онъ принадлежалъ въ Петербургѣ къ аристократическому обществу? Большая часть его товарищей не придавали этому никакой цѣны, не потому, чтобы они были заражены демократическими идеями, а просто по непониманію, что такое аристократія и какое ея значеніе. Фирксъ въ Москвѣ дѣйствительно посѣщалъ высшее общество, какъ онъ съ особеннымъ удареніемъ говорилъ: «la haute societé», и потому бывалъ въ обществѣ дѣйствительныхъ графинь и въ особенности княгинь и княженъ, которыми Москва очень обильна.

Присутствіе этихъ товарищей въ Московскомъ обществѣ сдѣлало и меня нѣсколько развязнѣе, а можетъ быть этому способствовалъ и навыкъ, пріобрѣтенный прошедшею зимою, увеличеніе моихъ денежныхъ средствъ и, наконецъ, другой взглядъ нѣкоторыхъ московскихъ маменекъ, считавшихъ моего зятя гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, и полагавшихъ, что его богатство и на мнѣ можетъ отразиться.

Въ зиму 1833 — 1834 г. замѣчательны были по многочисленности гостей балы князя Друцкаго-Сокольницкаго-Гурко-Ромейко. Общество на его балахъ не могло помѣститься въ нанимаемомъ имъ обширномъ домѣ, и потому онъ давалъ балы въ залѣ благороднаго собранія. Многіе знакомились съ княземъ и княгинею во время баловъ, а такъ какъ имъ не было возможности всѣхъ запомнить, и многіе знакомые пріѣзжали послѣ бала къ нимъ съ визитами и были принимаемы безъ доклада, то отъ этого выходили уморительныя qui pro quo. Довольно пожилой князь былъ кривъ и

имѣлъ одинъ глазъ хрустальный; княгиня была молодая женщина; оба недалекіе. Послѣднюю я видѣлъ въ 1852 г. въ Смоленскѣ: она, овдовѣвъ, вышла замужъ за Бахметева, который въ этомъ году былъ Смоленскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, жили они не роскошно.

Воскресенье масленицы, которое называется прощальнымъ, я провелъ въ 1833 г. внѣ дома и засидѣлся очень поздно у моего товарища Лукина, только что женившагося и ѣхавшаго служить на Кавказъ. Мать моя дожидалась меня до полуночи. Я пріѣхалъ позже, и она на другой день мнѣ сильно выговаривала за то, что я этотъ прощальный день провелъ розно съ нею и не исполнилъ относительно ея принятаго обычая *).

Помѣщики отдавали тогда въ ученье разнымъ мастерствамъ дѣтей своихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей и даже крестьянъ. Богатые помѣщики, по окончаніи ученья этихъ мастеровыхъ, брали ихъ къ себѣ во дворъ, бѣдные же пускали ихъ по оброку, который назначался самими помѣщиками и былъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ мастеровые оказывались способнѣе къ своему мастерству. Мать моя имѣла такого человѣка, который былъ отличнымъ сапожникомъ, хорошаго поведенія и могъ бы скоро сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ сапожнаго мастерства. Онъ платилъ большой оброкъ, и мать моя, желая увеличить мои денежныя средства, подарила мнѣ его въ день моего рожденія, 13 марта. Но человѣкъ этотъ незадолго передъ тѣмъ умеръ, и я скрывалъ его смерть; теперь я долженъ былъ сказать матери о смерти этого человѣка, что ее очень огорчило.

Въ началѣ лѣта С. А. Викулинъ съ женою поѣхалъ въ Петербургъ на винные откупа. Съ ними поѣхала и мать моя, которая съ этого времени уже не разставалась съ Викулиными. Въ Петербургѣ сестра познакомилась съ своимъ пасынкомъ Семеномъ и двумя падчерицами: вдовою Настасьею Вадковскою и Татьяною Норовой и ея мужемъ Петромъ Дмитріевичемъ.

С. С. Викулинъ слылъ въ обществѣ за очень скромнаго и хорошаго человѣка, Вадковская была злая фурія, а Норова пустая женщина, въ полной зависимости отъ Вадковской. Мужъ Норовой былъ пустой человѣкъ, карточный игрокъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, игрокъ не чистый, чего тогда мы не подозрѣвали.

Отношенія ихъ къ молодой мачехѣ, конечно, не могли быть очень пріятны, но по наружности все было прилично. Сестра по просьбѣ Норовыхъ крестила родившагося у нихъ въ это время сына.

Пасынокъ моей сестры Семенъ Викулинъ былъ къ ней очень преду-

---

*) Мать моя была въ этотъ день тѣмъ болѣе раздражена, что наканунѣ на утреннемъ балу благороднаго собранія, одинъ инженеръ военныхъ поселеній, воспитанникъ Института путей сообщенія и впослѣдствіи служившій въ инженерахъ путей сообщенія, унесъ мою новую шинель съ весьма дорогимъ, подареннымъ мнѣ сестрою, бобровымъ воротникомъ, оставивъ взамѣнъ свою до того истасканную, что я не могъ ее носить. На балу былъ всего одинъ инженеръ съ красною выпушкою, а потому я послалъ къ нему спросить, не взялъ ли онъ ошибкою чужой шинели въ собраніи, но онъ отвѣчалъ, что не бралъ, тѣмъ дѣло и кончилось.

предителенъ и почтителенъ. Такимъ онъ оставался во все время жизни его отца, котораго посѣщалъ почти каждый годъ въ его деревнѣ и оставался у него по нѣскольку мѣсяцевъ. Онъ казался очень почтительнымъ сыномъ. Про сестеръ же его было извѣстно, что онѣ нещадно бранили своего отца до вступленія его во второй бракъ, а тѣмъ болѣе послѣ этого. Главное ихъ неудовольствіе происходило изъ-за того, что онѣ отъ отца получали въ годъ 10.000 р. асс. (2857 р. сер.) каждая. Въ обществѣ, въ которомъ онѣ жили въ Петербургѣ, этого было недостаточно, а онѣ были увѣрены, что отецъ ихъ очень богатъ и могъ имъ давать гораздо болѣе. Далѣе будетъ изложено, что онѣ ошибались относительно значительности богатства ихъ отца. Осенью того же 1834 г. С. А. Викулинъ съ женою и тещею возвратился въ свое имѣніе Колодезское, я же остался одинъ въ Москвѣ.

Занятія мои по службѣ въ 1834 г. были тѣ же, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Между тѣмъ почти всѣ ключевые бассейны въ Мытищахъ пришли въ совершенное разрушеніе: деревянныя крыши и распоры, введенные для поддержанія стѣнъ, сгнили, самыя стѣны болѣе и болѣе обрушивались.

Удачная перестройка ключевого бассейна № 1 въ 1833 г. побудила Максимова предложить всѣ прочіе разрушающіеся бассейны перестроить по тому же способу, а именно: кирпичныя на цементѣ стѣны бассейна на деревянныхъ растворкахъ вывести около ключей только нѣсколько выше горизонта воды въ бассейнѣ и надъ ними устроить кирпичный на цементѣ сводъ, въ замкѣ котораго вставить одну или, смотря по протяженію свода, нѣсколько чугунныхъ отдушинъ, для освѣженія воздуха въ бассейнѣ, и сводъ покрыть земляною насыпью. Этотъ способъ устройства требовалъ на всѣ 43 ключевыхъ бассейна до 700 тыс. руб. асс. (200 тыс. р. сер.).

Во избѣжаніе столь значительныхъ издержекъ на перестройку бассейновъ въ с. Б. Мытищахъ въ 1834 г., мною былъ предложенъ слѣдующій способъ. На дно ямы бассейна, въ которомъ имѣется одинъ или нѣсколько ключей, положить ростверкъ изъ бревенъ, срубленныхъ въ пол-дерева, покрытый досчатымъ поломъ, въ послѣднемъ вырубить отверстіе, на которое поставить вертикальную большого діаметра чугунную трубу, такъ чтобы верхъ ея былъ нѣсколько выше горизонта окружающей мѣстности, покрыть ее чугуннымъ дырчатымъ колпакомъ и къ ней, выше деревяннаго ростверка и выше горизонта воды въ близъ лежащей водопроводной галлереѣ, привинтить чугунную трубу малаго діаметра; кругомъ ростверка положить доски на ребро и сзади этихъ досокъ и сверхъ пола, положеннаго надъ ростверкомъ, насыпать слой глины, который засыпать землею наравнѣ съ окружающею мѣстностью. Ключевая вода, разлившись подъ поломъ ростверка, свободно поднимется къ вертикальной чугунной трубѣ до придѣланной къ ней уводной трубки, по которой утечетъ въ водопроводную галлерею.

Очевидно, этимъ способомъ достигалось наивозможное сбереженіе

издержекъ по устройству и содержанію бассейновъ. Сумма, потребная на покупку нѣсколькихъ бревенъ и досокъ и одной чугунной трубы и на устройство изъ нихъ бассейна, не подлежитъ никакому сравненію съ суммою потребною на пріобрѣтеніе значительнаго количества кирпича, извести и цемента и чугунныхъ отдушинъ для устройства бассейновъ по способу Максимова, такъ что при перестройкѣ всѣхъ бассейновъ сбереженіе составляло болѣе 500 тыс. р. асс. (150 тыс. р. сер.). Въ отношеніи же ремонтнаго содержанія новыхъ бассейновъ, то такового совсѣмъ не требуется, потому что матеріалы, потребные на ихъ устройство, состоятъ изъ земли, чугуна и лѣса, не подвергающагося гніенію вслѣдствіе его постояннаго нахожденія подъ водою. Вмѣстѣ съ этимъ введены мною въ водопроводъ новые изобильные ключи.

Подробное описаніе этого мною изобрѣтеннаго способа устройства ключевыхъ бассейновъ и отысканныхъ новыхъ ключей изложено въ изданной въ 1839 г. брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Memoire sur quelques questions technique relatives au systeme de ancien aqueduc de Moscou».

Добиться утвержденія моего способа перестройки бассейновъ было для меня тѣмъ труднѣе, что оба мои начальника, директоръ работъ Максимовъ и управляющій округомъ Янишъ, долго завѣдывая построеннымъ въ прошломъ столѣтіи водопроводомъ, неоднократно производили перестройки бассейновъ по прежде принятому способу и долго не могли допустить, чтобы молодой инженеръ могъ сдѣлать столь радикальное измѣненіе въ перестройкѣ бассейновъ. Но когда Максимовъ убѣдился въ выгодахъ моего предположенія, то убѣдилъ въ этомъ и Яниша.

Чтобы не возвращаться снова къ этому изобрѣтенному мною способу устройства бассейновъ, скажу, что главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями графъ Толь, осмотрѣвъ въ 1836 г. перестроенные въ Мытищахъ бассейны по моему способу въ то время, когда я находился на службѣ въ Тулѣ, приказалъ ихъ называть «бассейнами барона Дельвига» и 6-го сентября 1836 г. отдалъ слѣдующій приказъ по корпусу путей сообщенія: «Изъ множества сооруженій, состоящихъ въ III округѣ путей сообщенія и найденныхъ мною въ совершенной исправности, особенной похвалы достойны Московскій водопроводъ и бассейны онаго. Сдѣланныя поручикомъ корпуса инженеровъ барономъ Дельвигомъ въ устроеніи сихъ бассейновъ упрощеніе и усовершенствованіе могутъ сберечь по перестройкѣ всѣхъ прежнихъ водоемовъ до 500 тыс. р. въ пользу казны; отысканные же имъ новые изобильные ключи, способные снабжать лучшею водою не только важнѣйшія части той столицы, но и самыя отдаленныя мѣста оной, въ полной мѣрѣ обезпечиваютъ успѣхъ столь полезнаго предпріятія. Цѣня отличныя способности, познанія и ревность, оказанныя симъ офицеромъ съ самаго вступленія на поприще службы въ вѣдѣніе директора работъ корпуса инженеровъ подполковника Максимова I, почитаю особеннымъ для себя удовольствіемъ объявить имъ мою совершенную благодарность.»

Все, относящееся до изобрѣтеннаго мною способа устройства ключе-

выхъ бассейновъ, было подробно внесено въ мой формулярный о службѣ списокъ, но впослѣдствіи, при общемъ распоряженіи о сокращеніи формулярныхъ списковъ, было вычеркнуто и замѣнено словами: «Въ 1834 и 1835 гг. представилъ значительные проекты, утвержденные главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, на перестройку ключевыхъ бассейновъ и частей Московскаго водопровода».

Въ 1833 г. умеръ герцогъ Александръ Виртембергскій, и въ октябрѣ этого года былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями генералъ-адъютантъ графъ К. Ѳ. Толь. Прибавленіе къ титулу главноуправляющаго словъ «и публичными зданіями» произошло потому, что передъ назначеніемъ Толя гражданская строительная часть въ Имперіи перешла изъ Министерства внутреннихъ дѣлъ въ главное управленіе путей сообщенія.

Графъ Толь былъ извѣстенъ какъ отличный военный. Онъ игралъ значительную роль въ 1812 г. въ званіи генералъ-квартирмейстера дѣйствующихъ армій, будучи еще въ чинѣ полковника. Онъ съ отличіемъ служилъ въ 1813—1814 г., а также въ должности начальника главнаго штаба арміи въ Турецкую кампанію 1829 г. и Польскую 1831 г. Въ послѣднюю онъ особенно отличился подъ Остроленкою, и ему приписываютъ скорое взятіе штурмомъ Варшавы, такъ какъ главнокомандующій фельдмаршалъ Паскевичъ былъ контуженъ въ самомъ началѣ штурма и сдалъ команду Толю.

Постоянныя несогласія между Паскевичемъ и Толемъ, человѣкомъ весьма самостоятельнымъ, заставили послѣдняго покинуть армію и, кажется, безъ дозволенія Государя, который, по пріѣздѣ Толя въ Петербургъ, былъ къ нему неблагосклоненъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Толь былъ приглашенъ во дворецъ къ Государю, и пока онъ дожидался пріема, изъ кабинета Государя вышелъ военный министръ, генералъ-адъютантъ графъ Чернышовъ, который объявилъ Толю, что онъ призванъ Государемъ для того, чтобы назначить его членомъ военнаго совѣта. Толь очень рѣзко отвѣчалъ, что онъ этого званія не приметъ, такъ какъ военный министръ предсѣдательствуетъ въ означенномъ совѣтѣ, а между тѣмъ Чернышовъ моложе его въ чинѣ, что онъ находитъ это не только оскорбительнымъ для себя, но и вреднымъ для служебнаго порядка. Вслѣдъ затѣмъ онъ вышелъ изъ дворца и уѣхалъ въ свое небольшое эстляндское имѣніе. Государь, предполагая въ 1833 г. назначить Толя главноуправляющимъ путями сообщенія, не вызывалъ его въ Петербургъ, а проѣзжая черезъ Эстляндію, вызвалъ его на ближайшую отъ деревни Толя почтовую станцію, на которой и подписалъ указъ о его назначеніи. Выбранъ же былъ Толь въ эту должность потому, что слылъ за весьма строгаго и суроваго человѣка, когда состоялъ начальникомъ штаба 1 арміи, а Государь не любилъ вѣдомства путей сообщенія, полагая, впрочемъ очень неправильно, что въ немъ распространены либеральныя идеи, и съ бо̀льшею справедливостію, что въ немъ распространено казнокрадство, и надѣялся, что Толь въ состояніи будетъ искоренить и то и другое.

Толь началъ свое управленіе подъ этимъ впечатлѣніемъ и въ своихъ приказахъ выказывалъ разныя строгости, между прочимъ дошелъ до того, что объявилъ въ приказѣ, что онъ будетъ исключать изъ службы не только инженеровъ, провинившихся въ чемъ бы то ни было, но даже и тѣхъ, которые подпадутъ подъ слѣдствіе по какому бы то ни было неблаговидному дѣлу, хотя бы они оказались по слѣдствію невиновными. Онъ особенно гналъ высшія лица вѣдомства, какъ болѣе приближенныя къ покойному герцогу. Такъ, онъ немедля заставилъ выйти въ отставку начальника штаба корпуса путей сообщенія Варенцова, директора департамента путей сообщенія (тогда единственнаго въ главномъ управленіи) Борейшу, а вслѣдъ затѣмъ директора Института инженеровъ путей сообщенія Базена. Увольненіемъ послѣдняго онъ сдѣлалъ большую ошибку. Черезъ нѣсколько дней Базенъ снова былъ принятъ на службу въ военные инженеры, но по болѣзни службою болѣе не занимался, уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ. Самый приближенный человѣкъ къ герцогу Виртембергскому и самый вліятельный по вѣдомству былъ адъютантъ его, инженеръ-полковникъ Александръ Петровичъ Девятнинъ, который особенно не нравился Толю, а потому и былъ бы, конечно, уволенъ изъ вѣдомства путей сообщенія, если бы не произошла между ними слѣдующая сцена. Девятнинъ ѣздилъ съ больнымъ герцогомъ Виртембергскимъ за границу. Послѣдній передъ смертью вручилъ Девятнину письмо къ Государю. По возвращеніи изъ-за границы Девятнинъ добивался лично вручить это письмо Государю, но не добился; оно было у него вытребовано военнымъ министромъ, графомъ Чернышовымъ.

По назначеніи графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія, Государь вспомнилъ, что въ означенномъ письмѣ герцогъ просилъ наградить Девятнина за его отличную при немъ службу, и приказалъ Толю спросить, какой награды желаетъ Девятнинъ. Когда Толь, исполняя приказаніе Государя, спросилъ объ этомъ Девятнина, послѣдній отвѣчалъ, что желаетъ быть произведеннымъ въ генералъ-маіоры. Толь находилъ, что онъ слишкомъ для этого молодъ и предлагалъ орденъ Владиміра 3 ст. или денежную аренду, но Девятнинъ настаивалъ на своемъ. Толь передалъ эту сцену Государю, который пожелалъ видѣть столь настойчиваго полковника, рѣшившагося сопротивляться грозному начальнику, какимъ считался Толь. Государь, принявъ Девятнина, говорилъ съ нимъ долго и до того былъ имъ доволенъ, что произвелъ его въ генералъ-маіоры и приказалъ ѣхать немедля къ Толю въ генеральскихъ эполетахъ. Когда Толь увидѣлъ Девятнина въ этихъ эполетахъ, онъ, сочтя его сумашедшимъ, съ сожалѣніемъ спросилъ о свиданіи его съ Государемъ и сдѣлалъ замѣчаніе Девятнину, что хотя бы Государь и произвелъ его, то все же онъ не долженъ былъ надѣвать генеральскихъ эполетъ до состоянія о томъ Высочайшаго приказа. Девятнинъ объяснилъ Толю, что ему извѣстенъ этотъ порядокъ, но что онъ принужденъ былъ его нарушить въ исполненіе воли Государя. Тогда Толю, видѣвшему, что Девятнинъ находится въ

полномъ умѣ, оставалось только поздравить его. Толь назначилъ Девятнина къ себѣ по особымъ порученіямъ и въ поѣздку свою по Россіи, въ 1834 г., взялъ его съ собою. Впослѣдствіи Девятнинъ былъ назначенъ товарищемъ главноуправляющаго и былъ не только правою рукою Толя, но можно сказать завѣдывалъ всѣмъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія, такъ какъ Толь былъ не только старъ и болѣзненъ, но и не любилъ административной должности.

Толь выѣхалъ лѣтомъ 1834 г. изъ Петербурга и, осмотрѣвъ нѣкоторые изъ водяныхъ путей 1-го (Петербургскаго) и 2-го (Вытегорскаго) округовъ путей сообщенія, прибылъ въ Нижній-Новгородъ, состоявшій въ чертѣ 3-го (Московскаго) округа. Оттуда ѣздилъ онъ на производившіяся работы по устройству судоходства на р. Тезѣ. Грунтовая дорога отъ Нижняго Новгорода до этихъ работъ была въ весьма дурномъ положеніи, и Толь, пріѣхавъ въ с. Холуй, гдѣ его встрѣтилъ завѣдывающій означенными работами Николя, осыпалъ послѣдняго бранью и ругательствомъ, хотя означенная дорога не была въ вѣдѣніи не только Николя, но даже и главнаго управленія путей сообщенія. Въ слѣдующій день Толь, разсмотрѣвъ проекты Николя, который отлично хорошо чертилъ, и работы, которыя производились весьма тщательно, очень обласкалъ Николя и извинился во вчерашнемъ пріемѣ, приписывая его усталости. Толь, по окончаніи этихъ работъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе о переводѣ Николя изъ строительнаго отряда въ инженеры путей сообщенія. Это былъ первый примѣръ перевода въ инженеры безъ экзамена. Толь въ продолженіе 8-лѣтняго управленія перевелъ такимъ образомъ еще только двухъ офицеровъ строительнаго отряда, а именно Максимова и Шембеля. Впослѣдствіи графъ Клейнмихель дѣлалъ инженерами путей сообщенія не только офицеровъ строительнаго отряда, но и всякаго, кого ему вздумается.

Толь, проѣзжая съ работъ на р. Тезѣ, далъ знать управляющему III округомъ путей сообщенія Янишу, чтобы онъ выслалъ на первую отъ Москвы почтовую станцію офицера, который могъ бы указать отведенную Толю квартиру въ Москвѣ. Янишъ для встрѣчи Толя назначилъ по очереди нѣсколькихъ лицъ, но всѣ боялись ѣхать навстрѣчу къ столь грозному начальнику и отказывались подъ предлогомъ болѣзни. Чтобы вывести Яниша изъ затрудненія, я предложилъ послать меня. Онъ находилъ, что исполненіе подобнаго порученія неприлично такому хорошему, какъ я, инженеру, но наконецъ согласился.

Я отправился на станцію Горенки дня за два до пріѣзда Толя, гдѣ и помѣстился въ избѣ, напротивъ почтовой станціи. Утромъ, въ день пріѣзда Толя, проѣхалъ черезъ Горенки его адъютантъ инженеръ-капитанъ путей сообщенія Евреиновъ*).

---

*) Умершій въ чинѣ военнаго инженеръ генералъ-лейтенанта и въ должности завѣдывающаго Петергофскимъ дворцовымъ правленіемъ.

Я вышелъ на улицу въ мундирѣ, и Евреиновъ меня видѣлъ, когда уѣзжалъ изъ Горенекъ. Сверхъ того о томъ, что я находился въ Горенкахъ, ему говорилъ станціонный смотритель, но Евреиновъ, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что я ему не представился, по пріѣздѣ въ Москву объявилъ Янишу, что меня нѣтъ въ Горенкахъ, такъ что Янишъ послалъ навстрѣчу къ Толю курьера.

По пріѣздѣ Толя на станцію Горенки, я ему представился. Онъ встрѣтилъ меня любезно. Девятнинъ мнѣ показался грознѣе его. Въ Москвѣ для Толя былъ отведенъ домъ генералъ-лейтенанта Вырубова, близъ церкви Николы-Кобыльскаго. Сынъ Вырубова служилъ въ это время поручикомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Въ этомъ домѣ ожидали Толя управляющій III округомъ путей сообщенія Янишъ, чины путей сообщенія, живущіе въ Москвѣ и близъ оной, и разныя московскія военныя и гражданскія власти. Толь никого не принялъ, а назначилъ представленіе ему чиновъ вѣдомства путей сообщенія на другой день въ 10 час. утра, а прочихъ властей часомъ позже.

Передъ Толемъ пріѣхали въ Москву инспекторъ работъ инженеръ генералъ-маіоръ Потье, который вполнѣ одобрилъ мое предположеніе по перестройкѣ бассейновъ въ с. Большихъ Мытищахъ, и начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, генералъ-маіоръ Мясоѣдовъ, которому представлялись офицеры вѣдомства путей сообщенія и который осматривалъ въ экзерциргаузѣ команду нижнихъ чиновъ, состоявшую при округѣ. При представленіи офицеровъ Мясоѣдову, онъ дѣлалъ замѣчанія, относившіяся къ формѣ одежды, и на отвѣтъ одного изъ нихъ, Бобрищева-Пушкина, запретилъ ему когда бы то ни было разсуждать. Это сильно поразило ученаго Яниша, который не могъ не сказать, что, напротивъ, инженеру необходимо постоянно разсуждать. При смотрѣ нижнихъ чиновъ въ экзерциргаузѣ, Мясоѣдовъ требовалъ отъ нихъ выправки, маршировки и изученія тесачныхъ пріемовъ въ совершенствѣ, тогда какъ большая часть нижнихъ чиновъ были переведены изъ военной службы по неспособности къ ней, и сверхъ того, настоящія ихъ занятія не оставляли имъ времени для фронтового образованія. На другой день пріѣзда Толя, онъ принялъ въ 10 час. утра чиновъ вѣдомства путей сообщенія. Пріемъ начался представленіемъ Толю ординарцевъ и вѣстового отъ команды нижнихъ чиновъ, состоявшей при округѣ. Толь былъ недоволенъ тѣмъ, что одинъ изъ подходившихъ къ нему нижнихъ чиновъ сдѣлалъ какую-то ошибку. Онъ обратился къ Янишу съ требованіемъ, чтобы нижніе чины команды были во фронтовомъ образованіи не хуже гвардейцевъ, и когда послѣдній ему объяснилъ, что этого нельзя отъ нихъ требовать, Толь ему сказалъ, что онъ впередъ зналъ, что ему скажетъ Янишъ, что онъ все знаетъ и требуетъ точнаго исполненія его приказаній. Потомъ, ставъ посрединѣ залы, у стѣнъ которой стояли офицеры корпуса инженеровъ и строительнаго отряда, онъ громко объявилъ, что онъ все знаетъ; знаетъ, кто полезенъ для службы, кто нѣтъ, и что безполезныхъ онъ удалитъ со

службы. Если бы не робость, которую внушалъ столь грозный начальникъ, и не уваженіе къ заслугамъ Толя въ отечественную войну, то картина небольшого роста толстаго генерала въ полной формѣ и андреевской лентѣ, съ необыкновенною живостью движущагося и кричащаго среди изумленныхъ офицеровъ, могла бы навести смѣхъ.

Изъ всѣхъ представлявшихся лицъ Толь обратилъ вниманіе на инженеровъ Бугайскаго, управлявшаго работами по соединенію верховьевъ рѣкъ Волги и Москвы, на его подчиненнаго Палибина, составлявшаго проекты по этимъ работамъ, на меня и на строительнаго отряда подполковника Кнышова и маіора Каменскаго.

Толь сказалъ Бугайскому, что очень радъ съ нимъ познакомиться; Палибину и мнѣ, что знаетъ насъ за весьма полезныхъ офицеровъ, и потомъ, подбѣжавъ къ Кнышову, сказалъ, что и его знаетъ за полезнаго служиваго, а маіора Каменскаго, стоявшаго позади Кнышова, за совершенно безполезнаго. Вслѣдъ за этимъ онъ спросилъ у Яниша, чѣмъ занятъ Каменскій. Это былъ старый офицеръ, служившій еще при Екатеринѣ II въ какомъ-то легко-конномъ полку. Янишъ отвѣчалъ, что онъ даетъ Каменскому порученія, исполненіе коихъ не требуетъ техническихъ познаній, что Каменскій нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ командою нижнихъ чиновъ при округѣ и недавно за долговременную и усердную службу произведенъ въ маіоры и въ этомъ чинѣ не могъ болѣе оставаться завѣдывающимъ командою. Тогда Толь опять повторилъ, что онъ впередъ зналъ, что ему отвѣтитъ Янишъ, что онъ не намѣренъ для производства въ дальнѣйшіе чины Каменскаго составлять батальоны, полки, бригады и т. д., что онъ не потерпитъ на службѣ лицъ, не знающихъ строительной части, что такимъ образомъ можно надѣть мундиръ на дубину и что Каменскій долженъ быть уволенъ. Однако, несмотря на эти угрозы, такъ публично произнесенныя, Каменскій остался на службѣ.

Послѣ чиновъ вѣдомства путей сообщенія представлялись Толю Московскія военныя и гражданскія власти, за исключеніемъ генералъ-губернатора, и нѣкоторые бывшіе въ Москвѣ военные. При пріемѣ этихъ лицъ Толь былъ съ нѣкоторыми любезенъ, съ другими весьма рѣзокъ, хотя они отъ него не зависѣли, и теперь трудно понять, почему онъ позволялъ себѣ рѣзкости, а тѣ, къ кому онѣ относились, почему ихъ терпѣли.

На другой день Толь осматривалъ строившіеся тогда Москворѣцкій деревянный мостъ на каменныхъ быкахъ и устояхъ и каменную набережную р. Москвы противъ Кремля. Мостъ строилъ инженеръ генералъ-маіоръ Петръ Яковлевичъ Девитте, откомандированный въ распоряженіе Московскаго военнаго генералъ-губернатора, которому была подвѣдомственна эта постройка, помимо главнаго управленія путей сообщенія. Набережная же, только что начатая, строилась подъ вѣдѣніемъ III округа путей сообщенія. Директоромъ работъ былъ Максимовъ. Начало осмотра работъ набережной прошло въ молчаніи, и когда Толь сказалъ, что онъ желаетъ знать, какія затрудненія представляли эти работы, какими способами

они преодолѣны, Янишъ ничего не отвѣчалъ и, послѣ повторенія Толемъ тѣхъ же вопросовъ, рѣшился отвѣчать на нихъ Максимовъ, котораго Толь за ясное изложеніе дѣла похвалилъ какъ бы въ пику Янишу. Эта похвала подняла духъ Максимова, который былъ очень обиженъ тѣмъ, что Толь наканунѣ не обратилъ на него никакого вниманія, тогда какъ Кнышова, стоявшаго рядомъ съ Максимовымъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, призналъ полезнымъ по службѣ.

Максимовъ и я, послѣ осмотра работъ набережной р. Москвы, говорили Янишу, что его молчаніе не только вредитъ ему, но и вредитъ всѣмъ служащимъ въ его округѣ, и просили его, чтобы онъ отвѣчалъ на вопросы, предлагаемые Толемъ, но онъ намъ рѣшительно сказалъ, что отвѣчать не намѣренъ, потому что не видитъ надобности говорить съ человѣкомъ, который все впередъ знаетъ.

Это напоминаетъ мнѣ слѣдующую, бывшую спустя годъ, сцену. Въ это время Толь болѣе цѣнилъ Яниша и разъ, за обѣдомъ, говоря о томъ, что въ Англіи производятся огромныя сооруженія съ большимъ искусствомъ, спросилъ у Яниша, нѣсколько времени жившаго въ Англіи, чему слѣдуетъ это приписать. Янишъ отвѣчалъ, что главною причиною этого онъ полагаетъ то, что въ Англіи каждый занимается своимъ дѣломъ, никто не кричитъ и не шумитъ. Этотъ отвѣтъ такъ озадачилъ Толя и всѣхъ присутствовавшихъ, что остальная часть обѣда прошла въ молчаніи.

На другой день осмотра набережной Толь ѣздилъ въ с. Татарово, вблизи котораго производилась значительная ломка камня для строившейся набережной. Подъѣзжая къ с. Фили, онъ вышелъ изъ экипажа и спросилъ у сопровождавшихъ его, что это за селеніе, и когда ему назвали его, онъ спросилъ: «А знаете ли, что такое Фили?» Долго никто не отвѣчалъ. Наконецъ, Максимовъ сказалъ, что въ Фили былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшена сдача Москвы. Толь, говорившій вообще хорошо, но всегда съ экстазомъ, разсказалъ подробности этого совѣта, въ которомъ онъ, въ чинѣ полковника, игралъ важную роль, и заключилъ свой разсказъ словами: «Здѣсь началась слава Россіи и моя слава».

Слѣдующій день былъ назначенъ для осмотра Московскаго водопровода. Мнѣ приказано было ожидать Толя на большомъ Ростокинскомъ водопроводномъ мосту. Толь, по пріѣздѣ къ этому мосту, сказалъ мнѣ, что онъ не поѣдетъ въ Мытищи, а желаетъ немедля слышать отъ меня объ изобрѣтенномъ мною способѣ устройства ключевыхъ бассейновъ, о которомъ ему уже говорилъ Потье. По бывшему со мною чертежу, я подробно изложилъ мое предположеніе, которымъ Толь, а равно и изложеніемъ моимъ, остался вполнѣ доволенъ и во все время, пока мы шли по насыпи надъ кирпичнымъ водопроводомъ отъ Ростокинскаго моста до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія, на протяженіи до 2-хъ верстъ, говорилъ со мною. Изъ этого зданія Толь поѣхалъ на Сухареву башню и въ отдѣленіе ея, гдѣ помѣщается резервуаръ мытищинской воды, благодарилъ Яниша, какъ составителя проекта столь полезнаго для Москвы сооруженія и его подчинен-

ныхъ, приводившихъ этотъ проектъ въ исполненіе. При осмотрѣ Толемъ водопровода развязался языкъ у Яниша, къ которому Толь былъ приглашенъ въ этотъ день къ обѣду.

Толь отказался было посѣтить Московскій экономическій комитетъ путей сообщенія, помѣщавшійся на 1-й Мѣщанской улицѣ, вблизи Сухаревой башни, такъ какъ онъ былъ имъ недоволенъ. Но, по осмотрѣ водопровода, сказалъ, что это сооруженіе его такъ порадовало, что рѣшается пойти въ означенный комитетъ.

По входѣ въ залу присутствія Толь спросилъ у предсѣдателя комитета, строительнаго отряда подполковника Павла Семеновича Граве, о членахъ и служащихъ комитета и, послѣ нѣсколькихъ приличныхъ, скромныхъ и благосклонныхъ словъ, простился съ ними.

Но Граве удержалъ его своею весьма нескладною рѣчью, въ которой просилъ о расширеніи правъ комитета, безъ чего онъ не можетъ дѣйствовать. Толь приказалъ ему представить записку, которую онъ разсмотритъ съ полнымъ вниманіемъ, и затѣмъ хотѣлъ выйти изъ присутственной залы, но въ дверяхъ ея очутился Граве, который, загородя Толю дорогу, повторилъ свое требованіе и просилъ разрѣшить его, не выходя изъ присутствія. Толь повторилъ свой отвѣтъ и требовалъ, чтобы Граве его пропустилъ. Затѣмъ Толь и всѣ присутствовавшіе начали медленно подвигаться по двумъ комнатамъ комитета, предшествовавшимъ присутственной залѣ, и по узкой лѣстницѣ, такъ какъ впереди Толя медленно отступалъ Граве, повторяя свое требованіе и задерживая Толя въ каждой двери и на каждомъ поворотѣ лѣстницы. Толь ничего не отвѣчалъ, но съ гнѣвнымъ выраженіемъ обращался къ Граве со словами: «Пропустите меня, перестаньте!», а при поворотахъ лѣстницы прибавлялъ: «Берегитесь, вы упадете».

Когда всѣ сошли съ 3-го этажа и очутились на широкой площадкѣ, на которой была наружная, во дворъ, дверь, Толь поспѣшно за нее ухватился. Граве снова началъ свою заученную рѣчь о необходимости дарованія новыхъ правъ комитету. Это взорвало Толя, который его разругалъ, а на вопросъ Мясоѣдова, не прикажетъ ли Толь арестовать Граве, отвѣчалъ, что дураковъ подъ арестъ не сажаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Толь сказалъ Янишу, что Граве привелъ его въ раздраженіе, не дозволяющее ему ѣхать обѣдать къ Янишу. Къ этому обѣду, къ нашему общему удивленію, пріѣхалъ и Граве.

Мой разсказъ о пребываніи Толя въ Москвѣ въ 1834 г. вовсе не имѣетъ цѣлью дать о немъ неблагопріятное мнѣніе. Для оцѣнки лицъ того времени надо помнить, въ какой средѣ они обращались. Я же всегда уважалъ Толя, не только какъ извѣстнаго своими дарованіями военнаго, но и какъ образованнаго и добраго человѣка. Впослѣдствіи, когда онъ болѣе познакомился съ составомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и когда увидалъ между нами многихъ образованныхъ, усердныхъ и вполнѣ честныхъ людей, онъ сильно привязался къ этому корпусу и даже сдѣлался излишне снисходителенъ. Приведу хотя одинъ примѣръ, а именно: онъ значительно

облегчилъ приговоръ военнаго суда надъ инженеръ-капитаномъ Мелентьевымъ, судимымъ за разные дурные поступки, извиняя означенные поступки его страстью къ пьянству.

Толь, по возвращеніи въ Петербургъ, представилъ Государю къ наградамъ очень многихъ офицеровъ II-го (Вытегорскаго) округа, а изъ другихъ округовъ только одного меня къ выдачѣ годового содержанія 600 р. асс., такъ что, за вычетомъ 10% въ инвалидный капиталъ, я получилъ 540 р. асс. (154 р. 28 к. сер.). Хотя награда не была значительна, но нѣтъ сомнѣнія, что въ это время я обратилъ на себя вниманіе начальства, что и было причиною моей дальнѣйшей карьеры, которую можно назвать блестящею въ сравненіи съ карьерою моихъ товарищей. Несмотря на крайнюю надобность въ деньгахъ, я очень оскорбился денежною наградою за изобрѣтенный мною способъ по устройству ключевыхъ бассейновъ, приносившій столь значительныя выгоды. Впрочемъ, тогда награды цѣнились еще до такой степени, что бывшій старшимъ адъютантомъ штаба корпуса путей сообщеній маіоръ Полонскій нашелъ нужнымъ поздравить мою мать, находившуюся тогда въ Петербургѣ, съ полученіемъ мною награды, которую онъ цѣнилъ тѣмъ болѣе, что я одинъ въ III (Московскомъ) округѣ путей сообщенія заслужилъ вниманіе Толя.

Въ приказѣ о пожалованіи мнѣ денежной награды ничего не было сказано, что она дается за изобрѣтенный мною способъ устройства ключевыхъ бассейновъ, а потому я почелъ себя въ правѣ въ 1835 г. ходатайствовать о награжденіи меня на основаніи статутовъ орденовъ Св. Владиміра и Св. Анны и, не получая отвѣта, повторилъ это ходатайство въ 1837 г., вслѣдствіе котораго и получилъ къ Святой недѣлѣ 1838 г. орденъ Св. Анны 3 ст., помимо ордена Св. Станислава 3 ст.

Въ началѣ зимы 1834 г. я былъ посланъ управляющимъ III округомъ Янишемъ для освидѣтельствованія работъ по устройству судоходства по р. Тезѣ. Я ѣхалъ по первому снѣжному пути и при умѣренномъ холодѣ. Эта поѣздка была мнѣ очень пріятна. Въ с. Холуѣ я нашелъ управлявшаго работами, Николя, и его подчиненныхъ, моихъ товарищей по Военностроительному училищу, двухъ братьевъ Вяземскихъ. Работы были произведены прочно и изъ хорошихъ матеріаловъ.

По возвращеніи въ Москву я приготовилъ отчеты по ремонтнымъ работамъ по водопроводу за 1834 г. и смѣты на работы, предположенныя на 1835 г. Чертежи на эти работы составлялъ частію Максимовъ, а частію инженеръ поручикъ Николай Богдановичъ Танненбергъ (впослѣдствіи начальникъ IV округа путей сообщенія), который былъ старше меня по производству и подчиненіемъ мнѣ обижался тѣмъ болѣе, что онъ былъ родной племянникъ управлявшаго тогда округомъ Яниша.

По добротѣ Максимова, подчиненные ему производители работъ по водопроводамъ строительнаго отряда капитанъ Ильинъ, я и Танненбергъ, по низовью р. Москвы два брата князья Максутовы и по устройству набережной въ Москвѣ инженеръ капитанъ Александръ Богдановичъ Тан-

ненбергъ и строительнаго отряда штабсъ-капитанъ Ѳеодоръ Яковлевичъ Николя, представляли смѣты и отчеты очень поздно. Максимовъ, во избѣжаніе этого, распорядился, чтобы всѣ означенныя лица собирались каждое утро для занятій въ его канцелярію, помѣщенную въ началѣ 1834 г. въ домикѣ, устроенномъ на счетъ суммъ, ассигнованныхъ на начавшуюся тогда постройку набережной противъ Кремля. Домикъ этотъ находился близъ бывшаго каменнаго моста. Но и это распоряженіе не помогло: мы каждое утро собирались, много разговаривали, дурачились и только мѣшали Максимову, который, занимаясь въ сосѣдней комнатѣ, поневолѣ слушалъ всѣ эти школьничества, часто не могъ удержаться отъ смѣха и приходилъ смѣяться вмѣстѣ съ нами. Главный шутникъ былъ князь Петръ Максутовъ и главная жертва насмѣшекъ Николай Танненбергъ. Впрочемъ, сборъ производителей работъ продолжался во все время существованія означеннаго домика, уничтоженнаго по окончаніи устройства набережной.

Лѣтомъ 1834 г. ѣздили верхомъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру два брата князья Урусовы, изъ которыхъ одинъ, князь Сергѣй Николаевичъ, теперь (1873 г.) предсѣдателемъ департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, и братья Сухотины. Всѣ они были тогда очень молоды и ихъ однихъ не отпускали въ Лавру, а потому они упросили меня ѣхать съ ними, въ видѣ ментора. Такимъ образомъ я былъ въ первый разъ въ Лаврѣ. Съ родителями Сухотиныхъ, съ матерью князей Урусовыхъ и бабкою ихъ, Анастасіею Николаевною Хитрово, мать моя была давно знакома. У послѣдней, отличавшейся разными эксцентричностями, между прочими, пріемомъ по утрамъ въ постели, бывали каждую зиму по четвергамъ танцовальные вечера и балы. Конечно, съ первой же зимы, по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я посѣщалъ эти четверги и окруженный обоими Урусовыми, Сухотиными и другими молодыми людьми, воспитанными въ страхѣ Божіемъ и въ ненависти къ идеямъ французской революціи 1789 г., убѣждалъ ихъ, что эта революція дала весьма благотворныя для человѣчества послѣдствія. Молодежь меня слушала со вниманіемъ, но считала богоотступникомъ, что мнѣ нерѣдко напоминалъ князь Сергѣй Урусовъ, съ которымъ въ 1869, 1870 и 1871 гг. мнѣ часто приходилось засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ. Конечно, родители этой молодежи не знали о моей проповѣди, а то не отпустили бы ее со мною въ Лавру. Мать Урусовыхъ, княгиня Ирина Никитична, была очень набожна и въ особенной пріязни съ моею матерью, съ которой очень часто встрѣчалась въ церкви Троицы въ Зубовѣ, въ приходѣ которой былъ домъ Урусовыхъ, а домъ дяди князя Волконскаго, въ которомъ мать жила почти каждую зиму, былъ въ одномъ переулкѣ съ этою церковью.

По отъѣздѣ моей матери изъ Москвы съ тѣмъ ,чтобы постоянно жить съ дочерью, я сдѣлался болѣе свободнымъ въ выборѣ моихъ знакомыхъ. Въ Москвѣ процвѣтало тогда заведеніе искусственныхъ минеральныхъ

водъ. Для пользованія ими пріѣхала въ Москву жена Орловскаго помѣщика Елисавета Антоновна Цурикова. Ей сопутствовалъ ея сынъ Александръ Сергѣевичъ Цуриковъ, который, по отъѣздѣ его матери, остался жить въ Москвѣ. Я не помню, гдѣ и по какому случаю мы познакомились, но очень скоро сошлись и жили душа въ душу.

Цуриковъ былъ воспитанникомъ Института инженеровъ путей сообщенія, въ которомъ онъ кончилъ курсъ въ тотъ годъ, въ который Гумбольдтъ посѣтилъ Россію. Цуриковъ отлично говорилъ по французски и былъ вообще краснорѣчивъ. Начальство Института не упустило случая блеснуть такимъ воспитанникомъ на публичномъ экзаменѣ, на которомъ присутствовалъ Гумбольдтъ и много другихъ знатныхъ и ученыхъ лицъ. Цуриковъ заслужилъ тогда особое вниманіе Гумбольдта, но, несмотря на это, былъ выпущенъ подпоручикомъ, тогда какъ всѣ выпускались поручиками. Причиною этого было недостаточное число балловъ изъ поведенія, бывшее послѣдствіемъ неакуратнаго посѣщенія Цуриковымъ лекцій и его рѣзкаго обращенія съ нѣкоторыми изъ профессоровъ. Онъ былъ назначенъ, по выпускѣ изъ Института, на работы по устройству Виндавскаго сообщенія, гдѣ произведенъ въ поручики и, состоя въ одномъ изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ польскихъ мятежниковъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, получилъ орденъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Тогдашнія занятія инженера путей сообщенія были совсѣмъ не по характеру Цурикова, и онъ, скучая въ деревняхъ, въ которыхъ приходилось ему жить при производствѣ работъ по Виндавскому каналу, предался разврату и въ особенности пьянству, а также производилъ разныя шалости, которыя могли имѣть для него дурныя послѣдствія. Всѣ эти причины побудили его оставить службу по окончаніи польской кампаніи и поселиться въ деревнѣ его отца с. Лебедкѣ, въ 25 верстахъ отъ г. Орла. Строгость и суровость отца были причиною того, что онъ перебрался въ Москву, гдѣ появленіе въ высшей степени образованнаго и начитаннаго молодого человѣка, обладающаго огромною памятью и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, съ необыкновенно живыми черными глазами и выразительною физіономіей, произвело большой эффектъ. Съ самаго начала нашего знакомства мы такъ полюбили другъ друга, что я одинъ могъ себѣ позволять говорить Цурикову такую правду, за которую онъ, чрезвычайно вспыльчивый и рѣзкій, съ другимъ, конечно, стрѣлялся бы.

Цуриковъ скоро предложилъ мнѣ жить вмѣстѣ. Онъ получалъ отъ отца 6000 р. асс. (1714 р.) въ годъ и слѣдовательно имѣлъ болѣе средствъ къ жизни, чѣмъ я, и потому я не соглашался на его предложеніе. Но онъ, не принимая въ соображеніе моихъ отговорокъ, переѣхалъ ко мнѣ во флигель дома дяди моего князя Дмитрія Волконскаго.

Изобрѣтенный мною способъ устройства ключевыхъ бассейновъ и замѣченныя Цуриковымъ во мнѣ познанія въ математикѣ и литературѣ, которыя онъ легко могъ оцѣнить, сдѣлали меня въ его глазахъ первымъ инженеромъ, какимъ онъ и прокричалъ меня по Москвѣ.

Составленную мною брошюру подъ заглавіемъ: «Нѣкоторые вопросы, относящіеся до стараго Московскаго водопровода», переведенную мною въ 1835 г. на французскій языкъ и которую я, по недостаточному знанію этого языка, хотѣлъ дать исправить какому-нибудь французу, Цуриковъ взялся немедля исправить. Но исправивъ одну страницу, онъ былъ ею недоволенъ и снова принимался за ея исправленіе, такъ что онъ не исправилъ этой маленькой брошюры до самой женитьбы моей въ 1838 г., и вотъ почему эта брошюра, не вполнѣ исправленная Цуриковымъ, появилась въ печати только въ 1839 г.

Цуриковъ, при разговорахъ никогда не затруднявшійся въ выборѣ выраженій и всегда говорившій хорошо, напротивъ того затруднялся при письмѣ и всегда находилъ, что написанное имъ не довольно выразительно. Это была одна изъ множества странностей Цурикова.

Живя съ нимъ, я полагалъ своимъ вліяніемъ хотя нѣсколько усмирить его страсти и воспользоваться для себя его блестящими разнообразными познаніями. Не знаю, насколько успѣлъ въ послѣднемъ, а въ первомъ не только не было успѣха, но я самъ увлекался вмѣстѣ съ Цуриковымъ. Мы много пили вина и пьянство доходило до того, что мы по ночамъ у Копа (гдѣ нынѣ гостинница Дрезденъ), выпивъ бутылокъ по шести на брата, еще отвозили домой нѣсколько бутылокъ. Цуриковъ пьяный былъ шумливъ. Въ этомъ видѣ ему случалось отправляться по ночамъ въ гостинницѣ Копа въ 3 этажъ буянить и стучаться въ двери своихъ знакомыхъ, браня ихъ. Конечно, двери не отворялись, а остановить Цурикова отъ подобныхъ продѣлокъ не было возможности по причинѣ его необычайной силы. Цуриковъ, напившись разъ до пьяна у Копа, проѣзжая мимо дома Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владиміровича Голицына, котораго онъ очень уважалъ и при которомъ состоялъ на службѣ, вылѣзъ изъ саней, ругался и легъ на снѣгъ. Всегда хваставшій своей силою, онъ валилъ длинные заборы у домовъ, конечно, уже нѣсколько подгнившіе.

Но не постоянно же мы пьянствовали и буйствовали; большую часть времени мы проводили въ серьезномъ чтеніи, и въ этомъ я руководился познаніями Цурикова.

Черезъ меня Цуриковъ познакомился съ моими товарищами барономъ Фирксомъ и двумя братьями князьями Максутовыми, изъ которыхъ полюбилъ младшаго Петра. Фиркъсъ, видя успѣхи Цурикова въ Московскомъ обществѣ, силою навязывался на дружбу съ нимъ.

Между странностями Цурикова была слѣдующая: онъ влюблялся въ ту дѣвицу, которую объявляли невѣстою или которой женихъ былъ уже назначенъ общимъ говоромъ.

Въ это время всѣ говорили, что Фиркъсъ, весьма некрасивый лицомъ, женится на Екатеринѣ Александровнѣ Соймоновой. Этого было достаточно для Цурикова, чтобы влюбиться въ нее, хотя она при большомъ умѣ была и не молода, и не хороша собою. Соймоновъ отецъ, не имѣя по-

нятія о прибалтійской аристократіи, не давалъ согласія на бракъ дочери съ Фирксомъ, опасаясь мезальянса. Цуриковъ казался ему гораздо лучшимъ женихомъ, и потому въ бытность Цурикова въ подмосковной Соймоновыхъ, онъ былъ очень благосклонно принятъ родителями Е. А. Соймоновой, а вѣроятно, и ею, потому что нельзя было не восхищаться умомъ Цурикова. Фирксъ, по возвращеніи Цурикова отъ Соймоновыхъ въ Москву, находясь на работахъ по соединенію рѣкъ Волги и Москвы, въ 60 верстахъ отъ города, писалъ нѣсколько длиннѣйшихъ нѣмецкихъ писемъ къ Цурикову, въ которыхъ объяснялъ свою горячую любовь къ Е. А. Соймоновой и дружбу къ Цурикову, надѣясь, что послѣдній не захочетъ сдѣлаться преградою его счастію, и заканчивалъ свои письма слѣдующими словами: «Catherina zur Frau und dieh zum Freund, dass sind meine zwei grösste Wünsche» (Катерину женою, а тебя другомъ, это мои два наибольшія желанія).

Смѣясь отъ всей души надъ этими нѣмецкими элегическими посланіями, я насилу могъ убѣдить Цурикова, что его внезапная любовь къ Соймоновой существуетъ только въ его воображеніи на очень короткое время и чтобы онъ напрасно не тревожилъ Фиркса. Предположеніе о женитьбѣ Фиркса на Соймоновой продолжалось нѣсколько лѣтъ до его отъѣзда изъ Москвы въ Одессу и даже позже, въ концѣ 40 годовъ, но женитьба эта не состоялась.

Точно также Цуриковъ, узнавъ, что княжна Наталья Александровна Урусова, которую онъ постоянно заочно бранилъ, помолвлена за графа Кутайсова, влюбился въ Урусову и искалъ случая поссориться съ Кутайсовымъ. Гораздо позже, пріѣхавъ изъ деревни въ Москву и узнавъ, что княжна Екатерина Александровна Черкасская, дѣйствительно, очень хорошенькая собою и впослѣдствіи очень прославившаяся своими эксцентричностями, должна вскорѣ выйти замужъ за Рябинина, онъ рѣшился увезти ее изъ отцовскаго дома. Я жилъ въ это время съ княземъ Петромъ Максутовымъ. Мы оба были очень больны и не выходили изъ комнаты.

Цуриковъ требовалъ отъ насъ, чтобы мы немедля ѣхали ему помогать увозить Черкасскую, увѣряя, что она будто согласна и ждетъ его, а имъ уже приготовлены лошади. Мы рѣшительно отказались, ссылаясь на наше дѣйствительно болѣзненное состояніе, чего Цуриковъ не хотѣлъ принимать въ соображеніе и сильно настаивалъ на своемъ требованіи. Вскорѣ свадьба Рябинина съ Черкасскою состоялась. Я никогда болѣе не затрагивалъ въ разговорахъ съ Цуриковымъ этого щекотливаго вопроса, и потому не знаю, до какой степени справедливы его разсказы о согласіи Черкасской уѣхать съ нимъ изъ отцовскаго дома.

Осенью 1834 г. была свадьба дочери Е. И. Нарышкиной Екатерины Ивановны и графа Михаила Дмитріевича Бутурлина. Для свадьбы былъ нанятъ домъ партизана Давыдова на Пречистенкѣ, мнѣ очень знакомый, такъ какъ я въ немъ бывалъ у Екатерины Александровны Бибиковой, матери извѣстнаго генералъ-губернатора Юго-западнаго края и впослѣдствіи

Министра внутреннихъ дѣлъ, которая какъ-то считала насъ своею роднею и была очень ко мнѣ расположена. Молодая невѣста была хороша собою и очень живая особа. Она мнѣ весьма нравилась. Женихъ же хотя и не былъ старъ, но изнеможенный, беззубый и очень ограниченнаго ума. Со стороны невѣсты, которую я очень часто видалъ, не было никакой наклонности къ жениху, но мать ея, бывшая воспитанница матери графа М. Д. Бутурлина, хотя впослѣдствіи и вышла замужъ за Нарышкина, двоюроднаго брата мужа послѣдней, привыкла высоко ставить родъ Бутурлиныхъ и потому сильно добивалась этой партіи для дочери. Она разсчитывала и на богатство жениха, которое было мнимое, такъ какъ старшій его братъ, принявшій римско-католическую вѣру и жившій за границей, сильно обдѣлилъ его, а самъ женихъ, дурнымъ управленіемъ доставшейся ему части имѣнія и безразсчетливою жизнію, совершенно его разстроилъ, что и оказалось вскорѣ послѣ его женитьбы въ такой степени, что Бутурлинымъ нечѣмъ было жить, кромѣ доходовъ съ небольшого имѣнія, доставшагося Е. И. Нарышкиной и ея дочери отъ ихъ мужа и отца. Опекуномъ надъ дѣтьми Е. И. Нарышкиной былъ вмѣстѣ съ нею дядя мой князь Александръ Волконскій, который также былъ доволенъ замужествомъ молодой Нарышкиной. Дядя былъ человѣкъ умный, но всегда соглашался съ мнѣніемъ Е. И. Нарышкиной, довольно пустой женщины, которую онъ почему-то считалъ умною.

А. И. Нарышкинъ, съ которымъ я подружился въ 1832 г., пріѣхалъ на свадьбу сестры. Въ два года, проведенные имъ на Кавказѣ, онъ былъ произведенъ въ прапорщики Нижегородскаго драгунскаго полка и получилъ, еще юнкеромъ, Георгіевскій крестъ. Я не встрѣчалъ въ свою жизнь человѣка, который умѣлъ бы такъ горячо любить. Его привязанность ко мнѣ и моему семейству была постоянна до самой его смерти. Его самоотверженіе для друзей не имѣло предѣловъ. При весьма красивой и замѣчательной наружности, въ мундирѣ Нижегородскаго драгунскаго полка, онъ производилъ такой эффектъ, что многія дамы, при появленіи Нарышкина въ театрѣ, посылали узнавать его фамилію. Образованіе его было несолидное, но онъ говорилъ по-французски безупречно, и этого было весьма достаточно въ извѣстномъ классѣ тогдашняго общества. Онъ любилъ фрондировать и эта страсть впослѣдствіи довела его до того, что онъ многое и многихъ бранилъ нещадно, въ особенности дѣйствія правительства и правительственныхъ лицъ, такъ что всѣ удивлялись тому, какъ онъ избѣжалъ нападеній III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, которое въ то время дѣйствовало очень строго.

Нарышкину очень нравился французскій театръ, въ которомъ и я бывалъ часто, употребляя иногда послѣдніе 5 р. асс. на покупку билета въ кресло. Онъ влюбился во второстепенную актрису Annette и всюду за ней гонялся. Вообще онъ былъ очень подвиженъ, и мы смѣялись, что нанятыя имъ помѣсячно дрожки, запряженныя парою лошадей, можно было видѣть въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣсколько верстъ. Я видался съ Нарышкинымъ ежедневно.

Передъ пріѣздомъ дяди Дмитрія въ Москву, который долженъ былъ занять тѣ комнаты въ своемъ домѣ, въ которыхъ жили я и Цуриковъ, мы наняли въ приходѣ Неопалимой Купины особый домикъ, принадлежащій моему начальнику, полковнику Максимову, который въ это время перешелъ въ купленный имъ домъ Волкенштейна.

Еще въ домѣ Волконскаго къ намъ пріѣзжалъ Фирксъ съ работъ по соединенію рр. Волги и Москвы и гостилъ у насъ по нѣскольку дней. Праздничные и воскресные дни проводилъ у насъ мой внучатный братъ, кадетъ Московскаго кадетскаго корпуса Иванъ Николаевичъ Колесовъ, впослѣдствіи тайный совѣтникъ, членъ совѣтовъ Министерства финансовъ и Управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ того же министерства, а иногда и другой внучатный братъ мой, кадетъ того же корпуса Андрей Михайловичъ Золотницкій. Это продолжалось и въ домѣ Максимова.

Фирксъ проводилъ зимнее время въ Москвѣ и никогда не жилъ своимъ домомъ. Зиму 1833—1834 г. онъ прожилъ у братьевъ князей Максутовыхъ. Съ ноября 1834 г. по май 1835 г. онъ прожилъ у насъ въ домѣ Максимова. Всѣ его расходы состояли въ содержаніи экипажа и пары лошадей. Онъ самъ покупалъ для нихъ овесъ, сѣно и солому. Для этого, съ завитыми въ бумажки волосами, онъ рано утромъ, въ старой шинели и старой фуражкѣ, отправлялся на рынокъ и всегда покупалъ фуражъ для лошадей очень дешево. Онъ обращался съ прислугою очень рѣзко, какъ бо̀льшая часть его земляковъ, позволялъ себѣ даже драться съ нею, такъ что Цуриковъ и я неоднократно повторяли ему, что мы не можемъ допустить подобнаго обращенія. Онъ нанималъ очень виднаго кучера, который послѣ побоевъ отходилъ отъ него и потомъ снова поступалъ на службу къ Фирксу. Впослѣдствіи они заключили письменное условіе, что Фирксъ его бить не будетъ. Конечно, это условіе было безполезно.

Фирксъ былъ большой болтунъ и хвастунъ. Бо̀льшею частію говорилъ по французски, дѣлая много ошибокъ, писалъ же на этомъ языкѣ съ грамматическими и орѳографическими ошибками, такъ что если все написанное во множествѣ изданныхъ имъ про Россію брошюръ принадлежитъ его перу, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, то, конечно, кто-нибудь постоянно исправлялъ французскій языкъ въ его брошюрахъ. Онъ вездѣ старался щеголять фразами, повторяя часто цѣликомъ фразы, принадлежавшія Цурикову, и своими познаніями въ инженерномъ искусствѣ, при чемъ и меня, вмѣстѣ съ Цуриковымъ, прославлялъ первостепеннымъ инженеромъ, будто высоко цѣнящимъ его познанія. Цурикову иногда приходило въ голову наказать нѣмца за его назойливость, и онъ въ обществѣ очень ѣдко острилъ надъ нимъ въ его присутствіи, а дома въ тѣ дни, когда у насъ ночевалъ кадетъ Колесовъ, приказывалъ ему стлать постель на диванѣ, на которомъ спалъ Фирксъ, а послѣднему класть матрацъ на полу. Проживъ у насъ болѣе 6 мѣсяцевъ, не платя ни за квартиру, ни за столъ, Фирксъ наканунѣ своего выѣзда изъ Москвы въ маѣ 1835 г.,

по возвращеніи моемъ домой часу въ 12 ночи, предъявляя мнѣ счетъ въ 16 р. асс. съ копѣйками, издержанныхъ имъ въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ на покупку чая, сахару и свѣчъ, вѣроятно, въ то время, когда у насъ былъ въ этомъ недостатокъ, сказалъ: «Liebster Bruder, ich habe dass ausgegeben, so bist du mir 5 Rubel schuldig» (Любезный братъ, я это издержалъ, а потому ты долженъ мнѣ 5 руб.). Третья доля расхода Фиркса составляла ровно 5 рублевую ассигнацію, которая ходила тогда съ лажемъ нѣсколькихъ копѣекъ. Я немедля такую ассигнацію далъ Фиркcу и легъ спать. Вскорѣ пріѣхалъ Цуриковъ, къ которому Фирксъ обратился съ тѣми же словами, но тутъ вспыльчивый Цуриковъ не выдержалъ, разбранилъ Фиркса, указывая ему, что, живя у насъ болѣе полугода на всемъ готовомъ, мы конечно на него издержали не 16 р. асс., и не только не отдалъ ему 5 р., но требовалъ, чтобы и я взялъ обратно отданную мною Фирксу ассигнацію.

Потомъ мы узнали, что Фирксъ поступилъ такимъ образомъ не въ первый разъ. Директоромъ работъ по соединенію рр. Москвы и Волги былъ инженеръ подполковникъ Николай Николаевичъ Загоскинъ, женатый на Мертваго, красивой и очень остроумной женщинѣ. Загоскинъ жилъ въ ея имѣніи, въ 2 верстахъ отъ Клина. Производители работъ по соединенію означенныхъ рѣкъ часто проводили у него по нѣсколько дней, какъ для занятій по службѣ, такъ и просто гостями.

Однажды Фирксъ пріѣхалъ въ имѣніе Загоскина, который въ это время былъ въ Москвѣ, и, проживъ болѣе недѣли у Загоскиной, собрался уѣхать наканунѣ пріѣзда ея мужа, при чемъ подалъ хозяйкѣ счетъ сдѣланнымъ имъ, въ бытность у нея, расходамъ, въ нѣсколько рублей. Трудно понять, чего могло не доставать Фирксу въ хорошо обзаведенномъ домѣ Загоскина, и еще труднѣе понять подобный поступокъ Фиркса. Загоскина замѣтила ему съ усмѣшкою, что онъ своимъ выѣздомъ наканунѣ возвращенія ея мужа сильно ее компрометируетъ; что же касается до сдѣланныхъ имъ расходовъ, то они были напрасны, потому что все имъ купленное въ Клину, въ бытность въ домѣ у Загоскиной, онъ могъ бы потребовать отъ ея прислуги.

Между тѣмъ, несмотря на столь отвратительные поступки Фиркса, мы его не только терпѣли, но и приголубливали. Чѣмъ это объяснить, не знаю: приголубливали да и только.

Цуриковъ и я иногда обѣдали дома и въ эти дни бывали у насъ наши знакомые, и между прочимъ, извѣстный поэтъ и славянофилъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Этотъ даровитый человѣкъ, конечно, будетъ извѣстенъ потомству не по однимъ моимъ воспоминаніямъ, и потому я скажу о немъ только нѣсколько словъ. Совершенный христіанинъ, исполняющій всѣ обряды православной церкви, мягкій въ обхожденіи со всѣми, онъ былъ весьма образованъ и начитанъ. При замѣчательной памяти онъ легко запоминалъ все читанное, а привычка къ точному обсужденію дѣлала его живой разговоръ и пріятнымъ, и поучительнымъ. Онъ очень лю-

билъ спорить и сильно защищалъ приведенныя имъ сужденія. Замѣчу въ немъ одинъ недостатокъ, а именно: чтобы не показаться незнающимъ чего бы то ни было, онъ готовъ былъ говорить и спорить о томъ, чего не зналъ. Понятно, что подобныя два лица, Хомяковъ и Цуриковъ, должны были скоро сойтись. Большая часть ихъ бесѣдъ относилась къ историческимъ предметамъ и происходила по французски. При одной изъ этихъ бесѣдъ присутствовалъ кадетъ Колесовъ, который, воспитываясь въ младенчествѣ въ домѣ Е. И. Нарышкиной, зналъ французскій языкъ, но предметъ бесѣды былъ для него совершенно непонятенъ. Это побудило его приняться серьезнѣе за ученіе. На малыя деньги, которыя присылала ему находившаяся въ бѣдности мать его, онъ купилъ нѣсколько историческихъ книгъ и изучалъ ихъ по ночамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принялся и за изученіе тѣхъ предметовъ, которые преподавались въ корпусѣ, такъ что вдругъ перешелъ черезъ два класса. Кромѣ безсонныхъ ночей, это досталось Колесову съ большими затрудненіями, потому что въ корпусѣ запрещалось заниматься по ночамъ, а еще болѣе читать книги, не входившія въ курсъ корпуснаго ученія. Но каково было удивленіе мое, Цурикова и Хомякова, когда, при спорахъ этихъ послѣднихъ объ историческихъ предметахъ, въ нихъ принялъ участіе, и весьма разумное, кадетъ Колесовъ.

Въ зиму 1834—1835 г. я ѣздилъ, какъ и въ прошедшіе годы, по баламъ и танцовальнымъ вечерамъ, на которыхъ Фиркъ считался однимъ изъ первыхъ кавалеровъ. Цуриковъ, никогда не учившійся танцамъ, вовсе не танцовалъ. Затѣмъ и я сталъ танцовать менѣе прежняго.

Въ 1835 г. въ Мытищинскомъ кирпичномъ водопроводѣ замѣтно было значительное уменьшеніе притока воды къ Алексѣевскому водоподъемному зданію. Изъ этого явствовало, что сверхъ тѣхъ поврежденій въ водопроводѣ, которыя немедля по ихъ обнаруженіи исправлялись, имѣются такія поврежденія, которыя не могутъ быть видимы снаружи. Для ихъ отысканія предположено было пустить поплавки въ водопроводную галлерею и замѣчать, сколько времени они пройдутъ между отдушинами, устроенными надъ кирпичною водопроводною галлереею въ разстояніи 100 саж. одна отъ другой. Помноживъ число секундъ, употребленныхъ поплавкомъ на проходъ между двумя отдушинами, на приблизительно среднюю площадь воды между этими отдушинами, можно было опредѣлить, въ какихъ мѣстностяхъ терялась вода изъ кирпичной галлереи и гдѣ слѣдовательно были поврежденія. Этотъ способъ измѣренія потери воды изъ водопровода достигалъ цѣли не вездѣ. Между нѣкоторыми отдушинами поплавки вовсе не двигались. По осмотрѣ галлереи между такими отдушинами найдено было, что на ея почвѣ образовались весьма длинныя растенія въ видѣ тонкаго тростника, лежащаго горизонтальными слоями, плотно приросшими одинъ къ другому во всю ширину галлереи, и окрашеннаго въ красный цвѣтъ, принятый этими растеніями отъ кирпичной толчи, входившей въ составъ искусственнаго цемента, которымъ была

оштукатурена внутренняя поверхность почвы и стѣнъ галлереи. Потребовалось ее очистить отъ этихъ растеній, чего нельзя было произвести безъ остановки водоснабженія, которою я воспользовался для осмотра внутренности галлереи. По спускѣ въ р. Яузу близъ с. Большихъ Мытищъ воды, даваемой ключевыми бассейнами, я прошелъ по всей водопроводной галлереѣ отъ Б. Мытищъ до Алексѣевскаго водоподъемнаго зданія, при чемъ мною замѣчены всѣ трещины въ водопроводѣ и вынуты всѣ вышеописанные значительные растительные наросты. Нѣкоторые изъ нихъ посланы въ Московскій университетъ для опредѣленія ихъ состава, но результатъ этого опредѣленія мнѣ неизвѣстенъ. Осмотръ кирпичной галлереи былъ весьма неудобенъ. Не говоря уже о сырости галлереи и о томъ, что на ея почвѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она была болѣе углублена, чѣмъ слѣдовало, оставалась вода, самая вышина галлереи отъ почвы до замка свода равнялась $4^1/_2$ ф. или $31^1/_2$ верш., а слѣдовательно мнѣ приходилось все время итти по галлереѣ согнувшись. Въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ найдены поврежденія въ стѣнахъ и почвѣ, предположено было въ слѣдующемъ году вложить деревянные, хорошо проконопаченные и засмоленые ящики.

Сверхъ этой общей очистки водопроводной галлереи, въ 1835 г. производились на водопроводѣ обыкновенныя ремонтныя работы и устроены, по изобрѣтенному мною способу, два бассейна надъ ключами, найденными мною въ 1834 г. близъ с. Большихъ Мытищъ.

Въ 1834 г. сгорѣлъ Тульскій оружейный заводъ. Требовалось его устроить вновь, а равно и водоудержательную плотину на р. Упѣ, направляющую воду этой рѣки на заводскія водо-дѣйствующія машины. Эту плотину передъ пожаромъ нѣсколько разъ повреждало и необходимо было устроить болѣе прочное сооруженіе. Для перестройки завода была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ артиллерійскаго генералъ-лейтенанта Вельяминова. При комиссіи должны были находиться директора работъ гражданскихъ (архитектурныхъ), гидравлическихъ и механическихъ. Директоромъ гидравлическихъ работъ былъ назначенъ подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія Эрнестъ Ивановичъ Шуберскій. Бывшій генералъ-фельдцейхмейстеръ великій князь Михаилъ Павловичъ, слыша отъ всѣхъ самые лестные отзывы объ управляющемъ III округомъ путей сообщенія генералъ-маіорѣ Янишѣ, очень желалъ имѣть его членомъ комиссіи для устройства завода по технической части, такъ что всѣ означенные три директора работъ зависѣли бы отъ него по этой части. Принявъ это мѣсто, Янишъ долженъ былъ бы отказаться отъ мѣста управляющаго округомъ и оставить Москву, гдѣ имѣлъ свой домъ и близъ Москвы порядочное имѣніе. Находясь въ болѣзненномъ состояніи, онъ отказывался отъ предлагаемаго ему мѣста, ссылаясь на свою болѣзнь. Великій князь, зная, что не можетъ ничего сдѣлать болѣе пріятнаго Янишу, какъ посѣтить его созданіе, Московскій водопроводъ, объявилъ Янишу осенью 1835 г., что онъ желаетъ осмотрѣть Алексѣевское

водоподъемное зданіе и резервуаръ воды въ Сухаревой башнѣ. Вслѣдствіе этого участвующіе въ водопроводныхъ работахъ: Янишъ, Максимовъ, Ильинъ и я, получили приглашеніе прибыть въ Московскій кадетскій корпусъ для сопровожденія оттуда великаго князя въ водоподъемное зданіе и башню.

Въ кадетскомъ корпусѣ мы присутствовали при разводѣ, производившемся, по случаю ненастной погоды, въ большой тронной залѣ корпуснаго зданія (бывшаго Головинскаго дворца). Барабанный бой, крики кадетъ: «рады стараться Ваше Императорское Высочество», и рѣзкія замѣчанія, весьма громко высказываемыя великимъ княземъ начальству кадетъ, оглушили Яниша, во всю свою жизнь никогда не видавшаго военныхъ эволюцій не только въ комнатѣ, но и на площадяхъ и въ манежахъ. По окончаніи развода, когда намъ надо было ѣхать въ водоподъемное зданіе, Янишъ казался совсѣмъ уничтоженнымъ и, воспользовавшись этимъ состояніемъ, убѣждалъ великаго князя уволить его отъ назначенія въ члены комиссіи по устройству Тульскаго завода. Но великій князь былъ съ нимъ такъ любезенъ, при осмотрѣ водоподъемнаго зданія и резервуара въ Сухаревой башнѣ, что старикъ согласился принять означенное мѣсто съ условіемъ, чтобы, по болѣзненному его состоянію, ему дозволено было имѣть при себѣ одного инженера путей сообщенія по его выбору, и этотъ выборъ палъ на меня. Далѣе читатель увидитъ, что это условіе не было выполнено.

Въ это лѣто 1835 г. Цуриковъ жилъ въ деревнѣ своего отца, а я въ Б. Мытищахъ, вещи же наши оставались во флигелѣ дома дяди моего князя Дмитрія, который лѣто проводилъ въ своемъ Воронежскомъ имѣніи. Пріѣзжая и въ лѣтніе мѣсяцы въ Москву, мы останавливались въ этомъ флигелѣ. Въ серединѣ лѣта 1835 г. Цуриковъ, воротясь изъ деревни, за какіе-то пустяки повздорилъ съ А. И. Нарышкинымъ, вышедшимъ въ началѣ 1835 г. въ отставку и поселившимся въ Москвѣ. Нарышкинъ прислалъ секунданта Хрущова; Цуриковъ выбралъ меня своимъ секундантомъ. Горячо привязавшись къ Нарышкину, я очень недоволенъ былъ этимъ выборомъ, но не могъ отказаться. Всѣ мѣры, употребленныя мною и секундантомъ Нарышкина къ примиренію, были безуспѣшны. Назначены были мѣсто и всѣ условія дуэли. Но какъ-то въ послѣднюю минуту мнѣ удалось поставить дѣло такъ, что Нарышкинъ долженъ былъ извиниться. Это было мнѣ тѣмъ труднѣе, что противники были люди несговорчивые и что, по любви моей къ Нарышкину, я не хотѣлъ его унизить, а по долгу секунданта Цурикова долженъ былъ дѣйствовать противъ Нарышкина. М. Д. Бутурлинъ зналъ о предполагавшейся дуэли, очень опасался за Нарышкина и не находилъ словъ, чтобы благодарить меня за то, что я не допустилъ до дуэли.

Вскорѣ Нарышкинъ уѣхалъ въ свое Орловское имѣніе, с. Егорьевское, находящееся верстахъ въ 20 отъ Орла и въ 6 верстахъ отъ имѣнія Цурикова с. Лебедки. Осенью получено было извѣстіе, что онъ помол-

вленъ со второю дочерью Цурикова, Марьею Сергѣевною. Нарышкину было всего 20 лѣтъ отъ роду, а невѣста его была годомъ или двумя старше его. Жившій со мною братъ ея былъ не совсѣмъ доволенъ полученнымъ извѣстіемъ. Ему запала давно мысль, которую онъ неоднократно высказывалъ, женить меня на этой сестрѣ его, которую я совсѣмъ не зналъ. Дядя мой князь Александръ Волконскій, опекунъ Нарышкина, былъ, напротивъ, доволенъ. Полагая, что по состоянію здоровья Нарышкинъ не можетъ прожить долго, онъ радовался, что немногіе годы жизни своей Нарышкинъ проживетъ спокойно. Мы увидимъ, что дядя ошибался. Нарышкинъ жилъ долго вовсе не спокойно и пережилъ свою жену. Онъ меня звалъ на свадьбу, назначенную въ началѣ января 1836 г.

Въ началѣ 1835 г. сестра моя Викулина родила сына Николая. Мать моя лѣтомъ 1835 г. ходила пѣшкомъ изъ имѣнія Викулиныхъ въ Кіевъ молить о скорѣйшемъ окончаніи дѣла о бракѣ сестры моей и оттуда проѣхала въ Варшаву на могилу убитаго при взятіи этого города брата моего Александра. Въ Варшавѣ она была принята весьма гостепріимно семействомъ нашего тамошняго старшаго священника, которое пригласило жить въ его квартирѣ. Шести-недѣльное пребываніе матери моей въ Варшавѣ она употребила на сооруженіе памятника надъ могилою брата, который при себѣ поставила, и внесла въ Московскій опекунскій совѣтъ 2000 р. асс. (571р. 43 к.) съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были ежегодно выдаваемы духовенству нашей Варшавской церкви за поминовеніе брата. Мнѣ извѣстно, что въ 60-хъ годахъ это духовенство служило панихиду на могилѣ брата въ день его кончины.

Слѣдственное дѣло о бракѣ сестры моей, тянувшееся полтора года и запутанное разными несправедливыми показаніями, наконецъ было представлено Орловскому архіерею и лежало безъ движенія въ Орловской духовной консисторіи. Мать моя желала, чтобы я лично уговорилъ Орловскаго архіерея немедля окончить это дѣло. Это также требовало моей поѣздки въ Орелъ и я, надѣясь уговорить архіерея немедля наложить резолюцію на представленномъ слѣдствіи и привезти это извѣстіе матери моей и Викулинымъ, въ началѣ декабря 1835 г. взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Орелъ. Этотъ декабрь отличался необыкновенными морозами. Термометръ въ продолженіе полуторы недѣли не показывалъ менѣе—30$^0/_0$ по Р. Завѣдующіе Московскимъ водопроводомъ очень опасались, чтобы вода въ трубахъ не замерзла, однако же онъ вполнѣ хорошо выдержалъ это испытаніе. Въ эти морозы я выѣхалъ изъ Москвы на почтовыхъ, въ перекладныхъ саняхъ, и подъ Тулою отморозилъ себѣ щеку. Нарышкинъ предувѣдомилъ меня, что С. В. Цуриковъ проситъ меня остановиться въ Орлѣ въ его домѣ. Пріѣхавъ въ Орелъ въ 12 ч. ночи, я нашелъ домъ Цурикова едва топленымъ, такъ что мерзъ всю ночь. Я тогда не зналъ, до какой степени С. В. Цуриковъ скупъ. Я былъ два раза у Орловскаго архіерея Никодима, убѣждалъ и упрашивалъ его положить резолюцію по представленному слѣдственному дѣлу о бракѣ сестры моей, но

этотъ бездушный монахъ не внималъ моимъ просьбамъ. Онъ, какъ и большая часть монаховъ, не понималъ никакихъ семейныхъ отношеній. Я ему говорилъ, что до окончанія дѣла положеніе сестры и новорожденнаго сына Викулиныхъ самое страшное, что оно убиваетъ мать мою, и безъ того уже много въ жизни своей потерпѣвшую. Отвѣтъ его былъ: «молитесь». Я ему говорилъ, что всѣ мы молимся и что мать моя молится и много и усердно; даже этимъ лѣтомъ ходила пѣшкомъ къ Кіевскимъ угодникамъ, молила ихъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Тогда архіерей сказалъ мнѣ, что онъ подобныя важныя дѣла, по ихъ докладѣ, который ему уже сдѣланъ, откладываетъ на нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы рѣшить ихъ обдуманно, но я просилъ его, для наступающаго великаго праздника Рождества Христова, обрадовать своею резолюціею все наше семейство и сдѣлать доброе дѣло, на что онъ мнѣ рѣшительно объявилъ, что, напротивъ того, онъ въ такіе великіе дни никакими дѣлами не занимается. И такъ мое ходатайство не имѣло успѣха, и я не могъ привезти радостной вѣсти моей матери и Викулинымъ, у которыхъ пробылъ праздники вмѣстѣ съ братомъ моимъ Николаемъ, произведеннымъ въ декабрѣ 1833 г. въ прапорщики въ конно-артиллерійскую батарею, стоявшую въ Задонскѣ, въ 12 верстахъ отъ имѣнія Викулиныхъ, и, слѣдовательно, часто у нихъ бывавшимъ. Командиръ и всѣ прочіе офицеры батареи были однофамильцы наши, хотя и не родственники. Они даже принадлежали къ тремъ разнымъ исповѣданіямъ: православному, римскокатолическому, лютеранскому. Командиръ батареи былъ оченъ хорошій и благородный человѣкъ, но былъ въ немилости, вслѣдствіе потери пушекъ въ польскую кампанію въ 1831 г., при одной изъ первыхъ схватокъ нашихъ конно-егерскихъ полковъ, подъ командою генерала Гейсмара, съ польскими войсками. Въ этомъ постыдномъ для насъ дѣлѣ виноватъ одинъ Гейсмаръ, но, конечно, старались обвинить подчиненныхъ. У командира батареи, котораго родство съ нами было весьма отдаленное, такъ какъ наши роды разошлись уже болѣе ста лѣтъ, былъ сынъ Александръ, до того похожій на моего брата Александра, убитаго подъ Варшавою, что мать моя не могла его видѣть.

Братъ мой Николай жилъ въ Задонскѣ въ домѣ тетки нашей княжны Татьяны, чѣмъ она избавлялась отъ всякаго военнаго постоя. По ея скупости столъ у нея былъ очень дуренъ и недостаточенъ. Вслѣдствіе этого Викулины постоянно посылали ей провизію, но это нисколько не спасало брата отъ дурной ѣды. Получаемая отъ Викулиныхъ провизія пряталась и подавалась къ столу тогда, какъ бо̀льшая ея часть была уже испорчена. Братъ Николай былъ тогда веселымъ и беззаботнымъ юношей, очень любилъ танцы и могъ ими до сыта наслаждаться у Викулиныхъ, у которыхъ въ деревнѣ были постоянно гости и часто танцовали при довольно хорошей музыкѣ крѣпостныхъ дворовыхъ людей.

Чтобы указать хотя нѣкоторыя черты тогдашняго военнаго быта, передамъ слѣдующее происшествіе. За отсутствіемъ старшихъ въ бата-

реѣ офицеровъ, брату моему пришлось командовать взводомъ батареи, стоявшимъ въ с. Патріарши, въ 2-хъ верстахъ отъ имѣнія дядей моихъ с. Студенецъ, въ которомъ я родился. Однажды получаетъ онъ отъ своего батарейнаго командира письмо, въ которомъ послѣдній пишетъ ему, что деньги, отпущенныя на провіантъ нижнимъ чинамъ, надо приберечь для лѣтняго времени, иначе во время лѣтнихъ ученій придется дурно кормить солдатъ, а такъ какъ крестьяне с. Патріарши довольны стоянкою взвода, то нельзя ли убѣдить ихъ согласиться кормить нижнихъ чиновъ безплатно. Братъ не зналъ, какъ ему исполнить это приказаніе начальства, и обратился за совѣтомъ къ старшему фейерверкеру, который сказалъ, что надо выставить нѣсколько ведеръ вина, попотчевать старшихъ въ селеніи и предложить имъ кормить нижнихъ чиновъ безплатно. Такъ было исполнено: фейерверкеръ во время попойки обратился къ крестьянамъ съ означеннымъ предложеніемъ, говоря, что они должны исполнить приказаніе начальниковъ батареи тѣмъ болѣе, что они не простые господа, а бароны, и истолковалъ имъ этотъ титулъ тѣмъ, что предки ихъ обороняли Государя во время войны отъ опасности и за то они съ потомками названы оборонами или баронами, при чемъ не позабылъ прибавить, что мать молодого барона была ихъ покровительницею, когда жила въ с. Студенцѣ. Крестьяне согласились на требованіе батарейнаго командира. Подобныя распоряженія теперь немыслимы, да и солдаты сами не захотятъ жить на даровомъ хлѣбѣ у крестьянъ.

Въ началѣ января 1836 г. я отъ Викулиныхъ прямо проѣхалъ въ имѣніе С. В. Цурикова с. Лебедку, согласно сдѣланному имъ мнѣ лично въ прошедшемъ декабрѣ приглашенію. С. В. Цуриковъ былъ преисполненъ странностями. Его бытъ заслуживалъ быть описаннымъ перомъ И. С. Тургенева. Онъ былъ человѣкъ большого ума, говорилъ вообще краснорѣчиво, а по французски безупречно, и вообще получилъ очень хорошее образованіе. Онъ служилъ недолго и наслѣдовалъ 1000 душъ въ наилучшихъ нашихъ губерніяхъ: Орловской, Курской и Воронежской, поселился въ с. Лебедкѣ, въ которомъ считалось 500 душъ. Онъ вскорѣ женился на какой-то француженкѣ гувернанткѣ, нажилъ дѣтей и сдѣлался деспотомъ семьи своей, своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и даже окружавшихъ его имѣнія однодворцевъ (тогдашнихъ крестьянъ-собственниковъ), оттягивая всѣми, часто не только незаконными, но весьма суровыми и безпощадными способами, принадлежащіе имъ клочки земли, смежные съ его владѣніями и необходимые, по его мнѣнію, для округленія послѣднихъ. Онъ образовалъ нѣсколько конторъ по управленію имѣніемъ, которыя по самымъ пустымъ предметамъ составляли протоколы съ изложеніемъ дѣла, справками, соображеніями и заключеніями, на которыхъ онъ писалъ: «Согласенъ» С. Ц. (Сергѣй Цуриковъ), а въ случаѣ несогласія клалъ другую резолюцію. Чтеніемъ этихъ протоколовъ и наложеніемъ резолюцій С. В. Цуриковъ занималъ все утро, для чего вставалъ необыкновенно рано. Не зная еще объ этихъ порядкахъ, я въ разговорѣ съ нимъ осуждалъ

сложную переписку и отчетность по работамъ вѣдомства путей сообщенія и не могъ понять, почему присутствовавшіе при моемъ разсказѣ сынъ его и Нарышкинъ очень сконфузились и всячески старались прекратить мой разсказъ. Чтобы показать, по какимъ мелочамъ соотавлялись протоколы въ конторахъ Цурикова, требовавшіе его утвержденій, разскажу слѣдующій случай. На другой день моего пріѣзда въ с. Лебедку я долго не могъ добиться воды для умыванья. Впослѣдствіи я узналъ, что мнѣ не смѣли дать воды до утвержденія протокола конторы по управленію домомъ Цурикова, въ которомъ она указывала, какую воду должны мнѣ доставлять для умыванья. Не знаю, на какомъ основаніи назначена была для моего умыванья другая вода, чѣмъ назначенная моему дядѣ князю Александру Волконскому, который былъ посаженымъ отцомъ Нарышкина и приглашенъ С. В. Цуриковымъ жить у него въ Лебедкѣ. Дядя мой пріѣхалъ ранѣе меня и, хотя невѣста Нарышкина ему понравилась, былъ недоволенъ всѣмъ происходившимъ въ домѣ Цурикова. Послѣдній, будучи занятъ цѣлое утро разсмотрѣніемъ протоколовъ различныхъ конторъ по управленію, приходилъ въ комнату дяди только въ третьемъ часу пополудни, предъ самымъ обѣдомъ, и каждый день извинялся своими занятіями. Наконецъ это ежедневное повтореніе такъ надоѣло дядѣ, что онъ намекнулъ Цурикову, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, а если Цуриковъ сдѣлаетъ ему честь побывать въ его деревнѣ, то увидитъ, какъ онъ принимаетъ гостей. И дѣйствительно дядя на это былъ большой мастеръ. Сынъ и дочери Цурикова, изъ которыхъ старшая уже была замужемъ за Саввою Васильевичемъ Абазою, страшно боялись отца, не смѣя при немъ разинуть рта, ходили около его кабинета на цыпочкахъ. Говорили даже, что дочери, чтобы его не безпокоить при проходѣ мимо его кабинета, снимали башмаки. Во всемъ домѣ царствовалъ его произволъ и скупость. Онъ обѣщался выдать въ приданое за дочерью Нарышкиною 40 тыс. р. асс. (11428 р. сер.), но онъ вычелъ изъ нихъ всѣ расходы, сдѣланные имъ на свадьбу по пріему гостей и даже на сальныя свѣчи, употребленныя для приготовленій къ свадьбѣ, чему велся очень акуратный счетъ. Сверхъ того, означенныя деньги онъ выдалъ Нарышкину не вдругъ, а по частямъ, вычитая изъ нихъ лажъ, который постоянно до 1839 г. увеличивался, на бывшія тогда въ обращеніи ассигнаціи. С. В. Цуриковъ часто повторялъ, что онъ всею своею жизнію пожертвовалъ своему семейству, что жена его истинная страдалица, которую онъ всевозможными способами успокаиваетъ, а между тѣмъ изъ ея дѣвичьей комнаты сдѣлалъ совершенный гаремъ. Впослѣдствіи мы узнали, что въ день свадьбы Нарышкиныхъ онъ предъ благословеніемъ дочери требовалъ, чтобы она ради мужа никогда не оставляла отца и мать, и на уклончивый отвѣтъ дочери, что она будетъ стараться исполнить долгъ свой относительно родителей, насколько ей позволитъ ея новое положеніе, онъ очень разсердился и сказалъ, что въ церкви, во время совершенія таинства, онъ не перекреститъ лба, что буквально исполнилъ и даже стоялъ все время

въ церкви бокомъ къ образамъ и спиною къ бракосочетавшимся, хотя по наружности былъ богомоленъ. Изъ церкви мы поѣхали обѣдать въ с. Егорьевское къ Нарышкину, у котораго не было еще никакого хозяйства, а потому сдѣлано было распоряженіе, чтобы бѣлый хлѣбъ къ обѣду былъ присланъ изъ с. Лебедки, но С. В. Цуриковъ, недовольный уклончивымъ отвѣтомъ своей дочери во время ея благословенія, отмѣнилъ означенное распоряженіе. Только что узнали объ этомъ въ с. Егорьевскомъ, сейчасъ послали въ Орелъ за бѣлымъ хлѣбомъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что дядя мой князь Александръ Волконскій вовсе не ѣлъ чернаго хлѣба; но бѣлый хлѣбъ изъ Орла прибылъ послѣ обѣда, такъ что дядя долженъ былъ обѣдать безъ хлѣба.

Воротясь въ Москву изъ полутора-мѣсячнаго отпуска, я съ Цуриковымъ нанялъ домъ Балка на Плющихѣ. Вскорѣ пріѣхали въ Москву сестра Викулина съ мужемъ и матерью. Братъ Николай также взялъ отпускъ, чтобы повеселиться въ Москвѣ. По красивой его наружности и ловкости въ танцахъ его приглашали на всѣ балы и вечера, и онъ провелъ свой отпускъ въ Москвѣ очень весело. Мнѣ также приходилось съ нимъ часто ѣздить на балы, хотя мнѣ они и не доставляли особаго удовольствія. Братъ жилъ у насъ, а потому мы не могли пріютить у себя Фиркса, который жилъ эту зиму у братьевъ Максутовыхъ. Упоминая о жизни Фиркса у Максутовыхъ, нельзя не разсказать про него слѣдующаго анекдота. Максутовы нанимали небольшую квартиру. Въ одной изъ комнатъ въ стѣнѣ былъ шкапъ для вѣшанія платья. Увидавъ подъѣзжавшаго къ крыльцу А. Н. Соймонова, Фиркъ просилъ Максутовыхъ принять Соймонова и сказать, что его нѣтъ дома. Черезъ нѣсколько минутъ по входѣ Соймонова явился Фиркъ, объясняя, что у него рядомъ съ Максутовыми довольно большое помѣщеніе и что онъ, вернувшись домой и узнавъ, что Соймоновъ сидитъ у Максутовыхъ, поспѣшилъ къ нему. Все это Фиркъ солгалъ: онъ просто въ темномъ и узкомъ шкапѣ сумѣлъ одѣться и снять свои бумажныя папильотки.

С. А. Викулинъ пріѣхалъ въ Москву, чтобы сдѣлать разные заказы и покупки для строимой имъ въ с. Колодезскомъ церкви. Въ Москвѣ нанялъ онъ очень скромное помѣщеніе, далеко не соотвѣтствовавшее не только тому богатству, которое ему приписывали, но и дѣйствительному его состоянію. Онъ пріѣхалъ въ Москву на зиму въ первый разъ съ молодою женою, и эта скупость его обратила общее вниманіе. Онъ очень много торговался при покупкѣ вещей, любилъ долго говорить съ продавцами и черезъ это всегда поздно пріѣзжалъ къ обѣду. Братъ Николай и я почти каждый день у него обѣдали, а такъ какъ обѣдъ былъ назначенъ въ 4 часа, а Викулинъ часто пріѣзжалъ въ 6 часовъ и даже позже, то мы въ эти дни порядочно голодали.

По пріѣздѣ въ Москву я узналъ, что директоръ гидравлическихъ работъ Тульскаго оружейнаго завода инженеръ-подполковникъ Шуберскій отправился съ проэктами означенныхъ работъ въ Петербургъ, и что

членъ комиссіи по устройству означеннаго завода Янишъ поручилъ ему ходатайствовать о назначеніи меня къ Янишу по особымъ порученіямъ, согласно данному ему великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ обѣщанію. Мнѣ очень не хотѣлось мѣнять Москву на Тулу, но я согласился на эту перемѣну только изъ уваженія къ Янишу. Каково же было мое удивленіе при полученіи приказа главноуправляющаго путями сообщенія отъ 19-го февраля 1836 г., которымъ я былъ назначенъ къ работамъ тульскаго оружейнаго завода въ распоряженіе Шуберскаго. Оказалось, что Шуберскій, имѣя большія теоретическія познанія, никогда ничего не строилъ и чувствовалъ необходимость имѣть въ числѣ подчиненныхъ инженера, знакомаго съ практикою, вслѣдствіе чего хлопоталъ въ Петербургѣ о назначеніи меня къ нему, а не къ Янишу, такъ какъ по штату при членахъ комиссіи не полагалось имѣть лицъ по особымъ порученіямъ. Сверхъ того Шуберскій разсчиталъ, что лучше имѣть меня своимъ подчиненнымъ, чѣмъ лицомъ, состоящимъ при членѣ комиссіи, обязаннымъ наблюдать за всею техническою частію работъ, такъ что я могъ бы имѣть нѣкоторое вліяніе на ходъ работъ, управляемыхъ Шуберскимъ.

Необходимость сдать дѣла по Московскому водопроводу и желаніе провести въ Москвѣ то время, которое Викулины оставались въ ней, были причиною того, что я поѣхалъ въ Тулу только съ наступленіемъ удобнаго для работъ времени.

Шуберскій принялъ меня какъ товарища, а не какъ подчиненнаго и назначилъ меня производителемъ работъ по устройству Чулковской водоудержательной плотины, придавъ мнѣ въ помощники инженеръ-поручика Свищова, артиллеріи подпоручика Дистерло и артиллерійскаго кондуктора Дѣдова, которые обязаны были поочередно дежурить при работахъ.

Въ Тулѣ я бывалъ часто у Яниша, который еще до моего пріѣзда былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и послалъ, ссылаясь на болѣзненное состояніе, просьбу объ отчисленіи его отъ должности члена комиссіи по устройству завода. Просьба его была уважена. Всѣ инженеры провожали Яниша до рощи за Московскою заставою, гдѣ Янишемъ предложенъ былъ завтракъ. Вскорѣ Янишъ совсѣмъ оставилъ службу.

Переходъ мой въ Тулу былъ для меня невыгоденъ и въ матеріальномъ отношеніи: я лишился разъѣздныхъ денегъ, которыя получалъ, состоя при Московскомъ водопроводѣ. Жизнь въ Тулѣ была бы для меня весьма затруднительна, если бы не пригласилъ меня жить съ собою двоюродный братъ моихъ товарищей Максутовыхъ, инженеръ-поручикъ Михаилъ Александровичъ Литвиновъ, человѣкъ богатый, державшій нѣсколько лошадей въ Тулѣ. Хотя я и участвовалъ въ расходахъ по дому, но мнѣ не нужно было ничѣмъ заводиться, и сверхъ того экипажъ Литвинова былъ постоянно къ моимъ услугамъ.

Литвиновъ былъ очень веселаго нрава. Въ праздничные дни я съ нимъ ѣздилъ къ помѣщикамъ, жившимъ вблизи Тулы. Всего чаще бывали мы у Арсеньева, Новомлинскаго и Загряжскаго.

Всѣ мы много пили и дѣлали разныя дурачества, ходили большими группами на свадьбы купцовъ и мѣщанъ, на которыя не были приглашены и т. п. Но самою непростительною и глупою шалостью была въ продолженіе нѣкотораго времени ежедневная разборка мостика надъ канавою по Воронежской улицѣ, по которому проѣзжали не только городскіе жители, но и всѣ проѣзжающіе по большому Воронежскому тракту. Насъ очень забавляло недоумѣніе бывшаго Тульскаго военнаго губернатора Елпидифора Антіоховича Зурова при видѣ мостика, разобраннаго неизвѣстно кѣмъ и когда.

Съ Арсеньевымъ я былъ очень хорошо знакомъ въ Москвѣ, когда онъ еще былъ холостымъ и очень порядочнымъ человѣкомъ. Въ послѣднюю зиму онъ женился на Щербачевой, которую Цуриковъ назвалъ почему то Алаунскою обезьяной, хотя она не была дурна собою. Мои посѣщенія Арсеньевыхъ въ ихъ деревнѣ сначала ей нравились. Она со мною любезничала, но вдругъ безъ всякаго съ моей стороны повода начала увѣрять мужа, что будто я обращаюсь съ ней съ пренебреженіемъ, и заставляла его со мною объясняться. Объясненія эти оканчивались обыкновенно мирно: за ними слѣдовала новая попойка. Арсеньевъ, когда былъ холостымъ, очень мало пилъ, и мнѣ показалось, что безпрерывныя мелочныя претензіи его жены, пустой женщины, довели его до того, что онъ очень часто напивался до пьяна.

Литвиновъ былъ производителемъ работъ по устройству шоссе отъ Тулы до Серпухова, директоромъ которыхъ былъ Шуберскій. Литвиновъ вовсе не занимался службою, и несмотря на то, что Шуберскій часто выгонялъ его на работы, постоянно въ Тулѣ. Онъ служилъ недолго и, выйдя въ отставку, поселился въ своемъ Пензенскомъ имѣніи.

Въ Тулѣ я нашелъ двухъ товарищей моихъ по Институту: инженеръ-поручиковъ Псіола и Крамера. Первый часто приходилъ къ намъ. Онъ былъ очень обидчивъ. Литвиновъ, зная этотъ недостатокъ Псіола, часто выводилъ его изъ терпѣнія своими шутками, такъ что Псіолъ почти каждый разъ уходилъ отъ насъ разсерженный и не простясь. Я никогда не подшучивалъ надъ обидчивостію Псіола, но это не помогало намъ оставаться въ добромъ согласіи. Псіолъ придирался къ каждому слову, къ каждому жесту. Разъ, сидя у насъ за обѣдомъ, онъ увидалъ у меня печать, которую я въ тотъ день за бездѣлицу купилъ у бѣднаго оружейника. На печати, помнится, была вырѣзана шпага съ какою-то надписью, которая, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, обидѣла Псіола. Онъ сказалъ, что понимаетъ значеніе этой надписи, и ушелъ, не кончивъ обѣда.

Крамеръ учился въ Институтѣ очень дурно, но выпущенъ былъ въ инженеръ-поручики благодаря подаркамъ, которые отецъ его, весьма богатый человѣкъ, дѣлалъ инспектору классовъ Резимону.

Онъ произведенъ въ прапорщики вмѣстѣ со мною, но оставаясь по два года въ прапорщичьемъ и подпоручичьемъ классахъ, вышелъ въ инженеръ-поручики двумя годами позже меня. Онъ не зналъ даже, что такое

квадратъ и кубъ, и потому, при задачѣ уроковъ рабочимъ на небольшой порученной ему постройкѣ, постоянно путался. Онъ во всемъ угождалъ Шуберскому, сдѣлавшись его прислужникомъ. Шуберскому это очень нравилось и хотя онъ говорилъ о Крамерѣ, что онъ дуракъ, а все же послѣдній былъ къ нему ближе всѣхъ прочихъ его подчиненныхъ.

Шуберскій былъ весьма ученый, но дурно воспитанный человѣкъ.

Онъ былъ сынъ лютеранскаго пастора въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Окончивъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, онъ отправился въ Германію, которую исходилъ пѣшкомъ и въ университетахъ которой слушалъ философскія науки. Но, по его словамъ, эти науки его не удовлетворяли, и онъ отправился въ Парижъ, гдѣ слушалъ математическія науки. Всѣ знанія, за исключеніемъ математическихъ, онъ считалъ не важными и часто мнѣ предсказывалъ хорошую будущность, основываясь на томъ, что я пріобрѣлъ достаточныя познанія въ математикѣ и имѣю хорошія способности для дальнѣйшаго ея изученія. По возвращеніи изъ-за границы Шуберскому обѣщано было мѣсто адъюнкта въ Петербургской Академіи наукъ, но по неимѣнію вовсе средствъ къ жизни онъ не могъ дождаться этого мѣста и выдержалъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія экзаменъ прямо въ инженеръ-поручики. Шуберскій при всей своей учености не умѣлъ порядочно говорить и писать ни на одномъ языкѣ; даже на своемъ природномъ нѣмецкомъ онъ говорилъ дурно. Онъ не давалъ себѣ труда обдумать то, что онъ хотѣлъ изложить въ своихъ письмахъ, такъ что они могли служить образцомъ неправильныхъ сочетаній и орѳографическихъ ошибокъ, въ особенности его письма на французскомъ языкѣ, который онъ постоянно употреблялъ при перепискѣ со мною. Шуберскій былъ чрезвычайно вспыльчивъ, часто ссорился со своею женою при постороннихъ, обходился грубо и рѣзко съ подчиненными, исключая меня, и на всякое слово, сказанное подчиненными, отвѣчалъ: «это глупство, это пустаки-то». Не разъ я и другіе подчиненные говаривали ему, что мы не привыкли къ подобному обращенію. Онъ обѣщался измѣнить его, но обыкновенно кончалъ разговоръ все тѣми же словами: «да это все глупство, пустаки-то».

По отъѣздѣ Яниша изъ Тулы Шуберскій былъ сдѣланъ членомъ по технической части комиссіи по устройству Тульскаго оружейнаго завода, съ оставленіемъ директоромъ гидравлическихъ работъ. Это назначеніе поставило его въ новое положеніе. Онъ завладѣлъ всѣми дѣлами комиссіи, часто кричалъ на ея предсѣдателя генералъ-лейтенанта Вельяминова, не отвѣчалъ на его вопросы, которые считалъ не заслуживающими отвѣта, при подчиненныхъ убѣгалъ отъ него и, не обращая вниманія на его зовъ, только отмахивался руками и показывалъ видъ, что не стоитъ говорить съ нимъ. Директоровъ гражданскихъ (архитектурныхъ) и механическихъ работъ Шуберскій также подчинилъ себѣ.

На работу по Чулковской плотинѣ, которой я былъ производителемъ, ежедневно выходило нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ нижнихъ чиновъ

и по нѣскольку десятковъ каменьщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. Мѣсто, на которомъ производилась работа, было тѣсно для такой массы рабочихъ и потому требовалось предварительно обдумывать размѣщеніе рабочихъ, чтобы они не мѣшали другъ другу. Шуберскій, придя на работу послѣ меня, очень часто измѣнялъ всѣ мои распоряженія и всегда путалъ. Я обращалъ его вниманіе на то, что такъ нельзя продолжать дѣло. Онъ соглашался со мною, но продолжалъ попрежнему путать, приходя въ мое отсутствіе на мои работы. Мои помощники, особенно артиллеристы, жаловались мнѣ на рѣзкость выраженій и вообще обращеніе Шуберскаго и хотѣли оставить работы при заводѣ. Я передавалъ ихъ жалобы Шуберскому; онъ, обѣщаясь перемѣнить свое обращеніе, оканчивалъ тѣми же словами: «все это глупство, пустаки-то». Я вышелъ изъ терпѣнія и писалъ къ Максимову, что ни за что болѣе не останусь при заводскихъ работахъ и выйду въ отставку. Графъ Толь, осматривая въ августѣ 1836 г. перестроенные по моему способу ключевые бассейны въ с. Большихъ Мытищахъ, спросилъ у Максимова, имѣетъ ли онъ извѣстія обо мнѣ и какія?

Узнавъ отъ Максимова, что я очень недоволенъ своимъ положеніемъ и намѣренъ выйти въ отставку, Толь приказалъ ему написать мнѣ, что онъ желаетъ, чтобы я оставался на службѣ, и что онъ дастъ мнѣ другое назначеніе, если я не хочу оставаться при работахъ завода.

1-го сентября 1836 г., по случаю закладки главнаго корпуса оружейнаго завода, былъ обѣдъ, на которомъ было, вѣроятно, выпито лишнее. Прямо съ обѣда Шуберскій отправился на работы плотины и приказалъ бывшему въ это время дежурнымъ по работамъ Дѣдову, уже произведенному въ прапорщики, но еще не обмундировавшемуся, сдѣлать какія-то невозможныя измѣненія въ распоряженіяхъ по работамъ. Разсердясь на Дѣдова за его отвѣтъ, впрочемъ весьма учтивый, Шуберскій обругалъ Дѣдова, и когда сей послѣдній, не желая слушать ругательствъ, отошелъ, то Шуберскій, выхвативъ правило у каменьщика и гоняясь за Дѣдовымъ, падалъ между рядами свай, что произвело общій смѣхъ между рабочими. Мнѣ немедля была передана эта сцена.

На другой день, рано утромъ, я получилъ собственноручное предписаніе Шуберскаго, состоявшее изъ нѣсколькихъ строкъ, по обыкновенію безграмотныхъ. Онъ поручалъ мнѣ немедля прибыть къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ назначалъ часъ моего прибытія. Къ назначенному времени я былъ у Шуберскаго, но его не засталъ; при его неакуратности это было дѣломъ очень обыкновеннымъ.

Воротясь домой, онъ нашелъ меня въ комнатѣ, занимаемой его канцеляріею, и очень сухо сказалъ, что ему надо поговорить со мною наединѣ и чтобы я для этого шелъ за нимъ во второй этажъ. Тутъ онъ мнѣ наговорилъ разныхъ рѣзкостей, объясняя, что онъ человѣкъ благородный и честный и полагалъ меня такимъ же, но что онъ имѣетъ въ рукахъ доказательство противнаго. Я не понималъ, что могло довести Шуберскаго до этого раздраженія, и упрекалъ его за то обращеніе, которое онъ по-

зволилъ себѣ наканунѣ съ Дѣдовымъ. Это еще болѣе взбѣсило Шуберскаго и такъ какъ онъ все сильнѣе и сильнѣе поднималъ голосъ, то я ему сказалъ, что несмотря на его странности, я привыкъ его уважать, а потому полагаю лучше уйти и дать ему успокоиться; на повторенное же нѣсколько разъ предложеніе стрѣляться со мною я только тогда соглашусь, когда буду знать причину, побуждающую къ дуэли. Я дѣйствительно уважалъ Шуберскаго, какъ человѣка правдиваго въ бо̀льшей части случаевъ, много трудящагося, самостоятельнаго и всегда готоваго защитить своихъ подчиненныхъ противъ неправильныхъ обвиненій. Когда я хотѣлъ уходить, Шуберскій, остановивъ меня, сказалъ, что я самъ долженъ былъ знать причину его раздраженія, но видя, что я притворяюсь, будто бы я не понимаю, онъ напоминаетъ мнѣ о письмѣ, которое я писалъ утромъ въ этотъ самый день.

На мой отвѣтъ, что я съ утра не бралъ ни пера, ни карандаша въ руки, Шуберскій сказалъ, что послѣ этого онъ и стрѣляться со мною не хочетъ, потому что я позволяю себѣ говорить неправду, и что онъ имѣетъ въ рукахъ мое письмо. Я потребовалъ, чтобы Шуберскій мнѣ его показалъ, и онъ вынулъ изъ кармана какую то бумажку. На мое замѣчаніе, что это письмо писано не мною, Шуберскій пришелъ въ бѣшенство, говоря, что онъ не ожидалъ, чтобы я могъ отказываться отъ своей руки, и добавилъ, показывая на подпись, что не откажусь же я отъ своей подписи. Я ему сказалъ, что подпись эта не моя. Онъ еще болѣе взбѣсился. Когда же я объяснилъ, что подъ письмомъ подписано не Дельвигъ, а Дистерло, фамилія моего помощника при работахъ, Шуберскій не находилъ словъ для извиненія сдѣланной имъ мнѣ сцены. Оказалось, что письмо это было писано къ Крамеру въ отвѣтъ на требованіе послѣдняго отъ Дистерло отпустить рабочіе инструменты изъ запасного магазина, находившагося при производимой мною главной гидравлической работѣ. Дистерло писалъ Крамеру, что, послѣ вчерашняго гнуснаго поступка Шуберскаго съ Дѣдовымъ, никто изъ офицеровъ, состоящихъ при работахъ плотины, конечно, не выйдетъ на работу, и потому подобныя требованія, обращенныя къ нимъ, останутся безъ исполненія, причемъ придавалъ Шуберскому безпощадные и несправедливые эпитеты.

Я сказалъ Шуберскому, что не оправдываю поступка Дистерло, писавшаго, конечно, въ минуту запальчивости, но еще гнуснѣе поведеніе того, кто представилъ ему это письмо. Онъ увѣрялъ, что, увидѣвъ разсыльнаго Крамера съ письмомъ, онъ самъ его взялъ и прочелъ, такъ что Крамеръ объ этомъ ничего не знаетъ, но я убѣжденъ, что это было не такъ, а что Крамеръ представилъ письмо Шуберскому.

По окончаніи объясненій о письмѣ Шуберскій мнѣ сказалъ, что онъ, какъ старый нѣмецкій Bursch (прозвище нѣмецкихъ студентовъ), очень желалъ бы жить въ согласіи со своими подчиненными, но что онъ не знаетъ, какъ этого достигнуть. Я ему отвѣчалъ, что всѣ подчиненные очень его уважаютъ, а потому достиженіе для него этой цѣли очень легко: стоитъ

только ему обращаться съ ними поучтивѣе и не говорить при каждомъ ими сказанномъ словѣ, что они говорятъ глупство, пустяки. Шуберскій обѣщался замѣчать за собою и тутъ же прибавилъ: «все это глупство, пустаки-то».

Въ этотъ день онъ праздновалъ свое рожденіе и, имѣя въ виду мои хорошія отношенія со всѣми его подчиненными, за исключеніемъ Крамера, просилъ меня примирить его съ ними, для чего и было положено, что я отъ имени Шуберскаго приглашу всѣхъ его подчиненныхъ офицеровъ къ нему на вечеръ въ этотъ же день. Шуберскій надѣялся, что все это можетъ уладиться, но опасался, что, по крайней обидчивости Псіола, онъ съ нимъ никакъ не можетъ сойтись. Шуберскій не помнилъ ничьего имени и отчества, а потому постоянно ихъ путалъ. Псіолъ очень этимъ обижался и говорилъ Шуберскому, что послѣдній можетъ его называть по фамиліи или по чину, но не имѣетъ права каждый разъ коверкать его имя и отчество, что считалъ крайнимъ къ нему пренебреженіемъ. Я сказалъ Шуберскому, что я его выведу изъ этого затрудненія, написавъ имя и отчество Псіола на двери, а его прошу въ продолженіе всего вечера, когда онъ захочетъ заговорить съ Псіоломъ, предварительно посмотрѣть на сдѣланную на двери надпись.

По убѣжденію моему всѣ подчиненные Шуберскаго явились къ нему на вечеръ, который провели очень весело. Шуберскій былъ со всѣми очень любезенъ. При концѣ вечера Псіолъ сказалъ мнѣ, что вѣрно Шуберскій хочетъ дѣйствительно со всѣми жить въ мирѣ, такъ какъ онъ въ цѣлый вечеръ ни разу не ошибался въ его имени и отчествѣ. Тогда я показалъ ему сдѣланную мною на двери надпись, которою Псіолъ чрезвычайно обидѣлся и немедля ушелъ, не простясь. Хотя Шуберскій былъ недоволенъ, что я его выдалъ, но причина внезапнаго ухода Псіола возбудила всеобщій хохотъ.

Конечно, Шуберскій не могъ измѣниться, а потому примиреніе съ его подчиненными было непрочно. Сверхъ того, жизнь въ Тулѣ мнѣ казалась очень скучною и средства для жизни были слишкомъ скудныя. Имѣя же въ виду, что я при выпускѣ изъ Института сталъ по списку 125 поручикомъ, а производились каждый годъ въ слѣдующій чинъ по 10, и что такое же медленное производство ожидаетъ меня и въ слѣдующихъ чинахъ, я не видалъ никакой карьеры въ настоящей моей службѣ, и предполагая даже лучшее производство, не видалъ возможности жить ничтожнымъ содержаніемъ, которое получали инженеры и въ высшихъ чинахъ, а потому рѣшилъ подать въ отставку. Предварительно же я упросилъ Шуберскаго дать мнѣ порученіе въ Москву для заготовленія нѣкоторыхъ матеріаловъ, потребныхъ для заводскихъ работъ, и исходатайствовать отпускъ въ Петербургъ.

Въ Москву я поѣхалъ позднею осенью. Бывшая тогда грунтовая дорога была до того неудобо-проѣзжаема, что я въ первый день, несмотря на то, что ѣхалъ одинъ съ небольшимъ чемоданомъ, не могъ проѣхать пер-

вой почтовой станціи и, за усталостію лошадей, долженъ былъ остановиться въ 12 верстахъ отъ Тулы на постояломъ дворѣ, который былъ переполненъ проѣзжающими крестьянами. Въ небольшой грязной комнатѣ ихъ сидѣло человѣкъ пятнадцать; меня посадили подъ образами и дали ужинъ.

Въ этомъ обществѣ я спалъ сидя, потому что негдѣ было лечь, и съ разсвѣтомъ собрался въ дальнѣйшій путь, но когда дошло до разсчета съ хозяиномъ, онъ запросилъ такую высокую плату за ночлегъ и простой крестьянскій ужинъ, что я не могъ согласиться на такое грабительское требованіе. Давъ ему въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, я приказалъ ямщику выѣзжать со двора, но хозяинъ заперъ ворота и настоятельно требовалъ уплаты назначенной имъ суммы. Я отказалъ, самъ отперъ ворота и выѣхалъ благополучно, конечно, благодаря моимъ эполетамъ. Дорога была такъ дурна, что на проѣздъ 180 вер. отъ Тулы до Москвы я употребилъ, безпрестанно торопясь, трое сутокъ.

Въ Москвѣ я снова жилъ съ Цуриковымъ, нанявшимъ порядочную квартиру на Арбатѣ. Вскорѣ пріѣхалъ Фиркъ изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ не знаю на чей счетъ. Онъ пріѣхалъ съ чемоданами и просилъ насъ дозволить ему жить съ нами. На это Цуриковъ отвѣчалъ, что, конечно, онъ долженъ поселиться у насъ, потому что иначе куда же ему дѣваться, но съ условіемъ, чтобы Цуриковъ не видалъ никакого счета, иначе онъ выброситъ изъ окошка (квартира наша была во второмъ этажѣ) этотъ счетъ, за нимъ полетитъ самъ нѣмецъ (Фиркъ), а затѣмъ и его вещи.

Фиркъ немедля разсказалъ намъ, что у него недостаетъ конца одного пальца на рукѣ, что онъ его потерялъ близъ Дрездена на дуэли съ какимъ-то нѣмцемъ, бранившимъ въ его присутствіи русскихъ, и что секундантомъ его на дуэли былъ извѣстный литераторъ Николай Ивановичъ Гречъ. Мы привыкли не вѣрить Фиркъ, хотя все относившееся до дуэли было имъ разсказано до мельчайшихъ подробностей. Въ этотъ же день, когда Фиркъ куда-то уѣхалъ, пришелъ къ намъ производитель работъ по устройству Бабьегородской плотины на р. Москвѣ, инженеръ-поручикъ Леонъ Роппъ. Онъ разсказалъ намъ, что получилъ письмо отъ своей матери, сосѣдки по курляндскому имѣнію съ имѣніемъ отца Фиркса, въ которомъ она подробно описываетъ, какимъ образомъ Фиркъ, бывъ на охотѣ съ другими сосѣдями, по собственной неосторожности выстрѣломъ изъ ружья, оторвалъ конецъ своего пальца. Мы передали Роппу разсказъ Фиркса о его дуэли и просили Роппа дождаться возвращенія Фиркса, чтобы услыхать отъ него разсказъ о дуэли и уличить его во лжи. По пріѣздѣ Фиркъ повторилъ свой разсказъ, и тогда Роппъ ему очень хладнокровно сказалъ: «Warum prahlst du immer» (зачѣмъ ты всегда хвастаешься), и показалъ ему бывшее съ нимъ письмо матери, весьма подробно описывавшей случай, бывшій съ Фирксомъ на охотѣ. Это мало подѣйствовало на Фиркса, который продолжалъ въ Московскомъ обществѣ хвастаться своею дуэлью.

Роппъ былъ совершенною противоположностію Фирксу. Онъ зани-

мался своею работою съ усердіемъ и разумно. При весьма красивой наружности, онъ нигдѣ не бывалъ, кромѣ товарищей, жилъ при своей работѣ въ одной комнатѣ въ антресоли, въ которую вела такая крутая лѣстница, что по ней подниматься можно было только съ помощью веревки. Онъ умѣлъ жить такъ, что не проживалъ болѣе того ограниченнаго содержанія, которое давали тогда инженерамъ. Онъ не любилъ обѣдать у товарищей, что бы не привыкать къ пищѣ лучшей той, которую могъ имѣть дома, и никогда не ѣздилъ на извощикахъ и не пользовался чужими экипажами, чтобы не отучиться отъ пѣшей ходьбы. Задержавъ его до поздней ночи въ день пріѣзда Фиркса, Цуриковъ приказалъ запречь для него свой экипажъ, но Роппъ, несмотря на проливной дождь, не сѣлъ въ него и пошелъ домой въ темную ночь пѣшкомъ. Онъ, предвидя, что строимая имъ Бабьегородская плотина, проэктированная Палибинымъ въ подражаніе способу Пуаре, не устоитъ при напорѣ воды, представлялъ объ этомъ своему начальству, но ему не вѣрили, а онъ продолжалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ наблюдать за прочностію и тщательностію всѣхъ частей работы. Дѣйствительно, только что подняли щитами плотины воду въ р. Москвѣ, какъ они были сломаны и огромная накопившаяся за щитами масса воды ринулась внизъ по рѣкѣ, сорвавъ барки, причаленныя къ пристанямъ, и подвинувъ барки, бывшія въ ходу, обратно, при чемъ многіе промышленники подверглись значительному ущербу. Впослѣдствіи плотина была перестроена по проекту Роппа и вполнѣ удалась.

Послѣ посѣщенія моего въ 1833 г. С. М. Баратынской я велъ съ нею довольно частую переписку и большею частью по-французски. Спустя съ полгода послѣ означеннаго посѣщенія написалъ я къ ней, что въ юности я дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ, что пишу объ этомъ, такъ какъ это дѣло прошлое, но что мужъ ея пусть это себѣ мотаетъ на усъ, если онъ носитъ усы. Отвѣтъ на это, писанное въ шуточномъ тонѣ, письмо я получилъ въ конвертѣ, подписанномъ женою поэта Е. А. Баратынскаго. Софья Михайловна мнѣ писала, что если бы мое письмо попало въ руки ея мужа, то могли бы выйти весьма непріятныя послѣдствія, изъ чего видно было, что онъ очень ревнивъ и чтобы я вообще осторожнѣе былъ въ моихъ письмахъ, такъ какъ Кирсановскій почтмейстеръ читалъ изъ любопытства всѣ письма, получаемыя въ Кирсановской конторѣ, и что недавно пріѣхала къ нему его дочь, воспитывавшаяся въ какомъ-то институтѣ, которую онъ заставляетъ переводить французскія письма, такъ что и французскій языкъ съ нѣкотораго времени не помогаетъ сохраненію содержанія писемъ въ тайнѣ. Послѣ этого отвѣта переписка наша продолжалась все такъ же часто, но, какъ обыкновенно бываетъ, мало-по-малу дѣлалась рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась.

Е. А. Баратынскій, жившій съ матерью и братьями въ тамбовскомъ имѣніи во время моего посѣщенія, вскорѣ переѣхалъ въ Москву. Я бывалъ у него рѣдко, но, сверхъ того, видался съ нимъ и его женою у Левашевыхъ.

Зайдя къ Е. А. Баратынскому осенью 1836 г., я былъ чрезвычайно удивленъ, встрѣтивъ у него С. М. Баратынскую съ мужемъ, которая уже нѣсколько недѣль была въ Москвѣ и не подумала дать знать мнѣ объ этомъ. Вообще она обошлась со мною холодно. Я былъ однако же у нея еще нѣсколько разъ. Не знаю чему приписать ея тогдашнюю холодность, тогда какъ спустя 20 лѣтъ мы встрѣтились въ Москвѣ съ тою же горячею дружбою, какъ и въ молодости, и я видался съ нею и съ необыкновенно милыми ея дочерьми почти ежедневно.

Въ продолженіе этого 20-лѣтняго промежутка она хотя и пріѣзжала въ Москву, но въ такое время, когда меня не было въ этомъ городѣ. Съ мужемъ ея, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, мы видались въ клубѣ и у знакомыхъ, но онъ ко мнѣ не заѣзжалъ.

Въ концѣ 1836 г. Цуриковъ уѣхалъ въ деревню къ отцу и потомъ въ Петербургъ, а я перешелъ жить съ товарищемъ моимъ, княземъ Петромъ Максутовымъ. Онъ былъ вообще очень добрый малый, помогалъ мнѣ, насколько самъ имѣлъ средствъ, въ моихъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и велъ все домашнее хозяйство, видя мою совершенную неспособность имъ заниматься. Будучи очень вспыльчивъ и очень малаго роста, онъ, найдя счета повара преувеличенными, становился на стулъ и билъ по щекамъ повара, который подчинялся этимъ побоямъ безъ отговорокъ, хотя жилъ у насъ по найму. Но тогда и вольные люди покорялись обычаямъ крѣпостного права, и добрые господа, какимъ былъ Максутовъ, позволяли себѣ безъ зазрѣнія совѣсти слѣдовать этимъ гнуснымъ обычаямъ. Мы отъ скуки, особливо когда бывали оба больны, играли въ карты. Максутовъ постоянно меня обыгрывалъ, но когда сумма моего проигрыша была слишкомъ значительна, онъ продолжалъ игру, чтобы проиграть все выигранное. Вообще наша игра кончалась бездѣлицею.

Въ карты я игралъ не съ однимъ Максутовымъ и иногда довольно счастливо. Играя, между прочимъ, съ богатымъ и весьма скупымъ человѣкомъ, Михаиломъ Александровичемъ Смирновымъ, я выигралъ у него дрожки съ парою лошадей и упряжью и, пріѣхавъ къ нему на извозчикѣ, уѣхалъ въ собственномъ экипажѣ. Кучеръ Смирнова, который отвезъ меня въ этомъ экипажѣ, вернулся къ барину своему пѣшкомъ. Смирновъ, какъ и многіе изъ тогдашняго общества, говорилъ по-французски дурно. Онъ былъ охотникомъ до лошадей и часто употреблялъ слово cheval (лошадь), которое дурно произносилъ, такъ что Цуриковъ говорилъ ему: «Самъ ты шваль!»

На вечерахъ А. Н. Раевскаго я также велъ довольно большую игру «ландскне».

Въ концѣ 1836 г. я всего чаще бывалъ у А. И. Нарышкина, который съ женою, матерью и новорожденнымъ сыномъ Сергѣемъ пріѣхалъ провести зиму въ Москвѣ. Еще не прошло года женитьбы Нарышкина, какъ выказался вполнѣ неуживчивый характеръ жены. Она была скупа, дурно одѣвалась, любила разъѣзжать по Москвѣ на извозчикахъ

и сама покупала на рынкахъ разную домашнюю утварь. Все это не было принято тогда въ обществѣ, къ которому принадлежалъ Нарышкинъ, и не соотвѣтствовало его врожденному аристократическому чутью. Сверхъ того, Нарышкина цѣлые дни докучала своему мужу разными мелочными придирками и рѣзкими колкостями, чѣмъ отняла у него всякую охоту къ домосѣдству, тѣмъ болѣе, что онъ вообще былъ наклоненъ къ разгульной жизни. Безпрерывные упреки за эту наклонность, а вскорѣ и сцены ревности, дѣланныя при всѣхъ и безпрерывно, вполнѣ выказали характеръ этой своенравной и капризной женщины, отъ которой однако же нельзя отнять большого ума.

Нарышкинъ въ это время, по совѣту своего свояка С. В. Абазы, устраивалъ винокуренный заводъ, для чего заложилъ все свое имѣніе и взялъ поставку вина. Торги на эту поставку въ то время производились въ началѣ года, когда неизвѣстенъ еще былъ урожай, и потому торговыя цѣны на вино бывали иногда при неурожаѣ въ два и даже въ три раза дешевле дѣйствительной его цѣнности, отчего винокуренные заводчики раззорялись, если не имѣли для куренія хлѣба прежнихъ урожаевъ. 1837 г. былъ неурожайный, и Нарышкинъ съ перваго же года своего хозяйства раззорился, такъ что никогда не могъ поправиться.

6-го декабря 1836 г. было довольно большое производство по корпусу путей сообщенія и въ томъ числѣ изъ поручиковъ въ капитаны (чина штабсъ-капитана тогда въ этомъ корпусѣ не было). Стоявшій по списку передо мною поручикъ былъ произведенъ послѣднимъ. Казалось, ничего не было легче, какъ и меня произвести. Это невниманіе начальства было мнѣ очень непріятно. Впослѣдствіи я узналъ, что я не былъ произведенъ въ виду поданной мною просьбы объ отставкѣ, вслѣдствіе которой мое имя было даже выключено въ декабрѣ 1836 г. изъ печатной книжки, заключающей списокъ всѣхъ чиновъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Но отставки мнѣ не дали, примѣнивъ ко мнѣ правило, что казеннокоштные воспитанники обязаны прослужить въ вѣдомствѣ путей сообщенія 10 лѣтъ. Примѣненіе этого правила было несправедливо, такъ какъ оно было введено въ новый уставъ Института и не могло относиться къ воспитанникамъ, которые поступили въ Институтъ до изданія означеннаго устава, а по прежнему они были обязаны прослужить въ вѣдомствѣ путей сообщенія только 6 лѣтъ. Впрочемъ меня и не увѣдомили объ этомъ, а просто ничего не отвѣчали на мою просьбу объ отставкѣ, и въ 1837 г. мое имя снова внесли въ книжку инженеровъ путей сообщенія.

Въ началѣ 1837 г. князь Петръ Максутовъ и я переѣхали жить на квартиру старшаго его брата Андрея, на 1-й Мѣщанской улицѣ. Андрей Максутовъ незадолго передъ этимъ женился на Семеновой, которая была довольно пригожа собой. Сестра жены Максутова вышла въ предыдущую зиму замужъ за графа Моркова, который влюбился въ нее на балу благороднаго собранія. Узнавъ ея фамилію, когда подавали ей карету у подъѣзда, Морковъ явился на другой день съ предложеніемъ къ ея матери, поставляя

условіемъ, чтобы она не откладывала свадьбы. Семеновы были очень бѣдны, графъ Морковъ богатъ. Мать и дочь согласились на его предложеніе и черезъ нѣсколько дней была ихъ свадьба.

Я видѣлся очень рѣдко съ Андреемъ Максутовымъ и его женою, хотя и жили на одной квартирѣ. Я почти цѣлый день разъѣзжалъ по знакомымъ, а тѣ часы, которые проводилъ дома, сидѣлъ у постели больного Петра Максутова, съ которымъ жилъ въ одной комнатѣ. Онъ, во время болѣзни, былъ очень нетерпѣливъ и его нетерпѣніе доходило иногда до такой степени, что онъ бранилъ въ лицо пользующаго его очень почтеннаго профессора Анке и даже разъ чѣмъ-то въ него бросилъ.

Въ половинѣ января я получилъ извѣстіе о рожденіи у Викулиныхъ дочери Валентины (теперешней Засѣцкой). Это тѣмъ болѣе обрадовало меня, что сынъ ихъ Николай былъ въ это время опасно боленъ; онъ вскорѣ и умеръ.

Въ началѣ 1837 г. вышла брошюра по случаю постройки Царскосельской желѣзной дороги, не помню ея заглавія. Хотя не была заявлена фамилія ея автора, но всѣмъ было извѣстно, что она составлена нашимъ инженеромъ Палибинымъ. Въ ней, между прочимъ, доказывалась невозможность эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по причинѣ ея суроваго климата и, между прочимъ, для прикрасы были помѣщены разныя остроты, въ родѣ слѣдующихъ: авторъ полагалъ, что при скорости ѣзды по +30 вер. въ часъ и при морозѣ въ—30°/ пассажиры, въ виду алгебраическаго правила, что плюсъ помноженный на минусъ даетъ въ результатѣ минусъ, останутся безъ носа; и что въ гололедицу колеса паровоза не будутъ въ состояніи двигаться по рельсамъ, а только вертѣться на мѣстѣ, и что паровозъ уподобится въ такомъ случаѣ барану, упершемуся въ каменную стѣну и, не имѣя возможности разрушить ее, со злости брыкающему задними ногами. Эти остроты впрочемъ принадлежали, какъ говорили тогда, Ивану Ѳедоровичу Гильдебрандту, сыну знаменитаго хирурга, дѣлавшаго мнѣ операцію полиповъ. Палибинъ былъ женатъ на сестрѣ Ивана Гильдебрандта Аннѣ Ѳедоровнѣ и былъ съ нимъ друженъ. Понятно, какъ я, всегда предчувствовавшій пользу желѣзныхъ дорогъ, строго отзывался о брошюрѣ Палибина и подсмѣивался надъ вышеупомянутыми неудачными остротами. Это очень возстановило противъ меня Палибина уже недовольнаго тѣмъ, что въ непосредственномъ вѣдѣніи III (Московскаго) округа путей сообщенія былъ инженеръ, ничѣмъ не уступавшій инженерамъ, состоявшимъ при работахъ по соединенію рр. Волги и Москвы и привыкшимъ считать себя выше инженеровъ, непосредственно подчиненныхъ округу. Нерасположеніе Палибина ко мнѣ еще болѣе увеличилось, когда онъ узналъ, что я вмѣстѣ съ Роппомъ осуждаю его проектъ Бабьегородской плотины на р. Москвѣ. По близкому знакомству Гильдебрандта съ Левашевыми, Палибинъ въ виду общаго говора, что я женюсь на одной изъ дочерей Левашевыхъ, старался повредить мнѣ въ ихъ мнѣніи. Впослѣдствіи мы часто встрѣчались съ Палибинымъ, бывали другъ у друга, но что-то

непріятное оставалось постоянно въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ 1871 году Палибинъ былъ предсѣдателемъ ученаго комитета Министерства путей сообщенія. По преобразованіи въ этомъ году означеннаго министерства, ученый комитетъ былъ закрытъ и Палибинъ остался за штатомъ. Онъ былъ больной человѣкъ, вслѣдствіе паралича, а такъ какъ онъ уже долго служилъ и былъ въ самыхъ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, то я исходатайствовалъ сохраненіе ему содержанія, которое онъ получалъ по должности предсѣдателя ученаго комитета.

Окончивъ порученіе по заготовленію матеріаловъ для работъ по постройкѣ Тульскаго оружейнаго завода, я поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ остановился у брата Николая, слушавшаго курсъ въ военной Академіи. Мы съ нимъ видѣлись въ послѣдній разъ лѣтомъ 1836 г. въ проѣздъ его черезъ Тулу изъ Задонска въ Петербургъ. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ я неоднократно призывалъ къ себѣ доктора очень искуснаго и былъ чрезвычайно удивленъ, когда онъ не взялъ денегъ, которыя я хотѣлъ ему дать за его визиты. На мое настояніе взять деньги докторъ отвѣчалъ мнѣ: «По вашей обстановкѣ вижу, что вы люди не богатые, и потому приберегите ваши деньги на другія надобности; съ меня довольно того, что я получаю отъ богатыхъ». Этотъ докторъ былъ медикъ гвардейскаго морского экипажа. Невольно сравнивалъ я этого доктора со многими, извѣстными мнѣ московскими докторами, которые не только съ меня, но и съ гораздо бѣднѣйшихъ, постоянно брали за визиты, а къ немогущимъ платить и вовсе не ѣздили.

Изъ моихъ старыхъ петербургскиъ знакомыхъ я не засталъ въ живыхъ дяди моего Гурбандта, отца М. Д. Деларю и Сомова. Сынъ Гурбандта, женившійся на воспитанницѣ своего отца, уѣхалъ служить въ Херсонъ. Сынъ Деларю служилъ въ Одессѣ. Оба въ проѣздъ черезъ Москву видѣлись со мною. Изъ знакомаго мнѣ литературнаго круга оставался одинъ Плетневъ, у котораго я былъ въ мое настоящее пребываніе нѣсколько разъ. На его вечерахъ было мало литераторовъ. Я бывалъ часто у Николая Ивановича Кутузова, служившаго во II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, женатаго на внучатной моей сестрѣ, урожденной Ваксель, сохранившей еще весьма замѣчательную красоту. Н. И. Кутузовъ былъ человѣкъ умный, прямой, самостоятельный, весьма усердный къ службѣ и пріятный въ обращеніи, когда не находила на него хандра. Его прямота и нѣкоторыя странности помѣшали ему сдѣлать служебную карьеру. Между его странностями упомяну о томъ, что онъ очень не любилъ нѣмцевъ, въ особенности состоящихъ въ русской службѣ, но при этомъ часто случалось ему говорить, что на всѣ вліятельныя служебныя мѣста назначаютъ нѣмцевъ, а когда случится, что назначутъ русскаго, то выберутъ такого, который хуже нѣмца. Бывалъ я также у моего стараго товарища А. И. Баландина, жившаго въ это время съ Ф. И. Таубе, и у нѣкоторыхъ другихъ товарищей моихъ, а равно у Н. И. и А. И. Браиловыхъ, сыновей

Дарьи Ѳаддѣевны, прежде жившей у стараго Гурбандта и переѣхавшей послѣ его смерти къ старшему сыну. Младшій ея сынъ бралъ къ себѣ по воскресеньямъ и праздникамъ двухъ двоюродныхъ братьевъ моихъ Александра и Ивана Антоновичей Дельвиговъ, воспитывавшихся въ дворянскомъ полку. Съ Цуриковымъ, выѣхавшимъ прежде меня изъ Москвы и поселившимся въ гостинницѣ Кулопа на Михайловской улицѣ, видался я почти каждый день. Онъ проводилъ время въ высшемъ кругу петербургскаго общества, въ которомъ я имѣлъ мало знакомыхъ.

Въ первое по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ представленіе инженеровъ графу Толю, я представлялся вмѣстѣ съ другими 20 офицерами. Представлялъ насъ начальникъ штаба генералъ-маіоръ Мясоѣдовъ. Всѣ представлявшіеся были старше меня чиномъ, и потому я стоялъ послѣднимъ. Графъ Толь, войдя въ залу, гдѣ мы стояли, миновавъ всѣхъ стоящихъ выше меня, подошелъ ко мнѣ. Поздоровавшись со мною, онъ сказалъ всѣмъ прочимъ офицерамъ, что онъ меня ставитъ имъ всѣмъ въ примѣръ, какъ инженера, который, несмотря на свой небольшой чинъ, своими способностями и усердіемъ къ службѣ, умѣлъ принести весьма значительныя выгоды казнѣ, при чемъ вкратцѣ разсказалъ о моемъ проектѣ устройства ключевыхъ бассейновъ. Потомъ графъ Толь, обратясь ко мнѣ, сказалъ, что онъ знаетъ о желаніи моемъ перемѣнить мѣсто служенія, что желаніе такого отличнаго офицера онъ всегда готовъ исполнить, и чтобы я представилъ записку о моемъ желаніи начальнику штаба, которому приказалъ ее доложить. Послѣ этого представлены были графу Толю всѣ прочія лица, бывшія въ залѣ, и въ заключеніе онъ, снова подойдя ко мнѣ, сказалъ еще нѣсколько словъ въ мою похвалу.

Я полагалъ, что послѣ такого пріема и обѣщаній графа Толя мое желаніе объ оставленіи работъ оружейнаго завода и о переводѣ на службу въ Москву будетъ исполнено, и я черезъ нѣсколько дней могу оставить Петербургъ, но сильно въ этомъ ошибся. По приказанію графа Толя я на другой же день письменно представилъ о моемъ желаніи генералу Мясоѣдову, который обошелся со мною благосклонно. Но проходили дни и недѣли, а отвѣта на мое представленіе я не получалъ. Мясоѣдовъ или не принималъ меня, когда я заѣзжалъ къ нему въ штабъ, или принималъ очень сухо, говоря, что еще нѣтъ рѣшенія Толя по моему представленію и чтобы я ждалъ. Подчиненные Мясоѣдова въ штабѣ говорили мнѣ то же.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ я познакомился съ Павломъ Петровичемъ Мельниковымъ, который состоялъ тогда въ чинѣ маіора. Онъ жилъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ Александромъ Петровичемъ, женатымъ на Надеждѣ Филипповнѣ Викторовой, дочери тѣхъ Викторовыхъ, у которыхъ я учился въ 1826 и 1827 гг. и которыхъ теперь я уже не засталъ въ живыхъ. Младшій братъ П. П. Мельникова, Алексѣй Петровичъ, состоя адъютантомъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, бывалъ часто въ Москвѣ по дѣлу покупки для фельдмаршала имѣнія Гомель, въ которомъ числилось 17 тыс. душъ мужского пола и кото-

рое принадлежало графу Сергѣю Петровичу Румянцову. По пріязни съ Цуриковымъ, онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со мною и А. И. Нарышкинымъ. Эта связь съ младшимъ братомъ П. П. Мельникова и давнее знакомство съ женою его старшаго брата вскорѣ сблизили насъ. Я объяснилъ Мельникову причину моего пріѣзда въ Петербургъ, обѣщаніе графа Толя и неполученіе отвѣта на мое представленіе и просилъ его совѣта, что мнѣ дѣлать. Мельниковъ осуждалъ мой способъ дѣйствій, находилъ, что являться съ жалобой на своего начальника весьма неблаговидно, что я долженъ былъ бы употребить другія средства для выхода изъ-подъ начальства Шуберскаго и что я могу еще все поправить. Я возразилъ, что я никому изъ начальствующихъ лицъ ни словесно, ни письменно не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія на Шуберскаго, что не упоминалъ даже предъ ними его имени и что въ представленіи, поданномъ мною, по приказанію графа Толя, Мясоѣдову, я просто прошу меня по домашнимъ моимъ обстоятельствамъ освободить отъ работъ по устройству Тульскаго оружейнаго завода и перевести въ Москву. Конечно, Мельниковъ не только ни у кого за меня не ходатайствовалъ, но и не далъ никакого совѣта, какъ дѣйствовать, оставаясь при своемъ мнѣніи, что хотя я ничего не писалъ и не говорилъ о Шуберскомъ начальствующимъ лицамъ, но что имъ извѣстна причина моей просьбы, и что это неблаговидно. Не знаю, было ли это собственное убѣжденіе Мельникова, или говорилъ онъ такъ по наущенію Девятнина, также смотрѣвшаго на изъявленное мною желаніе и знавшаго, что я часто вижусь съ Мельниковымъ.

Передъ наступленіемъ срока моего отпуска я пришелъ откланяться Мясоѣдову и просилъ его выслушать мою просьбу. Онъ вынулъ часы изъ кармана и сказалъ: «Вотъ вамъ пять минутъ, но не болѣе, говорите». Я передалъ ему вкратцѣ мое странное положеніе ѣхать снова на работы завода послѣ всего происшедшаго. Онъ, не отвѣчая мнѣ ни слова, отпустилъ меня, но черезъ нѣсколько минутъ, узнавъ, что я еще въ канцеляріи штаба, приказалъ меня позвать и, перемѣнивъ тонъ, сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ помочь мнѣ потому, что моя записка, которую онъ докладывалъ графу Толю, передана послѣднимъ Девятнину, который ее держитъ у себя безъ отвѣта. При этомъ онъ спросилъ, былъ ли я у Девятнина, и на отрицательный мой отвѣтъ сказалъ: «Напрасно; совѣтую вамъ пойти къ Девятнину съ тѣмъ, чтобы съ нимъ проститься, но ничего не говорите о находящемся у него вашемъ представленіи, такъ какъ вы этого не должны знать; онъ самъ вѣрно съ вами заговоритъ о немъ». А такъ какъ исходилъ срокъ моего отпуска, то Мясоѣдовъ далъ мнѣ десяти-дневную отсрочку.

На другой день я былъ у Девятнина, который принялъ меня очень благосклонно, уговаривалъ остаться при работахъ по устройству завода, увѣрялъ, что мое назначеніе къ этимъ работамъ было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы доставить мнѣ возможность скорѣе подвигаться по службѣ, что Государь обращаетъ мало вниманія на работы, производящіяся по вѣдомству путей сообщенія, а напротивъ, весьма интересуется работами, зави-

сящими отъ военнаго министерства, что я, оставляя эти работы, дѣлаю себѣ большой вредъ по службѣ и непріятность Толю, который, цѣня мои способности, съ особымъ удовольствіемъ назначилъ меня на Тульскій оружейный заводъ, надѣясь дать мнѣ этимъ возможность скорѣе подвигаться на служебномъ поприщѣ. Убѣжденія Девятнина продолжались долго. Наконецъ, видя, что я не сдаюсь, онъ мнѣ совѣтывалъ пообдумать все то, что онъ мнѣ говорилъ и при этомъ хорошенько взвѣсить, что, оставаясь при работахъ завода, я сдѣлаю угодное не только графу Толю, но и ему, а что онъ впослѣдствіи можетъ во многомъ быть для меня полезенъ и вреденъ, и приказалъ придти къ нему черезъ нѣсколько дней.

Я былъ также благосклонно принятъ Девятнинымъ и въ другой разъ, но когда я ему объявилъ, что, обдумавъ и взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, я не могу оставаться при работахъ завода, и просилъ Девятнина согласиться на мой переводъ, онъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ, что удивляется, какъ я мало придалъ цѣны тому, что онъ говорилъ въ предыдущее со мной свиданіе, что нельзя же всѣхъ назначать согласно ихъ желаніямъ и что я не могу быть никуда переведенъ безъ согласія моего ближайшаго начальства, у котораго онъ объ этомъ спроситъ.

Мнѣ не оставалось болѣе ничего, какъ ѣхать обратно. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву я узналъ отъ нашего офицера Дмитріева, бывшаго адъютантомъ управлявшаго III (Московскимъ) округомъ путей сообщенія полковника Гермеса, что получена изъ штаба корпуса путей сообщенія бумага, въ которой по приказанію графа Толя (чит. Девятнина) спрашивается, могу ли я быть освобожденъ отъ работъ завода, и сверхъ того еще до 10 пунктовъ, въ которыхъ требуются свѣдѣнія о моемъ характерѣ, о моей нравственности, о моемъ домашнемъ хозяйствѣ, объ отношеніяхъ моихъ къ начальникамъ, равнымъ и подчиненнымъ, и все это въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Явно было, что Девятнинъ хотѣлъ предоставить Шуберскому сказать обо мнѣ что-либо нехорошее и тѣмъ охолодить доброе ко мнѣ расположеніе графа Толя. Я поспѣшилъ въ Тулу, чтобы передать Шуберскому настоящее положеніе дѣла о моемъ выходѣ съ заводскихъ работъ и подробно разсказать ему содержаніе вышеупомянутой бумаги изъ штаба въ правленіе III округа, которое должно было вскорѣ ее передать ему. Шуберскій ликовалъ и говорилъ, что я теперь въ его рукахъ, но я ему возразилъ, что онъ лгать на меня не будетъ, а правда можетъ быть только въ мою пользу. Каково же было удивленіе мое и Шуберскаго и досада послѣдняго, когда имъ получена была изъ правленія бумага, въ которой просто спрашивалось, могу ли я быть уволенъ отъ работъ завода, и требовалось представленіе моей аттестаціи. Послѣ моего отъѣзда изъ Москвы въ правленіи округа разсудили, по ходатайству Дмитріева, что нѣтъ надобности отдавать меня въ когти Шуберскаго, человѣка вспыльчиваго, а такъ какъ, вѣроятно, Шуберскій, по требованію правленія о моей аттестаціи, не дастъ категорически дурного отвѣта, то на всѣ вопросы, изложенные въ отношеніи штаба въ правленіе III округа, оно можетъ

дать отвѣты, пользуясь моимъ послѣднимъ кондуитнымъ спискомъ, который велся тогда очень подробно.

Шуберскій, дѣйствительно, далъ обо мнѣ хорошую аттестацію въ общихъ словахъ, а насчетъ увольненія меня отъ работъ завода написалъ что-то весьма не ясное, изъ чего выходило, что меня и можно, и нельзя уволить. Онъ надѣялся этимъ двусмысленнымъ отвѣтомъ дать Девятнину возможность убѣдить Толя оставить меня въ его распоряженіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ прямо указать, что я ему нуженъ, потому что я имѣю болѣе его практическихъ, по работамъ, свѣдѣній. Этотъ двусмысленный отвѣтъ не понравился Толю. Онъ приказалъ сдѣлать за него замѣчаніе Шуберскому и 30 апрѣля меня отъ занятій по заводу освободилъ съ назначеніемъ производителемъ изысканій по устройству судоходства по р. Упѣ.

Май 1837 г. я провелъ въ Москвѣ, куда ѣздилъ для полученія данныхъ по возложенному на меня новому порученію. Я остановился въ Москвѣ у братьевъ Максутовыхъ, жившихъ на Патріаршихъ прудахъ. Въ іюнѣ я пріѣхалъ въ Тулу.

Сверхъ означеннаго порученія на меня было возложено составленіе проекта постояннаго моста черезъ р. Упу въ Тулѣ, на каменныхъ упорахъ съ деревянными фермами, и впослѣдствіи окончаніе дѣлъ по сдачѣ изъ вѣдомства путей сообщенія ветхаго Ивановскаго канала, долженствовавшаго соединить бассейны рр. Волги и Дона, начатаго постройкою еще при Петрѣ Великомъ. Въ помощь мнѣ былъ данъ строительнаго отряда поручикъ Глазеръ, которому, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ, я поручилъ нивеллировку р. Упы отъ Тулы до ея впаденія, снятіе поперечныхъ профилей этой рѣки и опредѣленіе скорости ея теченія. Глазеръ слӹлъ человѣкомъ акуратнымъ и казался очень скромнымъ, но впослѣдствіи эти качества не оправдались.

Въ Тулѣ я поселился снова съ Литвиновымъ, посѣщалъ тѣхъ же знакомыхъ, какъ и въ 1836 г., часто видался съ Шуберскимъ, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, такъ какъ мы не имѣли болѣе никакихъ общихъ служебныхъ дѣлъ. Занимался службою я по утрамъ и почти каждый вечеръ проводилъ въ одной семьѣ, состоявшей изъ матери, еще молодой и красивой женщины, и двухъ ея взрослыхъ, весьма хорошенькихъ дочерей. Старшая изъ нихъ, лѣтъ 18-ти, начиталась романовъ и въ особенности романовъ Жоржъ-Сандъ, и я представлялся ей какимъ-то героемъ изъ этихъ романовъ. Насъ вдвоемъ оставляли въ комнатѣ каждый вечеръ по три и по четыре часа. Мы не могли вдоволь наговориться и въ особенности нацѣловаться. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ такимъ образомъ, я испытывалъ цѣлыя ночи сильныя физическія страданія, и это продолжалось цѣлыхъ пять мѣсяцевъ почти безпрерывно. Тогда мнѣ не приходила въ голову мысль о цѣли, съ которою мать дѣвицы оставляла насъ такъ долго однихъ, но, конечно, это было съ тѣмъ, чтобы заставить меня жениться на ея дочери. Казалось, что по извѣстной ей

бѣдности моей не зачѣмъ было ловить подобнаго жениха, но она, конечно, разсчитывала на то, что я, какъ инженеръ, могу добыть деньги разными злоупотребленіями, и если ихъ не дѣлалъ до сихъ поръ, то когда женюсь, необходимость заставитъ къ нимъ прибѣгнуть. Ежедневныя бесѣды съ молодою дѣвицею продолжались все время моего пребыванія въ Тулѣ въ 1837 г., но я былъ остороженъ въ моемъ съ нею поведеніи, имѣя уже въ виду невѣсту въ Москвѣ.

Въ Тулѣ не въ одной этой семьѣ искали меня въ женихи и, между прочимъ, очень богатый купецъ Масловъ, человѣкъ хорошо образованный, имѣвшій одну дочь, наслѣдницу всего его имѣнія, вышедшую впослѣдствіи замужъ за Константина Егоровича Бенардаки, говаривалъ Шуберскому: «Вы видите, сколько гвардейскихъ полковниковъ ѣздятъ въ Тулу, чтобы свататься за мою дочь, но я ее не отдамъ за людей мнѣ неизвѣстныхъ; а чтобы посвататься барону Дельвигу, котораго я уважаю». Мнѣ, при окончаніи дѣлъ по Ивановскому каналу, часто приходилось пользоваться совѣтами этого умнаго тульскаго старожила. Къ дочери его я не посватался, а доставилъ ей случай танцовать напротивъ Наслѣдника.

Въ одномъ изъ полковъ, присланныхъ въ Тулу на работы, состоялъ штабсъ-капитанъ Григорій Ѳеодоровичъ Гогель (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи и управляющій Царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ), переведенный изъ гвардіи за то, что былъ секундантомъ на чьей-то дуэли. Я его видалъ въ Петербургѣ у его двоюроднаго брата Ивана Ивановича Гогеля, женатаго на моей внучатной сестрѣ Есаковой, умершаго начальникомъ штаба на Кавказѣ. Мы продолжали наше знакомство въ Тулѣ. На балу, который давали въ Тулѣ въ честь Наслѣдника, онъ выбралъ Гогеля своимъ постояннымъ визави для французскихъ кадрилей, и я просилъ послѣдняго ангажировать Маслову на одну изъ кадрилей. Ея хорошенькое лицо и богатый нарядъ обратили на нее вниманіе Наслѣдника, чѣмъ она и отецъ ея были очень польщены.

Въ 1837 г. я въ первый разъ видѣлъ графа Лидерса. Онъ былъ тогда генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ штаба 2 пѣхотнаго корпуса, котораго часть была при тульскихъ работахъ. Генералъ Лидерсъ былъ тогда еще очень красивымъ мужчиною и казался моложе своихъ лѣтъ. Онъ постоянно бывалъ въ тульскомъ театрѣ, хотя артисты и артистки играли плохо и между послѣдними, сколько помню, не было ни одной хорошенькой женщины.

Въ началѣ іюля я ѣздилъ къ Викулинымъ въ с. Колодезское на освященіе церкви во имя Казанской Божіей Матери. 7-го іюля, наканунѣ освященія, пріѣхалъ съ большою свитою Орловскій епископъ Никодимъ, къ которому я подходилъ подъ благословеніе, но онъ ни слова не говорилъ со мною, конечно, вспоминая наши довольно крупные разговоры, бывшіе въ декабрѣ 1835 г. Церковь очень хорошей архитектуры, съ прекраснымъ рѣзнымъ позолоченнымъ иконостасомъ, работаннымъ въ самомъ Колодезскомъ, и съ образами хорошей живописи. Раскрашенный фотографическій

видъ этой церкви имѣется въ альбомѣ Елецко-Грязской желѣзной дороги. Село Колодезское лежитъ верстахъ въ 10 отъ этой дороги и церкви съ дороги не видно, но она и господскій домъ с. Колодезскаго сняты въ альбомъ строителемъ дороги Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ, вѣроятно, желавшимъ этимъ угодить мнѣ, а также потому, что эти фотографіи составляютъ очень красивые рисунки. Къ освященію церкви съѣхалось множество гостей, такъ что обѣденный столъ былъ накрытъ болѣе чѣмъ на полтораста человѣкъ. Обѣдали не только въ комнатахъ, но и на большой террасѣ сада и въ самомъ саду. Многіе изъ гостей провели нѣсколько дней у Викулиныхъ, а потому, несмотря на помѣстительность дома въ Колодезскомъ и на то, что часть гостей ѣздила на ночь за 4 версты въ имѣніе моего зятя, с. Хмѣлинецъ, въ которомъ былъ господскій домъ еще помѣстительнѣе, нѣкоторые ночевали въ садовыхъ бесѣдкахъ и въ томъ числѣ я съ Н. Д. Тейлсомъ, который былъ уже вторично женатъ и звалъ меня къ себѣ въ имѣніе. Въ числѣ гостей я нашелъ сына С. А. Викулина Семена и зятя его П. Д. Норова. Оба они были очень любезны съ моею сестрою. Первый, живя каждое лѣто у отца, даже очень увивался около нея съ цѣлью угодить этимъ отцу своему. Онъ въ предыдущее лѣто нарисовалъ портретъ умершаго въ 1837 г. сына Викулиныхъ, Николая, и подарилъ его сестрѣ; портретъ этотъ и теперь сохраняется. Обратно въ Тулу довезъ меня въ своей коляскѣ Норовъ; всю дорогу хвалилъ мнѣ сестру за прекрасный ея характеръ и ея добрыя отношенія къ дѣтямъ ея мужа отъ перваго брака и находилъ, что ея вліяніемъ тесть его сдѣлался гораздо лучше прежняго. Спустя четыре года, въ которые сестра не измѣняла своихъ отношеній къ этимъ господамъ, они запѣли другую пѣсню и произвели разные ужасы, которые будутъ описаны ниже.

Въ бытность мою у сестры, съ которою я всегда былъ очень друженъ, я передалъ ей о моемъ предположеніи жениться въ Москвѣ, назвавъ избранную мною, и о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ молодой дѣвицы въ Тулѣ. Она совѣтовала разойтись съ послѣднею и очень рада была предположенію моему, а потомъ въ письмѣ ко мнѣ писала, что она передавала наши разговоры матери, которая, не имѣя ничего противъ избранной мною въ Москвѣ дѣвицы, очень недовольна моими частыми посѣщеніями тульской семьи и увѣрена, что я, конечно, никогда не женюсь въ этой семьѣ.

Въ сентябрѣ я отправился на р. Упу посмотрѣть, что дѣлаетъ Глазеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы побывать въ Калугѣ у тетокъ моихъ Х. А. Паткуль и Е. А. Куцевичъ въ Чернскомъ уѣздѣ, у тетки моей баронессы Л. М. Дельвигъ и въ Крапивенскомъ уѣздѣ у Н. Д. Тейлса.

Тетокъ моихъ въ Калугѣ я нашелъ также скромно и бѣдно живущихъ, но все у нихъ было чисто и какъ-то особенно прилично; кофе и сливки были безподобны. Мужъ Е. А. Куцевичъ былъ въ томъ же полу-помѣшанномъ состояніи и весьма почтителенъ къ Х. А. Паткуль, жена же его попрежнему за нимъ ухаживала и просиживала надъ нимъ часто цѣлыя ночи, не смыкая глазъ.

Въ Чернскомъ уѣздѣ въ с. Бѣлинѣ нашелъ я тетку мою и ея трехъ дочерей дѣвицъ, такихъ же добрыхъ и милыхъ. Имъ казалась ихъ жизнь пріятною, но по моему мнѣнію, она была очень скучна. Развлеченіе пріѣздомъ гостей было очень рѣдко, развлекала ихъ часто только сестра моей тетки Н. М. Красильникова, жившая отъ нихъ верстахъ въ 3-хъ въ с. Хитровѣ. Она, несмотря на свои преклонныя лѣта, была еще очень бойка.

Въ имѣніи Тейлса я былъ свидѣтелемъ совершенно противоположной жизни. У тетокъ въ Калугѣ и въ Чернскомъ уѣздѣ было слишкомъ тихо, слишкомъ спокойно; въ деревнѣ же Тейлса шумъ и разгулъ дошли до ужасающихъ размѣровъ. Н. Д. Тейлсъ былъ снова женатъ. Вторая жена его, хотя была не такъ умна, не такъ красива и образована, какъ первая, но все же была женщина не глупая, хорошенькая собой, имѣвшая собственное небольшое имѣніе и довольно образованная, а главное—очень добрая. Она занималась дѣтьми отъ перваго брака ея мужа, какъ своими собственными. Этой женщинѣ, не умѣвшей останавливать пылкихъ страстей мужа, досталась горькая чаша, и кто не былъ свидѣтелемъ бывшихъ при мнѣ сценъ, не повѣритъ моему разсказу.

Въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ къ Н. Д. Тейлсъ, онъ рано позавтракалъ и былъ уже полупьянъ. Къ обѣду пришелъ изъ г. Крапивны, разстояніемъ въ 7 верстахъ отъ имѣнія Тейлса, какой-то уѣздный, невзрачный собою, чиновникъ, большой ростомъ, толстый и плохо одѣтый. Послѣ обѣда Тейлсъ призвалъ дворовыхъ и крестьянскихъ пѣсенниковъ, танцовщиковъ, пѣсенницъ и танцовщицъ, заставилъ ихъ при своей женѣ и при мнѣ пѣть и пѣлъ вмѣстѣ съ ними разныя неприличныя пѣсни, а также вмѣстѣ съ ними упражнялся въ танцахъ въ одной рубашкѣ и подштанникахъ, а женщинъ раздѣвалъ почти до-гола. Попойка въ это время не останавливалась, и при мнѣ Тейлсъ научалъ пришедшаго изъ Крапивны человѣка любезничать со своею женою. Чиновникъ хваталъ ее гдѣ попало, лѣзъ цѣловать ее въ губы и т. п., что очень смѣшило Тейлса. Когда жена его хотѣла уйти, онъ ее цинически разругалъ и приказалъ остаться. Чтобы избавить ее отъ щупаній чиновника, я сѣлъ между ними. Между тѣмъ попойка, пляска и пѣніе продолжались все въ болѣе и болѣе отвратительномъ видѣ. Тотъ, кто запоетъ или запляшетъ не такъ, какъ угодно барину, бывалъ имъ обруганъ и даже получалъ тумаки. Жена Тейлса говорила мнѣ, что она пробовала останавливать эти гнусныя сцены, но всегда была обругиваема мужемъ и отталкиваема, а онъ бросался одѣтый во что попало на тройку и, самъ правя, уѣзжалъ на нѣсколько дней, приказавъ за собой ѣхать нѣсколькимъ тройкамъ съ пѣсенниками и пѣсенницами и пропадалъ съ ними на нѣсколько дней. Всѣ эти сцены происходили на виду у малолѣтнихъ дѣтей Тейлса отъ первой жены. Мнѣ было очень жаль ихъ и вторую его жену, но помочь было нечѣмъ, и я поспѣшилъ оставить это жилище разврата.

Я заѣзжалъ еще въ эту поѣздку къ нѣсколькимъ моимъ знакомымъ: Домашневымъ, Красовскимъ и другимъ, но главная цѣль поѣздки была

повѣрить занятія Глазера. Повѣрить, правильно ли онъ давалъ нивеллировку по р. Упѣ и разные промахи, конечно, я не могъ, но нашелъ, что онъ не велъ ни рабочаго журнала, ни книги, въ которую должны были записываться поставляемыя для изысканій потребности. Сверхъ того, Глазеръ, получившій отъ меня казенныя деньги на производство изысканій авансомъ, показывалъ, что онъ употреблялъ деньги на разъѣзды въ тѣ дни, когда явно никакихъ поѣздокъ по службѣ онъ не дѣлалъ. Такимъ образомъ я, не имѣвъ возможности засвидѣтельствовать, согласно правиламъ объ отчетности, его шнуровыхъ книгъ, приказалъ вписать въ нихъ все требуемое этими правилами, а относительно излишне издержанныхъ имъ на разъѣзды денегъ сказалъ, что онѣ будутъ вычтены изъ тѣхъ, которыя ему причтутся при производствѣ дальнѣйшихъ изысканій.

По окончаніи этихъ изысканій Глазеръ вернулся въ Тулу, но отчетность его была попрежнему не облечена въ установленную форму, и я ему сказалъ, что онъ остальныхъ денегъ, слѣдуемыхъ ему по производству изысканій, не получитъ до приведенія въ порядокъ отчетныхъ книгъ. Вскорѣ мы оба переѣхали въ Москву, гдѣ я опять жилъ вмѣстѣ съ Цуриковымъ въ домѣ, нанятомъ нами въ Трубниковскомъ переулкѣ, противъ церкви Іоанна въ Кречетникахъ; у насъ же помѣстился Фирксъ.

Глазеръ и въ Москвѣ не представлялъ мнѣ требуемыхъ книгъ, распускалъ между инженерами слухъ, что я его обсчитываю, говорилъ о томъ, между прочимъ, Палибину, у котораго онъ прежде служилъ, и даже нашему начальнику, управлявшему III округомъ путей сообщенія Гермесу, которому, какъ нѣмецъ, былъ ближе меня. Давъ послѣдній срокъ на представленіе книгъ, я сказалъ Глазеру, что въ случаѣ не представленія ихъ къ сроку, я долженъ буду объ этомъ представить начальству. Глазеръ позволилъ себѣ сказать, что, конечно, онъ будетъ отвѣчать за то, что книги имъ не ведены, но и я подлежу не меньшей отвѣтственности за то, что въ свое время не свидѣтельствовалъ ихъ и узнавъ, что онѣ не ведутся, о томъ не донесъ начальству. Я его выгналъ отъ себя, повторивъ мое требованіе о представленіи книгъ къ назначенному сроку, и приказалъ расходы на разъѣзды вывести по дѣйствительному употребленію, а не фантастическіе. Глазеръ долго совѣтовался съ своими товарищами о томъ, исполнять ли ему мое приказаніе и какъ. Наконецъ, онъ выполнилъ все какъ слѣдуетъ и получилъ окончательный полный разсчетъ, противъ котораго не протестовалъ и не имѣлъ повода протестовать. Только многимъ тогда казалось, что я уже слишкомъ берегу каждую казенную копѣйку.

6-го декабря 1837 г. я былъ произведенъ въ капитаны. Е. Г. Левашева, поздравляя меня съ производствомъ, находила, что въ мои лѣта очень хорошо получить этотъ чинъ и что служба въ инженерахъ путей сообщенія пріятнѣе другихъ и въ особенности по неимѣнію въ ней тѣхъ отношеній, которыя существуютъ въ другихъ службахъ между начальниками и подчиненными. Находясь подъ впечатлѣніемъ только что испытанныхъ отъ Глазера непріятностей, я сказалъ Левашевой, что это такъ

кажется со стороны тѣмъ, которымъ неизвѣстны подробности нашей службы, что не говоря уже объ испытанныхъ мною при работахъ на заводѣ непріятностяхъ, я и въ настоящее время испытываю новыя, и разсказалъ вкратцѣ вышеописанную исторію мою съ Глазеромъ. Изъ вопросовъ Е. Г. Левашевой, а также по тому вниманію, которое она и бывшіе, во время нашего разговора, въ ея кабинетѣ ея мужъ и Н. Х. Кечеръ обращали на каждое мое слово, я видѣлъ, что эта исторія была уже имъ извѣстна и что она имъ была передана въ такомъ видѣ, чтобы меня очернить въ ихъ газахъ. Это могъ сдѣлать только близко съ ними знакомый И. Ѳ. Гильдебрандтъ, которому сплетни Глазера были переданы его зятемъ, нашимъ инженеромъ Палибинымъ. Гильдебрандтъ думалъ этими сплетнями отклонить возможность принятія Левашевыми предложенія моего жениться на ихъ дочери, а о предполагаемомъ съ моей стороны предложеніи мои и ихъ знакомые въ это время говорили еще болѣе прежняго. Данное мною Левашевой объясненіе сплетенъ Глазера меня вполнѣ оправдало въ ея глазахъ, и слѣдовательно козни Гильдебрандта и Палибина въ этомъ случаѣ были неудачны.

Я уже говорилъ, что жившій со мною А. С. Цуриковъ былъ большой фразеръ и любилъ отпускать разныя остроты. Эти остроты часто касались нашихъ религіозныхъ обрядовъ. Между тѣмъ, въ то же время Цуриковъ былъ богомоленъ: часто молился, ходилъ къ обѣднѣ и даже въ дальніе монастыри на богомолье. Это было началомъ того ханжества, которому онъ вполнѣ предался впослѣдствіи. Еще въ 1835 г., когда мы, живя въ домѣ дяди моего князя Дмитрія Волконскаго, говѣли вмѣстѣ, онъ, читая цѣлую недѣлю однѣ священныя книги, требовалъ, чтобы и я оставилъ всякое другое занятіе, и былъ очень недоволенъ, когда я говѣлъ только до четверга: онъ требовалъ, чтобы я говѣніе продолжалъ до субботы. Исповѣдывался я въ своемъ приходѣ. Священникъ на исповѣди сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ мои грѣхи и что, если на его вопросъ я дамъ обѣщаніе не впадать въ нихъ болѣе, это значило бы заставить меня говорить новую ложь и еще стоя передъ престоломъ Божіимъ (онъ исповѣдывалъ меня въ алтарѣ), а такъ какъ все же лучше, что я прибѣгаю къ церкви, чѣмъ если бы я совсѣмъ забылъ ее, то онъ разрѣшаетъ меня отъ грѣховъ, совѣтуя наблюдать за собою и стараться не впадать въ прегрѣшенія и въ особенности остерегаться отъ такихъ, въ которыя я еще не впадалъ, что при доброй волѣ и нѣкоторой энергіи, какъ онъ полагаетъ, не представитъ затрудненія. Я разсказалъ объ этой исповѣди Цурикову, который былъ ею недоволенъ и пошелъ въ пятницу вечеромъ исповѣдываться у священника другой ближайшей къ намъ церкви во имя Троицы въ Зубовѣ. Вдругъ прибѣжалъ онъ домой взбѣшенный донельзя и, позабывъ всѣ свои приготовленія къ св. Причастію, разразился самою неприличною бранью, объяснивъ мнѣ, что онъ думалъ найти въ лицѣ его исповѣдывавшаго священника, а нашелъ жандарма въ голубой рясѣ (намекая на голубой цвѣтъ жандармскихъ мундировъ), который спросилъ у него,

не принадлежитъ ли онъ къ какому-либо тайному обществу, замышляющему недоброе противъ Государя. Тѣмъ говѣніе и кончилось.

Въ 1837 г. Цуриковъ ходилъ пѣшкомъ въ Хотьковъ монастырь и въ Троицко-Сергіевскую Лавру передъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, несмотря на сильныя мятели и довольно значительный холодъ. Я никакъ не могъ уговорить его отложить богомолье до болѣе удобнаго времени. Что же вышло изъ этого опаснаго для здоровья путешествія? Цуриковъ, вернувшись въ Москву, часто въ разговорахъ въ обществѣ осуждалъ корыстолюбіе монаховъ и монахинь и вообще ихъ поведеніе во время богослуженія, представляя ихъ въ лицахъ и въ особенности крылошанокъ, подбѣгавшихъ къ нему въ Хотьковомъ монастырѣ съ предложеніемъ что-то прочитать или кого-то помянуть и требуя за это платы, говоря: «баринъ, пожалуйте хоть копѣечку». Разсказы Цурикова были смѣшны, но многимъ не нравились.

Я уже говорилъ, что старшая изъ сестеръ Цурикова, Варвара Сергѣевна, была замужемъ за С. В. Абазою. Они зиму 1837—1838 г. жили въ нижнемъ этажѣ дома Аггея Васильевича Абазы. Бывалъ я у нихъ почти каждый день и черезъ это сталъ часто бывать у послѣдняго, съ которымъ былъ прежде знакомъ только по исполненію порученій, которыя мнѣ давалъ къ нему зять мой С. А. Викулинъ.

Я часто у него обѣдалъ съ его многочисленнымъ семействомъ. Изъ его дочерей замѣчательна была своею красотою старшая Прасковья, въ это время невѣста флигель-адъютанта Львова, извѣстнаго музыканта, а изъ сыновей и тогда казался наиболѣе способнымъ юношею Александръ, впослѣдствіи государственный контролеръ и предсѣдатель департамента экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ день новаго 1838 г. я также обѣдалъ у А. В. Абазы. Всѣ его сыновья съ своими гостями рѣзвились послѣ обѣда въ большой залѣ, гдѣ я сидѣлъ съ ихъ отцомъ, какъ вдругъ одинъ изъ гостей князь Владиміръ Четвертинскій, очень хорошенькій собою мальчикъ, упалъ и сломалъ ногу. Четвертинскій былъ впослѣдствіи адъютантомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Закревскаго и умеръ молодымъ отъ чахотки. На другой день А. В. Абаза со всѣмъ своимъ семействомъ уѣхалъ изъ Москвы и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Петербургѣ.

С. В. Абаза былъ человѣкъ очень добрый, но простой и небольшого образованія. Онъ воображалъ себя дѣловымъ и способнымъ нажить винными откупами большое состояніе, подобно своему старшему брату А. В. Абазѣ, котораго впрочемъ состояніе часто колебалось. А. В. Абаза, напротивъ того, былъ человѣкъ очень большого ума, хорошо образованъ, весьма тонкій и ловкій. Его умъ былъ постоянно занятъ большими предпріятіями. Послѣднее время его пребыванія въ Москвѣ онъ былъ очень занятъ мыслью объ устройствѣ желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ и часто говорилъ со мною объ этомъ предметѣ.

Я не имѣлъ понятія о желѣзныхъ дорогахъ, такъ какъ въ началѣ

30-хъ годовъ въ строительномъ курсѣ Института инженеровъ путей сообщенія только упоминалось въ общихъ выраженіяхъ о постройкѣ желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, но познанія мои въ механикѣ достаточны были для того, чтобы дѣлать Абазѣ замѣчанія о несообразности нѣкоторыхъ изъ его исчисленій. Вслѣдствіе моихъ замѣчаній онъ мнѣ отдалъ для исправленія этихъ неточностей составленную имъ записку, которую по пріѣздѣ въ Петербургъ напечаталъ подъ заглавіемъ: «Мысли московскаго жителя о соединеніи столицъ желѣзнымъ путемъ», и вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ началъ хлопотать объ осуществленіи этого предпріятія.

Эти хлопоты были главною побудительною причиною къ устройству желѣзной дороги между столицами, которую правительство рѣшило строить на свои средства, тогда какъ Царскосельская желѣзная дорога была устроена акціонернымъ обществомъ.

ГЛАВА IV.

1838—1842 г.

Мое сватовство. Моя помолвка. Неудовольствіе моей матери. Приданое моей невѣсты. С. В. Цуриковъ съ сыномъ. Избраніе въ члены Московскаго англійскаго клуба. Полученіе перваго ордена. Пріѣздъ матери и сестры на мою свадьбу. Свадьба. Родные и друзья послѣ моей свадьбы. Начало нездоровья жены моей. Назначеніе меня къ работамъ по соединенію рѣкъ Москвы и Волги. Братья моей жены. П. Я. Чаадаевъ и пѣсня партизана Давыдова. Отъѣздъ тестя въ Нижегородское имѣніе. Кончина тещи. Избавленіе А. М. Золотницкаго отъ разжалованія въ солдаты. Заботы о П. М. Золотницкомъ и его поведеніе. Предположеніе Н. Х. Кечера жениться на моей свояченицѣ. Разборъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» моего перваго сочиненія. Пріѣздъ моего тестя въ Москву. Поѣздка моя съ семействомъ Левашевыхъ въ Нижегородское имѣніе. Бѣшеныя собаки. Объявленіе указа о принятіи серебрянаго рубля монетною единицею. Нижній-Новгородъ и ярмарка. Посѣщеніе Императоромъ Николаемъ Нижняго-Новгорода. Нижегородскій губернаторъ Бутурлинъ. Стеариновыя свѣчи завода моего тестя. Макарьевское имѣніе моего тестя. Собакинъ прежній владѣлецъ этого имѣнія. Доходъ съ имѣнія. Осмотръ мною имѣнія. Богатый крестьянинъ Лещовъ. Сборъ оброка. Черноборъ. Графиня А. С. Толстая и графъ Н. С. Толстой. Перемѣна тѣстемъ части имѣнія, отдѣляемой женѣ моей. Совершеніе отдѣльной записи на эту часть. Выдѣлъ долга, лежащаго на этой части по сохранной казнѣ. Дорога изъ Нижегородскаго имѣнія въ Москву. Назначеніе меня помощникомъ директора работъ въ Москвѣ. Мать моя и братъ у меня въ гостяхъ. Д. В. Пассекъ. Свояченица моя въ Москвѣ. Свояченица моя невѣста графа Н. С. Толстого. Его образъ жизни въ Москвѣ. Свадьба свояченицы, назначенная ей часть имѣнія и ея изъ него выѣздъ. Устройство водоснабженія въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ. Увольненіе Максимова изъ комиссіи для строеній въ Москвѣ. Смѣтливость русскаго рабочаго. Служебныя мои занятія въ 1840 г. Жизнь въ Москвѣ въ 1840 г. Моя командировка для осмотра мѣстности около Варениковой пристани на р. Кубани съ цѣлію устройства на ней переправы. Поѣздка моя съ женою на Кавказъ. Пріѣздъ въ Ставрополь. П. Х. Граббе. Способъ управленія въ 1841 г. Кавказомъ и Закавказьемъ. Жена П. Х. Граббе, поэтъ Лермонтовъ. Л. С. Пушкинъ и князь В. С. Голицынъ. Отъѣздъ въ Керчь. Осмотръ моста на р. Кубани въ Прочномъ Окопѣ. Кубанскіе и Черноморскіе казаки. Н. С. Завадовскій. Дорога отъ Екатеринодара до Керчи. Н. Н. Раевскій. Его жена. Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій), князь Херхеуладзевъ, декабристъ Лореръ, докторъ Мейеръ и Г. И. Филиппсонъ. Полковникъ Шульцъ. Поѣздка моя въ Ставрополь и обратно въ Керчь. Переправа съ Тузлы въ Керчь. Осмотръ мѣстности у Варениковой пристани. Пластуны. Поѣздка въ Ставрополь и обратно съ женою въ Керчь. Жизнь въ Керчи. Увольненіе Н. Н. Раевскаго отъ должности начальника Черноморской береговой линіи и назначеніе І. Р. Анрепа. Порученія, данныя мнѣ въ Анапѣ и Сухумѣ. Укрѣпленіе на восточномъ берегу Чернаго моря. Контръ-адмиралъ Серебряковъ и генералъ-маіоръ графъ Сперманъ. Князь Михаилъ Шервашидзе и генералъ-маіоръ Каци-Маргани. Поѣздка въ долину Далъ. Взя-

тіе въ плѣнъ турецкой шкуны съ 150 черкешенками. Укрѣпленіе Гагры и секундантъ Пушкина Данзасъ. Неприступная башня. Покореніе Джигетскаго племени. Н. П. Колебякинъ. І. Р. Анрепъ. Впечатлѣнія морского плаванія. Плаваніе съ женою на пароходѣ отъ Керчи до Севастополя. Поѣздка изъ Севастополя въ Петербургъ. А. И. Баландинъ на гауптвахтѣ. Представленіе мое военному министру. Награда за исполненіе порученія на Кавказѣ. Смерть С. А. Викулина. Непріятности, дѣлаемыя сестрѣ дѣтьми ея мужа отъ перваго брака. Ихъ характеристика. Духовное завѣщаніе С. А. Викулина. Клевета дѣтей его отъ перваго брака. Поѣздка моя въ Елецъ и Задонскъ и производимыя сыновьями С. А. Викулина неистовства. Поѣздка моя въ Орелъ и назначенія слѣдствія объ этихъ неистовствахъ. Пріѣздъ мой и А. И. Нарышкина въ с. Колодезское. Производство слѣдствія и его результаты. Дерзкое поведеніе сыновей С. А. Викулина отъ перваго брака. Производство слѣдствія, назначеннаго по Высочайшему повелѣнію надъ моею сестрою въ Москвѣ. Производство такового же слѣдствія въ Елецкомъ уѣздѣ. Пріѣздъ въ с. Колодезское мнимаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ П. Д. Норова и мнимаго оберъ-прокурора св. Синода В. Е. Вердеревскаго. Допросы слѣдственной комиссіей дяди моего князя Дмитрія Волконскаго и его очныя ставки съ лжесвидѣтелями. Назначеніе по Высочайшему повелѣнію переслѣдованія дѣйствій орловской слѣдственной комиссіи. Общество въ гор. Орлѣ. Письмо М. Ѳ. Орлова къ А. В. Дубельту. Обыскъ въ домѣ моей сестры. Обыски въ московскомъ домѣ и въ имѣніи князя Дмитрія Волконскаго. Пріѣздъ генерала Перфильева съ письмомъ шефа жандармовъ къ сестрѣ моей. Поѣздка моя съ сестрою въ Петербургъ. Мой разговоръ съ А. В. Дубельтомъ. Докладъ Государю по дѣлу сестры моей и Высочайшее по оному повелѣніе. Графъ В. Н. Панинъ. Жизнь моя въ Петербургѣ. Новое Высочайшее повелѣніе по дѣлу моей сестры. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Д. Н. Бегичевъ. Князь П. П. Гагаринъ. Рѣшеніе общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената по дѣлу моей сестры. Указъ общаго собранія въ 1847 г. по этому дѣлу. Потери моей сестры во время производства дѣла. Служебныя занятія во второй половинѣ 1841 г. Поѣздка жены моей къ ея сестрѣ и отцу въ Нижегородскую губернію. А. Н. Тютчева за границей. Сборъ оброка въ имѣніи жены моей. Отдача земель жены моей и тестя С. В. Абазѣ для представленія залогомъ по виннымъ откупамъ. Несостоятельность С. В. Абазы по виннымъ откупамъ. Вторая командировка моя на Кавказъ. Генералъ-лейтенантъ Девятнинъ въ 1841 и 1842 г.г. Поѣздка въ Анапу. Графъ Э. Т. Барановъ. Военный министръ князь Чернышовъ въ Анапѣ. Поѣздка въ Симферополь и обратно. Перестрѣлка съ горцами у Андреевскаго поста. Работы по устройству сообщенія отъ этого поста до Варениковой пристани. Н. С. Завадовскій и А. Л. Посполитаки. Поиски пластуновъ за р. Кубань. Жизнь моя и жены въ Темрюкѣ. Злоупотребленія въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. Нападеніе заурядъ-есаула на меня. Переходъ мой за р. Кубань и обратно. Поѣздка съ женою въ Тамань и обратно. Возвращеніе князя Чернышова въ Петербургъ и назначеніе графа Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія. Предложенный мнѣ казаками подарокъ. Приходъ отряда на лѣвый берегъ р. Кубани у Варениковой пристани и мое пребываніе въ этомъ отрядѣ. Предложеніе окончить работы при Варениковой пристани въ одинъ годъ. І. Р. Анрепъ въ отрядѣ. Контръ-адмиралъ Серебряковъ и полковникъ Ротъ. Молодечество горцевъ. Мои поѣздки внутрь непріятельской земли. Пріѣздъ брата Николая въ Темрюкъ и посѣщеніе имъ и моею женою лагеря у Варениковой пристани. Выѣздъ мой изъ Андреевскаго поста. Н. С. Завадовскій въ Екатеринодарѣ. Внесеніе въ послужной списокъ второй моей командировки на Кавказъ. Награда за эту командировку. Проѣздъ черезъ Москву.

Я нѣсколько разъ упоминалъ о Левашевыхъ, жившихъ въ Москвѣ, на Новой Басманной. У нихъ были двѣ взрослыя дочери, и почему-то года три какъ уже составилось между нашими общими знакомыми мнѣніе, что я женюсь на одной изъ нихъ. Я не подавалъ никакого повода

къ образованію этого мнѣнія. Бывалъ я у Левашевыхъ не часто и не отыскивалъ случая гдѣ-либо бывать съ ними. Гостей въ ихъ домѣ принимали въ кабинетѣ Е. Г. Левашевой, служившемъ второю гостиною, гдѣ ея дочери очень рѣдко показывались, а потому не представлялось и случая говорить съ ними, кромѣ танцовальныхъ вечеровъ, которые бывали рѣдки, и обѣденныхъ столовъ, за которыми ихъ мѣста были такъ далеки отъ гостей, что всякій разговоръ былъ невозможенъ.

Но слухи о предполагаемомъ мною сватовствѣ не ограничивались говоромъ нашихъ знакомыхъ. Племянница Е. Г. Левашевой, Настасья Васильевна Крюкова, урожденная Воронецъ, вышедшая впослѣдствіи за Демоховскаго, своимъ вліяніемъ на старшую дочь Левашевыхъ, сумѣла заинтересовать ее мною, а потомъ все болѣе и болѣе развивать въ ней это чувство. Жившій у Н. В. Левашева дядя его Г. А. Замятнинъ увѣрялъ Левашевыхъ, что не сегодня завтра я сдѣлаю предложеніе, что онъ слышалъ это отъ близкихъ мнѣ, и также заинтересовалъ мною старшую дочь Левашевыхъ.

Я вовсе не думалъ дѣлать ей предложеніе, и когда слухи объ этомъ дошли до меня, былъ очень ими недоволенъ. Какая же была цѣль у Замятнина и Крюковой распускать, или по крайней мѣрѣ поддерживать эти слухи? Цѣли у Замятнина не было: просто охота сплетничать. У Крюковой могла быть цѣль: предвидя, что Е. Г. Левашева не долго будетъ терпѣть ее въ обществѣ своихъ дочерей, она, имѣя сильное вліяніе на старшую дочь Левашевыхъ, надѣялась создать для себя постоянный пріютъ, въ которомъ имѣла бы возможность распоряжаться по своему. Предположеніе же, что я сдѣлаю предложеніе старшей, а не младшей дочери Левашевыхъ, происходило отъ того, что слухи о немъ начались, когда послѣдней едва минуло 15 лѣтъ. Но мнѣ старшая дочь не нравилась.

Е. Г. Левашева, несмотря на то, что была женщина весьма образованная и разумная, любила дѣтей своихъ не равно, что было замѣтно даже и постороннимъ лицамъ. Вслѣдствіе болѣзни она каждый мѣсяцъ лежала по нѣскольку дней въ постели и въ эти дни принимала своихъ близкихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и меня, въ своей спальнѣ. Часто въ разговорахъ наединѣ со мною она не могла нахвалиться своею младшею дочерью. Н. В. Левашевъ, напротивъ, любилъ болѣе старшую. Хотя онъ былъ очень добрый и мягкій человѣкъ, но не всегда охотно давалъ для прогулокъ дочерямъ лошадей, которыхъ очень берегъ, а также неохотно бралъ для нихъ ложу въ театрѣ. Я часто былъ свидѣтелемъ того, что упрашивала его объ этомъ не старшая изъ нихъ, его любимица, а младшая, при чемъ выказывались ея доброе сердце и открытый характеръ.

Въ концѣ 1837 г. на танцовальныхъ вечерахъ у Левашевыхъ я еще болѣе узналъ ее и привязался къ ней, о чемъ сказалъ моимъ тогдашнимъ друзьямъ: Цурикову и Петру Максутову. Послѣдній былъ очень этимъ доволенъ и сильно напиралъ, чтобы я сдѣлалъ предложеніе немедля. На мое замѣчаніе, что Левашевымъ вполнѣ извѣстна моя бѣдность и что

вслѣдствіе этого я по всей вѣроятности получу отказъ, Максутовъ, по привязанности своей ко мнѣ, увѣрялъ, что я ошибаюсь, и хотя онъ высоко цѣнилъ меня, но говорилъ, что мои качества и дарованія не таковы, чтобы они могли быть оцѣнены въ томъ кругу, въ которомъ мы вращаемся, что я не умѣю ни любезничать съ дѣвицами, ни быть особенно пріятнымъ ихъ родителямъ, что Левашевы единственные мои знакомые, которые меня цѣнятъ по достоинству, а потому мнѣ не должно пропускать случая жениться на дѣвушкѣ изъ хорошаго семейства, имѣющей порядочное состояніе. Сверхъ того онъ находилъ, что я не могу продолжать жить съ Цуриковымъ, что эта жизнь вводитъ меня въ долги, которыхъ мнѣ нечѣмъ будетъ заплатить, и потому во всякомъ случаѣ я долженъ измѣнить родъ жизни, къ чему присовокупилъ, что во время моего пребыванія въ Тулѣ Левашевы разспрашивали его обо мнѣ такъ, какъ не разспрашиваютъ о постороннемъ. Я также не могъ не видѣть ихъ расположенія ко мнѣ, но приписывалъ его дружбѣ ихъ съ покойнымъ моимъ двоюроднымъ братомъ, поэтомъ Дельвигомъ, и тому, что они меня знали уже болѣе 8 лѣтъ. Но вниманіе, съ какимъ Левашевы разспрашивали о сплетняхъ Глазера, и участіе, съ которымъ они выслушали мои опроверженія этихъ сплетенъ, служили мнѣ доказательствомъ, что они смотрятъ на меня не какъ на посторонняго, и я рѣшился сдѣлать предложеніе младшей ихъ дочери.

Замѣчу, что Максутовъ, кромѣ желанія устроить мою будущность, могъ имѣть и другія побужденія спѣшить моею женитьбою. Онъ года три былъ безъ памяти влюбленъ въ Розалію Ипполитовну Ланъ (нынѣ Посьетъ), истинную красавицу, но его исканія были безуспѣшны. Розалія Ланъ была очень дружна съ дочерьми Левашевыхъ, и онъ, конечно, надѣялся часто ее видѣть у меня, когда я женюсь.

Я уже говорилъ, что дядя мой князь Александръ Волконскій былъ очень уважаемъ всѣмъ нашимъ семействомъ и въ томъ числѣ моею матерью, а потому я обратился къ нему съ просьбою принять на себя трудъ передать мое предложеніе Н. В. Левашеву, съ которымъ онъ не былъ знакомъ. Дядя очень любилъ меня и немедля согласился на мою просьбу, не подумавъ, также какъ и я, что слѣдовало бы предварительно испросить согласіе моей матери. Мнѣ казалось тогда достаточнымъ заявленіе въ письмѣ моей сестры, полученномъ мною въ Тулѣ въ 1837 г., что мать моя ничего не имѣетъ противъ моего выбора.

Дядя Александръ не замедлилъ отправиться къ Н. В. Левашеву и передать ему мое предложеніе. Левашевъ, по словамъ дяди, былъ видимо доволенъ, но сказалъ, что долженъ переговорить объ этомъ съ своею женою и дочерью. Въ тотъ же день дядя получилъ письмо отъ Левашева, конечно, французское. Онъ писалъ, что дядя не сказалъ ему, къ которой изъ двухъ дочерей относилось предложеніе, а что онъ не спросилъ объ этомъ потому, что младшая слишкомъ молода (ей было 17 лѣтъ), такъ что онъ предполагалъ, что разговоръ былъ о старшей. Двоюродная сестра

моего дяди, Варвара Ивановна Колесова, долго у него жившая по дружбѣ съ его женою и потомъ поступившая въ Алексѣевскій монастырь въ Москвѣ, женщина весьма умная и отлично знавшая французскій языкъ, сочинила весьма ловкій отвѣтъ, въ которомъ указывала, что мое предложеніе относится именно къ младшей дочери.

На другой день утромъ я получилъ записку отъ Левашевой, которою она приглашала меня къ себѣ. При свиданіи она мнѣ сказала, что она привыкла меня любить какъ родного, но что дочь ея слишкомъ молода и надо подождать года два. Я на это отвѣчалъ, что мое положеніе въ Москвѣ и въ настоящей службѣ невыносимо и что оно сдѣлается еще невыносимѣе послѣ сдѣланнаго мнѣ отказа, а потому мнѣ остается только хлопотать о перемѣнѣ мѣста служенія, и я надѣюсь перейти въ Оренбургъ. На этомъ мы разстались.

Узнавъ, что въ этотъ же день Левашевы будутъ во французскомъ театрѣ, я отправился туда же. Въ первый антрактъ Н. В. Левашевъ въ кофейной театра сказалъ мнѣ, что онъ, жена и дочь согласны на мое предложеніе, и пригласилъ меня, какъ жениха, къ себѣ въ ложу, гдѣ мы въ первый разъ съ женою подали другъ другу руки. Матери ея не было въ театрѣ, она болѣе трехъ лѣтъ по болѣзни вовсе не выѣзжала изъ дома. Однако же впослѣдствіи я узналъ, что достигнуть согласія на мое предложеніе въ домѣ Левашевыхъ было не легко. Отецъ въ особенности противился по любви къ старшей дочери, которую боялся оскорбить своимъ согласіемъ. Ближайшія подруги моей невѣсты и ея сестры, Александра Николаевна Тютчева (нынѣ графиня Корніани) и Розалія Ипполитовна Ланъ (нынѣ Посьетъ) требовали, чтобы она не причиняла огорченія своей старшей сестрѣ и непремѣнно мнѣ отказала. Но Эмилія (имя младшей дочери Левашевыхъ) ихъ не послушалась и на заявленіе, сдѣланное ей матерью о моемъ предложеніи, сейчасъ изъявила согласіе. Мать ее поддержала, а такъ какъ Е. Г. Левашева была всѣхъ умнѣе въ домѣ и все дѣлалось въ семействѣ по ея желанію, то и согласіе ея мужа не замедлилось. Но обѣ подруги моей невѣсты долго не могли ей простить и мнѣ явно показывали свое неудовольствіе. Впослѣдствіи онѣ сдѣлались истинными друзьями моей жены, оцѣнивъ вполнѣ ея добрѣйшее сердце и умъ, и охладѣли къ старшей ея сестрѣ. Со мною же онѣ были всегда дружны, какъ родныя сестры.

Понятно, что, сдѣлавшись женихомъ, я почти цѣлые дни проводилъ у Левашевыхъ и большую часть времени съ невѣстою.

Въ домѣ Левашевыхъ жили двѣ гувернантки: француженка Анна Андреевна Крепейнъ и нѣмка изъ Курляндіи Екатерина Егоровна Радзевская. Онѣ обѣ вскорѣ меня очень полюбили. Первая была еще гувернанткою Е. Г. Левашевой и по выходѣ ея замужъ осталась жить съ нею, а потомъ была воспитательницей ея дѣтей. Она была другъ семейства и, по болѣзни Е. Г. Левашевой, замѣняла ее при выѣздахъ ея дочерей. Радзевская поступила въ домъ Левашевыхъ, когда младшей дочери ихъ было

4 года, и была при ней нянькою. Понятно, что она была привязана къ ней болѣе, чѣмъ къ старшей. А. А. Крепейнъ, напротивъ, въ виду явнаго предпочтенія, оказываемаго матерью младшей дочери, которую она сильно баловала, показывала болѣе привязанности къ старшей. Онѣ, и въ особенности Радзевская, были добрыя и умныя женщины. Радзевская послѣ моей свадьбы жила у насъ 14 лѣтъ до самой смерти и была второю матерью женѣ моей. Это была женщина характера ровнаго, всегда снисходительная ко всѣмъ и не только горячо насъ любившая, но и всѣхъ близкихъ къ намъ и въ особенности сестру мою и ея дѣтей.

Дядя Александръ и я извѣстили мою мать письмами о моемъ сватовствѣ и просили ея благословенія. Въ отвѣтъ получилъ я письмо отъ сестры, въ которомъ она извѣщала меня, что наши письма подѣйствовали на мать чрезвычайно горестно, что мать моя не можетъ понять, какъ я могъ рѣшиться на предложеніе, не испросивъ предварительно ея согласія, что это извѣстіе ее сильно разстроило и она слегла въ постель. При этомъ сестра совѣтовала мнѣ немедля пріѣхать къ нимъ. Я скрылъ все это отъ Левашевыхъ, сказавъ имъ только, что по внезапной опасной болѣзни моей матери я долженъ немедля ѣхать. Конечно, Левашевы угадали причину моего отъѣзда, и я опасался, что если я и успѣю испросить прощеніе у моей матери, то они съ своей стороны, видя нежеланіе моей матери на вступленіе мое въ бракъ съ ихъ дочерью, могутъ въ мое отсутствіе отказать мнѣ.

Снабженный письмомъ дяди Александра къ моей матери, я отправился въ началѣ февраля къ Викулинымъ. Нечего говорить, что встрѣча съ моею матерью была самая ужасная. Но постоянныя мои мольбы, а также просьбы сестры и ея мужа, умилостивили ее. Она дала свое согласіе и написала къ моей невѣстѣ очень милое письмо, посылая ей легонькую золотую цѣпочку, а мнѣ дала на расходы 2000 р. асс. (571 р. 43 к.).

Я поспѣшилъ въ Москву. Опасенія мои насчетъ отказа Левашевыхъ оказались напрасными: я былъ принятъ ими попрежнему. Деньги, данныя мнѣ матерью для расходовъ по случаю моей свадьбы, были конечно незначительны, я же и изъ нихъ не могъ употребить ни копѣйки на этотъ предметъ. Живя съ Цуриковымъ, я вошелъ въ нѣкоторые долги, уплата которыхъ требовалась немедленно. За меня поручился Петръ Максутовъ и долги были отсрочены на нѣсколько времени. По возвращеніи моемъ въ Москву я долженъ былъ ихъ уплатить, и затѣмъ у меня не осталось ни копѣйки изъ означенныхъ денегъ, такъ что въ три мѣсяца, когда я былъ женихомъ, я не могъ подарить моей невѣстѣ самой пустой бездѣлицы.

Левашевымъ было извѣстно, что я, за исключеніемъ содержанія по чину: 800 р. асс. жалованья, 400 р. асс. столовыхъ и 300 р. квартирныхъ, а всего 1500 р. асс. (т.-е. 428 р. 57 к.), ничего не имѣю, а потому они на свой счетъ подготовили все нужное для свадьбы и дальнѣйшей жизни. Положеніе ихъ дѣлъ было также весьма затруднительное, а потому для изготовленія приданаго дочери они продали Смоленское имѣніе (около

400 душъ) Е. Г. Левашевой, въ которомъ они такъ долго жили и гдѣ былъ у нихъ прекрасный садъ. Это имѣніе никогда имъ не приносило даже процентовъ для уплаты въ сохранную казну, въ которой оно было заложено. Большая часть денегъ, вырученныхъ за имѣніе, за уплатою долга сохранной казнѣ, было употреблено Н. В. Левашевымъ на приданое. Куплены были экипажи, четверка лошадей, серебро, мебель, бѣлье и т. п., но все это покупалось нерасчетливо, какъ обыкновенно это дѣлалъ Левашевъ. Остальное имѣніе, слишкомъ 4000 душъ, Левашевъ предполагалъ раздѣлить поровну между своими шестью дѣтьми. До выдѣла же имѣнія онъ обѣщалъ давать дочери 10 т. руб. асс. (2857 р. сер.) въ годъ. Всѣмъ казалось, что состояніе Левашевыхъ очень большое и что они живутъ ниже своего состоянія.

Невѣста моя продолжала всю эту зиму брать уроки музыки и пѣнія, прочее же ученье было прекращено, въ томъ числѣ и изученіе русской литературы подъ руководствомъ извѣстнаго впослѣдствіи критика Виссаріона Бѣлинскаго, который продолжалъ однако же учить младшаго брата моей невѣсты Валерія, готовившагося въ этотъ годъ поступить въ университетъ. У невѣсты моей былъ прекрасный голосъ. Русскія пѣсни она пѣла съ необыкновенною пріятностію и чувствомъ. Она очень любила пѣть при аккомпанементѣ на фортепіано Р. И. Ланъ.

С. В. Цуриковъ купилъ въ 1837 г. съ аукціона ящикъ шампанскаго и оставилъ его у сына на сбереженіе. Когда у насъ бывали гости, Цуриковъ таскалъ бутылки изъ ящика. Шампанское было плохое, но все же шампанское. Въ нашемъ же сараѣ хранились какія-то вещи для церкви с. Лебедки. С. В. Цуриковъ, пріѣхавъ въ Москву въ началѣ 1838 г., объявилъ сыну, что онъ сдѣлаетъ мнѣ визитъ и слѣдовательно будетъ и у сына, чего онъ не дѣлалъ, когда сынъ жилъ одинъ. Мой товарищъ Цуриковъ чрезвычайно испугался пріѣзда отца, будучи увѣренъ, что послѣдній пойдетъ осматривать лежащія въ сараѣ церковныя вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмотритъ и ящикъ шампанскаго. Цуриковъ былъ очень встревоженъ тѣмъ, что нигдѣ не могъ сыскать денегъ для покупки недостающихъ въ ящики бутылокъ шампанскаго. Встрѣтивъ у меня старшаго брата невѣсты, Василія Николаевича Левашева, которому не приходило въ голову, чтобы Цуриковъ могъ бояться до такой степени своего отца, онъ попросилъ денегъ взаймы, но и у Левашева ничего не было. Тогда Цуриковъ схватилъ мои золотые часы съ такою же цѣпочкою и послалъ заложить ихъ въ винномъ погребѣ подъ недостающія бутылки шампанскаго. Онѣ были привезены за нѣсколько минутъ до пріѣзда отца Цурикова, который былъ со мною очень любезенъ, сыну же своему ни сказалъ ни слова. Послѣдній, не смѣя сѣсть, все время стоялъ у печки посрединѣ комнаты и нѣсколько разъ подобострастно подходилъ цѣловать руку отца, что очень не шло къ его рѣзко выразительному лицу. В. Н. Левашевъ, привыкшій къ чрезвычайно доброму и снисходительному обращенію своихъ родителей и къ рѣзкому со всѣми обращенію А. С. Цурикова, до того былъ перепуганъ,

что на немъ лица не было. Когда Цуриковы пошли въ сарай осматривать церковныя вещи, онъ сказалъ: «какой страшный медвѣдь», и поспѣшилъ уѣхать. Въ сараѣ сынъ Цурикова показывалъ отцу и ящикъ съ шампанскимъ.

Въ мартѣ я былъ выбранъ въ члены Московскаго англійскаго клуба, что тогда давало нѣкоторое положеніе въ Московскомъ обществѣ. Въ 30 годахъ попасть въ члены этого клуба было очень трудно. Членовъ было 600 и почти каждый членъ записывалъ по нѣскольку кандидатовъ, такъ что ихъ набиралось до 2000, которые по очереди назначались къ баллотировкѣ по мѣрѣ выбытія прежнихъ членовъ. Дядя князь Дмитрій записалъ меня еще ребенкомъ. Моя очередь баллотироваться пришла въ 1831 г., и тогда моя вакансія была уступлена другому, нижестоявшему кандидату, а я занялъ его мѣсто, такъ что очередь моя снова пришла только въ 1838 г.

Въ Свѣтлый праздникъ я получилъ орденъ Св. Анны 3 ст. А. С. Цуриковъ, узнавъ объ этомъ прежде меня и очень обрадованный, привезъ мнѣ купленный имъ знакъ этого ордена и бронзовую медаль, данную дворянству въ память 1812 г., полагая, что я, какъ старшій въ родѣ, имѣю право носить послѣднюю. Я носилъ, какъ это дѣлали многіе, не имѣя на это права по буквальному смыслу закона, въ которомъ сказано, что эта медаль дается дворянамъ съ тѣмъ, чтобы она была сохраняема, а не носима старшимъ въ родѣ. Первый орденъ также, какъ и первый чинъ, тогда очень радовалъ получающаго и его близкихъ, а потому эта награда доставила не малое удовольствіе и Левашевымъ.

Свадьба моя была назначена 24 апрѣля въ день рожденія моей невѣсты, когда ей исполнится 18 лѣтъ. Весна въ этомъ году была ранняя и прекрасная, какой съ того времени не бывало: къ половинѣ апрѣля листья на деревьяхъ совершенно распустились. Большую часть дня Левашевы и я проводили въ ихъ прекрасномъ саду. За нѣсколько дней до свадьбы пріѣхала моя мать съ моею сестрою, ея мужемъ и малолѣтнею дочерью. Несмотря на необыкновенно раннюю весну, дорога отъ Задонска до Москвы была неудобопроѣзжаема, такъ что они насилу дотащились. Викулинъ нанялъ домъ на Арбатѣ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщалась комиссаріатская комиссія.

Съ пріѣздомъ моей матери возникъ вопросъ о томъ, она ли прежде поѣдетъ къ Левашевымъ, или невѣста обязана, не ожидая ея пріѣзда, быть у моей матери. Каждый утверждалъ по-своему. Это меня очень тревожило, тѣмъ болѣе, что дядя князь Александръ въ этомъ случаѣ принялъ сторону моей матери. Кончилось тѣмъ, что сестра моя съ мужемъ поѣхали къ Левашевымъ, затѣмъ невѣста моя съ отцомъ, такъ какъ ея мать давно по болѣзни не выѣзжала, отдали имъ визитъ. При этомъ свиданіи матери моей съ невѣстой онѣ, видимо, другъ другу не понравились.

Е. Г. Левашева желала, чтобы наше вѣнчаніе происходило въ церкви сиротскаго дома на Новой Басманной и было совершено исповѣдывавшимъ ее въ этотъ годъ протоіереемъ Архангельскаго собора Тяжеловымъ,

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, въ которыя она не причащалась, вслѣдствіе чего протоіерей церкви Трехъ Святителей, у Красныхъ Воротъ, отказался и исповѣдывать. Въ церкви сиротскаго дома не было особаго священника, а она была въ завѣдываніи протоіерея церкви Св. Никиты на Старой Басманной, В. И. Богданова, бывшаго моимъ законоучителемъ въ заведеніи Лопухиной. Богдановъ, обижаясь тѣмъ, что пригласили не его, а другого священника для вѣнчанія, заявилъ, что оно въ назначенный день совершено быть не можетъ, такъ какъ наканунѣ праздничныхъ дней церковными правилами запрещается вѣнчаніе, а 25 апрѣля празднуется день Св. евангелиста Матѳея. Это заставило меня лично просить викарнаго архіерея о разрѣшеніи Богданову допустить 24 апрѣля вѣнчаніе въ церкви сиротскаго дома. Въ этотъ день въ 1838 г. было въ Москвѣ въ нашемъ обществѣ очень много свадебъ, вѣнчанныхъ священниками безъ всякаго разрѣшенія.

Посаженнымъ отцомъ моимъ былъ дядя князь Александръ, а посаженою матерью сестра моя. У жены моей посажеными были П. Я. Чаадаевъ (никогда не бывшій женатымъ, что было противно принятому обычаю) и А. Ѳ. Кологривова. Шаферами были у меня А. С. Цуриковъ и Александръ Лаврентьевичъ Варнекъ, бывшій адъютантомъ командира стоявшаго въ Москвѣ корпуса Нейдгардта, а у жены ея братья. Совершеніе бракосочетанія было исполнено Тяжеловымъ превосходно, всѣ молитвы читались внятно, такъ что я не помню, чтобы когда-либо присутствовалъ при подобномъ совершеніи брака. Изъ церкви поѣхали на нанятую Левашевымъ для насъ квартиру въ нижнемъ этажѣ дома Муромцова на Срѣтенскомъ бульварѣ. Сверхъ шампанскаго вина, которое обыкновенно предлагается въ подобныхъ случаяхъ, было предложено значительное число ягодъ. Это угощеніе тогда по раннему времени года представляло особенность. На свадьбѣ было человѣкъ 30 и въ томъ числѣ мои начальники: бывшій, генералъ Янишъ, и настоящій, полковникъ Гермесъ.

Послѣ свадьбы мы дѣлали обычные визиты, которыхъ было много по большому числу знакомыхъ матери. Жена, вовсе еще не выѣзжавшая въ свѣтъ, какъ по молодости, такъ и по болѣзни матери, очень тяготилась этими выѣздами и рѣшительно объявила, что будетъ ѣздить только къ тѣмъ, которыхъ знакомство ей пріятно, и по крайней необходимости къ самымъ близкимъ роднымъ. Результатомъ этихъ визитовъ была потеря женою довольно дорогой брилліантовой серьги, данной ей въ приданое. Число моихъ родныхъ дядюшекъ и тетушекъ, не говоря уже о двоюродныхъ, просто ужасало ее. Мать ея не имѣла ни братьевъ, ни сестеръ, отецъ имѣлъ сестру, которая давно умерла и оставила одну дочь, Анну Петровну Бекетову, жившую далеко. Единственными въ Москвѣ родственниками Н. В. Левашева и то дальними были Иванъ, Константинъ и Александръ Александровичи Левашевы и часто пріѣзжавшій изъ Оренбургской губерніи братъ ихъ Николай. Первые

двое бывали у Н. В. Левашева не часто, послѣдніе двое были съ нимъ дружны и баловали, въ особенности Николай, его дѣтей, которыя и съ родителями своими обращались какъ съ равными. Въ моемъ же семействѣ была строгая дисциплина, отношенія племянниковъ и племянницъ къ дядюшкамъ и тетушкамъ были самыя подчиненныя; имъ казалось, что и жена племянника должна быть въ тѣхъ же къ нимъ отношеніяхъ. Все это очень тяготило мою жену, и она всѣми способами отдалялась отъ моихъ родныхъ, что порождало непріятности.

Изъ моихъ друзей всего чаще посѣщали насъ Цуриковъ, Нарышкинъ и Петръ Максутовъ. Изъ нихъ Цуриковъ также не нравился женѣ моей своими рѣзкими остротами и пустымъ, какъ она находила, фразерствомъ, а главное тѣмъ, что онъ располагался у насъ, какъ бы въ своемъ домѣ, приходя иногда не совсѣмъ въ трезвомъ состояніи. Въ первое время послѣ женитьбы и мнѣ случалось, хотя весьма рѣдко, приходить домой поздно и въ такомъ же состояніи. Жена приписывала это вліянію Цурикова и потому тѣмъ болѣе не любила его, хотя была настолько умна, несмотря на свои молодыя лѣта и совершенное незнаніе свѣта, что меня никогда въ этомъ не упрекала, понимая, что упреки не поведутъ къ лучшему. Нарышкинъ, цѣня добрѣйшее сердце моей жены и зная до какой степени она была балована въ родительскомъ домѣ и въ особенности матерью, находилъ во многихъ ея поступкахъ что-то дѣтское. Онъ вскорѣ сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ, называя часто жену мою «дитею», а потомъ почему-то началъ называть ее «дѣти». Сначала это нѣсколько скандализовало жену, но она вскорѣ привыкла къ обращенію Нарышкина, котораго нельзя было не полюбить. Съ Петромъ Максутовымъ она сошлась скорѣе, чѣмъ съ другими. Онъ часто видалъ у насъ предметъ своей страсти, Р. И. Ланъ, которая, равно какъ и искренній другъ жены Е. И. Вельяминова-Зернова чаще всѣхъ бывали у насъ. Впрочемъ мы мало сидѣли дома, цѣлые дни проводили у ея родителей, или ѣздили гулять по окрестностямъ въ экипажахъ и верхомъ. Никогда не учившись верховой ѣздѣ, я не любилъ ее и избѣгалъ по возможности.

Въ концѣ мая мы были въ гостяхъ у И. А. Левашева въ Сокольникахъ и оттуда вздумали проѣхать въ простой телѣгѣ по узкой земляной насыпи надъ кирпичнымъ водопроводомъ до большого Ростокинскаго водопроводнаго моста. Жена моя правила лошадью. Она была очень сильна и любила выказывать свою силу, которою мѣрилась даже съ Цуриковымъ, человѣкомъ замѣчательно сильнымъ. Она поднимала тяжелыя гири и двигала садовые катки, которые Цуриковъ едва могъ поднять и двигать. Это излишнее напряженіе, а можетъ быть и толчки при необычной поѣздкѣ въ телѣгѣ, были причиною того, что немедля послѣ этой поѣздки жена почувствовала особыя боли, на которыя не было обращено должнаго вниманія. Вмѣсто того, чтобы посовѣтываться съ хорошимъ акушеромъ, сказали объ этихъ болях Н. Х. Кечеру, не имѣвшему медицинской практики и не понявшему причины страданій моей жены. Эта ошибка

имѣла послѣдствіемъ то, что жена моя первыя восемь лѣтъ по замужествѣ вовсе не рожала, а впослѣдствіи ея роды были постоянно преждевременны.

Видя, что съ 10 тыс. р. асс., которые обѣщалъ намъ давать мой тесть, и съ прибавкою моего годового содержанія 1500 р. асс., а всего на настоящій счетъ до 3300 р. сер. жить будетъ затруднительно, и частію совѣстясь тѣмъ, что доходы жены почти въ семь разъ болѣе моихъ, я хотѣлъ перемѣнить родъ службы, надѣясь, что докажу неправильность примѣненія ко мнѣ правила десятилѣтней обязательной службы въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Изъ двухъ приведенныхъ причинъ, по которымъ я хотѣлъ перемѣнить службу, я представлялъ матери моей только первую, но она выразила крайнее неудовольствіе тому, что я, воспитанный въ нуждѣ, не умѣю довольствоваться значительною, по ея мнѣнію, суммою въ 3.300 р. въ годъ и желала, чтобы я не перемѣнялъ карьеры, въ которой умѣли оцѣнить мои способности.

Я согласился поступить по совѣту матери только въ томъ случаѣ, если мнѣ дадутъ мѣсто въ Москвѣ. Въ исполненіе этого желанія моего 21-го мая я былъ назначенъ къ работамъ соединенія рѣкъ Москвы и Волги и поступилъ въ распоряженіе директора той части этихъ работъ, которыя производились въ Москвѣ, инженеръ-подполковника Алексѣя Васильевича Полѣнова. Я видимо ему не понравился, а потому что бы быть свободнымъ первое лѣто послѣ моей женитьбы, я взялъ трехмѣсячный отпускъ, по истеченіи котораго цѣлый годъ еще находился въ распоряженіи Полѣнова. Онъ занималъ меня весьма мало и рѣдко повѣрками смѣтъ и отчетовъ, такъ что можно сказать, что я все это время вовсе не былъ занятъ по службѣ.

Сверхъ вышеупомянутыхъ друзей моихъ, ѣзжалъ къ намъ и къ Левашевымъ шаферъ мой А. Л. Варнекъ, человѣкъ умный, добрый, честный, акуратный и пріятной наружности. Онъ просилъ меня передать Левашевымъ предложеніе его жениться на ихъ старшей дочери, но Н. В. Левашевъ рѣшительно отказалъ, и причиною отказа было неимѣніе денегъ на приданое, такъ какъ Варнекъ также не имѣлъ состоянія, а дѣлать два приданыхъ въ годъ Левашевъ находилъ невозможнымъ. Но какая огромная разница была бы въ судьбѣ моей свояченицы, если бы тогда не отказали этому во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшему человѣку, котораго бренные остатки 16 іюня 1872 г. я проводилъ до его могилы на Смоленскомъ кладбищѣ.

Теща моя, которая по болѣзни не могла выѣзжать, очень желала, чтобы мы жили съ нею на одномъ дворѣ, и съ этою цѣлію заново былъ передѣланъ ближайшій къ большому дому Левашевыхъ флигель, въ которомъ до этого времени помѣщались старшій ихъ сынъ, находившійся въ отставкѣ, Василій и извѣстный впослѣдствіи революціонеръ М. А. Бакунинъ. Мы въ этотъ флигель переѣхали осенью. Второй сынъ Левашевыхъ, Валерій тогда же поступилъ въ университетъ, затѣмъ двое младшихъ, Анатолій и Николай, учились дома. Левашевы видимо постоянно

нуждались въ деньгахъ, а ученье младшихъ сыновей стоило очень дорого, и я обратилъ вниманіе родителей на то, что они оказывали весьма ничтожные успѣхи. Отецъ ихъ былъ совершенно неспособенъ къ воспитанію дѣтей, а мать не могла ими заниматься по причинѣ постоянно увеличивавшагося болѣзненнаго состоянія. Рѣшено было отдать ихъ въ казенное заведеніе. Опасаясь, что если ихъ помѣстятъ въ одно изъ московскихъ заведеній, то по слабости къ нимъ родителей они будутъ въ немъ плохо учиться и оставятъ заведеніе до окончанія курса, я предлагалъ опредѣлить ихъ въ артиллерійское училище въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что они имѣли способность къ математическимъ наукамъ. Но по настоянію Н. Х. Кечера они были отданы въ Московскій дворянскій институтъ.

Мы жили въ большомъ Левашевскомъ семействѣ спокойно и весело. Страдая и лежа въ постели, моя теща была рада, что дѣти ея и ихъ друзья веселятся. Даже когда бывало утихнетъ шумъ въ домѣ, она спрашивала о причинѣ этой тишины.

Это была женщина рѣдкой доброты. Свободный отъ служебныхъ занятій, я болѣе чѣмъ когда-либо предался любимому моему занятію, чтенію книгъ, преимущественно историческихъ. Родители жены моей, въ особенности ея мать, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ко мнѣ привязывались. Они имѣли довольно большое знакомство. Жена моя почти никуда не выѣзжала, впрочемъ съ декабря мы начали по вторникамъ ѣздить на балы въ благородное собраніе. Бывали также довольно часто во французскомъ театрѣ. Въ концѣ декабря, собираясь въ этотъ театръ, я получилъ отъ жившаго въ другомъ флигелѣ дома Левашевыхъ П. Я. Чаадаева альманахъ на 1839 г., въ которомъ была помѣщена извѣстная лебединая пѣснь партизана поэта Давыдова. Онъ осмѣивалъ тогдашнее Московское общество. Въ этой пѣснѣ, между прочимъ, были слѣдующіе стихи:

Маленькій аббатикъ,
Что въ гостинныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.

Въ присланомъ мнѣ экземплярѣ Чаадаевъ написалъ противъ этихъ стиховъ: «это я».

Чаадаевъ постоянно посѣщалъ французскія представленія, которыя бывали два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ. Онъ никогда не отходилъ отъ своего кресла и всегда ожидалъ, чтобы къ нему подходили, но въ этотъ вечеръ измѣнилъ этому строго соблюдаемому правилу. Увидавъ меня въ другомъ ряду креселъ, онъ немедля подошелъ ко мнѣ и заговорилъ о стихахъ Давыдова съ неудовольствіемъ. Они вообще были дурно приняты Московскимъ обществомъ, которое находило неприличнымъ смѣяться надъ тѣми, которые находятся на дурномъ счету у правительства и тѣмъ какъ бы стараться ему подслужиться.

Пріятность и спокойствіе нашей жизни были нарушаемы тревожнымъ состояніемъ моего тестя, когда ему приходилось уплачивать долги, а уплачивать было нечѣмъ, и постоянно ухудшавшимся состояніемъ здоровья моей тещи. Она ожидала скорой смерти и очень опасалась, что при ея жизни не успѣетъ надѣлить мою жену обѣщаннымъ имѣніемъ. Она вмѣстѣ съ мужемъ назначала женѣ моей 600 душъ, при которыхъ было 9 тыс. десятинъ земли. Назначенные намъ крестьяне были поселены въ тѣхъ деревняхъ Макарьевскаго имѣнія моего тестя, которыя были въ числѣ лучшихъ, именно въ дер. Галибихѣ и ее окружающихъ. Крестьяне платили по 30 р. асс. оброка съ души въ годъ, что составляло годового дохода съ 600 душъ 18 тыс. р. асс., а такъ какъ имѣніе было заложено въ Московской сохранной казнѣ за 150 тыс. р. асс., за которые слѣдовало ежегодно уплачивать 9000 р., то остальные 9000 р. асс. составляли бы чистый доходъ. Надѣялись, что мы понемногу и хотя по низкимъ цѣнамъ будемъ имѣть возможность ежегодно продавать лѣсу на 1000 р. асс., такъ что мы съ имѣнія будемъ получать тѣ же 10 тыс. р. асс. въ годъ, которыя теперь получали отъ тестя. Для этого выдѣла дочери, устройства завода стеариновыхъ свѣчей, отъ котораго ожидали большихъ выгодъ, и вообще для улучшеній по управленію имѣніемъ, въ которомъ на нѣкоторыхъ деревняхъ накопились огромныя недоимки, тесть мой поѣхалъ въ началѣ 1839 г. въ свое Нижегородское имѣніе.

Въ февралѣ этого года пріѣхалъ въ Москву братъ мой Николай, окончившій курсъ въ военной академіи. Онъ остановился у насъ и по своему веселому характеру придалъ еще болѣе живости нашему семейному кругу. Впрочемъ, украшенный золотымъ эксельбантомъ, который былъ тогда отличіемъ окончившихъ курсъ въ военной академіи до перевода ихъ въ генеральный штабъ, онъ много выѣзжалъ и почти ежедневно бывалъ на балахъ у знакомыхъ, а равно на балахъ въ благородномъ собраніи, которые тогда были много посѣщаемы, въ особенности утренній балъ въ субботу на масленицѣ.

7-го марта былъ день рожденія моей тещи. Мы, не предупредивъ ее, разучили нѣсколько сценъ изъ «Горе отъ ума». Я взялъ на себя роль Фамусова, братъ Николай Скалозуба, Кечеръ Чацкаго. Весь день 7 марта прошелъ очень весело. 8-го марта теща говорила, что мужъ ея пишетъ о необходимости достать денегъ для уплаты какого-то долга, и поручила мнѣ хлопоты по этому дѣлу. 9-го марта мы думали праздновать именины моего шурина, студента Валерія, но по утру мнѣ пришли сказать, что тещи моей очень дурно. Вскорѣ собрали четырехъ докторовъ, но не было болѣе возможности помочь: она скончалась. Горесть всего семейства, всей прислуги была чрезвычайная. Всѣ понимали, что въ ней теряли единственное всѣхъ связывавшее звено. Жена моя теряла не только нѣжную мать наравнѣ съ братьями и сестрою, но и лучшаго друга.

По причинѣ отсутствія тестя моего я вдругъ сдѣлался неожиданно главою большого семейства и большого дома,—явились новые для меня

хлопоты по погребенію тещи, а потомъ по содержанію дома. Совершенное безденежье увеличивало хлопоты, которыя были облегчены помощью дяди моего А. Г. Замятнина, проѣзжавшаго въ это время чрезъ Москву по случаю перевода его жандармскимъ губернскимъ штабъ-офицеромъ изъ Вятки въ Рязань. Приставъ Басманной части, въ виду скоропостижной смерти моей тещи, требовалъ анатомированія ея тѣла и приложенія печатей ко всему имуществу. Его убѣждали, что скончавшаяся долго была больна и ея смерть не скоропостижная, что не зачѣмъ прикладывать печати, потому что всѣ наслѣдники на лицо, но убѣжденія не помогали, пока частному приставу не далъ, кажется, 50 р. асс. (14 р. 28 к. сер.) дядя мой Замятнинъ, и такъ взятка дана была чиновнику городской полиціи чиновникомъ тайной полиціи, обязаннымъ наблюдать за тѣмъ, чтобы взятокъ не давали и не брали. 12 марта похоронили тещу въ Покровскомъ монастырѣ подлѣ ея матери, Екатерины Андреевны Рѣшетовой, и другихъ родныхъ.

Я послалъ къ тестю извѣстіе о кончинѣ его жены съ эстафетою. Онъ отвѣчалъ, что скоро воротится въ Москву; впослѣдствіи въ каждомъ письмѣ откладывалъ свой пріѣздъ и вернулся только въ концѣ іюня. Все это время я былъ въ большихъ заботахъ по содержанію большого дома и къ этимъ заботамъ присоединились еще слѣдующія.

Въ апрѣлѣ узналъ я, что моего внучатнаго брата кадета Московскаго кадетскаго корпуса Андрея Золотницкаго представляютъ за какую-то шалость къ разжалованію въ солдаты на 12 лѣтній срокъ. Онъ былъ дѣйствительно большой шалунъ и дурно учился. Я почелъ своею обязанностію выручить его изъ этой бѣды, и узнавъ отъ знакомаго мнѣ его ротнаго командира, что главное вліяніе въ корпусѣ имѣетъ инспекторъ классовъ князь Владиміръ Львовъ и что директоръ корпуса генералъ Годейнъ дѣлаетъ означенное представленіе по настоянію Львова, просилъ убѣдительно послѣдняго пощадить Золотницкаго, поступившаго ребенкомъ въ корпусъ, куда отданъ былъ въ надеждѣ, что онъ будетъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ, а не солдатомъ; вина же въ томъ, что онъ дурно воспитанъ, падаетъ на его воспитателей. Львовъ отвѣчалъ, что разжалованіе Золотницкаго въ солдаты уже рѣшено и что отправленіе объ этомъ представленія зависитъ не отъ него, а отъ директора, къ которому совѣтывалъ обратиться съ моею просьбою. Я пошелъ къ директору, но Львовъ меня у него предупредилъ, и директоръ, выйдя ко мнѣ, объявилъ, что онъ не хочетъ держать въ корпусѣ паршивой овцы, которая заражаетъ все стадо, что онъ удивляется моему ходатайству и какъ я могъ себѣ вообразить, чтобы достаточно было моей просьбы для отмѣны назначеннаго наказанія, которое онъ обязанъ сдѣлать по долгу начальника. Я ему отвѣчалъ, что если онъ думаетъ исполнить этимъ свой долгъ начальника, то я исполняю также долгъ родственника, и такъ какъ Золотницкій до послѣдней его шалости былъ внесенъ въ списокъ кадетъ, назначенныхъ къ производству въ офицеры, то просилъ простить Золот-

ницкому эту шалость; по выпускѣ же его изъ корпуса, онъ не можетъ имѣть вреднаго вліянія на кадетъ, остающихся въ корпусѣ. Но генералъ Годейнъ не перемѣнилъ своего рѣшенія. Въ этотъ день онъ обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ за однимъ столомъ со мною. Я разсказалъ моимъ сосѣдямъ о моемъ утреннемъ посѣщеніи генерала. Многіе члены клуба приняли мою сторону и уговорили его выпустить Золотницкаго въ офицеры. Такимъ образомъ Золотницкій избавился отъ 12-лѣтняго солдатства и былъ произведенъ въ офицеры въ одинъ изъ казачьихъ полковъ на Кубани.

Въ маѣ пріѣхала въ Москву бабка Золотницкаго, родная тетка моей матери, Марья Филипповна Чайковская съ дочерью вдовою Настасьею Матвѣевною Золотницкою и младшимъ сыномъ послѣдней, Пиромъ. Чайковская была очень странная женщина. Она распоряжалась всѣмъ въ домѣ дочери еще при жизни мужа послѣдней, героя 1812 г., получившаго необыкновенную награду—орденъ Св. Георгія 3 степени—въ чинѣ подполковника. Она очень любила и баловала старшаго внука Андрея и ненавидѣла Пира, котораго жизнь была невыносима и сдѣлалась еще хуже послѣ смерти его отца. Ненависть бабки къ Пиру доходила до того, что когда онъ, въ отсутствіе отца, заболѣлъ, то поспѣшили заготовить ему гробъ и прочія похоронныя принадлежности. Вернувшись домой отецъ Золотницкаго былъ очень удивленъ поданнымъ ему счетомъ расходовъ на похороны Пира, котораго онъ засталъ живымъ и здоровымъ. Бабка и мать Пира хотѣли его отдать въ казенное заведеніе, но по своимъ лѣтамъ (16 лѣтъ) онъ не могъ быть опредѣленъ въ кадетскій корпусъ, а такъ какъ онъ едва умѣлъ читать, то не могъ быть помѣщенъ ни въ какое заведеніе, между тѣмъ онъ намъ всѣмъ показался умнымъ мальчикомъ. Жена моя, ея братья и сестра очень жалѣли его, и мы рѣшились взять его къ себѣ для приготовленія въ гимназію. Свояченица моя приняла на себя учить его французскому, а Е. Е. Радзевская нѣмецкому языкамъ, я училъ его ариѳметикѣ, а для латинскаго языка и другихъ предметовъ наняли мы учителя. Жена приняла на себя его воспитаніе, къ чему оказалась очень способною, но первый ея воспитанникъ былъ до того испорченъ своимъ прежнимъ воспитаніемъ, что всѣ мѣры, принимаемыя къ укрощенію его вспыльчивости, соединенной съ необоримымъ упрямствомъ, были безуспѣшны. Между тѣмъ какъ Пиръ успѣвалъ въ ученьѣ, его нравъ съ каждымъ днемъ дѣлался для всѣхъ невыносимѣе. Однажды жена моя поѣхала съ братомъ своимъ Валеріемъ и съ Пиромъ въ Сокольники. Послѣдній въ отместку за сдѣланное ему замѣчаніе, чтобы онъ не ходилъ въ болото, углублялся въ него все болѣе и болѣе, крича женѣ: «Ну, что взяли? Потону въ болотѣ, а вы съ мужемъ будете отвѣчать». Съ трудомъ вытащили его изъ болота. Пиръ могъ служить дурнымъ примѣромъ для двухъ малолѣтнихъ братьевъ жены моей, проводившихъ у насъ праздничные и воскресные дни, а потому нельзя было его оставлять въ нашей семьѣ. Мы отдали его въ частное учебное заведеніе, изъ котораго онъ бѣжалъ и потомъ былъ посланъ по этапу на Кавказъ, гдѣ вскорѣ умеръ.

Главною заботою моею и А. А. Крепейнъ было слѣдующее обстоятельство. Осенью 1838 г. въ одномъ изъ флигелей дома Левашевыхъ поселился Н. Х. Кечеръ и началъ ухаживать за моею свояченицею. Это мало замѣтное ухаживанье послѣ смерти моей тещи сдѣлалось явнымъ. Свояченица начала пить, по его же совѣту, минеральныя воды въ своемъ саду. Во время питья ею водъ, онъ каждый день прогуливался съ нею и вообще не соблюдалъ никакихъ приличій. Несмотря на его отвратительную наружность, грязную неопрятность, рѣзкость манеръ и выраженій, онъ съумѣлъ привязать къ себѣ мою свояченицу. Новое доказательство, что какъ бы ни былъ отвратителенъ мужчина, всегда найдется женщина, которая его полюбитъ. Основываясь на привязанности моей свояченицы, Кечеръ былъ вполнѣ увѣренъ, что по пріѣздѣ моего тестя, на котораго всегда имѣлъ сильное вліяніе, онъ будетъ немедля объявленъ женихомъ, вслѣдствіе чего уже началъ распоряжаться въ домѣ какъ старшее лицо. Намъ всѣмъ было ясно, что Кечеръ никакой привязанности не имѣетъ къ моей свояченицѣ, а просто задумалъ этой женитьбой выйти изъ своей бѣдности и сдѣлаться старшимъ въ семьѣ Левашевыхъ. Мы начали вспоминать, что въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни теща моя менѣе любила Кечера, изъ чего заключили, что она замѣчала его намѣреніе, которому не сочувствовала. Вліяніе, которое Кечеръ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ надъ моей свояченицей, въ особенности тревожило А. А. Крепейнъ, оставшуюся старшею въ домѣ. Меня также тревожили эти отношенія. Кечеръ вообще мнѣ былъ противенъ и мнѣ непріятно было бы имѣть такого свояка. Сверхъ того, зная его настойчивый и дерзкій характеръ, его безцеремонное циническое со всѣми обращеніе, что все съ такою вѣрностію описано Герценомъ, и чрезвычайно мягкій и уступчивый характеръ моего тестя, который уже давно привыкъ подчиняться Кечеру,—я очень опасался, что сдѣлавшись старшимъ зятемъ Н. В. Левашева, Кечеръ возьметъ всѣ его дѣла въ свое завѣдываніе и по непріязни ко мнѣ лишитъ жену мою обѣщаннаго ей имѣнія.

Чтобы по возможности уменьшить число часовъ, которые моя свояченица проводила съ Кечеромъ, я воспользовался ея обѣщаніемъ списать начисто для печати мое сочиненіе: «Mémoire sur quelques questions technique, relatives au système de l'anuer aqueduc de Moscou», а такъ какъ моя рукопись была очень перемарана, то она писала подъ мою диктовку и такимъ образомъ проводила это время со мною, а не съ Кечеромъ. По окончаніи переписки этого сочиненія я напечаталъ его и послалъ экземпляры въ редакціи журналовъ и, между прочимъ, въ редакцію «Современника», издававшагося П. А. Плетневымъ. Онъ написалъ мнѣ по этому случаю очень милое письмо, въ которомъ сообщалъ, что «Современникъ» журналъ чисто литературный и потому въ немъ не можетъ быть помѣщенъ разборъ моего сочиненія, что онъ просилъ А. А. Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ», помѣстить разборъ, но что не увѣренъ въ исполненіи его просьбы по недостатку у насъ между пишущими людей, знакомыхъ съ

съ моею спеціальностію. Однако же разборъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», весьма обширный и дѣльный, появился въ скоромъ времени. Другіе же журналы, сколько помню, не упомянули даже о выходѣ этого сочиненія.

Наконецъ, тесть мой пріѣхалъ въ концѣ іюня 1839 г. въ Москву. Зная его слабый характеръ, я считалъ весьма важнымъ переговорить съ нимъ прежде Кечера. Послѣ горестной встрѣчи отца съ дѣтьми, лишившимися въ его отсутствіе матери, онъ вошелъ въ свой кабинетъ, у дверей котораго стояли я и Кечеръ, и когда послѣдній вздумалъ нахально опередить меня, я ему сказалъ, что имѣю немедля сообщить моему тестю важное дѣло безъ свидѣтелей, и онъ не вошелъ со мною. Я описалъ тестю поведеніе Кечера. А. А. Крепейнъ, которую тесть мой уважалъ, подтвердила мои слова, и вслѣдъ за этимъ Кечеру было отказано отъ дома. Это нисколько не помѣшало моему тестю, спустя годъ, снова сблизиться съ Кечеромъ, а шуринъ мой Валерій постоянно продолжалъ съ нимъ знакомство. Я послѣ этого долго не видалъ его, но впослѣдствіи мы встрѣтились безъ непріязни, по крайней мѣрѣ съ моей стороны.

Въ первой половинѣ іюля тесть мой со всѣмъ своимъ семействомъ, въ томъ числѣ со мною и женою моею, выѣхалъ въ Нижній Новгородъ въ трехъ каретахъ на своихъ городскихъ упряжныхъ лошадяхъ. А. А. Крепейнъ, почти 40 лѣтъ жившая съ Е. Г. Левашевою, потерявъ въ ней своего друга, не хотѣла ѣхать съ нами, а поѣхала въ Петербургъ, чтобы провести старость у своей сестры, жившей въ комнаткѣ на вдовьей половинѣ Смольнаго монастыря.

Поѣздка наша на своихъ лошадяхъ была очень медленна. Каждый вечеръ мы останавливались на нѣсколько часовъ для кормленія лошадей и для ночлега. У тестя былъ огромный водолазъ, а у жены моей комнатная собачка изъ породы шарло. Въ нашу дневную остановку предъ Владиміромъ я съ шуриномъ Валеріемъ никакъ не могли заставить водолаза итти въ воду, что онъ прежде исполнялъ охотно, и замѣтили, что онъ огрызался на маленькую собачку, которую прежде всегда ласкалъ. По пріѣздѣ во Владиміръ мы заняли въ гостиницѣ комнаты въ двухъ этажахъ; мнѣ съ Валеріемъ досталась комната верхняго этажа. На другой день нашего пріѣзда водолазъ пропалъ. Городскіе мальчики поймали его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Владиміра и привели на веревкѣ: до такой степени онъ былъ смиренъ. На слѣдующую ночь я и шуринъ оставили его въ своей комнатѣ съ растворенною дверью на балконъ, въ полной увѣренности, что по значительной высотѣ балкона водолазъ черезъ него убѣжать не можетъ. Каково же было наше удивленіе, когда утромъ его не было въ комнатѣ. Съ улицы видѣли, какъ онъ рано утромъ спрыгнулъ съ балкона и побѣжалъ вдоль улицы. Не было сомнѣнія, что онъ взбѣсился. Мы дали знать объ этомъ полиціи и въ тотъ же день уѣхали. Спустя мѣсяцъ маленькая собачка жены моей стала убѣгать каждый день изъ дома. Она спала въ одной комнатѣ съ нами. Эта собачка ежедневно

хватала за ноги пріѣхавшаго къ намъ въ Нижній Новгородъ изъ Арзамаской деревни старшаго брата моей жены Василія, что производило общій смѣхъ. Увѣряли, что собачка не можетъ терпѣть его походки и въ особенности засаленной и заштопанной его одежды. Наконецъ, она убѣжала и на ночь домой не возвращалась, а когда была поймана и освидѣтельствована медикомъ, найдена бѣшеною и сейчасъ же убита. Ясно, что обѣ взбѣсившіяся собаки чувствовали свою болѣзнь и бѣжали изъ дома, чтобы не причинить вреда своимъ хозяевамъ. Къ счастію, хватанье за ноги маленькою собачкою шурина моего Василія не имѣло никакого послѣдствія.

Въ Нижній Новгородъ мы пріѣхали утромъ 15-го іюля и остановились на Печерской улицѣ въ верхнемъ этажѣ дома Андреева. Въ полдень выкинуты были флаги на ярмаркѣ, что обозначаетъ ея открытіе. Немедля по выкинутіи флаговъ былъ объявленъ указъ о томъ, что впредь монетною единицею вмѣсто ассигнаціоннаго рубля будетъ рубль серебряный, что всѣ сдѣлки должны производиться на эту послѣднюю монету и указанъ способъ уплаты по сдѣлкамъ, совершеннымъ до сего времени. При этомъ серебряный рубль приказано считать въ 3½ ассигнаціонныхъ рубля, а золотая монета оцѣнена была выше на 3%, такъ что стоимость монеты въ 5 золотыхъ рублей назначена въ 5 р. 15 к. сер., и всякій такъ называемый лажъ на эти монеты былъ запрещенъ. Въ послѣднее передъ этимъ время въ торговлѣ и между частными лицами серебряный рубль, принимаемый въ казнѣ по 3 р. 60 к., ходилъ по 4 р. 20 к. асс. и даже выше, а пятирублевая бумажная ассигнація, принимаемая казной за 5 р. асс., ходила по 6 р., такъ что и на серебрѣ и на ассигнаціяхъ лажъ достигъ около 20%. Этотъ лажъ впрочемъ постоянно мѣнялся. Очень долго послѣ войны 1812—1815 гг. серебряный рубль ходилъ по 4 р. асс., а 5-рублевая ассигнація по 5 р. 40 к., но съ 30-хъ годовъ лажъ началъ постепенно увеличиваться то на серебряную монету, то на бумажныя деньги. Нѣтъ сомнѣнія, что это постоянное колебаніе въ курсѣ ходячей монеты вредно дѣйствовало на торговлю, и въ особенности на наиболѣе бѣдный классъ, который никогда не могъ знать опредѣлительной цѣны ходячей монеты и часто подвергался обманамъ.

Указъ о новой монетной единицѣ, объявленный на ярмаркѣ, на которой производятся самые большіе денежные обороты какъ по продажѣ и покупкѣ привозимыхъ въ огромной массѣ товаровъ, такъ и по счетамъ, оставшимся неуплаченными отъ прошлогодней Нижегородской и другихъ ярмарокъ и вообще по торговымъ сдѣлкамъ послѣднихъ лѣтъ, перепугалъ всѣхъ торговцевъ и въ особенности тѣхъ, которые имѣли въ наличности золотую и серебряную монеты. Одинъ купецъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ золотыхъ монетъ, повѣсился, полагая, что онъ разоренъ тѣмъ, что въ его звонкой монетѣ каждый серебряный рубль понизился на семьдесятъ копѣекъ и что вообще капиталъ его, бывшій примѣрно въ 42000 р. асс., будетъ считаться теперь только за 10.000 р. сер. Конечно, потрясеніе по прошествіи нѣкотораго времени улеглось и не имѣло вредныхъ послѣдствій,

которыя оказались только въ томъ, что въ то время вдругъ возвысились цѣны почти на всѣ предметы, какъ это неизбѣжно при переходѣ отъ монетной единицы низкой цѣнности къ монетной единицѣ цѣнности высшей. Сверхъ того, этому много способствовало одинаковое названіе какъ ассигнаціонной, такъ и серебряной монетной единицы рублемъ. Тѣмъ, для кого расходъ въ 5 р. асс. не имѣлъ значенія, расходъ въ 5 р. сер. былъ весьма значителенъ, но при одинаковомъ названіи монетной единицы различіе ихъ стоимости часто позабывалось, и многіе входили черезъ это въ гораздо большіе расходы въ сравненіи съ прежними. Я слышалъ, что бывшій тогда министромъ финансовъ графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ былъ вообще противъ мѣры, объявленной въ указѣ о принятіи серебрянаго рубля за монетную единицу, но что на этой мѣрѣ настоялъ самъ Императоръ Николай. Записки Канкрина по этому предмету я не читалъ, а потому не могу здѣсь привести его доводовъ. Впрочемъ, счетъ на серебряную монету послѣ указа установился только въ дѣлахъ съ казной и въ сдѣлкахъ между торговцами и частными лицами, когда онѣ заключались формально, въ прочихъ же случаяхъ въ Москвѣ и вообще внутри Россіи всѣ продолжали лѣтъ 20 считать на ассигнаціи, хотя ихъ давно уже не существовало въ обращеніи, такъ какъ онѣ были размѣнены на кредитные билеты, писанные на серебряные рубли. При размѣнѣ ассигнацій на эти билеты цѣна ассигнаціоннаго рубля была принята въ $3\frac{1}{2}$ раза менѣе серебрянаго. Это отношеніе серебрянаго рубля къ воображаемой монетной единицѣ ассигнаціоннаго рубля было принимаемо постоянно всѣми, такъ что лажъ на ту и другую монеты прекратился.

На самой ярмаркѣ, за исключеніемъ площади передъ главнымъ ярмарочнымъ домомъ, гдѣ видно движеніе и то въ извѣстные часы дня, вездѣ очень пусто, хотя всѣ лавки казеннаго ярмарочнаго двора и всѣ устроенныя частными лицами, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, переполнены товарами, не говоря уже объ огромныхъ грузахъ, лежащихъ на нѣсколькихъ пристаняхъ Волги и Оки, окружающихъ ярмарочный дворъ. Въ модной линіи, идущей отъ главнаго ярмарочнаго дома къ православному собору, и въ нѣкоторыхъ другихъ встрѣчаются экипажи и пѣшеходы, но большая часть линій совершенно пусты, въ нихъ даже лавки заперты и передъ ними сидятъ сторожа изъ татаръ. Публика видна тамъ, гдѣ производится розничная продажа, такъ какъ оптовая производится большею частію въ трактирахъ при угощеніи виномъ или чаемъ, а лавки ярмарочнаго двора служатъ только запасными магазинами, въ которыхъ безпрерывно вывозимые товары замѣняются новыми. Эта самая значительная ярмарка сама собою устроилась при ничтожномъ городѣ Макарьевѣ на р. Волгѣ, въ ста верстахъ ниже Нижняго Новгорода. Въ началѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія она перенесена распоряженіемъ правительства на лѣвый берегъ р. Оки противъ Нижняго Новгорода, при впаденіи ея въ р. Волгу. На песчаномъ низменномъ полуостровѣ построенъ средствами правительства огромный гостиный дворъ, православный соборъ,

армянская церковь, магометанская мечеть и большой домъ для помѣщенія на ярмарочное время присутственныхъ мѣстъ и губернатора. Постройка была поручена генералъ-лейтенанту Бетанкуру, который, несмотря на то, что во время постройки ярмарочнаго двора былъ главнымъ директоромъ путей сообщенія въ Имперіи (послѣ смерти инженеръ-генерала Деволанта въ 1818 г.), каждое лѣто во время постройки лично управлялъ работами, такъ какъ онѣ представляли много затрудненій. Генералъ Бетанкуръ, потомокъ знаменитой испанской фамиліи, былъ французскимъ инженеромъ и вызванъ Императоромъ Александромъ въ Россію, гдѣ былъ главнымъ начальникомъ Института инженеровъ путей сообщенія. Въ этой должности ему присланы были знаки ордена Св. Анны 1-й степени, но онъ ихъ не принялъ, такъ какъ онъ былъ кавалеромъ испанскаго ордена Сантъ-Яго, который онъ считалъ почему-то высшимъ ордена Св. Анны, а потому вмѣсто послѣдняго были присланы ему знаки ордена Св. Александра Невскаго. Императоръ Александръ вообще весьма благоволилъ къ Бетанкуру, который имѣлъ много враговъ между приближенными Императора. Несмотря на то, что Государь зналъ это и говорилъ Бетанкуру, что онъ всегдашній его защитникъ, въ 1822 г. воспользовались отъѣздомъ Государя за границу, обвинили Бетанкура въ неправильности счетовъ и довели до того, что онъ былъ удаленъ отъ должности, послѣ чего вскорѣ умеръ. Нападки на Бетанкура были несправедливы. Онъ былъ знающій инженеръ и честный человѣкъ, но подчиненные его, изъ которыхъ при устройствѣ ярмарочнаго двора было много испанцевъ, видимо, пользовались отъ работъ. Выборъ же испанцевъ оправдывался тѣмъ, что тогда русскихъ инженеровъ было еще очень мало; сверхъ того, Бетанкуръ не зналъ русскаго языка.

Въ первое посѣщеніе Императоромъ Николаемъ Нижняго Новгорода, въ 1834 г., мѣстоположеніе этого города ему очень понравилось, и онъ отдалъ разныя повелѣнія, служившія къ украшенію города. Для исполненія этихъ повелѣній потребовалось бы нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Часть ихъ была заимствована изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій на продолжительный срокъ съ уплатою процентовъ съ погашеніемъ капитала изъ учрежденнаго на этотъ предметъ сбора съ грузовъ на судахъ, прибывающихъ къ пристанямъ города и отходящихъ отъ этихъ пристаней. Высочайшія повелѣнія требовали устройства набережныхъ съ садами, спусковъ изъ верхней части города въ нижній, казармъ и другихъ зданій,—всего въ 1834 г. Государемъ было отдано болѣе ста повелѣній, относившихся къ Нижнему Новгороду, въ томъ числѣ, конечно, были и не трудныя для исполненія, напр.: чтобы ворота дома, занимаемаго архіереемъ, выходящія на Печерскую улицу, были всегда отворены, чтобы пристяжныя лошади пожарной команды не загибали шей и т. п. Между прочимъ въ повелѣніяхъ было указано на два мѣста кремлевской стѣны, въ которыхъ должно было устроить двѣ башни съ небольшими въ нихъ помѣщеніями, изъ коихъ одна предназначалась для Императора, а

другая для Императрицы Александры Ѳеодоровны. Государь сказалъ тогда, что онъ послѣ 25 лѣтъ царствованія передастъ престолъ Наслѣднику и поселится въ этихъ башняхъ.

Устройство башенъ, какъ и многихъ другихъ работъ, предначертанныхъ Императоромъ Николаемъ, откладывалось съ года на годъ и, наконецъ, было вовсе отмѣнено.

Наблюденіе за производствомъ указанныхъ Государемъ работъ было возложено на Нижегородскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта Бутурлина. Сверхъ губернскихъ строительныхъ комиссій, состоявшихъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ въ вѣдѣніи главнаго управленія путей сообщенія, въ нѣсколькихъ городахъ помнится въ 18 и въ томъ числѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, были учреждены особые комитеты по устройству собственно этихъ городовъ, состоявшіе также подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ въ вѣдѣніи департамента военныхъ поселеній, котораго директоромъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Въ комитетахъ состояли старшими членами начальники работъ изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія или изъ корпуса инженеровъ военныхъ поселеній, которые при образованіи этого корпуса, кажется въ 1831 г., большею частію были переведены также изъ инженеровъ путей сообщенія, бывшихъ до этого времени въ откомандировкѣ при военныхъ поселеніяхъ. Инженеры эти производились въ чины въ одной очереди съ военными инженерами, носили одинаковый съ ними мундиръ, за исключеніемъ того, что клапанъ на рукавѣ мундира былъ не изъ краснаго, а изъ зеленаго сукна, какъ на мундирѣ инженеровъ путей сообщенія. Производство работъ, указанныхъ Императоромъ Николаемъ, возложено было на комитетъ по устройству Нижняго Новгорода. Начальникомъ работъ въ этомъ комитетѣ въ 1835 г. былъ инженеръ путей сообщенія полковникъ Петръ Даниловичъ Готманъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), человѣкъ честный, имѣвшій познанія, но до излишества покорный начальству, слабый относительно подчиненныхъ и вообще не умѣвшій ни себя, ни производимыя подъ его управленіемъ работы поставить такъ, чтобы его уважали и не дѣлали излишнимъ вмѣшательствомъ безпрерывныхъ затрудненій въ производствѣ работъ, а подчиненные ему инженеры не дѣлали злоупотребленій, не вели разгульной жизни и усердно занимались порученными имъ дѣлами.

Нѣкоторыя изъ работъ, указанныхъ Императоромъ Николаемъ, были немедля начаты, и онъ, проѣзжая черезъ Нижній Новгородъ въ 1836 г., былъ ими очень доволенъ. При представленіи Императору инженеровъ Бутурлинъ отозвался о нихъ съ большою похвалою и объ одномъ капитанѣ, что онъ, кромѣ того что усерденъ, очень ученый инженеръ. Императоръ на это отвѣчалъ, что ему ученыхъ не нужно, а нужны исполнители. Всѣ инженеры были представлены къ наградамъ и между прочими упомянутый капитанъ къ ордену Св. Владиміра 4-й ст., что въ то время имѣло большое значеніе, въ особенности если представляемое лицо не имѣло другихъ младшихъ орденовъ. Государь утвердилъ все представленіе, но вы-

черкнулъ награду капитану, котораго Бутурлинъ назвалъ, неизвѣстно почему, ученымъ, тогда какъ онъ былъ изъ плохихъ учениковъ въ Институтѣ путей сообщенія. Бутурлинъ благоволилъ къ нему, тогда какъ онъ почти постоянно бывалъ пьянъ. Впрочемъ и Бутурлинъ былъ очень преданъ этому пороку. Случалось, что полицейскіе солдаты его пьянаго почти безъ чувствъ приводили домой. Вообще 11-лѣтнее управленіе его губерніею было самое сумасбродное, но тогда, при общемъ загонѣ, управлять было легко. Всѣ низшіе терпѣли безпрекословно, а высшія лица, если умѣли имъ угождать, не только не удаляли подобныхъ губернаторовъ, но считали ихъ очень хорошими, и въ этомъ числѣ былъ Бутурлинъ. Смысла, конечно, не было во всемъ томъ, что писалъ Бутурлинъ и на иностранныхъ языкахъ, а на русскомъ къ этому прибавлялась еще безграмотность. Очень сожалѣю, что у меня не сохранилось ни одного изъ его приказовъ и объявленій. Помню только, что многіе изъ нихъ, какъ особый курьезъ, ходили по рукамъ и въ Нижнемъ, и въ обѣихъ столицахъ. Въ одномъ изъ объявленій къ жителямъ города Бутурлинъ, по случаю частыхъ и сильныхъ пожаровъ, заявлялъ жителямъ, что многіе подозрительные люди ходятъ по улицамъ, чтобы дѣлать въ удобныхъ мѣстахъ поджоги, а потому поручаетъ наблюдать за ними и замѣчать, кто изъ нихъ куда *утекъ*. Этимъ начинается довольно длинное объявленіе, переполненное подобными курьезами, кончается же оно тѣмъ замѣчаніемъ, что многіе даже богатые обыватели, какъ только начнется пожаръ въ городѣ, посылаютъ верховыхъ справляться о мѣстѣ пожара, и ихъ посланные скачутъ взадъ и впередъ безъ оглядки, такъ что ихъ лошади при встрѣчѣ *стукаются лбами*, при чемъ губернаторъ совѣтывалъ, вмѣсто подобныхъ разсылокъ, всякому обывателю сидѣть дома и наблюдать за безопасностію собственнаго жилища.

Инженеры, бывшіе при работахъ въ Нижнемъ, имѣли весьма дурную репутацію и цѣлые дни проводили въ картежной игрѣ, а потому я ни у кого изъ нихъ не былъ, кромѣ извѣстныхъ своею честностію Готмана и Стремоухова. Въ числѣ инженеровъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей по Институту путей сообщенія, впослѣдствіи сошедшій съ ума, когда онъ все незаконнымъ путемъ нажитое при работахъ въ Нижнемъ промоталъ, проигралъ въ карты и остался безъ всякихъ средствъ.

На стеариновомъ заводѣ моего тестя было заготовлено значительное количество свѣчей. Онъ нанялъ въ ярмарочномъ гостиномъ дворѣ лавку для ихъ продажи. Я каждый день проводилъ по нѣскольку часовъ въ этой лавкѣ, а также у извѣстнаго литератора Боткина, человѣка весьма умнаго и образованнаго, который проводилъ цѣлые дни въ своей огромной чайной лавкѣ въ китайскомъ ряду ярмарочнаго гостинаго двора. Продажа свѣчей какъ оптомъ, такъ и пудами шла успѣшно. Тогда въ Россіи былъ только одинъ стеариновый заводъ Калста въ Москвѣ, и цѣны на свѣчи были высокія (помнится 14 р. за пудъ), такъ что ихъ изготовленіе было очень выгодно фабриканту. Но для того, чтобы изготовить значительную партію свѣчей, надо было, по отдаленности завода въ имѣніи моего тестя и по причинѣ дур-

ныхъ путей сообщенія, заготовлять годовую пропорцію сала, купоросной кислоты и другихъ потребностей на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Тесть мой былъ уже много долженъ, на его имѣніи накопились недоимки по уплатѣ въ сохранную казну, и онъ не имѣлъ кредита. Это было причиною невозможности добыть въ свое время все потребное для производства стеариновыхъ свѣчей, и тесть мой принужденъ былъ въ слѣдующемъ году закрыть заводъ, на устройство котораго былъ положенъ довольно значительный капиталъ.

По окончаніи ярмарки, мы, за исключеніемъ шурина моего Валерія, отправившагося въ Москву для слушанія университетскаго курса, поѣхали въ имѣніе тестя с. Богородское Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Меня очень поразилъ своимъ ничтожествомъ и бѣдною обстановкою господскій домъ въ имѣніи, состоявшемъ изъ 3600 д. мужского пола. Онъ былъ выстроенъ на довольно высокомъ и крутомъ берегу р. Вятлуги, но около него не было не только сада, но деревца и огорода. Службы, которыя я привыкъ видѣть при господскихъ домахъ даже въ незначительныхъ имѣніяхъ средней полосы Россіи довольно большими, здѣсь ограничивались двумя избами, изъ которыхъ въ одной помѣщалась контора по управленію имѣніемъ, а въ другой господская кухня и нѣсколько дворовыхъ людей. Все это представляло печальный видъ. Крестьянскіе дома были, по изобилію лѣса, большею частію довольно большихъ размѣровъ и хорошо выстроены. Крестьяне и крестьянки были одѣты нѣсколько лучше, чѣмъ въ средней полосѣ Россіи. Но на задворкахъ было весьма мало заготовлено хлѣба, а на нѣкоторыхъ и совсѣмъ его не было, такъ что непонятно было, чѣмъ питаются крестьяне до новаго урожая. Дѣйствительно, только у крестьянъ наиболѣе занимающихся хлѣбопашествомъ доставало своего хлѣба до февраля. Остальное время они питались хлѣбомъ, который покупали въ большомъ с. Воскресенскомъ, принадлежавшемъ г-жѣ Нѣмчиновой, въ 8 верстахъ отъ с. Богородскаго и въ недальнемъ разстояніи отъ всѣхъ прочихъ сорока деревень, принадлежавшихъ Левашеву. Въ с. Воскресенскомъ каждое воскресенье были большіе базары. Деньги на покупку хлѣба и на уплату оброка крестьяне пріобрѣтали продажею выдѣлываемыхъ ими лѣсныхъ произведеній, состоявшихъ между прочимъ изъ смолы и дегтя, которые добывались въ лѣсахъ, принадлежавшихъ къ имѣнію, и изъ рогожъ, мочала для которыхъ они пріобрѣтали въ казенныхъ лѣсахъ Вятской и Казанской губерній. Но мочала пріобрѣтались только зажиточными крестьянами, которые съ большою выгодою для себя раздавали ихъ бѣднымъ для выработки изъ нихъ рогожъ, кулей и т. п. На послѣднихъ лежалъ огромный трудъ, доставлявшій имъ только возможность кое-какъ пробиваться и уплачивать оброкъ и другія повинности. При болѣзни одного изъ членовъ семейства или при большомъ числѣ очень старыхъ или малолѣтнихъ въ семействѣ, неспособныхъ къ работѣ, оно съ каждымъ годомъ бѣднѣло, и на немъ насчитывались неоплатныя недоимки. Это я говорю о трудо-

любивыхъ крестьянахъ, не предававшихся пьянству, а нерадивыхъ и пьяницъ было множество: ихъ положеніе было еще хуже. Самые бѣдные крестьяне нанимались бурлаками на р. Волгу. Этотъ промыселъ не только не доставлялъ ихъ семьямъ способовъ къ пропитанію, но служилъ къ окончательному разоренію и развращенію крестьянъ, нанимавшихся въ бурлаки, при чемъ ихъ обыкновенно обманывали, а ничтожныя деньги, которыя они получали на руки, были ими пропиваемы.

Макарьевское имѣніе было куплено моимъ тестемъ у камергера Собакина. Отецъ послѣдняго имѣлъ въ одной межѣ огромное количество земли, на которой было поселено до 10 тыс. ревизскихъ душъ мужского пола; третья часть этого имѣнія съ 1831 г. принадлежала моему тестю. Старикъ Собакинъ, у котораго имѣніе было свободно отъ залога, довольствовался оброкомъ по 12 р. асс. (3 р. $42^{3}/_{4}$ к. сер.) въ годъ съ ревизской души. Онъ велъ въ своемъ имѣніи жизнь, очень сходную съ жизнью прославившихся своимъ произволомъ и жестокостями помѣщиковъ Измайлова и князя Грузинскаго. Онъ иногда требовалъ отъ богатыхъ крестьянъ особыхъ приношеній, а иногда безъ видимой причины совершенно разорялъ ихъ и даже ссылалъ въ Сибирь. Произволъ помѣщика падалъ не на всѣхъ, а потому нѣкоторые, платя ничтожный оброкъ и занимаясь промыслами и торговлею, успѣли нажить по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей, а одинъ крестьянинъ, именно Осипъ Ивановъ Лещовъ, нѣсколько сотъ тысячъ рублей сер. Эти богачи были большею частью притѣснителями бѣдныхъ, которыхъ они разоряли, давая имъ взаймы хлѣбъ и мочала за весьма высокіе проценты и заставляя работать на нихъ за самую ничтожную плату. Земская полиція боялась старика Собакина и безъ его требованія не только не смѣла показываться въ его деревняхъ, но и въ его обширныхъ лѣсахъ. Бытъ его крестьянъ живо и вѣрно описанъ въ книгѣ графа Н. С. Толстого «Заволжскіе очерки».

Когда это имѣніе заложили въ сохранной казнѣ по 250 р. асс. за ревизскую душу и слѣдовало ежегодно уплачивать въ казну по 15 р. асс. съ души, 12-рублевый оброкъ оказался недостаточнымъ и былъ возвышенъ до 20 р., а впослѣдствіи, по пріобрѣтеніи этого имѣнія моимъ тестемъ, до 25 р. и, наконецъ, 30 р. асс. съ души. Достаточные крестьяне были въ состояніи перенести это увеличеніе оброка, но бѣдные впали вскорѣ въ неоплатныя недоимки.

Разсмотрѣвъ конторскія книги, я нашелъ, что бурмистромъ имѣнія со старшинами производилась ежегодно раскладка оброка, такъ что не каждая ревизская душа мужского пола была обложена оброкомъ въ 30 р. асс., а богатые крестьяне облагались платежомъ за нѣсколько душъ: за двѣ, три, а нѣкоторые даже за семь душъ, напротивъ того, бѣдные крестьяне платили за $^{3}/_{3}$, $^{1}/_{2}$ и даже $^{1}/_{3}$ души. Но многіе изъ послѣднихъ и этого не уплачивали. По ревизіи было въ имѣніи тестя 3600 душъ, а по раскладкѣ не болѣе 3300, такъ что общій доходъ съ этого имѣнія, если бы оброкъ уплачивался безъ недоимокъ, составлялъ бы 99 тыс. асс., а за уплатою

54 тыс. въ сохранную казну, оставалось бы 45.000 р. асс. (менѣе 13000 р. сер.). Но этихъ денегъ вполнѣ никогда не собиралось. Въ отношеніи къ платежу оброка можно было раздѣлить имѣніе слѣдующимъ образомъ. Съ шестой части имѣнія оброкъ собирался исправно, а съ другой шестой части съ небольшими недоимками, съ половины имѣнія собиралось только рублей около 15 съ души, а съ остальныхъ частей еще менѣе и въ томъ числѣ съ нѣкоторыхъ ничего въ оброкъ не поступало. Въ сохранную же казну должно было платить ежегодно 54 тыс. р. асс., такъ что годовой доходъ съ имѣнія не составлялъ болѣе 20.000 р. асс. (менѣе 6.000 р. сер.), не говоря о неурожайныхъ годахъ, въ которые не собиралось достаточно оброка для полной уплаты въ сохранную казну. Лѣсъ на мѣстѣ не имѣлъ никакой цѣнности, сплавъ лѣса на низовья Волги средствами помѣщика могъ дать небольшую выгоду, но для этого необходимъ былъ личный присмотръ, имѣть же для дѣла повѣреннаго не стоило, потому что пріобрѣтаемою выгодою нельзя было окупить его жалованья и содержанія. Арзамаское и Ардатовское имѣнія тестя давали за уплатою процентовъ въ сохранную казну до 2000 р. сер. годового дохода, такъ что годовой доходъ со всѣхъ его имѣній не превышалъ 8000 р. сер. Ясно, что и для скромной, но нерасчетливой жизни Левашевыхъ, этого было далеко недостаточно и понятно, что долги частнымъ лицамъ и недоимки въ сохранной казнѣ съ каждымъ годомъ расли. Общее же мнѣніе о богатствѣ Левашевыхъ, основанное на значительномъ числѣ крестьянъ въ ихъ имѣніяхъ и на еще болѣе значительномъ количествѣ земли при этихъ имѣніяхъ, было ошибочно: крестьяне платили мало помѣщику, а земли тогда еще ничего не стоили.

Исправить это положеніе дѣлъ я думалъ введеніемъ большаго порядка въ управленіе, при чемъ надѣялся добиться, чтобы оброкъ съ крестьянъ поступалъ безнедоимочно. Тесть мой былъ, повидимому, очень доволенъ тѣмъ, что я подробно занялся дѣлами, говорилъ, что онъ неспособенъ ими управлять, что всѣ управляющіе, которыхъ онъ нанималъ, только брали большое жалованье, притѣсняли крестьянъ, а ему не давали большого дохода, вслѣдствіе чего находилъ полезнымъ, чтобы я, выйдя въ отставку, занялся дѣлами въ пользу всего его семейства, при чемъ надѣялся, что и сплавъ лѣса подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ дастъ большія выгоды. Я, осмотрѣвъ большую часть деревень, нашелъ нѣкоторыхъ крестьянъ живущими въ хорошихъ избахъ, потчевавшихъ меня виноградным виномъ (подъ названіемъ французскаго), конфектами, пряниками, мясомъ, курами и т. п. У этихъ зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ помѣстительной избы, въ которой они жили, была еще большая изба, въ которой они работали, и на дворѣ лежало большое количество лѣса для постройки новыхъ домовъ послѣ пожаровъ, которые были довольно часты и при которыхъ сгоралъ обыкновенно и этотъ запасный лѣсъ.

У богатѣйшаго изъ крестьянъ, Лещова, жившаго въ деревнѣ Чухломкѣ, я былъ вмѣстѣ съ тестемъ. Онъ незадолго передъ этимъ выкупился изъ крѣпостного состоянія, заплативъ тестю моему за двѣ ревизскія души,

т.-е. за себя и за сына, имѣвшаго только дочерей, 40 тыс. р. асс. (болѣе 11.400 р. сер.), но остался жить въ той же деревнѣ, пользуясь мельницами и другими угодьями, которыя онъ устроилъ, находясь еще въ крѣпостномъ состояніи. По пріѣздѣ моемъ съ тестемъ къ этому богатому 70-лѣтнему старику, мы нашли его занятымъ перевозкою навоза на огородъ. Онъ потчевалъ насъ между прочимъ очень хорошимъ шампанскимъ виномъ. Самъ онъ никогда ничего не пилъ, сынъ же его Петръ Осиповъ, находившійся почти постоянно въ отлучкѣ по торговымъ дѣламъ, бывалъ часто пьянъ. Старикъ Лещовъ, наживъ торговлею и притѣсненіями крестьянъ такое огромное состояніе, что у него однѣхъ серій государственнаго казначейства было при его смерти на 300 тыс. р. сер., не умѣлъ читать и до самой смерти, въ 1848 г., не измѣнялъ рода жизни. Наибольшая же часть крестьянъ, хотя и жили въ довольно хорошихъ избахъ, не имѣли достаточной пищи и были изнурены работою, вставая для нея очень рано и ложась поздно. Многія семейства не имѣли ни лошади, ни коровы.

Изъ конторскихъ книгъ я увидалъ, что оброкъ съ крестьянъ собирался еженедѣльно. Мнѣ объяснили, что этотъ еженедѣльный сборъ былъ введенъ по необходимости, такъ какъ при уплатѣ оброка вдругъ за мѣсяцъ или за нѣсколько мѣсяцевъ недоимки были бы еще значительнѣе и что для взноса оброка назначенъ понедѣльникъ потому, что воскресенье базарный день въ с. Воскресенскомъ, гдѣ крестьяне продаютъ выработанныя ими въ продолженіе предшествующей недѣли издѣлія, а старшины каждой деревни могутъ наблюдать за тѣмъ, сколько крестьяне получили денегъ. Старшины приносили оброчныя деньги, которыя могли собрать съ крестьянъ въ понедѣльникъ утромъ, и приводили съ собою тѣхъ недоимщиковъ, которые мало или ничего не уплатили, выручивъ мало или ничего на базарѣ вслѣдствіе лѣни, а также тѣхъ, которые утаивали свою выручку. Тѣхъ и другихъ, по приказанію бурмистра, бывшіе при конторѣ разсыльные изъ крестьянъ сѣкли розгами и весьма сильно, особенно послѣднихъ, которые часто во время наказанія, чтобы избавиться отъ дальнѣйшаго сѣченія, вынимали изъ сапога немного денегъ, и когда ихъ снова принимались сѣчь, уплачивали еще нѣсколько рублей, ими запрятанныхъ въ одеждѣ. Вопли подвергавшихся сѣченію доходили часто и до господскаго дома, стоявшаго недалеко отъ конторы, въ которой происходили экзекуціи. Эти еженедѣльныя сѣченія мнѣ крѣпко не нравились. Не могли они нравиться и тестю моему, человѣку чрезвычайно доброму и жившему многіе годы въ обществѣ декабристовъ, а потомъ Чаадаева и другихъ лицъ, отличавшихся хорошимъ образованіемъ. Но деньги были крайне нужны, недостатокъ въ нихъ былъ тѣмъ невыносимѣе, что всѣ считали тестя моего богатымъ человѣкомъ, какъ онъ и самъ считалъ себя, другихъ же средствъ къ болѣе исправному полученію оброка онъ не видалъ и потому свыкся съ этимъ еженедѣльнымъ сѣченіемъ.

Впрочемъ, крѣпостное право портило всѣ натуры, какъ бы онѣ ни были хороши отъ рожденія и въ какой бы хорошей средѣ онѣ ни обра-

щались. Такъ, услыхавъ о какомъ-то несогласномъ съ моимъ приказаніемъ замѣчаніи, сдѣланномъ очень умнымъ, жившимъ богаче другихъ крестьянъ, старымъ крестьяниномъ Широковымъ, я призвалъ его къ себѣ, схватилъ за бороду, разругалъ и вытолкалъ изъ комнаты. Сознаюсь, что мнѣ тогда казалось, что я былъ правъ и что не было другого средства для приведенія къ повиновенію Широкова, а главное для избѣжанія вредныхъ отъ его замѣчанія послѣдствій на другихъ крестьянъ, на которыхъ онъ своимъ умомъ и мастерствомъ говорить имѣлъ сильное вліяніе, поддерживаемое еще болѣе религіозными его отношеніями къ крестьянамъ. Всѣ крестьяне въ имѣніи Левашева и въ сосѣднихъ имѣніяхъ были старовѣры, хотя большая часть изъ нихъ, придерживаясь разныхъ старыхъ обрядовъ и, между прочимъ, двуперстнаго крестнаго знаменія, ходили въ православныя церкви. Но нѣкоторые изъ крестьянъ, и въ томъ числѣ семейство Широковыхъ и вообще наиболѣе зажиточные, только по наружности принадлежали къ нашей церкви, а на самомъ дѣлѣ имѣли особыя молельни, въ которыхъ совершали богослуженія, и Широковъ между ними былъ старшимъ, въ родѣ архіерея. Этотъ расколъ сильно поддерживался вліяніемъ скитовъ, въ большомъ числѣ имѣвшихся въ лѣсахъ сосѣдняго съ имѣніемъ Левашева Семеновскаго уѣзда, и малою образованностью православнаго духовенства, а также его равнодушіемъ и въ особенности корыстолюбіемъ, вслѣдствіе котораго священники отмѣчали исполняющими религіозныя обязанности православнаго христіанина тѣхъ, которые никогда не только не причащались, но и въ церкви не бывали.

По осмотрѣ деревень моего тестя, я составилъ правила для управленія. Теперь не помню въ чемъ состояли эти правила, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ были непрактичны. Между прочимъ, я полагалъ ввести систему послѣдовательныхъ награжденій для хорошихъ хозяевъ и хорошихъ плательщиковъ оброка и наказаній для дурныхъ хозяевъ и дурныхъ плательщиковъ. Высшая степень награды была, какъ помнится, названіе почетнаго крестьянина. Затѣмъ слѣдовали выдача похвальныхъ листовъ и просто письменная и словесная благодарность. Наказанія же состояли изъ словесныхъ и письменныхъ выговоровъ, денежныхъ штрафовъ и, взамѣнъ еженедѣльнаго отвратительнаго сѣченія розгами, выставка крестьянина къ позорному столбу на опредѣленное число часовъ и засимъ сѣченіе допускалось только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Вскорѣ я долженъ былъ уѣхать изъ имѣнія и написанныя мною правила не были приведены въ дѣйствіе за исключеніемъ того, что изъ всей волости одинъ крестьянинъ Григорій Аѳанасьевъ былъ признанъ заслуживающимъ званія почетнаго крестьянина.

Сверхъ 30 р. асс., которые положено было взимать въ оброкъ помѣщику съ окладной души, взимался еще, по мѣрѣ надобности, особый сборъ, очень мѣтко названный «черноборомъ». Приходу и расходу его велся особый счетъ. На этотъ черноборъ относились расходы по уплатѣ подушныхъ повинностей, дорожныхъ, по препровожденію арестантовъ, на содержаніе

лошадей для проѣзда земской полиціи и другихъ служащихъ, на жалованье бурмистра и другихъ должностныхъ по имѣнію лицъ, на взятки, которыя давались всѣмъ уѣзднымъ властямъ по разнымъ дѣламъ и при ихъ пріѣздѣ въ имѣніе, на ихъ угощеніе въ заѣзжей избѣ и т. п. Повинности дорожная и по препровожденію арестантовъ должны были отбываться натурою, но такъ какъ участки казанскаго тракта, которые обязаны были содержать въ порядкѣ крестьяне Левашева, находились въ 150 верстахъ отъ имѣнія, то найдено было болѣе выгоднымъ нанимать для этого исправленія подрядчиковъ. Равно вмѣсто поставки подводъ для препровожденія арестантовъ по казанскому, т.-е. сибирскому тракту, крестьяне уплачивали деньгами. Пріисканіе подрядчиковъ для исправленія казанскаго тракта и на наемъ подводъ для арестантовъ принимали на себя уѣздные исправники и, конечно, назначали для этого сумму, значительно превышавшую ту, которая дѣйствительно требовалась, въ особенности если принять въ соображеніе, что дорожные участки содержались ими въ большой неисправности. Разстояніе отъ имѣнія Левашева до уѣзднаго города Макарьева было 120 верстъ и на всемъ этомъ протяженіи росли лѣса, а потому на каждыхъ 30 верстахъ были учреждены станціи съ нѣсколькими тройками лошадей для перевозки чиновъ земской полиціи и другихъ уѣздныхъ властей, а также для проѣздовъ бурмистра и другихъ служащихъ въ уѣздный городъ. На содержаніе этихъ лошадей собиралась довольно значительная сумма съ крестьянъ имѣнія Левашева и другихъ, его окружающихъ. Всѣ полицейскіе чины во избѣжаніе придирокъ, которыя они всегда могли бы сдѣлать по разнымъ случаямъ, получали ежегодное содержаніе изъ суммы «чернобора». Сверхъ того, при проѣздѣ черезъ имѣніе какъ этихъ чиновъ, такъ и другихъ уѣздныхъ властей, имъ давали по нѣскольку золотыхъ монетъ и угощали въ заѣзжей избѣ.

Такъ, въ бытность мою въ имѣніи, пріѣхалъ уѣздный судья, о чемъ доложили тестю и мнѣ. Это было передъ обѣдомъ. Мы приказали его просить обѣдать съ нами, но бурмистръ пришелъ сказать, что судья уже былъ угощенъ и что необходимо ему дать нѣсколько золотыхъ. Я спросилъ, есть ли какое дѣло въ уѣздномъ судѣ по имѣнію. Отвѣтъ былъ отрицательный, но тѣмъ не менѣе, по настоянію бурмистра, я приказалъ выдать 5 пятирублевыхъ золотыхъ монетъ. При уплатѣ подушныхъ денегъ давали взятку уѣздному казначею. Однимъ словомъ, ни шагу не дѣлалось безъ взятокъ и чего я прежде нигдѣ не слыхалъ, это—что уѣздный предводитель дворянства также бралъ взятки. Въ заволжской части Макарьевскаго уѣзда, наиболѣе обширной, тогда почти никто изъ помѣщиковъ не жилъ. На дворянскихъ выборахъ бывало нѣсколько помѣщиковъ этого уѣзда, владѣльцевъ имѣній, лежащихъ на правомъ берегу р. Волги и не желавшихъ баллотироваться въ должности. По малочисленности этихъ помѣщиковъ, для производства выборовъ въ разныя по уѣзду должности ихъ присоединяли къ другому уѣзду. При такомъ порядкѣ вещей понятно, что выбирались въ должности лица неблагонадежныя, и между прочимъ

въ уѣздные предводители былъ выбранъ въ предыдущее трехлѣтіе Коризна, о которомъ говорили, что въ заволжской части Макарьевскаго уѣзда всего одинъ дворянинъ, и тотъ Укоризна.

Сумма, взимаемая въ черноборъ, не была опредѣленная, а взималась по мѣрѣ надобности, которая съ каждымъ годомъ увеличивалась. Средняя же уплата въ черноборъ за послѣдніе годы составляла около 15 р. асс. съ окладной души. Я нашелъ полезнымъ не вести особаго счета чернобору, а присоединить его къ оброку, такъ что съ каждой окладной души должно было взиматься по 45 р. асс., и затѣмъ уплату подушныхъ и всѣ другіе вышеупомянутые расходы, производившіеся насчетъ чернобора, производить изъ общихъ суммъ. Мѣру эту я находилъ полезною въ томъ отношеніи, что налогъ на крестьянъ для составленія суммы, потребной на черноборъ, не могъ болѣе увеличиваться, какъ это было постоянно въ прежніе годы, и въ томъ, что расходъ его подвергался наравнѣ съ оброчною суммою постоянному контролю помѣщика, вслѣдствіе чего я надѣялся, что этихъ 15 р. асс., сбираемыхъ съ окладной души, будетъ не только достаточно на всѣ расходы, но что будутъ еще и остатки, и затѣмъ помѣщикъ получитъ болѣе дохода съ имѣнія въ слѣдующіе годы, чѣмъ въ предшествовавшіе. Это была единственная мѣра изъ всѣхъ мною предложенныхъ, которая удержалась во всемъ имѣніи моего тестя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а въ части, отдѣленной моей женѣ, до освобожденія крестьянъ въ 1861 г. она дѣйствительно оказалась полезною и для крестьянъ и для помѣщиковъ.

Въ числѣ пріятельницъ моей жены, когда она была еще въ домѣ родителей, были сестры Шеншины, изъ нихъ въ особенности Анна Семеновна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за двоюроднаго своего дядю Владиміра Александровича Шеншина.

У нихъ жена моя и ея сестра познакомились съ ихъ двоюродною сестрою графинею Александрою Сергѣевною Толстою, дочерью графа Сергѣя Васильевича, бывшаго Нижегородскимъ вице-губернаторомъ въ то время, когда вице-губернаторами были предсѣдатели казенныхъ палатъ, которымъ подвѣдомственна была казенная винная продажа (винные откупа были возобновлены съ 1827 г.), и эта операція доставляла вице-губернаторамъ весьма значительные незаконные доходы. Разсказываютъ, что когда Императоръ Александръ I, обративъ вниманіе, что вдругъ съѣхалось много губернаторовъ въ Петербургъ, спросилъ о причинѣ такого съѣзда, то извѣстный шутникъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ отвѣчалъ, что губернаторы пріѣхали просить о назначеніи ихъ вице-губернаторами. Графъ С. В. Толстой, пользуясь этими незаконными доходами, жилъ очень роскошно, но выйдя въ отставку, не имѣлъ почти никакого состоянія, такъ что вскорѣ послѣ его смерти многочисленное его семейство осталось въ бѣдности. Помню, что въ первое мое знакомство въ 1826 г. съ семействомъ Толстыхъ, когда они жили въ Москвѣ на Прѣсненскихъ прудахъ, я во всякое время дня заставалъ всѣхъ дѣтей Толстыхъ выдѣ-

лывающими, стоя за стульями, разныя па. Танцы и музыка составляли главную часть ихъ ученія. Старшая дочь Толстыхъ Екатерина была большою пріятельницею моей сестры; въ 1839 г. она была уже замужемъ за Кирѣевскимъ. Вторая, Настасья, была замужемъ за Моисѣевымъ, а третья, Александра, съ братьями и сестрою жили съ матерью въ нижегородской деревнѣ. Александра Толстая бывала у насъ нѣсколько разъ въ послѣднее наше пребываніе въ Нижнемъ Новгородѣ. Она была недурна собою, очень хитра и большая мастерица привязать къ себѣ тѣхъ, въ коихъ имѣла надобность. Начитавшись всякой всячины, она была преисполнена нигилистическихъ идей (хотя это слово было изобрѣтено гораздо позже) и очень нравилась моей женѣ и свояченицѣ.

А. С. Толстая обѣщалась пріѣхать погостить у насъ въ деревнѣ и не замедлила исполнить свое обѣщаніе, при чемъ привезла съ собою старшаго брата своего графа Николая Сергѣевича. Мѣсяцъ, проведенный ею въ деревнѣ Левашева, она употребила на то, чтобы еще болѣе разными уловками привязать къ себѣ жену мою и свояченицу и на кокетничанье съ тестемъ. Ея кошачьи манеры мнѣ очень не нравились.

Братъ ея былъ простой откровенный человѣкъ. Онъ часто игралъ съ тестемъ моимъ въ шахматы, при чемъ они постоянно и не на шутку ссорились. Онъ послѣ образованія въ родительскомъ домѣ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, изъ которой вышелъ въ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ. Полкъ стоялъ въ Кронштадтѣ и это только могло его избавить отъ взысканій за незнаніе фронтовой службы и въ особенности за малое къ ней усердіе. Впрочемъ, онъ извѣстенъ былъ за большого чудака всему гвардейскому корпусу и бывшему его командиру великому князю Михаилу Павловичу. Онъ очень любилъ музыку и охоту и, стоя въ Красносельскомъ лагерѣ, много игралъ на скрипкѣ и держалъ медвѣдей (помнится, четырехъ). Выйдя въ отставку, онъ жилъ въ деревнѣ съ матерью. Онъ много говорилъ, любилъ длинно разсказывать анекдоты временъ Екатерины и Павла, а о позднѣйшемъ времени ничего не зналъ. Онъ очень не нравился моему тестю, который неоднократно выражалъ свои опасенія, что онъ пріѣхалъ свататься за мою свояченицу, но тесть мой увѣрялъ, что ни за что не согласится отдать за него свою дочь. Кромѣ низкаго нравственнаго и умственнаго образованія и вспыльчиваго характера Толстого, тесть мой находилъ въ немъ и физическіе недостатки, хотя Толстой былъ красивъ лицомъ и имѣлъ прекрасную, очень шедшую къ его лицу бороду, которую онъ впрочемъ чернилъ; онъ вообще очень занимался своею наружностію. Но тесть старался находить въ немъ все дурное.

По пріѣздѣ нашемъ въ деревню тесть мой написалъ черновое прошеніе о выдѣлѣ женѣ моей той самой части его имѣнія, которая была ей обѣщана имъ и его покойною женою, а именно дер. Галибихи съ окружающими ее деревнями, въ коихъ было поселено 600 душъ и состояло 9 тыс. десятинъ земли. Желая, чтобы мы остались жить въ этомъ имѣніи,

тесть сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ его крестьяне вывозили потребное количество бревенъ для постройки намъ дома по составленному мною чертежу, на берегу р. Ветлуги, близъ деревни Галибихи, на мѣстѣ имъ вмѣстѣ со мною выбранномъ. Онъ постоянно наблюдалъ за успѣхомъ вывозки лѣса и выговаривалъ бурмистру, когда замѣчалъ, что она производится медленно. Постройка фундамента подъ домъ уже была начата. Въ половинѣ октября тесть объявилъ мнѣ, что онъ раздумалъ отдавать женѣ моей наилучшую часть своего имѣнія и замѣняетъ ее другою частію. Подобное измѣненіе не могло притти въ голову самому тестю. По тону, съ которымъ онъ мнѣ это высказалъ, ясно было, что онъ дѣйствовалъ по чьему-то наущенію, по чьему—не знаю и до сего времени. Тесть однако же полагалъ выдѣлить женѣ моей не ровную часть по количеству душъ и десятинъ земли, а гораздо бо́льшую и именно такую, которая могла бы, по составленному имъ расчету, приносить чистаго дохода столько же, сколько и обѣщанная часть. Въ послѣдней было 600 ревизскихъ душъ крестьянъ, но по причинѣ хорошаго состоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ число окладныхъ душъ было болѣе, и именно равнялось 680, такъ что весь оброкъ по 30 р. съ окладной души составлялъ 19400 р., а за уплатою ежегодно 9000 р. въ сохранную казну, чистаго дохода оставалось 10400 р. асс. въ годъ. Вмѣсто этого тесть назначилъ женѣ моей 16 деревень, находящихся въ одной межѣ, и въ томъ числѣ дер. Чухломку, въ которой было нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ и которая была всего въ двухъ верстахъ разстоянія отъ базарнаго с. Воскресенскаго на р. Ветлугѣ. Въ означенныхъ 16 деревняхъ было 1067 ревизскихъ душъ крестьянъ, но по бѣдности многихъ изъ нихъ окладныхъ душъ въ этихъ деревняхъ было всего 880, такъ что весь оброкъ составлялъ 26400 р., а за ежегодною уплатою въ сохранную казну 16005 р., чистаго дохода оставалось 10395 р. асс., т.-е. почти та же сумма, которая получалась и съ прежде обѣщанной части.

Расчетъ этотъ однакоже былъ вѣренъ только на бумагѣ. Крестьяне прежде обѣщанной части имѣнія платили положенный на нихъ оброкъ безнедоимочно, а на крестьянахъ вновь назначаемой части постоянно накоплялись недоимки; уплата же 16,005 р. въ сохранную казну требовалась ежегодно и затѣмъ оставалось чистаго дохода не болѣе 5000 р. асс., т.-е. менѣе половины того, что предполагалось получать женѣ моей. Конечно, при вновь назначаемыхъ 1067 душахъ было, считая по 16 десят. на душу, 16005 дес. земли, слѣдовательно на 7000 дес. болѣе, чѣмъ въ прежде обѣщанной части, но я уже говорилъ, что въ этой мѣстности въ то время земля не имѣла никакой цѣнности.

Такое внезапное измѣненіе со стороны моего тестя не могло не охладить нашихъ отношеній, и я рѣшился немедля ѣхать въ Москву и тамъ стараться добывать своими трудами деньги, необходимыя для жизни. Въ началѣ второй половины октября я съ женою выѣхалъ изъ имѣнія тестя, который насъ провожалъ до г. Семенова съ старшей своей дочерью и Толстыми, братомъ и сестрою. Послѣдніе изъ Семенова поѣхали въ имѣніе

своей матери, въ Княгининскомъ уѣздѣ. Тесть мой совершилъ въ Семеновѣ на имя мое довѣренность, которою онъ поручалъ мнѣ выдѣлить женѣ моей изъ его имѣнія 1067 душъ съ принадлежащимъ къ нимъ количествомъ земли и съ перечисленіемъ лежащаго на нихъ долга сохранной казнѣ, и затѣмъ возвратился съ старшею дочерью въ свое имѣніе.

По пріѣздѣ въ Москву я немедля приступилъ къ совершенію отдѣльной записи на имя жены моей. Крѣпостные акты совершались тогда во 2-мъ департаментѣ Московской палаты гражданскаго суда. По наведеннымъ мною справкамъ въ этой палатѣ требовалось, чтобы я представилъ прошеніе объ отдѣлѣ и при немъ довѣренность тестя и отдѣльную запись, написанную на гербовомъ листѣ достоинствомъ, какъ помнится, слишкомъ въ 300 р. сер. За явку этой записи въ палатѣ требовали въ пользу чиновниковъ палаты взятку въ 2500 р. асс. (болѣе 700 р. сер.) и на приведеніе къ окончанію этого дѣла назначили очень отдаленный срокъ, такъ какъ полагали необходимымъ послать выданную мнѣ тестемъ довѣренность въ Нижегородскую палату гражданскаго суда для снятія допроса съ тестя моего, которымъ онъ подтвердилъ бы сдѣланное въ довѣренности распоряженіе. При этомъ предварили меня, что если въ представленной мною записи найдено будетъ что-либо написанное несообразно съ законами или установленною формою, то она будетъ мнѣ возвращена, и я обязанъ буду представить новую на гербовомъ листѣ такого же достоинства. Я не имѣлъ денегъ, чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ 2-го департамента гражданской палаты. Сверхъ того отдаленіе на дальній срокъ окончанія дѣла по совершенію отдѣльной записи меня тревожило. Переписка между мною и тестемъ дѣлалась по разнымъ причинамъ съ каждымъ письмомъ непріятнѣе, и я опасался, что онъ, при допросѣ его о подтвержденіи сдѣланнаго имъ въ довѣренности распоряженія, можетъ отъ него отказаться или просто уничтожить данную мнѣ довѣренность. Не помню, какой благодѣтельный человѣкъ мнѣ сказалъ, что купчія крѣпости и дарственныя записи дѣйствительно совершаются только во 2-мъ департаментѣ палаты, но что отдѣльныя записи, при совершеніи которыхъ не берется крѣпостныхъ пошлинъ, могутъ быть совершаемы и въ 1-мъ департаментѣ той же палаты. Въ этомъ департаментѣ сказали мнѣ, чтобы я подалъ прошеніе объ отдѣлѣ съ прибавленіемъ довѣренности тестя и чистаго листа гербовой бумаги для написанія отдѣльной записи, что допрашивать тестя о подтвержденіи сдѣланнаго имъ въ довѣренности распоряженія считается излишнимъ, что на окончаніе этого дѣла требуется всего дней восемь, а вознагражденіе чиновниковъ палаты предоставляется моему усмотрѣнію. При этомъ совѣтовали мнѣ представить чистый листъ гербовой бумаги для отдѣльной записи, а самому на немъ ничего не писать, потому что если я сдѣлаю въ записи ошибку, то принужденъ буду купить новый листъ бумаги (болѣе чѣмъ въ 300 р. сер.), а если ошибется писецъ палаты, то перемѣна листа будетъ стоить нѣсколько копѣекъ. Я подалъ прошеніе въ 1-й департаментъ съ вышеписанными приложеніями и че-

резъ недѣлю получилъ засвидѣтельствованную отдѣльную запись, давъ чиновникамъ палаты 400 р. или 500 р. асс. (114 р. или 143 р. сер.), за которые они меня очень благодарили, будучи видимо довольны этимъ вознагражденіемъ. Вотъ до какой степени была велика разница по совершенію отдѣльныхъ записей въ двухъ департаментахъ одной палаты, помѣщавшихся въ одномъ домѣ, и для которыхъ, само собою разумѣется, были обязательны одни законы. Такимъ образомъ я въ мартѣ 1840 г. сдѣлался помѣщикомъ 1067 душъ крестьянъ мужского пола съ 16 тыс. десятинъ земли. По наружности я казался богачомъ, а на дѣлѣ нечѣмъ было жить.

Но этимъ не кончились мои заботы объ отдѣлѣ жены моей. Имѣніе моего тестя было заложено въ Московской сохранной казнѣ и на немъ по этой казнѣ накопилось недоимокъ по уплатѣ процентовъ за полтора года. Московскій опекунскій совѣтъ, разрѣшая отдѣлъ женѣ моей, требовалъ, чтобы всѣ займы тестя, въ которыхъ заключались отдѣляемыя имъ дочери деревни, были приведены въ порядокъ. Для этого требовалась значительная сумма денегъ, которой не имѣли ни я, ни тесть мой. Вслѣдствіе настоятельныхъ моихъ просьбъ опекунскій совѣтъ согласился отдѣлить по своимъ счетамъ въ особый заемъ деревни, отошедшія къ женѣ моей съ тѣмъ, чтобы была очищена недоимка не по всѣмъ займамъ тестя, въ которыхъ заключались означенныя деревни, а собственно только недоимка, причитавшаяся на то число крестьянъ, которое поступило въ отдѣлъ женѣ моей. Но и на это требовалось около 7000 р. сер., уплату которыхъ тесть мой возложилъ на меня. Видя, что дѣла тестя съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе запутываются и что при правильномъ мною взносѣ процентовъ въ сохранную казну имѣніе жены моей можетъ подвергнуться аукціонной продажѣ за неплатежъ тестемъ процентовъ по тѣмъ займамъ, которые были сдѣланы подъ деревни, отходящія къ женѣ моей, вмѣстѣ съ деревнями, оставшимися въ его владѣніи, я рѣшился для отдѣла и по сохранной казнѣ имѣнія жены моей отъ имѣнія тестя принять на себя уплату означенныхъ 7000 р. сер. и обратился къ зятю моему С. А. Викулину, жившему въ это время въ своемъ селѣ Колодезскомъ, чтобы онъ мнѣ ихъ далъ взаймы подъ заемное письмо. По настоятельной просьбѣ сестры моей онъ согласился дать деньги, назначивъ ихъ получить въ Рязани, гдѣ ему вскорѣ слѣдовала въ выдачу эта сумма изъ какого-то присутственнаго мѣста. Конечно, я благодарилъ его за это и сестру мою, но сознаюсь, что про себя бранилъ его за скупость. Воображая его большимъ капиталистомъ, чѣмъ онъ однако, какъ оказалось впослѣдствіи, не былъ, я досадовалъ на него, что онъ вмѣсто присылки мнѣ денегъ откладывалъ полученіе ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣйствительно, эти деньги были получены мною въ концѣ 1840 г., и какъ я въ это время былъ командированъ на Кавказъ, то дѣло по взносу денегъ въ сохранную казну съ тѣмъ, чтобы деревни жены моей числились въ особомъ отъ деревень тестя моего займѣ, принялъ на себя Ѳедоръ Николаевичъ Лугининъ, женатый на Варварѣ Петровнѣ Полуденской, который все это дѣло и привелъ къ желаемому

окончанію въ началѣ 1841 г., въ бытность мою на Кавказѣ. Платежъ процентовъ по заемному письму, выданному мною зятю моему, полагая по 6 со ста въ годъ, составлялъ бы ежегодно 420 р. сер. (1470 р. асс.) и настолько уменьшился бы и безъ того ничтожный мой доходъ. Но этихъ процентовъ я ни разу не платилъ: зять подарилъ заемное письмо моей сестрѣ и черезъ полгода умеръ, а сестра послѣ его смерти разорвала заемное письмо и никогда не хотѣла слышать объ уплатѣ должныхъ мною ей денегъ.

Я уже говорилъ, что мы выѣхали изъ деревни тестя во второй половинѣ октября. Дорога, по позднему времени года, была очень затруднительна. До Семенова я съ тестемъ ѣхалъ въ тарантасѣ, который два раза опрокидывался. Черезъ Волгу, по которой шелъ осенній ледъ, мы съ трудомъ переѣхали. Жена моя очень боялась воды съ тѣхъ поръ, какъ едва не потонула, катаясь въ лодкѣ на пруду въ с. Кузьминкахъ, имѣніи князя С. М. Голицына, близъ самой Москвы, гостя у жившихъ тамъ Полуденскихъ. Это былъ съ нею второй случай. Еще ребенкомъ въ своей Смоленской деревнѣ она тонула въ виду стоявшей на берегу ея матери и съ трудомъ была спасена. На нѣкоторыхъ протяженіяхъ бывшей еще тогда грунтовой дороги отъ Нижняго до Москвы мы тащились въ наемныхъ салазкахъ по замерзшей землѣ, а карета наша съ вещами слѣдовала за нами.

По пріѣздѣ въ Москву первою моею заботою было искать службу, въ которой жалованье вмѣстѣ съ получаемымъ доходомъ съ имѣнія жены моей было бы достаточно для нашей жизни. Мнѣ было ясно, что мой начальникъ Полѣновъ, по недоброжелательству ко мнѣ, не будетъ занимать меня дѣятельною службою, а привыкать къ праздности мнѣ не приходилось, и я обратился къ прежнему моему начальнику, полковнику Максимову, бывшему въ это время начальникомъ работъ, производившихся въ Москвѣ отъ вѣдомства путей сообщенія, чтобы онъ, впредь до пріисканія мною другого рода службы, исходатайствовалъ о назначеніи меня въ его вѣдѣніе и далъ бы мнѣ какія-либо занятія. Вслѣдствіе этого ходатайства я въ ноябрѣ 1839 г. назначенъ помощникомъ начальника работъ въ Москвѣ. Въ это время былъ уже составленъ полковникомъ Максимовымъ проектъ снабженія водою Московскаго Воспитательнаго дома, который назначено было привести въ исполненіе въ 1840 г. Максимовъ поручилъ мнѣ составить смѣту и объявилъ, что онъ меня назначитъ производителемъ работъ по означенному водоснабженію, при чемъ я буду получать отъ Воспитательнаго дома особое содержаніе сверхъ получаемаго мною по чину.

Въ Москвѣ мы остановились въ прежней нашей квартирѣ, во флигелѣ дома Левашевыхъ, который ими былъ собственно для насъ перестроенъ. Флигель былъ довольно длинный, но узкій, съ небольшими окнами и простѣнками. Комнаты были низки. Онѣ были распредѣлены въ два ряда безъ коридора между ними. Окна перваго ряда выходили на передній,

а второго на задній дворъ. Въ первомъ были передняя объ одномъ окнѣ, чайная о двухъ, столовая о трехъ и гостиная о четырехъ окнахъ; во второмъ ряду были мой кабинетъ о четырехъ окнахъ, сѣни объ одномъ окнѣ, дѣвичья о двухъ и спальня о трехъ окнахъ; въ спальнѣ былъ отдѣленъ перегородкою маленькій кабинетъ объ одномъ окнѣ для жены моей; сверхъ того имѣлся мезонинъ о двухъ маленькихъ комнатахъ.

Въ 1839 г. были маневры въ Бородинѣ, на которыхъ участвовалъ прикомандированный къ генеральному штабу братъ мой Николай. Послѣ маневровъ онъ пріѣхалъ въ Москву и остановился у насъ. Вскорѣ пріѣхала и мать моя, также у насъ остановившаяся.

Она помѣстилась въ моемъ кабинетѣ, а братъ спалъ въ столовой. Чрезвычайно живой, онъ часто рѣзвился съ моею женою и посѣщавшими ее пріятельницами. Всѣ его очень полюбили. Онъ неохотно выѣзжалъ по утрамъ для визитовъ, дѣлать которые мать наша поставляла ему въ обязанность. Вскорѣ она заболѣла и лежала въ моемъ кабинетѣ. Часто случалось, что приказавъ брату немедля ѣхать къ кому-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, она вдругъ, спустя нѣсколько времени, слышала, что братъ играетъ на фортепіано или шумитъ рѣзвясь. Тогда она давала ему нагоняй и приказывала немедля ѣхать по ея указанію. Но въ этихъ замѣчаніяхъ матери никогда не было строгости. Она была рада, что ея сынъ проводитъ весело время въ своей семьѣ и что онъ своимъ добрымъ сердцемъ и живостію пріобрѣлъ общую любовь.

Во время болѣзни матери, которая усилилась при полученіи извѣстія о смерти сестры моего зятя С. А. Викулина, Елизаветы Алексѣевны Лаухиной, по первому мужу Танѣевой, съ которой она была очень дружна, жившая у насъ Е. Е. Радзевская ухаживала за моею матерью какъ рѣдкая родная. Изъ Нижегородской деревни намъ было прислано по первому зимнему пути много дичи и стерлядей, которыхъ умѣютъ тамъ такъ замораживать, что приготовленныя изъ нихъ кушанья трудно различить отъ кушаній приготовленныхъ изъ живыхъ стерлядей. Мать моя соблюдала всѣ посты. Въ шестинедѣльный Рождественскій постъ ей часто подавали кушанье изъ стерлядей, которымъ, а равно вообще постнымъ столомъ, она была очень довольна. Мы никогда не ѣли постнаго, но несмотря на это поваръ Ѳедоръ Титовъ, изъ семейства дворовыхъ людей бывшей Смоленской деревни моей тещи, не проданный ею при продажѣ этой деревни, поступившій къ намъ 18 лѣтъ отъ роду въ самый день нашей свадьбы, умѣлъ хорошо готовить и постное кушанье. Скоромный столъ онъ постоянно готовилъ хорошо и изъ хорошей провизіи. Мы постоянно принимали къ обѣду гостей, и хотя насъ жило только трое въ домѣ, но поваръ имѣлъ даръ всегда подавать кушанья въ количествѣ достаточномъ и для всѣхъ пришедшихъ къ нашему обѣду. Онъ теперь (1873 г.) служитъ у насъ 35-й годъ.

Я говорилъ уже, что во время нашей свадьбы жена моя не понравилась моей матери, которой между прочимъ очень была непріятна привычка моей жены курить трубку. Привычка эта была ей навязана докторомъ

Ѳ. А. Гильдебрандтомъ, который въ то время, когда запрещено было куреніе на улицахъ, одинъ во всей Россіи имѣлъ дозволеніе курить вездѣ, чѣмъ постоянно пользовался и, бывая часто у Левашевыхъ, давалъ женѣ моей сигары и требовалъ, чтобы она ихъ курила. Впрочемъ сигары, которыя онъ постоянно курилъ, были отвратительны. Въ угожденіе моей матери жена при ней не курила, что считала однако для себя большимъ лишеніемъ. Мать моя, поживя съ нами, оцѣнила и умъ и добрѣйшее сердце моей жены, такъ что очень къ ней привязалась. Несмотря на свою самостоятельность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгость къ своимъ дѣтямъ и вообще къ молодымъ людямъ отъ нея зависѣвшимъ, она не только приглашала жену курить при ней, но и сама иногда подавала ей трубку. Упоминаю объ этомъ, какъ о необыкновенномъ снисхожденіи матери моей, женщины большого ума и чрезвычайной доброты, но строгой въ жизни и любившей сохраненіе всѣхъ старыхъ обычаевъ. Когда ей говорили, что она балуетъ жену мою въ противность ея принципамъ, то она отвѣчала, что понимаетъ, почему послѣднюю баловала покойная мать ея, что жена моя рождена для того, чтобы быть балованною.

Въ бытность нашу въ Нижнемъ Новгородѣ лѣтомъ 1839 г. сестра съ мужемъ и матерью пріѣзжали въ Москву, гдѣ сестра родила 13-го августа дочь. Мать моя согласилась назвать ее Эмиліею (имя жены моей) въ надеждѣ, что она будетъ также всѣми любима, какъ ея соименница, и также всѣми балуема, и сама собиралась ее воспитывать не такъ строго, какъ свою старшую внучку Валентину. Она прожила послѣ этого только 5 лѣтъ, но дѣйствительно была уже замѣтна разница въ начальномъ воспитаніи ея двухъ внучекъ.

Въ 1840 году 12 января, въ день Св. Татіаны, мать моя поѣхала съ нами къ обѣднѣ въ церковь Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ въ Замоскворѣчьѣ. Тамъ въ послѣдній разъ видѣлъ я моего товарища по Институту инженеровъ путей сообщенія Діомида Васильевича Пассека, столько впослѣдствіи прославившагося и рано погибшаго на Кавказѣ. Я уже говорилъ, что всѣ воспитанники нашего выпуска отказались поступить во вновь образованную военную академію. Пассекъ, по поступленіи на дѣйствительную службу, состоялъ при работахъ и при составленіи проектовъ мостовъ по Московскому шоссе и репетиторомъ въ Институтѣ путей сообщенія. Но всѣ эти обязанности были не по немъ. Чрезвычайно пылкій, воспріимчивый, жаждущій дѣятельности и славы, онъ мало радѣлъ въ означенныхъ должностяхъ и видя, что поле дѣятельности для него можетъ представить, по тогдашнему положенію Россіи, только военная служба, онъ, несмотря на то, что въ 1832 г. отказался отъ слушанія курса въ военной академіи, поступилъ въ нее, и когда я его встрѣтилъ въ церкви всѣхъ скорбящихъ, онъ уже былъ въ генеральномъ штабѣ въ чинѣ капитана.

Время его служенія въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія ознаменовалось только слѣдующимъ. Когда онъ былъ посланъ для составленія проектовъ мостовъ на Московскомъ шоссе съ обязанностію жить въ Новгородѣ,

онъ жилъ въ Москвѣ въ Сокольникахъ, гдѣ у него собиралась прежняя университетская молодежь, предъ которой онъ громогласно ораторствовалъ, безъ чего онъ не могъ существовать. Эти собранія обратили вниманіе полиціи, весьма тогда подозрительной. О нихъ довели до свѣдѣнія главноуправляющаго путями сообщенія графа Толя, и Пассеку велѣно было жить въ Новгородѣ, хотя онъ и объяснялъ, что порученные ему проекты мостовъ онъ можетъ составлять и въ Москвѣ. Въ бытность Пассека репетиторомъ въ Институтѣ онъ однажды, возвращаясь съ репетиціи домой, встрѣтилъ какого-то господина, который не посторонился и толкнулъ его. Пассекъ замѣтилъ, что это неучтиво, и пройдя нѣсколько шаговъ, почувствовалъ, что кто-то вскочилъ ему на плечи и его душитъ такъ, что онъ съ большимъ трудомъ могъ разстегнуть крючекъ своей шинели; она съ него спала, а вмѣстѣ съ нею упалъ душившій его господинъ, въ которомъ онъ узналъ незадолго предъ тѣмъ его толкнувшаго. Пассекъ схватилъ его за ноги, протащилъ по тротуару, мостовой и крыльцу Института и, оставивъ его окровавленнымъ въ швейцарской, пошелъ къ инспектору Резимону объявить о всемъ происшедшемъ. Притащенный имъ господинъ оказался чиновникомъ.

За Бородинскіе маневры Пассекъ получилъ орденъ Св. Станислава 3 ст. и до того былъ недоволенъ этою наградою, что вездѣ публично заявлялъ свое неудовольствіе. Братъ мой Николай, бывшій на этихъ же маневрахъ, говорилъ мнѣ, что эти заявленія Пассека доходили до того, что всѣ его товарищи опасались, что его отставятъ и сошлютъ. Несмотря на то, что прошло уже 4 мѣсяца по полученіи имъ этой награды въ то время, когда мы встрѣтились въ церкви, онъ нисколько не угомонился. Почти всю обѣдню проговорилъ со мною, заявляя крайнее неудовольствіе на свое начальство, которое не сумѣло оцѣнить его. Сравнивая мое положеніе съ своимъ, онъ говорилъ, что я, не учившись какъ онъ ни въ университетѣ, ни въ военной академіи, такой же, какъ онъ капитанъ и, сверхъ того, имѣю уже два года орденъ старшій полученнаго имъ ордена. Отдавая справедливость выгодамъ, полученнымъ казною отъ изобрѣтеннаго мною способа устройства ключевыхъ бассейновъ, онъ все же находилъ, что при его способностяхъ и познаніяхъ должно было его скорѣе подвигать, чѣмъ меня. Тогда же онъ мнѣ сказалъ, что ѣдетъ на Кавказъ, чтобы тамъ испробовать счастія. Дѣйствительно, онъ вскорѣ уѣхалъ, и честолюбіе его было вполнѣ удовлетворено: онъ въ короткое время получилъ чинъ подполковника, полковника и генералъ-маіора, тогда какъ я все еще оставался капитаномъ. Всѣ эти чины и другія награды были вполнѣ имъ заслужены. Извѣстно, что онъ былъ убитъ въ несчастную экспедицію 1845 г. Впрочемъ трудно было ожидать, чтобы онъ, по причинѣ своей рѣзкости, неумѣнья жить въ свѣтѣ и постоянно дурныхъ отношеній къ начальствующимъ лицамъ, могъ, въ особенности въ то время, сдѣлать дальнѣйшую карьеру. Человѣкъ съ такою энергіею не былъ созданъ для тогдашняго времени. Говорятъ, что онъ съ первой встрѣчи не понравился назначенному въ 1845 г. главнокомандующимъ на Кавказѣ графу Михаилу Семеновичу Воронцову, котораго даже обвиняли, конечно,

несправедливо въ томъ, что онъ съ намѣреніемъ погубилъ Пассека,ославъ послѣдняго въ экспедицію, въ которой онъ геройски кончилъ жизнь.

Въ началѣ 1840 г. пріѣхала въ Москву свояченица моя Лидія и привезла съ собою графиню А. С. Толстую. Онѣ помѣстились у насъ въ одной изъ комнатъ мезонина. Такимъ образомъ въ нашемъ маленькомъ флигелѣ собралось много живущихъ и мы садились за обѣдъ не менѣе 8 человѣкъ, въ томъ числѣ шуринъ мой Валерій, жившій въ одномъ изъ флигелей дома Левашевыхъ. Онъ былъ двумя годами моложе моей жены, которая была съ нимъ дружнѣе, чѣмъ съ другими братьями. Я также его любилъ болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ членовъ семейства моей жены, и несмотря на то, что ни отъ кого мы не испытали столькихъ неудовольствій, наша къ нему привязанность осталась и до сего времени (1873 г.) неизмѣнною. Такъ бываютъ необъяснимыя симпатіи къ лицамъ, которымъ прощаются всѣ причиняемыя ими неудовольствія, тогда какъ другимъ лицамъ ничего не прощается. Валерій очень добрый малый, но стольже слабаго характера, какъ и его отецъ. Онъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, сверхъ того, по врожденной скупости и постоянному влеченію къ обогащенію, онъ и самъ, безъ посторонняго вліянія, могъ дѣлать непріятности тѣмъ, кого онъ считалъ лишающими его достоянія, которое, по мнѣнію его, должно было ему принадлежать. Итакъ, недовольный ли выдѣломъ значительной части имѣнія женѣ моей, или подстрекаемый кѣмъ-либо, въ особенности, вѣроятно, не любившимъ меня Н. Х. Кечеромъ, съ которымъ онъ часто видался, Валерій съ самаго возвращенія нашего въ Москву дѣлалъ намъ разныя мелкія неудовольствія и намекалъ, что, получивъ такое значительное отъ его отца состояніе, мы могли бы жить и не въ его домѣ. Это и заставило насъ переѣхать въ 1840 г. въ нанятую нами квартиру въ домѣ Андреева, у Красныхъ воротъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ моей свояченицы съ Толстою, мать моя и братъ Николай уѣхали, первая въ с. Колодезское къ своей дочери Викулиной, съ которой постоянно жила, а послѣдній въ Курскъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ драгунскаго корпуса, въ который онъ былъ назначенъ по переводѣ въ генеральный штабъ.

А. С. Толстая немедля занялась кокетничаньемъ съ шуриномъ моимъ Валеріемъ, очень пригожимъ молодымъ человѣкомъ, а такъ какъ она ничего не дѣлала въ половину, то кокетничанье это доходило до неприличія. Она сумѣла совершенно влюбить въ себя шурина моего, и эта любовь съ его стороны продолжалась довольно долго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣясь на привязанность къ себѣ моей жены и свояченицы, она начала распоряжаться въ домѣ нашемъ какъ хозяйка и требовала отъ моей жены, чтобы она съ нею и съ свояченицею выѣзжала каждый вторникъ въ маскарады благороднаго собранія, а по наступленіи великаго поста въ концерты. Сверхъ того, она любила сплетничать, при чемъ, конечно, доставалось и мнѣ.

Жена моя имѣла способность увлекаться въ привязанности къ своимъ друзьямъ и пріятельницамъ и ни одна изъ нихъ не была такъ ловка, какъ

Толстая, въ умѣньѣ привязать къ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ жена моя была настолько умна, что не могла не видѣть неприличнаго кокетничанья Толстой съ ея братомъ Валеріемъ. Сверхъ того, она была врагъ всякихъ сплетенъ и не любила, чтобы непрошенныя лица распоряжались въ ея домѣ, а въ особенности ею. Толстая считала непремѣнною обязанностію моей жены сопровождать ее и свояченицу въ благородное собраніе; жена же моя, вообще не любившая выѣздовъ, исполняла это неохотно, изъ чего выходили между ними раздоры. Поведеніе же Толстой съ Валеріемъ Левашевымъ сильно огорчало жену мою и она высказала имъ свое мнѣніе по этому предмету. Все это было причиною начала холодныхъ отношеній между женою моею и Толстою и подало поводъ Валерію дѣлать намъ новыя неудовольствія, а мы и прежде уже довольно отъ него натерпѣлись.

Спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ моей свояченицы я получилъ письмо отъ тестя, въ которомъ онъ извѣщалъ, что дочь его Лидія невѣста графа Н. С. Толстого. Согласіе на предложеніе Толстого было дано тестемъ еще до отъѣзда моей свояченицы изъ Нижняго-Новгорода. Между тѣмъ ни она, ни А. С. Толстая, по непонятной причинѣ, не сказали объ этомъ ни мнѣ, ни женѣ моей, которой эта скрытность съ ихъ стороны, конечно, не понравилась. Вскорѣ по полученіи означеннаго письма женщина, служившая у моей свояченицы, сказала, что она встрѣтила въ Москвѣ жениха, графа Н. С. Толстого. Мы ей не повѣрили, но она на другой день снова его встрѣтила. Впослѣдствіи мы узнали отъ самого Толстого, что она была права; онъ по прибытіи своемъ въ Москву, до появленія у невѣсты, провелъ нѣсколько дней на медвѣжьей травлѣ за Рогожской заставой и только когда достаточно насладился этимъ зрѣлищемъ, явился къ невѣстѣ.

Онъ пріѣхалъ съ своими чемоданами прямо въ домъ Левашева, хотя его никто никогда не приглашалъ, и остановился во флигелѣ, въ которомъ жилъ мой шуринъ Валерій, кажется, до того времени никогда его не видавшій. Отношенія его къ невѣстѣ и послѣдней къ нему были болѣе чѣмъ холодныя. Хотя они и жили на дворѣ одного дома, но мало видались, а когда видѣлись, то не говорили почти ни слова другъ другу. Женихъ велъ жизнь въ Москвѣ слѣдующимъ образомъ: утромъ онъ приходилъ пить чай въ нашъ флигель, иногда заставалъ меня за чаемъ, а иногда одну Е. Е. Радзевскую, и своею болтовнею заговаривалъ то меня, то ее. Какъ бы ни были длинны его утреннія бесѣды, невѣста выходила въ чайную послѣ его ухода. Онъ возвращался только къ обѣду въ 4-мъ часу пополудни и до обѣда говорилъ со мною. Когда собирались мы въ столовую, онъ цѣловалъ руку у своей невѣсты, отъ которой садился подалѣе, ѣлъ за четверыхъ, очень медленно, но какъ-то особенно чисто, такъ что своею ѣдою придавалъ аппетитъ всѣмъ вмѣстѣ съ нимъ обѣдавшимъ. Онъ въ это время говорилъ менѣе и никогда не обращался къ своей невѣстѣ. Послѣ обѣда дамы уходили въ кабинетъ моей жены, а я съ графомъ Толстымъ въ чайную пить кофе. Поболтавъ еще немного, онъ уходилъ спать до чая. Въ

9-мъ часу вечера мы пили съ нимъ чай въ чайной комнатѣ, гдѣ его разливала Е. Е. Радзевская, а дамы пили чай въ столовой или въ кабинетѣ жены. Мой вечерній tete-a-tete съ Толстымъ продолжался каждый день до полуночи и въ это время онъ буквально меня заговаривалъ. Такъ продолжалось мѣсяца два и никогда никакого вниманія не было оказано женихомъ невѣстѣ, а ею жениху. Шутя всѣ въ домѣ говорили, что мнѣ приходилось разыгрывать роль невѣсты.

Женитьба Толстого объясняется только вліяніемъ его сестры на мою свояченицу и на своего брата. Она, имѣя въ виду, что моей свояченицѣ будетъ дано нѣсколько сотъ душъ и нѣсколько тысячъ десятинъ земли, и привыкнувъ къ оцѣнкѣ тѣхъ и другихъ по масштабу Орловской губерніи, гдѣ было прежде имѣніе ея матери, или даже по масштабу Княгининскаго уѣзда Нижегородской губерніи, гдѣ мать ея имѣла имѣніе въ это время, полагала, что моя свояченица будетъ богачкою и на этомъ основаніи строила планы заграничныхъ путешествій, литературныхъ изданій и разныхъ выспреннихъ заграницею занятій насчетъ доходовъ моей свояченицы. Братъ ея лучше понималъ, что все обѣщаемое въ приданое его невѣстѣ не сдѣлаетъ его богатымъ, но все-же выведетъ изъ положенія жить на хлѣбахъ у матери. У ней же и безъ него было много дѣтей, содержаніе которыхъ, по ея бѣдности, было ей въ тягость. Впрочемъ, будучи большимъ прожектеромъ, онъ полагалъ возможнымъ завести лучшее лѣсное хозяйство, заводы и т. д. и тѣмъ увеличить доходы съ имѣнія невѣсты.

Въ отношеніи же того, на комъ жениться, ему было все равно. Онъ вообще не любилъ женщинъ и не придавалъ никакой важности брачному союзу.

Послѣ двухмѣсячнаго разыгрыванія мною роли «невѣсты» Толстого свояченица моя съ его сестрою и съ нимъ въ началѣ мая уѣхали въ деревню къ тестю. Это было для меня большимъ облегченіемъ, что называется камень свалился съ плечъ.

Въ томъ же маѣ въ имѣніи тестя моего была свадьба Толстого съ моей свояченицей. Тесть назначилъ ей ту часть своего имѣнія, которая сначала назначалась моей женѣ. Впредь до выдачи ей отдѣльной записи онъ далъ Толстому довѣренность на управленіе этою частію имѣнія и на полученіе доходовъ съ нея. Толстые поселились въ ней и продолжали постройку начатаго мною для себя господскаго дома. Но это продолжалось недолго. Между тестемъ и Толстымъ начались сильныя распри, споры ихъ доходили до неприличія со стороны Толстого. Они перестали видѣться. Это повело къ тому, что Толстой писалъ къ тестю дерзкія письма, и послѣдній, выйдя изъ терпѣнія, уничтожилъ выданную Толстому довѣренность на управленіе обѣщанною имъ дочери частью имѣнія и, не желая болѣе вести переписки съ Толстымъ, далъ ему знать черезъ бурмистра, чтобы онъ немедля выѣхалъ изъ имѣнія, а если онъ этого не исполнитъ, то тесть принужденъ будетъ его выслать черезъ полицію. Толстой съ женою уѣхалъ въ деревню къ своей матери въ Княгининскій уѣздъ, а тесть не давалъ имъ ни копѣйки и пересталъ переписываться съ своею дочерью.

Перехожу къ описанію занятій моихъ по службѣ въ 1840 г. Работы по устройству водоснабженія Московскаго Воспитательнаго дома начались съ ранней весны. Онѣ состояли:

1. Въ проведеніи воды, излишне изливающейся изъ фонтана на Варварской площади въ ночное время, когда изъ него не бываетъ разбора, въ подземный бассейнъ близъ Воспитательнаго дома.

2. Въ устройствѣ надъ этимъ бассейномъ зданія съ помѣщеніемъ въ немъ двухъ паровыхъ водоподъемныхъ машинъ, попеременно дѣйствующихъ.

3. Въ устройствѣ противъ того зданія водопріемника въ р. Москвѣ и проложеніи отъ него водопровода до означенныхъ машинъ, которыя должны были поднимать и рѣчную воду въ Воспитательный домъ.

4. Въ устройствѣ резервуаровъ на чердакахъ части Воспитательнаго дома, называемой квадратомъ.

5. Въ разведеніи изъ резервуаровъ воды по всѣмъ отдѣламъ дома.

По чрезвычайной обширности дома работы эти были весьма сложны и усложнялись еще болѣе тѣмъ, что домъ былъ давно построенъ съ весьма толстыми стѣнами и сводами, измѣренія которыхъ не были съ точностію выставлены на чертежахъ дома, и тѣмъ, что въ домѣ были такія заведенія, которыя вполнѣ отдѣлены одно отъ другого, а именно, училище для мальчиковъ, такое же для дѣвочекъ, заведенія для малолѣтнихъ, для грудныхъ младенцевъ и т. п. Эти раздѣленія заставляли меня во время производства работъ много бѣгать по лѣстницамъ. Осматривая работы въ верхнемъ этажѣ одного отдѣла, для перехода въ другой отдѣлъ въ томъ же этажѣ, отдѣленный глухою стѣною, надобно было спуститься въ нижній этажъ и по другой лѣстницѣ подняться въ верхній.

Подробное описаніе этого сложнаго водоснабженія, составленное Максимовымъ, было помѣщено въ Журналѣ путей сообщенія въ началѣ 40-хъ годовъ.

На работахъ по водоснабженію я проводилъ ежедневно все утро до 4-го часа пополудни и во время полуденнаго отдыха рабочихъ проводилъ время въ правленіи дома, гдѣ бесѣдовалъ съ главнымъ надзирателемъ и предсѣдателемъ правленія Штрикомъ, бывшимъ прежде въ военной службѣ и лишившимся одной ноги въ сраженіи, что не мѣшало ему очень легко ходить на деревянной ногѣ по лѣстницамъ, а также съ однимъ изъ членовъ правленія Богдановымъ. Оба были люди умные и такъ какъ хозяйственная часть по устройству водоснабженія лежала на правленіи, то ихъ постоянное мнѣ содѣйствіе было очень полезно. Наставленія же весьма опытнаго строителя, моего начальника Максимова, весьма меня облегчали. Затрудненія встрѣчалъ я только отъ старшаго архитектора дома Григорьева, которому было непріятно, что посторонніе люди занимались разными устройствами въ домѣ безъ его участія. Но вдругъ я былъ лишенъ надолго наставленій Максимова, весьма крѣпкаго здоровьемъ и вдругъ опасно заболѣвшаго. Эта болѣзнь была такъ сильна, что онъ,

хотя и прожилъ еще около 12 лѣтъ, но постоянно чувствовалъ ея послѣдствія.

Болѣзнь Максимова была послѣдствіемъ сильнаго огорченія по службѣ. Въ Москвѣ существовала комиссія для строеній, предсѣдателемъ которой подъ главнымъ начальствомъ Московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, былъ сенаторъ Башиловъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія въ строительной части и вообще велъ дѣла сумасбродно. Нашли нужнымъ дать ему товарища, дѣлового и знающаго строительную часть. Голицынъ испросилъ Высочайшее соизволеніе о назначеніи въ эту должность Максимова. По необходимости ежедневно присутствовать въ комиссіи и въ предвидѣніи работъ въ Воспитательномъ домѣ Максимовъ продалъ свой домъ на Плющихѣ, а Е. П. Волкенштейнъ свою деревню близъ Троицко-Сергіевской лавры, и на вырученные деньги былъ купленъ домъ вблизи комиссіи строеній и Воспитательнаго дома. Во вновь купленномъ домѣ поселились въ одномъ этажѣ Максимовъ и Е. П. Волкенштейнъ, какъ будто мужъ съ женою. При нихъ были дочь и два сына послѣдней. Башиловъ, и въ особенности князь Голицынъ, очень довольны были занятіями Максимова и комиссіи. Въ Петровскомъ паркѣ близъ Москвы, устроенномъ, сколько помню, въ 1826 г., были тогда гулянья по воскресеньямъ. Въ одно изъ этихъ гуляній Голицынъ встрѣтился съ Максимовымъ и очень благосклонно съ нимъ долго разговаривалъ о новыхъ своихъ предположеніяхъ по улучшенію парка и о разныхъ строеніяхъ въ Москвѣ, такъ что Максимовъ вернулся домой восхищенный встрѣчею съ Голицынымъ.

На другой день онъ, по обыкновенію, поѣхалъ въ комиссію строеній и нашелъ, что на его мѣстѣ въ присутствіи комиссіи сидѣлъ полковникъ Бугайскій, не задолго передъ тѣмъ вышедшій въ отставку изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, бывшій всегда во враждебныхъ отношеніяхъ къ Максимову. Не зная, что онъ замѣненъ Бугайскимъ, Максимовъ хотѣлъ сѣсть на свое мѣсто, но тогда Бугайскій пояснилъ ему причину своего присутствія въ комиссіи, и былъ прочитанъ приказъ объ увольненіи Максимова. По возвращеніи послѣдняго домой, сильный нервическій ударъ положилъ его въ постель. Дали мнѣ знать въ Воспитательный домъ объ его болѣзни и немедля были собраны доктора. Болѣзнь Максимова продолжалась долго, выздоровленіе шло медленно и во время выздоровленія требовали, что бы онъ не занимался дѣлами, а потому никого изъ его подчиненныхъ къ нему не допускали и всѣхъ долѣе меня, потому что у меня были самыя важныя и наиболѣе безпокоившія Максимова работы и потому что онъ былъ привязанъ ко мнѣ болѣе, чѣмъ къ другимъ, такъ что мнѣ одному были извѣстны всѣ подробности причины его болѣзни, вслѣдствіе чего опасались, что свиданіе со мною можетъ повредить его здоровью. Такое удаленіе отъ должности человѣка достойнаго не приноситъ чести его начальству, но всего удивительнѣе тайна, которую сумѣли сохранить при этомъ, такъ что Максимовъ нисколько не подозрѣвалъ возможности подобной катастрофы. Бугайскій былъ женатъ на Свѣчиной,

имѣлъ связи, знакомъ былъ въ Московскомъ аристократическомъ кружкѣ и потому легко могъ имѣть вліяніе на Голицына. Башиловъ былъ старъ и Бугайскій могъ надѣяться вскорѣ занять его мѣсто.

Впрочемъ Максимовъ былъ особенно несчастливъ по службѣ, и это не единственный случай неожиданнаго его удаленія отъ должности. Занимая впослѣдствіи мѣсто помощника начальника IV (Московскаго) округа путей сообщенія и публичныхъ зданій, вполнѣ имъ заслуженное долголѣтнею полезною службою, онъ чѣмъ-то не понравился главноуправляющему графу Клейнмихелю, который смѣстилъ его въ члены общаго присутствія правленія того же округа, въ которомъ онъ былъ вице-предсѣдателемъ, и назначилъ на это мѣсто лицо младшее его по чину. Однако на него было возложено высшее наблюденіе за Московскимъ водопроводомъ, такъ какъ опасались, что безъ его вліянія это сооруженіе не будетъ хорошо дѣйствовать. Впослѣдствіи только Максимовъ былъ оцѣненъ графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ, который представилъ въ 1850 г. объ учрежденіи особаго управленія Московскими водопроводами, подвѣдомственнаго правленію IV округа. Въ этомъ управленіи полагался начальникъ въ чинѣ полковника или генералъ-маіора и Закревскій исходатайствовалъ о назначеніи въ эту должность Максимова, который 6-го декабря того же 1850 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ апрѣлѣ 1852 г. умеръ вслѣдствіе нервическаго удара.

Во время болѣзни Максимова представлялись разныя затрудненія по работамъ водоснабженія Воспитательнаго дома; я ихъ устранялъ по крайнему разумѣнію. Между прочимъ предполагалось, по случаю значительной высоты дома, имѣть въ нижнихъ этажахъ медленно отпирающіеся краны, во избѣжаніе ударовъ при внезапномъ ихъ запираніи. Краны эти оказались неудобны и сверхъ того, такъ какъ умывальныя комнаты были устроены во всѣхъ этажахъ одна надъ другою, то при отпираніи крана въ умывальной нижняго этажа, вода шла только въ него, а въ верхнихъ этажахъ ея не было, между тѣмъ умыванье происходило во всѣхъ этажахъ одновременно. Для устраненія этого недостатка были устроены черезъ этажъ прибитые къ стѣнамъ чугунные резервуары, такъ что вода изъ чердачныхъ резервуаровъ приходила въ резервуары, висѣвшіе во 2-мъ, считая сверху, этажѣ, а изъ нихъ въ резервуары, висѣвшіе въ 4-мъ сверху этажѣ, и слѣдовательно давленіе воды на трубы и краны ограничивалось высотою двухъ этажей, и не требовалось медленно отпирающихся кранов. Означенные резервуары служили вмѣстѣ съ тѣмъ запасомъ воды для умыванья и для другихъ потребностей, такъ что она постоянно лилась во множество отворенныхъ кранов, установленныхъ по одному направленію трубы въ разныхъ этажахъ.

Правленіе Воспитательнаго дома въ виду того, что по болѣзни Максимова я оставался одинъ при работахъ и, конечно, не вполнѣ довѣряя моей опытности, призвало обсудить этотъ и нѣкоторые другіе вопросы инженеровъ Бугайскаго и Палибина и архитектора Тона. Первые двое, всегда

враждебные мнѣ и Максимову, не имѣя никакого понятія о подобныхъ работахъ, напороли много вздора, который мнѣ не трудно было опровергнуть. Тонъ же, хотя и любилъ поспорить и особливо съ инженерами путей сообщенія, которыхъ больно не долюбливалъ, согласился со всѣми моими предположеніями.

Простой русскій народъ извѣстенъ своею необыкновенною смѣтливостію, въ особенности отличаются ею наши каменьщики и плотники. Это мнѣ помогало при производствѣ работъ. Практическіе пріемы при нѣкоторыхъ изъ работъ мнѣ были неизвѣстны по причинѣ чисто теоретическаго образованія, которое тогда получали въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Такъ и при работахъ по водоснабженію Воспитательнаго дома мнѣ много помогалъ безграмотный десятникъ-каменьщикъ Савелій и, между прочимъ, при установкѣ водоподъемныхъ паровыхъ машинъ надъ нижнимъ резервуаромъ, устроеннымъ для запаса излишней воды, идущей изъ фонтана на Варварской площади. Еще замѣчательнѣе была его смѣтливость въ положеніи свинцовыхъ трубъ внутри Воспитательнаго дома. Эта работа была сдана англичанину Джаксону, давно поселившемуся въ Москвѣ и занимавшемуся проведеніемъ воды въ домахъ. Но обширность Воспитательнаго дома и раздѣленіе его на разные отдѣлы такъ, что между ними не было никакого сообщенія, совершенно сбили его съ толку. Онъ долженъ былъ положить нѣсколько верстъ свинцовыхъ трубъ разнаго діаметра по каменнымъ стѣнамъ и сводамъ дома, а тамъ, гдѣ были кирпичные полы, въ полахъ. Я ему нѣсколько разъ показывалъ и направленія, по которымъ онѣ должны быть проложены, и величину ихъ діаметровъ, но онъ все путалъ. Это надоѣло каменьщику Савелію, который взялся въ мое отсутствіе руководить Джаксона. Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной ошибки, чему Джаксонъ, хорошо говорившій по русски, не могъ довольно надивиться. При этомъ не могу не вспомнить о двухъ англичанахъ, очень образованныхъ, пріѣзжавшихъ въ этомъ году для осмотра Москвы. Между прочими достопримѣчательностями они осматривали Воспитательный домъ и очень занялись производимыми мною работами. Они говорили довольно свободно по французски и выказывали математическія познанія и знакомство съ инженерными работами. Они мнѣ говорили, что проектъ водоснабженія дома обдуманъ хорошо, что они вообще встрѣтили въ русскихъ инженерахъ людей съ хорошими познаніями, но мало знакомыхъ съ практическою частію и въ особенности съ мастерствами, за которыми они наблюдаютъ, вообще, что они бѣлоручки. Въ доказательство того, что англійскіе джентельмены знаютъ разныя ремесла, одинъ изъ нихъ при мнѣ спаялъ мастерски концы двухъ толстыхъ свинцовыхъ трубъ и приглашалъ меня сдѣлать то же. Это замѣчаніе было совершенно справедливо и въ особенности въ отношеніи ко мнѣ, не говоря уже о томъ, что кожа моихъ рукъ была очень бѣла и нѣжна: я ими ничего не умѣлъ дѣлать, даже не выучился чертить.

Работы по водоснабженію Московскаго Воспитательнаго дома были

окончены съ полнымъ успѣхомъ въ началѣ декабря. Оставались нѣкоторыя ничтожныя недодѣлки и предположено было съ 1841 г. пустить водоснабженіе въ ходъ, что и исполнили безъ меня, такъ какъ я въ половинѣ декабря 1840 г. уѣхалъ на Кавказъ. За эти работы я былъ представленъ къ наградѣ и 12 апрѣля 1841 г. за отличное усердіе и дѣятельность по службѣ Всемилостивѣйше награжденъ единовременно денежною выдачею 800 р. асс., а за вычетомъ согласно закону 10% въ инвалидный капиталъ, получено мною 720 р. асс. (205 р. 71 к. сер.). Не могу при этомъ не обратить вниманія на то, что если бы работа по водоснабженію столь обширнаго зданія была производима не инженеромъ путей сообщенія, то, конечно, награда производителя работъ не ограничилась бы такою бездѣлицею.

Въ 1840 г. на меня возлагались и другія порученія,а именно: а) производство работъ по ремонту набережной на правой сторонѣ р. Москвы, б) изысканія для распространенія Московскихъ водопроводовъ и в) свидѣтельствованіе Ярославскаго шоссе въ предѣлахъ Московской губерніи.

Набережная на правой сторонѣ р. Москвы была устроена по проекту инженера генералъ-маіора Яниша, который для уменьшенія количества потребныхъ матеріаловъ и для большей прочности набережной, имѣющей значительную высоту, проектировалъ забутку сзади стѣны не сплошную, а изъ сводовъ тесаннаго известковаго камня, устроенныхъ одинъ надъ другимъ. Эти своды невозможно было при устройствѣ набережной вполнѣ заполнить землею, такъ что земля на набережной представляла неровную поверхность. Исправленіе этихъ недостатковъ было поручено мнѣ и исполнено съ успѣхомъ.

Количество воды, поднимаемое изъ с. Большихъ Мытищъ въ Москву, въ размѣрѣ менѣе 200 тыс. ведеръ въ сутки, было явно недостаточно. Еще въ 1835 г. мнѣ было поручено отыскать новые источники близъ Москвы для проведенія изъ нихъ воды въ городъ и сдѣлать отъ этихъ источниковъ нивеллировки до указанныхъ въ Москвѣ площадей. Произведенныя мною изысканія подтвердили результатъ изысканій 1835 г., состоявшихъ въ томъ, что всѣ ближайшіе къ Москвѣ родники воды незначительны и лежатъ гораздо ниже бо̀льшей части Московскихъ площадей.

Большіе почтовые тракты въ Московской губерніи устраивались распоряженіемъ Московской дорожной комиссіи подъ начальствомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора, безъ подчиненія ихъ главному управленію путей сообщенія. Принятый способъ ихъ устройства состоялъ въ слѣдующемъ. Дорога должна была имѣть ширину въ 10 саж. съ невысокими земляными валами съ обѣихъ сторонъ и канавами сзади валовъ, въ которыя вода должна была стекать чрезъ прорывы, оставленные въ валахъ. Полотно дороги ничѣмъ не укрѣплялось, напротивъ того, съ него снята была верхняя кора для образованія валовъ, которыми вода задерживалась на полотнѣ дороги. Полотно дороги ремонтировалось прибавленіемъ глины въ глинистый грунтъ, чрезъ что она дѣлалась въ сырое

время непроѣзжею. Старому фельдмаршалу графу Сакену, пріѣхавшему на коронацію Императора Николая, приписывали слѣдующую остроту: онъ сожалѣлъ, что не догадались въ 1812 г. назначить князя Голицына Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, такъ какъ по устроеннымъ имъ дорогамъ Наполеонъ никогда не дошелъ бы до Москвы. Послѣ употребленія огромныхъ суммъ на эти негодныя дороги рѣшились нѣкоторыя изъ нихъ превратить въ каменныя шоссе. Производство этихъ работъ было возложено на ту же комиссію съ условіемъ, чтобы шоссе по окончаніи были свидѣтельствованы инженерами путей сообщенія III (Московскаго) округа. Меня назначили свидѣтельствовать шоссе отъ Москвы до границъ Ярославской губерніи. Злоупотребленія при постройкахъ были тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Инженеры имѣли на этотъ счетъ вообще дурную репутацію, но злоупотребленія между ними умѣрялись наблюденіемъ начальства, а частію вліяніемъ тѣхъ товарищей, которые производили работы вполнѣ честно. Но злоупотребленія переходили всякую границу, когда работы производились внѣ вѣдомства путей сообщенія, по неимѣнію упомянутыхъ умѣряющихъ условій. Эти злоупотребленія были очень значительны и при устройствѣ шоссе въ Московской губерніи.

Время свободное отъ службы я провóдилъ спокойно: много читалъ, равно какъ и жена моя. Мы почти ни къ кому не ѣздили, мои же пріятели и ея пріятельницы часто бывали у насъ. Воскресенье и праздничные дни проводили у насъ два младшихъ моихъ шурина Анатолій и Николай. До наступленія вакацій въ университетѣ у насъ каждый день обѣдалъ шуринъ Валерій, а по отъѣздѣ его на вакацію въ деревню къ отцу въ его флигелѣ помѣстились отпущенные изъ Московскаго дворянскаго института также на вакацію два младшихъ моихъ шурина, которые цѣлые дни проводили у насъ. По воскресеньямъ и праздникамъ, въ которые работы не производились въ Воспитательномъ домѣ, я съ ними рано утромъ отправлялся пѣшкомъ въ одну изъ окрестныхъ деревень, преимущественно въ с. Марѳино, находящееся за с. Останкиномъ. Вскорѣ пріѣзжали къ намъ моя жена и Е. Е. Радзевская съ разною провизіею, и мы проводили весь день въ прогулкахъ, въ чтеніи подъ тѣнью деревъ и въ ловлѣ бабочекъ и жучковъ. Къ этой ловлѣ я былъ вовсе неспособенъ и рѣдко въ ней участвовалъ, когда же принимался за нее, то всѣхъ смѣшилъ. Марѳино было избрано нами преимущественно потому, что въ немъ было много одинъ за другимъ слѣдовавшихъ прудовъ, берега коихъ составляли большія долины, окруженныя лѣсами. Лѣтніе жары умѣрялись присутствіемъ воды и тѣни въ лѣсу, а виды бабочекъ были чрезвычайно разнообразны, такъ что у жены моей въ одно лѣто составилась довольно большая ихъ коллекція.

Во время жизни нашей во флигелѣ въ домѣ Левашевыхъ часто проводилъ у насъ по нѣскольку дней дядя мой князь Александръ Волконскій, очень любившій мою жену, которая ему платила взаимностію. Несмотря

на то, что онъ былъ старше всѣхъ моихъ дядей и тетокъ, онъ былъ образованнѣе другихъ. Несмотря на грозную наружность, онъ скорѣе сходился съ молодыми людьми и, не придерживаясь старыхъ обычаевъ, понималъ, что новое поколѣніе желало жить по своему. Онъ останавливался въ моемъ кабинетѣ и, вставъ рано утромъ, шепотомъ, чтобы не разбудить жену и меня, вызывалъ изъ мезонина Е. Е. Радзевскую, которая наливала ему чай, и такимъ образомъ нисколько не мѣшая обыкновенному ходу нашей жизни и не требуя никакого въ угоду ему въ ней измѣненія, онъ охотно жилъ у насъ, занимаясь чтеніемъ и раскладываніемъ какого-то гранъпасьянса, не кончивъ котораго оставлялъ карты до слѣдующаго дня, а иногда и долѣе, разложенными на столѣ. Я не могъ понять этого гранъпасьянса и когда я это говорилъ дядѣ, онъ улыбался и никогда не объяснялъ его. Въ это время онъ уже продалъ Григорію Ѳеодоровичу Гежеменскому свое имѣніе Ишенки Подольскаго уѣзда и купилъ новое въ Дмитровскомъ уѣздѣ, съ очень хорошимъ домомъ и садомъ. Я нѣсколько разъ бывалъ у него въ этомъ имѣніи, послѣ его смерти проданномъ вдовѣ генерала Николая Степановича Заводовскаго.

Вслѣдствіе непріятныхъ намековъ моего шурина Валерія мы рѣшились переѣхать изъ флигеля дома моего тестя и поселились у Красныхъ воротъ въ наемной квартирѣ. Въ кабинетѣ моемъ едва можно было повернуться. Валерій впрочемъ почти каждый день у насъ обѣдалъ и мы его любили по прежнему. Необыкновенно живой и веселый характеръ жены моей и полная откровенность во всемъ, что она говорила и дѣлала, привязывали къ ней всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Время проводили у насъ весело, въ особенности всѣ любили слушать пѣніе жены моей, безъ чего проходилъ рѣдкій вечеръ. Съ наступленіемъ зимняго пути часто поздно вечеромъ отправлялось все наше общество по Московскимъ улицамъ въ нѣсколькихъ саняхъ, запряженныхъ парою или тройкою, и распѣвало пѣсни. Жена, посадивъ въ свои сани нѣсколькихъ пріятельницъ, сама правила лошадьми.

Въ первой половинѣ декабря, когда водоснабженіе въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ могло быть уже пущено въ ходъ и оставалось кончить незначительныя недодѣлки, я, находясь на этихъ работахъ, совершенно неожиданно получилъ предписаніе слѣдующаго содержанія.

Военный министръ сообщалъ главноуправляющему путей сообщенія и публичными зданіями, что въ числѣ прочихъ мѣръ, предпринимаемыхъ къ прочному утвержденію спокойствія на Кавказѣ, покореніемъ обитающихъ тамъ горскихъ племенъ, признано полезнымъ проложить чрезъ земли Натухайцевъ прямое сообщеніе между областью Черноморскихъ казаковъ и укрѣпленіемъ Новороссійскъ на Суджукской бухтѣ. На сей конецъ предположено устроить постоянную переправу черезъ р. Кубань при Варениковой пристани близъ Новоггриорьевскаго поста.

Между тѣмъ Государь Императоръ, усматривая изъ полученныхъ отъ начальства Кавказскаго края донесеній, что до сихъ поръ существуютъ

весьма важныя сомнѣнія относительно удобства избираемой мѣстности, изволилъ считать необходимымъ: заняться предварительно ближайшимъ и самымъ тщательнымъ ея осмотромъ, такъ чтобы важное дѣло это можно было придпринять и исполнить безошибочно по даннымъ самымъ достовѣрнымъ. Для производства сего осмотра Его Величество Высочайше назначить соизволилъ генеральнаго штаба полковника Шульца, придавъ къ нему въ помощь опытнаго офицера корпуса путей сообщенія. Лица эти должны быть отправлены въ Ставрополь, гдѣ, получивъ отъ командующаго войсками по Кавказской линіи и въ Черноморіи расположенными, генералъ-адъютанта Граббе, всѣ нужныя пособія къ исполненію возлагаемаго на нихъ порученія, будутъ направлены далѣе на мѣсто въ удобное къ тому время.

Графъ Толь писалъ въ своемъ предписаніи ко мнѣ, что, принимая въ соображеніе, что объясненное порученіе кратковременно и что оно по важности своей обращаетъ особенное вниманіе Его Императорскаго Величества, и зная мое отличное усердіе, дѣятельность и распорядительность, а равно мои обширныя и точныя познанія по инженерной части, онъ поставилъ долгомъ свидѣтельствовать о томъ предъ Государемъ Императоромъ.

Вслѣдствіе сего воспослѣдовало соизволеніе на назначеніе меня для объясненнаго дѣла, при чемъ Государь Императоръ повелѣть соизволилъ, чтобы я по обозрѣніи предполагаемой для переправы мѣстности немедленно возвратился въ Петербургъ со всѣми собранными мною по сему предмету свѣдѣніями.

Въ заключеніе графъ Толь предписывалъ, чтобы я неотлагательно ѣхалъ въ Ставрополь, гдѣ приказывалъ явиться къ генералъ-адъютанту Граббе, и прибавлялъ, что онъ остается въ полной увѣренности, что я къ совершенному его удовольствію всѣми силами постараюсь оправдать сдѣланную имъ обо мнѣ предъ Его Императорскимъ Величествомъ рекомендацію.

Пораженный этимъ неожиданнымъ порученіемъ, я немедля поѣхалъ домой и объявилъ женѣ, что, такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить времени, которое потребуется для исполненія означеннаго порученія, я желаю, чтобы она ѣхала со мною. Она сейчасъ же согласилась. Е. Е. Радзевская ѣхала также съ нами и все было готово въ три дня къ нашему выѣзду. Я поѣхалъ въ правленіе III (Московскаго) округа, чтобы получить подорожную, прогонныя и подъемныя деньги. Зная, что въ военномъ и другихъ вѣдомствахъ при подобныхъ экстренныхъ по Высочайшему повелѣнію порученіяхъ командируемыя лица снабжаются двойными прогонными деньгами и особою суммою на подъемъ, я просилъ управляющаго округомъ меня снабдить таковыми же, тѣмъ болѣе, что я въ то время не имѣлъ вовсе денегъ. Управляющій округомъ объяснилъ мнѣ, что графъ Толь въ предписаніи своемъ о назначеніи меня для исполненія означеннаго порученія не упоминаетъ о выдачѣ мнѣ ни двойныхъ прогонныхъ денегъ,

ни особой суммы на подъемъ, а потому онъ не можетъ исполнить моей просьбы, а для того чтобы я не былъ задерживаемъ на почтовыхъ станціяхъ столь обыкновенными въ то время отказами проѣзжающимъ въ почтовыхъ лошадяхъ подъ предлогомъ, что онѣ всѣ находятся въ разгонѣ, онъ приказалъ мнѣ выдать подорожную на взиманіе лошадей изъ курьерскихъ. Подорожныя на взиманіе курьерскихъ лошадей давались непремѣнно на три лошади, а такъ какъ я получилъ прогонныя деньги только на двѣ лошади, то долженъ былъ уплачивать изъ своей собственности за третью лошадь. Но такъ какъ я ѣхалъ съ женою, съ Е. Е. Радзевскою и прислугою, то долженъ былъ купить очень большую кибитку, въ которую впрягали пять лошадей, и слѣдовательно я изъ собственныхъ денегъ добавлялъ прогонную плату за трехъ лошадей. Впрочемъ очень счастливо было и то, что мнѣ была выдана подорожная изъ курьерскихъ: даже съ этою подорожною я на нѣкоторыхъ станціяхъ не могъ получить лошадей иначе, какъ послѣ продолжительнаго шума, брани и выслушанія на нѣкоторыхъ станціяхъ со стороны станціонныхъ смотрителей и ямщиковъ грубостей, въ особенности въ землѣ войска Донского.

Съ подорожною же на взиманіе почтовыхъ лошадей былъ бы я принужденъ сидѣть по нѣскольку часовъ на бо̀льшей части станцій, въ которыхъ не было никакого помѣщенія и нечего было ѣсть, или во избѣжаніе этихъ замедленій нанимать вольныхъ лошадей и платить за нихъ дороже вдвое и даже болѣе чѣмъ вдвое противъ установленныхъ прогонныхъ денегъ. Сверхъ того, вольныхъ лошадей нельзя было вовсе достать на нѣкоторыхъ станціяхъ, и именно: на всѣхъ станціяхъ земли войска Донского, чрезъ которую путь пролегалъ на нѣсколько сотъ верстъ.

Я уже говорилъ, что у меня въ это время не было денегъ, казенныя прогонныя деньги на двѣ лошади составляли бездѣлицу, и потому я рѣшился взять тысячу рублей изъ незадолго передъ этимъ присланныхъ мнѣ зятемъ моимъ, С. А. Викулинымъ, 7000 р. для приведенія въ порядокъ займа сохранной казны, лежащаго на той части имѣнія, которая была отдѣлена тестемъ женѣ моей, и затѣмъ на отдѣленіе этой части по сохранной казнѣ отъ прочихъ имѣній моего тестя оставилъ 6000 р. Ѳ. Н. Лугинину.

Въ день отъѣзда насъ пріѣхали провожать наши друзья, съ которыми мы разстались у городской заставы. Въ числѣ ихъ былъ Кирѣевъ, мужъ извѣстной красавицы, о которомъ я еще ни разу не упоминалъ. Онъ былъ добрый малый, очень не глупый, имѣлъ порядочное состояніе, но часто напивался и въ такомъ видѣ часто показывался въ публикѣ. Мы служили напутственный молебенъ, за которымъ всѣхъ усерднѣе молился А. С. Цуриковъ. Онъ послѣ молебна старался казаться веселымъ, много шутилъ и, прощаясь съ нами за городской заставой, увѣрялъ, что проѣхавъ черезъ Чугунный мостъ, построенный на рукавѣ р. Москвы по весьма неудачному проекту инженеръ-генералъ маіора Девитте, мы миновали наибо̀льшую въ нашемъ путешествіи на Кавказъ опасность.

Слухи о моемъ внезапномъ отъѣздѣ на Кавказъ распространились по Москвѣ. Во время шумнаго завтрака передъ тѣмъ, чтобы садиться въ кибитку, въ моей передней явился мой внучатный братъ Василій Ивановичъ Коптевъ, кончившій за годъ передъ тѣмъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, готовый на все, чтобы выказаться передъ своимъ служебнымъ начальствомъ и опасавшійся знакомства съ людьми, которыхъ онъ считалъ хотя сколько-нибудь либеральными. Онъ пріѣхалъ узнать, дѣйствительно ли меня посылаютъ на Кавказъ, и не входя изъ передней въ столовую, спросилъ меня объ этомъ. Когда я отвѣчалъ утвердительно, онъ немедля убѣжалъ, несмотря на приглашеніе остаться позавтракать у насъ. Онъ вообразилъ себѣ, что меня ссылаютъ на Кавказъ, и потому опасался остаться хотя нѣсколько минутъ съ человѣкомъ, неугоднымъ правительству. Понятно, сколько появленіе и внезапное исчезновеніе Коптева подало поводовъ къ остротамъ и насмѣшкамъ Цурикову и другимъ гостямъ.

Въ Тульской губерніи, не доѣзжая Тулы, вечеромъ, когда уже стемнѣло и была довольно сильная мятель, я услыхалъ въ сторонѣ отъ дороги звонъ колокольчика, который то прекращался, то возобновлялся. Я сказалъ объ этомъ нашему ямщику и получилъ въ отвѣтъ, что звонъ этотъ онъ слышалъ еще утромъ, проѣзжая по этому же мѣсту, что это запутался какой-то проѣзжій. Я приказалъ остановиться, отпречь двухъ лошадей и отправиться нашему ямщику и форейтору отыскать заплутавшихся, на что получилъ въ отвѣтъ, что если въ цѣлый день при мятели нельзя было отыскать заплутавшихся, то въ темное время это совсѣмъ невозможно. Однако я настоялъ на своемъ,ославъ на одной изъ лошадей своего человѣка, а на другой ямщика и форейтора. Черезъ нѣсколько времени они воротились съ отысканною ими кибиткою. Ее съ помощію присланныхъ мною свѣжихъ лошадей съ трудомъ вытащили изъ снѣжнаго сугроба, въ которомъ она завязла, сбившись рано утромъ въ темнотѣ и при сильной мятели съ большой дороги. Отысканная кибитка поѣхала за нами, хотя проѣзжающіе ѣхали по направленію къ Москвѣ. Пріѣхавъ на станцію, я увидалъ, что нами спасенъ былъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, бывшій въ это время въ чинѣ полковника исправляющимъ должность начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Онъ чрезвычайно озябъ и былъ утомленъ. Жена напоила его чаемъ и мы утромъ разъѣхались.

Въ Тулѣ я желалъ видѣться съ Э. И. Шуберскимъ. Служившій тогда подъ его начальствомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія поручикъ Иванъ Осиповичъ Алексѣевскій (впослѣдствіи военный инженеръ генералъ-маіоръ) пригласилъ насъ остановиться у него. Квартира его была довольно просторная и очень чистая. Шуберскій неоднократно повторялъ мнѣ, чтобы я на Кавказѣ не вдавался въ опасности, что это не дѣло инженера путей сообщенія, что я могу по познаніямъ моимъ и способностямъ пригодиться на что-нибудь болѣе полезное и потому не имѣю права рисковать собою, не говоря уже, что обязанъ беречь себя и для молодой

жены, рѣшившейся на такое дальнее путешествіе. Въ Тулѣ мы переночевали одну ночь.

Мы заѣзжали въ село Колодезское, гдѣ намъ, конечно, были очень рады. Мать моя была чрезвычайно обрадована содержаніемъ вышеприведеннаго предписанія о командировкѣ меня на Кавказъ. Мы въ первый разъ видѣли тогда племянницу мою и крестницу жены моей полуторогодовую Эмилію. Я заболѣлъ въ Колодезскомъ, почему мы должны были въ немъ остаться нѣсколько дней. Во время моей болѣзни сестра прилагала о моемъ скорѣйшемъ выздоровленіи самыя нѣжныя попеченія. Зять мой, много путешествовавшій въ зимнее время по Россіи, приказалъ придѣлать къ нашей кибиткѣ очень большіе отводы. Эти отводы дѣйствительно спасали насъ отъ опрокидыванья въ ухабахъ, которыхъ по дорогѣ было безчисленное множество. Глубина ихъ была часто болѣе чѣмъ высота нашей кибитки. Но эти отводы въ мѣстахъ, гдѣ дорога была узка, задѣвали за глубокій снѣгъ, ее окружающій, и мы, несмотря на то, что ѣхали на пяти лошадяхъ, часто задерживаемы были въ пути отводами, врѣзавшимися въ снѣгъ, и лошади съ трудомъ вывозили насъ. На одной изъ станцій мы съѣхались съ какимъ-то чиновникомъ военной провіантской комиссіи. Мы его попотчевали нашею провизіею и онъ сказалъ, что будетъ насъ сопровождать до Ставрополя. Выѣзжая вмѣстѣ съ нами со станцій, онъ всегда насъ опережалъ. Онъ угадывалъ, гдѣ мы, по его выраженію, сядемъ, и повѣрялъ вѣрность своихъ догадокъ, когда мы пріѣзжали на станцію, гдѣ онъ насъ ожидалъ. Этотъ чиновникъ былъ всегда полупьяный, но весьма вѣжливый и услужливый.

Въ землѣ войска Донского почтовыя станціи были построены вдали отъ станицъ (селеній) и на нихъ нельзя было достать ничего съѣстного. Когда мы попали на какую-то станцію, расположенную близъ селенія, то и тамъ ни за какія деньги намъ москалямъ ничего не хотѣли продать, ни хлѣба, ни молока. Упомянутый чиновникъ отправился по разнымъ избамъ и уговорилъ отпустить молока, увѣривъ, что мы веземъ съ собою малое дитя, которое не можетъ обходиться безъ молока. На нѣкоторыхъ станціяхъ были выстроены дома, ни мало не соотвѣтствовавшіе нашему климату и зимою всегда холодные, но на другихъ были только конюшни для лошадей и вырытыя въ землѣ помѣщенія для ямщиковъ. Случалось, что близъ станцій имѣлся постоялый дворъ, но не всегда.

Во время нашего проѣзда по землѣ войска Донского вдругъ въ сумерки задула сильная мятель, и мы съ трудомъ доплелись до почтовой станціи, въ которой нашли землянку для ямщиковъ. Къ счастію, невдалекѣ былъ постоялый дворъ, состоявшій изъ одной большой комнаты, двери которой плохо притворялись, такъ что чрезъ нихъ въ комнату надувало много снѣгу. Мы кое-какъ дотащились до этого постоялаго двора и очень рады были найденному въ немъ помѣщенію. Первую ночь я, жена, Е. Е. Радзевская, вышеупомянутый чиновникъ и наша прислуга спали въ этой комнатѣ, такъ что было довольно тѣсно, но на другой день явились одинъ

за другимъ три фельдъегеря, ѣхавшіе изъ Петербурга на Кавказъ и остановившіеся за невозможностію ѣхать по причинѣ увеличившейся мятели, такъ что въ слѣдующую ночь въ той же комнатѣ прибавилось еще три ночлежника. Въ этомъ обществѣ мы встрѣтили новый 1841 г. 1-го же января мы праздновали именины жены и потому угостили всѣхъ виномъ и разными съѣстными припасами.

Уже теперь трудно себѣ представить, что такое былъ фельдъегерь того времени, а еще труднѣе это объяснить тѣмъ, кто будетъ читать мои воспоминанія черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Фельдъегери составляли особый корпусъ при военномъ министерствѣ, ими командовалъ штабъ-офицеръ, выслужившійся изъ фельдъегерей. Въ этомъ корпусѣ было нѣсколько оберъ-офицеровъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ; послѣдніе носили также офицерскую форму, за исключеніемъ эполетъ. Эти фельдъегеря, то же что курьеры въ другихъ министерствахъ, были постоянно въ разъѣздахъ и очень часто возили Высочайшія повелѣнія въ особенности на Кавказѣ. Они не платили прогонныхъ денегъ, которыхъ не смѣли съ нихъ спрашивать, боясь, что фельдъегерь въ отмщеніе загонитъ всю тройку, а одну лошадь изъ тройки они загоняли до смерти довольно часто, не подвергаясь никакой отвѣтственности. Само собою разумѣется, что ихъ везли во всю прыть, но это не мѣшало фельдъегерю всю станцію бить, чѣмъ попало, ямщика, принуждая скакать еще скорѣе. Между ними было много нѣмцевъ изъ русскихъ подданныхъ. Эти нѣмцы особенно сильно колотили и увѣчили ямщиковъ, потому что они, какъ и многіе другіе нѣмцы, русскаго мужика человѣкомъ не считали. Въ полдень 1-го января показалось, что мятель утихаетъ. Фельдъегеря приказали заложить себѣ сани. Станціонный смотритель и ямщики увѣряли, что «зги Божіей не видно» и что нельзя ѣхать, но нѣсколько затычинъ и множество бранныхъ словъ заставили ямщиковъ заложить имъ сани. Вмѣстѣ съ тѣмъ заложили и нашу кибитку и мы поѣхали большою вереницею, но отъѣхавъ нѣсколько десятковъ саженъ, потеряли дорогу и не могли болѣе двигаться. Съ трудомъ мы могли вернуться на постоялый дворъ. На другой день произошла та же сцена, такъ какъ мятель не уменьшалась. Такъ мы провели на станціи трое сутокъ. Страшно было смотрѣть на бывшій на постояломъ дворѣ рогатый скотъ, который, едва прикрытый плохимъ навѣсомъ, скоро долженъ былъ остаться совсѣмъ безъ корма. Сѣно по тамошнему обычаю оставляли въ полѣ въ скирдахъ и подвозили его по мѣрѣ надобности, а болѣе трехъ сутокъ нельзя было добраться до скирдъ и сѣна почти вовсе не оставалось на постояломъ дворѣ.

Далѣе на одной станціи мы съѣхались съ почтой, которая выѣхала прежде насъ, но на слѣдующую станцію мы пріѣхали прежде ея, нигдѣ ее не обогнавъ. Послѣ мы узнали, что она сбилась съ дороги и одну 26 верстную станцію ѣхала 22 часа. Дорога на нѣсколькихъ сотняхъ верстъ идетъ по совершенно ровному мѣсту: нигдѣ ни малѣйшаго возвышенія или углубленія, ни деревца, ни кустарника и никакихъ примѣтъ. Въ

землѣ войска Донского поставлены по обѣ стороны дороги въ довольно большомъ другъ отъ друга разстояніи конуса изъ камня, но при большомъ снѣгѣ ихъ такъ засыпаетъ, что они дѣлаются незамѣтными.

По въѣздѣ изъ земли войска Донского въ Ставропольскую губернію очень пріятно поражаетъ совершенное измѣненіе характера населенія. Оно гостепріимно, съ охотою угощаетъ проѣзжающихъ и довольствуется ничтожною платою. Мы останавливались у одного старика, крестьянина весьма пріятной наружности, который въ молодости переселился изъ великорусской губерніи. Онъ угощалъ насъ всѣмъ, что у него было, и отказывался отъ всякой платы, которую мы, наконецъ, съ большимъ трудомъ ему навязали.

Вечеромъ 5-го января, подъѣзжая къ Ставрополю, ямщикъ нашъ, своротивъ съ большой дороги, поѣхалъ по очень узкому просѣку некрупнаго лѣса. Вдругъ услыхали мы со стороны города частые выстрѣлы. Въ то время даже образованное общество не имѣло понятія о томъ, что дѣлается на Кавказѣ, и мы легко могли вообразить, что происходитъ перестрѣлка между нашими войсками близъ Ставрополя или въ самомъ городѣ. Мы продолжали медленно подвигаться и наконецъ, въѣхавъ въ городъ, увидали, что жители его стрѣляютъ холостыми зарядами, и узнали о существованіи обычая на Кавказѣ стрѣлять наканунѣ праздниковъ, а мы въѣхали въ городъ наканунѣ праздника Крещенія.

Насъ привезли въ гостинницу Наитаки, лучшую, а можетъ быть и единственную въ городѣ. Мы заняли двѣ весьма грязныя комнаты въ нижнемъ этажѣ, куда намъ подали до нельзя грязный самоваръ. На другой день недалеко отъ нашей гостинницы былъ церковный парадъ, на которомъ главную роль разыгрывалъ исправляющій должность начальника штаба Кавказской линіи и Черноморіи, полковникъ Трескинъ. Мнѣ объяснили, что командующій войсками генералъ адъютантъ Павелъ Христофоровичъ Граббе никогда не присутствуетъ на подобныхъ парадахъ, разводахъ и смотрахъ войскъ и вообще весьма рѣдко выѣзжаетъ изъ дома.

Въ тотъ же день я представлялся Граббе. Онъ принялъ меня съ подобающею важностію, безъ которой не могъ обходиться въ самыхъ простыхъ дѣлахъ и разговорахъ, но вмѣстѣ и любезно, частію потому, что графъ Толь, сообщая ему о моей командировкѣ на Кавказъ, написалъ обо мнѣ тотъ же лестный отзывъ, который онъ представилъ обо мнѣ Государю и который выписанъ мною выше. То же самое графъ Толь сообщилъ и командиру Кавказскаго корпуса генералу Головину и начальнику Черноморской береговой линіи генералъ-лейтенанту Раевскому. Сверхъ того Граббе былъ хорошо знакомъ съ моимъ тестемъ и тещею, очень ихъ уважалъ, особливо послѣднюю. Граббе было тогда лѣтъ за 50. Онъ былъ высокъ ростомъ и имѣлъ весьма красивую наружность. Держа въ рукахъ очень длинный чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, онъ въ изысканныхъ выраженіяхъ сказалъ мнѣ по французски почти слѣдующее: «Вы присланы разрѣшить весьма важный вопросъ для нашихъ даль-

нѣйшихъ дѣйствій на Кавказѣ; по моему мнѣнію, мы должны сосредоточить всѣ наши силы на восточной части Кавказа для ея покоренія и потомъ уже дѣйствовать на западную его часть, а не раздроблять наши средства, какъ того хочетъ генералъ Раевскій. Поэтому я постоянно противился устройству переправы черезъ р. Кубань для занятія земли Натухайцевъ, на что потребовалось бы отдѣлить до 10 батальоновъ пѣхоты и нѣсколько казацкихъ полковъ. Мое мнѣніе раздѣляетъ и главный начальникъ Кавказскаго края, генералъ Головинъ. Повторяю, что этотъ вопросъ важенъ и самъ по себѣ и потому, что если вы найдете полезнымъ устройство въ настоящее время сообщенія области Черноморскихъ казаковъ съ укрѣпленіями на восточномъ берегу Чернаго моря, то я не останусь ни минуты въ занимаемой мною должности, а вы, конечно, имѣете здѣсь знакомыхъ и пріятелей, отъ которыхъ можете узнать, нужно ли еще нѣкоторое время мое присутствіе на Кавказѣ». Я отвѣчалъ, что по моему мнѣнію, Граббе придаетъ слишкомъ обширное значеніе моему порученію, что моя обязанность будетъ состоять только въ опредѣленіи степени возможности устроить требуемое сообщеніе; что польза его, какъ видно изъ предписанія графа Толя, признана военнымъ министерствомъ а если хотятъ убѣдиться еще въ этой пользѣ, то можетъ быть объ этомъ предписано генеральнаго штаба полковнику Шульцу, такъ какъ такое порученіе соотвѣтствуетъ его роду службы и ему извѣстенъ Кавказъ, гдѣ онъ уже служилъ. На это Граббе отвѣтилъ, что Шульцъ человѣкъ весьма ограниченныхъ способностей, но весьма храбрый, что онъ никогда не представлялъ Шульца къ столь скорому повышенію, а свидѣтельствовалъ объ его необыкновенной храбрости при взятіи въ 1839 г. Ахульго и очень удивился, когда увидалъ, что въ Высочайшемъ приказѣ Шульцъ былъ произведенъ не только изъ капитановъ въ подполковники, но и изъ подполковниковъ въ полковники, что онъ не знаетъ куда употребить въ этомъ чинѣ Шульца, который до того сумасброденъ, что ему нельзя довѣрить и десятка солдатъ. При этомъ Граббе разсказалъ подробности дѣла подъ Ахульго, нападалъ на полкъ имени фельдмаршала Паскевича, а въ особенности на его командира Врангеля, Александра Евстафіевича, впослѣдствіи генералъ-адъютанта и генерала отъ инфантеріи, неумѣнію котораго несправедливо приписывалъ значительную убыль въ полку при штурмѣ Ахульго. Граббе, послѣ взятія этого укрѣпленнаго мѣста, доносилъ, что съ его паденіемъ раздался послѣдній пушечный выстрѣлъ на Кавказѣ. Извѣстно до какой степени эта фраза была неудачна, какъ и многія другія фразы Граббе. Напротивъ, съ этого времени Шамиль пріобрѣлъ еще бо̀льшее значеніе на восточномъ Кавказѣ, велъ еще 20 лѣтъ все болѣе и болѣе ожесточенную войну. Граббе окончилъ свой разговоръ со мною тѣмъ, что по ничтожности Шульца отъ меня будетъ зависѣть указать несвоевременность экспедиціи въ землю Натухайцевъ. На мой отвѣтъ, что при неопытности моей въ военномъ дѣлѣ и при незнаніи мною Кавказа, я никогда не рѣшусь излагать мое мнѣніе въ дѣлѣ, на которое два гене-

рала, знакомые съ Кавказомъ, смотрятъ розно, а что я ограничусь только указаніемъ степени возможности устроить предполагаемое сообщеніе собственно въ техническомъ отношеніи, Граббе возразилъ, что если я и ограничусь тѣмъ, что скажу только, что устройство сообщенія не представляетъ затрудненій, то по извѣстному ему расположенію къ этому проекту въ Петербургѣ, оно будетъ приведено въ исполненіе, а онъ въ такомъ случаѣ оставитъ занимаемую имъ должность, къ чему присовокупилъ, что военный министръ предлагаетъ ему, для осмотра мѣстности Шульцемъ и мною, снабдить насъ всѣмъ нужнымъ и что, по его мнѣнію, намъ потребуется конвой изъ нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты, а таковыхъ свободныхъ въ его распоряженіи въ настоящее время не имѣется. Граббе пригласилъ меня обѣдать у него въ тотъ же день и во все время, которое я проведу въ Ставрополѣ.

Для уясненія этого разговора Граббе необходимо хотя въ общихъ чертахъ напомнить тогдашній способъ управленія Кавказомъ и Закавказьемъ. Главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, а также всего гражданскаго управленія краемъ былъ командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ Головинъ, жившій въ Тифлисѣ. Начальникомъ всѣхъ войскъ на сѣверной сторонѣ кавказскихъ горъ и гражданской части этого края былъ генералъ-адъютантъ Граббе, жившій въ Ставрополѣ. Начальникомъ войскъ Черноморской береговой линіи, раздѣленной на три отдѣла, и гражданской части на оной, былъ генералъ-лейтенантъ Раевскій, жившій въ Керчи. Граббе былъ подчиненъ генералу Головину, а Раевскій по 1-му отдѣлу линіи генералу Граббе, а по двумъ остальнымъ отдѣламъ непосредственно генералу Головину. Между тѣмъ Граббе и Раевскому дозволена была,—вѣроятно потому, что сни жили ближе отъ Петербурга, чѣмъ Головинъ,—прямая переписка съ военнымъ министромъ съ сбязанностію сообщить о ней Головину. Раевскій и Граббе, по своимъ представленіямъ часто получали разрѣшенія военнаго министра противныя видамъ Головина, чрезъ что выходили безпрерывныя ссоры между этими тремя начальниками и безпорядокъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Это дало поводъ Раевскому въ одномъ изъ своихъ донесеній военному министру, которыя онъ любилъ пополнять разными остротами, написать, что Кавказъ можно уподобить колесницѣ басни Крылова, везомой лебедемъ, ракомъ и щукой въ разныя стороны.

Передъ обѣдомъ у Граббе я познакомился съ его женою, очень хорошенькою и еще молодою молдованкою и мнѣ были представлены ихъ дѣти, изъ которыхъ, кажется, старшаго, очень хорошенькаго мальчика лѣтъ десяти отъ роду (бывшаго впослѣдствіи командиромъ л.-гв. коннаго полка), отецъ называлъ «хозяиномъ». Къ обѣденному столу подала мнѣ руку жена Граббе и посадила подлѣ себя, несмотря на то, что за столомъ много было лицъ высшихъ чиновъ. Съ другой ея стороны сидѣлъ напротивъ меня ея мужъ. Впослѣдствіи она дѣлала всегда мнѣ то же предложеніе, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда обѣдалъ Трескинъ: тогда она

подавала руку ему и я садился за столъ рядомъ съ Трескинымъ. За обѣдомъ всегда было довольно много лицъ, но въ разговорахъ участвовали Граббе, мужъ и жена, Трескинъ, Левъ Пушкинъ, бывшій тогда маіоромъ, поэтъ Лермонтовъ, я и иногда еще кто-нибудь изъ гостей. Прочіе всѣ ѣли молча. Лермонтовъ и Пушкинъ называли этихъ молчальниковъ картинною галлерею.

Лермонтова я увидалъ въ первый разъ за обѣдомъ 6-го января. Онъ и Пушкинъ много острили и шутили съ женою Граббе, женщиною небольшого ума и мало образованною. Пушкинъ говорилъ, что всѣ великія сраженія кончаются на о, какъ-то Маренго, Ватерлоо, Ахульго и т. д. Я тутъ же познакомился съ Лермонтовымъ и въ продолженіе моего пребыванія въ Ставрополѣ всего чаще видѣлся съ нимъ и съ Пушкинымъ. Они бывали у меня, но съ перваго раза своими рѣзкими манерами, не всегда приличными остротами и въ особенности своею страстью къ вину, не понравились женѣ моей. Пушкинъ пилъ не чай съ ромомъ, а ромъ съ нѣсколькими ложечками чая, и видя, что я вовсе рома не пью, постоянно угощалъ меня кахетинскимъ виномъ. Послѣ обѣда у Граббе подали огромные чубуки хозяину дома и мнѣ. Всѣмъ другимъ гостямъ, какъ видно, курить не дозволялось. У Граббе была огромная собака, которая всѣхъ дичилась, но ко мнѣ съ перваго моего посѣщенія постоянно ласкалась, чему Граббе очень удивлялся, но для меня это было очень просто, такъ какъ всѣ собаки обыкновенно ласкаются ко мнѣ.

Въ этотъ же день переѣхали мы на сносную квартиру въ солдатской слободѣ противъ деревянной церкви. На другой день сдѣлалось тепло, такъ что мы могли отворить окна, но за то грязь на улицахъ была невообразимая и къ нашему дому почти не было возможности доѣхать. Несмотря на это, Граббе, никогда никому не дѣлавшій визитовъ и вообще рѣдко выѣзжавшій, сдѣлалъ мнѣ и женѣ моей визитъ. Онъ пріѣхалъ въ каретѣ, окруженный нѣсколькими казаками Кубанскаго казачьяго войска, одѣтыми на подобіе черкесовъ, что составляло весьма живописную картину. Визитъ, сдѣланный намъ Граббе, поднялъ меня въ мнѣніи служащихъ въ Ставрополѣ и всѣ старались со мною знакомиться. Въ это время служилъ въ Ставрополѣ извѣстный Голицынъ, князь Владиміръ Сергѣевичъ, который былъ очень толстъ, такъ что когда онъ командовалъ центромъ Кавказской линіи, то говорили, что онъ, ставъ въ центрѣ, одною своею фигурою можетъ защитить его. Онъ былъ не въ ладахъ съ Трескинымъ и они говорили другъ другу разныя колкости, но Трескинъ, видимо, бралъ верхъ, пользуясь своимъ болѣе высокимъ положеніемъ какъ начальникъ штаба.

Но не долго пришлось мнѣ прожить въ Ставрополѣ. Вскорѣ пріѣхалъ отъ военнаго министра фельдъегерь съ предписаніемъ мнѣ немедля ѣхать въ Керчь для полученія наставленій генерала Раевскаго и съ планомъ мѣстности около Варениковой пристани, на которомъ собственноручно Государемъ поставлена была буква А въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось

начать устройство переправы на правомъ берегу р. Кубани. Впослѣдствіи, по повѣркѣ этого плана съ мѣстностію, оказалось, что онъ очень невѣренъ, и что точка, у которой была выставлена буква А, вовсе не сущетвуетъ. Граббе, узнавъ что я долженъ ѣхать въ Керчь, далъ мнѣ предписаніе, въ которомъ излагалъ свои предположенія насчетъ переправы черезъ р. Кубань у Варениковой пристани, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ осмотрѣть поврежденный мостъ на р. Кубани при крѣпости «Прочный Окопъ». Предписаніе было за подписью Трескина и за скрѣпою оберъ-квартирмейстера генеральнаго штаба подполковника Нарденстама (впослѣдствіи генерала отъ инфантеріи и члена финляндскаго сената). Оно было очень длинно и замѣчательно тѣмъ, что во многихъ его мѣстахъ я названъ былъ «Ваше высокоблагородіе» и видно было, что «Высоко» впослѣдствіи выскоблено. Предписаніе было дано по отдѣленію генеральнаго штаба, капитаны котораго равнялись маіорамъ арміи и, слѣдовательно, имѣли титулъ высокоблагородія, капитаны же инженеровъ путей сообщенія тогда въ чинахъ равнялись съ армейцами, и потому имѣли титулъ просто благородія. Полагаю, что это курьезное исправленіе сдѣлалъ Нарденстамъ, который показалъ неудовольствіе при первой встрѣчѣ со мною, вѣроятно, вслѣдствіе того, что мнѣ, постороннему лицу, было дано порученіе, исполненіе котораго прямо относилось къ его обязанности.

Лермонтовъ и Пушкинъ пришли меня проводить. Первый увѣрялъ, что по казачьимъ землямъ можно ѣздить только штабъ-офицерамъ или съ крестомъ на шеѣ, иначе подвергнешься непріятностямъ со стороны казаковъ, и потому убѣждалъ меня мой петличный анненскій крестъ надѣть на шею. Конечно, я его не послушался.

На ночь я пріѣхалъ въ Прочный Окопъ, гдѣ не засталъ командующаго войсками праваго фланга Кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Засса, ушедшаго въ какую-то экспедицію противъ горцевъ. Извѣстно, что онъ часто отправлялся въ эти экспедиціи и даже противъ мирныхъ горцевъ, подъ видомъ наказанія за причиняемые ими будто бы безпорядки, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы забрать у нихъ баранту (рогатый скотъ и овецъ) и продать ее въ свою пользу. Вообще, отдавая справедливость храбрости Засса, разсказывали, что онъ дѣлалъ разныя злоупотребленія и неистовства.

На другой день я осмотрѣлъ поврежденный мостъ и, указавъ легчайшіе способы его исправленія и на удобнѣйшее мѣсто къ постройкѣ новаго моста, впослѣдствіи представилъ эти предположенія генералъ-адъютанту Граббе. Несмотря на то, что Зассъ былъ въ экспедиціи, у него въ домѣ было довольно лицъ за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ и я. За этимъ обѣдомъ я въ первый разъ видѣлъ знатныхъ горцевъ, пріѣхавшихъ по своимъ надобностямъ въ Прочный Окопъ. Они, несмотря на запрещеніе Магомета, преспокойно передъ обѣдомъ выпили по рюмкѣ водки, стоя къ намъ неумышленно или съ намѣреніемъ спиною.

Изъ Прочнаго Окопа дали мнѣ семерыхъ конвойныхъ казаковъ Ку-

банскаго войска по билету, выданному мнѣ въ Ставрополѣ. Они должны были сопровождать меня до перваго казачьяго поста. Эти посты были расположены на почтовой дорогѣ, кажется, въ разстояніи 7 верстъ одинъ отъ другого. Они состояли изъ шалаша, въ которомъ жили казаки и стояли ихъ лошади, съ высокою вышкою надъ шалашомъ, съ которой казаки наблюдали, не подходятъ ли гдѣ горцы изъ за Кубани, и изъ высокаго столба передъ шалашомъ, обтянутаго смоляною пенькою съ тѣмъ, чтобы при видѣ подходящихъ горцевъ можно было его легко зажечь и тѣмъ сдѣлать такъ называемую тревогу въ ближайшихъ селеніяхъ. Не успѣлъ я выѣхать изъ Прочнаго Окопа, какъ увидалъ, что шестеро изъ моихъ конвойныхъ вернулись, а седьмой поскакалъ впередъ, чтобы передать врученный ему мой билетъ на взиманіе конвойныхъ на первомъ посту, и вскорѣ скрылся изъ виду. При подъѣздѣ моемъ къ этому посту онъ возвращался, а новый конвойный съ билетомъ ускакалъ впередъ, чтобы на второмъ посту отдать вышеупомянутый билетъ. Такимъ образомъ конвоировали меня по землѣ Кубанскихъ казаковъ. Когда же я переѣхалъ въ область Черноморскихъ казаковъ, то конвой изъ семи казаковъ сопровождалъ меня исправно. Днемъ не было опасности ѣхать въ этихъ мѣстахъ по почтовой дорогѣ, а потому я отпускалъ конвойныхъ кромѣ того, у котораго находился этотъ билетъ.

Казаки вообще жили довольно зажиточно. Кубанскіе, между которыми было много переселенцевъ изъ Великой Россіи, казались молодцами въ ихъ красивой одеждѣ по образцу одежды горцевъ. Позы, которыя они принимали собираясь въ кружки въ своихъ станицахъ, были живописны. Напротивъ того, Черноморскіе казаки, большею частію потомки знаменитыхъ запорожцевъ или переселенцевъ изъ Малой Россіи, казались вялыми и неуклюжими, но они были усерднѣе къ службѣ, вѣрнѣе при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и многіе изъ нихъ оказывали необыкновенные подвиги храбрости.

Дорога отъ Прочнаго Окопа проложена недалеко отъ лѣваго берега р. Кубани, за которою виднѣется хребетъ невысокихъ кавказскихъ горъ. Снѣжная вершина самой высокой горы, Эльборуса, видна еще изъ Ставрополя.

Вареникова пристань, при которой предположено было устроить переправу черезъ р. Кубань, находилась въ области Черноморскихъ казаковъ, а потому я находилъ нужнымъ о данномъ мнѣ порученіи переговорить съ атаманомъ этихъ казаковъ, генералъ-лейтенантомъ Завадовскимъ, для чего и остановился въ Екатеринодарѣ. Завадовскій принялъ меня очень любезно и просилъ переѣхать въ его домъ, въ которомъ уступилъ мнѣ свой кабинетъ, и впредь при проѣздѣ моемъ черезъ Екатеринодаръ всегда останавливаться у него. Изъ моего съ нимъ разговора ясно было, что и онъ крѣпко не желаетъ осуществленія проекта устройства сообщенія между Варениковой пристанью и укрѣпленіями на восточномъ берегу Чернаго моря. Онъ говорилъ, что вся тяжесть работъ по устройству сообще-

нія ляжетъ на Черноморскихъ казаковъ, которыхъ онъ называлъ «обидною, угнетенною націею», и что эти казаки и безъ того чрезвычайно обременены служебными откомандировками. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ опасался того, что по устройствѣ этого сообщенія пространство между Таманью на Азовскомъ морѣ и Варениковой пристанью, на которомъ поселены Черноморскіе казаки, можетъ отойти въ вѣдѣніе начальника Черноморской береговой линіи, а если бы этого и не случилось, то во всякомъ случаѣ въ укрѣпленіи, предположенномъ на лѣвомъ берегу р. Кубани у Варениковой пристани, будутъ стоять войска береговой линіи, ему не подчиненныя, и онъ не желалъ близкаго сосѣдства такихъ войскъ.

Завадовскій незадолго передъ этимъ женился на вдовѣ, сестрѣ генералъ-маіора Пулло, о злоупотребленіяхъ котораго въ Чечнѣ я много слышалъ въ Ставрополѣ, гдѣ утверждали, что эти злоупотребленія были причиною возмущенія тамошнихъ горцевъ. Въ Ставрополѣ мнѣ былъ врученъ пакетъ, содержаніе котораго мнѣ было неизвѣстно. Оказалось, что въ немъ заключался вызовъ Пулло въ Петербургъ. Конечно, это сильно озадачило Пулло и его родныхъ. Онъ болѣе на Кавказъ не возвращался, вскорѣ былъ уволенъ отъ службы и жилъ въ Москвѣ.

На другой день моего пріѣзда въ Екатеринодаръ я услыхалъ въ смежной съ моею комнатѣ разговоръ Завадовскаго на совершенно непонятномъ мнѣ языкѣ. Оказалось, что онъ говорилъ на малорусскомъ нарѣчіи съ приходившими къ нему Черноморскими казаками, тогда какъ со мною и въ своемъ семействѣ онъ говорилъ чисто по русски съ небольшимъ малороссійскимъ акцентомъ.

Верстахъ въ 60 отъ Екатеринодара начинаются такъ называемыя «плавни», которыя тянутся на протяженіи до 60 верстъ. Это низменное мѣсто, на которомъ растетъ высокій и толстый камышъ. Дорога проложена въ этомъ камышѣ и вслѣдствіе оттепели была вся покрыта водою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были такія углубленія, что въ нихъ исчезала казачья лошадь, а потому при проѣздѣ черезъ плавни казачій конвой былъ полезенъ проѣзжающему не только для безопасности въ случаѣ нападенія черкесовъ, прятавшихся за камышами и поджидавшихъ добычи, но еще болѣе для того, чтобы не завязнуть въ глубокихъ, наполненныхъ водою, ямахъ, которыхъ ямщикъ не могъ видѣть, а онѣ указывались ѣдущими впереди казаками, отыскивавшими ихъ своими пиками.

Ямщичьи лошади по всей дорогѣ отъ Ставрополя до Тамани очень хороши. Въ особенности превосходно возили въ области Черноморскихъ казаковъ. На протяженіи дороги отъ плавней до Тамани я былъ пораженъ необыкновеннымъ числомъ птицъ, которыя летали огромными стадами. Такого огромнаго числа птицъ я нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не видалъ. Изъ нихъ нѣкоторыя были очень большія: орлы, драхвы, пеликаны и другія. Ѣхавшій со мною слуга Сергѣй, старшій сынъ моего дядьки Дорофея, былъ большой трусъ. Онъ, выѣзжая изъ Ставрополя, вооружился за-

ряженными ружьями и пистолетами, саблею и кинжаломъ, но когда онъ вздумалъ было стрѣлять птицъ, то оказалось, что всѣ его заряды отсырѣли.

Проливъ между Таманью и Керчью я переплылъ въ казенной перевозной лодкѣ. Видъ Керчи съ моря очень живописенъ. По пріѣздѣ въ Керчь оказалось, что позабыли взять шпагу, безъ которой я не могъ явиться къ Раевскому. Меня ссудилъ шпагою генеральнаго штаба полковникъ Григорій Ивановичъ Филипсонъ (впослѣдствіи сенаторъ), который завѣдывалъ управленіемъ Черноморской береговой линіи на правахъ начальника штаба. Мнѣ приходило въ голову, что почти вездѣ начальствующія лица изъ нѣмцевъ, а когда изберутъ русскаго, то въ помощники ему придадутъ все таки нѣмца. Оказалось, что Филипсонъ такой же нѣмецъ, какъ я, и когда мы съ нимъ очень близко сошлись, онъ мнѣ говорилъ, что, получивъ извѣщеніе о моемъ назначеніи для осмотра мѣстности у Варениковой пристани, часто думалъ о томъ, что изъ нѣсколькихъ сотенъ инженеровъ путей сообщенія не могли выбрать русскаго, а прислали нѣмца.

Генералъ Раевскій принялъ меня, лежа въ постели, покрытый одѣяломъ, хотя было уже около полудня. Близкій человѣкъ къ покойному Пушкину, хорошій знакомый моего тестя и тещи, братъ жены очень любившаго меня Орлова и, сверхъ того, получившій обо мнѣ рекомендацію графа Толя, Раевскій, конечно, принялъ меня весьма любезно. Онъ съ насмѣшкою любовался моими эполетами и шарфомъ, находилъ, что они очень блестящи, но что онъ совсѣмъ забылъ объ ихъ существованіи (офицеры Черноморской береговой линіи бо́льшею частію не надѣвали эполетъ). Раевскій говорилъ по-французски, что я былъ въ Ставрополѣ, тогда какъ правильнѣе было бы мнѣ пріѣхать къ нему прямо и отъ него получить нужныя свѣдѣнія, что это было бы и согласнѣе съ мнѣніемъ военнаго министра. Я отозвался, что я поѣхалъ въ Ставрополь, исполняя данное мнѣ предписаніе, которое и ему было извѣстно. Далѣе онъ мнѣ сказалъ: «И такъ вы были въ Ставрополѣ и видѣли статую командора». Я отвѣчалъ, что не видалъ никакой статуи въ Ставрополѣ, но онъ утверждалъ, что почти всѣ военные, проѣзжающіе черезъ Ставрополь, видятъ эту статую, а тѣмъ болѣе лицо, получившее столь важное порученіе. Я конечно понималъ, что онъ говорилъ о генералѣ Граббе, но не показалъ вида, что понимаю. Затѣмъ Раевскій объяснилъ мнѣ о необходимости скорѣйшаго покоренія черкесовъ на восточномъ берегу Чернаго моря, къ чему покореніе земли одного изъ ихъ племенъ, Натухайскаго, было бы первымъ шагомъ, что по покореніи черкесовъ прочіе горцы, не имѣя болѣе сообщенія ни съ Турціею, ни съ поддерживавшими ихъ западными державами, могутъ быть легче покорены, что въ случаѣ войны намъ весьма важно владѣть восточнымъ берегомъ Чернаго моря, чтобы воюющія съ нами державы не могли возбудить противъ насъ горскія племена на этомъ берегу, а за ними и всѣ прочія.

Раевскій сказалъ мнѣ, что осмотръ мѣстности у Варениковой при-

стани былъ уже неоднократно производимъ офицерами генеральнаго штаба и инженеромъ путей сообщенія Адеркасомъ, командированными по распоряженію Головина. Всѣ они въ угожденіе своему начальству доносили, что устройство въ этомъ мѣстѣ переправы невозможно, что Адеркасъ даже не нашелъ этой мѣстности и вообразилъ, что Раевскій хочетъ устроить переправу черезъ Черное море. Раевскій соглашался, что устройство такой переправы дѣйствительно невозможно, но онъ не виноватъ, что присылаютъ для осмотра инженера путей сообщенія, который не умѣетъ отличить рѣки отъ моря. Все это Раевскій изложилъ въ оффиціальномъ предписаніи, данномъ имъ мнѣ по поводу возложеннаго на меня порученія.

Вообще Раевскій былъ охотникъ до составленія проектовъ, не только относившихся до скорѣйшаго покоренія Кавказа, но до нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Азіи. Эти проекты вслѣдствіе того, что онъ почти цѣлые дни лежалъ, были имъ диктуемы состоявшему въ его управленіи поручику Антоновичу (впослѣдствіи генералъ-лейтенанту и попечителю Кіевскаго учебнаго округа). Многіе изъ нихъ были представлены военному министру. Проекты эти давались для прочтенія разнымъ лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Керчь. Я былъ конечно изъ ихъ числа. Одновременно со мною читалъ эти проекты военный инженеръ полковникъ Постельсъ, командированный на Черноморскую береговую линію, по случаю взятія въ 1840 г. горцами нашихъ четырехъ укрѣпленій на этой линіи, для возобновленія нѣкоторыхъ изъ нихъ и для составленія проектовъ на усиленіе остальныхъ укрѣпленій, такъ чтобы они могли противостоять нападеніямъ горцевъ. Постельсъ всегда восхищался проектами Раевскаго. Я находилъ, что не время было думать о завоеваніяхъ въ Азіи, когда мы не владѣли еще черноморскимъ восточнымъ берегомъ, и самое названіе Черноморской береговой линіи было неправильно, такъ какъ линія состоитъ изъ непрерывнаго ряда точекъ, а мы имѣли на этомъ берегу нѣсколько точекъ (укрѣпленій) въ разстояніи одна отъ другой на 20 и болѣе верстъ, на которыхъ мы не смѣли показать носа. Нѣкоторые изъ проектовъ Раевскаго были посылаемы военнымъ министромъ Головину, который постоянно ихъ не одобрялъ. Опроверженія Головина были снова посылаемы Раевскому, который диктовалъ Антоновичу замѣчанія на эти опроверженія, позволяя себѣ разныя колкости. Такъ въ одной изъ этихъ объемистыхъ тетрадей, посланныхъ въ военное министерство, Раевскій, дѣлая замѣчанія на опроверженіе Головина, нигдѣ не употреблялъ выраженія: «генералъ Головинъ говоритъ», а вездѣ: «опроверженіе говоритъ». Подозрѣвая своего подчиненнаго, начальника I отдѣленія береговой линіи, контръ-адмирала Серебрякова въ тайныхъ сообщеніяхъ съ Головинымъ, онъ въ своихъ донесеніяхъ писалъ, что остановилъ неправильныя сухопутныя эволюціи сего морского генерала. Получивъ нѣкоторыя замѣчанія Головина по предположеннымъ движеніямъ морской дивизіи, которая должна была крейсировать около восточнаго берега Чернаго

моря, онъ отвѣчалъ Головину, что въ морскомъ дѣлѣ онъ не можетъ слѣдовать указаніямъ пѣхотнаго генерала, а часто совѣтуется съ начальникомъ Черноморскаго флота, вице-адмираломъ Лазаревымъ, указаніямъ котораго онъ слѣдуетъ и который одобряетъ его распоряженія. Раевскій въ своихъ донесеніяхъ военному министру говорилъ о своихъ начальникахъ Головинѣ и Граббе, что онъ не виноватъ, что имѣетъ дѣло съ людьми, которымъ нельзя растолковать, что 2×2=4.

При чрезвычайной лѣни и вѣчномъ лежаніи въ постели Раевскій занимался только прсектами и замѣчаніями на мнѣнія Головина объ этихъ проектахъ, управленіе же края и войскъ было въ полномъ завѣдываніи Филипсона, а по дивизіи, крейсировавшей около восточнаго берега, въ завѣдываніи капитанъ-лейтенанта Александра Ивановича Панфилова (впослѣдствіи адмирала и члена совѣта адмиралтейства). Раевскій много читалъ, но бо̀льшею частію пустыя книги. Разные ученые фоліанты лежали на столѣ и подлѣ его кровати, и онъ ими часто прикрывалъ читаемыя имъ пустыя книженки, чтобы бросить посѣщающимъ его пыль въ глаза.

Въ самый день пріѣзда моего въ Керчь я былъ приглашенъ ежедневно обѣдать у Раевскаго. Передъ обѣдомъ я познакомился съ его женою, Анною Михайловною, урожденною Бороздиной. Она была женщина умная, но излишне bas-bleu. Къ обѣду приходили постоянно Филипсонъ, Панфиловъ, Антоновичъ и нѣкоторые другіе. Раевскій, которому трудно было просидѣть долго въ сюртукѣ, хотя очень широкомъ, уходилъ вскорѣ по окончаніи обѣда. За этими обѣдами я въ первый разъ увидалъ начальника III Отдѣленія Черноморской береговой линіи полковника Николая Николаевича Муравьева (впослѣдствіи графа Амурскаго, генерала отъ инфантеріи и члена Государственнаго Совѣта). Онъ пріѣхалъ съ донесеніемъ о сдѣланной имъ экспедиціи въ долину Далъ въ Цебельдѣ, за которую произведенъ въ генералъ-маіоры. Вообще его служба шла очень счастливо. Пріѣхавъ съ своимъ дядею Головинымъ на Кавказъ въ чинѣ маіора, онъ менѣе чѣмъ въ два года получилъ три чина и пять орденовъ разныхъ названій и степеней. Онъ былъ очень умный, ловкій и живой человѣкъ и мнѣ очень понравился. Раевскій былъ большой ботаникъ. Муравьевъ ему привезъ довольно высокій розанъ, который онъ сорвалъ въ полѣ во время послѣдней экспедиціи въ началѣ января.

Въ Керчи я часто бывалъ у градоначальника князя Херхеулидзева, человѣка ума небольшого, съ плохою памятью, но очень добраго. У него познакомился я съ старымъ декабристомъ Лореромъ, который послѣ ссылки въ Сибирь на каторжныя работы былъ назначенъ солдатомъ на Кавказъ и, незадолго передъ моимъ пріѣздомъ въ Керчь, былъ произведенъ въ прапорщики. Въ Керчи всѣ военные ходили безъ эполетъ въ однихъ контръ-погончикахъ, а потому Лореръ, по его лѣтамъ и осанистому виду, всякому его не знавшему казался не прапорщикомъ, а генераломъ. Въ одномъ изъ донесеній о взбунтовавшемся полкѣ, въ которомъ Лореръ

былъ въ 1825 г. маіоромъ и батальоннымъ командиромъ, о немъ было сказано: «неистовый маіоръ Лореръ». Во время же моего съ нимъ знакомства онъ особенно занимался здоровьемъ всѣхъ дѣтей, вообще былъ очень добродушенъ и нѣтъ сомнѣнія, что съ его добродушіемъ онъ никогда не могъ быть «неистовымъ». Этотъ эпитетъ насъ очень забавлялъ.

У Раевскаго я познакомился, между прочимъ, съ Мейеромъ, главнымъ докторомъ береговой линіи, человѣкомъ замѣчательнаго ума и большого образованія, послужившимъ типомъ доктора въ романѣ Лермонтова «Герой нашего времени». Впослѣдствіи онъ женился на компаньонкѣ жены Раевскаго, также очень умной женщинѣ, которая послѣ его смерти была начальницей Керченскаго дѣвичьяго института.

Въ разговорѣ съ Филипсономъ о возложенномъ на меня порученіи я обратилъ его вниманіе на то, что мнѣ предписано осмотрѣть мѣстность около Варениковой пристани, близъ «Новогригорьевскаго поста», а между тѣмъ при проѣздѣ моемъ черезъ область Черноморскихъ казаковъ я узналъ, что означенная пристань находится близъ Андреевскаго поста и что Новогригорьевскій постъ устроенъ верстъ 60 или 70 ниже по Кубани. Филипсонъ отвѣчалъ мнѣ, что полученное мною свѣдѣніе справедливо и слѣдующимъ образомъ объяснилъ, отчего въ предписаніи упоминается Новогригорьевскій постъ вмѣсто Андреевскаго. Полковникъ Вревскій, состоявшій при военномъ министрѣ, фаворитъ его, имѣвшій большое вліяніе въ военномъ министерствѣ, въ бытность на Кавказѣ какъ-то случайно переправился черезъ р. Кубань у Новогригорьевскаго поста и считалъ это мѣсто удобнымъ для устройства постоянной переправы, но на самомъ дѣлѣ это устройство представляло бы большія затрудненія. Находясь слишкомъ близко къ Черному морю, линія отъ этой переправы къ Новороссійску отрѣзывала бы только малую часть земли Натухайцевъ и слѣдовательно не достигалось бы главной цѣли предполагаемаго сообщенія, которая состояла именно въ томъ, чтобы линія отъ переправы черезъ Кубань къ Новороссійску отрѣзывала всю землю Натухайцевъ или по крайней мѣрѣ бо̀льшую ея часть. Раевскій, предполагая устроить переправу у Варениковой пристани и желая имѣть поддержку Вревскаго у военнаго министра, приказалъ въ донесеніяхъ своихъ къ словамъ «Варениково пристань» прибавлять слова «у Новогригорьевскаго поста», такъ что Вревскій полагалъ, что переправа должна быть устроена тамъ, гдѣ онъ переправлялся черезъ Кубань, и дѣйствительно, вслѣдствіе этого сильно поддерживалъ предложеніе Раевскаго. Этимъ объясняется, почему инженеръ путей сообщенія Адеркасъ не нашелъ мѣстности, которую ему было поручено осмотрѣть.

Нѣсколько времени спустя послѣ моего пріѣзда въ Керчь пріѣхалъ изъ Ставрополя генеральнаго штаба полковникъ Шульцъ, впослѣдствіи генералъ лейтенантъ и Динамюндскій комендантъ, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Трескина. Раевскій, прочитавъ это письмо, подалъ его Филипсону и при этомъ сказалъ: «Прочтите это письмо, только не вслухъ». Въ

нѣмъ Трескинъ писалъ Раевскому, что послѣдній всегда его увѣрялъ въ своей дружбѣ, въ которой онъ и не сомнѣвался, но теперь Раевскому предстоитъ это доказать на дѣлѣ, упрятавъ подателя письма, надоѣвшаго Трескину своею глупостью, въ одну изъ безвыходныхъ трущобъ, которыми такъ богата Черноморская береговая линія.

Шульцъ, не довольно любезно принятый въ Ставрополѣ Граббе и Трескинымъ, старался перейти на береговую линію, но, конечно, не въ безвыходную трущобу, а думалъ замѣстить Филипсона. Для этого онъ дѣйствовалъ на Раевскаго черезъ Постельса, съ которымъ, какъ съ нѣмцемъ, скоро сошелся и вмѣстѣ съ нимъ расхваливалъ проекты Раевскаго. Но всего болѣе онъ насмѣшилъ насъ слѣдующимъ. Принесли во время обѣда годового сына Раевскаго (впослѣдствіи полковника въ Туркестанѣ). Шульцъ, слышавшій отъ кого-то, что Раевскій производитъ свой родъ изъ Даніи, желая угодить послѣднему, замѣтилъ, что въ выраженіи ребенка есть что-то датское. Онъ выразился какъ-то очень глупо, такъ что это подало поводъ Раевскому, большому цинику, тутъ же сказать, что развѣ жена его погрѣшила съ какимъ-либо датчаниномъ.

Шульцъ привезъ подтвержденіе того, что Граббе не можетъ назначить войска для конвоированія насъ при осмотрѣ мѣстности около Вареникової пристани. Поэтому Шульцъ и я рѣшились сдѣлать этотъ осмотръ тайнымъ образомъ, а такъ какъ необходимо было для осмотра воспользоваться холоднымъ временемъ, пока низменныя мѣста около Кубани находятся еще въ замерзшемъ состояніи, то и назначили сдѣлать осмотръ въ половинѣ февраля. На это нужно было согласіе Граббе. Найдено было полезнымъ, для сохраненія тайны, о нашемъ предположеніи не переписываться, а мнѣ ѣхать для испрошенія этого согласія. Съ означенною цѣлію я ѣздилъ въ Ставрополь и убѣдилъ Граббе въ необходимости исполнить этимъ способомъ возложенное на меня по Высочайшему повелѣнію порученіе. Давая свое согласіе, Граббе меня предупреждалъ, что я подвергаю себя большой опасности. Меня чрезвычайно удивило, что онъ въ тотъ же день за обѣденнымъ столомъ, за которымъ по обыкновенію сидѣло много офицеровъ, разсказалъ о нашемъ предположеніи, о томъ, что онъ предварялъ меня, насколько оно опасно, и присовокупилъ съ обыкновенною своею выспренностію, что если я попадусь при этомъ въ плѣнъ, то правительство меня выкупать не будетъ не изъ экономіи, но изъ принципа, такъ какъ и Римляне въ войнахъ съ дикими народами не выкупали попавшихся въ плѣнъ къ симъ послѣднимъ. Конечно, горцы немедля узнали о предполагавшемся нашемъ переходѣ черезъ Кубань, но не знали только дня, въ который онъ состоится. Граббе назначилъ генеральнаго штаба капитана Вревскаго (впослѣдствіи генералъ-лейтенанта, убитаго на Кавказѣ) командовать небольшимъ отрядомъ казаковъ при легкихъ орудіяхъ, который долженъ былъ во время перехода моего и Шульца на лѣвую сторону Кубани скрываться на правомъ ея берегу въ камышахъ для поданія, въ случаѣ надобности, намъ помощи.

Въ Ставропольѣ я попрежнему часто видался съ Граббе, поэтомъ Лермонтовымъ, Львомъ Пушкинымъ и графомъ Валерьяномъ Канкринымъ, старшимъ сыномъ министра финансовъ. Онъ былъ прапорщикомъ гвардіи. Тогда каждый годъ посылали нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ въ кавказскія экспедиціи. Валерьянъ былъ человѣкъ небольшого ума, но довольно острый и хорошій товарищъ. Видался я также съ Трескинымъ, вышеупомянутымъ Вревскимъ и другими лицами и время проводилъ весело.

Проѣзжая черезъ Екатеринодаръ, въ поѣздку мою въ Ставрополь и обратно въ Керчь, я останавливался у Завадовскаго, который также не одобрялъ предполагаемаго нами тайнаго перехода черезъ Кубань. Мѣстность у Варениковой пристани, вслѣдствіе близости отъ нея многочисленнаго и воинственнаго племени Шапсуговъ, почиталась очень опасною. Въ началѣ февраля были довольно сильные морозы. Я пріѣхалъ въ Тамань ночью и остановился въ нетопленой почтовой станціи, въ которой совершенно замерзъ. Утромъ узналъ я, что довольно сильный ледъ идетъ изъ Азовскаго въ Черное море и переправиться черезъ проливъ у Тамани невозможно, а что переправляются въ Керчь верстахъ въ 20 отъ Тамани съ косы, называемой Тузлою. Пріѣхавъ на мѣсто, я съ трудомъ нашелъ старосту казенныхъ перевощиковъ, который было хотѣлъ созвать людей для перевозки, но вдругъ отказался и какъ-то грубо выразился. Его грубость и въ особенности опасеніе, что я, задержанный переправою, при наступленіи теплой погоды не въ состояніи буду исполнить возложеннаго на меня порученія, такъ меня раздражили, что (и теперь еще не могу простить себѣ) я взбѣшенный вынулъ изъ ноженъ находившійся при мнѣ кинжалъ и пригрозилъ имъ означенному старостѣ, который немедля исчезъ, такъ что я ни его, ни казенныхъ перевозчиковъ не могъ нигдѣ найти. Оказалось, что кромѣ казеннаго перевоза былъ тутъ же вольный. Я отыскалъ вольныхъ перевозчиковъ, которые требовали за перевозку въ г. Керчь, всего около 10 верстъ, 25 руб. съ полученіемъ денегъ впередъ. Я согласился и мы проѣхали около половины означеннаго разстоянія, но шедшій ледъ не позволилъ намъ плыть до крымскаго берега и меня высадили на среднюю Тузлу. Это очень маленькій песчаный островъ, едва возвышающійся надъ горизонтомъ моря. На островѣ были двѣ рыбачьи хижины. Я вошелъ въ одну изъ нихъ погрѣться. Выйдя изъ хижины, я увидалъ, что привезшіе меня вольные перевозчики отплыли, выложивъ мои вещи на берегъ. Рыбаки, жившіе на островѣ, были бо́льшею частію малороссы, отличавшіеся сильнымъ тѣлосложеніемъ съ разбойничьимъ типомъ. Они пригласили меня обѣдать съ ними, но съ тѣмъ, чтобы мой слуга, Сергѣй Дорофѣевъ, ѣлъ за тѣмъ же столомъ. Меня посадили на почетное мѣсто подъ образами и мы ѣли всѣ вмѣстѣ очень вкусную уху и еще что-то изъ очень вкусной свѣжей рыбы. Послѣ обѣда они мнѣ сказали, что въ ихъ хижинахъ не курятъ и я вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ курилъ на чистомъ во́здухѣ, несмотря на довольно сильный холодъ. Когда я, лежа въ хижинѣ на скамьѣ, читалъ «Revue des deux mondes», нѣсколько человѣкъ

подходили ко мнѣ и, посмотрѣвъ на книгу говорили: «это не по нашему». Ночью они сильно натопили и я во снѣ видѣлъ, что весь горю, и проснувшись, я не могъ вытерпѣть этой жары и не одѣтый бросился изъ хижины. Мои хозяева сказали мнѣ, что они такъ много нажарили печь, думая мнѣ этимъ угодить.

На другой день они условились доставить меня за 15 руб. въ Керчь, но постоянно наблюдая въ бывшій со мною телескопъ, которымъ очень любовались, находили, что около крымскаго берега много льду, который не позволитъ намъ пристать къ берегу. Проведя еще одну ночь на островкѣ, мы отплыли утромъ и съ трудомъ причалили къ такъ называвшейся Павловской батареѣ. Тутъ была всего одна хижина, въ которой жилъ какой-то солдатъ. Я нанялъ у него телѣгу съ лошадью для доставленія моихъ вещей въ Керчь, а самъ пошелъ по замерзшему полю пѣшкомъ. Направленія, по которому пролегала дорога, не было видно, такъ какъ она вся была покрыта льдомъ. Я не разъ падалъ въ пересѣкающіе ее, покрытые тонкимъ льдомъ, ручьи и насквозь промокъ. Придя въ такомъ положеніи въ Керчь, я остановился въ гостиницѣ. Несмотря на то, что отведенная мнѣ комната была не топлена и очень холодна, я предпочелъ снять съ себя совершенно мокрыя платье и бѣлье и въ такомъ положеніи довольно долго просидѣлъ, пока не пріѣхалъ мой слуга съ вещами.

Въ Керчи было извѣстно, что черкесы выставили наблюдательные посты около Варениковой пристани, конечно, въ виду дошедшихъ до нихъ слуховъ о нашемъ переходѣ черезъ Кубань. Посты эти были ими сняты 15-го февраля. Узнавъ объ этомъ, Шульцъ и я въ сопровожденіи Филипсона отправились на Андреевскій постъ, гдѣ нашли Вревскаго съ его маленькимъ отрядомъ. Условлено было, что Вревскій по наступленіи темноты расположится въ камышахъ противъ Варениковой пристани на правомъ берегу Кубани и вышлетъ на маленькой лодкѣ десятокъ «пластуновъ» на лѣвый берегъ для осмотра, не скрываются ли вблизи черкесы, а я съ Шульцемъ на правомъ берегу Кубани будемъ ожидать до 10 ч. вечера результата ихъ поисковъ и если пластуны найдутъ, что черкесовъ нѣтъ вблизи на лѣвомъ берегу, то мы въ сопровожденіи войскового старшины (маіора) Ивана Лукича Посполитаки, одного офицера изъ служащихъ у насъ мирныхъ черкесовъ и одного казака переѣдемъ черезъ Кубань на другую сторону.

Названіе «пластунъ» было очень извѣстное тогда на Кавказѣ, но для читателя можетъ быть необходимо его пояснить. Пластунъ былъ казакъ Черноморскаго войска, безстрашный, отлично стрѣлявшій, проводившій большую часть жизни въ одеждѣ дикаря съ винтовкою въ рукѣ въ камышахъ подъ открытымъ небомъ. Про пластуновъ было повѣрье, что они заговорены отъ черкесскихъ выстрѣловъ, а что они даромъ выстрѣла не выпустятъ. Они по высокому, толстому и частому камышу ходили такъ, что ихъ движенія не было слышно, а между тѣмъ они какимъ-то чутьемъ разузнавали слѣдъ, по которому прошелъ черкесъ. Пластуны, вдвоемъ

или втроемъ, ходили къ непокореннымъ черкесскимъ племенамъ, переплывали для этого черезъ р. Кубань въ выдолбленномъ дубѣ, который одинъ изъ нихъ взваливалъ себѣ на спину, и отправлялись, какъ они выражались, на охоту. На этой охотѣ они убивали одного или двухъ черкесовъ, или уносили что-нибудь у послѣднихъ и возвращались цѣлы и невредимы.

При наступленіи сумерекъ 19-го февраля, когда мы собирались итти съ Андреевскаго поста на Вареникову пристань, Шульцъ мнѣ сказалъ, что онъ возьметъ съ собою только благородное оружіе, т.-е. шашку, а не огнестрѣльное, и надѣется, что я поступлю такъ же. Я отвѣчалъ, что я не возьму никакого оружія. Онъ этому очень удивился, но я шелъ безъ всякаго оружія вовсе не изъ храбрости, а потому, что оно мнѣ было бы безполезно въ случаѣ нападенія, такъ какъ я не умѣлъ имъ владѣть. Выйдя къ собравшемуся маленькому отряду казаковъ, Шульцъ не могъ удержаться, чтобы по принятому порядку не поздороваться съ ними въ ожиданіи громкаго отвѣта казаковъ: «Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе». Но казачьи войска на Кавказѣ не были къ этому пріучены и только нѣсколько казаковъ отвѣчали вышеприведеннымъ восклицаніемъ, другіе просто поклонились, а большая часть и того не сдѣлала. Если бы весь отрядъ отвѣчалъ громогласно, то это могло бы возбудить вниманіе черкесовъ и нарушить тайну нашего перехода. Къ тому же Шульцъ, произведенный въ полковники позже Филипсона, не имѣлъ и права въ присутствіи старшаго здороваться съ отрядомъ.

Мы отправились на Вареникову пристань и выслали десять пластуновъ на лѣвый берегъ Кубани. Въ ожиданіи ихъ возвращенія Шульцъ и я сидѣли у большой ветлы на берегу рѣки. Шульцъ, недавно женившійся и оставившій свою жену въ Лифляндіи, говорилъ мнѣ между прочимъ: «А что если бы наши жены знали, какой мы вскорѣ подвергнемся опасности». Я отвѣчалъ, что жена моя знаетъ объ этомъ. Замѣчаніе Шульца доказываетъ, что какъ бы человѣкъ ни былъ храбръ, а когда есть сердечная привязанность, то поневолѣ приходитъ на умъ опасаться несчастныхъ послѣдствій храбрости. Удостовѣрившись, что на лѣвомъ берегу Кубани нѣтъ вблизи черкесовъ, мы переплыли и спрятались въ камышахъ въ ожиданіи близкаго восхода луны. Шульцъ продолжалъ объяснять мнѣ свои проекты. Чтобы показать, до какой степени они были глупы, упомяну объ одномъ изъ нихъ. Онъ полагалъ завести такую академію, въ которой воспитывались бы постоянно двѣнадцать человѣкъ молодыхъ людей и выпускались бы послѣ шестилѣтняго курса прямо въ министры двѣнадцати частей, на которыя раздѣлялось бы государственное управленіе. Они оставались бы министрами въ продолженіе 6 лѣтъ, по прошествіи которыхъ были бы замѣнены вновь вышедшими изъ академіи, а сами, какъ опытные люди, засѣдали бы въ Государственномъ Совѣтѣ.

Шульцъ вскорѣ утомился и заснулъ, я же не могъ заснуть и каждый шорохъ камыша заставлялъ меня поворачивать голову. Пластуны

продолжали свое обозрѣніе мѣстности далѣе, и я не могъ надивиться ихъ способности ходить по камышамъ безъ малѣйшаго шума. Съ восходомъ луны я разбудилъ Шульца и мы отправились по камышамъ на болѣе возвышенную мѣстность, гдѣ было пахатное поле, откуда были видны разбросанныя сакли черкесовъ. Я замѣтилъ все, что мнѣ было нужно для составленія проекта сообщенія отъ Кубани до означеннаго возвышенія и утромъ мы вернулись на правый берегъ Кубани. Бывшіе съ нами пластуны успѣли утащить изъ горскихъ саклей топоры и еще какія-то вещи, не представлявшія никакой цѣнности.

Въ этотъ же день я поѣхалъ въ Ставрополь, гдѣ въ ожиданіи удобнаго пути для переѣзда съ женою въ Керчь занимался составленіемъ проекта устройства земляной насыпи и деревянныхъ мостовъ у предполагаемой чрезъ Кубань переправы, которая должна была состоять изъ парома значительныхъ размѣровъ.

Во второй половинѣ марта, купивъ очень помѣстительный тарантасъ съ колясочнымъ кузовомъ, я съ женою поѣхалъ въ Керчь. Проѣзжая по землѣ кубанскихъ казаковъ, мы услыхали пушечные выстрѣлы за Кубанью и вскорѣ повстрѣчали верховыхъ казаковъ съ чѣмъ-то перекинутымъ черезъ сѣдла, со всѣхъ сторонъ завернутымъ. Это были убитые въ стычкѣ, происходившей невдалекѣ, между нашими войсками и черкесами, я же увѣрилъ жену, что это везли провіантъ и фуражъ. Вскорѣ встрѣтились съ нами нѣсколько фуръ, наполненныхъ обвязанными и перевязанными ранеными съ кровавыми пятнами. Несмотря на это положеніе, они, встрѣчаясь со мною, снимали фуражки, какъ это было тогда установлено для нижнихъ чиновъ при встрѣчѣ ихъ съ офицерами. Въ казачьихъ станицахъ, черезъ которыя мы проѣзжали, хоронили убитыхъ въ означенной стычкѣ. Передъ Екатеринодаромъ мы остановились на ночлегъ на почтовой станціи, отъ которой въ разстояніи одной версты, на другомъ берегу Кубани, видны были огни, разведенные черкесами. Погода была хорошая, давно не было дождей, и мы безъ затрудненія проѣхали чрезъ Екатеринодаръ, гдѣ въ дожливое время экипажи и менѣе грузные, чѣмъ нашъ тарантасъ, тонули въ грязи, и такъ какъ ихъ нельзя было вытянуть изъ грязи нѣсколькими парами воловъ, то ихъ покидали до просушки. Также безъ затрудненій мы проѣхали днемъ вышеописанныя мною плавни. Черезъ Керченскій проливъ переѣхали мы въ баркасѣ, на который поставили тарантасъ. Я говорилъ уже о томъ, что жена моя боялась воды, но здѣсь надо было покориться необходимости. Въ Керчи мы наняли верхній этажъ въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Кобазова, между которымъ и Керченскимъ заливомъ лежали, такъ же какъ и передъ многими другими домами, кучи рыбы. Онѣ были такъ велики, что бѣдные люди брали изъ нихъ безплатно по десятку мелкихъ рыбъ, и на это никто не обращалъ вниманія.

У насъ вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ въ Керчь были Раевскій, князь Херхеулидзевъ, Лореръ и Мейеръ. Филипсонъ дичился женщинъ и по-

тому ни разу не былъ у жены моей. Она же хотя была также очень дика, но по настояніямъ Раевскаго познакомилась съ его женою, которая по своему уму и образованію ей понравилась до того, что она въ одинъ день была у Раевскаго два раза, но впослѣдствіи онѣ видались не очень часто: холодность Раевской оттолкнула жену мою.

Раевскій былъ очень любезенъ съ женою моею. Онъ былъ очень высокаго роста, но всегда ходилъ скорбленный. Разъ для того чтобы показать, какого онъ роста, онъ передъ нею выпрямился, и дѣйствительно ростъ его былъ необыкновенный. Чаще всѣхъ у насъ бывалъ Лореръ, который игралъ съ женою въ шахматы. Мы пріѣхали въ Керчь въ концѣ марта, но поля около Керчи были уже покрыты цвѣтами, которые жена со мною ходила каждый день собирать.

Раевскій настаивалъ на томъ, чтобы я въ донесеніи моемъ изложилъ пользу сообщенія области Черноморскихъ казаковъ съ укрѣпленіями на восточномъ берегу Чернаго моря. Онъ шутя говорилъ мнѣ нѣсколько разъ, что если я напишу сильно въ пользу этого сообщенія, то онъ за обѣдомъ будетъ давать мнѣ иностранное вино; если напишу не довольно сильно, то онъ будетъ давать свое крымское вино, которое мнѣ казалось очень плохимъ, а если напишу не въ пользу сообщенія, то онъ не только не дастъ вина, но и не будетъ приглашать къ обѣду. А такъ какъ, по его мнѣнію, въ Керчи негдѣ ѣсть кромѣ какъ за его обѣдомъ, то я умру съ голода, не представивъ никакого донесенія. Тогда пришлютъ другого инженера, который, узнавъ о причинѣ моей смерти, конечно, поостережется той же участи и напишетъ хорошо о предполагаемомъ Раевскимъ сообщеніи.

Совершенно неожиданно въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Керчь фельдъегерь, привезшій увольненіе Раевскаго отъ должности. Его вѣчные споры съ своими начальниками и въ особенности остроты на ихъ счетъ, наконецъ, надоѣли въ Петербургѣ. Раевскій вскорѣ уѣхалъ въ имѣніе на южный берегъ Крыма, гдѣ я его видѣлъ въ слѣдующемъ маѣ. Послѣ этого увольненія Раевскій прожилъ недолго. Ему было не много болѣе 40 лѣтъ. Извѣстно, что онъ и братъ его Александръ находились въ войну 1812 г. при отцѣ своемъ генералѣ Раевскомъ и что первому было въ то время 10, а послѣднему 15 лѣтъ.

Осуществленіе предположенія Раевскаго по устройству сообщенія между областью Черноморскихъ казаковъ и укрѣпленіями на восточномъ берегу Чернаго моря было личнымъ вопросомъ между Граббе и Раевскимъ. Съ увольненіемъ послѣдняго дѣло это въ глазахъ Граббе потеряло важность и онъ не обращалъ болѣе на него вниманія. На мѣсто Раевскаго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Іосифъ Романовичъ Анрепъ, находившійся также въ дурныхъ отношеніяхъ съ Граббе, но послѣдній, зная его ничтожность, не считалъ его, какъ Раевскаго, своимъ соперникомъ. Такъ какъ и возложенное на меня порученіе потеряло въ глазахъ Граббе важность, то онъ не находилъ болѣе надобности оставлять своей должности.

Еще въ январѣ я получилъ предписаніе графа Толя, что мнѣ по Высочайшей волѣ поручается осмотръ Сухума, по случаю предположенныхъ работъ для осушки окрестныхъ болотъ. Впослѣдствіи Анрепъ поручилъ мнѣ осмотрѣть казенныя зданія Анапскаго военнаго госпиталя. Донесеніе о способахъ для осушенія болотъ около Сухума и подробное описаніе госпиталя въ Анапѣ представлены мною Анрепу.

Для исполненія послѣднихъ двухъ порученій я плавалъ на пароходѣ по Черному морю. Восточный его берегъ, отъ Анапы до Сухума, представляетъ великолѣпное зрѣлище. На этомъ огромномъ протяженіи можно плыть близко отъ гористаго берега, весьма крутого, такъ что снѣжныя вершины горъ кажутся висящими надъ пароходомъ. Вся покатость берега усѣяна самою разнообразною растительностію: внизу растенія теплыхъ, выше растенія сѣверныхъ странъ, далѣе мохъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ. По всему берегу выстроены были русскія укрѣпленія въ разстояніи одно отъ другого приблизительно на 20 верстъ, какъ угрозы горцамъ и для воспрепятствованія имъ торговли и всякаго сообщенія съ турками. Но эти укрѣпленія не достигали цѣли: слишкомъ незначительныя съ ничтожными, хотя и храбрыми гарнизонами, они подвергались нападеніямъ горцевъ, которые успѣли въ одну зиму совсѣмъ уничтожить четыре изъ нихъ. Укрѣпленія не только не служили угрозою горцамъ, но роняли въ ихъ глазахъ могущество Бѣлаго Царя. Горцы, зная обширность Русской Имперіи, предполагали даже, что гарнизоны укрѣпленій были сосланы въ нихъ въ наказаніе, и дѣйствительно эти горнизоны истреблялись видимо отъ болѣзней и по своей малочисленности могли только защищаться отъ нападеній горцевъ и то не всегда, а наступательныхъ дѣйствій производить не могли. Укрѣпленія для сообщенія съ ними были устроены на самомъ берегу моря, а для того чтобы имѣть прѣсную воду, при впаденіи ручьевъ въ море, слѣдовательно на низменныхъ мѣстахъ, въ которыхъ свирѣпствовали постоянныя лихорадки и цынга, черезъ что гарнизоны укрѣпленій дѣлались еще малочисленнѣе, а огромные госпитали Анапскій и Ѳеодосійскій были наполнены больными съ береговой линіи. Смертность въ войскахъ была огромная. Укрѣпленія наши не мѣшали и сообщенію горцевъ съ турками. Турецкія шкуны въ виду укрѣпленій, внѣ пушечнаго выстрѣла, весьма недальняго по причинѣ малаго калибра орудій, причаливали къ берегу, выгружали привезенный товаръ и въ томъ числѣ порохъ и оружіе и, получивъ взамѣнъ горскихъ дѣвушекъ, уходили въ Турцію. Извѣстно, что при началѣ войны съ западными державами въ 1854 г. горнизоны этихъ укрѣпленій были сняты и счастливо перевезены для присоединенія къ другимъ нашимъ войскамъ. Для сообщенія съ укрѣпленіями и для недопущенія турецкихъ шкунъ подходить къ берегу вдоль его крейсировала поперемѣнно одна изъ дивизій нашего Черноморскаго флота, нѣсколько пароходовъ для перевозки войскъ и нѣсколько баркасовъ Азовскаго казачьяго войска. Но фрегаты и пароходы имѣли глубокую осадку и, несмотря на значительную глубину моря,

на большей части протяженія берега опасались гоняться за мелкосидящими шкунами, которыя при всякомъ вѣтрѣ причаливали вездѣ, а иногда, опасаясь погони, втягивались на самый берегъ. Только одни баркасы Азовскаго войска могли вездѣ слѣдить за ними, но число ихъ было недостаточно.

Опишу нѣкоторые эпизоды во время плаванія моего по Черному морю. Подходя къ укрѣпленіямъ, сигналомъ съ парохода спрашивали о томъ, благополучно ли въ нихъ и, по полученіи утвердительнаго отвѣта, начальствующія лица отправлялись въ шлюпкахъ въ укрѣпленія. Пароходы ходили не часто. На нихъ развозилась казенная и частная корреспонденціи гарнизоновъ. Раевскій былъ такъ лѣнивъ, что, постоянно лежа на пароходѣ, не всегда сходилъ съ него въ укрѣпленія, а посылалъ для осмотра ихъ Филипсона. При сильномъ вѣтрѣ иногда нельзя было пристать въ шлюпкѣ къ укрѣпленію, и тогда пароходъ по полученіи сигнальнаго отвѣта, что въ укрѣпленіи все обстоитъ благополучно, шелъ далѣе. Въ поѣздку мою съ Анрепомъ, плывшимъ въ первый разъ по восточному берегу, мы заходили во всѣ укрѣпленія. Когда сильный вѣтеръ затруднялъ причаливаніе пароходной шлюпки къ берегу, Панфиловъ, очень искусный и сильный, брался за руль и доставлялъ насъ къ берегу.

Въ Анапѣ я познакомился съ начальникомъ 1 отдѣленія Черноморской береговой линіи, свиты Его Величества контръ-адмираломъ Серебряковымъ, а въ Геленджикѣ съ начальникомъ 2 отдѣленія генералъ-маіоромъ графомъ Оперманомъ. Первый былъ армянинъ, хитрый до мозга костей, и слылъ человѣкомъ корыстолюбивымъ и вообще нехорошимъ. Второго также не хвалили, приводили много примѣровъ его скупости, между тѣмъ я отъ него получилъ подарокъ слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Геленджикъ одинъ черкесъ привезъ продавать рубашку изъ стальныхъ колецъ съ стальными же нарукавниками. Въ это время подобная черкесская одежда была рѣдкостью. Я хотѣлъ ее купить, но графъ Оперманъ сухо объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ ее за собою. Кто-то въ это время шепнулъ Оперману, что я ѣду на линію по Высочайшему повелѣнію съ порученіями отъ военнаго министра, и онъ немедля подошелъ ко мнѣ и съ большою любезностію просилъ меня принять въ память моего пребыванія въ Геленджикѣ означенную черкесскую одежду и никакъ не хотѣлъ, чтобы я заплатилъ за нее. Эту одежду я подарилъ впослѣдствіи генералъ-адъютанту Константину Николаевичу Посьету. Съ упомянутымъ Опермаюмъ, вскорѣ уволеннымъ съ береговой линіи, я болѣе не встрѣчался, а въ Венгерскую кампанію 1849 г. познакомился съ младшимъ его братомъ, бывшимъ тогда адъютантомъ фельдмаршала Паскевича, весьма добрымъ и благороднымъ человѣкомъ.

Возлѣ укрѣпленія Бомборъ жилъ владѣтельный князь Абхазіи, генералъ-маіоръ Михаилъ Шервашидзе, котораго я прежде видалъ въ Керчи. Шервашидзе въ Бомборахъ сѣлъ на нашъ пароходъ, чтобы плыть вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ Анрепомъ. Онъ былъ человѣкъ небольшого ума,

но чрезвычайно хитрый. Абхазцы его не любили. Обязанный Россіи своимъ положеніемъ владѣтельнаго князя, бывъ генералъ-адъютантомъ Русскаго Императора, онъ велъ себя дурно, когда турецкія войска подъ начальствомъ Омера-паши въ войну 1853—1856 гг. высадились на восточный берегъ Чернаго моря. Спустя нѣсколько времени послѣ означенной войны онъ былъ удаленъ изъ Абхазіи въ Воронежъ, гдѣ вскорѣ умеръ. Въ его имѣніи, близъ Бомборъ, былъ православный монастырь подъ начальствомъ особаго архимандрита, но вообще говорили, что онъ не имѣетъ, какъ и большая часть горцевъ западной части Кавказа, никакой религіи. По разнымъ примѣтамъ, какъ то: по нахожденію на ихъ земляхъ крестовъ, по уваженію ихъ къ нѣкоторымъ святымъ нашей церкви, надо полагать, что христіанство было распространено между ними, но что впослѣдствіи турецкое правительство старалось ихъ обращать въ магометанъ; оно не успѣло въ этомъ, и они остались безъ религіи.

Во время нашего плаванія съ Анрепомъ присоединился къ намъ очень старый, но еще весьма бодрый, знатный горецъ Каци-Моргани, генералъ-маіоръ русской службы. Въ молодости онъ былъ нашимъ заклятымъ и очень опаснымъ врагомъ, но убѣдясь, что война съ русскими окончится покореніемъ Кавказа, онъ перешелъ къ намъ и остался вѣренъ до смерти. Горцы очень уважали его, а кого уважали, того и любили. Подходя къ владѣтельному князю, они лбомъ касались къ его рукѣ. То же они дѣлали подходя и къ Каци-Моргани. Послѣдній носилъ бороду, которую красилъ красною краскою, и постоянно имѣлъ въ рукахъ плетку.

Изъ Сухума мы ѣздили въ имѣніе князя Александра Шервашидзе, двоюроднаго брата владѣтельнаго князя. Онъ жилъ въ довольно просторномъ деревянномъ домѣ, потчевалъ насъ азіатскими сладостями, кальяномъ и трубками съ длинными чубуками, а также обѣдомъ, приготовленнымъ по европейски.

Изъ имѣнія князя Александра Шервашидзе поѣхали мы въ долину Далъ, въ которую Н. Н. Муравьевъ, жившій въ Бомборахъ, дѣлалъ въ минувшемъ январѣ экспедицію. На полупути въ Цибельдѣ было поселеніе, состоявшее изъ русскихъ освобожденныхъ изъ плѣна. Въ этомъ числѣ были дѣйствительно попавшіеся въ плѣнъ къ горцамъ, а также и наши дезертиры, возвратившіеся отъ горцевъ.

Передъ деревнею встрѣтили насъ верхомъ нѣсколько крестьянъ и въ ихъ числѣ сельскій староста.

Видъ встрѣтившихъ насъ очень поразилъ меня и тогда я понялъ, что только потому я не находилъ особенностей въ русской физіономіи, что съ нею свыкся съ молодости. Сельскій староста оказался воронежецъ, слѣдовательно мой землякъ. Проѣзжая въ долину Далъ, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчали такія крутизны, или такіе большіе отвѣсные камни, что должны были сходить съ лошадей, влѣзать по крутизнамъ и камнямъ, въ то время какъ нашихъ лошадей вели подъ уздцы. Мѣста, по которымъ мы проѣзжали, были восхитительны. Между прочимъ, мы

ѣхали нѣсколько верстъ по лѣсу грецкихъ орѣховъ, которые въ это время цвѣли, и запахъ ихъ цвѣта былъ такъ силенъ, что отъ него болѣла голова. Около деревьевъ вился высокій дикій виноградъ. Вообще растительность была и красива, и величественна. Цѣлые лѣса лавровъ и рододендрона окружали Сухумъ и въ немъ употребляли эти деревья на топливо и изъ лавровъ дѣлали вѣники.

Раевскій, предугадывая, что Новороссійскій генералъ-губернаторъ князь М. С. Воронцовъ будетъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, велъ постоянную съ нимъ переписку. Онъ поссорился съ нимъ впослѣдствіи, поселясь въ имѣніи на южномъ берегу Крыма, за то, что Воронцовъ въ спорѣ Раевскаго съ туземнымъ татариномъ за какую то недвижимую собственность принялъ, по обыкновенію, сторону татарина. Не одинъ Раевскій предвидѣлъ назначеніе Воронцова на Кавказъ: хитрый атаманъ Черноморскихъ казаковъ Завадовскій ожидалъ того же и также съ нимъ поддерживалъ переписку. Раевскій, желая въ 1840 г. показать Черноморскую береговую линію Воронцову, привезъ его на пароходѣ въ Сухумъ и приказалъ принести лавры этому герою. Офицеры Сухумскаго гарнизона зная, что пароходы топятся каменнымъ углемъ, разсудили, что вѣрно требуется вымести пароходъ, и изготовили для Воронцова изъ лавровъ не вѣнки, а вѣники.

Я плохо ѣздилъ верхомъ и потому, садясь на лошадь, снималъ шашку и отдавалъ ее бывшему при мнѣ казаку, находя, что она мнѣ только мѣшаетъ. Горцы, видя меня безъ оружія и привыкнувъ съ молодости не покидать его, очень этому удивлялись. Нѣкоторые изъ нихъ, подъѣзжая къ Анрепу, подлѣ котораго я бо̀льшею частію ѣхалъ, показывали на меня и говорили, что я вѣрно мулла.

Во время нашего обратнаго плаванія съ Анрепомъ къ намъ на пароходъ явился хорунжій Азовскаго казачьяго войска Оленниковъ, только что взявшій турецкую шкуну съ 150 проданными черкешенками, которыхъ везли въ Турцію. Этотъ хорунжій былъ очень храбрый человѣкъ безъ всякаго образованія. Когда офицеры, бывшіе на пароходѣ, спрашивали, какъ онъ своими баркасами взялъ шкуну, онъ отвѣчалъ: «Взялъ на абордажъ; да что толковать, я вѣдь не архитекторъ, разсказать не съумѣю, а взять возьму». При этомъ онъ прихвастнулъ, что онъ на абордажъ возьметъ и англійскій корабль, хотя онъ такихъ кораблей никогда не видалъ. Большая часть 150 плѣнныхъ черкешенокъ впослѣдствіи вышли замужъ за нашихъ нижнихъ чиновъ на береговой линіи, гдѣ былъ совершенный недостатокъ въ женщинахъ. Родственницы этихъ черкешенокъ приходили въ укрѣпленія видѣться съ ними и очень удивлялись тому, что онѣ дозволяли себѣ дарить разныя вещи, принадлежавшія ихъ мужьямъ, и вообще распоряжаться собственностію своихъ мужей, тогда какъ ихъ матери и родственницы въ горахъ были рабынями своихъ мужей.

При подходѣ нашемъ къ укрѣпленію «Гагры» мы услыхали выстрѣлы

въ лѣсу. Гагры были выстроены подъ горою, съ которой ловко брошенный камень могъ попасть внутрь укрѣпленія.

На пароходѣ нашемъ было много солдатъ, которыхъ развозили по разнымъ укрѣпленіямъ. Всѣ взялись за ружья и ждали высадки на берегъ, чтобы принять участіе въ стычкѣ. Взойдя въ упрѣпленіе, мы узнали, что часть его гарнизона ходила въ лѣсъ нарубить для топлива дровъ, гдѣ была встрѣчена горцами, которые были прогнаны прежде чѣмъ солдаты успѣли прибыть съ парохода. Эти такъ называемыя «дровяныя экспедиціи» для вырубки нѣсколькихъ деревъ рѣдко обходились безъ кровопролитія, но тѣ, которыя дѣлались при мнѣ, обошлись безъ выстрѣла и потому Анрепъ шутя говаривалъ, что для одного этого стоило бы меня оставить на береговой линіи. Въ Гаграхъ я нашелъ стараго моего знакомаго, воспитанника 1-го лицейскаго выпуска, полковника Данзаса, который безпрерывно отпускалъ остроты и каламбуры, большею частью неудачные.

При одномъ изъ укрѣпленій имѣлась отдѣльно выстроенная неприступная башня. Я хотѣлъ осмотрѣть ее, но внѣ укрѣпленія нельзя было безъ конвоя сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ. Нарядили конвой и со мною пошелъ Филипсонъ. Башня была деревянная о трехъ этажахъ. Въ нижнемъ этажѣ хранились продовольствіе для нижнихъ чиновъ, которыхъ въ башнѣ было человѣкъ 20, и порохъ; второй этажъ былъ занятъ ихъ кроватями, въ третьемъ же были въ стѣнахъ амбразуры для стрѣльбы и внутренняя лѣстница, которая вела на наружный балконъ, устроенный около всей башни. Въ полу этого балкона были продѣланы отверстія для навѣсныхъ ружейныхъ выстрѣловъ на случай близкаго подхода непріятеля къ башнѣ. Взойдя на эту стрѣльницу, мы увидали, что всѣ отверстія въ полу, за исключеніемъ одного или двухъ, были закрыты деревянными кружками. На вопросъ Филипсона, зачѣмъ закрыты эти отверстія, нижніе чины отвѣчали, что они всѣ вмѣстѣ никогда за нуждой не ходятъ, а болѣе по одному, и потому имъ и одного отверстія достаточно. Вотъ какъ объяснилъ себѣ русскій солдатикъ поводъ устройства навѣсной стрѣльницы. Оказалось, что съ самаго устройства башни никто не объяснялъ нижнимъ чинамъ способа защищаться въ этой башнѣ и едва ли кто изъ начальствующихъ лицъ бывалъ въ ней. Впрочемъ вообще укрѣпленія на берегу Чернаго моря были устроены слишкомъ сложно, фасы противъ моря ничѣмъ не были защищены, расположеніе-же другихъ фасовъ было такое мудреное, что мѣстные начальники укрѣпленій, большею частію полуграмотные, конечно, не знали какъ воспользоваться ими при защитѣ. Филипсонъ и я рѣшили, что необходимо положить по штату укрѣпленій «нѣмцевъ» для объясненія гарнизонамъ всѣхъ этихъ мудреныхъ построекъ.

Въ укрѣпленіи Св. Духа (Адлерѣ), гдѣ при занятіи мѣстности подъ укрѣпленіе погибъ литераторъ Александръ Бестужевъ (Марлинскій), я остался нѣсколько дней по случаю переговоровъ съ немногочисленнымъ, но воинственнымъ племенемъ Джигетовъ, о принятіи ими русскаго под-

данства. Переговоры эти велъ начальникъ 3-го отдѣла береговой линіи Муравьевъ черезъ переводчика. Въ Адлерѣ я и адъютантъ Анрепа, прапорщикъ Нижегородскаго драгунскаго полка Николай Петровичъ Колебякинъ, жили съ Муравьевымъ въ одной комнатѣ. Горцы большіе охотники много говорить, старшины Джигетскаго племени заговаривали Муравьева, и когда онъ, бывало, совершенно утомится, то оставлялъ для разговоровъ съ ними меня и Колебякина. Мы придумывали для переговоровъ съ ними разныя фразы и между прочимъ сказали имъ тираду изъ «Марѳы Посадницы» Карамзина, что народы дикіе любятъ свободу и независимость, а народы мудрые любятъ тишину и спокойствіе, которыми мы ихъ прельщали. Они соглашались, что наши слова справедливы и разумны. При переговорахъ наибольшее содѣйствіе оказывалъ вышеупомянутый Каци-Моргани, который много имъ толковалъ на ихъ языкѣ, постоянно помахивая плеткою. Наконецъ Джигетскіе старшины присягнули Русскому Императору, но за неимѣніемъ корана они присягали на какой-то толстой книгѣ, кажется, на басняхъ Крылова; тѣмъ не менѣе, они оставались вѣрны своей присягѣ до 1865 г., когда были выселены всѣ горскія племена съ западной части Кавказа. Подобная вѣрность присягѣ со стороны черкесовъ была исключеніемъ. Горцы, обитавшіе въ западной части Кавказа, были народъ физически хорошо сложенный и выказывавшій хорошія умственныя способности. Многіе изъ нихъ были остроумны. Когда на ихъ замѣчаніе, что русскіе напрасно ихъ затрогиваютъ, имъ отвѣчали, что они подданные Русскаго Императора и не должны сопротивляться его волѣ, такъ какъ турецкій султанъ по Адріанопольскому миру ихъ уступилъ Русскому Императору, то они говорили, что султанъ не имѣлъ на это никакого права и одинъ изъ нихъ прибавилъ: «Видите птичку на этомъ деревѣ; я вамъ ее дарю, какъ султанъ подарилъ насъ Императору, и владѣйте ею, если съумѣете». Послѣ покоренія западнаго Кавказа всѣ эти племена почти исчезли во время переселенія ихъ въ Турцію и въ самой Турціи отъ нужды и болѣзней. Нельзя не пожалѣть о томъ, что наша война на Кавказѣ кончилась не покореніемъ этихъ племенъ, а ихъ исчезновеніемъ.

Колебякинъ былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ на береговую линію вмѣстѣ съ Анрепомъ въ званіи адъютанта послѣдняго. При блестящихъ способностяхъ, хорошемъ образованіи, онъ любилъ много говорить и выражался очень рѣзко. Вспыльчивость его не имѣла предѣловъ и жить съ нимъ въ мирѣ было очень трудно. По пріѣздѣ на береговую линію онъ не сошелся съ Филипсономъ, а такъ какъ онъ имѣлъ большое вліяніе на Анрепа, то я очень опасался, что Филипсонъ принужденъ будетъ, во избѣжаніе постоянныхъ ссоръ, оставить береговую линію, что могло бы имѣть дурныя послѣдствія, но до явной ссоры между Колебякинымъ и Филипсономъ не дошло и послѣдній оставилъ береговую линію только при полученіи высшаго назначенія, именно начальника штаба войскъ,

расположенныхъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи. Колебякиныхъ было на Кавказѣ два брата, и для отличія одного изъ нихъ называли «мирной», а другого, именно Николая, «не мирной». Подъ этими названіями они были извѣстны не только на Кавказѣ, но почти во всей Россіи. Николай Колебякинъ началъ службу въ Уланскомъ полку, стоявшемъ въ Коломнѣ, за дерзкіе поступки относительно своего полкового командира, по рѣшенію военнаго суда, онъ разжалованъ въ рядовые съ переводомъ на службу на Кавказъ, гдѣ за отличіе произведенъ въ прапорщики. Онъ въ 1840 г. сопровождалъ Анрепа въ горы на восточной части Кавказа, когда послѣдній вздумалъ усмирять горцевъ тѣмъ, что идя къ нимъ безъ конвоя онъ имъ показывалъ, что ихъ не боится, а также словесными убѣжденіями, хотя онъ не зналъ ихъ языка и вообще не имѣлъ къ тому способности. При этомъ путешествіи, въ то время какъ Анрепъ убѣждалъ толпу горцевъ въ необходимости предаваться только мирнымъ занятіямъ, одинъ изъ горцевъ въ него выстрѣлилъ. Пуля задѣла только платье Анрепа и онъ увѣрялъ горцевъ, что самъ Богъ противится злоумышленнику, котораго онъ прощаетъ и просилъ его не наказывать. Я часто слышалъ разсказъ объ этомъ отъ Анрепа и отъ Колебякина, но теперь, спустя 30 лѣтъ, можетъ быть передаю его не совсѣмъ вѣрно.

Я видѣлся еще съ Колебякинымъ на Кавказѣ въ 1842 г. Онъ, постоянно служа на Кавказѣ, скоро вышелъ въ чины и въ началѣ 60-хъ годовъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ и генералъ-губернаторомъ Имеретинскимъ. Несмотря на это положеніе и на лѣта, онъ оставался все тѣмъ же прапорщикомъ, шумѣлъ, бѣсновался и пылилъ. По какому то неудовольствію, вызванному его неуживчивымъ характеромъ и вспыльчивостію, онъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора съ назначеніемъ сенаторомъ въ Москву. Послѣ 1842 г. я его видѣлъ только два раза. Въ первый разъ мы ѣхали съ нимъ вдвоемъ въ отдѣленіи вагона Царскосельской желѣзной дороги. Колебякинъ сидѣлъ далеко отъ меня, я его не узналъ: изъ пригожаго молодого человѣка онъ сдѣлался плѣшивымъ старикомъ, но я замѣчалъ, что физіономія сидѣвшаго со мною генерала какъ-то по временамъ измѣнялась и онъ сурово на меня смотрѣлъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, сильно хлопнувъ саблею по полу вагона, спросилъ меня, узнаю ли я его. Я отвѣчалъ, что не узналъ прежде, а по стучанью саблею и по тону вопроса узнаю «не мирного». Другой разъ я встрѣтилъ его въ 1865 г. въ Карлсбадѣ, куда онъ пріѣхалъ не лечиться, а, какъ и многіе другіе, поклониться лечившемуся въ Карлсбадѣ фельдмаршалу князю Барятинскому, чтобы испросить чрезъ него какую-либо Высочайшую милость. Колебякину, кажется, нужно было испросить денежное пособіе, но ему не удалось своимъ пріѣздомъ въ Карлсбадъ достигнуть этого. Въ короткое пребываніе Колебякина въ Карлсбадѣ мы видѣлись каждый день. Передъ его отъѣздомъ нѣкоторые русскіе, и въ томъ числѣ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ Петръ Кононовичъ Меньковъ, хотѣли съ нимъ познакомиться. Положено было

большимъ обществомъ русскихъ обѣдать за однимъ столомъ на террасѣ Salle de Saxe, гдѣ на разныхъ столахъ обѣдали нѣсколько сотенъ посѣтителей Карлсбада. За обѣдомъ Колебякинъ говорилъ много, велъ себя какъ юный прапорщикъ и при концѣ обѣда, когда оберъ-кельнеръ пришелъ съ большимъ портмонэ, наполненномъ австрійскими ассигнаціями, для расчета, онъ сказалъ ему нѣсколько словъ изломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ и, очень искусно взявъ изъ рукъ оберъ-кельнера его портмонэ, положилъ это портмонэ въ карманъ и отбѣжалъ въ сторону. Нѣмецъ остолбенѣлъ; очень уважавшій всѣхъ русскихъ, сидѣвшихъ за столомъ, за даваемый ими щедрый тринкъ-гельдъ, онъ не зналъ, что ему дѣлать. Прошло довольно времени, прежде чѣмъ Колебякинъ возвратилъ портмонэ остолбенѣвшему нѣмцу. За обѣдомъ Колебякинъ пилъ немного, но дурачился повидимому съ тѣмъ, чтобы не выказать, что онъ чѣмъ то недоволенъ, и именно отказомъ фельдмаршала въ его просьбѣ. Послѣ обѣда, продолжая дурачиться и идя съ нами по пуппенъ-аллеѣ, карлсбадскому гулянью, онъ схватилъ у какого-то слуги пустую двухколесную колясочку, въ которой возятся больные, и бросился въ нее. Колясочка опрокинулась и онъ упалъ навзничь. Нѣмцы давно уже наблюдали за его дурачествами. По его лицу они думали, что онъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, но когда онъ упалъ и шляпа свалилась съ его головы, они увидали по совсѣмъ плѣшивой головѣ и оставшимся клочьямъ сѣдыхъ волосъ, что это былъ человѣкъ пожилой. Понятно, какъ это должно было удивить нѣмцевъ, особенно тѣхъ, которые узнали, что дурачившійся господинъ былъ русскій генералъ-лейтенантъ и сенаторъ. Послѣ этой продѣлки Колебякинъ ушелъ домой и въ тотъ же день, ни съ кѣмъ не простясь, уѣхалъ. Меньковъ былъ очень недоволенъ, что я его познакомилъ съ Колебякинымъ.

Анрепъ былъ настоящій рыцарь, но «крѣпкоголовый», какъ выразился Пушкинъ объ одномъ изъ моихъ предковъ. Онъ ставилъ обязанности службы выше всего на свѣтѣ и потому, хотя считалъ себя не русскимъ, вдавался въ самыя большія опасности, исполняя свой долгъ какъ офицеръ русской службы. Будучи добрѣйшимъ человѣкомъ, онъ равнодушно подвергалъ страшнымъ наказаніямъ подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ.

Что онъ не считалъ себя русскимъ, не требуетъ доказательства для тѣхъ, кто знакомъ съ образомъ мыслей нашихъ дворянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Изъ многихъ разговоровъ его по этому предмету я укажу на слѣдующій. Мы ѣхали съ нимъ верхомъ рядомъ и онъ долго смотрѣлъ на меня съ соболѣзнованіемъ и сказалъ, что ему жалко меня. На мой вопросъ, отчего я кажусь ему такимъ жалкимъ, онъ отвѣчалъ: «Вы не принадлежите болѣе къ нашему рыцарству, такъ какъ вы болѣе не лютеранинъ, а православный. Не понимаю, какъ могъ отецъ вашъ согласиться на такой неравный бракъ». Мы говорили по французски и я неравнымъ бракомъ перевожу употребленное имъ слово mesaillance. Сужденіе Анрепа

не могло не вызвать улыбки на моемъ лицѣ. Я просилъ его утѣшиться, такъ какъ я записанъ въ эстляндской дворянской книгѣ и слѣдовательно принадлежу къ эстляндскому рыцарству и сказалъ, что неравныхъ браковъ по моему мнѣнію не существуетъ, но если и принять взглядъ аристократовъ на неравные браки, то предполагаемый имъ мезальянсъ былъ со стороны моей матери, а не отца, такъ какъ мать моя княжна Волконская изъ Рюрикова рода, одного изъ самыхъ древнихъ родовъ въ Европѣ, а родъ отца моего принадлежитъ къ тѣмъ многочисленнымъ родамъ, которые извѣстны въ исторіи только покореніемъ мѣстныхъ населеній на прибрежьѣ Балтійскаго моря, обращеніемъ ихъ въ рабство, а также принудительнымъ обращеніемъ изъ язычества, а частію и изъ православія въ римское католичество, а впослѣдствіи въ лютеранство, и постояннымъ впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ раззореніемъ. Къ этому я прибавилъ, что означенные роды нашихъ прибалтійскихъ губерній и въ томъ числѣ мой родъ впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій не играли и не могли играть, по ихъ положенію, никакой роли въ исторіи и только по присоединеніи къ великой русской державѣ нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались извѣстными; что видя, какъ иновѣрцы въ Россіи чуждаются своего отечества, я очень радъ, что крещеніемъ въ православную вѣру я совершенно сблизился съ нашимъ общимъ отечествомъ. На это онъ возразилъ мнѣ, что онъ, а равно и многіе изъ прибалтійскихъ дворянскихъ родовъ, служатъ Русскому Императору, а не Россіи, не хуже русскихъ. Не отрицая этого, я прекратилъ безполезный разговоръ. Анрепъ повторилъ мнѣ въ Венгріи приведенную фразу черезъ 8 лѣтъ, позабывъ конечно нашъ разговоръ на Кавказѣ. Я ему напомнилъ о немъ и сказалъ, что и отвѣтъ мой будетъ тотъ же, такъ какъ я нисколько не измѣнилъ своихъ убѣжденій.

Вслѣдствіе довольно благопріятной погоды при моемъ плаваніи по Черному морю я не испыталъ морской болѣзни, но голова была постоянно тяжела, такъ что я почти ничѣмъ не могъ заниматься на пароходѣ. Сверхъ того, частыя наказанія линьками провинившихся матросовъ производили во мнѣ отвращеніе, равно какъ и наказаніе, которому командиръ парохода, бывшій въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, подвергнулъ одного изъ служившихъ на пароходѣ мичмановъ, приказавъ ему долго просидѣть на салингѣ. Это сидѣнье на салингѣ нельзя не признать тѣлеснымъ наказаніемъ. Дворяне освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, а между тѣмъ мичмана, конечно, дворянина, могли подвергать подобному наказанію. Вообще путешествіе моремъ мнѣ не полюбилось.

Во второй половинѣ мая окончивъ мои порученія на Кавказѣ, я оставилъ Керчь. Анрепъ дозволилъ мнѣ отправиться на одномъ изъ принадлежащихъ береговой линіи военныхъ пароходовъ, посланномъ по служебнымъ надобностямъ въ Одессу. Командиръ парохода уступилъ женѣ моей каюту, въ которой обыкновенно помѣщались начальникъ береговой линіи и адмиралы, отлично кормилъ насъ, потчевалъ только что созрѣвшими на южномъ берегу Крыма ягодами черешни, которыхъ мы прежде не ѣдали,

и заходилъ по моей просьбѣ въ разныя мѣста южнаго берега Крыма, красота котораго впрочемъ, послѣ моего плаванія у восточнаго берега Чернаго моря, не произвела на меня вліянія. Послѣдній до того величественъ, что южный берегъ Крыма мнѣ показался пародіею на него.

Въ это путешествіе я заѣзжалъ на южномъ берегу въ имѣніе Раевскаго, гдѣ поразила меня бездна цвѣтовъ и въ особенности розановъ. Раевскаго я видѣлъ тогда въ послѣдній разъ. Жена моя, которая очень боялась воды, рѣшилась выйти на берегъ только въ Ялтѣ. Въ это время вѣтеръ посвѣжѣлъ и мы съ трудомъ причалили къ берегу. Осмотрѣвъ Никитскій садъ и другія окрестности Ялты, мы воротились на пароходъ. Весна была теплая и потому зелень успѣла уже пожелтѣть, такъ что женѣ моей, большой любительницѣ растеній, крымская растительность не понравилась и она, увидавъ лѣса при въѣздѣ нашемъ въ Полтавскую губернію, восхищалась ими и ставила ихъ выше всего видѣннаго около Ялты.

Жена моя во время плаванія не испытала морской болѣзни, только чувствовала постоянную тяжесть въ головѣ; ѣхавшая же съ нами Е. Е. Радзевская была все время плаванія истинною страдалицею. Прибывъ въ Севастополь, гдѣ нашъ пароходъ остановился у самаго берега пристани, командиръ парохода уѣхалъ въ городъ. Въ его отсутствіе жена сказала мнѣ, что она не можетъ долѣе видѣть страданія Е. Е. Радзевской, а потому полагаетъ оставить пароходъ и ѣхать въ нашемъ тарантасѣ, который мы въ Керчи поставили на палубу парохода. Я пошелъ въ Севастополь, предъявилъ на почтовой станціи мою подорожную и, поверхностно осмотрѣвъ городъ, воротился на пароходъ, съ котораго стащили нашъ тарантасъ и въ него уже были впряжены почтовыя лошади. Командиръ парохода еще не возвращался и мы, не поблагодаривъ его за истинно-радушное гостепріимство, уѣхали, поручивъ младшимъ офицерамъ парохода изъявить нашу благодарность ихъ начальнику.

Не буду описывать подробностей нашего обратнаго путешествія, скажу только, что предполагая ѣхать черезъ Херсонъ для свиданья съ двоюроднымъ братомъ моимъ Гурбандтомъ, бывшимъ тогда помощникомъ окружного начальника внутренней стражи, а оттуда въ Одессу для осмотра этого города, мы остановились на перекресткѣ дорогъ, ведущихъ на Одессу и на Москву. Подумавъ немного, мы рѣшились ѣхать черезъ Москву и такимъ образомъ я ни моремъ, ни сухимъ путемъ не попалъ въ Одессу. Въ Москвѣ мы оставили свой часто ломавшійся тарантасъ и доѣхали до Петербурга въ почтовой каретѣ.

Пріѣхавъ въ первой половинѣ іюня въ Петербургъ поздно ночью, я послалъ къ моему товарищу А. И. Баландину взять мой мундиръ и другія вещи, которыя я, полагая ѣхать черезъ Одессу и слѣдовательно не заѣзжая въ Москву, заблаговременно распорядился отправить къ нему. Посланный къ Баландину воротился сказать, что послѣдній посаженъ на гауптвахту на Сѣнной площади. Это меня очень поразило. Я поѣхалъ на гауптвахту, на которой караулъ содержали армейцы, такъ какъ гвардія

была въ это время въ лагерѣ. Караульный офицеръ, исполняя въ точности служебныя постановленія, не согласился допустить меня до свиданія съ Баландинымъ безъ особаго разрѣшенія плацъ-маіора и даже не согласился передать Баландину мое требованіе, чтобы послѣдній черезъ него передалъ ключъ отъ своей квартиры. Впослѣдствіи по полученіи разрѣшенія плацъ-маіора я видался каждый день съ Баландинымъ и узналъ отъ него причину его ареста. Онъ ѣхалъ изъ Царскаго села въ Петергофъ на извозчикѣ въ одну лошадь и о чемъ-то задумался. Вдругъ подскочилъ къ нему какой-то штабъ-офицеръ верхомъ и что-то кричалъ, вслѣдъ затѣмъ подскочили верхомъ же еще нѣсколько штабъ-офицеровъ и генераловъ. Изъ ихъ криковъ Баландинъ сообразилъ, что онъ встрѣтился съ Государемъ, что подъѣзжавшіе къ нему принадлежатъ къ свитѣ и что ему приказываютъ ѣхать въ Петербургъ къ главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями, графу Толю, которому поручено было посадить Баландина на гауптвахту за то, что не отдалъ чести Государю при встрѣчѣ, а потомъ когда къ нему подъѣзжали посланные Государемъ генералы, то не приложилъ руки къ фуражкѣ.

Имѣя въ виду, что все нужное мнѣ платье отправлено изъ Москвы въ Петербургъ, я оставилъ въ Москвѣ бывшее со мною на Кавказѣ, при переѣздахъ, довольно потертое. Не имѣя возможности скоро увидѣться съ Баландинымъ и опасаясь, что военный министръ князь Чернышевъ узнаетъ о моемъ пріѣздѣ изъ донесеній, присылаемыхъ съ городскихъ заставъ, на которыхъ тогда записывались подорожныя всѣхъ въѣзжающихъ въ городъ и выѣзжающихъ изъ него, я рѣшился на другое утро поѣхать къ нему въ дорожномъ сюртукѣ. По моему костюму приняли меня за курьера и такъ доложили Чернышову. Онъ вышелъ ко мнѣ въ совершенномъ неглиже и я увидалъ дряхлаго старика, хотя ему не было болѣе 57 лѣтъ, вмѣсто красиваго мужчины, которымъ я всегда привыкъ его знать: такъ онъ умѣлъ растягивать свои морщины и украшать свое лицо, что нельзя было подозрѣвать въ немъ разрушающагося старика. Увидавъ меня, онъ извинился, что вышелъ ко мнѣ въ неглиже, и приказалъ ожидать его въ канцеляріи военнаго министра, въ домѣ бывшемъ Лобанова, подлѣ Исаакіевскаго собора. Вскорѣ онъ пріѣхалъ въ канцелярію и очень благодарилъ за хорошее исполненіе возложеннаго на меня порученія. Графъ Толь былъ въ это время боленъ и не могъ принять меня.

Въ Высочайшемъ приказѣ 25 іюня 1841 г. объявлено мнѣ за исполненіе возложеннаго порученія на Кавказѣ, оконченнаго съ похвальнымъ усердіемъ (слова приказа), особое Монаршее благоволеніе. Впослѣдствіи слово «особое» исчезло изъ моего формулярнаго списка при сдѣланномъ общемъ распоряженіи объ уничтоженіи прилагательныхъ при объявленныхъ Высочайшихъ благоволеніяхъ и удовольствіяхъ. Въ то время Высочайшія благоволенія давались всѣмъ состоящимъ въ офицерскихъ чинахъ за смотры, за ученія и почти не считались наградою. Итакъ за проѣздъ на свои собственныя средства нѣсколькихъ тысячъ верстъ, боль-

шею частію по неудобопроѣзжимъ дорогамъ, за опасность, которой я подвергался при переходѣ черезъ Кубань въ землю непокорныхъ горцевъ, и за окончаніе съ особою помпою возложеннаго на меня важнаго дѣла, оконченнаго, какъ выражено въ Высочайшемъ приказѣ, съ похвальнымъ усердіемъ, я награжденъ былъ Высочайшимъ благоволеніемъ наравнѣ съ офицеромъ, взводъ котораго прошелъ церемоніальнымъ маршемъ предъ Государемъ. Полученіе такой награды объясняется только тѣмъ, что я служилъ въ вѣдомствѣ, въ которомъ ничего не давалось. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы я служилъ въ военномъ вѣдомствѣ, то получилъ бы за означенное порученіе или чинъ, или Владимірскій крестъ, а еще вѣрнѣе обѣ награды вдругъ и подъемныя деньги въ вознагражденіе хотя части издержанныхъ мною.

Проѣзжая въ Петербургъ черезъ Москву, я имѣлъ удовольствіе видѣть въ ней сестру А. И. Викулину, которая съ мужемъ и старшею дочерью Валентиною пріѣхала для закупки приданаго внукѣ С. А. Викулина, Марьѣ, дочери старшаго его сына Алексѣя, бывшей тогда невѣстою поручика Николая Муравьева. Сестра съ мужемъ провели со мною вечеръ въ прекрасномъ саду дома Левашевыхъ. Зять мой С. А. Викулинъ, хотя почувствовалъ простуду въ этотъ вечеръ, но на другой день крестилъ внука своей покойной сестры, Сергѣя Васильевича Танѣева, впослѣдствіи состоявшаго по особымъ порученіямъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ. Послѣ этого выѣзда онъ сдѣлался опасно боленъ. Объ этой болѣзни сестра моя немедля увѣдомила меня и жившихъ въ Петербургѣ сына его Семена и двухъ дочерей: вдову Настасью Вадковскую и Татьяну Норову. Послѣдняя немедля отправилась съ мужемъ въ Москву и была часто у больного отца. Попеченія моей сестры о больномъ мужѣ не помогли: С. А. Викулинъ скончался 30 іюня. По полученіи этого извѣстія въ Петербургѣ я былъ у его сына Семена, бывшаго всегда съ сестрою моею и со мною въ хорошихъ отношеніяхъ. Мы говорили съ нимъ о томъ, что, конечно, покойный оставилъ завѣщаніе, что вѣрно по этому завѣщанію наслѣдниками наибо́льшей части имѣнія назначены онъ и сестра моя и при этомъ полагали, что капиталъ покойнаго состоитъ изъ нѣсколькихъ милліоновъ руб. асс. С. С. Викулинъ говорилъ о сестрѣ моей попрежнему съ полнымъ уваженіемъ и заявлялъ о своей къ ней привязанности. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву съ сестрою Вадковскою, я съ женою моею поспѣшилъ туда же вслѣдъ за нимъ.

По пріѣздѣ въ Москву я нанялъ для себя домъ въ переулкѣ близь Мясницкой, противъ церкви свв. Флора и Лавра, а для сестры на Мясницкой же рядомъ съ домомъ бывшимъ Арсеньева, впослѣдствіи принадлежавшимъ желѣзнодорожному дѣятелю Карлу Ѳеодоровичу фонъ-Мекку. Я нашелъ сестру мою весьма огорченною постигшимъ ее горемъ и сильно встревоженною, равно какъ и мать мою, (пріѣхавшую изъ с. Колодезскаго по полученіи извѣстія о кончинѣ ея зятя, о которой сообщилъ ей пріѣзжавшій для сего въ Колодезское братъ ея князь Дмитрій Волконскій),

необыкновенно дерзкимъ обращеніемъ съ сестрою ея пасынка, падчерицъ и мужа одной изъ нихъ П. Д. Норова. Покойный С. А. Викулинъ желалъ быть похороненнымъ въ церкви с. Колодезскаго, гдѣ онъ приготовилъ себѣ могилу. Сестра моя подала просьбу Московскому военному генералъ-губернатору князю Голицыну о дозволеніи вывезти тѣло ея мужа изъ Москвы, но ей этого дозволенія не было дано, а приказано, согласно просьбѣ его дѣтей отъ перваго брака, похоронить ея мужа въ Симоновомъ монастырѣ. Это сдѣлано было дѣтьми Викулина отъ перваго брака собственно для того, чтобы нанести непріятность сестрѣ моей и чтобы показать силу ихъ связей и тѣмъ запугать сестру, что имъ было нужно, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Еще передъ смертью С. А. Викулина Норовъ дерзко вытребовалъ отъ моей сестры ключъ отъ денежнаго ящика, вынесъ его въ другую комнату и запечаталъ такъ, что сестра моя осталась безъ денегъ, а между тѣмъ онѣ были необходимы и на похороны и для жизни. С. С. Викулинъ только въ началѣ былъ въ отношеніи къ сестрѣ моей менѣе дерзкимъ, чѣмъ его сестры. Вскорѣ послѣ похоронъ отца онъ объявилъ, что ѣдетъ въ Елецкое имѣніе для сохраненія въ немъ должнаго порядка.

Сестра моя, видя такое нерасположеніе къ себѣ дѣтей перваго брака ея мужа, поспѣшила представленіемъ его духовнаго завѣщанія въ Московскую гражданскую палату. Возникшее вскорѣ дѣло по этому завѣщанію и безобразные поступки, которые дѣти отъ перваго брака С. А. Викулина дозволили себѣ въ имѣніи, едва-ли когда-нибудь гдѣ-либо случались. Чтобы дать полное понятіе объ этомъ безпримѣрномъ дѣлѣ необходимо привести очеркъ нравовъ членовъ семейства Викулиныхъ и объяснить родственныя между ними отношенія. С. А. Викулинъ вступилъ въ первый бракъ съ дѣвицею Кусовниковою, которая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бросивъ его, оставила ему дѣтей: Алексѣя, Петра, Семена, Настасью, Татьяну и Александру. Вотъ ихъ краткая характеристика.

Алексѣй былъ въ началѣ своей службы отставленъ за дурное поведеніе. Онъ оскорбилъ отца своего до такой степени, что послѣдній не принималъ его уже нѣсколько лѣтъ до своего вступленія во второй бракъ. Онъ до самой смерти своей былъ нетрезваго поведенія. Въ 1841 г. онъ былъ адъютантомъ главнаго начальника иностранныхъ поселенцевъ южной Россіи, генерала Инзова.

Петръ съ самаго рожденія лишенный ума нигдѣ не служилъ и жилъ въ имѣніи у отца.

Семенъ, любимый отцомъ, умѣлъ обольстить его притворною преданностію и лукавою привязанностію. Въ 1841 г. онъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ департаментѣ врачебныхъ заготовленій, въ чинѣ коллежскаго ассессора.

Настасья, вдова Ивана Ѳеодоровича Вадковскаго, постоянно была непочтительна къ отцу и многимъ его огорчала.

Татьяна, жена состоящаго при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Дмитріевича Норова, несмотря на

неоднократно выраженное желаніе отца, ни разу не пріѣхала навѣстить его въ деревнѣ, въ которой онъ постоянно жилъ.

Дѣвица Александра противъ воли отца поѣздила два года съ знакомыми за границей и противъ его желанія требовала помолвки съ Елецкимъ исправникомъ Александровымъ, котораго во всѣхъ отношеніяхъ покойный ея отецъ не желалъ имѣть зятемъ.

С. А. Викулинъ пріобрѣлъ почти все свое состояніе самъ и, купивъ имѣнія въ Воронежской, Орловской и Саратовской губерніяхъ, служилъ 20 лѣтъ Задонскимъ уѣзднымъ предводителемъ и 9 лѣтъ Воронежскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Онъ въ этомъ званіи, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1832 г. вышелъ въ отставку.

Въ 1833 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ сестрою моею. Отъ второго брака онъ имѣлъ двухъ дочерей Валентину и Эмилію, которымъ при его смерти было первой 4 года, а второй немного менѣе 2-хъ лѣтъ.

Сестра моя въ теченіе 7 лѣтъ замужества своего употребляла всѣ мѣры къ водворенію семейнаго согласія, за что получала множество признательныхъ писемъ сыновей ея мужа, изъ которыхъ старшаго Алексѣя, прогнаннаго изъ дома, успѣла примирить съ отцомъ.

С. А. Викулинъ за три дня до кончины отдалъ моей сестрѣ писанное на 15 страницахъ собственною его рукою домашнее духовное завѣщаніе, засвидѣтельствованное двумя свидѣтелями, въ томъ числѣ его духовнымъ отцомъ, которое она, по предоставленному ей тѣмъ завѣщаніемъ праву, представила въ 1-ый департаментъ Московской палаты гражданскаго суда.

Этимъ завѣщаніемъ С. А. Викулинъ назначилъ дѣтямъ своимъ перваго брака: третьему сыну Семену 1164 души крестьянъ, поселенныхъ на весьма плодородной землѣ въ Елецкомъ уѣздѣ, возложа на него обязанность доставлять безотчетно доходъ: съ 132 душъ старшему сыну Алексѣю, «оскорбившему отца поведеніемъ своимъ», и съ 75 душъ второму сыну Петру, находящемуся въ болѣзненномъ состояніи; Татьянѣ Норовой 200 душъ; своей внукѣ, дочери старшаго сына Алексѣя, 120 душъ; двумъ малолѣтнимъ дочерямъ второго брака, первой 232, а второй 206 душъ; женѣ своей 328 душъ, въ томъ числѣ до ста человѣкъ дворовыхъ людей, всѣ билеты, на имя его въ сохранной казнѣ Московскаго опекунскаго совѣта находящіеся, и весь наличный денежный капиталъ. Дочерямъ Вадковской и дѣвицѣ Александрѣ по 290 душъ, поселенныхъ на землѣ менѣе плодородной.

Бывшіе въ Москвѣ во время кончины С. А. Викулина дочь его Норова съ мужемъ дѣлали мачехѣ своей разнаго рода непріятности. По пріѣздѣ въ Москву Вадковской они отправили эстафету въ Задонскій уѣздъ за роднымъ дядею своимъ Андреемъ Викулинымъ, бывшимъ злостнымъ и непримиримымъ врагомъ съ давнихъ временъ покойному ихъ отцу. А. А. Викулинъ былъ извѣстенъ своею злонамѣренностію и непреодолимой страстью къ заведенію беззаконныхъ тяжбъ. С. С. Викулинъ съ сестрами выбрали его главнымъ повѣреннымъ и наставникомъ. Этимъ дѣйствіемъ

Семенъ снялъ съ себя личину, ибо при жизни отца притворялся неуважающимъ дядю, хотя не переставалъ, какъ оказалось впослѣдствіи, имѣть съ нимъ постоянныя тайныя сношенія.

Нѣтъ никакой возможности изложить все то, что изобрѣтено было дѣтьми С. А. Викулина отъ перваго брака къ оскорбленію его вдовы. Клеветы свои они начали распространеніемъ слуховъ, что хотя завѣщаніе и писано рукою ихъ отца, но не имъ подписано. Узнавъ, что подъ подписью находится болѣе 15 строкъ оговорокъ, писанныхъ собственною же рукою завѣщателя, они должны были убѣдиться въ несообразности своего вымысла и стали разглашать, что хотя завѣщаніе писано рукою похожею на руку ихъ отца, но что жена его семь лѣтъ училась его почерку. Понявъ нелѣпость и этой клеветы, они уже отыскивали несоблюденіе формъ въ завѣщаніи и опорочивали одного изъ свидѣтелей, о чемъ Вадковская и Норова подали прошеніе въ 1-ый департаментъ Московской гражданской палаты. Когда же имъ растолковано было, что просьба ихъ не заслуживаетъ вниманія, онѣ обратились къ другого рода ухищреніямъ.

Оставивъ въ Москвѣ Вадковскую и Норову съ мужемъ для поддержанія распущенныхъ ими ложныхъ и ежедневно измѣнявшихся слуховъ, братъ ихъ Семенъ отправился въ имѣніе отца своего въ Елецкій уѣздъ вмѣстѣ съ дядею Андреемъ. Тамъ въ одно время съѣхались они съ прибывшимъ изъ Одессы старшимъ сыномъ покойнаго, Алексѣемъ.

Въ началѣ іюля поручикъ Николай Муравьевъ, тогда бывшій женихъ внуки покойнаго, Марьи, дочери Алексѣя, писалъ къ моей сестрѣ въ Москву объ опасной болѣзни оставшейся въ с. Колодезскомъ малолѣтней дочери ея Эмиліи, что и заставило ея мать поспѣшить къ ней, но не желая въѣзжать въ имѣніе, въ которомъ счастливо жила съ мужемъ, она остановилась въ 15 верстахъ въ имѣніи дяди князя Дмитрія Волконскаго, откуда тетка наша княжна Надежда Волконская ѣздила за больнымъ ребенкомъ и привезла его къ моей сестрѣ, которая такимъ образомъ и не въѣзжала въ завѣщанное ей имѣніе.

Своевременный вывозъ малолѣтней Эмиліи изъ Колодезскаго и не посѣщеніе его сестрою можно считать за особенное благополучіе. Для очерненія сестры пасынки ея и падчерицы распускали слухъ, что Эмилія не дочь ихъ отца, что настоящая дочь умерла и подмѣнена постороннею дѣвочкою. Нельзя вообразить того, что они могли бы сдѣлать съ малолѣтнею Эмиліею, если бы ее не успѣли увезти прежде ихъ пріѣзда въ Колодезское, и какихъ бы новыхъ клеветъ не придумали они, если бы сестра хотя на одинъ часъ заѣхала въ Колодезское послѣ смерти ея мужа.

По возвращеніи сестры моей въ Москву начали доходить до нея свѣдѣнія о разныхъ неистовствахъ, дѣлаемыхъ ея пасынками въ имѣніи, но сестра полагала, что эти свѣдѣнія преувеличены, что къ неистовствамъ могъ быть способенъ только старшій ея пасынокъ, а что младшій умѣритъ ихъ. Въ письмахъ управлявшаго при покойномъ Викулинѣ имѣніемъ Ивана Ермолаева Музалькова только намекалось на продѣлки пасын-

ковъ, чтобы, какъ оказалось впослѣдствіи, не тревожить сестру въ надеждѣ, что все успокоится само собою. Наконецъ сестра перестала получать письма отъ Музалькова и вслѣдствіе получаемыхъ неблагопріятныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ имѣніи упросила меня съѣздить посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Я согласился поѣхать въ имѣніе, но по пріѣздѣ моемъ въ Елецъ нѣсколько весьма почтенныхъ лицъ настоятельно требовали, чтобы я не ѣхалъ въ имѣніе, потому что при неистовствахъ, которыя тамъ дѣлаются, я не вернусь живымъ изъ имѣнія. Мнѣ сказали, что оба Викулина засадили управляющаго въ комнату, въ которой нельзя повернуться, морятъ его голодомъ, надѣли на него кандалы, которые по тучности Музалькова были изготовлены новые въ Ельцѣ, много били и сильно сѣкли его, стараго и чрезвычайно тучнаго человѣка, а равно его 16-лѣтняго сына и 20-лѣтнюю дочь, что цѣлые возы розогъ привозятся ежедневно на господскій дворъ въ с. Колодезское и сѣченье тамъ безпрестанное, что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыхъ изъ крѣпостныхъ людей опаиваютъ виномъ.

Вернувшись только съ Кавказа, я былъ въ такомъ расположеніи, что меня не могло ничего устрашить. Сверхъ того, передаваемое мнѣ казалось не правдоподобнымъ, и я эти разсказы считалъ сильно преувеличенными. Большая же часть лицъ, которыхъ я спрашивалъ о степени правдоподобности слышаннаго мною, отзывались незнаніемъ, но на лицахъ ихъ было замѣтно, что они чѣмъ-то напуганы. Вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій, чтобы я не ѣхалъ въ с. Колодезское, я предварительно удостовѣрился въ Задонскѣ, гдѣ я имѣлъ родныхъ и хорошихъ знакомыхъ, въ томъ, что все передаваемое о неистовствахъ Алексѣя и Семена Викулиныхъ справедливо, я согласился, не заѣзжая въ Колодезское, ѣхать въ Задонскъ. На срединѣ пути между Ельцомъ и Задонскомъ была почтовая станція при деревнѣ «Малыя Извалы», принадлежавшей покойному Викулину, гдѣ нѣсколько человѣкъ съ перепуганными лицами шопотомъ подтвердили все слышанное мною въ Ельцѣ. Въ Задонскѣ я засталъ одного хорошаго знакомаго покойнаго Викулина, Задонскаго помѣщика, отставного генералъ-лейтенанта Луку Алексѣевича Денисьева, героя отечественной войны 1812 г., человѣка очень добраго и весьма уживчиваго. Онъ мнѣ сказалъ, что послѣ смерти Викулина онъ былъ только разъ въ с. Колодезскомъ, что болѣе не ѣздитъ туда по причинѣ производимыхъ Алексѣемъ и Семеномъ Викулиными неистовствъ, которыхъ свидѣтелемъ былъ его камердинеръ, человѣкъ очень умный и правдивый. Денисьевъ рѣшительно мнѣ не совѣтовалъ ѣхать въ с. Колодезское. Такъ какъ женихъ младшей дочери покойнаго Викулина Александровъ состоитъ Елецкимъ земскимъ исправникомъ и участвуетъ во всѣхъ этихъ неистовствахъ, то онъ, конечно, скрываетъ все отъ губернатора, а потому для освобожденія мучимыхъ людей и для пользы самихъ неистовствующихъ Викулиныхъ, которые могутъ дойти до бо̀льшихъ еще неистовствъ, если не будутъ немедля остановлены, онъ при всемъ своемъ миролюбивомъ духѣ не находилъ другого

средства, какъ ѣхать мнѣ немедля въ Орелъ, просить губернатора назначить опеку надъ имѣніями покойнаго Викулина, съ удаленіемъ изъ с. Колодезскаго Алексѣя и Семена Викулиныхъ, противузаконно въ немъ распоряжающихся. Тѣ же свѣдѣнія получилъ я и отъ другихъ знакомыхъ моихъ въ Задонскѣ, что и заставило меня, не заѣзжая въ с. Колодезское, ѣхать въ Орелъ.

Въ Орлѣ на основаніи довѣренности, данной мнѣ сестрою, я подалъ прошеніе въ вышеупомянутомъ смыслѣ губернатору, Николаю Михайловичу Васильчикову, человѣку очень ограниченнаго ума и слабому. Къ счастію моему, я нашелъ въ Орлѣ А. И. Нарышкина, который въ это время былъ Орловскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и за отсутствіемъ губернскаго предводителя исправлялъ его должность. Найдено было необходимымъ, въ виду моей просьбы объ удаленіи Алексѣя и Семена Викулиныхъ изъ имѣнія, назначить слѣдствіе, производство котораго было поручено одному изъ чиновниковъ, служащихъ въ Орлѣ. Нарышкинъ настоялъ у губернатора, чтобы по важности дѣла слѣдствіе производилось при Орловскомъ жандармскомъ штабъ-офицерѣ, полковникѣ Новицкомъ, котораго уговорилъ не отказываться отъ этого порученія и немедля ѣхать въ с. Колодезское. Самъ же Нарышкинъ вызвался ѣхать туда же вмѣстѣ со мною. Мы пріѣхали ночью въ принадлежавшее также покойному Викулину с. Липовку, въ двухъ верстахъ отъ Колодезскаго, гдѣ узнали, что слѣдственная комиссія отправилась въ Колодезское наканунѣ вечеромъ. Не заходя въ избы, мы вошли въ довольно большой дворъ, состоявшій при небольшомъ строеніи, въ которомъ была господская контора. На дворѣ лежало нѣсколько вырубленныхъ деревъ. Мы въ ожиданіи утра легли во дворѣ на траву, а деревья служили намъ изголовьемъ. Утомленные путемъ изъ Орла, мы вскорѣ заснули и проспали до утра. Сколько разъ впослѣдствіи приходило Нарышкину въ голову, что если бы Алексѣй и Семенъ Викулины знали, что мы безоружные такъ крѣпко спимъ въ имѣніи, гдѣ всѣ имъ повиновались, то вѣрно нашли бы средство насъ отправить на тотъ свѣтъ.

Утромъ мы пріѣхали въ с. Колодезское, гдѣ Семенъ Викулинъ сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее. Онъ всегда былъ въ хорошихъ со мною отношеніяхъ и до женитьбы его отца на моей сестрѣ и надѣется, что эти отношенія не измѣнятся. Что же касается до завѣщанія, представленнаго моею сестрою въ Московскую гражданскую палату, то оно фальшивое а такъ какъ онъ успѣлъ открыть въ имѣніи и другія дѣйствія моей сестры, за которыя она можетъ подлежать отвѣтственности по законамъ, то во избѣжаніе скандала онъ предлагалъ мнѣ убѣдить сестру покончить дѣло съ дѣтьми перваго брака ея мужа миролюбиво, взять обратно изъ палаты представленное ею завѣщаніе и предоставить свою и дочерей ея участь его великодушію, а онъ надѣется, что будетъ въ состояніи дать имъ всѣмъ тремъ вмѣстѣ до 200 душъ крестьянъ. съ которыми, по его мнѣнію, онѣ могутъ прожить покойно.

Я отвѣчалъ, что сестра, представляя завѣщаніе въ палату, исполнила только волю своего покойнаго мужа и отца Семена Викулина, что предложеніе его о способѣ надѣленія сестры и ея дочерей считаю излишнимъ, что же касается до открытыхъ будто бы въ имѣніи неправильныхъ дѣйствій сестры, то я предоставляю наряженному правительствомъ слѣдствію открыть, съ чьей стороны были неправильныя дѣйствія. При слѣдствіи же я не могу быть: по обязанностямъ службы я долженъ скоро вернуться въ Москву, а за сестру при слѣдствіи будетъ находиться А. И. Нарышкинъ, которому я передовѣрилъ еще въ Орлѣ выданную мнѣ сестрою полную довѣренность.

Понятно въ какихъ отношеніяхъ послѣ этого разговора я и Нарышкинъ находились съ Семеномъ Викулинымъ и его соучастниками. Они въ продолженіе всего слѣдствія оставались хозяевами въ с. Колодезскомъ и во всѣхъ прочихъ имѣніяхъ покойнаго Викулина, а я и Нарышкинъ принуждены были каждый день на ночь уѣзжать за 15 верстъ къ дядѣ моему князю Дмитрію Волконскому въ с. Студенецъ. Когда я во время слѣдствія пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Нарышкинымъ въ с. Колодезское или въ с. Хмѣлинецъ, другое имѣніе, принадлежавшее покойнику Викулину, для присутствованія при слѣдствіи, Алексѣй Викулинъ неоднократно замѣчалъ, что такъ какъ я передалъ свою довѣренность Нарышкину, то я лишній. Я не обращалъ вниманія на болтовню этого постоянно пьянаго господина, но такъ какъ срокъ моего отпуска кончался, то я принужденъ былъ вскорѣ оставить Нарышкина одного.

Произведенное при участіи орловскаго жандармскаго штабъ-офицера слѣдствіе доказало слѣдующее:

Алексѣй и Семенъ Викулины, прибывъ въ с. Колодезское, мѣстожительство отца ихъ, по духовному завѣщанію вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ предоставленное имъ женѣ своей, объявили себя наслѣдниками и, не бывъ никѣмъ введены во владѣніе, вступили самовольно въ полное распоряженіе имѣніемъ и людьми, завѣщанными ихъ мачехѣ и двумъ малолѣтнимъ ея и отца ихъ дочерямъ, продавали разный хлѣбъ, хотя и знали, что духовное завѣщаніе отца представлено къ утвержденію. Въ дополненіе такихъ своевольныхъ распоряженій ихъ сестры Норова и Вадковская объявили въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», чтобы всѣ кредиторы и должники покойнаго отца ихъ явились къ брату ихъ Семену Викулину. Въ то же время Алексѣй и Семенъ Викулины приступили къ крѣпостному человѣку отца ихъ, 28 лѣтъ управлявшему всѣмъ его имѣніемъ и пользовавшемуся неограниченною его довѣренностію, Ивану Ермолаеву Музалькову, и вынуждали его сдѣлать ложное показаніе, будто бы по смерти своего господина, получивъ изъ Москвы приказаніе его вдовы, онъ вынулъ скрытнымъ образомъ изъ кабинета покойнаго бумаги его и передалъ ихъ дядѣ ея князю Дмитрію Волконскому. За таковую клевету они обѣщали Ивану Музалькову дать большую сумму денегъ и отпустить его на волю. Когда же онъ пренебрегъ всѣми ихъ обѣщаніями и не согла-

сился сдѣлать ложнаго показанія, то они начали вынуждать оное у него побоями, наказаніемъ розгами и содержаніемъ подъ карауломъ въ кандалахъ. При такихъ истязаніяхъ Иванъ Музальковъ объявилъ имъ наконецъ, что сдѣлаетъ показаніе въ судѣ. Когда же онъ былъ туда представленъ, то при допросѣ объявилъ, что до отстраненія его отъ присмотра за имѣніемъ никакого похищенія никѣмъ сдѣлано не было. Елецкій земскій судъ, потворствуя по настоянію исправника насилію, своеволію и жестокостямъ Алексѣя и Семена Викулиныхъ, возвратилъ управляющаго Музалькова въ имѣніе для исполненія прежнихъ его обязанностей, и Музалькова подъ присмотромъ отправили въ с. Колодезское. Лишь только онъ возвратился въ имѣніе, Алексѣй и Семенъ Викулины, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, удвоили надъ нимъ мѣру истязанія побоями, наказаніемъ розгами и содержаніемъ подъ карауломъ на хлѣбѣ и водѣ въ желѣзахъ. Но чтобы усугубить его мученія и заставить непремѣнно исполнить ихъ требованіе, они наказывали розгами 16-лѣтняго его сына, мальчика слабаго здоровьемъ, и не устыдились заставить кучеровъ наказывать при себѣ по обнаженному тѣлу единственную дочь его 20-лѣтнюю дѣвушку, съ особымъ попеченіемъ имъ содержимую.

Въ день пріѣзда моего съ Нарышкинымъ въ с. Колодезское члены слѣдственной комиссіи отправились въ другое имѣніе покойнаго Викулина с. Хмѣлинецъ; за ними поѣхали Алексѣй и Семенъ Викулины, а также Нарышкинъ и я. Викулины, по требованію слѣдователей, повели ихъ къ арестованному Ивану Музалькову. Нарышкинъ и я послѣдовали за ними. Алексѣй Викулинъ настаивалъ на томъ, что я не имѣю права итти съ ними, такъ какъ передалъ довѣренность, данную мнѣ сестрою моею, Нарышкину. Но такъ какъ Музальковъ не зналъ Нарышкина, а я хотѣлъ ободрить его своимъ присутствіемъ, то я не обратилъ вниманія на замѣчаніе Алексѣя Викулина. Мы нашли Музалькова на каменномъ полу въ маленькой комнаткѣ, лежащаго въ лѣтнемъ балахонѣ, въ которомъ Викулины взяли его съ поля, гдѣ онъ осматривалъ работы крестьянъ. Алексѣй Викулинъ при входѣ въ комнату сказалъ: «Вотъ мы показываемъ вамъ какого звѣря». Музальковъ, увидавъ меня, пріободрился и немедля объявилъ, что съ него только что сняли кандалы, въ которыя онъ былъ закованъ, что онъ въ этомъ положеніи находится уже нѣсколько дней, что ему два дня не давали никакой пищи, кормили селедкой и не давали воды, что его и дѣтей его сильно сѣкли, требуя отъ него ложныхъ показаній, что онъ дабы избавиться отъ этой пытки, наконецъ, согласился на требованіе Алексѣя и Семена Викулиныхъ дать фальшивое показаніе для оклеветанія вдовы отца ихъ, а именно, что онъ вслѣдствіе угрозъ и побоевъ написалъ къ сей послѣдней письмо съ ложнымъ извѣщеніемъ о похищеніи будто бы изъ кабинета покойнаго Викулина бумагъ его и въ то же время былъ вынужденъ написать подобное письмо и къ дворецкому Давыду Филиппову, котораго Алексѣй и Семенъ Викулины, несмотря на его преклонныя лѣта, равно какъ и его дочь, безпощадно сѣкли, давая имъ ежедневно

по нѣскольку сотъ ударовъ розгами, но никакими насиліями не могли довести его до того, чтобы онъ оклеветалъ вдову своего господина.

Письма эти были показаны Семеномъ Викулинымъ подполковнику Новицкому и производителю слѣдствія, который немедля потребовалъ ихъ офиціально, но Семенъ Викулинъ объявилъ, что они въ тотъ же вечеръ потеряны, каковое обстоятельство и было занесено въ журналъ. Мѣстный становой приставъ сказалъ Нарышкину и мнѣ, что онъ изъ состраданія потихоньку носилъ воду и пищу Музалькову. Послѣдняго немедля освободили.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною при началѣ слѣдствія, я принужденъ былъ выносить самое дерзкое обращеніе Викулиныхъ, въ особенности Алексѣя. До какой степени доходила ихъ дерзость, несмотря на присутствіе слѣдственной комиссіи, достаточно указать на слѣдующее: когда послѣдняя, поселясь въ имѣніи покойнаго Викулина с. Липовкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Колодезскаго, производила допросы, дядя мой князь Дмитрій Волконскій проѣзжалъ черезъ Липовку въ каретѣ. Викулины, которые обвиняли его въ томъ, что въ то время, когда онъ пріѣзжалъ сообщить матери моей о кончинѣ ея зятя, имъ были украдены бумаги и деньги изъ кабинета ихъ отца, вздумали самопроизвольно его арестовать. По приказанію Алексѣя Викулина крестьяне с. Липовки ввезли карету Волконскаго на господскій дворъ, отпрягли изъ нея четырехъ собственныхъ лошадей Волконскаго и около кареты поставили караулъ изъ крестьянъ съ палками. Слуга Волконскаго, прибѣжавъ ко мнѣ въ избу, гдѣ производилось слѣдствіе, разсказалъ о всемъ случившемся. Я передалъ этотъ разсказъ жандармскому штабъ-офицеру, который пошелъ вмѣстѣ со мною на господскій дворъ, освободилъ Волконскаго изъ подъ-ареста и далъ жандармскаго унтеръ-офицера для конвоированія Волконскаго, пока онъ поѣдетъ по имѣніямъ покойнаго Викулина.

Слѣдствіе по его окончаніи было представлено согласно закону въ Елецкій уѣздный судъ, который не дѣлалъ по нему никакого постановленія, хотя слѣдствіемъ было доказано своевольное завладѣніе и расхищеніе Викулиными имѣнія, продажа не принадлежащаго имъ хлѣба, безчеловѣчныя истязанія Музалькова и Давыда съ ихъ дѣтьми и домогательства отъ нихъ черезъ пытки ложныхъ показаній.

Дворянская опека, несмотря на полученныя ею предписанія губернатора, также не приняла никакихъ мѣръ къ сбереженію имущества малолѣтнихъ. Алексѣй и Семенъ Викулины продолжали быть полными распорядителями въ имѣніи и истязать людей не соглашавшихся на ложныя показанія, подкупать и наущать покорныхъ вреднымъ ихъ намѣреніямъ и тѣмъ подготовлять средства для поддержанія ихъ.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Москву мнѣ дали знать, что къ сестрѣ моей пріѣхали Московскій гражданскій губернаторъ Сенявинъ съ другими чиновниками и заперлись съ нею въ комнатѣ. Я поспѣшилъ къ

сестрѣ и узналъ отъ жившей съ нею матери, что съ губернаторомъ пріѣхали совѣтникъ Московскаго губернскаго правленія князь Ухтомскій, губернскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій Орловъ и корпуса жандармовъ полковникъ Ковальскій, что эти лица объявили, что имъ поручено по Высочайшему повелѣнію произвести слѣдствіе, но по какому поводу ничего не сказали, а просили, чтобы на основаніи полученной ими инструкціи сестра осталась съ ними одна для дачи отвѣтовъ на ихъ вопросы.

Полковникъ Ковальскій былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Тамбовѣ и для участія въ производствѣ слѣдствія вытребованъ оттуда начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ III Отдѣленіемъ Собственной концеляріи Государя генералъ-маіоромъ (впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи) Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ въ надеждѣ, что этотъ штабъ-офицеръ будетъ дѣйствовать въ направленіи, даннымъ Дубельтомъ дѣлу, но Ковальскій не могъ защищать слишкомъ очевидную клевету.

Допросъ продолжался болѣе 6 часовъ. Сестрѣ было дано болѣе 20 вопросовъ, на которые она должна была отвѣчать письменно. Вопросы составлены были съ намѣреніемъ такъ, чтобы сбить отвѣчающую, но въ этомъ тѣ, которые составляли вопросы, не достигли цѣли. Сестру не сбили, она написала отвѣты по совѣсти и очень складно.

По дошедшимъ до насъ впослѣдствіи частнымъ слухамъ, поводомъ къ этому слѣдствію было поданное дѣтьми Викулина отъ перваго брака Государю, черезъ шефа жандармовъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, прошеніе, въ которомъ они жаловались, что ихъ мачеха представила въ Московскую гражданскую палату фальшивое духовное завѣщаніе, укравъ предварительно капиталъ ихъ отца, который они въ прошеніи показывали по словамъ однихъ въ 8, а другихъ въ 16 милліоновъ рублей. Послѣ допроса съ сестры взяли подписку о невыѣздѣ изъ Москвы. Черезъ нѣсколько дней вышеозначенные чиновники явились къ сестрѣ въ сопровожденіи двухъ ея падчерицъ и Норова, мужа одной изъ нихъ, и потребовали отданный сестрѣ на сохраненіе запечатанный Норовымъ при смерти ея мужа ящикъ. Я былъ въ это время у сестры. По нахожденіи печатей на ящикѣ въ цѣлости, онъ былъ осмотрѣнъ и въ немъ найдено наличными деньгами до 35 тыс. р. асс. (10.000 р. сер.), частныхъ заемныхъ писемъ на сумму до 200 тыс. р. асс. (до 57.000 р. сер.) и билетовъ сохранной казны на 166 тыс. р. асс. (47.428 р. сер.) и при этомъ собственноручная записка покойнаго Викулина, въ которой были записаны всѣ номера билетовъ сохранной казны. Губернаторъ Сенявинъ тутъ же предъявилъ отношеніе Московскаго опекунскаго совѣта, въ которомъ было сказано, что въ сохранной казнѣ имѣются на имя С. А. Викулина билеты за тѣми номерами, которые оказались при вскрытіи вышеозначеннаго запечатаннаго ящика, но зять покойнаго Викулина Норовъ тутъ же объявилъ, что сестра моя дала милліонъ въ сохранной казнѣ, чтобы написали такое отношеніе. Вообще дѣти Викулина отъ перваго брака распускали

слухи, что сестра моя вездѣ заплатила огромныя деньги, такъ что если бы покойный и дѣйствительно оставилъ 8 милліоновъ руб., то, считая все то, что они предполагали розданнымъ сестрою, у нея уже немного оставалось бы. Но дальнѣйшія разсужденія Норова объ этихъ подкупахъ были остановлены губернаторомъ Сенявинымъ, который только сначала, равно какъ и Ковальскій, первый по знакомству съ дѣтьми Викулина отъ перваго брака и оба по желанію угодить Бенкендорфу, дѣйствовали не совсѣмъ безпристрастно. Не выдаю за вѣрное, но общій слухъ былъ, что сонаслѣдники моей сестры обѣщались, по открытіи милліоновъ ихъ отца, дать изъ нихъ два Дубельту, что его и побудило принять такое сильное участіе въ этомъ дѣлѣ. Другіе же говорили, что онъ былъ въ связи съ одной изъ падчерицъ моей сестры и былъ въ долѣ съ Норовымъ, который нечестно велъ большую карточную игру.

По означенномъ освидѣтельствованіи оставшагося послѣ покойнаго Викулина денежнаго капитала, мы всѣ впервые узнали, что онъ далеко не былъ такъ великъ, какъ его предполагали и мы, и дѣти Викулина отъ перваго брака. Я почему то всегда полагалъ, что онъ имѣетъ не менѣе 2-хъ милліоновъ рублей асс. Я уже говорилъ, что покойный Викулинъ, скрывая отъ всѣхъ сколько было у него денегъ, разными намеками старался его преувеличить и даже какъ то показывая конвертъ съ бумагами своимъ дочерямъ отъ перваго брака во время производства торговъ на винные откупа, по ихъ увѣренію, сказалъ, что въ немъ заключается нѣсколько милліоновъ рублей. Очень можетъ быть, что это и было такъ: извѣстно, что откупщики привозили съ собою на торги по виннымъ откупамъ чужіе залоги на большія суммы и къ тому же до 1839 г. считали не серебряными, а ассигнаціонными рублями.

Вышеназванные слѣдователи вскорѣ по осмотрѣ денежнаго ящика у сестры сдѣлали въ противность закона домашній обыскъ у Михаила Андреевича Кустаревскаго, бывшаго вторымъ свидѣтелемъ на духовномъ завѣщаніи покойнаго Викулина. Не понятно, что побудило ихъ къ этой мѣрѣ. Не помню, нашли ли при этомъ или прежде было представлено Кустаревскимъ къ слѣдствію письмо покойнаго Викулина, въ которомъ послѣдній писалъ, что онъ узналъ, что въ семьѣ его есть сахаръ медовичъ, который готовится, послѣ его смерти, надѣлать его женѣ большихъ непріятностей, и просилъ совѣта Кустаревскаго, какъ оградить ее отъ всякихъ непріятностей. Изъ содержанія письма видно было, что покойный не задолго до смерти разгадалъ притворство своего сына Семена и явно въ письмѣ намекалъ на него.

Между тѣмъ завѣщаніе С. А. Викулина было переслано Московскою гражданскою палатою для допроса священника Петра Лосева, духовника покойнаго, въ Орловскую гражданскую палату, которая распорядилась вызовомъ священника Лосева въ г. Орелъ. Викулины, склоняя священника Петра Лосева сдѣлать фальшивое показаніе, не выпускали его изъ Елецкаго уѣзда, несмотря на неоднократныя предписанія епархіаль-

наго начальства, вызывавшія его въ Орловскую гражданскую палату. Священникъ Петръ Лосевъ отзывался тяжкою болѣзнію, а безпрестанно ѣздилъ къ Викулинымъ, исполнялъ требы и бывалъ въ Ельцѣ.

Въ половинѣ сентября сестра моя получила требованіе Орловскаго гражданскаго губернатора прибыть къ назначенному по Высочайшему повелѣнію слѣдствію въ Елецкій уѣздъ и была отпущена изъ Москвы по дачѣ подписки, что она никуда, кромѣ Орловской губерніи, не поѣдетъ. Я поѣхалъ съ сестрою, съ нами же поѣхали тетка наша П. А. Замятнина съ мужемъ, бывшимъ тогда Рязанскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ и взявшимъ отпускъ для того, чтобы помочь сестрѣ въ ея болѣе, чѣмъ горестномъ положеніи. Въ Ельцѣ къ намъ присоединился Нарышкинъ. Въ одно время съ нами 22 сентября пріѣхалъ въ Елецъ Орловскій гражданскій губернаторъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Новицкимъ и съ другими слѣдователями, а равно съ засѣдателемъ Орловской гражданской палаты.

Слѣдователи съ двумя медиками и съ депутатомъ отъ духовенства освидѣтельствовали состояніе здоровья священника Петра Лосева. Они нашли, что Лосевъ можетъ прибыть въ Елецъ.

На другой день губернаторъ въ присутствіи слѣдователей, а равно дѣтей Викулина отъ перваго брака, довѣреннаго сестры моей Нарышкина и многихъ свидѣтелей, приступилъ къ описи имущества покойнаго Викулина, которая продолжалась трое сутокъ. Все, что говорилось и дѣлалось въ теченіе этихъ дней, превышаетъ всякое вѣроятіе. Самая отвратительная и безсмысленная ложь, злостныя и нелѣпыя ухищренія и подлая клевета были предметомъ разговоровъ дѣтей Викулина отъ перваго брака и ихъ сообщниковъ. Всѣ посторонніе и даже слѣдователи подвергались ежеминутному оскорбительному надзору и гнусному подслушиванію. Викулины были такъ наглы, что громко объявляли, что у каждой двери находились ими поставленные благородные свидѣтели. Исчислить и описать всѣ буйныя дѣйствія Викулиныхъ невозможно по ихъ безчисленности, но достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Управляющій Музальковъ, пострадавшій такъ сильно отъ истязаній, былъ привезенъ по распоряженію губернатора становымъ приставомъ въ с. Колодезское, куда не успѣлъ въѣхать, какъ былъ схваченъ и посаженъ подъ караулъ Викулиными, забывшими, что въ с. Колодезскомъ, которымъ своевольно завладѣли, находится губернаторъ и слѣдственная комиссія. Человѣкъ, присланный дядею моимъ княземъ Дмитріемъ Волконскимъ къ Нарышкину, былъ схваченъ, обысканъ съ ногъ до головы, не допущенъ и прогнанъ. При разборѣ бумагъ покойнаго, которыя всѣ были въ угодность клеветниковъ строго и тщательно разсмотрѣны, не исключая и самой пустой переписки, дабы тѣмъ предоставить всѣ средства отыскать какія-либо доказательства существованія мнимыхъ милліоновъ, губернаторъ обратилъ вниманіе на связку бумагъ съ собственноручною на ней покойнаго надписью: «Безбожныя и безсовѣст-

ныя дѣла брата Андрея Алексѣевича 1804 г.» Семенъ Викулинъ не устыдился сказать, что сестра моя, посѣявшая будто бы раздоръ въ семействѣ, поссорила и дядю ихъ Андрея съ отцомъ, на что Нарышкинъ ему замѣтилъ, что на самой связкѣ обозначенъ 1804 г., а что мачеха ихъ родилась въ 1811 г. и не могла за 7 лѣтъ до рожденія своего имѣть вліяніе на ихъ отца.

При этомъ разборѣ бумагъ собственноручные счета покойнаго явно показали, что его денежный капиталъ ограничивался именно тою суммою, какая была найдена въ Москвѣ Московскимъ губернаторомъ и слѣдственною комиссіею, и ясно было изъ ежегодныхъ за 40 лѣтъ отчетовъ, что у покойнаго и не могло быть болѣе денегъ, такъ какъ когда онъ держалъ винные откупа, то былъ въ накладѣ, а наживалъ деньги большею частію тѣмъ, что получалъ при торгахъ отступныя и на нихъ покупалъ имѣнія.

Нечего и говорить, что Нарышкинъ принужденъ былъ выносить все время, пока производилось слѣдствіе, безпрерывныя оскорбленія со стороны Викулиныхъ. Они распоряжались въ чужомъ имѣніи, давали губернатору и всѣмъ съ нимъ пріѣхавшимъ лицамъ завтраки, обѣды и ужины, а Нарышкина не только морили съ голоду, но когда онъ спросилъ у одного изъ слугъ чайникъ съ горячею водою и положилъ въ него привезенный съ собою чай, то дочь С. А. Викулина, Александра, воспользовавшись тѣмъ, что Нарышкинъ на минуту отвернулся, унесла чайникъ. Викулины запретили даже подавать воду Нарышкину, такъ что когда онъ хотѣлъ пить, то одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи требовалъ стаканъ воды и передавалъ его Нарышкину.

Между тѣмъ до насъ дошли слухи, что священникъ Лосевъ былъ очень встревоженъ при допросѣ, что онъ говорилъ, что боится показать правду, такъ какъ въ прошлую ночь у него было очень важное лицо, требовавшее чтобы онъ показалъ противное, но онъ не можетъ показать противъ совѣсти, что его смущаетъ однако же то, что предъявленное ему завѣщаніе писано въ январѣ, а онъ помнитъ, что свидѣтельствовалъ завѣщаніе въ маѣ.

Сестра моя, а равно и родственники ея и повѣренные не домогались видѣться со священникомъ Петромъ Лосевымъ и никто изъ нихъ не видалъ его ни одного раза въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, что и показалъ священникъ подполковнику Новицкому. На другой же день послѣ допроса сестра моя, желая видѣть священника Лосева, котораго привыкла знать въ домѣ своемъ, какъ духовника покойнаго ея мужа, просила меня пригласить его къ себѣ, но я нашелъ входъ дома, оберегаемый карауломъ, воспрепятствовавшимъ мнѣ видѣть священника, несмотря на то, что у воротъ были экипажи исправника Александрова и медика Путурицкаго, бывшаго когда-то домовымъ врачомъ покойнаго Викулина и отставленнаго уже 10 лѣтъ по неудовольствіямъ, а нынѣ перваго друга и главнаго сообщника дѣтей его.

Послѣ этого сестра моя съ Нарышкинымъ поѣхали къ священнику. Несмотря на усилія не допускать ихъ къ свиданію со священникомъ, они

вошли. Въ первой комнатѣ стоялъ у окна исправникъ Александровъ, обернувшись къ нимъ спиной, и на столѣ въ той же комнатѣ лежали бумаги и перья.

Они нашли священника Лосева въ другой комнатѣ, лежащимъ на прилавкѣ. Онъ смутился неожиданнымъ входомъ сестры моей, жаловался на болѣзнь и слабость, но казался разстроеннымъ только душевно. Разсказывалъ, что наканунѣ подписалъ допросъ по совѣсти и нашелъ свои и завѣщателя руки подлинными, но толковалъ не ясно и не связно о маѣ мѣсяцѣ, сбивался на этомъ предметѣ, о которомъ очевидно ему было много внушено, противорѣчилъ себѣ, плакалъ и вообще былъ разстроенъ. По отъѣздѣ сестры и Нарышкина исправникъ въ теченіе почти цѣлаго дня вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ медикомъ оставались постоянно у священника Лосева. Упорный, бдительный и настоятельный надзоръ за священникомъ и безпрестанное вліяніе, которымъ клеветники окружали его, служили явнымъ доказательствомъ, что они добивались отъ него опроверженія сдѣланнаго имъ наканунѣ показанія. По полученіи заявленія священника Ивана Лосева о болѣзненномъ положеніи его брата Петра и свѣдѣнія о вліяніи, подъ которымъ послѣдній находился цѣлый день, Орловскій губернаторъ приказалъ вольнопрактикующему лекарю Року узнать о состояніи его здоровья. Рокъ донесъ, что Петръ Лосевъ весьма слабо боленъ, а страдаетъ отъ причинъ нравственныхъ и отъ сильныхъ средствъ, которыми былъ пользованъ. Передъ допросомъ же Петръ Лосевъ былъ свидѣтельствованъ, такъ какъ онъ отзывался болѣзнію, и былъ найденъ здоровымъ.

По отъѣздѣ губернатора въ Орелъ слѣдователи избрали своимъ мѣстопребываніемъ дер. Писаревку, принадлежавшую Бибиковой, и отстоящую въ 4-хъ верстахъ отъ с. Колодезскаго, въ которомъ не могли оставаться вслѣдствіе присутствія въ немъ Викулиныхъ, своевольно имъ завладѣвшихъ. Слѣдователи пригласили наслѣдниковъ 29 сентября для показанія имъ духовнаго завѣщанія. Происходившіе разговоры при этомъ были яснымъ доказательствомъ безпримѣрной злонамѣренности клеветниковъ, изъ которыхъ тогда явились: повѣренный Вадковской Андрей Викулинъ и Норовой Иванъ Викулинъ и сыновья покойнаго Семенъ и Алексѣй Викулины. Читанное Андреемъ Викулинымъ вслухъ духовное завѣщаніе брата его имъ и дѣтьми покойнаго отъ перваго брака тщательно разбираемо и пополняемо нелѣпыми и злостными замѣчаніями на каждой строкѣ. Долго продолжалась критика духовнаго завѣщанія, называемаго ими «мощами». Нѣкоторыя слова и знаки препинанія обращали ихъ вниманіе и приводили ихъ къ заключеніямъ одно безсмысленнѣе другого. Между прочимъ они говорили, что рука завѣщателя близко похожа, но что во всѣхъ 15-ти страницахъ двѣ буквы только Д и Ѣ писаны не завѣщателемъ и что Лосевъ всегда подписывался іерей, а не священникъ. Дѣльнаго же возраженія никакого и не могло быть, потому что стоило только прочесть духовное завѣщаніе, чтобы убѣдиться въ его подлинности.

Для чего было бы сестрѣ моей составлять завѣщаніе на 15 страницахъ, чтобы взять себѣ только 328 душъ и отдать одному Семену, не говоря уже о всѣхъ другихъ, 1164 души въ отлично устроенномъ имѣніи, свободномъ отъ залога и съ лѣсами на сумму болѣе 500 тыс. руб. сер.?

Сестра моя неоднократно была вызываема къ допросамъ въ дер. Писаревку. Ее сопровождали я и Нарышкинъ. Мы жили то въ Ельцѣ, то въ Студенцѣ, и послѣ допросовъ возвращались ночевать домой, а потому должны были для этого дѣлать по нѣскольку десятковъ верстъ въ самую ненастную погоду по непроѣзжимъ грунтовымъ дорогамъ. Между тѣмъ насъ предупреждали, что Алексѣй Викулинъ поитъ виномъ нѣкоторыхъ крестьянъ, обѣщая имъ за убійство сестры и меня большія деньги, а потому многіе считали наши поѣздки въ темное время опасными. Мы этому не вѣрили, но впослѣдствіи мы узнали, что эти предостереженія имѣли основаніе. Кромѣ сестры, слѣдственная комиссія допрашивала много другихъ лицъ и въ особенности часто вызывала къ допросамъ дядю моего князя Дмитрія Волконскаго, который во избѣжаніе ежедневныхъ переѣздовъ изъ своего имѣнія с. Студенецъ въ дер. Писаревку ночевалъ, несмотря на болѣзненное положеніе, цѣлую недѣлю въ своей каретѣ, стоявшей близъ избы, въ которой помѣщалась господская контора и расположились члены слѣдственной комиссіи. Изъ вопросовъ, которые комиссія дѣлала Волконскому, оказалось, что дѣти С. А. Викулина отъ перваго брака обвиняли его въ томъ, что онъ по полученіи 4 іюля эстафеты изъ Москвы о кончинѣ ихъ отца, пріѣхавъ извѣстить объ этомъ мою мать въ с. Колодезское, похитилъ съ помощью ихъ родной тетки Натальи Алексѣевны Арсеньевой и управляющаго Ивана Музалькова изъ сундука, стоявшаго въ кабинетѣ покойнаго, бумаги и 8 милліоновъ руб. наличными деньгами.

Вмѣстѣ съ Волконскимъ въ этомъ кабинетѣ были, кромѣ Арсеньевой, пріѣхавшей на нѣсколько дней въ гости, жившія въ домѣ дочь покойнаго Александра, внука Марья, ея женихъ Муравьевъ, управляющій Иванъ Музальковъ и дворецкій Давыдъ Филипповъ, не отлучавшійся во время отсутствія С. А. Викулина изъ его кабинета, и пріѣхавшій изъ Ельца женихъ дочери покойнаго Елецкій исправникъ Александровъ, къ которому сестра моя послала, по кончинѣ ея мужа, особую эстафету съ просьбою опечатать имущество послѣдняго, чего онъ однако же не исполнилъ.

Съ 4 по 28 іюля въ день пріѣзда въ с. Колодезское Семена и Андрея Викулиныхъ никому въ голову не приходило взносить такую клевету на Волконскаго. Эта нелѣпая выдумка принадлежитъ двумъ упомянутымъ лицамъ. Для ея поддержанія они уговорили сдѣлать ложныя показанія, отставленнаго за растрату вещей, жившаго по болѣзни въ с. Колодезскомъ, вслѣдствіе усиленной просьбы сестры моей, бывшаго дворецкаго Шмидта, котораго они сдѣлали управляющимъ вмѣсто Ивана Музалькова,—и болѣе 20 человѣкъ дворовыхъ людей, обѣщая имъ дать свс-

боду и деньги и подвергая не согласившихся на ложныя показанія безчеловѣчному сѣченію розгами.

Всѣ означенные люди оставались во все время слѣдствія подъ сильнымъ гнетомъ дѣтей перваго брака Викулина, которые попрежнему были полными хозяевами имѣнія, несмотря на предписанія губернскаго начальства объ удаленіи Викулиныхъ, которые были, наконецъ, объявлены одному Алексѣю Викулину, такъ какъ по окончаніи слѣдствія, послѣ бывшей 22 октября свадьбы Александры Викулиной, она переѣхала къ мужу своему Александрову въ Елецъ, а Семенъ Викулинъ и сестра его Вадковская уѣхали въ Петербургъ для распространенія и поддержанія тамъ своихъ клеветъ.

Во время слѣдствія дядя мой князь Дмитрій былъ на очной ставкѣ со всѣми вышеупомянутыми лжесвидѣтелями, большею частію крѣпостными дворовыми людьми Викулина. Многіе изъ нихъ не были доставляемы къ допросамъ и очнымъ ставкамъ по требованію слѣдственной комиссіи по нѣскольку дней, такъ какъ земская полиція во всемъ дѣйствовала за одно съ дѣтьми Викулина отъ перваго брака. Эти свидѣтели, выставленные Викулиными, показывали, что Волконскій одинъ вынесъ изъ кабинета покойнаго большой конвертъ и, положивъ его въ свою карету, увезъ.

Волконскій былъ хромой и ходилъ съ костылемъ. На вопросъ слѣдователей, кто отворялъ дверцы кареты, такъ какъ въ одной рукѣ былъ у него костыль, а въ другой большой конвертъ, лжесвидѣтели отвѣчали, что онъ самъ отворилъ, толкнувъ дверцы колѣномъ. Когда имъ указали, что дверцы нельзя отворить такимъ образомъ, большая часть сознались, что они показываютъ по приказанію своихъ господъ и что нѣкоторые изъ нихъ вовсе не были въ день пріѣзда Волконскаго 4 іюля въ с. Колодезскомъ.

Викулины при слѣдствіи объявили, что въ сундукѣ, называемомъ ими хранилищемъ милліоновъ, не было ни одного билета сохранной казны, а всѣ деньги были въ ассигнаціяхъ. Если бы въ сундукѣ и не находились кипы бумагъ и актовъ, то и тогда бы невозможно было, по его размѣру, уложить въ него самыхъ крупныхъ ассигнацій болѣе чѣмъ на два милліона рублей.

И такъ оба слѣдствія, произведенныя по Высочайшему повелѣнію въ Москвѣ и въ Орловской, губерніи вполнѣ доказали, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ подлинности представленнаго сестрою моею духовнаго завѣщанія, что похищеніе бумагъ и милліоновъ есть гнусная клевета и что, сверхъ того, этихъ милліоновъ никогда и не существовало.

По возвращеніи сестры моей въ Москву мы узнали, что несмотря на то, что слѣдствіе произведенное въ Орловской губерніи еще находилось въ Орлѣ, послано повелѣніе Орловскому губернскому предводителю дворянства Тютчеву и корпуса жандармовъ полковнику Ковалевскому преслѣдовать дѣйствія первой слѣдственной комиссіи. Извѣстно было, что Тютчевъ былъ непримиримый врагъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ двоюродному брату своему губернатору Васильчикову, подъ личнымъ наблю-

деніемъ котораго производилось первое слѣдствіе по Высочайшему повелѣнію.

Къ этому вторичному слѣдствію не былъ вытребованъ даже повѣренный отъ сестры моей и она о его производствѣ не была увѣдомлена. Мнѣ извѣстенъ изъ производства этого слѣдствія только допросъ, сдѣланный означенными двумя лицами страдавшему въ то время опасною болѣзнію Ивану Музалькову. Я приведу его отвѣтъ, изъ котораго виденъ будетъ и вопросъ. Музальковъ писалъ: «Хотя г. Орловскій губернскій предводитель дворянства Тютчевъ и жандармскій полковникъ Ковалевскій и объявили мнѣ, что по Высочайшему повелѣнію вдова моего покойнаго барина и ея дядя князь Д. А. Волконскій сосланы изъ Москвы въ Сибирь, и что я затѣмъ остаюсь крѣпостнымъ человѣкомъ дѣтей моего покойнаго барина отъ перваго брака и состою въ полной ихъ власти, но повторяю, что до удаленія моего изъ имѣнія, которымъ я управлялъ, изъ него никакого похищенія никто не дѣлалъ, а за что вдова моего покойнаго барина и дядя ея сосланы въ Сибирь, мнѣ совершенно неизвѣстно». Нечего и говорить, что ни сестра, ни дядя сосланы не были. Между тѣмъ дѣти Викулина отъ перваго брака сами уже удостовѣрились въ это время въ томъ, что отыскиваемые ими милліоны никогда не существовали, а вотъ еще къ какимъ мѣрамъ прибѣгали новые слѣдователи, чтобы исторгнуть показаніе отъ Музалькова и этимъ показаніемъ оправдать дѣтей Викулина отъ перваго брака въ томъ, что они начали подобное дѣло. Дѣйствія Тютчева и Ковалевскаго въ Елецкомъ уѣздѣ не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій.

При этомъ нельзя не упомянуть, что описанныя истязанія могли производиться только при крѣпостномъ правѣ и что благодаря освобожденію крестьянъ и дворовыхъ людей отъ крѣпостной зависимости они немыслимы въ настоящее время.

Въ Москву я и сестра возвратились черезъ Орелъ. Я прерву разсказъ о клеветахъ Викулиныхъ, чтобы познакомить хотя нѣсколько со степенью образованія и нравами тогдашняго Орловскаго общества.

Губернаторъ Васильчиковъ казался убитымъ тѣмъ, что принялъ при слѣдствіи правую сторону, ожидая за это увольненія отъ должности. Жандармскій полковникъ Новицкій опасался того же. Дѣйствительно первый изъ нихъ былъ вскорѣ уволенъ, а второй перемѣщенъ въ Смоленскъ на ту же должность. Понятно, какъ дорого обходится перемѣна мѣстожительства. Помнится мнѣ, что мы успѣли черезъ кого-то упросить, чтобы отмѣнили перемѣщеніе Новицкаго. Вице-губернаторъ Семеновъ показывалъ себя нейтральнымъ, а на самомъ дѣлѣ держалъ сторону нашихъ противниковъ, опасаясь прогнѣвить петербургскія власти.

Мы въ Орлѣ узнали, что послѣ смерти С. А. Викулина дѣти его отъ перваго брака подавали Орловскому архіерею просьбу о расторженіи брака ихъ отца съ моею сестрою по причинѣ его неправильности, въ чемъ имъ было отказано, такъ какъ законъ не допускаетъ принятія подобныхъ прошеній послѣ смерти одного изъ супруговъ. Тутъ же мы узнали, что

поводомъ къ долгому не утвержденію епархіальнымъ начальствомъ брака сестры моей были происки Андрея и Семена Викулиныхъ. Послѣдній въ то же время выказывалъ отцу и мачехѣ крайнее соболѣзнованіе о томъ, что утвержденіе ихъ брака такъ долго задерживается.

Въ Орлѣ въ это время стояла кавалерійская дивизія, которой командиромъ былъ генералъ-лейтенантъ Офенбергъ, женатый на хорошей знакомой моей сестры, Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Рѣпнинской; на ихъ свадьбѣ я былъ шаферомъ Офенберга.

За обѣдомъ Офенбергъ меня разспрашивалъ о Кавказѣ и прибавилъ, что онъ самъ стоялъ вблизи Кавказа, а когда я его спросилъ, гдѣ именно, онъ отвѣчалъ: «въ Умани».

Большая часть Орловской не служащей публики принимала большое участіе въ дѣлѣ сестры, но были такіе же и изъ служащихъ, именно предсѣдатель уголовной палаты Огарковъ, человѣкъ честный, но очень старый, который между прочимъ увѣрялъ, показывая на свой Владимірскій крестъ на шеѣ, что такого креста ни у кого нѣтъ.

Въ Орлѣ Нарышкинъ познакомилъ сестру и меня съ жившимъ въ этомъ городѣ отставнымъ маіоромъ Шульцомъ. Этотъ господинъ жилъ очень достаточно, но никто не зналъ, откуда онъ беретъ деньги для такой жизни. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ городомъ, имѣлъ большое значеніе и въ особенности сильное вліяніе въ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ. Съ перваго взгляда мнѣ не понравилась эта темная личность, между тѣмъ Нарышкинъ рекомендовалъ Шульца въ повѣренные сестры по орловскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Нечего было дѣлать, надо было покориться необходимости. Впрочемъ все время пока были дѣла у сестры въ орловскихъ присутственныхъ мѣстахъ, Шульцъ былъ ей постоянно полезенъ. Впослѣдствіи онъ сватался за сестру, которая ему отказала, но онъ, несмотря на это, не переставалъ хлопотать о ея дѣлахъ.

Въ Москвѣ всему обществу были извѣстны гнусные поступки дѣтей Викулина отъ перваго брака, а такъ какъ изъ полученнаго свѣдѣнія, что Тютчеву поручено переслѣдовать произведенное слѣдствіе, оказывалось, что этому дѣлу не будетъ конца, многіе вызывались помочь сестрѣ. Между желавшими прекратить гоненіе жандармскаго начальства на сестру былъ М. Ѳ. Орловъ. Онъ сказалъ мнѣ, что было время, когда Дубельтъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусѣ генерала Раевскаго, тестя Орлова, былъ близокъ съ послѣднимъ (извѣстно, что Дубельтъ былъ многимъ обязанъ Орлову), что хотя съ 1826 г. они не состоятъ болѣе ни въ какихъ отношеніяхъ, но Орловъ готовъ написать письмо къ Дубельту, въ которомъ объяснитъ ему всю несправедливость, допущенную въ веденіи этого дѣла. Онъ послалъ это письмо къ Дубельту во второй половинѣ ноября не по почтѣ, а съ какимъ то общимъ ихъ знакомымъ.

3-го декабря я по обыкновенію рано утромъ уѣхалъ въ Воспитательный домъ для наблюденія за ходомъ водоснабженія и нѣкоторыми

дополнительными работами. Возвращаясь во второмъ часу пополудни домой, я увидѣлъ, что Мясницкая улица отъ Мясницкихъ до Красныхъ воротъ занята верховыми жандармами, а на крыльцѣ моего дома стоитъ поваръ моей сестры, который объяснилъ, что жандармы не пропустили его домой, когда онъ возвращался съ рынка. Я немедля поѣхалъ къ сестрѣ. Отъ Мясницкихъ воротъ къ Краснымъ не пропускали проѣзжающихъ; я проѣхалъ только благодаря моему военному мундиру. На подъѣздѣ дома, занимаемаго моею сестрою, стояли два часовыхъ жандарма съ обнаженными саблями. Они объявили, что никого не велѣно ни впускать, ни выпускать изъ дома по распоряженію начальника Московскаго жандармскаго округа Перфильева, находящагося въ домѣ. Я приказалъ доложить Перфильеву, что желаю его видѣть. Онъ вышелъ ко мнѣ и приказалъ впустить. Я спросилъ его, что все это значитъ? Онъ съ смущеннымъ видомъ отвѣчалъ, что производитъ обыскъ въ домѣ сестры вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства Небольсинымъ.

На мой вопросъ, конечно сдѣланный раздражительнымъ тономъ, по какому поводу производится обыскъ, не отыскиваютъ-ли они воображаемые милліоны, Перфильевъ просилъ меня успокоиться и не причинять ему еще большаго раздраженія, такъ какъ онъ и Небольсинъ только исполнители Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго имъ шефомъ жандармовъ графомъ Бенкендорфомъ, и что ему не только извѣстна вся гнусность клеветы, но сверхъ того и побужденія, по которымъ притѣсняютъ сестру мою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты, въ которыхъ всѣ вещи были выбраны изъ сундуковъ и шкаповъ адъютантомъ Перфильева Волковскимъ. Даже ризы были сняты съ иконъ и разная мебель разобрана. Такому же обыску подвергались жившая съ сестрою мать и пріѣхавшая къ ней погостить тетка княжна Татьяна Волконская, а равно чемоданъ остановившагося у сестры брата Николая, наканунѣ пріѣхавшаго съ Кавказа.

Каждый пойметъ, въ какомъ положеніи нашелъ я сестру мою, которую съ 10 часовъ утра заставляли отворять ящики и сундуки и присутствовать при выбираніи изъ нихъ вещей. Мать, узнавъ о пріѣздѣ Перфильева и Небольсина для обыска, сказала, что она не хочетъ, чтобы младшій сынъ ея Николай былъ свидѣтелемъ этого срама. Братъ уѣхалъ въ 10 ч. утра въ Симоновъ монастырь и мать потребовала, чтобы его не впускали въ домъ, пока не кончится сбыскъ. Затѣмъ съ нею сдѣлался сбморокъ. Послали за докторами, пустили ей кровь, которая долго не шла, и съ трудомъ привели ее въ чувство. Этотъ обморокъ и всѣ страданія, понесенныя моею матерью со времени смерти ея зятя, конечно, были причиною ея преждевременной кончины. Здоровье сестры также съ того времени было постоянно разстроено. Этимъ, конечно, могутъ похвалиться дѣти ея мужа отъ перваго брака.

Всѣ вещи, разобранныя при обыскѣ, оставлены въ домѣ, но всѣ бумаги сестры, не исключая самаго ничтожнаго лоскутка, были взяты

Перфильевымъ и отосланы имъ въ III отдѣленіе Собственной канцеляріи Государя, откуда не были возвращены. Между этими бумагами было одно не распечатанное письмо, адресованное къ сестрѣ, которое будетъ еще играть нѣкоторую роль при дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Сестра въ ноябрѣ получала много анонимныхъ писемъ, большею частію наполненныхъ ругательствами, которыя явно были писаны ея противниками и сильно ее раздражали. Вслѣдствіе этого между ею и мною было условлено, что я буду распечатывать всѣ получаемыя ею письма и по прочтеніи нужныя буду отдавать ей, а ругательныя и вообще безполезныя буду уничтожать. Означенное забранное письмо было получено сестрою наканунѣ произведеннаго у ней обыска послѣ моего ухода отъ нея, а потому и оставалось не распечатаннымъ.

Послѣ обыска пріѣхалъ дядя князь Александръ Волконскій, который объявилъ, что въ этотъ же день былъ произведенъ Московскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникомъ Гофманомъ обыскъ въ домѣ дяди князя Дмитрія, воротившагося изъ деревни въ Москву, и къ этому прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «Что ты здѣсь сидишь? Можетъ быть, господа, уѣхавшіе отсюда, теперь обшариваютъ твою квартиру и испугали твою жену». Я поѣхалъ домой, но тамъ ничего не было. Впослѣдствіи мы узнали, что въ то же время были произведены обыски Тамбовскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникомъ Ковальскимъ въ домѣ дяди князя Дмитрія въ его имѣніи Студенецъ въ отсутствіе хозяина и Воронежскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ у одного Воронежскаго помѣщика, занимавшагося дѣлами покойнаго С. А. Викулина.

Обыски были сдѣланы до того внезапно, что о нихъ не былъ даже предупрежденъ князь Д. В. Голицынъ, и этотъ уважаемый начальникъ столицы, узнавъ о нихъ только на другой день, былъ недоволенъ этими распоряженіями.

Нѣсколько дней спустя сестра моя увидала, что жандармскій генералъ Перфильевъ подъѣхалъ къ ея крыльцу. Это было рано утромъ и она подумала, что Перфильевъ пріѣхалъ арестовать ее. Она просила брата Николая выйти къ Перфильеву и спросить о причинѣ пріѣзда. Перфильевъ увѣрилъ брата, что привезъ самое успокоительное извѣстіе для сестры и долженъ его, согласно приказанію графа Бенкендорфа, лично передать сестрѣ моей. Когда его ввели въ гостинную, онъ подалъ сестрѣ письмо отъ графа Бенкендорфа, въ которомъ послѣдній извѣщалъ сестру, что, по обязанности своей покровительствовать вдовамъ и сиротамъ, онъ принялъ самое живое участіе въ сестрѣ моей, когда ее оклеветали ея пасынки и падчерицы; что зная, до какой степени клевета пристаетъ къ самымъ невиннымъ, онъ ходатайствовалъ у Государя о назначеніи самыхъ строгихъ слѣдствій и другихъ дѣйствій, дабы доказать, что жалобы, поданныя на сестру, были ничто иное, какъ клеветы, такъ чтобы на ней не могло остаться и малѣйшаго подозрѣнія, каковой цѣли онъ вполнѣ достигъ.

Прочитавъ это письмо и выслушавъ соотвѣтственныя словесныя объясненія Перфильева, сестра моя сказала ему:

— До сихъ поръ считали меня воровкой, но теперь сверхъ того и дурою. Неужели графъ Бенкендорфъ полагаетъ, что я повѣрю этимъ изворотамъ? Когда хотятъ кого-либо защитить, то, конечно, не наносятъ ему всевозможныхъ оскорбленій.

М. Ѳ. Орловъ въ то же время получилъ отвѣтъ на свое письмо, въ которомъ Дубельтъ, излагая то же, что въ письмѣ Бенкендорфъ къ сестрѣ, присовокупляетъ, что послѣднимъ дѣйствіемъ защиты сестры моей мнимыми покровителями вдовъ былъ произведенный у нея обыскъ, который ясно доказалъ, равно какъ и произведенныя слѣдствія, всю гнусность клеветы. Конечно, М. Ѳ. Орловъ понялъ этотъ изворотъ Дубельта такъ же, какъ поняла его сестра моя.

Оба слѣдствія, Московское и Орловское, были представлены въ III отдѣленіе Собственной канцеляріи Государя, и потому надо было слѣдить за ихъ ходомъ въ Петербургѣ, куда и отправились въ началѣ 1842 г. сначала мать моя, остановившаяся у Ю. С. Колесовой, а вслѣдъ за нею сестра моя, я съ женою и теткою П. А. Замятниною. Мы остановились въ нижнемъ этажѣ гостинницы Серапина на Обуховскомъ проспектѣ.

Намъ извѣстно было, что Петербургское общество смотритъ на дѣло сестры не въ ея пользу. Въ домѣ П. Д. Норова была постоянно значительная карточная игра, а потому всѣ картежники были на сторонѣ противниковъ сестры. Жена Норова и сестра ея Вадковская любезничали съ нѣкоторыми изъ вліятельныхъ лицъ и держали ихъ на своей сторонѣ; предъ другими съ тою цѣлію онѣ пресмыкались. Братъ ихъ Семенъ, столь неистово дѣйствовавшій съ крѣпостными людьми, прикидывался въ обществѣ чрезвычайно скромнымъ человѣкомъ. Жандармы подъ рукою распускали невыгодные слухи о дѣйствіяхъ моей сестры по кончинѣ ея мужа.

Мать моя, нѣсколько знакомая съ графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою, по пріѣздѣ въ Петербургъ, получила отъ нея и отъ нѣкоторыхъ другихъ знакомыхъ подтвержденіе, что общество въ Петербургѣ сильно настроено въ пользу противниковъ сестры, о чемъ мать и сообщала намъ въ своихъ письмахъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, имѣя въ немъ мало знакомыхъ, намъ оставалось только слѣдить за тѣмъ, что предпримутъ далѣе по этому дѣлу III отдѣленіе Собственной канцеляріи Государя и если оно дастъ дѣлу неправильный ходъ, то сестра намѣрена была просить Государя лично, или черезъ комиссію прошеній. Свѣдѣніе же о томъ, что предпримутъ III отдѣленіе, намъ не отъ кого было получить, кромѣ управляющаго отдѣленіемъ Дубельта. Съ этою цѣлію я часто ѣздилъ къ нему въ отдѣленіе, но онъ меня не принималъ. Въ то же время онъ подсылалъ къ матери моей убѣждать ее, чтобы она уговорила сестру мою окончить начатое дѣло миромъ, на что мать моя не изъявляла согласія. Наконецъ черезъ графиню А. А. Орлову дѣло это доведено было до свѣдѣнія графа

Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, который не вмѣшивался въ дѣла, до него прямо не относящіяся, принялъ однако участіе въ дѣлѣ сестры и говорилъ о немъ Бенкендорфу и Дубельту. Сестра и я были также у статсъ-секретаря для принятія прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее Имя, князя Александра Ѳеодоровича Голицына, и онъ обѣщался, когда просьба сестры поступитъ въ комиссію прошеній, принять въ ней живое участіе.

Послѣ неоднократныхъ безполезныхъ моихъ посѣщеній Дубельта въ III отдѣленіи, я пріѣхалъ къ нему туда же въ началѣ марта и, приказавъ доложить о себѣ, получилъ обычный отвѣтъ, что генералъ занятъ и принять меня не можетъ. По выходѣ изъ канцеляріи, когда я садился на дрожки, подбѣжалъ ко мнѣ какой то чиновникъ и сказалъ, что генералъ проситъ меня воротиться, если я имѣю время. Я отвѣчалъ, что я только за этимъ пріѣхалъ въ Петербургъ и шесть недѣль не могу добиться свиданія съ Дубельтомъ. Вотъ приблизительно мой съ нимъ разговоръ, довольно долго продолжавшійся. Дубельтъ, при входѣ моемъ въ его кабинетъ, сказалъ мнѣ:

— Вы, капитанъ, сами служите, и потому должны знать, что всякая канцелярская тайна должна сохраняться, а тѣмъ болѣе тайна этой канцеляріи; между тѣмъ, вы пріѣзжаете разузнавать ее; это очень нехорошо.

Я объяснилъ Дубельту, что я не употреблялъ никакихъ средствъ для разузнанія положенія дѣла сестры, а пріѣзжалъ чтобы видѣть его, но до сего времени этого мнѣ не удавалось. На вопросъ Дубельта, для чего я хотѣлъ его видѣть, я отвѣчалъ, что цѣлью моею было просить о скорѣйшемъ окончаніи дѣла сестры. На это Дубельтъ сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ вамъ просить меня, когда у васъ есть такіе сильные защитники?

На выраженное мною удивленіе, что я не знаю этихъ защитниковъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Помилуйте, вы подняли всѣхъ противъ меня: графа Орлова, даже митрополита Московскаго Филарета, который писалъ сюда о дѣлѣ вашей сестры, и все Московское общество.

Я объяснилъ, что я и никто изъ моихъ близкихъ не знакомы ни съ Орловымъ, ни съ митрополитомъ Филаретомъ, что если они приняли участіе въ сестрѣ, то, вѣроятно, изъ состраданія, узнавъ о взводимыхъ на нее клеветахъ и о стѣснительныхъ для нея мѣрахъ, которыя, вслѣдствіе этихъ клеветъ, были приняты. Что же касается до Московскаго общества, то оно не могло, конечно, равнодушно относиться къ этимъ мѣрамъ. На это Дубельтъ мнѣ сказалъ:

— За вами слѣдили и вы неоднократно своими разсказами въ англійскомъ клубѣ возбуждали неудовольствіе въ Московскомъ обществѣ противъ мѣры правительства, а вы должны знать, чему за это можете подвергнуться.

Я отвѣчалъ, что все это дѣло такъ для меня горестно, что мнѣ и вспоминать о немъ больно, а не только передавать его всякому встрѣчному; но что въ Москвѣ многіе любопытствовали узнать о положеніи дѣла, спрашивали объ этомъ у меня и я, хотя въ короткихъ словахъ, долженъ былъ удовлетворить этому любопытству, явно проистекавшему изъ участія къ сестрѣ, что при этихъ разсказахъ я никогда не возбуждалъ никого противъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, и переданное на этотъ счетъ обо мнѣ Дубельту ложно. Тогда Дубельтъ сказалъ мнѣ:

— Худой миръ лучше доброй ссоры. Вашей сестрѣ слѣдовало бы помириться съ ея противниками. Я старался склонить къ этому мать вашу, о которой слышалъ, что она истинная христіанка, воспитала въ этомъ направленіи дѣтей своихъ и имѣетъ на нихъ сильное вліяніе. Но къ удивленію моему, мать ваша не согласилась на данный ей мною совѣтъ, отзываясь, что дочь ея можетъ сама разсудить, слѣдуетъ ли продолжать начатое дѣло, въ виду того, что послѣдняя имѣетъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей,—и не приняла на себя уговаривать свою дочь къ мирному окончанію дѣла. Я же еще разъ вамъ и матери вашей говорю, для пользы же вашей сестры, уговорить ее покончить дѣло миролюбиво.

На мой отвѣтъ, что я въ этомъ отношеніи совершенно согласенъ съ мнѣніемъ моей матери, Дубельтъ, приказавъ какому то сидѣвшему въ его кабинетѣ чиновнику, имѣвшему титулъ превосходительства, подать слѣдственное дѣло, производившееся въ Орловской губерніи, сказалъ мнѣ:

— Вы такъ судите, потому что вѣрно еще не знаете съ какими разбойниками имѣете дѣло. Вотъ прошеніе, поданное мнѣ вашими противниками.

Тогда только, прочитавъ это прошеніе, я узналъ въ точности, по какому поводу производились слѣдствія надъ сестрою. Въ просьбѣ этой, на Высочайшее Имя поданной Вадковскою и Норовою черезъ графа Бенкендорфа, было сказано, что отецъ просителей 65 лѣтъ отъ роду (ему прибавили въ просьбѣ 7 лѣтъ), женившись на бѣдной дѣвушкѣ (ей убавили въ просьбѣ 5 лѣтъ), по настояніямъ ея совершенно ихъ покинулъ, а послѣ его смерти вдова представила въ Московскую гражданскую палату фальшивое завѣщаніе, похитивъ изъ бывшаго съ ихъ отцомъ въ Москвѣ денежнаго ящика бумаги и 8 милліоновъ руб., и что въ то же время дядя ея князь Дмитрій Волконскій, пріѣхавъ въ имѣніе ихъ отца, похитилъ изъ ящика, стоявшаго въ кабинетѣ послѣдняго, также бумаги и 8 милліоновъ рублей.

Дубельтъ мнѣ сказалъ:

— Не сдѣлали-ли бы вы на моемъ мѣстѣ того же, что сдѣлалъ я? Я не зналъ ни вашей сестры, ни ея противниковъ. Вадковская и Норова явились ко мнѣ съ просьбою, и я, прочтя ее безъ особаго вниманія, какъ большею частію читаются во множествѣ подаваемыя просьбы, доложилъ ее графу Бенкендорфу, а онъ нашелъ нужнымъ нарядить слѣдствія,

которыя послужили къ полному оправданію вашей сестры, а между тѣмъ Московское общество позволило себѣ утверждать, что я нахожусь въ любовной связи съ одною изъ просительницъ (онъ выразилъ это самымъ циническимъ образомъ) и что мнѣ обѣщаны ими милліоны. Вы сами это нѣсколько разъ слышали въ Московскомъ англійскомъ клубѣ и не противорѣчили.

Я отвѣчалъ, что о первомъ дѣйствительно слышалъ, но, не зная его отношеній къ просительницамъ, не могъ ни утверждать того, что мнѣ говорили, ни противорѣчить; объ обѣщаніи же дать ему милліоны никогда не слыхалъ.

Послѣ этого Дубельтъ, чтобы показать съ какими разбойниками (его собственное выраженіе) мы имѣемъ дѣло, говорилъ мнѣ о доказанныхъ слѣдствіемъ въ Орловской губерніи истязаніяхъ, которыя они производили надъ людьми, принуждая ихъ дѣлать ложныя показанія, и показалъ мнѣ донесеніе жандармскаго штабъ-офицера и нѣсколько приложенныхъ къ этому донесенію объявленій Алексѣя Викулина, въ которыхъ онъ обѣщается дать 5000 р. тому, кто убьетъ сестру или меня. Затѣмъ Дубельтъ показалъ мнѣ донесеніе жандармскаго штабъ-офицера о томъ, что Норовъ и Вердеревскій называли себя, первый товарищемъ Министра внутреннихъ дѣлъ, а второй оберъ-прокуроромъ Синода и что послѣдній пріѣзжалъ ночью къ священнику с. Хмѣлинца съ чѣмъ то блестящимъ на головѣ, вродѣ митры. Дубельтъ спросилъ меня, зналъ ли я объ этомъ? Я отвѣчалъ, что слухи доходили до меня, но я считалъ ихъ неправдоподобными. Онъ кончилъ новымъ увѣщаніемъ, чтобы я уговорилъ сестру помириться съ ея противниками, а когда я ему отвѣчалъ то же, что и прежде, онъ спросилъ меня, чего же я отъ него хочу. Я отвѣчалъ, что прошу о скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла сестры и намекнулъ, что въ противномъ случаѣ сестра будетъ просить Государя о повелѣніи скорѣе окончить дѣло. Дубельтъ тогда отпустилъ меня, сказавъ, что черезъ недѣлю будетъ готовъ докладъ Государю.

Дѣйствительно я узналъ, что въ отдѣленіи составляется этотъ докладъ съ изложеніемъ вкратцѣ всей исторіи дѣла, но что его редакція постоянно измѣняется. Это отдѣленіе полагало невозможнымъ не упомянуть въ докладѣ объ истязаніяхъ, которымъ Алексѣй и Семенъ Викулины подвергали крѣпостныхъ людей, и было увѣрено, что Императоръ Николай подвергнетъ истязателей строгому взысканію. Дубельтъ послалъ докладъ III отдѣленія на предварительное разсмотрѣніе въ канцелярію Министра юстиціи, гдѣ приказалъ объяснить затрудненія въ представленіи доклада Государю. Бывшій тогда управляющій канцеляріею Министра юстиціи, впослѣдствіи сенаторъ, Михаилъ Ивановичъ Топильскій, пояснилъ присланному Дубельтомъ, что напрасно составили такой длинный докладъ, что Высочайшее повелѣніе состоялось о производствѣ слѣдствій, которыя должны были опредѣлить, подлинное или фальшивое завѣщаніе представлено сестрою моею къ явкѣ въ Московскую гражданскую палату

и отыскать похищенные милліоны, а потому въ докладѣ должно отвѣчать только на эти два вопроса и слѣдовательно ограничиться изъясненіемъ, что по произведеннымъ слѣдствіямъ представленное завѣщаніе писано рукою покойнаго, что милліоновъ не только никто не похищалъ, но они и не существовали, и что затѣмъ въ докладѣ Государю не слѣдуетъ упоминать объ истязаніяхъ и ни о чемъ другомъ, о чемъ не упоминалось въ вышеприведенномъ Высочайшемъ повелѣніи. Такъ и составленъ былъ докладъ.

Черезъ нѣсколько дней графъ Бенкендорфъ лично вручилъ моей сестрѣ подписанную имъ бумагу съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія, въ которомъ было сказано, что такъ какъ по докладу графомъ Бенкендорфомъ слѣдственныхъ дѣлъ, произведенныхъ по жалобамъ противниковъ моей сестры, всѣ эти жалобы оказались несправедливыми, то эти слѣдственныя дѣла препроводить къ Министру юстиціи для поступленія по законамъ съ тѣмъ, чтобы возникшій процессъ производился безъ очереди и подъ особымъ руководствомъ Министра юстиціи. Бенкендорфъ, отдавая сестрѣ вышеупомянутую бумагу, несмотря на свою дряхлость, любезничалъ съ сестрою, просилъ поцѣловать ея прекрасную (его выраженіе) ручку и уговаривалъ сестру, чтобы она не преслѣдовала противниковъ, ее оклеветавшихъ.

Сестра желала продолжать дѣло съ тѣмъ, чтобы, какъ она была публично оклеветана ея противниками, и полное оправданіе ея было также публично. Просьбу свою она желала подать Министру юстиціи лично съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность объяснить ему свое положеніе. Министромъ былъ графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, человѣкъ сухой. Доступъ къ нему былъ возможенъ только въ извѣстные дни при общемъ піремѣ просителей, при чемъ сестрѣ трудно было объяснить все дѣло. Мы добились однако же особаго пріема, черезъ бывшаго въ то время адъютантомъ Министра финансовъ графа Канкрина, А. Л. Варнека, который былъ очень друженъ съ Тизенгаузеномъ, братомъ жены Панина. Послѣдній при пріемѣ сестры противъ своего обыкновенія выказалъ участіе къ ея положенію. Онъ, обыкновенно ничего не говорившій съ просителями, прочитавъ поданное сестрою прошеніе, сказалъ ей, что онъ знаетъ все ея дѣло, что онъ слѣдилъ за нимъ, что въ немъ запутали себя жандармы назначеніемъ слѣдствій и обысковъ безъ достаточныхъ поводовъ, непріостановленіемъ производимыхъ Викулиными истязаній и другими дѣйствіями и что затѣмъ въ настоящее время жандармы уже будутъ защищать не Викулиныхъ, а себя. Вслѣдствіе этого онъ совѣтовалъ сестрѣ не искать на Викулиныхъ за ихъ клеветы и оскорбленія, такъ какъ это только отдалитъ утвержденіе духовнаго завѣщанія ея мужа, а ему извѣстно, что у нея ничего нѣтъ и жить нечѣмъ. Что же касается до духовнаго завѣщанія, то онъ немедля вытребуетъ его отъ Бенкендорфа и пошлетъ его въ гражданскую палату для законнаго постановленія. Сестра объяснила Панину, что она жела-

етъ, чтобы клеветы, взведенныя на нее ея пасынками и падчерицами, были сняты съ нея законнымъ судомъ. Тогда Панинъ сказалъ, что онъ исполнитъ волю Государя и вытребуетъ отъ Бенкендорфа слѣдственныя дѣла, равно какъ и духовное завѣщаніе, при чемъ обѣщалъ, что будетъ наблюдать за успѣшнымъ ходомъ дѣла въ судебныхъ мѣстахъ.

Узнавъ, что слѣдственныя дѣла затребованы Панинымъ отъ Бенкендорфа и въ виду того, что 22 марта я получилъ новую командировку на Кавказъ, сестра рѣшилась оставить Петербургъ и переѣхать въ Москву, куда мать наша уѣхала еще ранѣе къ остававшимся тамъ малолѣтнимъ дочерямъ сестры.

Какъ ни горестна была причина, которая насъ заставила болѣе двухъ мѣсяцевъ прожить въ Петербургѣ въ гостинницѣ Серапина, мы, благодаря веселому и живому характеру жены моей, провели ихъ безъ скуки. Я уже говорилъ, что съ нами пріѣхала въ Петербургъ тетка моя П. А. Замятнина. Она при большомъ умѣ и добротѣ сердца была чрезвычайно вспыльчива и необыкновенно эксцентрична. Жена моя нападала разными шутками на эту эксцентричность, а Замятнина, любя ее за доброту, никогда ни за что на нее не сердилась. Замятнина любила наряжаться и выѣзжать на вечера, гдѣ танцовала между прочимъ и со взрослымъ своимъ сыномъ, бывшимъ тогда въ старшихъ классахъ Училища правовѣдѣнія. Между прочими шутками и шалостями моей жены упомяну о слѣдующихъ. Во время одѣванія на вечера Замятниной жена моя свертывала змѣйкою длинную бумажку, которую зажигала съ одной стороны и пропускала подъ дверью въ сосѣднюю комнату, гдѣ одѣвалась тетка, и конечно этимъ пугала ее, что производило общій смѣхъ. Замятнина вела переписку съ какимъ то господиномъ и, не довѣряя ее никому, сама носила свои письма въ мелочную лавку, въ которой помѣщался ящикъ городской почты. У насъ каждый день бывалъ двоюродный братъ мой, бывшій тогда прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, баронъ А. А. Дельвигъ, съ которымъ жена моя была дружна. Она, послѣ того какъ Замятнина относила свое письмо, посылала его въ мелочную лавку просить о возвращеніи письма и показывала его, конечно, нераспечатаннымъ Замятниной, которая никакъ не могла понять, какимъ образомъ письмо попадало въ руки жены или двоюроднаго брата, старалась его отнять и по этому случаю происходила страшная бѣготня кругомъ по нашимъ комнатамъ и прилегающему къ нимъ корридору, съ другой стороны котораго не было жилыхъ комнатъ. Впрочемъ эта бѣготня происходила часто и по другимъ поводамъ, такъ что еще черезъ двадцать лѣтъ въ этой гостинницѣ сохранялось воспоминаніе о томъ, какъ мы въ ней весело жили. Жена, имѣя хорошій голосъ, пѣла почти каждый вечеръ и очень часто цыганскія пѣсни, что развеселяло сестру, очень любившую пѣніе жены моей. Оно нравилось всѣмъ постороннимъ, подходившимъ къ нашимъ комнатамъ слушать ея пѣніе. Кромѣ упомянутаго моего двоюроднаго брака А. А. Дельвига у насъ часто бывали А. Л. Вар-

некъ, И. Н. Колесовъ, слушавшій тогда курсъ въ военной академіи. Изъ круга лицеистовъ и литераторовъ я видѣлся только съ М. Л. Яковлевымъ, княземъ Эристовымъ и П. А. Плетневымъ; первый бывалъ у меня чаще другихъ. Въ этотъ пріѣздъ и въ пріѣздъ въ 1841 г. въ Петербургъ мы часто посѣщали 40 лѣтъ жившую у тещи моей А. А. Крепейнъ, поселившуюся съ своей сестрой на вдовьей половинѣ Смольнаго монастыря.

Чтобы не возвращаться болѣе къ грустному дѣлу сестры моей, я теперь изложу его дальнѣйшій ходъ. Въ первомъ письмѣ, полученномъ мною отъ сестры по прибытіи моемъ на Кавказъ, она писала, что вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву она получила отъ Бенкендорфа отношеніе слѣдующаго содержанія. Бенкендорфъ докладывалъ Государю, что дѣти С. А. Викулина отъ перваго брака подали просьбу, въ которой объяснили, что первая просьба ихъ, въ которой они жаловались на представленіе сестрою въ гражданскую палату фальшиваго духовнаго завѣщанія и на похищеніе капиталовъ, основывалась на ихъ нравственномъ убѣжденіи и что они на это не имѣютъ никакихъ юридическихъ доказательствъ и потому не могутъ вести этого дѣла въ обыкновенныхъ судахъ. Принимая же въ соображеніе, что отъ дальнѣйшаго веденія дѣла въ означенныхъ судахъ ничего не могутъ выиграть ни они, ни ихъ мачеха, они просили прекратить дѣло, возникшее по первой ихъ просьбѣ. Бенкендорфъ увѣдомлялъ сестру, что Государь на эту просьбу изъявилъ согласіе съ тѣмъ, чтобы всѣ производившіяся слѣдственныя дѣла по первой просьбѣ Викулиныхъ оставались въ III отдѣленіи Собственной канцеляріи Государя безъ дальнѣйшаго производства и только одно духовное завѣщаніе покойнаго С. А. Викулина было послано въ Московскую гражданскую палату для законнаго постановленія, а если сестра или ея родственники подадутъ какія-либо жалобы по означеннымъ дѣламъ, то ихъ оставлять безъ послѣдствій.

Сестра, несмотря на это, подала просьбу на Высочайшее Имя, въ которой просила о томъ, чтобы произведенныя по Высочайшему повелѣнію слѣдствія были разсмотрѣны законнымъ порядкомъ, на что получила отвѣтъ отъ статсъ-секретаря у принятія прошеній, приносимыхъ на Высочайшее Имя, князя А. Ѳ. Голицына, обѣщавшагося принять живое участіе въ дѣлѣ сестры, когда оно дойдетъ до него, что за силою Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго сестрѣ моей Бенкендорфомъ, онъ не можетъ доложить Государю ея просьбы. Такимъ образомъ предсказаніе Панина о томъ, что Бенкендорфъ и Дубельтъ не допустятъ, чтобы дѣло, возникшее по клеветамъ дѣтей С. А. Викулина отъ перваго брака, получило законный ходъ, вполнѣ оправдалось.

Духовное завѣщаніе покойнаго Викулина было переслано въ 1-ый департаментъ Московской гражданской палаты, но предсѣдатель его, напуганный покровительствомъ жандармскаго начальства Викулинымъ, долго откладывалъ разсмотрѣніе дѣла, наконецъ, рѣшилъ его отправить по мѣсту нахожденія большей части имѣній Викулина въ Орловской губерніи въ Орловскую гражданскую палату, гдѣ оно утверждено въ 1844 г.,

за исключеніемъ нѣкоторыхъ, не допускаемыхъ закономъ въ завѣщаніяхъ распоряженій, впрочемъ не имѣвшихъ никакой важности.

По апеляціонной жалобѣ дочери покойнаго Александровой, дѣло о завѣщаніи перешло въ 8 департаментъ Сената. Я въ это время служилъ въ Нижнемъ Новгородѣ и, часто проѣзжая черезъ Москву въ Петербургъ, каждый разъ бывалъ у знакомыхъ мнѣ сенаторовъ съ просьбой о дѣлѣ сестры. Въ числѣ ихъ былъ Дмитрій Никитичъ Бегичевъ, давнишній знакомый моего семейства, но вмѣстѣ съ тѣмъ состоявшій во враждѣ съ покойнымъ С. А. Викулинымъ съ тѣхъ поръ, какъ они въ одно время были: первый Воронежскимъ губернаторомъ, а послѣдній Воронежскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Этотъ Бегичевъ былъ авторомъ романа «Семейство Холмскихъ», одно изъ лицъ котораго «Сундуковъ» должно было изображать С. А. Викулина. Только сильная вражда могла найти сходство между Сундуковымъ и С. А. Викулинымъ, такъ какъ послѣдній былъ человѣкъ весьма гостепріимный и вообще очень добрый, помогавшій всѣмъ окрестнымъ бѣднымъ постоянною раздачею огромнаго количества муки и другой провизіи, и помѣщикамъ давалъ при крайней ихъ нуждѣ въ долгъ по нѣскольку тысячъ рублей по шести процентовъ и никогда не бралъ болѣе, тогда какъ плата по десяти процентовъ на занятый капиталъ была тогда дѣломъ очень обыкновеннымъ. Бегичевъ постоянно говорилъ мнѣ, что онъ, хорошо зная руку покойнаго, въ подлинности завѣщанія не можетъ сомнѣваться, и предлагалъ, чтобы сестра совершенно положилась на него, а что онъ убѣдитъ своихъ товарищей рѣшить дѣло по справедливости и въ ея пользу. Дѣло сестры, за происшедшими въ 8 департаментѣ разными мнѣніями сенаторовъ, перешло въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ сената, которое нашло нужнымъ потребовать изъ III отдѣленія Собственной канцеляріи Государя нѣкоторые документы, оставшіеся въ этомъ отдѣленіи при слѣдственныхъ дѣлахъ. Отдѣленіе долго не исполняло требованія сената и наконецъ, представляя затребованные документы, вмѣстѣ съ ними представило письмо, найденное у сестры не распечатаннымъ во время произведеннаго у нея обыска, какъ доказательство ея виновности. Это письмо оказалось безъ подписи. Въ немъ неизвѣстное лицо женскаго пола убѣждало сестру сознаться въ похищеніи милліоновъ и въ составленіи фальшиваго завѣщанія. Конечно, это письмо, присланное по злости Дубельта, не имѣло никакого вліянія при разсмотрѣніи дѣла сестры въ общемъ собраніи сената.

Сестра передъ слушаніемъ дѣла въ этомъ собраніи ѣздила, по принятому обычаю, ко всѣмъ Московскимъ сенаторамъ съ записками о ея дѣлѣ. Она отправилась прежде всего къ князю Павлу Павловичу Гагарину, который въ это время былъ первоприсутствующимъ въ общемъ собраніи. Гагаринъ, съ которымъ она вовсе не была знакома, не только принялъ ее благосклонно, но во вниманіе къ тому, сколько она уже потерпѣла, прочитавъ при ней записку, взялъ, въ противность принятаго обы-

чая, карандашъ, въ нѣсколько минутъ измѣнилъ редакцію записки, отдалъ ее сестрѣ обратно и сказалъ, что не имѣетъ надобности въ запискѣ, такъ какъ дѣло ему вполнѣ извѣстно. Сестра никогда не забывала этого благосклоннаго пріема Гагарина и хотя и послѣ этого не была съ нимъ знакома, но несмотря на свою болѣзнь и непроѣзжую въ мартѣ дорогу, была въ 1872 году на его похоронахъ въ Петербургскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Записки, назначенныя другимъ сенаторамъ, исправленныя по указаніямъ Гагарина, сестра развезла къ нимъ и, между прочимъ, къ Д.Н. Бегичеву, который упрекнувъ ее, что она не дала ему случая быть ей и прежде полезнымъ, обѣщалъ убѣдить сенаторовъ въ общемъ собраніи единогласно рѣшить дѣло въ ея пользу.

Въ общемъ собраніи подали голосъ 16 сенаторовъ въ пользу сестры и 5 противъ нея, въ числѣ послѣднихъ былъ Бегичевъ. Кромѣ него, подали голосъ противъ сестры: Николай Петровичъ Мартыновъ, извѣстный картежникъ, которому князь П. П. Гагаринъ сказалъ, что онъ подаетъ такое мнѣніе, вѣроятно, вслѣдствіе обѣщанія, даннаго Норову за зеленымъ столомъ; Петръ Семеновичъ Полуденскій, тесть Лугинина, близкаго родственника Норову, князь Александръ Петровичъ Оболенскій, подававшій по всѣмъ дѣламъ одинаковыя мнѣнія съ Полуденскимъ, и графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Причина, по которой послѣдній присоединился къ противникамъ сестры, мнѣ неизвѣстна. Надо полагать, что это было послѣдствіемъ мнѣній Петербургскаго аристократическаго круга, въ которомъ Викулины не переставали поддерживать свои клеветы.

Наконецъ только 19-го іюня 1847 г., т.-е. черезъ 6 лѣтъ послѣ смерти С. А. Викулина, послѣдовалъ сенатскій указъ объ утвержденіи его завѣщанія. Этотъ указъ даетъ ясное понятіе о притязаніяхъ дѣтей Викулина отъ перваго брака, а потому я привожу его буквально въ приложеніи къ этой главѣ.

Опека, учрежденная надъ завѣщанными сестрѣ и ея дочерямъ имѣніями, не только раззоряла послѣднія, но не заботилась даже о своевременномъ полученіи долговъ по завѣщаннымъ сестрѣ моей частнымъ заемнымъ письмамъ или о представленіи ко взысканію тѣхъ изъ нихъ, по коимъ не производилась своевременная уплата. По этимъ причинамъ изъ выше сказанныхъ 200 тыс. р. асс. (до 57 тыс. р. сер.), оставшихся послѣ Викулина въ заемныхъ письмахъ отъ разныхъ лицъ, сестра лишилась почти половины этого капитала.

Занятія мои по службѣ во второй половинѣ 1841 г. состояли въ составленіи отчетовъ и смѣтъ по работамъ, производившимся въ Москвѣ въ вѣдѣніи главнаго управленія путей сообщенія. Мнѣ въ помощь данъ былъ молодой офицеръ, который каждый день очень прилежно занимался съ 10 час. утра до 4-хъ пополудни и потомъ обыкновенно оставался у меня обѣдать.

Въ это же время переѣхала къ намъ жить, давнишній другъ моей жены, Александра Николаевна Тютчева. Получивъ свѣдѣніе, что свояченица моя графиня Толстая беременна и что она терпитъ нужду у своей свекрови, жена моя съ Тютчевой отправились въ имѣніе Толстыхъ въ Княгининскій уѣздъ. Жена нашла свою сестру въ многочисленномъ семействѣ Толстыхъ въ угнетенномъ положеніи. Даже чай давали ей хуже, чѣмъ другимъ членамъ семейства. Мужъ не обращалъ на это никакого вниманія и былъ вполнѣ къ ней равнодушенъ.

Жена моя высказала свекрови сестры все неприличіе поведенія относительно послѣдней и при себѣ поставила ее на другую ногу. Оттуда она поѣхала къ своему отцу, котораго упросила простить Толстыхъ и дать любимой дочери назначенную ей часть имѣнія, но тесть мой на это не согласился, не желая имѣть Толстого своимъ сосѣдомъ, а вслѣдствіе убѣжденія жены моей согласился принять старшую дочь и назначилъ ей ежегодное содержаніе, такъ что она съ мужемъ могла выѣхать изъ имѣнія свекрови. Жена моя, окончивъ съ успѣхомъ это путешествіе, вернулась съ Тютчевою въ Москву. Вслѣдъ за нею пріѣхалъ и тесть мой, который часто бывалъ у насъ и у сестры. Онъ жилъ въ своемъ домѣ на Новой Басманной и каждый день проходилъ мимо дома сестры, дочери которой его очень любили и младшая Эмилія, завидя его черезъ окно, кричала: «Идетъ папа тети Мили».

П. Я. Чаадаевъ по порученію двоюродной сестры своей княжны Щербатовой, очень богатой старой дѣвицы, искалъ ей компаньонку для путешествія за границей. А. Н. Тютчева, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, согласилась принять на себя эту должность. Щербатова поѣхала съ нею въ Италію, гдѣ графъ Корніани часто бывалъ у нея. Сначала думали, что онъ хочетъ свататься за Щербатову, но онъ посватался за Тютчеву. Щербатова дала послѣдней въ приданое 200 тыс. франковъ, которые графъ Корніани съумѣлъ спустить. Между тѣмъ у нихъ два сына, прекрасные молодые люди, которые по милости отца не получатъ никакого наслѣдства.

Оброкъ съ имѣнія, даннаго женѣ моей, собирался попрежнему съ недоимками, такъ что, если бы я уплачивалъ ежегодно въ Московскую сохранную казну шесть процентовъ съ капитала въ 85.000 р. сер., въ который оно было заложено, болѣе 5000 р. сер. или около 18000 р. асс., то нечѣмъ было бы жить и въ обыкновенное время, а тѣмъ болѣе при поѣздкахъ моихъ на Кавказъ, и я въ первый же годъ не уплатилъ процентовъ. Приписывая недоимки по сбору оброка упущеніямъ бурмистра, я нанялъ управляющаго имѣніемъ, но и эта мѣра не повела къ лучшему сбору оброка. Впослѣдствіи я замѣнилъ этого управляющаго новымъ, очень старымъ человѣкомъ, рекомендованнымъ мнѣ людьми весьма почтенными, но этотъ старикъ, пробывъ управляющимъ менѣе года, укралъ 9000 р. асс. (около 2000 р. сер). Для возвращенія этихъ денегъ я долженъ былъ начать противъ него искъ, который ничѣмъ не

кончился, и украденныхъ денегъ мнѣ возвращено не было. Обжогшись на двухъ управляющихъ, я въ концѣ 1842 г. опять ввѣрилъ управленіе имѣніемъ бурмистру изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Въ 1842 г. должны были производиться торги по виннымъ откупамъ на четырехлѣтіе 1843—1847 г. Савва Васильевичъ Абаза былъ увѣренъ, что если онъ получитъ откупа, то разбогатѣетъ подобно старшему своему брату Аггею Васильевичу, не принимая въ соображеніе, что онъ далеко не имѣлъ ума послѣдняго. Для того чтобы явиться на торги по виннымъ откупамъ, надо было запастись залогами. Правительство для облегченія откупщикамъ представленія залоговъ объявило, что на торгахъ 1842 г. minimum цѣны, по которой оно будетъ принимать въ залогъ не населенныя земли, равняется той цѣнѣ,въ которую онѣ назначены по Своду Законовъ для взиманія пошлинъ при ихъ продажѣ, а не половинѣ этой цѣны, какъ было при прежнихъ торгахъ. С. В. Абаза, имѣя въ виду, что тесть мой и жена имѣютъ 32400 десятинъ земли, полагалъ возможнымъ получить свидѣтельства Нижегородской гражданской палаты на эти земли. Цѣна десятины земли для взиманія пошлинъ при продажѣ земель въ Нижегородской губерніи положена по 9 руб., а потому Абаза будетъ имѣть залоговъ на 291600 р. Видя затруднительныя обстоятельства тестя и мои, онъ предложилъ намъ выдать ему свидѣтельства и довѣренности съ тѣмъ, что онъ ежегодно будетъ уплачивать намъ по 6 процентовъ съ оцѣночной за землю суммы, что составило бы ежегодной уплаты тестю болѣе 12000 р., а женѣ моей болѣе 5100 р. сер. Это было гораздо болѣе оброка, который мы получали съ имѣнія.

Предложеніе Абазы очень понравилось моему тестю, но мнѣ не нравилось. Наши имѣнія были заложены въ сохранной казнѣ со всею принадлежащею къ нимъ землею, принимались же залогомъ при торгахъ на винные откупа по вышеупомянутымъ цѣнамъ только земли, не принадлежащія къ населеннымъ имѣніямъ и конечно свободныя отъ всякаго залога, и гражданскія палаты могли выдавать свидѣтельства только на такія земли. Тесть мой, потерявъ надежду получать положенный съ его имѣнія оброкъ, взялъ вмѣстѣ со мною управляющаго въ наши имѣнія купца Пономарева, человѣка очень умнаго, но большого плута. Онъ въ первый же годъ своего управленія собралъ весь оброкъ безнедоимочно и обѣщался тестю и С. В. Абазѣ добыть изъ Нижегородской гражданской палаты свидѣтельство на 22900 десятинъ земли. По отъѣздѣ моемъ на Кавказъ жену мою также уговорили выдать Пономареву довѣренность на полученіе свидѣтельства изъ Нижегородской гражданской палаты на 9500 дес. земли. Я отвѣчалъ ей съ Кавказа, что особой важности въ этомъ дѣлѣ не вижу въ виду того, что Пономаревъ никогда не получитъ свидѣтельства, такъ какъ означенныя 9500 десят. принадлежатъ къ населенному имѣнію, уже заложенному въ сохранной казнѣ. Но я ошибался: Пономаревъ получилъ свидѣтельства на земли тестя и жены какъ будто не принадлежащія къ населенному имѣнію и отъ всякаго залога свобод-

ныя, и онѣ были переданы С. В. Абазѣ для представленія залогомъ по виннымъ откупамъ.

Послѣдній дѣйствительно взялъ нѣсколько откуповъ, но уже въ 1843 г. сдѣлался несостоятельнымъ, заплативъ проценты 5100 р. женѣ моей только за одинъ годъ. Его несостоятельность причинила мнѣ множество хлопотъ, безпокойствъ и расходовъ, и продажа означенныхъ 9500 дес. земли, несмотря на мое желаніе подвинуть это дѣло къ наивозможно скорѣйшему окончанію, еще по сіе время (1873 г.) не состоялась.

Въ концѣ марта 1842 г. я получилъ новую командировку на Кавказъ. Я былъ въ это время въ Петербургѣ и получилъ приглашеніе пріѣхать къ военному министру князю Чернышову. О псѣздкѣ Чернышова на Кавказъ тогда уже много говорили. Когда я явился къ Чернышову, онъ мнѣ сказалъ, что Государю угодно, чтобы немедля было приступлено къ работамъ по устройству переправы черезъ р. Кубань у Варениковой пристани, а какъ я составлялъ проектъ этой переправы, то Государь назначилъ меня для приведенія въ исполненіе этого проекта, но предъ его исполненіемъ Чернышовъ полагалъ лично осмотрѣть линію отъ Анапы до Варениковой пристани и желалъ, чтобы я находился при этомъ осмотрѣ. Я отвѣчалъ Чернышову, что, имѣя на рукахъ весьма серьезное дѣло моей сестры, я прошу меня уволить отъ поѣздки на Кавказъ. Что же касается до личнаго осмотра линіи отъ Анапы до Варениковой пристани, то я представилъ ему, что въ Анапѣ недостаточно собрано войска, чтобы онъ могъ пройти по этой линіи, не вызвавъ стычки съ горцами. Чернышовъ возразилъ мнѣ, что Государь уже назначилъ меня для упомянутаго порученія, что этого назначенія измѣнить нельзя и что онъ въ этотъ же день доложитъ Государю о свиданіи со мною. Что же касается до осмотра линіи отъ Анапы до Варениковой пристани, то онъ обѣщалъ Государю ее осмотрѣть и исполнитъ свое обѣщаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ мнѣ на другой день быть въ канцеляріи военнаго министра. Когда я къ нему явился въ этой канцеляріи, онъ сказалъ, что Государь назначилъ мнѣ на подъемъ тысячу руб. сер., что я все время, которое проведу на Кавказѣ, буду считаться при немъ и поэтому, согласно закону, при моихъ разъѣздахъ буду получать двойныя прогонныя деньги, и что онъ желаетъ, чтобы я выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга чрезъ Одессу въ Анапу для того, чтобы быть при осмотрѣ линіи отъ Анапы до Варениковой пристани. Поблагодаривъ за первое, я снова представилъ о затрудненіяхъ предполагаемаго Чернышовымъ осмотра, но получилъ тотъ же отвѣтъ. Я просилъ дозволенія отвезти мое семейство въ Москву съ тѣмъ, что я встрѣчу Чернышова въ Анапѣ. Онъ на это согласился, при чемъ приказалъ заѣхать въ Екатеринодаръ, гдѣ передать наказному атаману Черноморскаго войска генералъ-лейтенанту Завадовскому, чтобы онъ встрѣтилъ Чернышова въ Анапѣ. Въ одномъ изъ отдѣленій канцеляріи военнаго министра мнѣ выдали, безъ всякихъ формальностей, тысячу рублей и предписаніе коммисаріатскому департаменту военнаго министер-

ства выдать добавочныя прогонныя деньги на три лошади отъ Петербурга до Анапы въ предположеніи, что обыкновенныя прогонныя деньги на три лошади я получу изъ главнаго управленія путей сообщенія, въ которомъ я состоялъ на службѣ. Чиновникъ, выдававшій мнѣ тысячу рублей на подъемъ, удивился, что я довольствуюсь такою незначительною суммою, и сказалъ мнѣ, что я вѣрно наканунѣ не просилъ военнаго министра о назначеніи мнѣ подъемныхъ денегъ, а что Чернышовъ назначилъ ихъ по своей иниціативѣ. Онъ же увѣренъ былъ, что если бы я попросилъ о назначеніи мнѣ подъемныхъ денегъ, то получилъ бы гораздо болѣе въ виду значительныхъ суммъ, выданныхъ всѣмъ другимъ лицамъ, отправляющимся съ Чернышовымъ на Кавказъ. Когда я сказалъ, что я могу это еще поправить, немедля попросивъ Чернышова о назначеніи мнѣ большей суммы, тотъ же чиновникъ сказалъ, что это дѣло неисправимое, что тысяча рублей мнѣ назначена Государемъ по докладу Чернышова, который не согласится передокладывать.

Въ то же утро я получилъ изъ коммисаріатскаго департамента добавочныя прогонныя деньги на три лошади до Анапы, но когда я пришелъ въ штабъ корпуса путей сообщенія для полученія обыкновеныхъ прогонныхъ денегъ на три лошади, то начальникъ штаба генералъ-маіоръ Мясоѣдовъ въ этомъ отказалъ, ссылаясь на то, что въ отношеніи военнаго министра, въ которомъ онъ извѣщаетъ о моей командировкѣ, ничего о прогонныхъ деньгахъ не упоминается. При этомъ Мясоѣдовъ, узнавъ отъ меня о полученіи мною тысячи рублей на подъемъ, не могъ надивиться, что я въ капитанскомъ чинѣ получилъ такую значительную сумму, какой никогда и генераламъ не выдавали въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Я немедля доложилъ военному министру о неполученіи мною обыкновенныхъ прогонныхъ денегъ изъ штаба корпуса путей сообщенія. Чернышовъ и бывшій при моемъ докладѣ директоръ его канцеляріи Брискорнъ сказали, что они полагали достаточнымъ увѣдомить главноуправляющаго путями сообщенія о командированіи меня въ Анапу для того, чтобы я получилъ узаконенныя прогонныя деньги, но что подобныя затрудненія всегда встрѣчаются при ихъ сношеніяхъ съ вѣдомствомъ путей сообщенія. Немедля выдано было мнѣ предписаніе на полученіе и обыкновенныхъ прогонныхъ денегъ изъ коммисаріатскаго департамента съ тѣмъ, что впослѣдствіи военное министерство потребуетъ ихъ возвращенія изъ главнаго управленія путей сообщенія.

Графъ Толь былъ въ это время очень боленъ. Вмѣсто него управлялъ его товарищъ генералъ-лейтенантъ Девятнинъ, къ которому я ходилъ откланиваться. Онъ жилъ попрежнему во флигелѣ дома главноуправляющаго путями сообщенія, но въ кабинетѣ его, гдѣ было прежде много креселъ, оставалось только одно кресло, на которомъ онъ сидѣлъ; слѣдовательно являвшіеся въ его кабинетъ поневолѣ должны были стоять.

Оставивъ въ Москвѣ жену и сестру, я въ первыхъ числахъ апрѣля, по невообразимо скверной дорогѣ, поѣхалъ на Кавказъ въ тарантасѣ. Се-

стра мнѣ дала для услугъ въ дорогѣ человѣка своего Ивана, очень сильнаго мужчину и шумливаго. На каждой станціи онъ сильно шумѣлъ, а передъ Мценскомъ побилъ ямщиковъ. Я въ это время спалъ въ совершенно закрытомъ экипажѣ. Шумъ разбудилъ меня, и я услыхалъ, что проѣзжающіе (кажется, это были братья Плещеевы) сказали: «Tel maître, tel valet». Замѣчаніе ихъ было вовсе несправедливо, но въ эту минуту умѣрить порывы Ивана было невозможно и даже опасно. Пользуясь моимъ неодобреніемъ, всѣ ямщики накинулись бы на него. Я неоднократно убѣждалъ его быть поскромнѣе, но мои убѣжденія мало помогали.

Грунтовая дорога отъ таянія земли была такъ дурна, что я опасался не поспѣть въ Анапу къ назначенному мнѣ военнымъ министромъ сроку и потому я бросилъ въ Мценскѣ мой экипажъ и поѣхалъ на двухъ почтовыхъ перекладныхъ телѣгахъ, такъ какъ на одной не могли уложиться мои вещи. Имѣя только одну подорожную на три лошади, я встрѣчалъ на станціяхъ затрудненія въ полученіи второй тройки. Это заставило меня обратиться въ Орлѣ къ губернатору генералъ-маіору князю Петру Ивановичу Трубецкому (Васильчиковъ былъ уже уволенъ отъ службы) съ просьбою о выдачѣ мнѣ другой подорожной. Онъ очень затруднялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасался военнаго министра, если не исполнитъ моей просьбы и, наконецъ, выдалъ мнѣ вторую подорожную.

Заѣхавъ въ Екатеринодаръ для объявленія Завадовскому приказанія Чернышова, я поѣхалъ въ Керчь, откуда ходили пароходы въ Анапу. Въ Керчи я засталъ флигель-адъютанта графа Эдуарда Трофимовича Баранова, впослѣдствіи генералъ-адъютанта, генерала отъ инфантеріи и члена Государственнаго Совѣта, и вмѣстѣ съ нимъ на военномъ пароходѣ прибылъ въ Анапу. Съ Барановымъ я познакомился еще въ прошломъ году въ Керчи же, куда онъ былъ командированъ для формированія 3-го Черноморскаго линейнаго батальона. Эти батальоны стояли въ укрѣпленіяхъ Черноморской береговой линіи, смертность въ нихъ была большая, такъ что сформированный Барановымъ въ прошломъ году батальонъ былъ распредѣленъ въ тѣ батальоны, гдѣ была большая убыль въ людяхъ, и Барановъ въ 1842 г. былъ снова командированъ для сформированія 3-го Черноморскаго линейнаго батальона. Я съ того времени постоянно находился съ Барановымъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Анапу прибылъ туда же на Страстной недѣлѣ военный министръ. Мѣстные начальники, по недостатку войска, отговорили его отъ осмотра линіи отъ Анапы до Варениковой пристани, и онъ, не смотря на данное Государю обѣщаніе, въ экспедиціи, наряженной для этого осмотра, не участвовалъ. Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, по благополучномъ возвращеніи означенной экспедиціи, всѣ генералы и офицеры были у заутрени въ Анапской церкви. Чернышовъ былъ въ Андреевской лентѣ. Въ церкви этой, конечно, никогда не было подобной торжественности. Старшими лицами въ свитѣ Чернышова были: состоявшіе при немъ Вревскій и Суковкинъ, впослѣдствіи бывшій управляющимъ

дѣлами комитета министровъ. Видно было, что они имѣли большое вліяніе на Чернышова, которому, казалось, уже надоѣло заниматься служебными дѣлами. Впрочемъ Чернышовъ понравился кавказскимъ войскамъ и это много послужило къ оставленію его въ занимаемой имъ должности. Передъ его отъѣздомъ изъ Петербурга назначенъ былъ управляющимъ военнымъ министерствомъ бывшій въ большой милости у Государя генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель. Всѣ полагали, что онъ останется министромъ, такъ какъ послѣ означеннаго назначенія онъ не могъ оставаться въ прежнихъ своихъ должностяхъ. Въ Анапѣ мы получили извѣстіе о смерти главноуправляющаго путями сообщенія графа Толя, и это извѣстіе видимо порадовало Чернышова и его приближенныхъ, такъ какъ со смертію Толя открылось мѣсто, которое могъ занять Клейнмихель. Это дало Чернышову надежду остаться на своемъ мѣстѣ. Такъ и случилось.

Въ Анапѣ добрый, но неразумный начальникъ Черноморской береговой линіи генералъ-маіоръ Анрепъ говорилъ во время обѣдовъ разныя глупости. Нельзя не удивиться, что онъ и послѣ этихъ разговоровъ былъ по представленію Чернышова сдѣланъ въ этомъ же году генералъ-адъютантомъ, а впослѣдствіи былъ постоянно назначаемъ на важные посты въ Венгерскую и Турецкую кампаніи, хотя былъ не любимъ фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Между предложеніями, сдѣланными Анрепомъ Чернышову во время обѣдовъ въ Анапѣ, упомяну только о слѣдующемъ. Я уже говорилъ, что горцы, обитавшіе на западномъ Кавказѣ, не имѣли никакой религіи. Анрепъ, находя невозможнымъ обратить ихъ немедля въ христіанъ, полагалъ, какъ переходную мѣру, обратить ихъ теперь же въ магометанъ, для чего устроить въ Анапѣ большую магометанскую мечеть, въ которую горцы приходили бы молиться. Это значило бы сдѣлать изъ горцевъ западнаго Кавказа религіозныхъ фанатиковъ, подобныхъ горцамъ восточнаго Кавказа. Чернышовъ очень хорошо понималъ нелѣпость предложенія Анрепа и замѣтилъ послѣднему, что нельзя устроить въ Анапѣ мечеть по неимѣнію въ этомъ городѣ воды для обычныхъ умовеній при молитвахъ магометанъ. Анрепъ отвѣчалъ, что можно провести воду изъ ключей, довольно далеко лежащихъ отъ Анапы. Чернышовъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что могло бы стоить проведеніе воды въ Анапу, я назначилъ довольно крупную сумму, и на этомъ разговоръ о постройкѣ мечети въ этомъ укрѣпленіи кончился.

Чернышовъ изъ Анапы поѣхалъ осматривать береговую линію и потомъ Закавказье и Кавказъ, я же возвратился въ Керчь. Работы близъ Варениковой пристани на правомъ берегу р. Кубани должны были начаться только въ началѣ мая. Въ концѣ апрѣля я ѣздилъ изъ Керчи въ Симферополь для свиданія съ братомъ Николаемъ, служившимъ тогда въ расположенномъ въ этомъ городѣ штабѣ 5 пѣхотнаго корпуса. Почтовыя лошади и дороги были до того хороши, что я, выѣхавъ изъ Керчи въ 6 часовъ утра, пріѣхалъ въ Симферополь въ тотъ же день въ 6 час. вечера, столько

же времени я употребилъ и на обратный проѣздъ, разстояніе же между этими городами болѣе 200 верстъ. Въ Симферополѣ я познакомился съ командиромъ 5 корпуса генераломъ Лидерсомъ и съ начальникомъ штаба этого корпуса генераломъ Данкенбергомъ, умершимъ 6 августа 1872 г., и съ семействомъ послѣдняго.

Въ началѣ мая я переѣхалъ на Андреевскій постъ, отъ котораго должны были начинаться работы къ Варениковой пристани на р. Кубани. 7-го мая я, взявъ семь человѣкъ пластуновъ, отправился съ ними для осмотра направленія, по которому слѣдовало сдѣлать земляную насыпь съ нѣсколькими деревянными мостами чрезъ овраги и болотистыя мѣста. Пройдя къ Кубани, вдругъ увидали мы на лѣвомъ берегу до сотни горцевъ, выбѣжавшихъ изъ камышей, и въ то же время посыпались около насъ пули. Въ ветлу, опершись на которую я стоялъ въ это время, попало нѣсколько пуль. Эта была та самая ветла, у которой 19 февраля 1841 г. я сидѣлъ съ полковникомъ Шульцемъ въ ожиданіи результата осмотра пластунами лѣваго берега р. Кубани. Видя много горцевъ и зная, какъ они легко, переплываютъ Кубань, которая въ этомъ мѣстѣ шириною около 50 саж., я приказалъ семерымъ сопровождавшимъ меня пластунамъ спрятаться въ камыши и немедля возвращаться въ Андреевскій постъ, полагая, конечно, идти съ ними же. Но урядникъ (унтеръ-офицеръ) пластуновъ просилъ дозволенія выстрѣлить, на что я согласился. Выстрѣлами одинъ изъ горцевъ былъ убитъ, и они съ громкимъ крикомъ удалились. Тогда мы пошли обратно къ Андреевскому посту и на половинѣ пути встрѣтили наказного атамана генерала Завадовскаго, скакавшаго съ сотнею казаковъ къ намъ на выручку. Я ему передалъ все случившееся. Онъ очень похвалилъ, что мы, прежде чѣмъ уйти съ пристани, дали залпъ: горцы могли изъ этого предположить, что у насъ скрыто въ камышѣ много казаковъ. Завадовскій говорилъ, что если бы мы ушли безъ выстрѣла, то горцы могли бы переплыть рѣку и на насъ напасть. Онъ немедля донесъ объ этомъ происшествіи, и согласно его донесенію оно записано въ мой послужной списокъ слѣдующимъ образомъ: «7 числа мая, при обзорѣ мѣстности отъ Андреевскаго поста до Варениковой пристани по направленію, гдѣ должна быть проложена дорога, предварительно были посланы пластуны. Впереди шелъ баронъ Дельвигъ. Толпа горцевъ, приблизясь къ Кубани, сдѣлала въ него нѣсколько выстрѣловъ, но баронъ Дельвигъ, не взирая на это, имѣлъ хладнокровное присутствіе духа; онъ, ободривъ пластуновъ, приказалъ открыть по толпѣ этой огонь и первымъ цѣльнымъ выстрѣломъ Черноморскаго войска урядника Купра изъ этой толпы убитъ наповалъ одинъ горецъ, повидимому, предводительствовавшій оною. Горцы, подхвативъ тѣло убитаго, мгновенно съ визгомъ удалились отъ Кубани, и баронъ Дельвигъ исполнилъ свою обязанность въ точности».

Урядникъ получилъ за это бантъ къ знаку отличія военнаго ордена и какую-то сумму денегъ.

Завадовскій пріѣхалъ въ Андреевскій постъ вскорѣ послѣ ухода моего съ пластунами на Кубань съ цѣлію провести слѣдующіе два праздничные дни: 8 мая воскресенье и празднованіе Св. Іоанна Богослова и 9 мая празднованіе Св. Николая Чудотворца, вмѣстѣ со мною въ Темрюкѣ, а 10 мая присутствовать при началѣ работъ. Въ Темрюкѣ мы остановились въ хорошо выстроенномъ домѣ полкового командира, войскового старшины (маіора) Александра Лукича Посполитаки, которому, по рекомендаціи Завадовскаго, еще въ апрѣлѣ была сдана поставка лѣсныхъ матеріаловъ и желѣзныхъ частей для работъ по устройству переправы у Вареникової пристани срокомъ къ 10 мая. Суда его должны были привезти означенные матеріалы къ Темрюкскому берегу, откуда онъ обязанъ былъ перевезти ихъ на мѣсто работъ. Въ Темрюкъ его суда еще не приходили, но онъ показалъ Завадовскому и мнѣ письмо, которымъ ему сообщали, что суда, въ которыя они нагружены, вышли изъ Таганрога.

Вечеромъ 9 мая Завадовскій и я вернулись въ Андреевскій постъ, гдѣ уже застали расположенный лагеремъ рабочій отрядъ, состоявшій изъ трехъ полковъ Черноморскаго казачьяго войска въ тогдашнемъ составѣ изъ 500 человѣкъ каждый. Я занялъ хижину, состоявшую изъ довольно большой комнаты съ переднею. Завадовскій остановился въ другой такой же хижинѣ, въ которой пробылъ нѣсколько дней и приказалъ ее держать готовою для его пріѣзда. Дѣйствительно, онъ впослѣдствіи часто пріѣзжалъ. Его пріѣзды доставляли мнѣ въ моемъ одиночествѣ большую отраду. Онъ былъ человѣкъ очень умный и много видѣлъ на своемъ вѣку. Каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Андреевскій постъ, являлся туда же и Посполитаки. Суда съ потребностями для работъ долго не прибывали. Посполитаки каждый разъ, когда я бывалъ въ Темрюкѣ, водилъ меня на берегъ и увѣрялъ, что въ зрительную трубу видитъ приближающіеся къ берегу его суда. Но я какъ-то узналъ, что они еще и не выходили изъ Таганрога въ то время, когда земляныя насыпи на правомъ берегу р. Кубани были уже почти воздвигнуты, несмотря на то, что эта работа замедлялась неимѣніемъ мостовъ. Опасаясь, что сообщеніе по правому берегу р. Кубани и переправа чрезъ нее не будутъ готовы къ приходу изъ Анапы довольно многочисленнаго отряда, который долженъ былъ строить укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Кубани и дорогу отъ этого укрѣпленія до рѣки и который не могъ обойтись безъ этого сообщенія для подвоза къ нему жизненныхъ припасовъ и строительныхъ матеріаловъ, я сообщилъ полученное мною свѣдѣніе Завадовскому, который при мнѣ начальнически обращался съ Посполитаки и бранилъ его за неисправность и ложь. Я тогда не зналъ, что Посполитаки былъ въ большой милости у Завадовскаго и, имѣя въ арендѣ всѣ оброчныя статьи войска, дѣлился барышами съ Завадовскимъ и потому дозволялъ себѣ всякаго рода злоупотребленія.

Наконецъ въ началѣ іюня Посполитаки поставилъ всѣ заподряженныя потребности, и ко второй половинѣ іюня земляныя работы на правомъ берегу Кубани были почти окончены. Этому особо успѣшному ходу работъ

способствовало то, что при самомъ ихъ началѣ Завадовскій объявилъ командирамъ полковъ, составлявшихъ рабочій отрядъ, что они находятся въ моемъ полномъ распоряженіи. Хотя они были штабъ-офицеры, но каждое утро приходили ко мнѣ съ рапортами, несмотря на мои разъясненія, что они не должны этого дѣлать.

Полковые командиры считали себя вполнѣ мнѣ подчиненными и даже, когда два или три пластуна ихъ полковъ просились идти за р. Кубань на охоту (какъ они выражались, за горцами), то они спрашивали моего дозволенія. Я зналъ, что подобныя похожденія за Кубань пластунамъ были воспрещены, говорилъ объ этомъ ихъ полковымъ командирамъ и представлялъ опасность подобныхъ охотъ. Полковые же командиры увѣряли меня, что эти охоты необходимы для поддержанія духа въ пластунахъ, что послѣдніе не подвергаются опасности, такъ какъ они заговорены отъ пуль, вслѣдствіе чего они отпускали на охоту пластуновъ, которые всегда возвращались невредимыми. Для передачи моихъ распоряженій Завадовскій въ самомъ началѣ работъ назначилъ ко мнѣ двухъ хорунжихъ (користовъ) постоянными ординарцами, которые весьма усердно исполняли свои обязанности.

Вообще всѣ мои распоряженія, а также состоявшаго при мнѣ военнаго инженернаго кондуктора, исполнялись безпрекословно.

Когда оставались только плотничныя работы, производившіяся наемными вольными плотниками, и небольшія подѣлки по земляным насыпямъ, Завадовскій просилъ моего согласія отпустить отрядъ дней на двадцать для косьбы сѣна и другихъ хозяйственныхъ работъ съ тѣмъ, что отрядъ по истеченіи этого времени снова соберется для совершеннаго окончанія земляныхъ насыпей. Я согласился на просьбу Завадовскаго, за что меня благословляло все Черноморское казачье войско. Если бы не было сдѣлано этого распоряженія, то казаки рабочаго отряда и ихъ семейства не имѣли бы цѣлый годъ никакихъ средствъ къ жизни. На время отсутствія отряда Завадовскій назначилъ къ работамъ сотню казаковъ подъ начальствомъ заурядъ-есаула (заурядъ-ротмистра). Офицерскіе чины заурядъ до есаула включительно давались въ казачьихъ войскахъ наказными атаманами по причинѣ недостатка офицеровъ изъ дворянъ. Офицеры же, производимые заурядъ, никакими сословными правами не пользовались.

По распущеніи рабочаго отряда я переѣхалъ въ Темрюкъ, гдѣ въ это время жила жена моя. Она во второй половинѣ мая пріѣхала въ Керчь, куда я ѣздилъ за нею, чтобы перевезти ее въ Темрюкъ, въ 26 верстахъ отъ Андреевскаго поста, такъ что я во время производства работъ могъ съ нею видѣться по праздничнымъ днямъ. Съ женою пріѣхали Е. Е. Радзевская и мой шуринъ Анатолій, который равно какъ и братъ его Николай, не кончивъ курса въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, вышелъ изъ него. Первый пріѣхалъ съ моею женою для поступленія юнкеромъ въ одинъ изъ полковъ на Кавказѣ, а второй впослѣдствіи поступилъ юнкеромъ въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Курскѣ.

Мы переѣхали изъ Керчи въ Тамань на военномъ ботикѣ «Часовой», командиръ котораго пригласилъ двухъ молодыхъ дамъ прогуляться до Тамани, такъ какъ, доставивъ насъ, онъ долженъ былъ немедля вернуться въ Керчь. Недолго онъ любезничалъ съ этими дамами: сильнымъ боковымъ вѣтромъ очень накренило ботикъ, дамамъ, испуганнымъ этимъ положеніемъ ботика и страдавшимъ морскою болѣзнію, было не до любезностей, а между тѣмъ имъ предстояло еще обратное путешествіе.

Въ Темрюкѣ былъ намъ отведенъ одинъ изъ лучшихъ домовъ, въ которомъ впрочемъ полы были земляные. Кажется, тогда во всемъ Темрюкѣ былъ только одинъ домъ съ деревянными полами, принадлежавшій А. Л. Посполитаки. Въ отведенномъ намъ домѣ было пять комнатъ, изъ коихъ двѣ въ переднемъ фасѣ были заняты: маленькая—нашею спальнею, а побольше кабинетомъ жены, служившимъ и гостиною, и три въ заднемъ фасѣ: въ боковыхъ жили, въ одной—Е. Е. Радзевская и служанка жены, а въ другой шуринъ мой Анатолій; между этими комнатами была передняя. Кухня была въ особомъ строеніи, въ которомъ помѣщались двое слугъ и поваръ. Вначалѣ поваръ очень затруднялся пріобрѣтеніемъ провизіи. Казаки привыкнувъ къ тому, что ихъ офицеры отбираютъ у нихъ все даромъ, ничего не хотѣли продавать, но когда наконецъ удостовѣрились, что поваръ за все платитъ наличными деньгами, то сами втихомолку къ нему приносили разную провизію, опасаясь только, чтобы ее не отобрали ихъ офицеры. Послѣ этого, за исключеніемъ говядины, у насъ не было недостатка въ провизіи и, между прочимъ, въ фазанахъ и разной дичи, говядину же я возилъ въ Темрюкъ только по приходѣ отряда на лѣвый берегъ р. Кубани; въ этомъ отрядѣ нижнимъ чинамъ пѣхотныхъ полковъ полагалась мясная порція.

Нельзя въ короткихъ словахъ описать всѣхъ злоупотребленій, которыя дозволяли себѣ офицеры, и въ особенности высшіе чины въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. Командиры полковъ, которыхъ поочереди располагали на кордонной линіи противъ горцевъ, заставляли казаковъ работать въ свою пользу, оставляя посты противъ горцевъ почти пустыми. Въ Андреевскомъ посту, считавшемся однимъ изъ очень опасныхъ, гдѣ должны были находиться до 200 казаковъ, оставалось всего человѣкъ 5, прочіе всѣ работали въ полѣ для полкового командира А. Л. Посполитаки. Впрочемъ этотъ господинъ, пользуясь расположеніемъ Завадовскаго, грабилъ не только казаковъ своего полка, но и постороннихъ и даже проходящихъ. Если же кто-либо позволялъ себѣ сказать слово противъ Посполитаки, то онъ приказывалъ такового безчеловѣчно сѣчь въ своемъ присутствіи. Посполитаки держалъ на арендѣ, между прочимъ, рыбныя ловли. Рабочіе при этихъ ловляхъ получали извѣстную долю изъ дохода съ ловли, но обязаны были все безъ исключенія покупать изъ лавокъ, принадлежащихъ Посполитаки, по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, такъ что послѣ каждаго расчета рабочіе люди оставались у него въ большомъ долгу. Они знали, что ихъ

жалобы будутъ не только безполезны, но даже вредны для нихъ, тѣмъ болѣе, что они почти всѣ были безпаспортные. Впрочемъ изъ такъ называемыхъ чиновничьихъ семействъ многіе были очень бѣдны: стекла въ нашемъ домѣ мыла дочь какого-то казачьяго офицера, и вообще жены и дочери многихъ казачьихъ офицеровъ исполняли самыя грязныя работы.

Жена моя въ будни занималась чтеніемъ привезенныхъ изъ Москвы книгъ и ловлею рыбы, которой въ рукавѣ, проходящемъ у Темрюка, всегда очень много. Жена привезла съ собою изъ Екатеринославской губерніи овражка (суслика) и изъ него сдѣлала чучело. Это животное появляется почти ежегодно въ Новороссійскихъ губерніяхъ въ невообразимо огромномъ количествѣ и совершенно истребляетъ хлѣбныя растенія. Жена добыла въ Темрюкѣ птицу пеликана и очень красиваго и молодого орла необыкновенной величины, такъ что когда онъ, сидя посреди нашей большой комнаты, распускалъ крылья, то оставалось мало мѣста для прохода около нихъ. Этотъ орленокъ сдѣлался вполнѣ ручнымъ, выходилъ изъ комнаты, въ которой сидѣлъ на свободѣ. Онъ долго жилъ у насъ. Его застрѣлили казаки, вѣроятно, за то, что онъ ѣлъ ихъ куръ. Пеликана также убили; изъ него сдѣлано было чучело. Жена, сверхъ того, занималась ловлею бабочекъ, жуковъ и ужей, которые часто заходили на нашъ дворъ, лягушки же постоянно жили въ нашихъ комнатахъ. Вообще жизнь въ Темрюкѣ проходила весело, только звонъ на колокольнѣ, извѣщавшій о смерти одного изъ жителей Темрюка, наводилъ грусть. Несмотря на то, что Темрюкъ былъ тогда очень малъ, этотъ звонъ иногда слышался по два и болѣе раза въ день. Смертность была очень большая.

Въ одну изъ тѣхъ трехъ недѣль, которыя я постоянно жилъ въ Темрюкѣ, бывшій съ нами слуга сестры моей Иванъ исчезъ послѣ завтрака. Его не могли доискаться передъ обѣдомъ. По моему извѣщенію разосланы были казаки по разнымъ направленіямъ, но такъ какъ и поздно вечеромъ его не отыскали, то всѣ полагали, что онъ захваченъ какими-нибудь никѣмъ не замѣченными горцами. Наше сожалѣніе и страхъ были чрезвычайны. На другой день оказалось, что онъ легъ въ сѣно, гдѣ проспалъ преспокойно болѣе 12 часовъ сряду.

Въ іюнѣ отрядъ, работавшій на правомъ берегу р. Кубани, былъ распущенъ. Въ первую мою поѣздку изъ Темрюка въ Андреевскій постъ я взялъ съ собою жену. Пріѣхавъ въ этотъ постъ, я послалъ бывшаго при мнѣ инженернаго кондуктора пригласить заурядъ-есаула, командовавшаго оставшеюся при работахъ сотнею казаковъ. Кондукторъ, возвратясь, объявилъ, что есаулъ его разругалъ, сказавъ, что я самъ могу къ нему явиться, такъ какъ онъ такой же капитанъ, какъ и я, и что есаулъ показался ему пьянымъ. Однако же есаулъ вскорѣ пришелъ въ мою комнату и грубо сказалъ, что я не имѣю права за нимъ посылать кондуктора, котораго онъ за то, что приходилъ за нимъ, арестуетъ. Когда я очень хладнокровно объяснилъ ему, что онъ съ его сотнею казаковъ состоитъ, по приказанію наказного атамана, подъ моимъ начальствомъ, есаулъ, котораго

отдѣлялъ отъ меня столъ, вынулъ шашку изъ ноженъ и замахнулся ею, чтобы ударить меня по головѣ. Казаки, видѣвшіе начало этой сцены въ окно, вбѣжали въ комнату, схватили есаула за руки и вытащили вонъ. Жена моя гуляла въ это время около поста. Я, выйдя изъ комнаты, приказалъ скорѣе закладывать тарантасъ, въ которомъ мы пріѣхали, и разсказалъ женѣ о случившемся. Не успѣли еще заложить тарантасъ, какъ прибѣжалъ ко мнѣ тотъ же есаулъ. Онъ, стоя на колѣняхъ, просилъ прощенія и о томъ, чтобы я объ его поступкѣ не передавалъ наказному атаману. На отвѣтъ мой, что я не могу скрыть отъ атамана его поведенія, онъ поползъ за нами на колѣняхъ, прося у меня и у жены, которую удерживалъ за ея платье, простить его, говоря, что атаманъ разжалуетъ его въ простые казаки, что онъ всѣ чины заслужилъ въ бою съ горцами, и что если я его прощу, то будетъ со мною Божіе благословеніе, а въ противномъ случаѣ я и жена моя, и если у меня есть мать, то и она попадемся въ плѣнъ къ горцамъ. По пріѣздѣ въ Темрюкъ я разсказалъ о случившемся полковому командиру А. Л. Посполитаки, который, сейчасъ же смѣнивъ заурядъ-есаула, посадилъ его подъ арестъ и донесъ Завадовскому. Послѣдній немедля пріѣхалъ изъ Екатеринодара. Я его просилъ по возможности ограничить наказаніе заурядъ-есаула.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ Темрюка въ Андреевскій постъ я взялъ съ собою жившаго у насъ шурина моего Анатолія. Вскорѣ долженъ былъ прійти на лѣвый берегъ Кубани отрядъ для устройства укрѣпленія и сообщенія отъ него до Кубани. Прсектъ этого сообщенія былъ составленъ по осмотру мѣстности 19 февраля 1841 г. въ ночное время, а потому я хотѣлъ его повѣрить. Очень любя подвергать себя опасностямъ, я вздумалъ, взявъ съ собою двухъ пластуновъ, съ ними переѣхать на непріятельскій берегъ р. Кубани. Шуринъ мой, Анатолій, упросилъ меня взять его съ собою, на что я согласился съ условіемъ, чтобы онъ о нашемъ переходѣ черезъ Кубань не говорилъ сестрѣ своей. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ за Кубанью, замѣтивъ горца, бѣжавшаго отъ насъ къ саклямъ, мы немедля вернулись на правый берегъ Кубани. По возвращеніи въ Темрюкъ Анатолій не могъ не похвастаться передъ сестрою тѣмъ, что былъ на непріятельскомъ берегу, и понятно, что мнѣ крѣпко отъ нея досталось за эту отвагу.

Въ другую поѣздку въ Андреевскій постъ, когда я верхомъ осматривалъ работы отъ Андреевскаго поста къ Кубани, налетѣла огромная масса саранчи, такъ что вдругъ въ ясный день сдѣлалось совершенно темно. Саранчи было такое множество, что когда я уже сѣлъ въ тарантасъ, она еще не успѣла вся пролетѣть, и я ѣхалъ днемъ, какъ будто въ сумерки.

Военный министръ, по осмотрѣ Закавказья и восточной части Кавказа, долженъ былъ ѣхать изъ Ставрополя въ область Черноморскихъ казаковъ и при этомъ осмотрѣть мои работы. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ вызоветъ меня въ Ставрополь, а самъ оттуда поѣдетъ прямо въ Петербургъ. Въ это время у меня сильно заболѣлъ одинъ изъ моихъ слугъ, а

передъ этимъ только что умеръ слуга, пріѣхавшій съ моимъ шуриномъ Анатоліемъ. Въ Тамани не было никакихъ средствъ вылечить заболѣвшаго, послать же его въ фанагорійскій военный госпиталь, расположенный близь Тамани, было бы безполезно, такъ какъ онъ, какъ не военный, не былъ бы принятъ. Поэтому, несмотря на то, что я съ часу на часъ ожидалъ приказанія военнаго министра прибыть въ Ставрополь, я рѣшился самъ съ женою отвезти больного въ Тамань и просить принять его въ госпиталь, въ чемъ успѣлъ. Больной черезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ.

По возвращеніи въ Темрюкъ я узналъ, что военный министръ, торопясь въ Петербургъ, не вызоветъ меня въ Ставрополь, и что имъ посланъ для осмотра моихъ работъ его адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и президентъ придворной конюшенной конторы, который, осмотрѣвъ со мною работу, произведенную на правомъ берегу р. Кубани у Варенниковой пристани, уѣхалъ въ Петербургъ.

Чернышовъ возвратился въ Петербургъ въ началѣ августа и остался попрежнему военнымъ министромъ, управлявшій же въ его отсутствіе военнымъ министерствомъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель назначенъ былъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Когда я сказалъ объ этомъ назначеніи Завадовскому, то онъ, несмотря на свою хитрость и сдержанность, не могъ удержаться, чтобы не сказать мнѣ: «Пусть хоть сдѣлаютъ его фельдмаршаломъ и чѣмъ хотятъ, только бы подалѣе отъ насъ».

По окончаніи работъ на правомъ берегу р. Кубани командиры казачьихъ полковъ, составлявшихъ рабочій отрядъ, предложили мнѣ, въ благодарность за доброе обхожденіе съ казаками и за дозволеніе имъ уйти на три недѣли для хозяйственныхъ работъ, по 200 р. съ полка, собранныхъ ими съ казаковъ. Я просилъ полковыхъ командировъ поблагодарить казаковъ за ихъ любовь ко мнѣ, а собранныя деньги возвратить имъ. Когда я разсказалъ это Завадовскому, то онъ меня очень настоятельно просилъ простить имъ ихъ поступокъ, потому что они сдѣлали это по глупости, а главное ничего объ этомъ не говорить военному министру.

25 іюля отрядъ, строившій укрѣпленіе Гастачай между Анапою и Варенниковою пристанью, пришелъ къ послѣдней и расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу р. Кубани. Я встрѣтилъ отрядъ и остался въ означенномъ лагерѣ.

Отрядъ изъ Гастачая пришелъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Анрепа, который передъ этимъ переходомъ заключилъ съ сосѣдними горцами перемиріе въ томъ, что войска наши не будутъ уничтожать ихъ ауловъ и хлѣбныхъ произведеній, а они не будутъ нападать на отрядъ, при которомъ находился огромный обозъ строительныхъ матеріаловъ для предполагаемаго у Варенниковой пристани укрѣпленія, такъ какъ найдено было болѣе удобнымъ эти матеріалы доставить изъ Таганрога въ Анапу и оттуда по непріятельской землѣ къ Варенниковой пристани на лѣвый

берегъ Кубани, чѣмъ въ Темрюкъ и оттуда въ Андреевскій постъ, а отъ него на Варенникову пристань и переправлять черезъ Кубань на ея лѣвый берегъ. Подобную доставку можно было оправдать только тѣмъ, что не надѣялись, чтобы ко времени прихода отряда изъ Гастачая къ Варенниковой пристани сообщеніе Андреевскаго поста съ этою пристанью было окончено.

Работы при Варенниковой пристани, по Высочайше утвержденному проекту, должны были производиться въ продолженіе двухъ лѣтъ. Часть рабочаго отряда на лѣвомъ берегу р. Кубани была моремъ перевезена изъ Крыма, куда она осенью должна была возвратиться съ тѣмъ, чтобы весною снова прибыть на Варенникову пристань. Эта перевозка стоила огромныхъ суммъ и вредно дѣйствовала на здоровье войскъ. Между тѣмъ въ зимнее время горцы могли бы напасть на неоконченное укрѣпленіе у Варенниковой пристани и повредить какъ укрѣпленіе, такъ и сообщеніе его съ Кубанью. Эти причины побудили меня представить, что работы могутъ быть окончены въ одинъ годъ, если будетъ разрѣшено нижнимъ чинамъ, производившимъ земляныя насыпи и не получавшимъ ничего кромѣ увеличенной мясной порціи, выдавать за каждый выработанный урокъ по 20 коп. сер.

Источникомъ для этого расхода назначены 18 тыс., оставшіяся изъ 30 тыс. ассигнованныхъ на работы по устройству сообщенія черезъ р. Кубань до Варенниковой пристани. Когда получено было разрѣшеніе на этотъ расходъ, то я былъ увѣренъ, что нижніе чины будутъ производить работы успѣшно, такъ что онѣ окончатся въ одинъ годъ. Но недостаточно было выдавать деньги начальству за произведенныя нижними чинами работы; надо было, чтобы онѣ доходили до нихъ, чего въ особенности трудно было добиться въ казачьихъ войскахъ. Анрепъ обратилъ на это особое вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, чтобы казаковъ и солдатъ поочередно употребляли въ мокрыхъ и затруднительныхъ мѣстахъ безъ всякаго между ними различія. Этого никогда прежде не соблюдалось: казаковъ всегда ставили на работы въ самыя дурныя мѣста. Износитъ казакъ скоро платье и сапоги, они его собственные, а не казенные; заболѣетъ онъ или умретъ, это не вносится въ вѣдомости, представляемыя высшему начальству; тогда какъ на солдатъ платье и сапоги казенные и скорая износка ихъ была прямымъ убыткомъ полковому командиру, а если въ полку много заболѣвало и умирало, объ этомъ вносилось въ вѣдомость, и полкового командира подвергали отвѣтственности.

Хотя во время перехода отряда изъ Гастачая на Варенникову пристань было заключено перемиріе съ горцами, между тѣмъ послѣдніе сдѣлали два выстрѣла противъ Анрепа и его адъютанта Колебякина, ѣхавшихъ нѣсколько впереди отряда. Анрепъ на другой день прихода отряда на Варенникову пристань приказалъ объявить, что если горцы не выдадутъ немедля стрѣлявшихъ, то онъ часть своего отряда пошлетъ для уничтоженія жилищъ и хлѣба горцевъ. Немедля явились стар-

шины изъ сосѣднихъ ауловъ. Они увѣряли, что не могутъ отыскать стрѣлявшихъ. Анрепъ повторилъ свою угрозу, и на другой день были приведены два почти голыхъ оборванца. Когда ихъ спросили черезъ переводчика, зачѣмъ они стрѣляли, зная, что было замиреніе, они отвѣчали, что хотѣли этимъ понравиться женщинамъ. Анрепъ, прочитавъ имъ мораль, сказалъ, что они теперь въ его рукахъ, что онъ могъ бы приказать ихъ разстрѣлять, но для того, чтобы они умѣли цѣнить великодушіе Русскаго Царя, онъ не только его именемъ ихъ простилъ и отпустилъ домой, но приказалъ еще выдать каждому изъ нихъ по десяти карбованцевъ (такъ называли на Кавказѣ серебряные рубли). Анрепъ говорилъ все это съ необыкновенною величавостью, въ словахъ же его и дѣйствіяхъ не было никакой логики.

Анрепъ вскорѣ уѣхалъ въ Керчь, сдавъ командованіе отрядомъ свиты Его Величества контръ-адмиралу Серебрякову; съ нимъ уѣхали исправлявшій должность начальника штаба Филипсонъ и Колебякинъ. Я помѣстился въ палаткѣ Филипсона и потому былъ ближайшимъ сосѣдомъ Серебрякова, съ которымъ часто видѣлся. Анрепъ и Филипсонъ пріѣзжали нѣсколько разъ въ отрядъ и Филипсонъ жилъ со мною въ одной палаткѣ, а когда я ѣздилъ въ Керчь, то останавливался у Колебякина. Отношенія между послѣднимъ и Филипсономъ были попрежнему непріязненныя и я былъ, такъ сказать, между двухъ огней. Увидавъ разъ въ палаткѣ Серебрякова прекрасный сотовый медъ, принесенный ему однимъ изъ сосѣднихъ горцевъ, я хотѣлъ его попробовать, но до этого онъ меня не допустилъ, сказавъ, что медъ, можетъ быть, отравленъ и что онъ прикажетъ дать его для пробы собакамъ. Чтобы дать понятіе, что за люди занимали значительныя должности на Кавказѣ и какія были между ними отношенія, приведу распространившійся тогда, по моему мнѣнію невѣроятный, слухъ, что этотъ медъ поднесенъ былъ горцами по наущенію коменданта Анапы, полковника Рота, находившагося во враждѣ съ своимъ начальникомъ Серебряковымъ.

Несмотря на замиреніе съ сосѣдними горцами, они любили выказывать свое молодечество. Такъ одинъ горецъ верхомъ вскочилъ въ середину строившагося укрѣпленія, выстрѣлилъ и ускакалъ невредимымъ, несмотря на то, что кругомъ производившихся работъ была разставлена цѣпь. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что наши войска дремали. Разъ при наступившей темнотѣ ударили тревогу: стоявшимъ въ цѣпи показалось, что подходятъ горцы. Въ нѣсколько минутъ часть войска, которая была назначена въ этотъ день для отраженія горцевъ на случай ихъ наступленія, со всею артиллеріею уже собралась на заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ.

Для совершеннаго окончанія въ одно лѣто укрѣпленія у Варенниковой пристани требовался камень, котораго нельзя было добыть въ окрестностяхъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ строившагося укрѣпленія были древнія укрѣпленія, въ которыхъ

имѣлся камень. Серебряковъ поручилъ мнѣ отыскать одно изъ этихъ укрѣпленій, для чего и далъ мнѣ сотню конвойныхъ казаковъ. Я нашелъ въ 12 верстахъ отъ Варенниковой пристани древнее четырехъ угольное укрѣпленіе и въ немъ много камня, которымъ мы воспользовались. Поиски эти внутрь непріятельской земли съ незначительнымъ конвоемъ были небезопасны.

Въ августѣ мѣсяцѣ братъ мой Николай пріѣхалъ изъ Симферополя къ намъ погостить. Я его возилъ изъ Темрюка на Варенникову пристань. Съ нами пріѣхала жена моя. При расположеніи войскъ на лѣвомъ берегу р. Кубани, проѣздъ отъ Андреевскаго поста до строющагося укрѣпленія былъ безопасенъ, но для бо́льшей предосторожности я выслалъ изъ Андреевскаго поста десять пластуновъ для осмотра мѣстности, не скрываются ли гдѣ-либо горцы.

Пластуны, какъ кошки, взлѣзли на деревья, и эта ловкость заняла жену и брата, видѣвшихъ пластуновъ въ первый разъ. Пластуны дали знать, что нигдѣ горцевъ нѣтъ, и жена съ братомъ поѣхали въ тарантасѣ въ строющееся укрѣпленіе; я ихъ конвоировалъ верхомъ съ нѣсколькими казаками. Они пили чай въ палаткѣ Серебрякова и въ тотъ же день ворстились тѣмъ же путемъ. Я въ это время, и нѣсколько лѣтъ прежде, не пилъ чаю, чувствуя отъ него тошноту. Когда вечеромъ у всѣхъ палатокъ лагеря ставили самовары, одна моя палатка была безъ самовара. На меня это наводило грусть, а все же чаю я пить не былъ въ состояніи.

Окончивъ работы по сообщенію Андреевскаго поста съ укрѣпленіемъ на лѣвомъ берегу р. Кубани у Варенниковой пристани, я ѣздилъ въ Керчь проститься съ Анрепомъ, Филипсономъ и Колебякинымъ.

Въ Керчи я купилъ цѣлый пудъ очень сладкаго винограда, который привезъ въ Темрюкъ, и мы его постоянно ѣли дорогой, возвращаясь въ Москву. При окончательномъ выѣздѣ моемъ съ женою изъ Темрюка въ Петербургъ, по распоряженію Завадовскаго явился для конвоированія насъ по плавнямъ цѣлый казачій полкъ, который ѣхалъ около нашего экипажа въ разсыпную. Картина была живописная при тогдашнихъ мундирахъ Черноморскаго казачьяго войска. На слѣдующей станціи означенный полкъ смѣнился другимъ, который конвоировалъ насъ до окончанія плавней.

Конвоировавшіе полки были тѣ самые, которые составляли рабочій отрядъ на правомъ берегу р. Кубани у Варенниковой пристани. Несмотря на малороссійскія лица, на которыхъ нелегко разгадать то, что они думаютъ, видно было, что казаки собрались съ удовольствіемъ, желая отблагодарить меня за мое съ ними хорошее обхожденіе и, какъ они выражались, за благодѣянія, которыя они долго помнили, такъ что и Завадовскій, когда случалось ему позже писать ко мнѣ, называлъ меня благодѣтелемъ Черноморскихъ казаковъ.

Въ Екатеринодарѣ намъ отвели домъ полковника Кухаренко, убитаго въ чинѣ генералъ-маіора горцами на почтовой дорогѣ не задолго до

покоренія Кавказа. По пріѣздѣ въ Екатеринодаръ я не медля пошелъ къ Завадовскому. Не заставъ его, я воротился домой и услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ мужской голосъ. Люди мои сказали, что у жены моей давно сидитъ казачій генералъ, фамиліи котораго они не знаютъ. Голосъ гостя походилъ на голосъ Завадовскаго, но разговоръ шелъ на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ, а Завадовскій говорилъ съ малороссійскимъ акцентомъ. Войдя въ комнату, я нашелъ въ ней Завадовскаго и тогда только узналъ, что онъ можетъ говорить также чисто, какъ говорятъ въ Москвѣ. При моемъ входѣ Завадовскій опять заговорилъ съ малороссійскимъ акцентомъ.

Командировка моя на Кавказъ записана въ моемъ послужномъ спискѣ слѣдующимъ образомъ:

«По Высочайшему повелѣнію командированъ былъ для устройства постоянной переправы черезъ р. Кубань у Варенниковой пристани. Занимаясь дѣломъ этимъ, часто подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ наказного атамана Черноморскаго казачьяго войска генералъ-лейтенанта Завадовскаго I, ежедневно лично находился на работахъ съ утра до вечера, раздѣляя всѣ труды и тягости наравнѣ съ нижними чинами.

«По проекту Высочайше утвержденному работы по устройству Варенниковой пристани раздѣлены были на два года, но баронъ Дельвигъ, несмотря на ограниченное число рабочаго отряда, неусыпною дѣятельностію своей и отличнымъ знаніемъ дѣла, успѣлъ распорядиться, что земляныя работы, начиная съ 7 числа мая, въ полтора мѣсяца были уже окончены, насыпи образованы, мосты сдѣланы и вся работа совершенно окончена, чѣмъ весьма сокращены расходы казны и удалено затрудненіе продолжать работы на другой годъ, собирая для того вновь рабочій отрядъ, а всего важнѣе, что согласно Высочайшей Государя Императора волѣ устроено окончательно сухопутное сообщеніе Черноморіи съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря чрезъ землю Натухайцевъ. Генералъ-лейтенантъ Завадовскій, будучи личнымъ свидѣтелемъ великихъ трудовъ барона Дельвига, свидѣтельствовалъ, что быстрое и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное и прочное построеніе дороги при Варенниковой пристани, при совершенно недостаточныхъ средствахъ, со всею справедливостію должно приписать отличному знанію дѣла и неусыпной дѣятельности сего офицера.

«Управляя работами по устройству дороги на лѣвомъ берегу Кубани, былъ въ экспедиціи противъ горцевъ, со времени перехода 25 іюля, дѣйствовавшаго подъ начальствомъ свиты Его Величества контръ-адмирала Серебрякова, отряда изъ Гостачаевскаго укрѣпленія, по вооруженіи его, къ Варенниковой пристани въ землѣ Натухайцевъ на р. Кубани, по 5 сентября и въ это время находился 30-го іюля при заложеніи укрѣпленія на Варенниковой пристани. Экспедицію эту г. военнымъ министромъ разрѣшено внесть въ послужной барона Дельвига списокъ».

Невольно бросается въ глаза разница въ описаніи моихъ занятій при работахъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ р. Кубани. Насколько въ первомъ

видно желаніе высоко оцѣнить мои труды, настолько видно во второмъ полное равнодушіе. Между тѣмъ первое описаніе сдѣлано было, какъ видно изъ самаго текста, Завадовскимъ, а второе должно было исходить отъ Анрепа, или отъ его штаба, т.-е. отъ Филипсона. Я трудился на лѣвомъ берегу не менѣе, чѣмъ на правомъ. Сверхъ того, дѣлалъ изъ лагеря на лѣвомъ берегу ползки по непріятельской землѣ и отыскалъ камень, необходимый для построекъ въ укрѣпленіи, о чемъ даже вовсе не упомянуто. Отношенія же мои къ Анрепу были болѣе близкія, чѣмъ къ Завадовскому, а къ Филипсону онѣ были даже дружескія. Чему же приписать разницу въ описаніяхъ моихъ занятій? Вѣроятно тому, что начальникъ отряда Серебряковъ не подумалъ о составленіи описанія моихъ занятій, полагая, что они вполнѣ извѣстны штабу Черноморской береговой линіи, на обязанности котораго и лежитъ его составленіе. Означенный же штабъ не принялъ на себя иниціативы по обычаю всѣхъ штабовъ и департаментовъ возбуждать дѣла только вслѣдствіе бумагъ, полученныхъ отъ высшихъ или низшихъ инстанцій. Съ другой стороны Завадовскій, какъ человѣкъ хитрый и ловкій, составленіемъ описанія моимъ занятіямъ хотѣлъ, можетъ быть, сдѣлать пріятное не только мнѣ, но и военному министру и его приближеннымъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ Анапѣ благоволеніе ко мнѣ Чернышова и хорошее расположнніе Вревскаго и Суковкина.

По дорогѣ, не доѣзжая до Москвы, я прсчиталъ въ приказѣ по вѣдомству путей сообщенія отъ 29 августа о себѣ слѣдующее:

«За отличное исполненіе порученія по устройству постоянной переправы черезъ р. Кубань у Варенниковой пристани Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 ст.»

Эта награда была дана по представленію военнаго министра, который уѣхалъ съ Кавказа до приступа къ работамъ на лѣвомъ берегу р. Кубани, а слѣдовательно и награда получена мною за труды по работамъ, произведеннымъ на правомъ берегу. При отъѣздѣ моемъ съ Кавказа въ Керчи не могли знать объ этой наградѣ и должны были бы представить къ чему-либо въ виду того, что многіе офицеры, ничего не дѣлавшіе во время этой экспедиціи и не подвергавшіеся бо̀льшей чѣмъ я опасности, получили награды и между прочимъ ордена съ бантами, которые тогда по статуту убавляли срокъ полученія ордена Св. Георгія 4 степ. за 25 лѣтъ, и именно орденъ Св. Владиміра съ бантомъ убавлялъ на 3, а Св. Анны 3 ст. на 2 года. Впрочемъ мнѣ говорили, что я будто бы былъ по окончаніи работъ на лѣвомъ берегу р. Кубани представленъ въ маіоры, но что Клейнмихель не согласился на ходатайство Чернышова въ виду недавно полученной мною награды, а на самомъ дѣлѣ потому, что въ то же время Чернышовъ отказалъ въ ходатайствѣ его о наградѣ посланнаго во время управленія Клейнмихеля военнымъ министерствомъ съ особымъ порученіемъ чиновника Вонлярлярскаго (Евгенія Петровича), впослѣдствіи тайнаго совѣтника и почетнаго опекуна.

Читателю можетъ показаться страннымъ, что я обращаю такое постоянное вниманіе на полученныя мною награды, но онѣ были ступенями, которыя необходимо было перейти для полученія такой должности, которая давала бы содержаніе достаточное для безбѣднаго существованія.

Надо вспомнить, что тогда не существовало никакихъ частныхъ предпріятій, занятіями при которыхъ можно было бы достигнуть безбѣднаго существоанія при старости. Единственнымъ честнымъ путемъ къ достиженію такого существованія была государственная служба и потому чѣмъ скорѣе переходились ступени, учрежденныя на этой службѣ, тѣмъ ближе была упомянутая цѣль. Не имѣя самъ никакого состоянія, не получая никакого дохода съ значительнаго имѣнія моей жены и видя, что и помѣщики, сами жившіе въ своихъ имѣніяхъ по сосѣдству съ имѣніемъ жены моей, такъ же какъ и я не получаютъ доходовъ, я надѣялся хотя бы и съ временными денежными пожертвованіями службою достигнуть безбѣднаго существованія и, понятно, что досадовалъ каждый разъ, когда, сдѣлавъ довольно значительные расходы для исполненія порученій по службѣ, вовсе не подвигался или мало подвигался къ предположенной мною цѣли.

Въ Москвѣ я нашелъ мать мою и сестру. Обѣ очень были рады полученной мною наградѣ, но мать моя очень опасалась за меня въ виду того, что моимъ высшимъ начальникомъ назначенъ Клейнмихель, котораго называли не иначе какъ звѣремъ. Нанявъ въ Москвѣ квартиру близъ Армянскаго переулка въ домѣ Лаврентьева, я оставилъ въ ней жену и въ началѣ октября одинъ отправился въ Петербургъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената Орловской палатѣ гражданскаго суда. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ общемъ Московскихъ департаментовъ собраніи слушали: Записку изъ дѣла, перенесеннаго въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената изъ 8-го департамента, за происшедшими въ оном у г.г. Сенаторовъ разными мнѣніями, а въ 8-ой департаментъ поступившаго 25 февраля 1845 г. изъ оной палаты по апелляціи коллежской ассесорши Александры Александровой о духовномъ завѣщаніи отца ея дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Викулина, учиненномъ имъ на движимое и недвижимое имѣніе. Приказали: При разсмотрѣніи по апелляціи коллежской ассесорши Александровой дѣла о духовномъ завѣщаніи умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Викулина встрѣчаются два основныхъ вопроса: 1-ый о подлинности завѣщанія и 2-ой о существѣ и дѣйствительности предъ закономъ распоряженій завѣщателя.

1-е о подлинности завѣщанія. Для разрѣшенія вопроса, есть ли законное основаніе сомнѣваться въ подлинности завѣщанія Викулина, Правии-

тельствующій Сенатъ принимаетъ въ соображеніе: А, что завѣщаніе во всемъ его пространствѣ на четырехъ листахъ писано и въ окончаніи подписано рукою самого завѣщателя и противъ этой самоважнѣйшей стороны Акта нѣтъ прямого извѣта въ фальшивости; Б, что завѣщатель сохранилъ до самой смерти все здравомысліе, о томъ утверждаютъ сами оспаривающіе завѣщаніе дѣти Викулина отъ перваго брака; В, что возраженіе ихъ противъ завѣщанія, будто бы оно собрано изъ разновременнаго состава духовныхъ завѣщаній умершаго отца ихъ, не только ничѣмъ рѣшительно не доказано, но и совершенно опровергается сдѣланными рукою самого завѣщателя оговорками всѣмъ исправленнымъ въ завѣщаніи погрѣшностямъ. Остается обозрѣть возраженія противъ формы завѣщанія и сличить ихъ съ открывающимися по дѣлу обстоятельствами. Первое возраженіе, что годъ, мѣсяцъ и число написаны не въ началѣ, а въ концѣ и не складомъ съ цыфрами, самого же числа завѣщанія совсѣмъ не выставлено. 647 ст. X т. Св. Зак. гражд. (изд. 1842 г.), на которой постановлено то возраженіе, относится къ написанію крѣпостного акта, на кои существуютъ установленныя или общепринятыя формы, а не къ домашнимъ духовнымъ завѣщаніямъ, для которыхъ однообразной формы нѣтъ. Вторсе возраженіе, о нескрѣпѣ завѣщанія по листамъ, неумѣстно за силою 856 ст. т. X, которою скрѣпа по листамъ требуется въ сложныхъ завѣщаніяхъ, писанныхъ не рукою завѣщателя; разумѣется, съ тою цѣлію, чтсбы предупредить подшивку не скрѣпленныхъ листовъ, но завѣщаніе Викулина все писано собственною его рукою. Третье: непоименованіе въ завѣщаніи переводимыхъ съ однихъ селеній въ другія людей безъ земли, о которыхъ списокъ долженъ бы находиться при завѣщаніи. Сіе упущеніе ссбственно къ исполненію завѣщанія нисколько не ослабляетъ достовѣрности его и необходимой по законамъ формальнссти. Четвертое: неозначеніе въ свидѣтельскихъ подписяхъ Лосевымъ времени, а Кустаревскимъ рода Акта и званія завѣщателя. Никогда не было, ни теперь нѣтъ прямого правила, чтобы свидѣтели подписывающіеся на Актахъ непремѣнно означали время; по сбщему правилу свидѣтели требуются для того, чтсбы въ совершеніи актовъ не происходило подлога (т. X, ст. 684); по сему существо свидѣтельства на завѣщаніи состоитъ въ удостовѣреніи токмо подлинности завѣщанія, самоличности завѣщателя и личномъ убѣжденіи свидѣтелей въ здравомъ его умѣ и твердой памяти, при предъявленіи имъ завѣщанія (ст. 871.). За означеніемъ же всѣхъ сихъ подробностей, а также рода акта и званія завѣщателя, въ подписи перваго свидѣтеля, удостовѣрительная подпись въ томъ же другого лица и въ сокращенномъ ея видѣ совершенно достаточна и соотвѣтственна съ общепринятой формой. Завѣщаніе не теряетъ достовѣрности и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно подписано свидѣтелями не въ одно время и не въ одномъ мѣстѣ. Пятое: отреченіе священника Лосева отъ свидѣтельской подписи. Разнорѣчивыя показанія Лосева не могутъ поколебать подлинности завѣщанія, потсму что при первоначальномъ допросѣ, произведенномъ Лосеву въ присутствіи Елецкаго уѣзднаго

суда, при начальникѣ губерніи, жандармскомъ штабъ-офицерѣ, членѣ гражданской палаты и духовномъ депутатѣ, онъ, Лосевъ, добровольно и не принужденно утвердилъ на письмѣ, что предъявленное ему въ томъ присутствіи составленное въ январѣ мѣсяцѣ 1841 г. отъ имени покойнаго Викулина духовное завѣщаніе подписано его, Викулина, рукою и ему было предъявлено имъ лично, причемъ онъ видѣлъ и нашелъ его, Викулина, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, почему и свидѣтельская на оном завѣщаніи подпись сдѣлана его рукою по личной просьбѣ завѣщателя Викулина. Показаніе это, подписанное самимъ Лосевымъ и удостовѣренное подписями всѣхъ вышеозначенныхъ чиновниковъ, заслуживающихъ полное довѣріе, отстраняетъ дальнѣйшее отреченіе того Лосева. Впрочемъ и въ самыхъ уже отрицательныхъ показаніяхъ его, при внимательномъ соображеніи ихъ, обнаружизается только сомнительная двусмысленность, свидѣтельствующая въ пользу завѣщанія; ни въ одной бумагѣ онъ не назвалъ свидѣтельской на завѣщаніи подписи ложною и подписи не его руки, но не признаетъ ее своею потому единственно, что завѣщанія, писаннаго въ январѣ мѣсяцѣ 1841 г. онъ въ то время не свидѣтельствовалъ, а подписывалъ въ маѣ мѣсяцѣ 1841 г. завѣщаніе, будто-бы составленное въ томъ же мѣсяцѣ. Подобное завѣщаніе, составленное Викулинымъ въ маѣ мѣсяцѣ не въ 1841 г., а въ 1840 г., засвидѣтельствованное тѣмъ же Лосевымъ и прапорщикомъ Салтановымъ, хотя и оставленное безъ дѣйствія, но сходное въ содержаніи съ завѣщаніемъ 1841 г., представлено къ дѣлу для доказательства, и по сличеніи обоихъ завѣщаній, подписи подъ нимъ Викулина и Лосева признаны во всемъ сходными и не имѣющими никакой разницы. Сличеніе подписи несовмѣстно только съ явочнымъ порядкомъ, но при судебномъ разсмотрѣніи всякаго акта, оспариваемаго въ подлинности не исключая и завѣщанія, составляетъ по 2355 ст. доказательство несомнительности акта, а при отсутствіи извѣта на подлинность завѣщанія, законъ дозволяетъ иногда свидѣтельствовать актъ даже и безъ спроса свидѣтелей (ст. 873); допустить же наилучшаго свидѣтеля въ неопредѣлительныя объясненія, противныя сдѣланному имъ письменному удостовѣренію, не только опасно, но и противно всегдашнему правилу законодательства охранять неприкосновенность послѣдней воли завѣщателей, принимая споръ не иначе, какъ съ ясными и положительными доказательствами. Шестое: отводъ свидѣтеля Кустаревскаго. Противная сторона отводитъ свидѣтельство его тѣмъ, что онъ былъ прежде подъ судомъ за злоупотребленіе по службѣ, и впослѣдствіи занимался дѣлами Викулина, но какъ въ первомъ случаѣ Кустаревскій освобожденъ отъ отвѣтственности по Всемилостивѣйшему манифесту, и не осужденъ, а второй случай не подходитъ къ разряду препятствій, исчисленныхъ въ 875 ст. X т., то отводъ Кустаревскаго не заслуживаетъ никакого уваженія; а если принять въ соображеніе совершенное довѣріе къ нему завѣщателя, доказанное по дѣлу письмомъ, которымъ онъ, Викулинъ, проситъ у Кустаревскаго совѣта къ огражденію второй жены завѣщателя отъ враждеб-

ныхъ намѣреній дѣтей перваго брака, то показанію Кустаревскаго слѣдуетъ дать полную и несомнительную вѣру. Седьмое: замѣчаніе, что 24 мая, когда Кустаревскій свидѣтельствовалъ завѣщаніе, Викулинъ не могъ быть въ Москвѣ, опровергается представленнымъ однимъ изъ спорящихъ, именно Алексѣемъ Викулинымъ, письмомъ мачихи его отъ 10 іюня, которымъ она увѣдомляла, что уже три недѣли, какъ она съ отцомъ его въ Москвѣ. Восьмое: ошибки въ завѣщаніи. Ошибки сіи заключаются въ томъ,, что завѣщатель поручилъ женѣ своей отпустить на волю дочь дворовaго человѣка Музалькова, Татьяну, которая въ 1831 г. умерла, а семейство Мироновыхъ, состоящее изъ 3-хъ душъ, показалъ въ числѣ пяти душъ, но какъ подобныя ошибки не представляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія ни въ точности лицъ, коимъ завѣщано имѣніе, ни въ самомъ имѣніи, завѣщаемомъ каждому лицу, то 847 ст. X т. объ очевидныхъ ошибкахъ, препятствующихъ утвержденію завѣщанія, не можетъ быть примѣняема къ завѣщанію Викулина. Девятое: возраженіе, что завѣщатель поручилъ внуку свою Марью попеченію жены и совѣтовалъ безъ ея согласія не выходить замужъ, тогда какъ она, Марья, была помолвлена уже за Муравьевымъ самимъ завѣщателемъ. Это возраженіе не имѣетъ никакого основанія, потому что свидѣтельствомъ Елецкаго земскаго суда удостовѣряется, что помолвка Марьи Викулиной за Муравьева была 4 мая 1841 г.,слѣдовательно послѣ составленія завѣщанія, да если бы даже прежде того онъ далъ слово выдать ее за Муравьева, то какъ намѣренія его могли измѣниться, а притомъ и послѣ помолвки часто открываются препятствующія обстоятельства, въ такомъ случаѣ осторожность завѣщателя и совѣтъ его, какъ главнаго въ семействѣ лица, не были лишніе. Десятое: о существѣ и дѣйствительности предъ закономъ распоряженій. Въ отношеніи къ сему предмету Правительствующій Сенатъ обращается прежде всего къ общему вопросу. Помѣщеніе въ духовномъ завѣщаніи нѣкоторыхъ распоряженій противозаконныхъ, хотя бы относились къ главнымъ и общимъ его предметамъ, влечетъ-ли за собою уничтоженіе всего завѣщанія или сихъ именно распоряженій съ оставленіемъ прочихъ въ своей силѣ? Вопросъ сей прямо разрѣшается положительнымъ закономъ: въ 850 ст. зак. гражд. сказано: Если въ завѣщаніи допущены распоряженія законамъ противныя, то сіи распоряженія суть недѣйствительны, но при семъ всѣ другія распоряженія остаются въ своей силѣ; сообразно сему всегда дѣйствовала и нынѣ дѣйствуетъ судебная практика; что въ завѣщаніи незаконно, то уничтожается, а что законно, то исполняется и приводится въ дѣйствіе. Послѣ сего и въ настоящемъ дѣлѣ остается только примѣнить силу закона къ подробностямъ завѣщанія и опредѣлить, которыя въ завѣщаніи должно признать не законными и потому недѣйствительными, которыя не нарушающими законъ, а потому подлежащими исполненію. Къ числу первыхъ распоряженій, но обязательныхъ для наслѣдниковъ принадлежатъ: 1-е ограниченіе наслѣдниковъ, чтобы не переводили завѣщаннаго имѣнія въ постороннее владѣніе и не закладывали, кромѣ какъ въ опекунскомъ

совѣтѣ, исключая деревни Колодезной. По подобному дѣлу о завѣщаніи бригадирши Лопухиной въ Высочайшемъ указѣ, состоявшемся 18 ноября 1839 г. и вошедшемъ въ 6-е продолженіе Св. зак. гражд. въ примѣч. на 833 ст. между прочимъ объяснено, что владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ свободно и неограниченно, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу, имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, на время жизни его, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы напримѣръ денежныя выдачи (ст. 905) и тому подобное, но по смерти сего лица, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода, произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ; на семъ основаніи повелѣно признавать недѣйствительнымъ распоряженіе Лопухиной о порядкѣ наслѣдованія послѣ дочерей ея имѣніемъ, которое она имъ завѣщала и которое, поступивъ въ ихъ владѣніе и обратясь уже въ имѣніе родовое, не подлежало болѣе дѣйствію завѣщателя. Подобно сему слѣдуетъ признать недѣйствительнымъ распоряженіе Викулина, ограничивающее наслѣдниковъ въ правахъ свободнаго распоряженія имѣніемъ и въ порядкѣ перехода имѣнія сего послѣ ихъ смерти. 2-е Предоставленіе завѣщателемъ родовой его земли въ пользу одной только дочери Татьяны Норовой не дѣйствительно, за силою 889 ст. X т., по словамъ которой родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію; остальные предметы завѣщанія не исключая устраненія Викулинымъ сыновей Алексѣя и Петра отъ участія въ наслѣдствѣ благопріобрѣтеннымъ недвижимымъ имѣніемъ съ назначеніемъ только имъ пожизненнаго денежнаго содержанія изъ доходовъ съ деревень, отданныхъ сыну Семену, должны быть приведены въ дѣйствіе на точномъ основаніи вышеизъясненнаго примѣчанія на 833 и 888 ст., предоставляющихъ владѣльцамъ благопріобрѣтеннаго имѣнія право располагать имъ свободно и завѣщать неограниченно и противъ тѣхъ законныхъ распоряженій завѣщателя никакой споръ наслѣдниковъ не можетъ быть допущенъ. Въ заключеніе всего слѣдуетъ замѣтить, что на рѣшеніе Орловской гражданской палаты, утвердившей духовное завѣщаніе Викулина, есть апелляція отъ одной только дочери завѣшателя Александровой, а прочіе наслѣдники, оставя означенное рѣшеніе палаты безъ апелляціи, тѣмъ самымъ добровольно подчинились послѣдствіямъ онаго. Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, Правительствующій Сенатъ полагаетъ: 1-е. Духовное завѣщаніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Викулина, какъ въ подлинности не подлежащее никакому сомнѣнію и въ законную форму облеченное, признать дѣйствительнымъ и утвердить во всей силѣ въ отношеніи распредѣленія по оному благопріобрѣтеннаго имѣнія, движимости и денежнаго капитала. 2-е. Распоряженіе Викулина о порядкѣ наслѣдованія послѣ жены и дѣтей завѣщаннымъ имѣніемъ, которое по смерти ихъ должно обратиться въ разрядъ имѣній наслѣдственныхъ, равно ограниченіе ихъ въ правѣ свсбоднаго

управленія и распоряженія тѣмъ имѣніемъ, признать недѣйствительными. 3-е. Равно уничтожить въ отношеніи апелляторши Александровой сдѣланное Викулинымъ предназначеніе родовой земли въ пользу одной дочери Татьяны Норовой и предоставить ей, Александровой, право на полученіе указной части изъ сей родовой земли. 4-е. Жалобу коллежской ассессорши Александровой на рѣшеніе Орловской гражданской палаты по всѣмъ прочимъ частямъ онаго оставить безъ уваженія и наконецъ 5-е. Поступокъ священника Лосева, который при отобраніи отъ него въ Елецкомъ уѣздномъ судѣ узаконеннаго допроса въ присутствіи начальника губерніи, жандармскаго штабъ-офицера, члена гражданской палаты и духовнаго депутата, утвердя по опредѣленной закономъ формѣ подлинность предъявленнаго ему завѣщанія Викулина и своей подписи на ономъ, сдѣлалъ впослѣдствіи противорѣчащее показаніе о подписаніи имъ будто бы не того, а другого завѣщанія, составленнаго Викулинымъ позже, и вмѣсто всякихъ о томъ доказательствъ, выдалъ въ подобномъ смыслѣ письмо сыну завѣщателя Семену Викулину, какъ напротивъ того подлинность завѣщанія отца Викулина, первоначально Лосевымъ утвержденнаго, независимо отъ сего подтверждается всѣми прочими обстоятельствами дѣла, представить разсмотрѣнію духовнаго начальства, объ исполненіи чего съ обращеніемъ подлиннаго дѣла и о взысканіи съ коллежской ассесорши Александровой гербовыхъ пошлинъ за употребленную въ сенатѣ бумагу 56 лис. въ Орловскую гражданскую палату и послать указъ. Означенное дѣло при семъ препровождается. Іюня 19 дня 1847 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. 1813—1826 г. Родъ бароновъ Дельвиговъ. Родъ князей Волконскихъ. Смерть отца моего. Мать моя въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Поѣздки въ деревню. Семейство Викулиныхъ. Задонскій монастырь. Мой старшій братъ Александръ. Первоначальное образованіе. Дядя мой баронъ А. А. Дельвигъ и его семейство въ Тулѣ. Поступленіе моего старшаго брата въ Костромской Кадетскій Корпусъ и сестры къ княгинѣ А. И. Урусовой въ Ярославлѣ, а потомъ къ С. П. Боборыкиной въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сосѣдъ нашъ и родственникъ Ѳ. А. Лопухинъ. Д. Н. Лопухина и ея учебныя заведенія. Поступленіе мое въ учебное заведеніе Д. Н. Лопухиной. Отъѣздъ Д. Н. Лопухиной съ семействомъ въ ея Кіевское имѣніе. Пребываніе мое въ заведеніи Д. Н. Лопухиной. Переводъ кадетскаго корпуса изъ Костромы въ Москву. Переѣздъ дяди моего князя Дмитрія Волконскаго въ Москву. Жизнь матери моей и ея братьевъ въ Москвѣ. Семейство Зуевыхъ. Подача просьбы объ опредѣленіи меня въ Институтъ путей сообщенія. Кончина Императора Александра I. Выходъ мой изъ заведенія Д. Н. Лопухиной. Жизнь въ подмосковной деревнѣ. Коронація Императора Николая I. Дядя мой князь Дмитрій, флигель-адъютантъ Микулинъ и Московская полиція. Мнѣніе дяди моего князя Дмитрія объ А. А. Дельвигѣ. Отъѣздъ въ С.-Петербургъ 3

ГЛАВА II. 1826—1832 г. Пріѣздъ въ Петербургъ. Ф. А. Викторовъ и его семейство. Баронъ А. А. Дельвигъ. Баронесса С. М. Дельвигъ. Литературные вечера у А. А. Дельвига. Отношенія К. Ѳ. Рылѣева къ Дельвигу въ 1824 и 1825 гг. 14-е декабря 1825 г. Альманахъ «Сѣверные Цвѣты». Учрежденіе Главнаго управленія путей сообщенія. Учрежденіе Института инженеровъ путей сообщенія. Учрежденіе Военно-Строительнаго училища путей сообщенія. Учрежденіе кондукторской школы путей сообщенія. Поступленіе въ Военно-Строительное училище въ 1827 г. Баронъ Александръ Дельвигъ въ Дворянскомъ полку. Е. М. Гурбандтъ и его семейство. Трехмѣсячное пребываніе у А. А. Дельвига по болѣзни въ 1827 г. Мѣсячное пребываніе у А. А. Дельвига по болѣзни въ 1828 г. Пребываніе въ Военно-Строительномъ училищѣ 1828—1829 гг. Поступленіе въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія. Присоединеніе Военно-Строительнаго училища къ Институту инженеровъ путей сообщенія. Общество, посѣщавшее А. А. Дельвига въ 1829—1830 гг. Публичный экзаменъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ 1830 г. и производство въ прапорщики. «Литературная Газета», издаваемая А. А. Дельвигомъ. Сцена графа Бенкендорфа съ А. А. Дельвигомъ и запрещеніе «Литературной Газеты». Выходъ А. И. Дельвига въ Польшу. Болѣзнь и смерть А. А. Дельвига. Впечатлѣнія, произведенныя смертію Дельвига. Пропажа значительной суммы денегъ послѣ смерти Дельвига. Сожженіе переписки А. А. Дельвига. Мои посѣщенія вдовы

Стр.

Дельвига. Жизнь моя въ 1830 г. по выпускѣ изъ Института инженеровъ путей сообщенія. Жизнь съ братомъ Александромъ въ 1830 г. въ Павловскихъ казармахъ. Обученіе въ прапорщичьемъ классѣ Института инженеровъ путей сообщенія. Пріѣздъ въ Москву въ 1831 г. Практическія служебныя занятія. П. Ф. Четвериковъ. Вырѣзка носовыхъ полиповъ. Пріѣздъ С. М. Дельвигъ въ Москву. Свадьба С. М. Дельвигъ и С. А. Баратынскаго. Смерть Александра Дельвига. Жизнь въ Петербургѣ въ 1831—1832 гг. Обученіе въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ 1831—1832 гг. Назначеніе на дѣйствительную службу. 39

Приложеніе къ гл. II. 158

ГЛАВА III. 1832—1838 г. Пріѣздъ въ Москву. Производство въ поручики и назначеніе производителемъ работъ Московскаго водопровода. Служебныя занятія въ 1832 г. и отчетность по работамъ вѣдомства путей сообщенія. П. В. Максимовъ. А. В. Васильчиковъ. Тейлсъ. Левашевы. Общество Левашевыхъ. Н. Н. Дмитріевъ. М. А. Салтыковъ. М. Ѳ. Орловъ. Н. Х. Кечеръ. Г. А. Замятинъ. П. Я. Чаадаевъ. М. Н. Муравьевъ и другіе. Сватовство С. А. Викулина. Письма матери моей къ великому князю Михаилу Павловичу о производствѣ брата Николая въ Павловскій полкъ. Кончина В. А. Тейлсъ. Служебныя занятія въ 1833 г. Сестра моя невѣста С. А. Викулина. Поѣздка моя, матери и сестры въ Задонскъ. Препятствія въ совершенію брака сестры. Ея свадьба. Поѣздка С. А. Викулина и моя въ Орелъ по случаю производившагося слѣдствія объ его свадьбѣ. Поѣздка къ Баратынскимъ въ Тамбовскую губернію. Поѣздка съ матерью въ Чернскій уѣздъ и въ Калугу. Жизнь въ зиму 1833—1834 г. въ Москвѣ. Поѣздка С. А. Викулина въ Петербургъ. Служебныя занятія въ 1834 г. и изобрѣтенный мною способъ устройства ключевыхъ бассейновъ. Назначеніе графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Осмотръ графомъ Толемъ работъ вѣдомства путей сообщенія. Полученіе мною первой награды. Служебныя занятія въ зиму 1834—1835 г. Поѣздка въ Троицко-Сергіевскую Лавру. Знакомство съ А. С. Цуриковымъ. Свадьба Е. И. Нарышкиной и графа М. Д. Бутурлина. А. И. Нарышкинъ. Фиркъ. И. Н. Колесовъ. Служебныя занятія въ 1835 г. Учрежденіе комиссіи по перестройкѣ Тульскаго оружейнаго завода. Несостоявшаяся дуэль Цурикова съ Нарышкинымъ. Нарышкинъ женихъ сестры Цурикова. Поѣздка моя въ Орелъ по дѣлу о бракѣ сестры, а оттуда въ Задонскъ. Братъ мой Николай конно-артиллерійскій прапорщикъ въ Задонскѣ. Поѣздка въ имѣніе С. В. Цурикова на свадьбу Нарышкина. С. В. Цуриковъ. Жизнь въ Москвѣ въ 1836 г. Назначеніе меня къ работамъ Тульскаго оружейнаго завода въ распоряженіе Шуберскаго. Жизнь въ Тулѣ. Э. И. Шуберскій. Поѣздка въ Москву и жизнь въ ней въ зиму 1836—1837 гг. Левъ Роппъ. Пріѣздъ С. М. Баратынской въ Москву. Князь Петръ Максутовъ. Пребываніе мое въ Петербургѣ въ 1837 г. Графъ Толь и генералы: Девятнинъ и Мясоѣдовъ. Пріѣздъ мой въ Тулу для объясненія съ Шуберскимъ. Освобожденіе меня отъ занятій по работамъ Тульскаго оружейнаго завода и новыя занятія по службѣ. Жизнь въ Тулѣ въ 1837 г. Поѣздка къ Викулинымъ на освященіе церкви. Поѣздка по рѣкѣ Упѣ въ Калугу. Чернскій и Крапивенскій уѣзды. Н. Д. Тейлсъ. Неправильныя служебныя дѣйствія моего помощника Глазера и его сплетни. Производство въ капитаны и поясненія Левашевымъ сплетенъ Глазера. Ханжество А. С. Цурикова. Мысль А. В. Абазы о построеніи желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ. 159

ГЛАВА IV. 1838—1842 г. Мое сватовство. Моя помолвка. Неудовольствіе моей матери. Приданое моей невѣсты. С. В. Цуриковъ съ сыномъ. Избраніе въ члены Московскаго англійскаго клуба. Полученіе перваго ордена. Пріѣ-

Стр.

ѣздъ матери и сестры на мою свадьбу. Свадьба. Родные и друзья послѣ моей свадьбы. Начало нездоровья моей жены. Назначеніе меня къ работамъ по соединенію рѣкъ Москвы и Волги. Братья моей жены. П. Я. Чаадаевъ и пѣсня партизана Давыдова. Отъѣздъ тестя въ Нижегородское имѣніе. Кончина тещи. Избавленіе А. М. Золотницкаго отъ разжалованія въ солдаты. Заботы о П. М. Золотницкомъ и его поведеніе. Предположеніе Н. Х. Кечера жениться на моей свояченицѣ. Разборъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» моего перваго сочиненія. Пріѣздъ моего тестя въ Москву. Поѣздка моя съ семействомъ Левашевыхъ въ Нижегородское имѣніе. Бѣшеныя собаки. Объявленіе указа о принятіи серебрянаго рубля монетною единицею. Нижній-Новгородъ и ярмарка. Посѣщеніе Императоромъ Николаемъ Нижняго-Новгорода. Нижегородскій губернаторъ Бутурлинъ. Стеариновыя свѣчи завода моего тестя. Макарьевское имѣніе моего тестя. Собакинъ прежній владѣлецъ этого имѣнія. Доходъ съ имѣнія. Осмотръ мною имѣнія. Богатый крестьянинъ Лещевъ. Сборъ оброка. Черноборъ. Графиня А. С. Толстая и графъ Н. С. Толстой. Перемѣна тестемъ части имѣнія, отдѣляемой женѣ моей. Совершеніе отдѣльной записи на эту часть. Выдѣлъ долга, лежащаго на этой части по сохранной казнѣ. Дорога изъ Нижегородскаго имѣнія въ Москву. Назначеніе меня помощникомъ директора работъ въ Москвѣ. Мать моя и братъ у меня въ гостяхъ. Д. В. Пассекъ. Свояченица моя въ Москвѣ. Свояченица моя невѣста графа Н. С. Толстого. Его образъ жизни въ Москвѣ. Свадьба свояченицы, назначенная ей часть имѣнія и ея изъ него выѣздъ. Устройство водоснабженія въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ. Увольненіе Максимова изъ комиссіи для строеній въ Москвѣ. Смѣтливость русскаго рабочаго. Служебныя мои занятія въ 1840 г. Жизнь въ Москвѣ въ 1840 г. Моя командировка для осмотра мѣстности около Варениковой пристани на р. Кубани съ цѣлію устройства на ней переправы. Поѣздка моя съ женою на Кавказъ. Пріѣздъ въ Ставрополь. П. Х. Граббе. Способъ управленія въ 1841 г. Кавказомъ и Закавказьемъ. Жена П. Х. Граббе, поэтъ Лермонтовъ. Л. С. Пушкинъ и князь В. С. Голицынъ. Отъѣздъ въ Керчь. Осмотръ моста на р. Кубани въ Прочномъ Окопѣ. Кубанскіе и Черноморскіе казаки. Н. С. Завадовскій. Дорога отъ Екатеринодара до Керчи. Н. Н. Раевскій. Его жена. Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, князь Херхеуладзевъ, декабристъ Лореръ, докторъ Мейеръ и Г. И. Филиппсонъ. Полковникъ Шульцъ. Поѣздка моя въ Ставрополь и обратно въ Керчь. Переправа съ Тузлы въ Керчь. Осмотръ мѣстности у Варениковой пристани. Пластуны. Поѣздка въ Ставрополь и обратно съ женою въ Керчь. Жизнь въ Керчи. Увольненіе Н. Н. Раевскаго отъ должности начальника Черноморской береговой линіи и назначеніе І. Р. Анрепа. Порученія, данныя мнѣ въ Анапѣ и Сухумѣ. Укрѣпленіе на восточномъ берегу Чернаго моря. Контръ-адмиралъ Серебряковъ и генералъ-маіоръ графъ Сеперманъ. Князь Михаилъ Шеремшидзе и генералъ-маіоръ Каци-Маргани. Поѣздка въ долину Далъ. Взятіе въ плѣнъ турецкой шкуны съ 150 черкешенками. Укрѣпленіе Гагры и секундантъ Пушкина Данзасъ. Неприступная башня. Покореніе Джигетскаго племени. Н. П. Колебякинъ. І. Р. Анрепъ. Впечатлѣнія морского плаванія. Плавніе съ женою на пароходѣ отъ Керчи до Севастополя. Поѣздка изъ Севастополя въ Петербургъ. А. И. Баландинъ на гауптвахтѣ. Представленіе мое военному министру. Награда за исполненіе порученія на Кавказѣ. Смерть С. А. Викулина. Непріятности, дѣлаемыя сестрѣ дѣтьми ея мужа отъ перваго брака. Ихъ характеристика. Духовное завѣщаніе С. А. Викулина. Клевета дѣтей его отъ перваго брака. Поѣздка моя въ Елецъ и Задонскъ и производимыя сыновьями С. А. Викулина неистовства. По-

Стр.

ѣздка моя въ Орелъ и назначеніе слѣдствія объ этихъ неистовствахъ. Пріѣздъ мой и А. И. Нарышкина въ с. Колодезское. Производство слѣдствія и его результаты. Дерзкое поведеніе сыновей С. А. Викулина отъ перваго брака. Производство слѣдствія, назначеннаго по Высочайшему повелѣнію, надъ моею сестрою въ Москвѣ. Производство такового же слѣдствія въ Елецкомъ уѣздѣ. Пріѣздъ въ с. Колодезское мнимаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ П. Д. Норова и мнимаго оберъ-прокурора св. Синода В. Е. Вердеревскаго. Допросы слѣдственной комиссіей дяди моего князя Дмитрія Волконскаго и его очныя ставки съ лжесвидѣтелями. Назначеніе по Высочайшему повелѣнію переслѣдованія дѣйствій орловской слѣдственной комиссіи. Общество въ гор. Орлѣ. Письмо М. Ѳ. Орлова къ А. В. Дубельту. Обыскъ въ домѣ моей сестры. Обыски въ московскомъ домѣ и въ имѣніи князя Дмитрія Волконскаго. Пріѣздъ генерала Перфильева съ письмомъ шефа жандармовъ къ сестрѣ моей. Поѣздка моя съ сестрою въ Петербургъ. Мой разговоръ съ А. В. Дубельтомъ. Докладъ Государю по дѣлу сестры моей и Высочайшее по оному повелѣніе. Графъ В. Н. Панинъ. Жизнь моя въ Петербургѣ. Новое Высочайшее повелѣніе по дѣлу моей сестры. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Д. Н. Бегичевъ. Князь П. П. Гагаринъ. Рѣшеніе общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената по дѣлу моей сестры. Указъ общаго Собранія въ 1847 г. по этому дѣлу. Потери моей сестры во время производства дѣла. Служебныя занятія во второй половинѣ 1841 г. Поѣздка жены моей къ ея сестрѣ и отцу въ Нижегородскую губернію. А. Н. Тютчева за границей. Сборъ оброка въ имѣніи жены моей. Отдача земель жены моей и тестя С. В. Абазѣ для представленія залогомъ по виннымъ откупамъ. Несостоятельность С. В. Абазы по виннымъ откупамъ. Вторая командировка моя на Кавказъ. Генералъ-лейтенантъ Девятнинъ въ 1841 и 1842 гг. Поѣздка въ Анапу. Графъ Э. Т. Барановъ. Военный министръ князь Чернышевъ въ Анапѣ. Поѣздка въ Симферополь и обратно. Перестрѣлка съ горцами у Андреевскаго поста. Работы по устройству сообщенія отъ этого поста до Варениковой пристани. Н. С. Завадовскій и А. Л. Посполитаки. Поиски пластуновъ за р. Кубань. Жизнь моя и жены въ Темрюкѣ. Злоупотребленія въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. Нападеніе заурядъ-есаула на меня. Переходъ мой за р. Кубань и обратно. Поѣздка съ женою въ Тамань и обратно. Возвращеніе князя Чернышева въ Петербургъ и назначеніе графа Клейнмихеля главноуправляющимъ путями сообщенія. Предложенный мнѣ казаками подарокъ. Приходъ отряда на лѣвый берегъ р. Кубани у Варениковой пристани и мое пребываніе въ этомъ отрядѣ. Предложеніе окончить работы при Варениковой пристани въ одинъ годъ. І. Р. Анрепъ въ отрядѣ. Контръ-адмиралъ Серебряковъ и полковникъ Ротъ. Молодечество горцевъ. Мои поѣздки внутрь непріятельской земли. Пріѣздъ брата Николая въ Темрюкъ и посѣщеніе имъ и моею женою лагеря у Варениковой пристани. Выѣздъ мой изъ Андреевскаго поста. Н. С. Завадовскій въ Екатеринодарѣ. Внесеніе въ послужной списокъ второй моей командировки на Кавказъ. Награда за эту командировку. Проѣздъ черезъ Москву. 242

Приложеніе къ гл. IV. 369

35793

Детская библиотека

Case 46

ЛК 45455/60 - 532

7р 50 + 3р 50к

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10000824146